Н. М. Карамзинъ.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

Томъ VII.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ
„СѢВЕРЪ".
ЗА
ІЮЛЬ.

Печатано подъ наблюденіемъ проф. П. Н. Полевого

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Евг. Евдокимова.
1892.

Wyższa Szkoła Pedagogiczna
BIBLIOTEKA GŁÓWNA
w Kielcach
098290

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 іюня 1892 года

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.
Томъ VII.

ГЛАВА I.

Государь Великій Князь Василій Іоанновичъ.

Г. 1505—1509.

Тѣсное заключеніе и смерть Іоаннова внука, Димитрія. Общій характеръ Василіева правленія. Посольство въ Тавриду. Царевичь Казанскій принимаетъ Вѣру нашу и женится на сестрѣ Великаго Князя. Походъ на Казань. Дѣла Литовскія. Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наслѣдникомъ. Миръ. Союзъ съ Менгли-Гиреемъ. Освобожденіе Летифа. Неудовольствія нашего Посла въ Тавридѣ. Мирный договоръ съ Ливоніею. Дѣла Пскова: конецъ его гражданской вольности.

г. 1505—1509.

Василій пріялъ державу отца, но безъ всякихъ священныхъ обрядовъ, которые напомнили бы Россіянамъ о злополучномъ Димитріи, пышно вѣнчанномъ и сверженномъ съ престола въ темницу (1). Василій не хотѣлъ быть великодушнымъ: ненавидя племянника, помня дни его счастія и своего уничиженія, онъ безжалостно осудилъ сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрылъ отъ людей, отъ свѣта солнечнаго въ тѣсной, мрачной палатѣ (2). Изнуряемый горестью, скукою празднаго уединенія, лишенный всѣхъ пріятностей жизни, безъ отрады, безъ надежды въ лѣтахъ цвѣтущихъ, Димитрій преставился въ 1509 году, бывъ одною изъ умилительныхъ жертвъ лютой Политики, оплакиваемыхъ добрыми

Смерть Димитрія.

сердцами и находящихъ мстителя развѣ въ другомъ мірѣ (3). Смерть возвратила Димитрію права Царскія: Россія увидѣла его лежащаго на великолѣпномъ одрѣ, торжественно отпѣваемаго въ новомъ храмѣ Св. Михаила и преданнаго землѣ подлѣ гроба родителева.

Завѣщаніе, писанное симъ Княземъ въ присутствіи Духовника и Боярина, Князя Хованскаго, свидѣтельствуетъ, что онъ и въ самой темницѣ имѣлъ казну, деньги, множество драгоцѣнныхъ вещей, отчасти данныхъ ему Василіемъ, какъ бы въ замѣну престола и свободы, у него похищенныхъ. Исчисливъ все свое достояніе, жемчугъ, золото, серебро (вѣсомъ болѣе десяти пудъ), Димитрій не располагаетъ ничѣмъ, а желаетъ единственно, чтобы нѣкоторые изъ его земель были отданы монастырямъ, всѣ крѣпостные слуги освобождены, вольные призрѣны, купленныя имъ деревни возвращены безденежно прежнимъ владѣльцамъ, долговыя записи уничтожены, и проситъ о томъ Великаго Князя безъ униженія и гордости, повинуясь судьбѣ, но не забывая своихъ правъ (4).

Общій характеръ Василіева правленія

Государствованіе Василія казалось только продолженіемъ Іоаннова. Будучи подобно отцу ревнителемъ Самодержавія, твердымъ, непреклоннымъ, хотя и менѣе строгимъ, онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ въ Политикѣ внѣшней и внутренней; рѣшилъ важныя дѣла въ Совѣтѣ Бояръ, учениковъ и сподвижниковъ Іоанновыхъ; ихъ мнѣніемъ утверждая собственное, являлъ скромность въ дѣйствіяхъ Монархической власти (5), но умѣлъ повелѣвать; любилъ выгоды мира, не страшась войны, и не упуская случая къ пріобрѣтеніямъ важнымъ для государственнаго могущества; менѣе славился воинскимъ счастіемъ, болѣе опасною для враговъ хитростію (6); не унизилъ Россіи, даже возвеличилъ оную, и послѣ Іоанна еще казался достойнымъ Самодержавія.

г. 1505. Посольство въ Тавриду.

Зная великую пользу союза Менгли-Гиреева, Василій нетерпѣливо желалъ возобновить его: увѣдомилъ Хана о кончинѣ родителя и требовалъ отъ него новой *Шертной* или клятвенной грамоты. Менгли-Гирей прислалъ ее съ двумя своими Вельможами: Бояре Московскіе нашли, что она не такъ

писана, какъ данная имъ Іоанну, и предложили иную. Послы скрѣпили оную печатями, а Великій Князь отправилъ знатнаго Окольничаго, Константина Заболоцкаго, въ Тавриду, чтобы удостовѣриться въ искренней дружбѣ Хана и взять съ него присягу (7).

Измѣна Царя Казанскаго требовала мести. Въ сіе время братъ Алегамовъ, Царевичь Куйдакуръ, будучи нашимъ плѣнникомъ, изъявилъ желаніе принять Вѣру Христіанскую. Онъ жилъ въ Ростовѣ, въ домѣ Архіепископа: Государь велѣлъ ему пріѣхать въ Москву; нашелъ въ немъ любезныя свойства, умъ, добронравіе и ревность къ познанію истиннаго Бога (8). Его окрестили торжественно, на Москвѣ-рѣкѣ, въ присутствіи всего Двора; назвали Петромъ и черезъ мѣсяцъ удостоили чести быть зятемъ Государевымъ: Великій Князь выдалъ за него сестру свою, Евдокію, и симъ брачнымъ союзомъ какъ бы давъ себѣ новое право располагать жребіемъ Казани, началъ готовиться къ войнѣ съ нею. Димитрій, Василіевъ братъ, предводительствовалъ ратію, судовою и конною, съ Воеводами Ѳеодоромъ Бѣльскимъ, Шеиномъ, Княземъ Александромъ Ростовскимъ, Палецкимъ, Курбскимъ и другими (9). 22 Мая пѣхота Россійская вышла на берегъ близъ Казани. День былъ жаркой: утомленные воины сразились съ непріятельскими толпами передъ городомъ и тѣснили ихъ; но конница Татарская заѣхала имъ въ тылъ, отрѣзала отъ судовъ и сильнымъ удáромъ смѣшала Россіянъ. Множество пало, утонуло въ Поганомъ озерѣ или отдалось въ плѣнъ; другіе открыли себѣ путь къ судамъ, и ждали конной рати: она пришла; но Государь, свѣдавъ о первой неудачѣ и въ тотъ же день выславъ Князя Василія Холмскаго съ новыми полками къ Казани, не велѣлъ Димитрію до ихъ прибытія тревожить города. Димитрій ослушался, и посрамилъ себя еще болѣе. Время славной ярмонки Казанской приближалось: Магметъ-Аминь, величаясь побѣдою, и думая, что Россіяне уже далеко, 22 Іюня веселился съ Князьями своими на лугу Арскомъ, гдѣ стояло болѣе тысячи шатровъ; купцы иноземные раскладывали товары, народъ гулялъ, жены сидѣли подъ тѣнію наметовъ.

Царевичь Казанскій принимаетъ нашу Вѣру и женится на сестрѣ Великаго Князя. г. 1506.

Походъ на Казань.

дѣти играли. Вдругъ явились полки Московскіе: „они какъ „съ неба упали на Казанцевъ,“ говоритъ Лѣтописецъ: топтали ихъ, рѣзали, гнали въ городъ; бѣгущіе давили другъ друга и задыхались въ тѣснотѣ улицъ. Россіяне могли бы легко взять Казань приступомъ: она сдалась бы имъ чрезъ пять или шесть дней; но утомленные побѣдители хотѣли отдохнуть въ шатрахъ: увидѣли тамъ яства, напитки, множество вещей драгоцѣнныхъ, и забыли войну; начался пиръ и грабежъ: ночь прекратила оные, утро возобновило. Бояре, чиновники нѣжились подъ Царскими наметами, любовались симъ зрѣлищемъ и хвалились, что они ровно черезъ годъ отметили Казанцамъ убіеніе нашихъ купцевъ; воины пили и шумѣли; стража дремала. Но Магметъ-Аминь бодрствовалъ въ высокой стрѣльницѣ: смотрѣлъ на ликованіе безпечныхъ непріятелей, и готовилъ имъ месть за месть, внезапность за внезапность. 25 Іюня, скоро по восходѣ солнца, 20,000 конныхъ и 30,000 пѣшихъ ратниковъ высыпало изъ города и съ крикомъ устремилось на Россіянъ полусонныхъ, которыхъ было вдвое болѣе числомъ, но которые въ смятеніи бѣжали къ судамъ, какъ стадо овецъ, въ слѣдъ за Воеводами, безъ устройства, безъ оружія ([10]). Лугъ Арскій взмокъ отъ ихъ крови и покрылся трупами. Князь Курбскій, Палецкій, лишились жизни: Воевода Шеинъ остался плѣнникомъ; но спаслось еще столько людей, что они могли бы новою битвою загладить свою оплошность и робость: никто не мыслилъ о томъ; въ безпамятствѣ ужаса кидались на суда, отрѣзывали якори; спѣшили удалиться. Одна конница Московская подъ начальствомъ Ѳедора Михайловича Киселева и нашего-служиваго Царевича Зеденая, Нордоулатова сына ([11]), оказала нѣкоторую смѣлость: шла сухимъ путемъ къ Мурому, и въ 40 верстахъ отъ Суры настиженная Казанцами, отразила ихъ мужественно. Въ войскѣ у Димитрія находилось нѣсколько иноземцевъ съ огнестрѣльнымъ снарядомъ: только одинъ изъ нихъ привезъ свои пушки въ Москву. Товарищи его явились вмѣстѣ съ нимъ къ Государю, который, принявъ другихъ милостиво, сказалъ ему гнѣвно: „Ты берегъ себя: знай же, что люди искусные мнѣ дороже

пушекъ“ (12)! Василій не наказалъ Воеводъ изъ уваженія къ брату, главному Полководцу, слѣдственно и главному виновнику сего бѣдствія; но Димитрій съ того времени уже не бывалъ никогда начальникомъ рати.

Такимъ образомъ и Василіево государствованіе, подобно Іоаннову, началось неудачнымъ походомъ на Казань. Честь и безопасность Россіи предписывали Великому Князю смирить Магметъ-Амина: уже знаменитый нашъ Полководецъ, Данилъ Щеня, готовился итти къ берегамъ Волги (13); но вѣроломный присяжникъ изъявилъ раскаяніе: или убѣжденный Менгли-Гиреемъ, или самъ предвидя худыя слѣдствія войны для слабой Казани, онъ писалъ къ Василію весьма учтиво, прося извиненія и мира. Государь требовалъ освобожденія Посла нашего, Михаила Яропкина, также всѣхъ захваченныхъ съ нимъ купцевъ и военноплѣнныхъ Россіянъ: Магметъ-Аминъ исполнилъ его волю; новою клятвенною грамотою обязался быть ему другомъ, и призналъ свою зависимость отъ Россіи, какъ было при Іоаннѣ (14).

Дѣла Литовскія.

Въ сношеніяхъ съ Литвою Василій изъявлялъ на словахъ миролюбіе, стараясь вредить ей тайно и явно. Еще не зная о смерти Іоанновой, Король Александръ отправилъ Посла въ Москву съ обыкновенными жалобами на обиды Россіянъ (10). Государь выслушалъ, обѣщалъ законное удовлетвореніе, привѣтствовалъ Посла, но не далъ ему руки, для того, что въ Литвѣ свирѣпствовали заразительныя болѣзни. Извѣстіе о новомъ Монархѣ въ Россіи обрадовало Короля. Всѣ знали твердость Іоаннову: неопытность и юность Василіева казались благопріятными для нашихъ естественныхъ недоброжелателей. Александръ надѣялся заключить миръ, прославъ, въ Москву Вельможъ Глѣбова и Сапѣгу; но въ отвѣтъ на ихъ предложеніе, возвратить Литвѣ всѣ наши завоеванія, Бояре Московскіе сказали, что Великій Князъ владѣетъ только собственными землями и ничего уступить не можетъ (16). Глѣбовъ и Сапѣга выѣхали съ неудовольствіемъ; а въ слѣдъ за ними Государь послалъ (17) объявить зятю о своемъ восшествіи на престолъ и вручить Еленѣ золотой крестъ съ мощами по ду-

ховной родителя. Василій призналъ жалобы Литовскихъ подданныхъ на Россіянъ совершенно несправедливыми, и, къ досадѣ Короля, напомнилъ ему въ сильныхъ выраженіяхъ, чтобы онъ не безпокоилъ супруги въ разсужденіи ея Вѣры. — Однимъ словомъ, Александръ увидѣлъ, что въ Россіи другой Государь, но таже система войны и мира. Все осталось, какъ было. Съ обѣихъ сторонъ изъявлялась холодная учтивость. Король дозволилъ Греку Андрею Траханіоту ѣхать изъ Москвы въ Италію черезъ Литву ([18]), въ угодность Василію, который взаимно оказывалъ снисхожденіе въ случаяхъ маловажныхъ: такъ, на примѣръ, отдалъ Митрополиту Кіевскому, Іонѣ, сына его, бывшаго у насъ плѣнникомъ ([19]).

Въ Августѣ 1506 года Король Александръ умеръ: Великій Князь немедленно послалъ чиновника Наумова съ утѣшительною грамотою ко вдовствующей Еленѣ; но въ тайномъ наказѣ предписалъ ему объявить сестрѣ, что она можетъ прославить себя великимъ дѣломъ: именно, соединеніемъ Литвы Польши и Россіи, ежели убѣдить своихъ Пановъ избрать его въ Короли; что разновѣріе не есть истинное препятствіе; что онъ дастъ клятву покровительствовать Римскій Законъ, будетъ отцемъ народа и сдѣлаетъ ему болѣе добра, нежели Государь единовѣрный ([20]). Наумовъ долженъ былъ сказать тоже Виленскому Епископу Войтеху, Пану Николаю Радзивилу и всѣмъ Думнымъ Вельможамъ. Мысль смѣлая и по тогдашнимъ обстоятельствамъ удивительная, внушенная не только властолюбіемъ Монарха-юноши, но и проницаніемъ необыкновеннымъ. Литва и Россія не могли дѣйствительно примириться иначе, какъ составивъ одну Державу: Василій безъ наставленія долговременныхъ опытовъ, безъ примѣра, умомъ своимъ постигъ сію важную для нихъ обѣихъ истину; и если бы его желаніе исполнилось, то Сѣверъ Европы имѣлъ бы другую Исторію. Василій хотѣлъ отвратить бѣдствія двухъ народовъ, которые въ теченіе трехъ слѣдующихъ вѣковъ рѣзались между собою, споря о *древнихъ* и *новыхъ* границахъ. Сія кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелію одного изъ нихъ;

повинуясь Государю общему, въ духѣ братства, они сдѣлались бы мирными властелинами полунощной Европы.

Но Елена отвѣтствовала, что братъ ея супруга, Сигизмундъ, уже объявленъ его преемникомъ въ Вильнѣ и въ Краковѣ. Самъ новый Король извѣстилъ о томъ Василія, предлагая ему вѣчный миръ съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ свободу Литовскимъ плѣнникамъ и тѣ мѣста, коими завладѣли Россіяне уже послѣ шестилѣтняго перемирія. Сіе требованіе казалось умѣреннымъ; но Василій — досадуя, можетъ быть, что его намѣреніе царствовать въ Литвѣ не исполнилось—хотѣлъ удержать все, оставленное ему въ наслѣдіе родителемъ ([21]), и жалуясь, что Литовцы преступаютъ договоръ 1503 года. тревожатъ набѣгами владѣнія Князей Стародубскаго и Рыльскаго, жгутъ села Брянскія, отнимаютъ наши земли, послалъ Князя Холмскаго и Боярина Якова Захарьевича воевать Смоленскую область. Они доходили до Мстиславля, не встрѣтивъ непріятеля въ полѣ ([22]). Королевскіе Послы еще находились тогда въ Москвѣ: Сигизмундъ упрекалъ Василія, что онъ, говоря съ нимъ о мирѣ, начинаетъ войну ([22]).

Въ сіе время славный Константинъ Острожскій, измѣнивъ данной имъ Василію присягѣ, утвержденной ручательствомъ нашего Митрополита, бѣжалъ изъ Москвы въ Литву ([24]). г. 150
Любовь къ отечеству и ненависть къ Россіи заставили его остыдить себя дѣломъ презрительнымъ: обмануть Государя, Митрополита, нарушить клятву, уставъ чести и совѣсти. Никакія побужденія не извиняютъ вѣроломства.—Сигизмундъ принялъ нашего измѣнника, Константина, съ милостію: Василій скоро отмстилъ Сигизмунду, объявивъ себя покровителемъ еще важнѣйшаго измѣнника Литовскаго.

Никто изъ Вельможъ не былъ въ Литвѣ столь знатенъ, силенъ, богатъ помѣстьями, щедръ къ услужникамъ и страшенъ для непріятелей, какъ Михаилъ Глинскій, коего родъ происходилъ отъ одного Князя Татарскаго, выѣхавшаго изъ Орды къ Витовту ([25]). Воспитанный въ Германіи, Михаилъ заимствовалъ обычаи Нѣмецкіе, долго служилъ Альбрехту Сак-

сонскому, Императору Максимиліану въ Италіи: славился храбростію, умомъ, и возвратясь въ отечество, снискалъ милость Александрову, такъ, что сей Государь обходился съ нимъ какъ съ другомъ, повѣряя ему всѣ тайны сердечныя. Глинскій оправдывалъ сію любовь и довѣренность своими заслугами. Когда сильное войско Менгли-Гиреево быстрымъ нашествіемъ привело Литву въ трепетъ: когда Александръ, лежащій на смертномъ одрѣ почти въ виду непріятеля, требовалъ усердной защиты отъ Вельможъ и народа: Глинскій сѣлъ на коня, собралъ воиновъ, и славнѣйшею побѣдою утѣшилъ Короля въ послѣднія минуты его жизни ([26]). Завистники молчали; но смерть Александрова отверзла имъ уста: говорили, что онъ мыслилъ овладѣть престоломъ и не хотѣлъ присягать Сигизмунду. Всѣхъ болѣе ненавидѣлъ и злословилъ его Вельможа Забрезенскій. Михаилъ неотступно убѣждалъ новаго Короля быть судіею между ими. Сигизмундъ медлилъ, доброхотствуя непріятелямъ Глинскаго, который вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и сказалъ ему: „Госу„дарь! мы оба, ты и я, будемъ раскаиваться; „но поздно.“ Онъ вмѣстѣ съ братьями Иваномъ и Василіемъ, уѣхалъ въ свой городъ Туровъ; призвалъ къ себѣ родственниковъ, друзей; требовалъ полнаго удовлетворенія отъ Сигизмунда и назначилъ срокъ. Слухъ о томъ достигъ Москвы, гдѣ знали все, что въ Литвѣ происходило: Государь угадалъ тайную мысль Михаилову и послалъ къ нему умнаго Дьяка, предлагая всѣмъ тремъ Глинскимъ защиту Россіи, милость и жалованье ([27]). Еще соблюдая пристойность, они ждали рѣшительнаго Королевскаго отвѣта: не получивъ его, торжественно объявили себя слугами Государя Московскаго, съ условіемъ, чтобы Василій оружіемъ укрѣпилъ за ними ихъ города въ Литвѣ, помѣстные и тѣ, которые имъ волею или неволею сдадутся. Съ обѣихъ сторонъ утвердили сей договоръ клятвою. Пылая злобою мести, Михаилъ нечаянно схватилъ врага своего, Вельможу Забрезенскаго, въ увеселительномъ его домѣ близь Гродна: отсѣкъ ему голову ([28]); умертвилъ многихъ другихъ Пановъ; составилъ полкъ изъ Дворянъ, слугъ и наем-

никовъ; взялъ Мозырь; заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ и Господаремъ Молдавскимъ ([29]), изъ коихъ первый обѣщалъ завоевать для него Кіевъ. Пишутъ, что Глинскіе дѣйствительно имѣли намѣреніе возстановить древнее Великое Княженіе Кіевское и господствовать въ немъ независимо; что многіе изъ тамошнихъ Бояръ присягнули имъ въ вѣрности; что Михаилъ думалъ жениться на вдовствующей супругѣ Симеона Олельковича, Анастасіи, и тѣмъ пріобрѣсти законное право на сіе Княжество, но что добродѣтельная Анастасія, гнушаясь его измѣною, не хотѣла о томъ слышать ([30]).

Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наслѣдникомъ.

Глинскій ждалъ Московской рати. Воеводы наши, Князья Шемякинъ, Одоевскіе, Трубецкіе, Воротынскіе, пришли къ нему на Березину, осадили Минскъ и разорили все до самой Вильны; другіе воевали Смоленскую область ([31]). Желая и надѣясь сокрушить Литву, Василій двинулъ еще полки изъ Москвы и Новагорода къ Оршѣ: первые велъ знатный Бояринъ Яковъ Захарьевичъ, послѣдніе славный Князь Даніилъ Щеня. Глинскій, Шемякинъ, оставивъ Минскъ, явились близъ Друцка, обязали тамошнихъ Князей присягою вѣрности къ Государю Россійскому и соединились подъ Оршею съ Даніиломъ: громили пушками стѣны ея; замышляли приступъ.

Никогда Литва не бывала въ опаснѣйшемъ положеніи: Россія возстала, Менгли-Гирей и Волохи готовились къ нападенію; внутри бунтъ и правленіе новое, коего всѣ тайны, всѣ способы были извѣстны Глинскому; наемные Королевскіе воины, Нѣмцы, требовали жалованья, а расточительность Александрова истощила казну ([32]). Но Сигизмундъ имѣлъ твердость, благоразуміе и счастіе, которое въ дѣлахъ міра не рѣдко смѣется надъ вѣроятностями ума. Съ необыкновенною дѣятельностію собравъ, устроивъ войско, онъ приближался къ Оршѣ, чтобы спасти сію важную крѣпость. Полководцы Василіевы изумились, сняли осаду и стали на восточномъ берегу Днѣпра. Дней шесть непріятели черезъ сію рѣку смотрѣли другъ на друга: Россіяне ждали къ себѣ Литовцевъ, Литовцы Россіянъ ([33]). Наконецъ Воеводы Московскіе пошли къ Кричеву, Мстиславлю; разорили нѣсколько селъ и спѣшили назадъ.

защитить собственные предѣлы: ибо Король, вступивъ въ Смоленскъ, отрядилъ войско къ Дорогобужу, къ Бѣлой и къ Торопцу. Василій, поручивъ Князьямъ Стародубскому и Шемякину оберегать Украйну, велѣлъ Боярину Якову Захарьевичу стоять въ Вязьмѣ, а Данилу выгнать Литовскій отрядъ изъ Торопца, гдѣ жители, малодушно присягнувъ Сигизмунду, съ радостію встрѣтили нашего Воеводу, который донесъ Государю о бѣгствѣ непріятеля ([34]).

Хотя Василій по видимому не имѣлъ причины славиться успѣхами своихъ Полководцевъ, ни важными для Россіи слѣдствіями измѣны Глинскихъ: однакожь казался доволенъ первыми, и съ великою милостію угостилъ Михаила, который пріѣхалъ въ Москву, пировалъ во дворцѣ, былъ одаренъ щедро, не только одеждами богатыми, доспѣхомъ, Азіатскими конями, но и Московскими селами съ двумя помѣстными городами, Ярославцемъ и Медынью. Братья Михаиловы оставались въ Мозырѣ, а люди, сокровища и знатнѣйшіе единомышленники, Князья Жижерскій, Иванъ Озерецкій, Андрей Лукомскій, въ Почепѣ. Михаилъ просилъ у Государя воиновъ для обереженія Турова и Мозыря: Василій далъ ему Воеводу, Князя Несвицкаго, съ Галицкими, Костромскими ратниками и съ Татарами ([35]).

Между тѣмъ Литовцы сожгли Бѣлую и взяли Дорогобужъ, обращенный въ пепелъ самими Россіянами ([36]). Константинъ Острожскій предводительствовалъ частію Сигизмундовой рати, обѣщая указать ей путь къ Москвѣ. Но Великій Князь не терялъ времени: самъ распорядилъ полки и велѣлъ имъ съ двухъ сторокъ, Холмскому изъ Можайска, Боярину Якову Захарьевичу изъ Вязьмы, итти къ Дорогобужу, гдѣ начальствовалъ Воевода Королевскій, Станиславъ Кишка: сей гордый Панъ, имѣвъ нѣкоторыя выгоды въ легкихъ сшибкахъ съ отрядами Россійскими, уже думалъ, что наше войско не существуетъ, и что бѣдные остатки его не дерзнутъ показаться изъ лѣсовъ: увидѣлъ полки Холмскаго и бѣжалъ въ Смоленскъ.—Такимъ образомъ непріятели выгнали другъ друга изъ своихъ предѣловъ, не бывъ ни побѣдителями, ни побѣжденными; но Король имѣлъ болѣе славы, среди опасностей

новаго правленія и внутренней измѣны отразивъ внѣшняго, сильнаго врага, столь ужаснаго для его двухъ предшественниковъ.

Не ослѣпляясь легкомысленною гордостію, боясь Менгли-Гирея и желая успокоить свою Державу, благоразумный Сигизмундъ снова предложилъ миръ Василію, который не отринулъ его. Глинскій хвалился многочисленностію друзей и единомышленниковъ въ Литвѣ; но, къ счастію всѣхъ Правленій, измѣнники рѣдко торжествуютъ: сила беззаконная или первымъ возстаніемъ испровергаетъ законный уставъ Государства, или ежечасно слабѣетъ отъ нераздѣльнаго съ нею страха, отъ естественнаго угрызенія совѣсти, если не главныхъ дѣйствующихъ лицъ, то по крайней мѣрѣ ихъ помощниковъ. Тщетно Глинскіе старались возмутить Кіевскую и Волынскую область: народъ равнодушно ждалъ происшествій; Бояре отчасти желали успѣховъ Михаилу, но не хотѣли бунтомъ подвергнуть себя казни; весьма не многіе присоединились къ нему, и войско его состояло едва изъ двухъ или трехъ тысячъ всадниковъ; начальники городовъ были вѣрны Королю. Счастію Іоаннова оружія въ войнѣ Литовской способствовалъ Менгли-Гирей: Василій еще не видалъ въ немъ дѣятельнаго усердія къ пользамъ Россіи, и не смотря на союзную грамоту, утвержденную въ Москвѣ словомъ и печатію Ханскихъ Пословъ, разбойники Крымскіе безпокоили нашу Украйну, такъ, что Великій Князь долженъ былъ защитить оную войскомъ ([37]). Надежда, возбудить Ногаевъ къ сильному впаденію въ Литву, не исполнилась: слуга Василіевъ, Князь Темиръ, ѣздилъ къ Мурзамъ, Асану и другимъ, сыновьямъ Ямгурчея и Мусы, съ предложеніемъ, чтобы они, содѣйствуя намъ, отмстили Королю вѣроломное заключеніе Хана Шигъ-Ахмета, связаннаго съ ними родствомъ и дружбою; Темиръ долженъ былъ вести ихъ къ берегамъ Дона и Днѣпра; но не могъ успѣть въ своемъ порученіи ([38]). Сіи обстоятельства, моленіе вдовствующей Королевы Елены, рѣшительность Сигизмунда и сомнительный успѣхъ войны склонили Василія къ искреннему миролюбію. Король прислалъ изъ Смоленска въ Москву Станислава, Воеводу Полоцкаго, Маршалка Сапѣгу и Войтеха, Намѣстника Пере-

мышльскаго, которые, слѣдуя обыкновенію, сначала требовали
Миръ. всего, а наконецъ удовольствовались не многимъ: хотѣли Чернигова, Любеча, Дорогобужа, Торопца, но согласились взять единственно пять или шесть волостей Смоленскихъ, отнятыхъ у Литвы уже въ государствованіе Василіево. Написали договоръ такъ называемаго вѣчнаго мира. Василій и Сигизмундъ, именуясь братьями и сватами, обязались жить въ любви, доброжелательствовать и помогать другъ другу на всякаго непріятеля, кромѣ Менгли-Гирея и такихъ случаевъ, гдѣ будетъ *не возможно* исполнить сего условія (которое, слѣдственно, обращалось въ ни-что). Король утверждалъ за Россіею всѣ пріобрѣтенія Іоанновы, а за слугами Государя Россійскаго, Князьями Шемякинымъ, Стародубскими, Трубецкими, Одоевскими, Воротынскими, Перемышльскими, Новосильскими, Бѣлевскими, Мосальскими, всѣ ихъ отчины и города. За то Василій обѣщалъ *не вступаться* въ Кіевъ, въ Смоленскъ, ни въ другія Литовскія владѣнія. Далѣе сказано въ договорѣ, что *Великій* Князь Рязанскій, Іоаннъ Іоанновичь, съ своею землею принадлежитъ къ Государству Московскому; что ссоры между Литовскими и Россійскими подданными должны быть разбираемы судьями общими, присяжными, коихъ рѣшенія исполняются во всей силѣ; что Посламъ и купцамъ обѣихъ Державъ вездѣ *путь чистъ* и свободенъ: ѣздятъ, торгуютъ, какъ имъ угодно; наконецъ, что Литовскіе и наши плѣнники освобождаются немедленно. О Глинскихъ не упоминается въ сей грамотѣ; но судьба ихъ была рѣшена: Василій призналъ Мозырь и Туровъ, города Михайловы, собственностію Королевскою, обѣщая впредь уже не принимать къ себѣ никого изъ Литовскихъ Князей съ землями и помѣстьями ([39]). Онъ удовольствовался единственно словомъ Короля, что Глинскіе могутъ свободно выѣхать изъ Литвы въ Россію.

Послы Сигизмундовы были десять разъ у Государя и дважды обѣдали. Размѣнялись договорными грамотами. Сеймъ Литовскій одобрилъ всѣ условія. Король цѣловалъ крестъ въ присутствіи нашихъ Пословъ, въ Вильнѣ ([40]). Россіяне и Литовцы были довольны миромъ; но Глинскіе изъявляли него-

дованіе, и Сигизмундъ увѣдомилъ Великаго Князя, что Михаилъ не хочетъ ѣхать въ Москву, думая бѣжать въ степи съ вооруженными людьми своими и мстить равно обоимъ Государствамъ; но что войско Королевское уже идетъ смирить сего мятежника. Василій просилъ Короля не тревожить Глинскихъ и дать имъ свободный путь въ Россію. Проливая слезы, они выѣхали къ намъ изъ отечества со всѣми ближними. Литва жалѣла, а болѣе опасалась ихъ: Россія не любила: Великій Князь ласкалъ и чествлъ, думая, что сіи измѣнники еще могутъ быть ему полезны.

Едва ли имѣя надежду и самое желаніе долго оставаться въ мирѣ съ Литвою, Василій нетерпѣливо ждалъ вѣстей изъ Тавриды, чтобы удостовѣриться въ важномъ для насъ союзѣ Менгли-Гиреевомъ. Можетъ быть, сей Царь и не участвовалъ въ набѣгѣ Крымскихъ разбойниковъ на Московскіе предѣлы, но усердіе его къ Россіи явно охладѣло: державъ Заболоцкаго долѣе года, онъ прислалъ гонца въ Москву съ требованіемъ, чтобы его пасынокъ, сверженный Царь Казанскій, Абдыл-Летифъ, былъ отпущенъ въ Тавриду. Великій Князь не сдѣлалъ сего, однакожь возвратилъ Летифу свободу и милость, дозволилъ быть во дворцѣ, обѣщалъ Коширу въ помѣстье ([41]) Вѣроятно, что слухъ о мирныхъ переговорахъ Сигизмунда съ Василіемъ рѣшилъ наконецъ Менгли-Гирея утвердить дружбу съ нами: по крайней мѣрѣ онъ немедленно отпустилъ тогда Заболоцкаго и прислалъ трехъ Вельможъ своихъ въ Москву съ Шертною *золотою* грамотою ([42]): далъ клятву за себя, за дѣтей и внучатъ, жить въ братствѣ съ Великимъ Княземъ, вмѣстѣ воевать и мириться, съ Литвою и съ Татарами; унимать, казнить своихъ разбойниковъ, покровительствовать нашихъ купцевъ и путешественниковъ; однимъ словомъ, исполнять всѣ обязанности тѣсной, взаимной дружбы, какъ было въ Іоанново время.

Государь приказалъ встрѣтить Пословъ съ великою честію, звать во дворецъ къ обѣду, и *клалъ на нихъ руки* въ знакъ благоволенія. Они представили ему 16 грамотъ отъ Хана, писанныхъ весьма ласково. Менгли-Гирей убѣждалъ Василія

послать судовую рать съ пушками для усмиренія Астраханп, обѣщалъ всѣми силами дѣйствовать противъ Сигизмунда и помогать Михаилу Глинскому, коего называлъ любезнымъ сыномъ; просилъ ловчихъ птицъ, соболей, рыбьихъ зубовъ, латъ и серебряной чары *въ два ведра* (43); требовалъ какой-то дани, платимой ему Князьями Одоевскими (44); а всего болѣе желалъ, чтобы Государь позволилъ Абдылъ-Летифу ѣхать въ Тавриду для свиданія съ матерью. Сіе послѣднее казалось Василію столь важнымъ, что онъ собралъ Думу Боярскую и хотѣлъ знать ея мнѣніе (45). Приговорили не отпускать Летифа. Государь велѣлъ ему самому явиться въ Думу и говорилъ такъ: „Царь Абдылъ-Летифъ! ты вѣдаешь, что отецъ мой „лишилъ тебя свободы за вину не малую. Въ угодность на- „шему брату, Менгли-Гирею, забывъ твое преступленіе, я ми- „лостиво дарю тебѣ вольность и городъ. Выслушай условія.“ Они состояли въ томъ, чтобы Летифъ клятвенно обязался вѣрно служить Россіи, не выѣзжать самовольно изъ ея предѣловъ, не имѣть сношенія съ Литвою, ни съ другими нашими врагами, и чтобы Менгли-Гиреевы Послы утвердили сей договоръ собственною ихъ присягою. Летифъ винился, благодарилъ, считалъ себя недостойнымъ видѣть лице Государево; клялся не угнетать Христіанъ, не ругаться надъ святынею, доносить Великому Князю о всякихъ злодѣйскихъ умыслахъ противъ него или Государства. Вмѣсто Коширы, прежде обѣщанной, ему дали Юрьевъ. Достойно замѣчанія, что и самъ Великій Князь присягнулъ въ доброжелательствѣ къ Летифу, такъ же, какъ и въ вѣрности къ Менгли-Гирею, исполняя требованіе Пословъ Крымскихъ и совѣтъ Бояръ. Намѣстникъ Перевицкій, Морозовъ, былъ отправленъ въ Тавриду изъявить благодарность за дружбу Хана, увѣрить его въ нашей, извѣстить о заключенномъ съ Литвою мирѣ, и сказать на-единѣ, что долгое молчаніе Менгли-Гиреево безпокоило Государя; что носился даже слухъ о присоединеніи Ханскихъ сыновей къ Сигизмундовой рати (46); что сіе обстоятельство ускорило для насъ миръ, но что Великій Князь остается другомъ Менгли-Гирея, и не боится новой, справедливой войны съ ихъ общимъ, естествен-

Освобожденіе Летифа.

пымъ недругомъ; что намъ нельзя послать людей съ огнестрѣльнымъ снарядомъ къ Астрахани, ибо нѣтъ судовъ въ готовности; что Россіи, утомленной войнами, хотя мирной съ Литвою, но угрожаемой Ливонскими Нѣмцами, нужно отдохновеніе; что самъ Іоаннъ никогда не посылалъ туда войска ([47]), и проч. Уже ветхій лѣтами и здоровьемъ, Менгли-Гирей не могъ жить долго; Василій приказалъ Морозову тайно видѣться съ Ханскимъ старшимъ сыномъ, Магметъ-Гиреемъ; обязать его клятвою въ дружбѣ къ Россіи и присягнуть ему въ нашей именемъ Государя. г. 1509

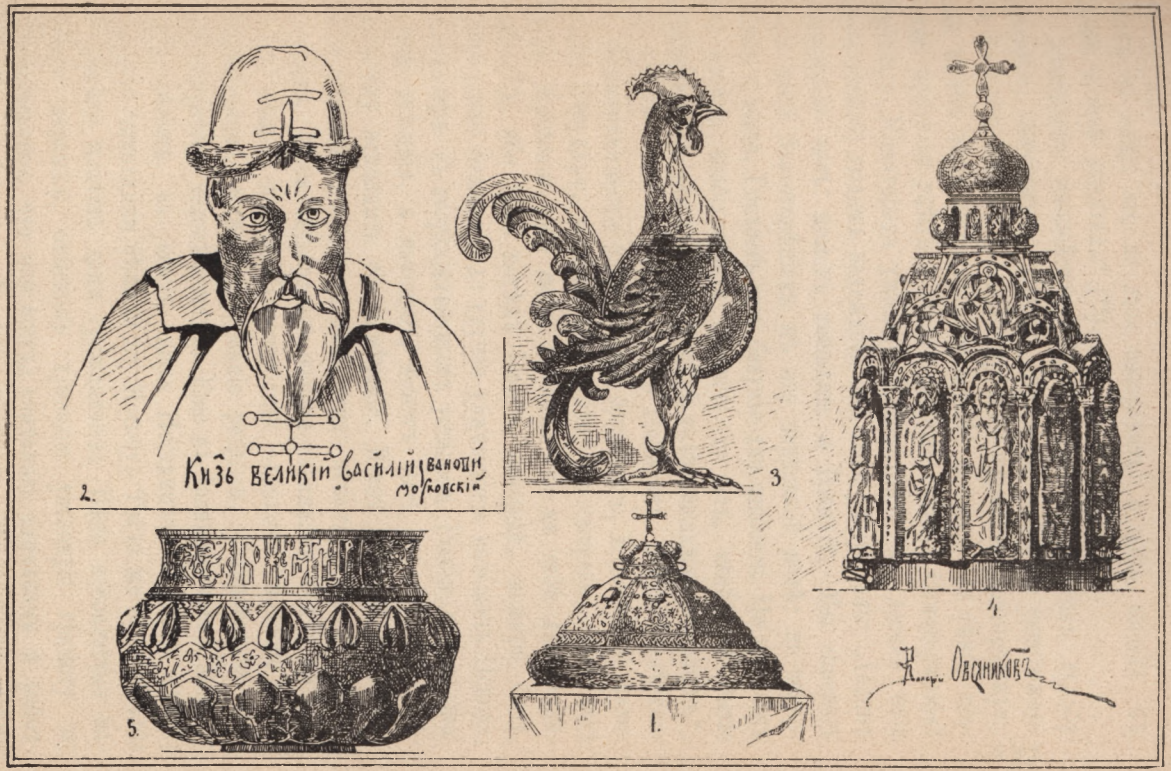
Неудовольствія нашего посла въ Тавридѣ.

Сей Посолъ имѣлъ непріятность въ Тавридѣ отъ своевольства и корыстолюбія Ханскихъ Вельможъ. Государь именно велѣлъ Морозову наблюдать свое достоинство и не терпѣть ни малѣйшаго для насъ униженія въ обрядахъ Посольскихъ: ибо Крымскіе Мурзы любили величаться передъ Россіянами, вспоминая старину. „Я сошелъ съ коня близъ дворца“, пишетъ Морозовъ къ Великому Князю: „у воротъ сидѣли Князья Ханскіе, и всѣ, какъ должно, привѣтствовали Посла „твоего, кромѣ Мурзы Кудояра, дерзнувшаго назвать меня холопомъ. Толмачъ не смѣлъ перевести сихъ грубыхъ словъ; „а Мурза въ бѣшенствѣ хотѣлъ зарѣзать его, и силою выхватилъ шубу изъ рукъ моего Подъячаго, который несъ дары. Въ „дверяхъ Ясаулы преградили мнѣ путь, бросивъ на землю жезлы свои, и требовали пошлины: я ступилъ на жезлы и вошелъ къ Царю. Онъ и царевичи встрѣтили меня ласково; „пили изъ чаши и подали мнѣ остатокъ. Я также поднесъ „чашу имъ и всѣмъ Князьямъ, но обошелъ Кудояра и сказалъ „Хану: *Царь, вольный человѣкъ! сей Мурза невѣжливъ: „суди насъ... Называюсь холопомъ твоимъ и Государя „моего, но не Кудояровымъ. Говорю съ нимъ предъ тобою „съ очи на очи: какъ онъ дерзнулъ грубить Послу и силою брать, что мы несли къ тебѣ?* Менгли-Гирей, выслушавъ, извинялъ Мурзу; но отпустивъ меня, бранилъ его и „выгналъ“. Морозовъ не согласился вручить Хану своего посольскаго наказа, ни описи присланныхъ съ нимъ даровъ, отвѣтствуя гордо Вельможамъ Царскимъ: „Рѣчи Великаго

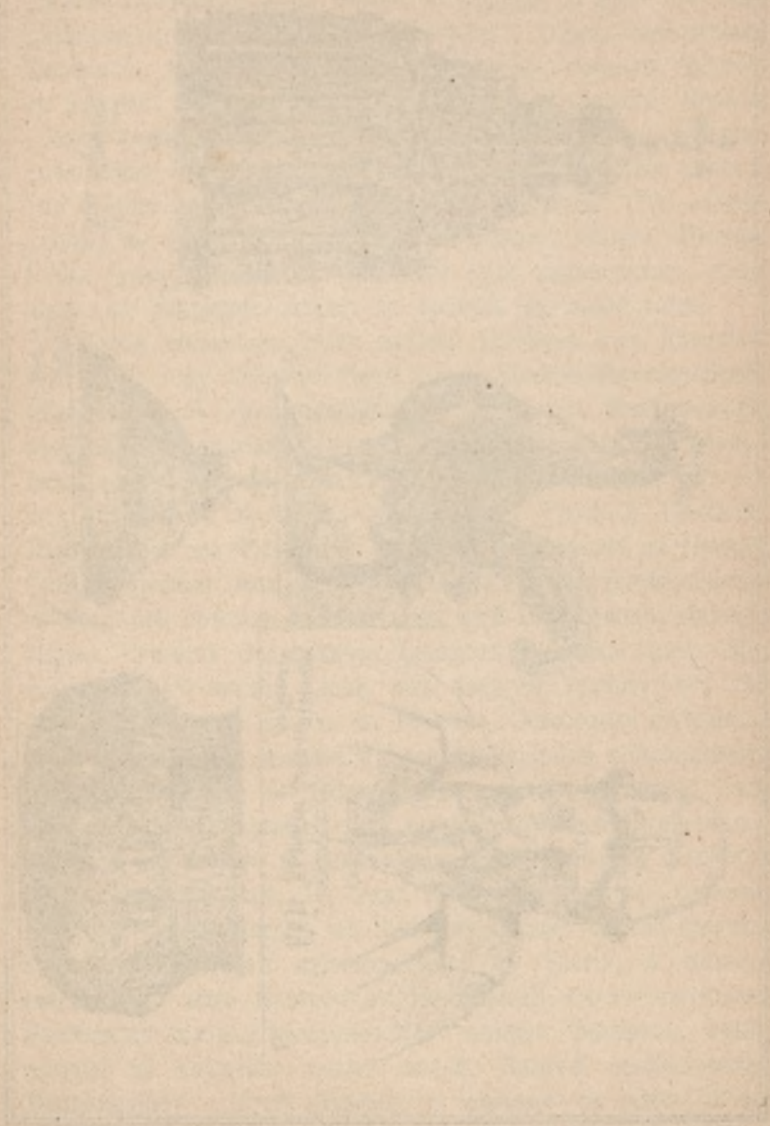
„Князя вписаны у меня только въ сердцѣ, а дары его вамъ „доставлены: болѣе ничего не требуйте“. Одинъ изъ сыновей Ханскихъ, жалуясь на скупость Василіеву, грозилъ Морозову цѣпями. „Цѣпей твоихъ не опасаясь,“ сказалъ Посолъ: „боюсь единственно Бога, Великаго Князя и Царя, вольнаго „человѣка... Если оскорбите меня, то Государь уже никогда „не будетъ присылать къ вамъ людей знатныхъ“ ([48]).—Одна„кожь, не смотря на слабость отягченнаго лѣтами Менгли-Гирея, коему сыновья и Вельможи худо повиновались, нашъ союзъ съ Тавридою остался до времени въ своей силѣ.

Мирный договоръ съ Ливоніею.

Россія заключила тогда мирный договоръ и съ Ливоніею. Въ 1506 году вторично былъ у насъ Посолъ Императорскій, Гартингеръ, съ дружественнымъ письмомъ отъ Максимиліана, который снова просилъ Великаго Князя освободить Ливонскихъ плѣнниковъ. Василій сказалъ, что вольность ихъ зависитъ отъ мира. Наконецъ Магистръ, Архіепископъ Рижскій, Епископъ Дерптскій и все Рыцарство прислали чиновниковъ въ Москву. Слѣдуя правилу отца, Государь не хотѣлъ самъ договариваться съ ними: они поѣхали въ Новгородъ, гдѣ Намѣстники, Данилъ Щеня, Григорій Ѳедоровичъ Давыдовъ и Князь Иванъ Михайловичъ Оболенскій, дали имъ мирную грамоту отъ 25 Марта 1509 года впредь на 14 лѣтъ. Освободили плѣнныхъ; возобновили старыя, взаимныя условія о торговлѣ и безопасности путешественниковъ въ обѣихъ земляхъ. Важнѣе всего было то, что Нѣмцы отреклись отъ союза съ Королемъ Польскимъ. Государь не забылъ и нашихъ церквей въ Ливоніи: Магистръ обязался блюсти ихъ. Въ тоже время Императоръ, ходатайствуя за Ганзу, писалъ къ Великому Князю, что она издревле къ обоюдной пользѣ купечествовала въ Россіи, и желаетъ возстановить свою Контору въ Новѣгородѣ, ежели возвратятъ Любчанамъ товары, несправедливо отнятые Іоанномъ, единственно по наущенію злыхъ людей. Василій отвѣтствовалъ Максимиліану: „Пусть Любчане и союзные съ ними 72 го„рода шлютъ должное челобитье къ моимъ Новгородскимъ и „Псковскимъ Намѣстникамъ: изъ дружбы къ тебѣ велю торго„вать съ Нѣмцами, какъ было прежде; но имѣніе отняли у



1) Древняя царская шапка (именуемая Мономаховой).— 2) Современный портретъ Вел. Князя Московскаго, Василія III. — 3) Потѣшный древній кубокъ.—4) Древняя дарохранительница, съ изображеніемъ двѣнадцати апостоловъ.— 5) Древняя братина.



„пихъ за вину: его не льзя возвратить: о чемъ писалъ къ „тебѣ и мой родитель“ ([49]).

Утвердивъ спокойствіе Россіи, Василій рѣшилъ судьбу древняго, знаменитаго Пскова. Какое-то особенное снисхожденіе Іоанново позволило сей Республикѣ пережить Новгородскую, еще имѣть видъ народнаго правленія и хвалиться тѣнію свободы: могла ли уцѣлѣть она въ системѣ общаго Самодержавія? Примѣръ Новагорода ужасалъ Псковитянъ; но, лаская себя свойственною людямъ надеждою, они такъ разсуждали: „Іоаннъ „пощадилъ насъ: можетъ пощадить и Василій. Мы спаслись „при отцѣ благоговѣніемъ къ его верховной волѣ: не оскор- „бимъ и сына. Гордость есть безуміе для слабости. Не постоимъ „за многое, чтобы спасти главное: то есть, свободное бытіе „гражданское, или по крайней мѣрѣ долѣе наслаждаться онымъ“. Сіи мысли были основаніемъ ихъ Политики. Когда Намѣстники Великокняжескіе дѣйствовали беззаконно, Псковитяне жаловались Государю, молили неотступно, но смиренно. Ненавидя Князя Ярослава, они снова приняли его къ себѣ Намѣстникомъ ([50]): ибо такъ хотѣлъ Іоаннъ, который, можетъ быть, единственно отлагалъ до случая уничтожить вольность Пскова, несогласную съ государственнымъ уставомъ Россіи: войны, опасности внѣшнія, а наконецъ, можетъ быть, и старость помѣшали ему исполнить сіе намѣреніе. Юный Василій естественнымъ образомъ довершилъ дѣло отца: искалъ, и легко нашелъ предлогъ. Хотя Псковитяне вообще изъявляли болѣе умѣренности, нежели пылкіе Новогородцы: однакожь, подобно всѣмъ Республикамъ, имѣли внутренніе раздоры, обыкновенное дѣйствіе страстей человѣческихъ. Еще въ Іоанново время былъ у нихъ мятежъ, въ коемъ одинъ Посадникъ лишился жизни; а другіе чиновники бѣжали въ Москву. Тогда же земледѣльцы не хотѣли платить дани гражданамъ: Вѣче самовластно наказало первыхъ, отыскавъ древнюю уставную грамоту въ доказательство, что они всегда считались данниками и работниками послѣднихъ. Іоаннъ обвинилъ самовольство Вѣча: Псковитяне едва смягчили его гнѣвъ моленіемъ и дарами ([51]). При Василіи управлялъ ими въ санѣ Намѣстника Князь Иванъ

Дѣла Псковск.

Михайловичь Рѣпня-Оболенскій, не любимый народомъ: питая несогласія между Старшими и Младшими гражданами, онъ жаловался на ихъ строптивость и въ особенности на главныхъ чиновниковъ, которые будто бы вмѣшивались въ его права и суды ([52]). Сего было довольно для Василія.

Осенью въ 1509 году онъ поѣхалъ въ Новгородъ съ братомъ своимъ Андреемъ, съ зятемъ, Царевичемъ Петромъ, Царемъ Летифомъ, съ Коломенскимъ Епископомъ Митрофаномъ, съ знатнѣйшими Боярами, Воеводами, Дѣтьми Боярскими ([53]). Цѣль путешествія знали развѣ одни Вельможи Думные. Вездѣ народъ съ радостію встрѣчалъ юнаго Монарха: онъ ѣхалъ медленно, и съ величіемъ. Унылый Новгородъ оживился присутствіемъ Двора и войска отборнаго; а Псковитяне отправили къ Великому Князю многочисленное Посольство, семьдесятъ знатнѣйшихъ чиновниковъ и Бояръ, съ усерднымъ привѣтствіемъ и съ даромъ ста-пятидесяти рублей. Главный изъ нихъ, Посадникъ Юрій, сказалъ ему: „Отчина твоя, Псковъ, „бьетъ челомъ и благодаритъ, что ты, Царь всея Руси, *дер-„жишь насъ въ старинѣ* и милостиво обороняешь отъ всѣхъ „иноплеменниковъ. Такъ дѣлалъ и великій твой родитель: за „что мы готовы вѣрно служить тебѣ, какъ служили Іоанну „и вашимъ предкамъ. Но будь правосуденъ: твой Намѣст-„никъ утѣсняетъ *добровольныхъ* людей, Псковитянъ. Государь! защити насъ“ ([54]). Онъ милостиво принялъ даръ; выслушалъ жалобы, обѣщалъ управу. Послы возвратились и сказали Вѣчу слова Государевы; *но мысли сердечныя*, прибавляетъ Лѣтописецъ, *извѣстны единому Богу* ([55]). Василій велѣлъ Окольничему своему, Князю Петру Шуйскому-Великому, съ Дьякомъ Долматовымъ ѣхать во Псковъ и на мѣстѣ узнать истину. Они донесли, что граждане винятъ Намѣстника, а Намѣстникъ гражданъ; что ихъ примирить не возможно, и что одна власть Государева должна рѣшить сію тяжбу. Новые Послы Псковскіе молили Великаго Князя смѣнить Оболенскаго: Василій отвѣтствовалъ, что не пристойно смѣнить его какъ виновнаго безъ суда; что онъ приказываетъ ему быть въ

Новгородъ вмѣстѣ со всѣми Псковитянами, которые считаютъ себя обиженными, и самъ разберетъ ихъ жалобы ([56]).

Здѣсь Лѣтописецъ Псковскій укоряетъ своихъ Правителей въ неосторожности: они письменно дали знать по всѣмъ волостямъ, чтобы недовольные Намѣстникомъ ѣхали судиться къ Великому Князю. Сыскалось ихъ множество; не мало и такихъ, которые поѣхали жаловаться Государю другъ на друга, и между ими были знатные люди, первые чиновники ([57]). Сіе обстоятельство предвѣщало Пскову судьбу Новагорода, гдѣ внутреннія несогласія и ссоры заставили гражданъ искать Великокняжескаго правосудія и служили Іоанну однимъ изъ способовъ къ уничтоженію ихъ вольности. Василій именно требовалъ къ себѣ Посадниковъ, для очной ставки съ Княземъ Оболенскимъ, велѣвъ написать къ Вѣчу, что если они не явятся, то *вся земля будетъ виновата* ([58]). Псковитяне содрогнулись: въ первый разъ представилась имъ мысль, что для нихъ готовится ударъ. Никто не смѣлъ ослушаться: девять Посадниковъ и купеческіе Старосты всѣхъ рядовъ отправились въ Новгородъ. Василій приказалъ имъ ждать г. 1510
суда и назначилъ срокомъ 6 Генваря.

Въ сей день, то есть, въ праздникъ Крещенія, Великій Князь, окруженный Боярами и Воеводами, слушалъ обѣдню въ церкви Софійской и ходилъ за крестами на рѣку Волховъ, гдѣ Епископъ Коломенскій, Митрофанъ, святилъ воду: ибо въ Новгородѣ не имѣлъ тогда Архіепископа ([59]). Тамъ Вельможи Московскіе объявили Псковитянамъ, чтобы всѣ они шли Архіерейскій домъ къ Государю: чиновниковъ, Бояръ, купцевъ ввели въ палату; Младшихъ гражданъ остановили на дворѣ. Они готовились къ суду съ Намѣстникомъ; но тяжба ихъ была уже тайно рѣшена Василіемъ ([60]). Думные Великокняжескіе Бояре вышли къ нимъ и сказали: „вы *поиманы* Богомъ и Государемъ Василіемъ Іоанновичемъ.“ Знатныхъ Псковитянъ заключили въ Архіепископскомъ домѣ, а Младшихъ гражданъ, переписавъ, отдали Новогородскимъ Боярскимъ Дѣтямъ подъ стражу.

Одинъ купецъ Псковскій ѣхалъ тогда въ Новгородъ: узнавъ дорогою о семъ происшествіи, онъ бросилъ свой товаръ

и спѣшилъ извѣстить сограждан, что ихъ Посадники и всѣ именитые люди въ темницѣ. Ужасъ объялъ Псковитянъ. „Отъ „трепета и печали (говоритъ Лѣтописецъ) засохли наши „гортани, уста пересмягли. Мы видали бѣдствія, язву и Нѣм„цевъ передъ своими стѣнами; но никогда не бывали въ „такомъ отчаяніи“ ([61]). Собралось Вѣче. Народъ думалъ, что ему дѣлать? *ставить ли щитъ противъ Государя? затвориться ли въ городѣ?* „Но война, разсуждали они, „будетъ для насъ беззаконіемъ и конечною гибелію. Успѣхъ „невозможенъ, когда слабость идетъ на силу. И всѣхъ насъ „немного: что же сдѣлаемъ теперь безъ Посадниковъ и „лучшихъ людей, которые сидятъ въ Новѣгородѣ?“ Рѣшились послать гонца къ Великому Князю съ такими словами: „Бьемъ тебѣ челомъ отъ мала до велика, да жалуетъ свою „древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде и нынѣ были „отъ тебя, Государя, *неотступны* и ни въ чемъ не про„тивились. Богъ и ты воленъ въ своей отчинѣ“.

Видя смиреніе Псковитянъ, Государь велѣлъ снова привести всѣхъ задержанныхъ чиновниковъ въ Архіепископскую палату и выслалъ къ нимъ Бояръ, Князя Александра Ростовскаго, Григорія Ѳедоровича, Конюшаго Ивана Андреевича Челяднина, Окольничаго Князя Петра Шуйскаго, Казначея Дмитрія Владиміровича, Дьяковъ Мисюря-Мунехина и Луку Семенова, которые сказали: „Василій, Божіею милостію Царь „и Государь всея Руси, такъ вѣщаетъ Пскову: Предки наши, „отецъ мой и мы сами доселѣ берегли васъ милостію, ибо „вы *держали имя наше честно и грозно*, а Намѣстниковъ „слушались; нынѣ же дерзаете быть строптивыми, оскорбляете „Намѣстника, вступаетесь въ его суды и пошлины. Еще свѣ„дали мы, что ваши Посадники и судьи земскіе не даютъ „истинной управы, тѣснятъ, обижаютъ народъ. И такъ вы „заслужили *великую опалу*. Но хотимъ теперь изъявить „милость, если исполните нашу волю: уничтожите Вѣче и „примете къ себѣ Государевыхъ Намѣстниковъ во Псковъ „и во всѣ пригороды. Въ такомъ случаѣ сами пріѣдемъ къ „вамъ помолиться Святой Троицѣ и даемъ слово не касаться

„вашей собственности. Но если отвергните сію милость, то „*будемъ дѣлать свое дѣло* съ Божіею Помощію, и кровь Хри„стіанская взыщется на мятежникахъ, которые презираютъ „Государево жалованье и не творятъ его воли“. Псковитяне благодарили, и въ присутствіи Великокняжескихъ Бояръ цѣловали крестъ, съ клятвою служить вѣрно Монарху Россіи, его дѣтямъ, наслѣдникамъ, до конца міра ([62]). Василій пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, сказалъ имъ, что вмѣсто рати шлетъ во Псковъ Дьяка своего, Третьяка Долматова, и что они сами могутъ писать къ согражданамъ. Знатный купецъ, Онисимъ Манушинъ, поѣхалъ съ грамотою отъ чиновниковъ, Бояръ и всѣхъ бывшихъ въ Новѣгородѣ Псковитянъ къ ихъ народу. Они писали: „Предъ лицемъ Государя мы единомысленно дали ему *крѣп„кое слово своими душами* за себя и за васъ, братья, ис„полнить его приказаніе. Не сдѣлайте насъ преступниками. „Буде же вздумаете противиться, то знайте, что Великій „Князь въ гнѣвѣ и въ ярости устремитъ на васъ многочис„ленное воинство: мы погибнемъ, и вы погибнете въ крово„пролитіи. Рѣшитесь немедленно: послѣдній срокъ есть 16 „Генваря. Здравствуйте“ ([63]).

Долматовъ явился въ собраніи гражданъ Псковскихъ, сказалъ имъ поклонъ отъ Великаго Князя, и требовалъ его именемъ, чтобы они, если хотятъ жить *по старинѣ*, исполнили *дѣло воли* Государевы: отмѣнили Вѣче, сняли колоколъ онаго, и во всѣ города свои приняли Великокняжескихъ Намѣстниковъ. Посолъ заключилъ рѣчь свою тѣмъ, что или самъ Государь будетъ у нихъ, добрыхъ подданныхъ, мирнымъ гостемъ, или пришлетъ къ нимъ воинство смирить мятежниковъ. Сказавъ, Долматовъ сѣлъ на степени Вѣча и долго ждалъ отвѣта: ибо граждане не могли говорить отъ слезъ и рыданія; наконецъ просили его дать имъ время на размышленіе до слѣдующаго утра.—Сей день и сія ночь были ужасны для Пскова. Одни грудные младенцы, по словамъ лѣтописи, не плакали тогда отъ горести. На улицахъ, въ домахъ раздавалось стенаніе: всѣ обнимали другъ друга какъ въ послѣдній часъ жизни ([64]). Столь велика любовь гражданъ къ древ-

нимъ уставамъ свободы! Уже давно Псковитяне зависѣли отъ Государя Московскаго въ дѣлахъ внѣшней Политики и признавали въ немъ судію верховнаго; но Государь дотолѣ уважалъ ихъ законы, и Намѣстники его судили согласно съ оными; власть законодательная принадлежала Вѣчу, и многія тяжбы рѣшились народными чиновниками, особенно въ пригородахъ ([65]): одно избраніе сихъ чиновниковъ уже льстило народу. Василій уничтоженіемъ Вѣча искоренялъ все старое древо самобытнаго гражданства Псковскаго, хотя и поврежденное, однакожь еще не мертвое, еще лиственное и плодоносное.

Народъ болѣе сѣтовалъ, нежели совѣтовался: необходимость уступить являлась всякому съ доказательствами неопровержимыми. Слышны были рѣчи смѣлыя, но безъ дерзости. Послѣднія торжественныя минуты издыхающей свободы благопріятствуютъ великодушію; но разсудокъ уже обуздываетъ сердце. На разсвѣтѣ ударили въ Вѣчевой колоколъ: сей звукъ представилъ гражданамъ мысль о погребеніи. Они собрались. Ждали Дьяка Московскаго. Долматовъ пріѣхалъ. Ему сказали: „Господинъ Посолъ! Лѣтописцы наши свидѣтельствуютъ, что „*добровольные* Псковитяне всегда присягали Великимъ Князь„ямъ въ вѣрности: клялися непреложно имѣть ихъ своими „Государями, не соединяться съ Литвою и съ Нѣмцами; а „въ случаѣ измѣны подвергали себя гнѣву Божію, гладу, „огню, потопу и нашествію иноплеменниковъ. Но сей крест„ный обѣтъ былъ взаимнымъ: Великіе Князья присягали не „лишать насъ древней свободы; клятва таже, таже и казнь „преступнику. Нынѣ воленъ Богъ и Государь въ своей от„чинѣ, во градѣ Псковѣ, въ насъ и въ нашемъ колоколѣ! „По крайней мѣрѣ мы не хотимъ измѣнить крестному цѣло„ванію, не хотимъ поднять руки на Великаго Князя. Если „угодно ему помолиться Живоначальной Троицѣ и видѣть „свою отчину, да ѣдетъ во Псковъ: мы будемъ ему рады, „благодаря его, что онъ не погубилъ насъ до конца“ ([66]).—

Конецъ вольности Псковской.

Генваря 13 граждане сняли Вѣчевой колоколъ у Святой Троицы, и смотря на него, долго плакали о своей *старинѣ* и *волѣ*.

Долматовъвъ ту же ночь поѣхалъ къ Государю съ симъ древнимъ колоколомъ и съ донесеніемъ, что Псковитяне уже не имѣютъ Вѣча. То же объявили ему и Послы ихъ ([67]). Онъ немедленно отправилъ къ нимъ Бояръ съ воинскою дружиною, обязать присягою гражданъ и сельскихъ жителей; велѣлъ очистить для себя дворъ Намѣстниковъ, а для Вельможъ своихъ, Дьяковъ и многочисленныхъ тѣлохранителей городъ Средній, откуда надлежало перевести всѣхъ жителей въ Большой городъ, и 20 Генваря выѣхалъ туда самъ съ братомъ, зятемъ, Царемъ Летифомъ, Епископомъ Коломенскимъ, Княземъ Даніиломъ Щенею, Бояриномъ Давыдовымъ и Михайломъ Глинскимъ. Псковитяне шли къ нему на встрѣчу: имъ приказано было остановиться въ двухъ верстахъ отъ города. Увидѣвъ Государя, всѣ они пали ницъ. Великій Князь спросилъ у нихъ о здравіи: „Лишь бы ты, Государь, здравствовалъ!“ отвѣтствовали Старѣйшины. Народъ безмолвствовалъ. Епископъ Коломенскій опередилъ Великаго Князя, чтобы вмѣстѣ съ Духовенствомъ Псковскимъ встрѣтить его предъ стѣною Довмонтовою. Василій сошелъ съ коня, и за крестами вступилъ въ церковь. Св. Троицы, гдѣ Епископъ, отпѣвъ молебенъ, возгласилъ ему многолѣтіе, и благословляя Великаго Князя, громко произнесъ: „слава Всевышнему, Который *далъ* тебѣ Псковъ безъ войны“ ([68])! Тутъ граждане, бывшіе въ церкви, горько заплакали и сказали: „Государь! *мы не чужіе;* мы искони служили твоимъ предкамъ“. Въ сей день, Генваря 24, Василій обѣдалъ съ Епископомъ Коломенскимъ, съ Архимандритомъ Симоновскимъ Варлаамомъ, съ Боярами и Воеводами; а въ Воскресенье, Генваря 27, приказалъ собраться Псковитянамъ да дворѣ своемъ. Къ нимъ вышелъ Окольничій, Князь Петръ Шуйскій: держа въ рукѣ списокъ, онъ перекликалъ всѣхъ чиновниковъ, Бояръ, Старостъ, купцевъ, людей Житыхъ, и велѣлъ имъ итти въ большую Судебную избу, куда Государь, сидя съ Думными Вельможами въ Передней избѣ, прислалъ Князя Александра Ростовскаго, Конюшаго Челяднина, Шуйскаго, Казначея Дмитрія Владиміровича, Дьяковъ Долматова, Мисюря, и другихъ. Они

говорили такъ: „Знатные Псковитяне! Великій Князь, Божіею „милостію Царь и Государь всея Русіи, объявляетъ вамъ „свое жалованье; не хочетъ вступаться въ вашу собственность: „пользуйтесь ею, нынѣ и всегда. Но здѣсь не можете остаться: „ибо вы утѣсняли народъ, и многіе, обиженные вами, требовали „Государева правосудія. Возьмите женъ и дѣтей; идите въ „землю Московскую, и тамъ благоденствуйте милостію Вели„каго Князя". Ихъ всѣхъ, изумленныхъ горестію, отдали на руки Дѣтямъ Боярскимъ; и въ ту же ночь увезли въ Москву 300 семействъ, въ числѣ которыхъ находились и жены бывшихъ подъ стражею въ Новѣгородѣ Псковитянъ. Они могли взять съ собою только малую часть своего достоянія, но жалѣли единственно отчизны.—Другихъ Среднихъ и Младшихъ гражданъ отпустили въ домы, съ увѣреніемъ что имъ не будетъ *развода;* но ужасъ господствовалъ и плачь не умолкалъ во Псковѣ. Многіе, не вѣря обѣщанію и боясь ссылки, постриглись, мужья и жены, чтобы умереть на своей родинѣ ([69]).

Государь велѣлъ быть Намѣстниками во Псковѣ Боярину Григорію Ѳедоровичу Давыдову ([70]) и Конюшему Челяднину, а Дьяку Мисюрю вѣдать дѣла Приказныя, Андрею Волосатому Ямскія; опредѣлилъ Воеводъ, Тіуновъ и Старостъ въ пригороды; уставилъ новый чеканъ для монеты и торговую пошлину, дотолѣ неизвѣстную въ землѣ Псковской, гдѣ купцы всегда торговали свободно и не платя ничего; роздалъ деревни сосланныхъ Псковитянъ Московскимъ Боярамъ; вывелъ всѣхъ гражданъ изъ Застѣнья или Средняго города, гдѣ находилось 1500 дворовъ; указалъ тамъ жить однимъ Государевымъ чиновникамъ, Боярскимъ Дѣтямъ и Москвитянамъ, а купеческія лавки перевести изъ Довмонтовой стѣны въ Большой городъ; выбралъ мѣсто для своего дворца и заложилъ Церковь Святой Ксеніи, ибо въ день ея памяти уничтожилась вольность Пскова ([71]); наконецъ, все устроивъ въ теченіе мѣсяца, оставивъ Намѣстникамъ тысячу Боярскихъ Дѣтей и 500 Новогородскихъ пищальниковъ, съ торжествомъ поѣхалъ въ Москву, куда отправили за нимъ и Вѣчевый колоколъ. Въ

замѣну убылыхъ гражданъ, триста семействъ купеческихъ изъ десяти Низовыхъ городовъ были переселены во Псковъ ([72]).

„Такъ“—говоритъ Лѣтописецъ Ольгиной родины—„исчезла слава Пскова, плѣненнаго не иновѣрными, но своими „братьями Христіанами. О градъ, нѣкогда великій! ты сѣтуешь въ опустѣніи. Прилетѣлъ на тебя орелъ многокрыльный „съ когтями львиными, вырвалъ изъ нѣдръ твоихъ три кедра „Ливанскіе: похитилъ красоту, богатство и гражданъ; раскопалъ торжища, или заметалъ дрязгомъ ([73]); увлекъ нашихъ „братьевъ и сестеръ въ мѣста дальнія, гдѣ не бывали ни „отцы ихъ, ни дѣды, ни прадѣды.“

Болѣе шести вѣковъ Псковъ, основанный Славянами-Кривичами, имѣлъ свои гражданскіе уставы, любилъ оные, не зналъ и не хотѣлъ знать лучшихъ; былъ *вторымъ Новымгородомъ*, называясь его *меньшимъ братомъ*, ибо въ началѣ составлялъ съ нимъ одну Державу и до конца одну Епархію ([74]); подобно ему бѣдный въ дарахъ Природы, дѣятельною торговлею снискалъ богатство, а долговременною связію съ Нѣмцами художества и вѣжливость; уступая ему въ древней славѣ побѣдъ и завоеваній отдаленныхъ, долѣе его хранилъ духъ воинскій, питаемый частыми бранями съ Ливонскимъ Орденомъ. Какъ въ семействахъ, такъ и въ гражданскихъ обществахъ видимъ иногда наслѣдственныя добродѣтели: Псковъ отличался благоразуміемъ, справедливостію, вѣрностію; не измѣнялъ Россіи, угадывалъ судьбу ея, держался Великихъ Князей, желалъ отвратить гибель Новогородской вольности, тѣсно связанной съ его собственною; прощалъ сему завистливому народу обиды и досады; будучи остороженъ, являлъ и смѣлую отважность великодушія, на примѣръ въ защитѣ Александра Тверскаго, гонимаго Ханомъ и Государемъ Московскимъ ([75]); сдѣлался жертвою непремѣннаго Рока, уступилъ необходимости, но съ какимъ-то благороднымъ смиреніемъ, достойнымъ людей свободныхъ, и не оказавъ ни дерзости, ни робости своихъ Новогородскихъ братьевъ.—Сіи двѣ народныя Державы сходствовали во всѣхъ ихъ учрежденіяхъ и законахъ; но Псковитяне имѣли особенную степень граж-

данскую, такъ называемыхъ *Дѣтей Посадничьихъ*, ставя ихъ выше купцевъ и Житейскихъ людей ([76]): слѣдовательно изъявляли еще болѣе уваженія къ сану Посадниковъ, давъ ихъ роду наслѣдственную знатность.

Великій Князь хотѣлъ сдѣлать удовольствіе Псковитянамъ, и выбралъ изъ нихъ 12 Старостъ, чтобы они вмѣстѣ съ Московскими Намѣстниками и Тіунами судили въ ихъ бывшихъ двѣнадцати пригородахъ по изданной имъ тогда Уставной грамотѣ ([77]). Но сіи Старосты не могли обуздывать хищности сановниковъ Великокняжескихъ, которые именемъ новыхъ законовъ отягчали налогами гражданъ и земледѣльцевъ, не внимали справедливымъ жалобамъ и казнили за оныя, такъ, что несчастные жители толпами бѣжали въ чужія земли, оставляя женъ и дѣтей. Пригороды опустѣли. Иностранцы, купцы, ремесленники, имѣвшіе домы во Псковѣ, не хотѣли быть ни жертвою, ни свидѣтелями насилія, и всѣ выѣхали оттуда.—„Мы одни остались,“ прибавляетъ Лѣтописецъ: „смотрѣли на землю: она не разступалась; смотрѣли „на небо: не льзя было летѣть вверхъ безъ крыльевъ“. Узнавъ о корыстолюбіи Намѣстниковъ, Государь смѣнилъ ихъ, и прислалъ достойнѣйшихъ, Князей Петра Шуйскаго и Симеона Курбскаго, мужей правосудныхъ, человѣколюбивыхъ: они успокоили гражданъ и народъ; бѣглецы возвратились. Псковитяне не переставали жалѣть о своихъ древнихъ уставахъ, но престали жаловаться. Съ сего времени они, какъ и всѣ другіе Россіяне, должны были посылать войско на службу Государеву ([78]).

Такъ Василій употребилъ первые четыре года своего правленія, страхомъ оружія, безъ побѣдъ, но не безъ славы умиривъ Россію, доказавъ *наслѣдственное могущество* ея Государей для непріятеля внѣшняго, и непремѣнно волю ихъ быть внутри Самодержавными.

ГЛАВА II.

Продолженіе государствованія Василіева.

Г. 1510—1521.

Взаимныя досады Василіевы и Сигизмундовы. Намѣреніе брата Василіева, Симеона, бѣжать въ Литву. Пріѣздъ Царицы Нурсалтанъ въ Москву. Раскаяніе Магметъ-Аминя. Разрывъ съ Менгли-Гиреемъ. Набѣги Крымцевъ. Война съ Литвою. Союзъ съ Императоромъ Максимиліаномъ. Мирный договоръ съ Ганзою. Посольство Турецкое. Взятіе Смоленска. Измѣна Глинскаго. Битва Оршинская. Измѣна Епископа Смоленскаго. Приступъ Острожскаго къ Смоленску. Набѣгъ Крымцевъ. Вторичное Посольство къ Султану. Смерть Менгли-Гирея. Посольство отъ новаго Хана. Магметъ-Гирея, и наше къ нему. Болѣзнь и Посольство Царя Казанскаго. Впаденіе Крымцевъ. Союзъ съ Королемъ Датскимъ и съ Нѣмецкимъ Орденомъ. Посольство Императора Максимиліана. Послы Литовскіе. Приступъ Острожскаго къ Опочкѣ. Переговоры о мирѣ. Посольство къ Максимиліану. Новые Послы отъ Императора. Смерть Летифа. Возобновленіе союза съ Крымомъ. Смерть Магметъ-Аминя. Шигъ-Алей-Царемъ къ Казани. Крымцы опустошали Литву. Посольство къ Султану. Сношенія съ Магистромъ и съ Папою. Магистръ въ войнѣ съ Польшею. Походъ Воеводъ на Литву. Слабость Нѣм. Ордена. Посольство къ Султану. Бунтъ въ Казани. Нападеніе Магметъ-Гирея на Россію. Хабаръ Симскій. Судъ Воеводъ. Станъ подъ Коломною. Посолъ Солимановъ. Посольство Литовское и перемиріе. Конецъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи. Новое перемиріе съ Литовскимъ Орденомъ.

Не долго Россія и Литва могли наслаждаться миромъ: г. 1510
чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи онаго возобновились взаимныя досады, упреки; обвиняли другъ друга въ неисполненіи договора, подозрѣвали въ непріятельскихъ замыслахъ; между тѣмъ хотѣли удалить войну. Сигизмундъ жаловался, что мы освободили не всѣхъ плѣнниковъ, и что Намѣстники Московскіе не даютъ управы его подданнымъ, у коихъ Россіяне, вопреки миру, отнимаютъ земли. Василій доказывалъ, что и наши плѣнники не всѣ возвратились изъ Литвы; что

Король, отпустивъ Московскихъ купцевъ, удержалъ ихъ товары; что сами Литовцы дѣлаютъ несносныя обиды Россіянамъ. Нѣсколько разъ предлагали съ обѣихъ сторонъ выслать общихъ судей на границу; соглашались, назначали время: но тѣ или другіе не являлись къ сроку. Безпрепятственно отпустивъ Глинскихъ, Сигизмундъ раскаялся, заключилъ ихъ друзей въ темницу ([79]), и вздумалъ требовать, чтобы Великій Князь выдалъ ему самого Михаила съ братьями. Государь отвѣтствовалъ, что Глинскіе перешли въ его службу, когда Россія воевала съ Литвою, и что онъ никому не выдаетъ своихъ подданныхъ. Сношенія продолжались около трехъ
г. 1511. 1512. лѣтъ ([80]): гонцы и Послы ѣздили съ изъявленіемъ неудовольствій, однакожь безъ угрозъ, до самаго того времени, какъ вдовствующая Королева Елена увѣдомила брата, что Сигизмундъ, вмѣсто благодарности за ея ревность къ пользамъ Государства его оказываетъ ей нелюбовь и даже презрѣніе; что Литовскіе Паны дерзаютъ быть наглыми съ нею; что она думала ѣхать изъ Вильны въ свою маетность, въ Брянславль, но Воеводы Николай Радзивилъ и Григорій Остиковъ схватили ее въ часъ обѣдни; сказавъ: *ты хочешь бѣжать въ Москву*, вывели за рукава изъ церкви, посадили въ сани, отвезли въ Троки и держатъ въ неволѣ, удаливъ всѣхъ ея слугъ. Встревоженный симъ извѣстіемъ, Василій спрашивалъ у Короля, чѣмъ Елена заслужила такою поруганіе? и требовалъ, чтобы ей возвратили свободу, казну, людей, со всѣми знаками должнаго уваженія ([81]). Не знаемъ отвѣта. Другое происшествіе сего времени умножило досады Великаго Князя на Сигизмунда.

Намѣреніе брата Василіева, Симеона, бѣжать въ Литву.

Меньшій сынъ Іоанновъ, Симеонъ Калужскій, отличаясь пылкимъ нравомъ и легкомысліемъ, съ неудовольствіемъ видѣлъ себя подданнымъ старшаго брата, жаловался на его самовластіе, на стѣсненіе древняго права Князей Удѣльныхъ, и внимая совѣтамъ нѣкоторыхъ мятежныхъ Бояръ своихъ, вздумалъ искать Сигизмундова покровительства, измѣнить Россіи, бѣжать въ Литву ([82]). Государь узналъ о томъ, призвалъ и хотѣлъ заключить Симеона. Раскаяніе юнаго Князя,

Pedagogiczna Biblioteka Główna w Kielcach

моленіе братьевъ, Митрополита и всѣхъ Епископовъ смягчили гнѣвъ Василія: онъ далъ Симеону другихъ, надежныхъ Бояръ, и велѣлъ ему быть впредь благоразумнѣе; но съ горестью видѣлъ, что Сигизмундъ можетъ имѣть тайныхъ друзей въ самомъ семействѣ Великокняжескомъ. Сіе расположеніе не благопріятствовало миру: успѣхъ Литовскихъ козней въ Тавридѣ довершилъ необходимость войны.

Въ 1510 году жена Менгли-Гиреева, Нурсалтанъ, пріѣхала въ Москву съ Царевичемъ Саипомъ и съ тремя Послами, которые увѣряли Василія въ истинной къ нему дружбѣ Хана ([83]). Цѣлію сего путешествія было свиданіе Царицы съ ея сыновьями, Летифомъ и Магметъ-Аминемъ. Великій Князь угощалъ ее какъ свою знаменитую пріятельницу, и чрезъ мѣсяцъ отпустилъ въ Казань, гдѣ она жила около года, стараясь утвердить сына въ искреннемъ къ намъ доброжелательствѣ, такъ, что Магметъ-Аминь новыми грамотами обязался быть совершенно преданнымъ Россіи, и еще недовольный клятвенными обѣтами вѣрности, желалъ во всемъ открыться Государю: для чего былъ посланъ къ нему Бояринъ Иванъ Андреевичъ Челяднинъ, коему онъ чистосердечно исповѣдалъ тайну прежней измѣны Казанской, обстоятельства и вину ея, не пожалѣвъ и своей жены-прелестницы ([84]). Однимъ словомъ, Великій Князь не могъ сомнѣваться въ его искренности. Царица Нурсалтанъ по возвращеніи изъ Казани жила опять мѣсяцевъ шесть въ Москвѣ, ласкаемая, чествимая при Дворѣ, и вмѣстѣ съ нашимъ Посломъ, Окольничимъ Тучковымъ, отправилась въ Тавриду, исполненная благодарности къ Василію, который имѣлъ всѣ причины вѣрить дружбѣ Менгли-Гиреевой, но обманулся.

Сей Ханъ престарѣлый, ослабѣвъ духомъ, уже зависѣлъ отъ своихъ легкомысленныхъ сыновей, которые хотѣли иной системы въ политикѣ, или, лучше сказать, никакой не имѣли, слѣдуя единственно приманкамъ грабежа и корыстолюбія. Вельможи льстили Царевичамъ, ждали смерти Царя и хватали какъ можно болѣе золота. Такими обстоятельствами воспользовался Сигизмундъ, и сдѣлалъ, чего не Казимиръ, ни Алек-

Пріѣздъ Царицы Нурсалтанъ въ Москву.

Раскаяніе Магметъ-Амина

Разрывъ съ Ханомъ Менгли-Гиреемъ.

сандръ никогда не могли сдѣлать: лишилъ насъ важнаго, долголѣтнаго Менгли-Гиреева союза, вопреки умной женѣ Ханской, ревностной въ пріязни къ Великому Князю. Литва обязалась давать ежегодно Менгли-Гирею 15,000 червонцевъ ([85]), съ условіемъ, чтобы онъ, измѣнивъ своимъ клятвамъ, безъ всякаго неудовольствія на Россію, объявилъ войну, то есть, жегъ и грабилъ въ ея предѣлахъ. Сей тайный договоръ исполнился немедленно: въ Маѣ 1512 года сыновья Хановы, Ахматъ и Бурнашъ-Гиреи, со многолюдными шайками ворвались въ области Бѣлевскія, Одоевскія: злодѣйствовали какъ разбойники и бѣжали, узнавъ, что Князь Даніилъ Щеня спѣшитъ ихъ встрѣтить въ полѣ ([86]). Хотя Государь совсѣмъ не ожидалъ впаденія Крымцевъ, однакожъ не имѣлъ нужды въ долгихъ приготовленіяхъ: со временъ его отца Россія уже никогда не была безоружною; никогда всѣ полки не распускались, смѣняясь только одни съ другими въ дѣйствительной службѣ ([87]). За Даніиломъ Щенею выступили и многіе иные Воеводы къ границамъ. Ахматъ-Гирей думалъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ опустошить Рязанскую землю; но Князь Александръ Ростовскій стоялъ на берегахъ Осетра, Князь Булгакъ и Конюшій Челяднинъ на Упѣ: Ахматъ удалился. Болѣе смѣлости оказалъ сынъ Ханскій, Бурнашъ-Гирей: онъ приступилъ къ самой Рязанской столицѣ и взялъ нѣкоторыя внѣшнія укрѣпленія: города не взялъ. Воеводы Московскіе гнали Крымцевъ степями до Тихой Сосны ([88]).

Набѣги Крымцевъ.

Великій Князь зналъ истиннаго виновника сей войны, и желая усовѣстить Менгли-Гирея, представлялъ ему ([89]), что старая дружба, утвержденная священными клятвами и взаимною государственною пользою, лучше новой, основанной на подкупѣ, требующей вѣроломства и весьма ненадежной; что мы помнимъ услуги, а Литовцы помнятъ долговременную вражду сего Хана; что первое, возбуждая признательность, укрѣпляетъ связь дружества, а второе готовитъ месть, которая если не нынѣ, то завтра обнаружится. Менгли-Гирей, извиняя себя, отвѣчалъ, что Царевичи безъ его повелѣнія и вѣдома воевали Россію. Сіе могло быть справедливо ([90]): тѣмъ не менѣе по-

стоянный, счастливый для насъ союзъ, дѣло Іоанновой мудрости, рушился навѣки, и Крымъ способствовавъ возрожденію нашего величія, обратился для Россіи въ скопище губителей.

Скоро свѣдалъ Василій, что Король готовитъ полки и неотступно убѣждаетъ Менгли-Гирея дѣйствовать противъ насъ всѣми силами, желая вмѣстѣ съ нимъ начать войну лѣтомъ ([91]). Война съ Литвою
Въ Думѣ Великокняжеской рѣшено было предупредить сей замыселъ: Государь послалъ къ Сигизмунду *складную грамоту*, написалъ въ ней имя Королевское безъ всякаго титула, исчислилъ всѣ знаки его непримиримой вражды, оскорбленіе Королевы Елены, нарушеніе договора, стараніе возбудить Менгли-Гирея ко вторженію въ Россію, и заключилъ сими словами: „взявъ себѣ Господа въ помощь, иду на тебя и хочу стоять, „какъ будетъ угодно Богу: а крестное цѣлованіе слагаю“ ([92]). Тогда находились въ Москвѣ Послы Ливонскіе, которые, бывъ свидѣтелями нашего вооруженія, извѣстили своего Магистра, Плеттенберга, что никогда Россія не имѣла многочисленнѣйшаго войска и сильнѣйшаго огнестрѣльнаго снаряда; что Великій Князь, пылая гнѣвомъ на Короля, сказалъ: „доколѣ „конь мой будетъ ходить и мечь рубить, не дамъ покоя Литвѣ“ ([93]). Самъ Василій предводительствовалъ ратію и выѣхалъ изъ столицы 19 Декабря съ братьями Юріемъ и Димитріемъ, съ зятемъ Царевичемъ Петромъ и съ Михаиломъ Глинскимъ ([94]). Главными Воеводами были Князья Даніилъ Щеня и Рѣпня. Приступили къ Смоленску. Тутъ гонецъ Королевскій подалъ Василію письмо отъ Сигизмунда, который требовалъ, чтобы онъ немедленно прекратилъ воинскія дѣйствія и вышелъ изъ Литвы, если не хочетъ испытать его мести. Великій Князь не отвѣтствовалъ, а гонца задержали. Назначили быть приступу ночью, отъ рѣки Днѣпра. Для ободренія людей выкатили нѣсколько бочекъ крѣпкаго меду: пилъ, кто и сколько хотѣлъ. Сіе средство оказалось весьма неудачнымъ. Шумъ и крикъ пьяныхъ возвѣстилъ городу нѣчто чрезвычайное: тамъ удвоили осторожность. Они бросились смѣло на укрѣпленія; но хмѣль не устоялъ противъ ужасовъ смерти. Встрѣченные ядрами и мечами, Россіяне бѣжали ([95]). г. 1513

и Великій Князь чрезъ два мѣсяца возвратился въ Москву, не взявъ Смоленска, разоривъ только села и плѣнивъ ихъ жителей.

Въ сіе время скончалась въ Вильнѣ вдовствующая Королева Елена, умная и добродѣтельная, бывъ жертвою горести, а не яда, какъ подозрѣвали въ Москвѣ отъ ненависти къ Литовцамъ ([96]): ибо Сигизмундъ имѣлъ въ ней важный залогъ для благопріятнаго съ нами мира, коего онъ желалъ, или еще не готовый къ войнѣ, или не довѣряя союзу Менгли-Гирея, и не имѣя надежды одинъ управиться съ Россіею. Онъ тогда же просилъ *опасныхъ грамотъ* въ Москвѣ для его Пословъ: Вельможи Литовскіе писали къ нашимъ Боярамъ, чтобы они своимъ ходатайствомъ уняли кровопролитіе ([97]). Письмо отъ гонца взяли въ Набережной Палатѣ, дали ему *опасную грамоту*, и Бояре отвѣтствовали Панамъ, что Великій Князь сдѣлалъ то единственно изъ уваженія къ ихъ предстательству. Срокъ назначенный въ грамотѣ минулъ: Сигизмундъ извѣстилъ Василія, что виною сего замедленія были Послы Римскіе, которые ѣдутъ въ Москву отъ Папы, и что вмѣстѣ съ ними будутъ и Литовскіе. Онъ просилъ новаго *опаса*, и получилъ его.

Іюня 14. Однакожь, не теряя времени, Государь вторично выступилъ изъ Москвы съ полками, отправивъ напередъ къ Смоленску знатную часть рати съ Бояриномъ Княземъ Рѣпнею и съ Окольничимъ Сабуровымъ ([98]). Намѣстникъ Смоленскій, Панъ Юрій Салогубъ, имѣя не мало войска, встрѣтилъ ихъ въ полѣ: битва рѣшилась въ нашу пользу; онъ заключился въ городѣ. Привели многихъ плѣнниковъ къ Василію въ Боровскъ, и Воеводы обложили Смоленскъ. Государь прибылъ къ нимъ въ станъ 25 Сентября. Началась осада; но худое искусство въ дѣйствіи огнестрѣльнаго снаряда и положеніе города, укрѣпленнаго высокими стѣнами, а еще болѣе стремнинами, холмами, дѣлали ее безуспѣшною. Что мы днемъ разрушали, то Литовцы ночью воздвигали снова. Тщетно Великій Князь писалъ къ осажденнымъ, или милостиво или съ угрозами, требуя, чтобы они сдалися. Миновало шесть недѣль. Войско наше усилилось приходомъ Новгородскаго и Псков-

скаго ([99]). Можно было упорствомъ и терпѣніемъ изнурить гражданъ; но глубокая осень, дожди, грязь, принудили Великаго Князя отступить. Россіяне хвалились единственно опустошеніемъ земли непріятельской вокругъ Смоленска и Полоцка, куда ходилъ изъ Великихъ Лукъ Князь Василій Шуйскій, также со многочисленными полками.

Союзъ съ Императоромъ.

Дѣйствуя мечемъ, Государь дѣйствовалъ и Политикою. Еще въ 1508 году—свѣдавъ отъ Михаила Глинскаго, что Венгерскій Король, Владиславъ, боленъ, и что Максимиліанъ опять замышляетъ овладѣть сею державою—Великій Князь писалъ къ Императору о войнѣ Россіи съ Литвою, напоминалъ ему союзъ его съ Іоанномъ и предлагалъ возобновить оный. Михаилъ взялся тайно переслать Василіеву грамоту въ Вѣну ([100]). Дѣла Италіи и другія обстоятельства были виною того, что Максимиліанъ долго не отвѣтствовалъ. Наконецъ въ Февралѣ 1514 года пріѣхалъ въ Москву Императорскій Посолъ, Совѣтникъ Шниценъ-Памеръ, который именемъ Государя своего заключилъ договоръ съ Россіею, чтобы общими силами и въ одно время наступить на Сигизмунда: Василію отнять у него Кіевъ и всѣ наши древніе города, а Максимиліану Прусскія области, захваченныя Королемъ. Обязались ни въ случаѣ успѣха, ни въ противномъ, какъ въ государствованіи Сигизмунда, такъ и послѣ, не разрывать своего союза, вѣчнаго, непремѣннаго; условились также въ свободѣ и безопасности для путешественниковъ, Пословъ и купцевъ въ обѣихъ земляхъ. Максимиліанъ и Василій именуютъ другъ друга братьями, Великими Государями и Царями. Русскую договорную грамоту перевели въ Москвѣ на языкъ Нѣмецкій, и вмѣсто слова Царь поставили Kayser. Въ Мартѣ Шниценъ-Памеръ отправился назадъ въ Германію съ Великокняжескимъ чиновникомъ, Грекомъ Дмитріемъ Ласкиревымъ, и съ Дьякомъ Елеазаромъ Суковымъ, предъ коими Максимиліанъ 4 Августа утвердилъ договоръ клятвою, собственноручною подписью и золотою печатію ([101]). Нѣмецкій подлинникъ сей любопытной грамоты, уцѣлѣвъ въ нашемъ Архивѣ, служилъ Петру Великому законнымъ свидѣтельствомъ, что самые предки его на-

г. 1514.

зывались Императорами, и что Австрійскій дворъ призналъ ихъ въ семъ достоинствѣ.—Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ новые Послы Максимиліановы, Докторъ Яковъ Ослеръ и Морицъ Бургштеллеръ, вручили Великому Князю хартію союза, были приняты съ отмѣнною ласкою, и не только въ Москвѣ, но и во всѣхъ городахъ пышно угощаемы Намѣстниками: ихъ звали на обѣды, Дѣти Боярскіе встрѣчали у лѣсницы, знатные сановники на нижнемъ крыльцѣ, Намѣстники у дверей въ сѣняхъ; сажали въ первое мѣсто; хозяинъ, вставъ, подавалъ имъ двѣ чаши, пить здоровье Государей-братьевъ, соблюдая однакожь, чтобы гости начинали съ Россійскаго ([102]). Однимъ словомъ, никакимъ инымъ Посламъ не оказывалось болѣе чести, и безполезнѣе: ибо Максимиліанъ, опутанный дѣлами Южной и Западной Европы, скоро перемѣнилъ систему: выдалъ свою внучку, Марію, дочь Филиппа Кастильскаго, за племянника Сигизмундова, наслѣдника Владиславова, а юнаго Фердинанда, Филиппова сына, женилъ на дочери Короля Вевгерскаго, и только именемъ остался союзникъ Россіи.

Мирный договоръ съ Ганзою.

Въ сіе время Новогородскіе Намѣстники, Князь Василій Шуйскій и Морозовъ, заключили также достопамятное мирное условіе съ семидесятью городами Нѣмецкими, или съ Ганзою, на десять лѣтъ. Чтобы возобновить свою древнюю торговлю въ Новѣгородѣ, она рѣшилась забыть претерпѣнное купцами ея въ Россіи бѣдствіе: обязались не имѣть дружбы съ Сигизмундомъ, ни съ его друзьями, и во всемъ доброхотствовать Василію, который велѣлъ отдать Нѣмцамъ дворы, мѣста и церковь ихъ въ Новѣгородѣ; позволилъ имъ торговать солью, серебромъ, оловомъ, мѣдью, свинцомъ, сѣрою, медомъ, сельдями и всякими ремесленными произведеніями, обнадеживъ, что въ случаѣ войны съ Ливоніею или съ Швеціею Ганзейскіе купцы могутъ быть у насъ совершенно покойны Уставили, чтобы Россіянъ судить въ Германіи какъ Нѣмцевъ, а Нѣмцевъ въ Новѣгородѣ какъ Россіянъ по однимъ законамъ; не наказывать первыхъ безъ вѣдома Намѣстниковъ Великокняжескихъ, а вторыхъ безъ вѣдома Ганзы; никого не лишать вольности безъ суда; разбойника, злодѣя казнить смер-

тію: только не мстить его невиннымъ единоземцамъ ([103]). Великій Князь желалъ, исправляя ошибку Іоаннову, возстановить сію важную для насъ торговлю; но двадцати-лѣтній разрывъ и перемѣна въ политическомъ состояніи Новагорода ослабили ея дѣятельность, уменьшили богатство и пользу обоюдную. Рижскій Бургомистръ, Нейштетъ, около 1570 года будучи въ Новѣгородѣ, видѣлъ тамъ развалины древней каменной Нѣмецкой божницы Св. Петра и маленькій деревянный домикъ съ подваломъ, гдѣ еще складывались нѣкоторые товары Ганзейскіе ([104]).

Уже Іоаннъ, какъ мы видѣли, искалъ пріязни Баязета, но единственно для безопасности нашихъ купцевъ въ Азовѣ и Кафѣ, еще не думая, чтобы Россія могла имѣть выгоды отъ союза съ Константинополемъ въ дѣлахъ внѣшней Политики: Василій хотѣлъ въ семъ отношеніи узнать мысли Султана, и свѣдавъ, что несчастный Баязетъ сверженъ честолюбивымъ, жестокимъ сыномъ, отправилъ къ Селиму Дворянина Алексѣева съ ласковымъ поздравленіемъ. „Отцы наши“—писалъ Государь—„жили въ братской любви: да будетъ она и „между сыновьями“. Послу, какъ обыкновенно, велѣно было не унижать себя, не кланяться Султану до земли, сложить только передъ нимъ руки; вручить ему дары, письмо, но не спрашивать объ его здравіи, если самъ Селимъ не спроситъ о Василіевомъ. Алексѣевъ, принятый въ Константинополѣ весьма благосклонно, выѣхалъ оттуда съ Посломъ Султановымъ, Княземъ Мангупскимъ, Ѳеодоритомъ Камаломъ, знакомцемъ нашего именитаго чиновника, Траханіота, и, какъ вѣроятно, Грекомъ ([105]). Они были въ пути около девяти мѣсяцевъ (отъ Августа до Мая); терпѣли недостатокъ, голодъ въ степяхъ Воронежскихъ; лишились всѣхъ коней, шли пѣшкомъ и едва достигли предѣловъ Рязанскихъ, гдѣ ждали ихъ люди высланные къ нимъ отъ Великаго Князя. Сей Турецкій Посолъ въ Москвѣ возбудилъ любопытство ея жителей, которые съ удовольствіемъ видѣли, что грозные завоеватели Византіи ищутъ нашей дружбы. Его встрѣтили пышно: Великій Князь сидѣлъ въ Малой Набережной Палатѣ; вокругъ Бояре въ *саженыхъ*

Посольство Турецкое.

шубахъ; у дверей стояли *Княжата* и Дѣти Боярскіе въ *саженыхъ терликахъ*. Представленный Государю Княземъ Шуйскимъ, Посолъ отдалъ ему Султанскую грамоту, писанную на языкѣ Арабскомъ, а другую на Сербскомъ; цѣловалъ у Василія руку; объявилъ желаніе Селимово быть съ нимъ въ вѣчной любви, имѣть однихъ друзей и непріятелей; обѣдалъ во дворцѣ, въ Средней Златой Палатѣ ([106]). Великій Князь желалъ заключить съ Селимомъ договоръ письменный; но Камалъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на то приказанія. „По край„ней мѣрѣ — говорили Бояре — Государь долженъ знать, кто „друзья и непріятели Султану, чтобы, согласно съ его пред„ложеніемъ, быть имъ также другомъ и непріятелемъ“. Посолъ не смѣлъ входить въ объясненія столь важныя ([107]). — Селимъ убѣждалъ Великаго Князя изъ дружбы къ нему отпустить Летифа въ Тавриду, но получилъ отказъ.

Во время переговоровъ съ симъ чиновникомъ Султанскимъ наше войско выступало изъ Москвы. Великій Князь пылалъ ревностію загладить неудачу двухъ походовъ къ Смоленску, думая менѣе о собственной ратной славѣ, чѣмъ о вредѣ государственномъ, который могъ быть ихъ слѣдствіемъ: Литовцы уже переставали бояться нашихъ многочисленныхъ ополченій, и думали, что завоеванія Россіянъ были единственно счастіемъ Іоанновымъ; надлежало увѣрить и непріятелей и своихъ въ неизмѣнномъ могуществѣ Россіи, страхомъ уменьшить силу первыхъ, бодростію увеличить нашу. Поощряя Василія къ неутомимости къ войнѣ, Михаилъ Глинскій ручался за успѣхъ новаго приступа къ Смоленску, съ условіемъ, какъ пишутъ, чтобы Великій Князь отдалъ ему сей городъ въ Удѣлъ наслѣдственный ([108]). По крайней мѣрѣ Глинскій оказалъ тогда Государю важную услугу, нанявъ въ Богеміи и въ Германіи многихъ людей искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, которые пріѣхали въ Москву черезъ Ливонію ([109]).

Взятіе Смоленска.

Самъ предводительствуя войскомъ, Великій Князь выѣхалъ изъ столицы 8 Іюня съ двумя братьями, Юріемъ и Симеономъ; третьему, Димитрію, велѣлъ быть въ Серпуховѣ; четвертаго, Андрея, оставилъ въ Москвѣ съ Царевичемъ Петромъ. 220

Бояръ и Придворныхъ Дѣтей Боярскихъ находилось въ Государевой дружинѣ ([110]). Въ Тулѣ, на Угрѣ стояли полки запасные. Государь осадилъ Смоленскъ, и 29 Іюля начали стрѣлять по городу изъ-за Днѣпра, большими и мелкими ядрами, *окованными свинцемъ*. Лѣтописецъ хвалитъ искусство главнаго Московскаго пушкаря, именемъ Стефана: отъ ужаснаго дѣйствія его орудій колебались стѣны и люди падали толпами; а пушки Литовскія, разрываясь, били своихъ ([111]). Весь городъ покрылся густыми облаками дыма; многія зданія пылали; жители въ безпамятствѣ вопили, и простирая руки къ осаждающимъ, требовали милосердія. Въ тысячу голосовъ кричали со стѣны: „Государь Великій Князь! уйми мечь свой! „Мы тебѣ повинуемся.“ Пальба затихла. Смоленскій Епископъ, Варсонофій, вышелъ на мостъ, объявляя, что Воевода, Юрій Сологубъ, готовъ начать переговоры въ слѣдующій день. Великій Князь не далъ ни малѣйшаго срока и приказалъ снова громить крѣпость. Епископъ возвратился съ слезами. Вопль народный усилился. Съ одной стороны смерть и пламя, съ другой убѣжденія многихъ преданныхъ Россіи людей дѣйствовали такъ сильно, что граждане не хотѣли слышать о дальнѣйшемъ сопротивленіи, виня Сигизмунда въ нерадивости. Воевода Юрій именемъ Королевскимъ обѣщалъ имъ скорое вспоможеніе: ему не вѣрили, и Духовенство, Князья, Бояре, мѣщане Смоленскіе послали сказать Государю, что они не входятъ съ нимъ ни въ какіе договоры, моля его единственно о томъ, чтобы онъ мирно взялъ ихъ подъ Россійскую Державу и допустилъ видѣть лице свое. Вдругъ прекратились всѣ дѣйствія непріятельскія. Епископъ, Архимандриты, Священники съ иконами и съ крестами,—Намѣстникъ, Вельможи, чиновники Смоленскіе явились въ станѣ Россійскомъ, проливали слезы, говорили Великому Князю: „Государь! довольно „текло крови Христіанской; земля наша, твоя отчина, пустѣетъ: пріими градъ съ *тихостію*“. Епископъ благословилъ Василія, который велѣлъ ему, Юрію Сологубу и знатнѣйшимъ людямъ итти въ Великокняжескій шатеръ, гдѣ они, давъ клятву въ вѣрности къ Россіи, обѣдали съ Государемъ и должны были

остаться до утра; а другихъ отпустили назадъ въ городъ. Стража Московская смѣнила Королевскую у всѣхъ воротъ крѣпости. Герой Іоанновъ, старецъ Князь Данiилъ Щеня, на разсвѣтѣ вступилъ въ оную съ полками конными: переписавъ жителей, обязалъ ихъ присягою служить, доброхотствовать Государю Россiйскому, не думать о Королѣ, забыть Литву.

Августа 1 Епископъ Варсонофiй торжественно святилъ воду на Днѣпрѣ и съ крестами пошелъ въ городъ; за Духовенствомъ Великiй Князь, Воеводы и все воинство въ стройномъ чинѣ. Бояре Смоленскiе, народъ, жены, дѣти встрѣтили Василiя въ предмѣстiи *съ очами свѣтлыми*. Епископъ окропилъ святою водою Государя и народъ. Въ храмѣ Богоматери отпѣли молебенъ. Протодiаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтiе побѣдителю. Благословивъ Великаго Князя животворящимъ крестомъ, Епископъ сказалъ ему: „Божiею милостiю „радуйся и здравствуй, православный Царь всея Русiи, на „своей отчинѣ и *дѣдинѣ* града Смоленска!“ Тутъ братья Государевы, Бояре, Воеводы, чиновники и всѣ жители Смоленскiе, поздравивъ его, начали цѣловаться другъ съ другомъ; плакали въ восхищенiи сердецъ, называясь родными, друзьями единовѣрными. Окруженный воинскими сановниками, Василiй сквозь толпы ликующаго народа прибылъ во дворецъ древнихъ Князей Мономахова племени и сѣлъ на ихъ тронѣ, среди Бояръ и Воеводъ; призвалъ знатнѣйшихъ гражданъ, объявилъ имъ милость, далъ грамоту льготную и Намѣстника, Князя Шуйскаго, утвердилъ права собственности, личную безопасность, свободу, уставы Витовтовы, Александровы и Сигизмундовы ([112]); всѣхъ угостилъ обѣдомъ; жаловалъ соболями, бархатами, камками, златыми деньгами. Оставивъ Варсонофiя на Святительскомъ престолѣ, онъ дозволилъ бывшему Градоначальнику Сологубу ѣхать въ Литву, также и всѣмъ Королевскимъ воинамъ, выдавъ на каждаго человѣка по рублю; а тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно записались къ намъ въ службу, по два рубля и по сукну Лунскому; не отнялъ земель ни у Дворянъ, ни у церкви; не вывелъ никого изъ Смоленска, ни Пана, ни гражданина ([113]); служивымъ людямъ назначилъ жалованье.

Счастливый въ душѣ Государь изъявлялъ только любовь, снисхожденіе къ новымъ подданнымъ, радуясь что совершилъ намѣреніе великаго отца своего и къ завоеваніямъ его прибавилъ столь блестящее. Взятіе Смоленска, говоритъ Лѣтописецъ, казалось свѣтлымъ праздникомъ для всей Россіи. Отнять чуждое лестно одному самолюбію Государя; но возвратить собственное весело народу.

Сто десять лѣтъ находился Смоленскъ подъ властію Литвы. Уже обычаи измѣнялись; но имя Русское еще трогало сердце жителей, и любовь къ древнему отечеству, вмѣстѣ съ братскимъ духомъ Единовѣрія, облегчили для Великаго Князя сіе важное завоеваніе, приписанное Сигизмундомъ измѣнѣ, кознямъ Михаила Глинскаго, подкупу, обману ([114]). Сологубу отсѣкли въ Литвѣ голову ([115]): онъ конечно не былъ измѣнникомъ, отвергнувъ всѣ милостивыя предложенія Василіевы, не захотѣвъ ни за какое богатство, ни за какіе чины остаться въ Россіи. Въ дѣлахъ государственныхъ несчастіе бываетъ преступленіемъ. Но Михаилъ дѣйствительно могъ имѣть тайныя связи въ Смоленскѣ: по крайней мѣрѣ онъ думалъ, что ему, изъ благодарности за его услуги, отдадутъ сей знаменитый городъ во владѣніе. Великій Князь не сдѣлалъ того, и смѣялся, какъ увѣряютъ, надъ безмѣрнымъ честолюбіемъ Глинскаго; а Глинскій, уже опытный въ измѣнѣ, замыслилъ новую ([116]).

Государь немедленно отрядилъ Воеводъ Московскихъ и Смоленскихъ ко Мстиславлю, гдѣ княжилъ тогда одинъ изъ потомковъ Гедиминова сына, Евнутія, Михаилъ: не имѣя силъ противиться, онъ выѣхалъ на встрѣчу къ нашему войску, присягнулъ Россіи, былъ у Великаго Князя, и милостиво имъ одаренный, возвратился въ свою отчину. Граждане Кричева и Дубровны сами собою намъ поддалися ([117]). Довольный сими пріобрѣтеніями, Василій не желалъ иныхъ: учредилъ Правительство въ Смоленскѣ, оставилъ тамъ часть войска, другую послалъ къ Борисову, къ Минску, и самъ возвратился въ Дорогобужъ ([118]). Михаилъ Глинскій стоялъ со ввѣреннымъ ему отрядомъ близъ Орши. Никто не зналъ объ злыхъ умы- Измѣна Глинскаго.

слахъ. Потерявъ надежду видѣть себя Владѣтельнымъ Княземъ Смоленскимъ, досадуя на Василія и жалѣя о Литвѣ, онъ тайно предложилъ Сигизмунду свои услуги, изъявлялъ раскаяніе, обѣщалъ загладить прошедшее. Личная, справедливая ненависть къ измѣннику уступила явной пользѣ государственной: Король увѣрилъ Глинскаго въ милости. Утвердили договоръ клятвами; согласились, чтобы войско Литовское шло, какъ можно скорѣе, къ Днѣпру: ибо Михаилъ отвѣтствовалъ Королю за побѣду. Уже сіе войско находилось близъ Орши: Глинскій, узнавъ о томъ, ночью сѣлъ на коня и бѣжалъ изъ Россійскаго стана; но отъѣхалъ не далеко. Одинъ изъ его слугъ извѣстилъ Воеводу нашего, Князя Булгакова-Голицу, о бѣгствѣ измѣнника: Воевода въ ту же минуту съ легкою дружиною поскакалъ за нимъ въ обгонъ, пересѣкъ дорогу и ждалъ въ лѣсу. Глинскій ѣхалъ впереди; за нимъ, въ верстѣ, толпа вооруженныхъ слугъ: ихъ и господина схватили и представили въ Дорогобужѣ Великому Князю. Глинскій не могъ запираться: у него вынули изъ кармана Сигизмундовы письма ([119]). Готовясь къ смерти, онъ говорилъ смѣло о своихъ услугахъ и неблагодарности Василіевой. Государь приказалъ отвезти его скованнаго въ Москву; а Воеводамъ нашимъ, Князю Булгакову, Боярину Челяднину и многимъ другимъ итти на встрѣчу къ непріятельской рати. Константинъ Острожскій предводительствовалъ ею. Пишутъ, что нашихъ было 80,000, Литовцевъ же только 35,000, ([120]). Сошлися на берегахъ Днѣпра, и нѣсколько дней стояли тихо, Россіяне на лѣвомъ, Литовцы на правомъ. Чтобы усыпить Московскихъ Воеводъ, Константинъ предлагалъ имъ разойтися безъ битвы ([121]), и тайно наводилъ мостъ въ пятнадцати верстахъ отъ ихъ стана. Узнавъ, что половина непріятелей уже на сей сторонѣ рѣки, гордый Бояринъ Челяднинъ сказалъ: „мнѣ мало половины; жду ихъ всѣхъ, и тогда однимъ разомъ управлюсь съ ними“ ([122]). Конница, пѣхота Литовская перешли, устроились, заняли выгодное мѣсто: началось кровопролитная битва. Увѣряютъ, что главные Воеводы Московскіе, Князь Булгаковъ-Голица и Бояринъ Челяднинъ, отъ

Битва Оршинская. 8 Сентября.

Русское посольство къ Императору Максимиліану, изображенное современнымъ германскимъ художникомъ (XVI в.).

зависти не хотѣли помогать другъ другу; что движенія нашего войска не имѣли связи, ни общей цѣли; что въ самомъ пылу сраженія Челяднинъ выдалъ Булгакова и бѣжалъ ([123]). По другимъ извѣстіямъ, Князь Константинъ употребилъ хитрость: отступилъ притворно, навелъ Россіянъ на пушки, и въ то же время зашелъ имъ въ тылъ ([124]). Всѣ говорятъ согласно, что Литовцы никогда не одерживали такой знаменитой побѣды надъ Россіянами: гнали, рѣзали, топили ихъ въ Днѣпрѣ и въ Кропивнѣ; тѣлами усѣяли поля между Оршею и Дубровною; плѣнили Булгакова, Челяднина и шесть иныхъ Воеводъ, тридцать семь Князей, болѣе 1500 Дворянъ и чиновниковъ ([125]); взяли обозъ, знамена, снарядъ огнестрѣльный; однимъ словомъ, въ полной мѣрѣ отмстили намъ за Ведрошскую битву. Мы лишились тридцати тысячь воиновъ: ночь и лѣса спасли остальныхъ. На другой день Константинъ торжествовалъ побѣду надъ своими единовѣрными братьями и Русскимъ языкомъ славилъ Бога за истребленіе Россіянъ ([126]); пышно угостилъ знатныхъ плѣнниковъ и немедленно отправилъ къ Сигизмунду, который велѣлъ Челяднина и Булгакова оковать цѣпями: слѣдственно наказалъ ихъ за то, что они услужили ему своимъ неразумѣемъ. Сіи злосчастные Воеводы долго томились въ неволѣ, презираемые Литвою и какъ бы забвенные отечествомъ ([127]). – Сигизмундъ, будучи внѣ себя отъ радости, спѣшилъ извѣстить всю Европу о славѣ Литовскаго оружія; дарилъ Государей и Папу нашими плѣнниками ([128]); мыслилъ, что отниметъ у Россіи не только Смоленскъ, но и всѣ ея прежнія завоеванія ([129]); что Василій не можетъ собрать новыхъ сильныхъ полковъ, и что ему остается только бѣжать во глубину Московскихъ лѣсовъ. Король ошибся: сія блестящая побѣда не имѣла никакихъ важныхъ слѣдствій.

Съ первою вѣстію о нашемъ несчастіи прискакали въ Смоленскъ нѣкоторые раненные въ битвѣ чиновники Великокняжескіе. Весь городъ пришелъ въ волненіе. Многіе тамошніе Бояре думали, подобно Сигизмунду, что Россія уже пала: совѣтовались между собою, съ Епископомъ Варсонофіемъ, и рѣшились измѣнить Государю. Епископъ тайно послалъ къ Измѣна Епископа Смо-

ленска-го.

Королю своего племянника, ([130]) съ увѣреніемъ, что если онъ немедленно пришлетъ войско, то Смоленскъ будетъ его. Но другіе вѣрные Бояре донесли о семъ умыслѣ Намѣстнику, Князю Василію Шуйскому, который, едва успѣвъ взять измѣнниковъ и самого Епископа подъ стражу, увидѣлъ знамена Литовскія: самъ Константинъ съ шестью тысячами отборныхъ воиновъ явился предъ городскими стѣнами. Тутъ Шуйскій изумилъ его и жителей зрѣлищемъ ужаснымъ: велѣлъ на стѣнѣ, въ глазахъ Литвы, повѣсить всѣхъ заговорщиковъ, кромѣ Святителя, надѣвъ на нихъ собольи шубы, бархаты, камки, а другимъ привязавъ къ шеѣ серебряные ковши или чарки, пожалованныя имъ отъ Великаго Князя ([131]). Константинъ воспылалъ гнѣвомъ: приступилъ къ Смоленску; но измѣнниковъ уже не было: граждане и воины бились мужественно съ Литвою. Константинъ ушелъ: Россіяне захватили не мало плѣнниковъ и часть обоза. Недостойнаго Пастыря, Варсонофія, отвезли въ Дорогобужъ къ Великому Князю, который, изъявивъ удовольствіе Шуйскому, и давъ всѣ нужныя повелѣнія для безопасности Смоленска, возвратился въ Москву ([132]).— Литовцы заняли только Дубровну, Мстиславль и Кричевъ, гдѣ жители снова присягнули Сигизмунду.

Приступъ Острожскаго къ Смоленску.

Побѣгъ Крымцевъ.

Король желалъ отдохновенія и распустилъ войско; но сынъ Менгли-Гиреевъ, Магметъ, узнавъ о побѣдѣ его, хотѣлъ воспользовался ею, чтобы опустошить южныя владѣнія Россійскія, съ помощію новаго измѣнника нашего, Воеводы Евстафія Дашковича. Мы упоминали о семъ Литовскомъ бѣглецѣ, коего милостиво принялъ Іоаннъ ([133]), и который, служивъ нѣсколько лѣтъ Василію, ушелъ къ Сигизмунду вслѣдъ за Константиномъ Острожскимъ. Получивъ отъ Короля во владѣніе Каневъ и Черкасы, имѣя воинскія достоинства, смѣлость, мужество, Дашковичъ прославился въ Исторіи Днѣпровскихъ Казаковъ, заслуживъ имя ихъ Ромула ([134]): образовалъ, устроилъ сіе легкое, дѣятельное, неутомимое ополченіе, коему удивлялась Европа; избралъ Вождей, ввелъ строгую подчиненность, далъ каждому воину мечь и ружье; наблюдалъ всѣ движенія Крымцевъ и преграждалъ имъ путь въ Литву.

г. 1515.

Дашковичъ зналъ Россію и казался для насъ тѣмъ опаснѣе: вмѣстѣ съ Кіевскимъ Воеводою, Андреемъ Немировичемъ, онъ присоединился къ толпамъ Магметъ-Гиреевымъ, думая взять Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, гдѣ не было ни Князей, ни Московской рати: Шемякинъ и Князь Василій Стародубскій находились тогда у Государя ([135]). Непріятели, сверхъ многочисленной конницы, имѣли тяжелый снарядъ огнестрѣльный. Но Воеводы Сѣверскіе отстояли города: ибо Магметъ-Гирей боялся тратить людей на приступахъ; не слушался Литовскихъ предводителей, и заключилъ свой походъ бѣгствомъ.

Тѣмъ не менѣе Василій съ огорченіемъ видѣлъ, что измѣна Менгли-Гиреева въ пользу Литвы уменьшаетъ силы Россіи. Онъ искалъ новаго средства обратить Хана къ прежней системѣ. Посолъ Турецкій еще былъ въ Москвѣ: Государь отпустилъ его въ Константинополь съ своимъ ближнимъ Дворяниномъ, Васильемъ Коробовымъ, написавъ съ нимъ въ отвѣтной грамотѣ къ Султану о вѣроломствѣ Менгли-Гирея, и прося, чтобы Селимъ запретилъ Хану дружиться съ Литвою ([136]). Коробову надлежало стараться о заключеніи рѣшительнаго союза между Россіею и Портою Оттоманскою, съ обязательствомъ помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ, особенно противъ Литвы и Тавриды, ежели Менгли-Гирей не отступитъ отъ Сигизмунда. — Но Коробовъ не успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: Селимъ писалъ къ Государю, что пришлетъ въ Москву новаго Посла и не сдержалъ слова, будучи занятъ войною Персидскою. Уставили единственно правила свободной торговли въ Азовѣ и въ Кафѣ для нашихъ купцевъ.

Вторичное посольство къ Султану.

Въ сіе время не стало Менгли-Гирея ([137]): Россія могла бы справедливо оплакивать его кончину, если бы онъ былъ для Василія тоже, что для Іоанна. Сей достопамятный въ Исторіи Ханъ пережилъ самого себя, бывъ въ послѣдніе годы только тѣнію Царя, и Великій Князь могъ ждать болѣе успѣха въ дѣлахъ съ его наслѣдникомъ, старшимъ сыномъ, Магметъ-Гиреемъ. Къ несчастію, новый Ханъ не походилъ на отца ни умомъ, ни добрыми качествами: вопреки Алко-

Смерть Менгли-Гирея.

рапу, любилъ пить до чрезмѣрности, раболѣпствовалъ женамъ, не зналъ добродѣтелей государственныхъ, зналъ одну прелесть корысти, былъ истиннымъ Атаманомъ разбойниковъ. Сначала онъ изъявилъ желаніе пріобрѣсти дружбу Россіи, и съ честію отпустилъ Великокняжскаго Посла, Тучкова; но скоро, взявъ дары отъ Сигизмунда, прислалъ въ Москву Вельможу своего, Дувана, съ наглыми и смѣшными требованіями: писалъ, что взятіе Смоленска нарушаетъ договоръ Василіевъ съ Менгли-Гиреемъ, который будто бы пожаловалъ Смоленское Княженіе Сигизмунду; что Василій долженъ возвратить оное, также и Брянскъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Путивль, вмѣстѣ съ другими городами, будто бы данными Ханомъ, отцемъ его, Іоанну въ знакъ милости ([138]). Магметъ-Гирей требовалъ еще освобожденія всѣхъ Крымскихъ плѣнниковъ, дани съ Одоева, много вещей драгоцѣнныхъ, денегъ; а въ случаѣ отказа грозилъ местію. Великій Князь не могъ образумить безсмысленнаго варвара; но могъ надѣяться на доброхотство нѣкоторыхъ Вельможъ Крымскихъ, въ особенности на втораго Менгли-Гиреева сына, Ахмата Хромаго, объявленнаго *Калгою Орды* или первымъ чиновникомъ по Ханѣ: для того вооружился терпѣніемъ, честилъ Посла, и въ удовольствіе Магметъ-Гирею освободилъ Летифа: ибо сей бывшій Царь Казанскій опять сидѣлъ тогда подъ стражею за непріятельскія дѣйствія Крымцевъ ([139]). Ему снова позволено было ѣздить во дворецъ и на охоту; но Великій Князь не согласился отпустить его къ матери, которая желала отправиться съ нимъ въ Мекку. — Боярину Мамоновъ повезъ отвѣтныя грамоты и дары Хану, весьма умѣренные ([140]). Онъ долженъ былъ сказать Магметъ-Гирею, что нелѣпыя его требованія суть плодъ Сигизмундова коварства; что Государь не только намѣренъ вѣчно владѣть Смоленскимъ Княженіемъ, но хочетъ отнять у Короля и всѣ иные древніе города наши; что Менгли-Гирей утвердилъ свое могущество дружбою Россіи, а не Литвы, и что мы готовы возобновить союзъ, ежели Ханъ съ искреннею любовію обратится къ Великому Князю и престанетъ намъ злодѣйствовать: ибо въ то самое время, когда его По-

Посольство отъ посла Хана Магметъ-Гирея и наше къ нему.

г. 1515-1516.

солъ выѣзжалъ изъ Москвы, Крымцы нападали на Мещеру и толпились въ окрестностяхъ Азова, угрожая предѣламъ Рязанскимъ.—Главнымъ порученіемъ Мамонова было преклонить къ намъ Вельможъ Ханскихъ.

Два обстоятельства помогли сначала его успѣху: Магметъ-Гирей тщетно ждалъ новыхъ даровъ отъ Сигизмунда и свѣдалъ, что Султанъ имѣетъ особенное уваженіе къ Великому Князю ([141]). Хотя Мамоновъ нѣсколько разъ былъ оскорбляемъ наглостію Царедворцевъ ([142]); хотя Магметъ-Гирей жаловался на скупость Василіеву: однакожь изъявилъ желаніе отстать отъ Короля и вызвался даже, въ залогъ союза, прислать одного изъ сыновей на житье въ Россію, ежели Великій Князь пошлетъ сильную рать водою на Астрахань. Уже написали и грамоту договорную, которою надлежало утвердить присягою въ день Менгли-Гиреева поминовенія; но Сигизмундъ успѣлъ во время доставить 30,000 червонцевъ Хану ([143]): грамоту забыли, Посла Московскаго не слушали, и сынъ Магметъ-Гиреевъ, Царевичь Богатырь, устремился на Россію *голодными* толпами: ибо отъ чрезвычайныхъ жаровъ сего лѣта поля и луга изсохли въ Тавридѣ. Опустошивъ села Мещерскія и Рязанскія, Богатырь ушелъ; а Ханъ въ отвѣтъ на жалобы Великаго Князя просилъ его извинить молодость Царевича, который будто бы самовольно тревожилъ Россійскія владѣнія. Еще мирныя сношенія не прерывались: мѣсто умершаго въ Тавридѣ Мамонова заступилъ Боярскій сынъ Шадринъ, умный, дѣятельный ([144]). Весьма усердно помогалъ ему братъ Ханскій, Калга Ахматъ, ненавистникъ Литвы и другъ Россіи, гдѣ онъ на всякій случай готовилъ себѣ вѣрное убѣжище. „Мы живемъ въ худыя времена“, говорилъ Ахматъ Послу Московскому: „отецъ нашъ повелѣвалъ всѣми, дѣтьми „и Князья. Теперь братъ мой Царь, сынъ его Царь, и Князья Цари“ ([145]). Истину сего доказывалъ Калга собственными поступками: господствуя въ Очаковѣ, нападалъ на Литовскіе предѣлы, вопреки дружбѣ Сигизмундовой съ Магметъ-Гиреемъ, и писалъ къ Василію: „не думая ни о чемъ иномъ, возьми „для меня Кіевъ: я помогу тебѣ завоевать Вильну, Троки и

всю Литву“ ([146]). Другіе Князья, также доброхотствуя намъ, враждовали Королю; увѣряли, что и Ханъ измѣнитъ ему, если Великій Князь будетъ только щедрѣе; а Магметъ-Гирею сказывали, что Россія намѣрена помогать его злодѣямъ, Ногаямъ и Астраханцамъ, если онъ не предпочтетъ ея союза Литовскому. Сіи Вельможи и безстыдное корыстолюбіе самого Хана произвели наконецъ то, что онъ, взявъ одною рукою Сигизмундово золото, занесъ другую съ мечемъ на его землю, не для услуги намъ, но единственно для добычи, пославъ 40,000 всадниковъ разорять южныя Королевскія владѣнія ([147]). Сей варваръ не боялся мести за свое вѣроломство, понимая, что Россія и Литва все простятъ ему, въ надеждѣ вредить черезъ него другъ другу. Между тѣмъ открылось новое важное обстоятельство, которое убѣждало его искать Василіевой пріязни.

Болѣзнь и посольство Царя Казанскаго.

Царь Казанскій, Магметъ-Аминь, занемогъ жестокою болѣзнію: отъ головы до ногъ, по словамъ Лѣтописца, онъ *кипѣлъ* гноемъ и червями; призывалъ цѣлителей, волхвовъ, и не имѣлъ облегченія; заражалъ воздухъ смрадомъ гніющаго своего тѣла, и думалъ, что сія казнь послана ему Небомъ за вѣроломное убіеніе столь многихъ Россіянъ и за неблагодарность къ Великому Князю Іоанну. „Русской Богъ караетъ меня“, говорилъ онъ ближнимъ: „Іоаннъ былъ мнѣ отцемъ, а я, слушаясь коварной жены, отплатилъ зломъ благодѣтелю. „Теперь гибну: къ чему мнѣ сребро и злато, престолъ и „вѣнецъ, одръ многоцѣнный и жены красныя? Оставлю ихъ „другимъ“. Чтобы умереть спокойнѣе, Магметъ-Аминь желалъ удостовѣрить Василія въ своей искренности: прислалъ ему 300 коней украшенныхъ золотыми сѣдлами и червленными коврами, Царскій доспѣхъ, щитъ и шатеръ, подарокъ Владѣтеля Персидскаго, столь богатый и хитро вытканный, что Нѣмецкіе купцы разсматривали его въ Москвѣ съ удивленіемъ ([148]). Послы Казанскіе молили Великаго Князя объявить Летифа ихъ Владѣтелемъ въ случаѣ Магметъ-Аминевой смерти, обязываясь вѣчно зависѣть отъ Государя Московскаго и принимать Царей единственно отъ его руки ([149]). Написали

грамоту: Окольничій Тучковъ ѣздилъ съ нею въ Казань, гдѣ Царь, Вельможи и народъ утвердили сей договоръ клятвами. Василій, въ доказательство своего благоволенія къ Магметъ-Аминю, пожаловалъ Летифу городъ Коширу.

Ханъ Крымскій принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ Казани, опасаясь, чтобы тамошніе Князья послѣ Магметъ-Аминя не взяли къ себѣ на престолъ кого нибудь изъ Астраханскихъ, ненавистныхъ ему Царевичей. Для сего онъ послалъ знатнаго человѣка въ Москву, дружески писалъ къ Великому Князю, хвалился разореніемъ Литвы, обѣщалъ немедленно дать свободу Московскимъ плѣнникамъ и заключить союзъ съ нами, если Государь возведетъ Летифа на Казанское Царство, отниметъ городокъ Мещерскій, бывшее Нордоулатово помѣстье, у своего служиваго Царевича Астраханскаго Шигъ-Алея, уступитъ оное которому нибудь изъ сыновей Магметъ-Гиреевыхъ и рѣшится воевать Астрахань. Долго Василій отвергалъ сіе послѣднее условіе: наконецъ и на то согласился ([150]). Казалось, что всѣ препятствія исчезли. Въ г. 1517. Москву ждали новыхъ Пословъ Ханскихъ съ договорною грамотою: они не ѣхали, и Великій Князь узналъ, что Сигизмундъ, подобно ему неутомимый въ исканіи Магметъ-Гиреевой дружбы, умѣлъ опять задобрить Хана богатыми дарами. 20,000 Крымцевъ съ огнемъ и мечемъ нечаянно явились въ Россіи и дошли до самой Тулы, гдѣ встрѣтили ихъ Московскіе Воеводы, Князья Одоевскій и Воротынскій. Хищниковъ наказали: спасаясь бѣгствомъ, они тонули въ рѣкахъ и въ болотахъ; гибли отъ руки нашихъ воиновъ и земледѣльцевъ, которые засѣли въ лѣсахъ и не давали имъ ни пути ни пощады, такъ, что весьма не многіе возвратились домой, нагіе и босые. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Князь Шемякинъ выгналъ Крымцевъ изъ области Путивльской и побилъ ихъ за Сулою ([151]). Вторженіе Крымцевъ.

Не имѣвъ успѣха въ сношеніяхъ съ Ханомъ, Василій пріобрѣлъ въ сіе время двухъ знаменитыхъ, искреннихъ друзей въ Европѣ. Еще въ 1513 году Посолъ Короля Датскаго, Іоанна, находился въ Москвѣ, или по дѣламъ Шведскимъ, или для того, чтобы склонить насъ къ соединенію Союзъ съ Королемъ Датскимъ.

Греческой Церкви съ Римскою, какъ самъ Король писалъ къ Императору Максимиліану и Людовику XII ([152]). Сынъ Іоанновъ, Христіанъ II, памятный въ Исторіи ужасною свирѣпостію и прозваніемъ Нерона Сѣвернаго, въ 1517 году утвердилъ пріязнь съ Россіею торжественнымъ договоромъ воевать общими силами — *гдѣ и когда будетъ возможно* — Швецію и Польшу ([153]), хотя Намѣстники Великокняжескіе въ 1510 году заключили съ первою шестидесятилѣтнее перемиріе ([154]). Посолъ нашъ, Дворянинъ Микулинъ, былъ въ Копенгагенѣ: Христіановъ, Давидъ Герольтъ, въ Москвѣ. Великій Князь позволилъ Датскимъ купцамъ имѣть церковь въ Новѣгородѣ и свободно торговать въ Россіи. — Усильно домогаясь властвовать надъ всею древнею Скандинавіею, Христіанъ не могъ содѣйствовать намъ противъ Сигизмунда; а Василій, занятый Литовскою войною, оставался единственно доброжелателемъ Христіана въ его бореніи съ Шведскимъ Правителемъ Стуромъ. Однакожь тѣсная связь между сими двумя Государями устрашала ихъ враговъ: Сигизмундъ долженъ былъ опасаться Даніи, а Швеція Россіи ([155]).

Союзъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ.

Вторымъ союзникомъ нашимъ былъ Великій Магистръ Нѣмецкаго Ордена, Албрехтъ Бранденбургскій. Пламенный духъ сего воинственнаго братства, освященнаго Вѣрою и добродѣтелію, памятнаго великодушіемъ и славою первыхъ его основателей, угасъ въ странахъ Сѣвера ([156]): богатство не замѣняетъ доблести, и Рыцари-Владѣтели, нѣкогда сильные презрѣніемъ жизни, въ избыткѣ ея пріятностей увидѣли свою слабость. Покорители язычниковъ были покорены собратіями-Христіанами. Казимиръ и наслѣдникъ его уже взяли многіе Орденскіе города, именуя Великаго Магистра своимъ присяжникомъ. Рыцарство тосковало въ униженіи: хотѣло возвратить свою древнюю славу, независимость и владѣнія; молило Папу, Германію, Императора о защитѣ, и наконецъ обратилось къ Россіи, весьма естественно: ибо мы одни ревностно желали ослабить Сигизмунда. Хотя Нѣмецкій Орденъ, вступаясь за Ливонію, часто оглашалъ насъ въ Европѣ злодѣями, невѣрными, еретиками; но сіи укоризны были преданы забвенію,

и крестоносные витязи Іерусалимскіе дружественно простерли руку къ Великому Князю (157). Албрехтъ прислалъ въ Москву Орденскаго чиновника, Дидриха Шонберга, принятаго со всѣми знаками уваженія. Въ такое время, когда Дворъ говѣлъ и обыкновенно не занимался дѣлами, на первой недѣлѣ Великаго поста, Шонбергъ имѣлъ переговоры съ Боярами, въ Субботу обѣдалъ у Государя, въ Воскресенье вмѣстѣ съ нимъ слушалъ Литургію въ храмѣ Успенія. Заключили наступательный союзъ противъ Короля (158). Магистръ требовалъ ежемѣсячно *шестидесяти тысячь золотыхъ Рейнскихъ* на содержаніе десяти тысячь пѣхотныхъ и двухъ тысячь конныхъ воиновъ: Государь обѣщалъ, если Нѣмцы возьмутъ Данцигъ, Торнъ, Маріенвердеръ, Эльбингъ, и пойдутъ на Краковъ; однакожь не хотѣлъ включить въ договоръ, чтобы Россіи не мириться съ Сигизмундомъ до отнятія у него всѣхъ Прусскихъ и нашихъ древнихъ городовъ, сказавъ Шонбергу: „отъ „васъ надобно требовать обязательства, ибо вы еще не воюете; „а мы уже давно въ полѣ, и дѣлаемъ, что можемъ“ (159). Условились хранить договоръ въ тайнѣ, чтобы Король не успѣлъ изготовиться къ оборонѣ. Шонбергъ, получивъ въ даръ бархатную шубу, 40 соболей и 2,000 бѣлокъ, отправился въ Кенигсбергъ, съ Дворяниномъ Загряскимъ (160). Размѣнялись клятвенными грамотами. Магистру хотѣлось, чтобы Великій Князь немедленно доставилъ 625 пудъ серебра въ Кенигсбергъ, гдѣ наши собственные чиновники могли бы обратить оное въ деньги и выдавать ихъ, въ случаѣ надобности, Нѣмецкимъ ратникамъ (161). Для сего новый Посолъ Орденскій, Мельхіоръ Робенштеинъ, былъ въ Москвѣ. Василій отвѣтствовалъ, что серебро готово, но что Нѣмцы должны прежде начать войну. — Магистръ Ливонскій, старецъ Плеттенбергъ, не участвовалъ въ семъ союзѣ: закоренѣлая ненависть къ Россіянамъ склоняла его, даже вопреки пользамъ Нѣмецкаго Ордена, доброжелательствовать Королю. Въ теченіе войны Литовской онъ съ досадою извѣщалъ Прусскаго Магистра о нашихъ выгодахъ, съ удовольствіемъ о неудачахъ (162), хотя и не могъ надѣяться на благодарность Ко-

роля, бывъ принужденъ отказаться отъ его дружбы въ угодность Великому Князю ([163]): положеніе весьма опасное для слабой Державы!

Отпуская Загряскаго въ Кенигсбергъ, Государь велѣлъ ему развѣдать тамъ о дѣлахъ Императора Максимиліана съ Королемъ Французскимъ, съ Венеціею; узнать, будетъ ли отъ него Посольство въ Москву, и въ какихъ сношеніяхъ онъ находится съ Сигизмундомъ ([164])? Уже Василій не имѣлъ надежды на помощь Императора въ сей войнѣ, слышавъ о свиданіи его съ Королями Венгерскимъ и Польскимъ въ Вѣнѣ, о брачныхъ союзахъ ихъ семейства; напротивъ того желалъ, чтобы Максимиліанъ объявилъ себя посредникомъ между Литвою и Россіею. Обѣ Державы хотѣли отдохновенія: но первая еще болѣе. Великій Князь молчалъ, а Сигизмундъ просилъ Императора доставить миръ Литвѣ. Для сего Посолъ Вѣнскаго Двора, Баронъ Герберштейнъ, мужъ ученый и разумный прибылъ въ Москву ([165]). Представленный Государю, онъ съ жаромъ, искусствомъ и краснорѣчіемъ описалъ бѣдствіе междоусобія въ Европѣ Христіанской и торжество злочестивыхъ Султановъ, которые, пользуясь ея несогласіемъ, берутъ земли и Царства. „Начто“—сказано въ сей достопамятной рѣчи Посольской—„начто Монархи державствуютъ? ко благу „Вѣры и для спокойствія подданныхъ. Такъ всегда мыслилъ „Императоръ, и воевалъ не ради суетной славы, не ради „пріобрѣтеній чуждаго, но для наказанія сварливыхъ, презирая опасность личную, самъ впереди, и съ меньшимъ числомъ побѣждая, ибо Господь за добродѣтель. Уже Максиміліанъ благоденствуетъ въ тишинѣ. Папа и вся Италія „съ нимъ въ союзѣ. Королевства Испанскія, Неаполь, Сицилія и всѣ другія, числомъ *двадцать шесть*, и всѣ православныя, признаютъ въ его внукѣ, Карлѣ, своего наслѣдственнаго, законнаго Монарха. Король Португаллін ему родственникъ, Король Англіи издавно другъ сердечный, Датскій и Венгерскій сыновья и братья, ибо женаты на внукахъ Максиміліановыхъ; а Польскій имѣетъ къ Государю „моему неограниченную довѣренность. Не буду говорить предъ

Посольство Императора Максиміліана.

„тобою о твоемъ Величествѣ: вѣдаешь истинную, взаимную „любовь, которая васъ соединяетъ. Оставались только Король „Французскій и Венеція внѣ общаго Европейскаго братства: „ибо всегда хотѣли особенныхъ выгодъ своихъ, не занимаясь „благомъ Христіанства; но и тѣ уже изъявили миролюбіе: „уже, какъ слышу, и договоръ подписанъ. Теперь да обо„зритъ человѣкъ вселенную, отъ Востока до Запада, отъ Юга „до Сѣвера: кто изъ Вѣнценосцевъ православныхъ не связанъ „съ Императоромъ или родствомъ или дружбою? Всѣ—и всѣ „въ мирѣ, кромѣ Литвы и Россіи. Максимиліанъ послалъ „меня къ тебѣ, въ надеждѣ, что ты, Государь знаменитый, „въ честь и въ славу Божію успокоишь Христіанство и соб„ственную землю: ибо миромъ цвѣтутъ Державы, войною изну„ряются; побѣда измѣняетъ—и кто въ ней увѣренъ?—Доселѣ „вѣщалъ Императоръ: прибавлю и мое слово. Будучи въ „Вильнѣ, я говорилъ съ Посломъ Турецкимъ: онъ сказывалъ, „что Султанъ завоевалъ Дамаскъ, Іерусалимъ и все Царство „Египетское. Въ истинѣ сего увѣрялъ меня также одинъ бла„городный путешественникъ, который самъ былъ въ тѣхъ „мѣстахъ. Государь! мы и прежде опасались Султанскаго мо„гущества: не должны ли нынѣ еще болѣе опасаться?“ — Ученый Посолъ говорилъ о Филиппѣ и Александрѣ Македонскихъ: славилъ миролюбіе отца, осуждалъ сына, ненасытнаго въ кровопролитіи ([166]), и проч.

Василій имѣлъ бы право укорять Императора нарушеніемъ договора съ Россіею; но зная, что такіе упреки безполезны, и что Политика легко все извиняетъ, онъ за доброе намѣреніе изъявилъ ему благодарность и свою готовность въ миру. Обязываясь быть посредникомъ совершенно безпристрастнымъ и даже объявить войну Литвѣ, если Король не согласится на предложенія умѣренныя, честныя, справедливыя, Максиміліанъ хотѣлъ, чтобы наши Уполномоченные съѣхались для того съ Литовскими въ Даніи или на границѣ, или въ Ригѣ: Великій Князь сказалъ, что переговоры должны быть въ Москвѣ, какъ всегда бывало, а не иначе, и далъ *опасную грамоту* для Королевскихъ Пословъ, назвавъ себя въ ней *Смолен-*

Послы Литовскіе. *скимъ* ([167]). Они пріѣхали: Янъ Щитъ, Намѣстникъ Могилевскій, и Богушъ, Государственный Секретарь, съ семидесятью Дворянами; но ихъ не впустили въ Москву: велѣли имъ жить въ Дорогомиловѣ: ибо Великій Князь узналъ, что войско Сигизмундово вступило въ наши предѣлы, и что самъ Король находился въ Полоцкѣ съ запасною ратію.

Сіе нападеніе было местію. За нѣсколько времени предъ тѣмъ Воевода Псковскій, Андрей Сабуровъ, безъ вѣдома Государева ходилъ съ тремя тысячами воиновъ на Литву: шелъ мирно, не дѣлалъ никакой обиды жителямъ и сталъ у Рославля, объявивъ гражданамъ, что бѣжитъ отъ Великаго Князя къ Королю. Они повѣрили и выслали ему, какъ другу, съѣстные припасы; но Сабуровъ нечаянно, въ торговый день, взялъ Рославль, обогатился добычею и вывелъ оттуда множество плѣнниковъ, изъ коихъ освободилъ только 18 купцевъ Нѣмецкихъ ([168]). Чтобы наказать Псковитянъ, Герой Сигизмундовъ, Константинъ Острожскій, хотѣлъ завоевать Опочку, гдѣ былъ Намѣстникомъ Василій Михайловичь Салтыковъ, достойный жить въ Исторіи: ибо онъ рѣдкимъ мужествомъ удивилъ своихъ и непріятелей. Литовцы вмѣстѣ съ наемниками Богемскими и Нѣмецкими двѣ недѣли громили пушками сію ничтожную крѣпость: стѣны падали; но Салтыковъ, воины его и граждане не слабѣли въ бодрой защитѣ, отразили приступъ, убили множество людей и Воеводу Сокола, отнявъ у него знамя. Между тѣмъ Воеводы Московскіе спѣшили къ Опочкѣ: изъ Великихъ Лукъ Князь Александръ Ростовскій, изъ Вязьмы Василій Шуйскій. Впереди были Князь Ѳеодоръ Оболенскій Телепневъ и храбрый мужъ Иванъ Лятцкій съ Дѣтьми Боярскими: они близъ Константинова стана въ трехъ мѣстахъ разбили на голову 14 тысячь непріятелей и новую рать, посланную Сигизмундомъ къ Острожскому; плѣнили Воеводъ, взяли обозъ и пушки ([169]).

Приступъ Острожскаго къ Опочкѣ.

8 Октября.

Наша главная сила шла прямо на Константина: онъ не захотѣлъ ждать ее, снялъ осаду, удалился скорыми шагами и не могъ спасти тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій, которыя остались трофеями Салтыкова. Россіяне загладили стыдъ Оршин-

Октября 18.

ской битвы, возложивъ на Константина знаменіе бѣглеца, по выраженію одного Лѣтописца.

Октября 25. Узнавъ о сей побѣдѣ, Великій Князь дозволилъ Посламъ Сигизмундовымъ торжественно въѣхать въ Москву и принялъ ихъ съ удовольствіемъ. „Король“—сказалъ онъ—„предлагаетъ „миръ и наступаетъ войною. Теперь мы съ нимъ управились: можемъ выслушать мирныя слова его“. Переговоры начались весьма неумѣренными требованіями съ обѣихъ сторонъ. Мы хотѣли, чтобы Сигизмундъ отдалъ намъ Кіевъ, Витебскъ, Полоцкъ другія области Россійскія, вмѣстѣ съ сокровищами и съ Удѣломъ покойной Королевы Елены, казнивъ всѣхъ наглыхъ Пановъ, оскорбителей ея чести; а Литовцы хотѣли имѣть не только Смоленскъ, Вязьму, Дорогобужъ, Путивль, всю землю Сѣверскую, но и половину Новагорода, Пскова, Твери ([170]). „Вотъ рѣчи *высокія*“, сказалъ Баронъ Герберштеинъ: „надобно искать средины, или я заѣхалъ въ Москву безполезно“. Паны Щитъ и Богушъ объявили наконецъ, что Сигизмундъ согласится возобновить договоръ, заключенный между Великимъ Княземъ Іоанномъ и Королемъ Александромъ въ 1494 году. Посолъ Максиміліановъ убѣждалъ Василія уступить хотя одинъ Смоленскъ, ставя ему въ примѣръ умѣренность славнаго Царя Пирра ([171]), Максиміліана, отдавшаго Венеціянской Республикѣ Верону, и самого Великаго Князя Іоанна, не хотѣвшаго отнять Казани у древнихъ ея Царей. Бояре Московскіе, умолчавъ о Пиррѣ, отвѣтствовали, что Императоръ могъ быть великодушенъ противъ Венеціи, но что великодушіе не есть законъ; что Казань была и есть въ нашемъ подданствѣ; что Великій Князь не имѣетъ обычая уступать свои отчины, данныя ему Богомъ и побѣдою. Увѣряя въ своемъ безпристрастіи, Герберштеинъ явно держалъ сторону ЛитовскихъОсловъ; оправдывалъ Сигизмунда; говорилъ, что Василій не долженъ вѣрить бѣглецамъ плѣнникамъ, которые приписываютъ разбои Магметъ-Гирея Сигизмундовымъ наущеніямъ; что мысль Государева, наслѣдовать Удѣлъ Елены, противна всѣмъ уставамъ; что оскорбители Королевы могутъ быть наказаны, если мы умѣримъ иныя требованія, и проч. Въ сихъ любопытныхъ

Переговоры о мирѣ.

прѣніяхъ видны искусство и тонкость разума Герберштеинова, грубость Литовскихъ Пословъ и спокойная непреклонность Василіева: языкъ Бояръ его учтивъ, благороденъ и доказываетъ образованность ума. Спорили много и долго: Смоленскъ былъ главнымъ препятствіемъ мира. Панъ Щитъ сказалъ: „мы ѣдемъ: „Небо казнитъ виновника кровопролитія“. *Не насъ*, отвѣтствовали Бояре. Государь, отпуская Пословъ, всталъ съ мѣста; велѣлъ кланяться Сигизмунду, и въ знакъ ласки далъ имъ руку. Все кончилось. Тогда баронъ Герберштеинъ вручилъ Великому Князю особенную грамоту Максимиліанову о Михаилѣ Глинскомъ: Императоръ писалъ, что Михаилъ могъ быть виновенъ, но уже довольно наказанъ за то неволею; что сей мужъ имѣетъ знаменитыя достоинства, воспитанъ при Дворѣ Вѣнскомъ, служилъ вѣрно ему и Курфирсту Саксонскому; что Василій сдѣлаетъ Максимиліану великое удовольствіе, если отпуститъ Глинскаго въ Испанію, къ его внуку Карлу. Государь не согласился, отвѣтствуя, что сей измѣнникъ положилъ бы свою голову на плахѣ, если бы не изъявилъ желанія принять нашу Вѣру; что отецъ и мать его были Греческаго Закона; что Михаилъ, въ Италіи легкомысленно приставъ къ Римскому, одумался, хочетъ умереть Христіаниномъ Восточной Церкви и порученъ Митрополиту для наставленя.

Посольство къ Максимиліану.

Такимъ образомъ Посольство Максимиліаново не имѣло никакого успѣха; однакожь Герберштеинъ выѣхалъ изъ Москвы съ надеждою, что если не миръ, то хотя перемиріе остается возможнымъ между воюющими державами. Великій Князь послалъ въ Вѣну Дьяка Владиміра Племянникова объяснить
г. 1518. Императору нашу справедливость и требовать его обѣщаннаго содѣйствія въ войнѣ противъ Сигизмунда ([172]). Сей Дьякъ не могъ нахвалиться учтивостію Максимиліана, который велѣлъ ему говорить рѣчь сидя, *въ колпакѣ*; посадилъ и нашего толмача Истому; при имени Великаго Князя снималъ шляпу; угостилъ ихъ пышно и ѣздилъ съ ними на охоту; предлагалъ имъ лучшихъ соколовъ въ даръ, и твердилъ, что не имѣетъ ничего завѣтнаго для своего брата, Великаго Князя. Но сія ласка происходила единственно отъ желанія прекра-

тить войну Литовскую: ибо Максимиліанъ дѣйствительно замышлялъ тогда воздвигнуть всѣхъ Европейскихъ Государей на Султана, и видя слабость Короля, боялся, чтобы Россія не подавила его. „Цѣлость Литвы“—писалъ онъ къ Великому Магистру Нѣмецкому—„необходима для блага всей Ев„ропы: величіе Россіи „опасно“ (173).—Новые Послы Максимиліановы, Совѣтникъ Францискъ да-Колло и Антоній де-Конти, прибыли въ Москву съ Племянниковымъ (174), чтобы вторично ходатайствовать за Сигизмунда, или, какъ они говорили, за Христіанство; съ избыткомъ краснорѣчія представили картину Оттоманскихъ завоеваній въ трехъ частяхъ міра, отъ Воспора Фракійскаго до песковъ Египетскихъ, Кавказа и Венеціи; описали жалостное рабство Греческой Церкви, матери нашего Христіанства; униженіе святыни, гроба Спасителева, Назарета, Виѳлеема и Синая подъ властію Магометанъ; изъясняли, что Порта въ сосѣдствѣ съ нами чрезъ Тавриду и можетъ скоро наложить тяжкую свою руку на Россію; изобразили свирѣпость, хитрость, счастіе Селима, упоеннаго кровію отца и трехъ братьевъ, *возжигающаго предъ собою свѣтильники отъ сутка сердецъ Христіанскихъ* и давшаго себѣ имя *Владыки міра* (175); убѣждали Василія, какъ знаменитѣйшаго Царя Вѣрныхъ, итти за хоругвію Іисуса; наконецъ молили его объявить искренно, желаетъ ли или не желаетъ мира съ Литвою, чтобы *не плодить рѣчей* безполезно? Великій Князь хотѣлъ его, но не хотѣлъ возвратить Смоленска. Послы начали говорить о перемиріи на пять лѣтъ. Онъ соглашался, но съ условіемъ освободить всѣхъ плѣнниковъ: чего не принялъ Сигизмундъ, имѣя ихъ гораздо болѣе, нежели мы. Наконецъ Василій, въ угодность Императору, далъ слово не воевать Литвы въ теченіи 1519 года, если Король также не будетъ безпокоить Россіи, и если Максимиліанъ обяжется послѣ того вмѣстѣ съ Россіею наступить войною на Сигизмунда (176). Съ симъ предложеніемъ отправился въ Австрію Великокняжескій Дьякъ Борисовъ. Но Максимиліанъ скончался. Василій жалѣлъ объ немъ какъ о своемъ знаменитомъ пріятелѣ, а Сигизмундъ оплакалъ его какъ усерднаго покрови-

Новые послы отъ Императора.

теля, въ такое время, когда новые враги возстали на Литву и Польшу.

Смерть Летифа. Абдылъ-Летифъ, названный преемникомъ Царя Магметъ-Амина, умеръ въ Москвѣ ([177]), къ огорченію Великаго Князя: ибо Летифъ служилъ ему орудіемъ Политики или залогомъ въ отношеніи къ Тавридѣ и Казани. Но сіе происшествіе имѣло сначала благопріятныя для насъ слѣдствія. Желая завоевать Астрахань, Магметъ Гирей не менѣе желалъ подчинить себѣ и Казань: содѣйствіе Россіи, нужное и для перваго, было еще необходимѣе для успѣха въ послѣднемъ намѣреніи. И такъ, услышавъ о смерти Летифа, зная близость Магметъ-Аминевой и назначивъ Казанскій престолъ брату своему, Саипъ-Гирею, Ханъ обратился къ дружбѣ Великаго Князя. Хотя многіе Вельможи и Царевичи усильно противились сему расположенію; хотя Калга, Ахматъ-Гирей, нашъ ревностный пріятель, былъ однимъ изъ нихъ злодѣйски убитъ: но доброжелатели Россіи, въ числѣ коихъ находился Князь Аппакъ, главный любимецъ Ханскій, превозмогли, и Магметъ-Гирей извѣстилъ Василія, что онъ немедленно пришлетъ въ Москву сего Аппака съ клятвенною грамотою; что Крымцы уже воюютъ Литву; что мы ихъ усердною помощію истребимъ всѣхъ враговъ, если сами окажемъ услугу Хану: возьмемъ для него Астрахань или Кіевъ ([178]). Не упуская времени, Государь послалъ въ Тавриду Князя Юрья Пронскаго, а съ нимъ Дворянина Илью Челищева, весьма угоднаго Царю. Они встрѣтили Аппака, который дѣйствительно привезъ въ Москву Шертную грамоту Ханскую, написанную слово въ слово по данному отъ насъ образцу, въ томъ смыслѣ, чтобы Великому Князю и Магметъ-Гирею соединить оружіе противъ Литвы и наслѣдниковъ Ахматовыхъ. Въ описаніи сего Посольства замѣтимъ нѣкоторыя любопытныя черты. Аппакъ явился въ чалмѣ и не хотѣлъ снимать ее предъ Василіемъ. „Что значитъ такая новость“? спросили наши Бояре: „ты Князь, одна„кожь не Азейскаго рода, не *Мольнинъ* ([179]), и никогда не „бывалъ въ Меккѣ“. Аппакъ изъяснилъ, что Магметъ-Гирей дозволилъ ему ѣхать къ Магометову гробу, и въ знакъ сего

Возобновленіе союза съ Крымомъ.

г. 1519.

украсилъ его голову знаменіемъ правовѣрія. Посолъ и чиновники Московскіе преклоняли колѣна, говоря другъ другу именемъ своихъ Государей ([180]). Онъ *здравствовался* съ Великимъ Княземъ и сталъ на колѣна, чтобы отдать Ханскія письма. Союзъ утвердился присягою. Хартія Шертная лежала на столѣ подъ крестомъ: Василій сказалъ: „Аппакъ, на сей грамотѣ „клянуся моему брату, Магметъ-Гирею, дружить его друзьямъ, „враждовать непріятелямъ. Тутъ не упоминается объ Астра„хани; но даю слово вмѣстѣ съ нимъ объявить ей войну". Государь поцѣловалъ крестъ, взявъ письменное обязательство съ Аппака въ вѣрности Магметъ-Гирея.

Смерть Магметъ-Аминя.

Между тѣмъ судьба Казани рѣшилась не такъ, какъ думалъ Ханъ. МагметъАминь въ ужасныхъ мукахъ закрылъ глаза навѣки: исполняя волю его и свой торжественный обѣтъ, Уланы и Вельможи Казанскіе требовали новаго Царя отъ руки Василія ([181]), давно знавшаго мысль Хана Крымскаго, но таившаго свою. Настало время или угодить Магметъ-Гирею, или сдѣлать величайшую досаду. Василій не колебался: какъ не желалъ союза Тавриды, но еще болѣе опасался усилить ея Хана, который въ надменности властолюбія замышлялъ, подчиненіемъ себѣ Астрахани и Казани, возстановить Царство Батыево, столь ужасное въ памяти Россіянъ. Одинъ безумный варваръ могъ въ такомъ случаѣ ждать ихъ услугъ и содѣйствія: не брату, а злодѣю Магметъ-Гирееву Василій готовилъ престолъ въ Казани, и послалъ туда Тверскаго Дворецкаго, Михайла Юрьева, объявить жителямъ, что дастъ имъ въ Цари юнаго Шигъ-Алея, внука Ахматова, который переѣхалъ къ Іоанну съ отцемъ своимъ, Шигъ-Авлеаромъ, изъ Астрахани, и, къ неудовольствію Магметъ-Гирея, владѣлъ у насъ городкомъ Мещерскимъ. Вельможи и народъ, изъявивъ благодарность, прислали въ Москву знатныхъ людей за Шигъ-Алеемъ. Димитрій Бельскій отправился съ ними и съ новымъ Царемъ въ Казань, возвелъ его на престолъ, взялъ съ народа клятву въ вѣрности къ Государю Московскому. Всѣ были довольны, и Шигъ-Алей, воспитанный въ Россіи, искренно преданный Великому Князю, какъ единственному своему по-

Шигъ-Алей Царемъ въ Казани.

кровителю, не имѣлъ иной мысли, кромѣ той, чтобы служить ему усердно въ качествѣ присяжника.

Сіе дѣлалось во время бытности Аппака въ Москвѣ, и хотя не помѣшало заключенію союза съ Тавридою, однакожь произвело объясненія. Посолъ съ удивленіемъ спросилъ, для чего Василій, другъ его Царя, отдалъ Казань внуку ненавистнаго Ахмата? „Развѣ нѣтъ у насъ Царевичей? сказалъ онъ: „развѣ кровь Ордынская лучше Менгли-Гиреевой? Впрочемъ я говорю только отъ своего имени, „угадывая мысли Хана“ ([182]). Василій увѣрялъ, что онъ думалъ возвести брата или сына Магметъ-Гиреева на сіе Царство, но что Казанскіе Вельможи непремѣнно требовали Шигъ-Алея, и если бы воля ихъ не исполнилась, то они взяли бы себѣ Царя изъ Ногаевъ или Астрахани, слѣдственно опаснаго непріятеля Россіи. Аппакъ замолчалъ, и скоро пришла въ Москву желанная вѣсть, что Ханъ уже дѣйствуетъ какъ нашъ ревностный союзникъ; что сынъ его, Калга Богатырь, совсѣмъ нечаянно вступивъ въ Литву съ тридцатью тысячами, огнемъ и мечемъ опустошилъ Сигизмундовы владѣнія едва не до самаго Кракова, на голову разбилъ Гетмана, Константина Острожскаго, плѣнилъ 60,000 жителей, умертвилъ еще болѣе и возвратился съ торжествомъ счастливаго разбойника, покрытый кровію и пепломъ ([183]). Доказавъ такимъ образомъ Королю, (что мнимый союзъ варваровъ бываетъ хуже явной вражды ибо производитъ оплошность) Магметъ-Гирей готовился доказать сію истину и Великому Князю; но еще около двухъ лѣтъ представлялъ лице нашего друга. Аппакъ выѣхалъ изъ Москвы весьма довольный милостію Государя, и новый Посолъ Россійскій, Боярин Ѳедоръ Клементьевъ, заступилъ въ Гавридѣ мѣсто Князя Пронскаго ([184]). Зная, сколь Магметъ-Гирей боится Султана, Василій отправилъ въ Царьградъ Дворянина Голохвастова съ письмомъ къ Селиму, изъявляя сожалѣніе что онъ долго не шлетъ къ намъ втораго, обѣщаннаго имъ Посольства для заключенія союза, который могъ бы обуздывать Хана, ужасая Литву съ Польшею ([185]). Голохвастовъ имѣлъ еще тайное порученіе видѣться въ Константино-

Крымцы опустошаютъ Литву.

Посольство къ Султану.

полѣ съ Гемметомъ Царевичемъ, сыномъ убитаго въ Тавридѣ Калги Ахмата. Носился слухъ, что Султанъ мыслитъ дать ему Крымское Ханство ([186]); а какъ отецъ его любилъ Россію, то Великій Князь надѣялся и на дружбу сына. Голохвастовъ долженъ былъ предложить Гемметy покровительство Василіево, вѣрное убѣжища въ Москвѣ, Удѣлъ и жалованье. Гемметъ, непримиримый врагъ своего дяди, Магметъ-Гирея, могъ и въ изгнаніи быть намъ полезенъ, имѣя связи и друзей въ Тавридѣ: тѣмъ болѣе надлежало искать въ немъ пріязни, если милость Султанская готовила для него Ханство. — Посолъ нашъ возвратился благополучно. Гемметъ не сдѣлался Ханомъ, не пріѣхалъ и въ Россію; но Селимъ, написавъ къ Василію ласковый отвѣтъ, въ доказательство истинной къ нему дружбы велѣлъ своимъ Пашамъ тревожить Королевскія владѣнія ([187]), подтвердилъ также условія свободной торговли между обѣими Державами ([188]).

Изумленный нападеніемъ Магметъ-Гирея, Сигизмундъ узналъ что и присяжникъ его Албрехтъ, Магистръ Нѣмецкаго Ордена, въ слѣдствіе заключеннаго имъ договора съ Россіею готовится къ войнѣ. Долго сей искренній союзъ не имѣлъ своего дѣйствія отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ Папа, Леонъ X, убѣждалъ Магистра не только остаться въ мирѣ съ Королемъ, но и быть посредникомъ между имъ и Россіею, предлагая ему главное Воеводство въ Христіанскомъ всенародномъ ополченіи, коему надлежало собраться подъ знаменами Вѣры, чтобы смирить гордость Султана. Сей Папа, славный въ Исторіи любовію къ Искусствамъ и Наукамъ гораздо болѣе, нежели Пастырскою ревностію и государственнымъ благоразуміемъ, представлялъ чрезъ Магистра и Великому Князю, что Константинополь есть законное наслѣдіе Россійскаго Монарха, сына Греческой Царевны; что здравая Политика велитъ нами примириться съ Литвою, ибо *время воюетъ* сію Державу, и Сигизмундъ не имѣетъ наслѣдниковъ; что смерть его разрушитъ связь между Литвою и Польшею, которыя безъ сомнѣнія изберутъ тогда разныхъ Владѣтелей и несогласіемъ ослабѣютъ; что все благопріятствуетъ величію Россіи, и мы станемъ на

Сношенія съ Магистромъ Нѣмецкимъ и съ Папою

первой степени Державъ Европейскихъ, если, соединясь съ ними противъ Оттомановъ, соединимся и Вѣрою; что Церковь Греческая не имѣетъ Главы, что древняя сестра ея, Церковь Римская, возвыситъ нашего Митрополита въ санъ Патріарха, утвердитъ грамотою всѣ *добрые* наши обычаи, безъ малѣйшей перемѣны и новостей; что онъ (Папа) желаетъ украсить главу непобѣдимаго Царя Русскаго вѣнцемъ Царя Христіанскаго, безъ всякаго мірскаго возмездія или прибытка единственно во славу Божію ([189]). Василій, какъ пишутъ, негодовалъ на Леона за то, что онъ торжественно праздновалъ въ Римѣ побѣду Сигизмундову въ 1514 году, объявивъ насъ еретиками ([190]); однакожь сей благоразумный Государь отвѣтствовалъ Магистру, что ему весьма пріятно видѣть доброе къ намъ расположеніе Папы и быть съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ по государственнымъ дѣламъ Европы; но что касается до Вѣры, то Россія была, есть и будетъ Греческаго Исповѣданія во всей чистотѣ и неприкосновенности онаго ([191]). Повѣренный Леоновъ въ Краковѣ и въ Кенигсбергѣ, Монахъ Николай Шонбергъ, желалъ ѣхать и въ Москву: Великій Князь обѣщалъ принять его милостиво, и дозволилъ Папѣ имѣть черезъ Россію сообщеніе съ Царемъ Персидскимъ ([192]). *Второю* виною Албрехтовой медленности былъ недостатокъ въ деньгахъ: онъ требовалъ ста тысячь гривенъ серебра отъ Великаго Князя, чтобы нанять воиновъ въ Германіи; но Великій Князь, опасаясь истощить казну свою безполезно, отвѣтствовалъ: „возьми прежде Данцигъ и вступи въ Сигизмундову землю;“ а Магистръ говорилъ: „не могу нечего „сдѣлать безъ денегъ.“ По желанію Албрехта Василій написалъ дружественныя грамоты къ Королю Французскому и Нѣмецкимъ Избирателямъ или Курфирстамъ, убѣждая ихъ вступиться за Орденъ, утѣсняемый Польшею, и совѣтовалъ Князьямъ Германіи избрать такого Императора, который могъ бы сильною рукою защитить Христіанство отъ невѣрныхъ и ревностнѣе Максимиліана покровительствовать славное Рыцарство Нѣмецкое ([193]). Послы Магистровы были честимы въ Москвѣ, паши въ Кенигсбергѣ; Албрехтъ самъ ходилъ къ

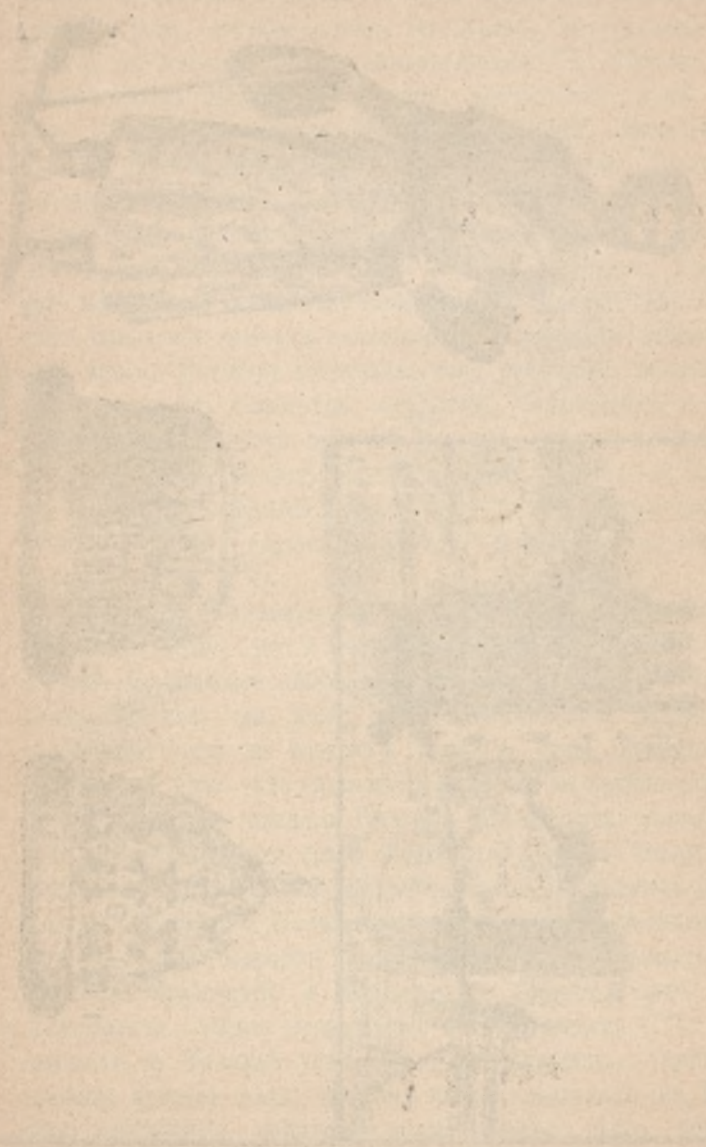
нимъ для переговоровъ, сажалъ ихъ за обѣдомъ на свое мѣсто, не хотѣлъ слушать *поклоновъ* отъ Великаго Князя, называя себя недостойнымъ такой высокой чести; приказывалъ къ нему *поклоны до земли*; училъ Нѣмцевъ языку Русскому (194); говорилъ съ умиленіемъ о благодѣяніяхъ, ожидаемыхъ имъ отъ Россіи для Ордена знаменитаго, хотя и несчастнаго въ угнетеніи; объявилъ Государю всѣхъ своихъ тайныхъ союзниковъ, и въ числѣ ихъ Короля Датскаго, Архіепископа Майнцскаго, Кельнскаго, Герцоговъ Саксонскаго, Баварскаго Брауншвейгскаго и другихъ; увѣрялъ, что Папа Леонъ будетъ за насъ, если Сигизмундъ отвергнетъ миръ справедливый; въ порывѣ ревности даже не совѣтовалъ Василію мириться, чтобы Литва, находясь тогда въ обстоятельствахъ затруднительныхъ, не имѣла времени отдохнуть (195). Великій Князь не сомнѣвался въ усердіи Магистра, но сомнѣвался въ его силахъ; наконецъ послалъ ему серебра на 14,000 червонцевъ для содержанія тысячи наемныхъ ратниковъ (196), къ удивленію Магистра Ливонскаго, Плеттенберга, который смѣялся надъ легковѣріемъ Албрехта, говоря: „я живу въ сосѣдствѣ съ „Россіянами и знаю ихъ обычай; сулятъ много, а не даютъ „ничего“ (197). Узнавъ же, что серебро привезли изъ Москвы въ Ригу, онъ вскочилъ съ мѣста, сплеснулъ руками и сказалъ: „чудо! Богъ явно помогаетъ Великому Магистру!“ Слыша, что Албрехтъ дѣйствительно вызываетъ къ себѣ 10,000 ратниковъ изъ Германіи и всѣми силами ополчается на Короля; свѣдавъ, что война уже открылась между ими (въ концѣ 1519 года), Великій Князь еще отправилъ знатную сумму денегъ въ Пруссію (198), желая Ордену счастія, славы и побѣды. Магистръ изъ войнѣ съ Польшею.

Между тѣмъ Россія и сама бодро дѣйствовала оружіемъ. Московская дружина, Новогородцы и Псковитяне осаждали въ 1518 году Полоцкъ; но голодъ принудилъ ихъ отступить: не малое число Дѣтей Боярскихъ, гонимыхъ Литовскимъ Паномъ Волынцемъ, утонуло въ Двинѣ. Въ Августѣ 1519 года Воеводы наши, Князья Василій Шуйскій изъ Смоленска, Горбатый изъ Пскова, Курбскій изъ Стародуба ходили до самой Вильны и далѣе, опустошая, какъ обыкновенно, всю землю; Походъ нашихъ Воеводъ на Литву.

разбили нѣсколько отрядовъ и шли прямо на большую Литовскую рать, которая стояла въ Кревѣ, но удалились за Лоскъ, въ мѣста тѣсныя и непроходимыя ([199]). Россіяне удовольствовались добычею и плѣномъ, несмѣтнымъ, какъ говоритъ Лѣтописецъ. Другіе Воеводы Московскіе, Василій Годуновъ, Князь Елецкій, Засѣкинъ съ сильною Татарскою конницею приступали къ Витебску и Полоцку, выжгли предмѣстія, взяли внѣшнія укрѣпленія, убили множество людей ([200]). Третья рать подъ начальствомъ Ѳеодора Царевича, крещеннаго племянника Алегамова, также громила Литву ([201]). Польза сихъ нападеній состояла единственно въ разореніи непріятельской земли: Магистръ совѣтовалъ намъ предпріять важнѣйшее: сперва завоевать Самогитію, открытую, беззащитную и богатую хлѣбомъ; а послѣ итти въ Мазовію, гдѣ онъ хотѣлъ соединиться съ Россійскимъ войскомъ, чтобы ударить на Короля въ сердцѣ его владѣній, въ самое то время, когда наемные Нѣмецкіе полки, идущіе къ Вислѣ, устремятся на него съ другой стороны ([202]).

Положеніе Сигизмундово казалось весьма бѣдственнымъ. Не только война, но и язва опустошала его Державу ([203]). Лучшее Королевское войско состояло изъ Нѣмцевъ и Богемскихъ Славянъ: они, послѣ неудачнаго приступа къ Опочкѣ, съ досадою ушли во свояси и говорили столь обидныя для Сигизмунда рѣчи, что единоземцы ихъ уже не хотѣли служить ему ([204]). Лавры славнаго Гетмана, Константина, увяли. Города Литовскіе стояли среди усѣянныхъ пепломъ степей, гдѣ скитались толпами бѣдные жители деревень, сожженныхъ Крымцами или Россіянами. Но счастье вторично спасло Сигизмунда ([205]). Онъ не терялъ бодрости; искалъ мира, не отказываясь отъ прежнихъ требованій, и заключилъ въ Москвѣ, чрезъ Пана
г. 1520. Лелюшевича, только премиріе на шесть мѣсяцевъ ([206]): дѣйствовалъ въ Тавридѣ убѣжденіями и подкупомъ; укрѣплялъ границу противъ насъ, и всѣми силами наступилъ на Магистра, слабѣйшаго, однакожъ весьма опаснаго врага, который имѣлъ тайныя связи въ Нѣмецкихъ городахъ Польши, зналъ ея способы, важныя мѣстныя обстоятельства, и могъ давать

1) Одна изъ древнихъ царскихъ шапокъ. — 2) Древняя митра архіерейская. — 3) Развалины Коломенской городской стѣны. — 4) Б яринъ въ домашнемъ платьѣ.



гибельные для нее совѣты Великому Князю. Албрехтъ предводительствовалъ не тысячами, а сотнями, ожидая серебра изъ Москвы и воиновъ изъ Германіи; сражаясь мужественно, уступалъ многочисленности непріятелей и едва защитилъ Кенигсбергъ, откуда Посолъ нашъ долженъ былъ для безопасности выѣхать въ Мемель ([207]). Наемники Ордена, 13,000 Нѣмцевъ, дѣйствительно явились на берегахъ Вислы, осадили Данцигъ, но разсѣялись, не имѣя съѣстныхъ запасовъ, ни вѣстей отъ Магистра. Воеводы Королевскіе взяли Маріенвердеръ, Голландъ, и заставили Албрехта просить мира ([208]). Слабость Нѣмецкаго Ордена

Но главнымъ Сигизмундовымъ счастіемъ была измѣна Казанская съ ея зловредными для насъ послѣдствіями. Если Ханъ Крымскій, свѣдавъ о воцареніи Шигъ-Алея, не вдругъ съ огнемъ и мечемъ устремился на Россію: то сіе происходило отъ боязни досадить Султану, коего отмѣнная благосклонность къ Великому Князю была ему извѣстна. Селимъ, гроза Азіи, Африки и Европы, умеръ: немедленно отправился въ Константинополь Посолъ Московскій, Третьякъ Губинъ, привѣтствовать его сына, Героя Солимана, на тронѣ Оттоманскомъ ([209]), и новый Султанъ велѣлъ объявить Магметъ-Гирею, чтобы онъ никогда не смѣлъ безпокоить Россіи ([210]). Тщетно Ханъ старался уничтожить сію дружбу, основанную на взаимныхъ выгодахъ торговли, и внушалъ Солиману, что Великій Князь ссылается съ злодѣями Порты, даетъ Царю Персидскому огнестрѣльный снарядъ и пушечныхъ художниковъ, искореняетъ Вѣру Магометанскую въ Казани, разоряетъ мечети, ставитъ церкви Христіанскія ([211]). Мы имѣли усердныхъ доброжелателей въ Пашахъ Азовскомъ и Кафинскомъ: утверждаемый ими въ пріязни къ намъ, Султанъ не вѣрилъ клевстамъ Магметъ-Гирея, который языкомъ разбойника сказалъ ему наконецъ: „чѣмъ же буду сытъ и одѣтъ, если запретишь „мнѣ воевать Московскаго Князя“ ([212])? Готовясь покорить Венгрію, Солиманъ желалъ, чтобы Крымцы опустошали земли ея союзника, Сигизмунда; но Ханъ уже возобновилъ дружбу съ Литвою. Еще называясь *братомъ* Магмедъ-Гиреевымъ, Великій Князь вдругъ услышалъ о бунтѣ Казанцевъ ([213]). Злоба Магметъ-Гирея на Василія. г. 1521. Посольство къ Султану.

Бунтъ въ Казани.

Года три Шигъ-Алей царствовалъ спокойно и тихо, ревностно исполняя обязанность нашего присяжника, угождая во всемъ Великому Князю, оказывая совершенную довѣренность къ Россіянамъ и холодность къ Вельможамъ Казанскимъ: слѣдственно не могъ быть любимъ подданными, которые только боялись, а не любили насъ, и съ неудовольствіемъ видѣли въ немъ слугу Московскаго. Самая наружность Алеева казалась имъ противною, изображая склонность къ низкимъ, чувственнымъ наслажденіямъ, несогласнымъ съ доблестію и мужествомъ: онъ имѣлъ необыкновенно толстое, отвислое брюхо, едва замѣтную бороду и лице женское ([214]). Его добродушіе называли слабостію: тѣмъ болѣе жаловались, когда онъ, подвигнутый усердіемъ къ Россіи, наказывалъ злыхъ совѣтниковъ, предлагавшихъ ему отступить отъ Великаго Князя по примѣру Магметъ-Аминя ([215]). Такое общее расположеніе умовъ въ Казани благопріятствовало происканъ Магметъ-Гирея, который обѣщалъ ея Князьямъ полную независимость, если они возьмутъ къ себѣ въ Цари брата его Саипа и соединятся съ Тавридою для возстановленія древней славы Чингисова потомства. Успѣхъ сихъ тайныхъ сношеній открылся весною въ 1521 году: Саипъ-Гирей съ полками явился предъ стѣнами Казанскими, безъ сопротивленія вступилъ въ городъ и былъ признанъ Царемъ: Алея, Воеводу Московскаго Карпова и Посла Великокняжескаго, Василія Юрьева, взяли подъ стражу, всѣхъ нашихъ купцевъ ограбили, заключили въ темницы, однакожь не умертвили ни одного человѣка: ибо новый Царь хотѣлъ показать умѣренность; объявилъ себя покровителемъ сверженнаго Шигъ-Алея, уважая въ немъ кровь Тохтамышеву; далъ ему волю ѣхать съ своею женою въ Москву, коней и проводника; освободилъ и Воеводу Карпова ([216]). Немедленно оставивъ Казань, Алей встрѣтился въ степяхъ съ нашими рыболовами, которые лѣтомъ обыкновенно жили на берегахъ Волги, у Дѣвичьихъ горъ ([217]), и тогда бѣжали въ Россію, испуганные возмущеніемъ Казанцевъ: онъ вмѣстѣ съ ними питался запасомъ сушенной рыбы, травою, кореньями; терпѣлъ голодъ, и едва могъ достигнуть Россійскихъ предѣловъ, откуда путе-

шествіе его до столицы было уже какъ бы торжественнымъ: вездѣ чиновники Великокняжескіе ждали Царя-изгнанника съ привѣтствіями и съ брашномъ, а народъ съ изъявленіемъ усердія и любви. Всѣ Думные Бояре выѣхали къ нему изъ Москвы на встрѣчу, Самъ Государь на лѣстницѣ дворца обнялся съ нимъ дружески. Оба плакали. „Хвала Всевышнему!“ сказалъ Василій: „ты живъ: сего довольно“ ([218]). Онъ благодарилъ Алея именемъ отечества за вѣрность; утѣшалъ, осыпалъ дарами; обѣщалъ ему и себѣ управу: но еще не успѣлъ предпріять мести, когда туча варваровъ нашла на Россію.

Нападеніе Магметъ-Гирея и Казанцевъ на Россію.

Исхитивъ Казань изъ нашихъ рукъ, Магметъ-Гирей не терялъ времени въ бездѣйствіи: хотѣлъ укрѣпить ее за своимъ братомъ и для того сильнымъ ударомъ потрясти Василіеву Державу; вооружилъ не только всѣхъ Крымцевъ, но поднялъ и Ногаевъ; соединился съ Атаманомъ Козаковъ Литовскихъ, Евстафіемъ Дашковичемъ, и двинулся такъ скоро къ Московскимъ предѣламъ, что Государь едва успѣлъ выслать рать на берега Оки, дабы удержать его стремленіе. Главнымъ Воеводою былъ юный Князь Димитрій Бѣльскій; съ нимъ находился и меньшій братъ Государевъ, Андрей: они въ безразсудной надменности не совѣтовались съ мужами опытными, или не слушались ихъ совѣтовъ; стали не тамъ, гдѣ надлежало; перепустили Хана чрезъ Оку, сразились не вовремя, безъ устройства, и малодушно бѣжали. Воеводы Князь Владиміръ Курбскій, Шереметевъ, двое Замятниныхъ, положили свои головы въ несчастной битвѣ. Князя Ѳеодора Оболенскаго-Лопату взяли въ плѣнъ. Великій Князь ужаснулся, и еще гораздо болѣе, свѣдавъ, что другой непріятель, Сапинъ-Гирей Казанскій, отъ береговъ Волги также идетъ къ нашей столицѣ ([219]). Сіи два Царя соединились подъ Коломною, опустошая всѣ мѣста, убивая, плѣняя людей тысячами, оскверняя святыню храмовъ, злодѣйствуя, какъ бывало въ старину при Батыѣ или Тохтамышѣ. Татары сожгли монастырь Св. Николая на Угрѣшѣ и любимое село Василіево, Островъ, а въ Воробьевѣ пили медъ изъ Великокняжескихъ погребовъ, смотря на Москву. Государь удалился

въ Волокъ собирать полки, ввѣривъ оборону столицы зятю, Царевичу Петру, и Боярамъ ([220]). Все трепетало. Ханъ 29 Іюля, среди облаковъ дыма, подъ заревомъ пылающихъ деревень, стоялъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, куда стекались жители окрестностей съ ихъ семействами и драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ. Улицы заперлись обозами. Пришельцы и граждане, жены, дѣти, старцы, искали спасенія въ Кремлѣ, тѣснились въ воротахъ, давили другъ друга. Митрополитъ Варлаамъ (преемникъ Симоновъ) усердно молился съ народомъ: Градоначальники распорядили защиту, всего болѣе надѣясь на искуство Нѣмецкаго пушкаря, Никласа. Снарядъ огнестрѣльный могъ дѣйствительно спасти крѣпость; но былъ недостатокъ въ порохѣ. Открылось и другое бѣдствіе: ужасная тѣснота въ Кремлѣ грозила неминуемою заразою. Предвидя худыя слѣдствія, слабые начальники вздумали— такъ повѣствуетъ одинъ чужеземный, современный Историкъ ([221]) — обезоружить Хана Магметъ-Гирея богатыми дарами: отправили къ нему Посольство и бочки съ крѣпкимъ медомъ. Опасаясь и нашего войска и неприступныхъ для него Московскихъ укрѣпленій, Ханъ согласился не тревожить столицы и мирно итти во-свояси, если Великій Князь, по уставу древнихъ временъ, обяжется грамотою платить ему дань. Едва ли самъ варваръ Магметъ-Гирей считалъ такое обязательство дѣйствительнымъ: вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ единственно унизить Василія и засвидѣтельствовать свою побѣду столь обиднымъ для Россіи договоромъ. Вѣроятно и то, что Бояре Московскіе не дерзнули бы дать сей грамоты безъ вѣдома Государева: Василій же, какъ видно, боялся временнаго стыда менѣе, нежели бѣдствія Москвы, и предпочелъ сіе мирное избавленіе славнымъ опасностямъ кровопролитной, не вѣрной битвы. Написали хартію, скрѣпили Великокняжескою печатью, вручили Хану, который немедленно отступилъ къ Рязани, гдѣ станъ его имѣлъ видъ Азіатскаго торжища: разбойники сдѣлались купцами, звали къ себѣ жителей, увѣряли ихъ въ безопасности, продавали имъ свою добычу и плѣнниковъ, изъ коихъ многіе даже безъ выкупа уходили въ

городъ. Сіе было хитростію. Атаманъ Литовскій, Евстафій Дашковичь, совѣтовалъ Магметъ-Гирею обманомъ взять крѣпость: къ счастію, въ ней бодрствовалъ Окольничій, Хабаръ Симскій, сынъ Іоаннова Воеводы, Василія Образца, мужъ опытный, благоразумный, спаситель Нижняго Новагорода ([222]). Ханъ, желая усыпить его, послалъ къ нему Московскую грамоту, въ удостовѣреніе, что война кончилась, и что Великій Князь призналъ себя данникомъ Крыма; а между тѣмъ непріятельскія толпы шли къ крѣпости, будто бы для отысканія своихъ бѣглецовъ. Симскій, исполняя уставъ чести, выдалъ имъ всѣхъ плѣнниковъ, укрывавшихся въ городѣ, и заплатилъ 100 рублей за освобожденіе Князя Ѳеодора Оболенскаго; но число Литовцевъ и Татаръ непрестанно умножалось подъ стѣнами, до самаго того времени, какъ Рязанскій искусный пушкарь, Нѣмецъ Іорданъ, однимъ выстрѣломъ положилъ ихъ множество на мѣстѣ: остальные въ ужасѣ разсѣялись. Коварный Ханъ притворился изумленнымъ: жаловался на сіе непріятельское дѣйствіе; требовалъ головы Іордановой, стращалъ местію, но спѣшилъ удалиться, ибо свѣдалъ о впаденіи Астраханцевъ въ его собственные предѣлы ([223]). Торжество Симскаго было совершенно: онъ спасъ не только Рязань, но и честь Великокняжескую: постыдная хартія Московская осталась въ его рукахъ. Ему дали послѣ санъ Боярина, и — что еще важнѣе — внесли описаніе столь знаменитой услуги въ Книги Розрядныя и въ Родословныя на память вѣкамъ ([224]).

Хабарь Симскій спасаетъ Рязань и честь Великаго Князя.

Сіе нашествіе варваровъ было самымъ несчастнѣйшимъ случаемъ Василіева государствованія. Предавъ огню селенія, отъ Нижняго Новагорода и Воронежа до береговъ Москвы-рѣки, они плѣнили несмѣтное число жителей ([225]), многихъ знатныхъ женъ и дѣвицъ, бросая грудныхъ младенцевъ на землю; продавали невольниковъ толпами въ Кафѣ, въ Астрахани; слабыхъ, престарѣлыхъ морили голодомъ: дѣти Крымцевъ учились надъ ними искуству язвить, убивать людей. Одна Москва славила свое, по мнѣнію народа, сверхъ-естественное спасеніе: разсказывали о явленіяхъ и чудесахъ ([226]); уставили особенный крестный ходъ въ монастырь Срѣтенія, гдѣ мы

донынѣ три раза въ годъ благодаримъ Небо за избавленіе сей древней столицы отъ Тамерланова, Ахматова и Магметъ-Гиреева нападенія ([227]). Великій Князь, возвратясь, изъявилъ признательность Нѣмецкимъ чиновникамъ огнестрѣльнаго снаряда, Никласу и Іордану ([228]); но велѣлъ судить Воеводъ, которые пустили Хана въ сердце Россіи. Всѣ упрекали Бѣльскаго безразсудностію и малодушіемъ; а Бѣльскій слагалъ вину на брата Государева, Андрея, который, первый показавъ тылъ непріятелю, увлекъ другихъ за собою. Василій, щадя брата, наказалъ только одного Воеводу, Князя Ивана Воротынскаго, мужа весьма опытнаго въ ратномъ дѣлѣ и дотолѣ всегда храбраго. Вина его, кажется, состояла въ томъ, что онъ, будучи оскорбленъ надменностію Бѣльскаго, съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ ошибки сего юнаго Полководца, жертвовалъ самолюбію отечествомъ и не сдѣлалъ всего возможнаго для блага Россіи: преступленіе важное и тѣмъ менѣе извинительное, чѣмъ труднѣе уличить виновнаго! Лишенный своего помѣстья и сана, Князь Воротынскій долгое время сидѣлъ въ заключеніи: былъ послѣ освобожденъ, ѣздилъ ко Двору, но не могъ выѣхать изъ столицы ([229]).

Судъ Воеводъ.

Скоро пришло въ Москву извѣстіе о новомъ грозномъ для насъ замыслѣ Хана: онъ велѣлъ объявить на трехъ торгахъ, въ Перекопи, въ Крымѣ, въ Кафѣ и въ другихъ мѣстахъ, чтобы его Уланы, Мурзы, воины не слагали съ себя оружія, не разсѣдлывали коней и готовились вторично итти на Россію ([230]). Татары не любили воевать въ зимнее время, безъ подножнаго корма: весною полки наши заняли берега Оки, куда прибылъ и самъ Великій Князь. Никогда Россія не имѣла лучшей конницы и столь многочисленной пѣхоты. Главный станъ, близъ Коломны, уподоблялся обширной крѣпости, подъ защитою огнестрѣльнаго снаряда, котораго мы прежде не употребляли въ полѣ ([231]). Сказываютъ, что Государь, любуясь прекраснымъ войскомъ и станомъ, послалъ вѣстника къ Магметъ-Гирею съ такими словами: „Вѣроломно „нарушивъ миръ и союзъ, ты въ видѣ разбойника, душегубца, „зажигальщика, напалъ нечаянно на мою землю. Имѣешь ли

Г. 1522. Станъ подъ Коломною.

„бодрость воинскую? иди теперь: предлагаю тебѣ честную „битву въ полѣ.“ Ханъ отвѣтствовалъ, что ему извѣстны пути въ Россію и время удобное для войны; что онъ не спрашиваетъ у непріятелей, гдѣ и когда сражаться ([232]). Лѣто проходило: Магметъ-Гирей не являлся. Въ Августѣ Государь возвратился въ Москву, гдѣ Солимановъ Посолъ, Князь Мангупскій, Скиндеръ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ его, пріѣхавъ изъ Константинополя вмѣстѣ съ Третьякомъ-Губинымъ ([233]). Посолъ Солимановъ.

Послу оказали великую честь: Государь всталъ съ мѣста, чтобы спросить у него о здравіи Султана; далъ ему руку и велѣлъ сѣсть *послѣ себя* ([234]). Нельзя было писать ласковѣе, какъ Солиманъ писалъ къ Василію, своему *вѣрному пріятелю* и *доброму сосѣду*, увѣряя, что желаетъ быть съ нимъ *въ крѣпкой дружбѣ* и *въ братствѣ;* но Скиндеръ говорилъ единственно о дѣлахъ торговыхъ, и купивъ нѣсколько драгоцѣнныхъ мѣховъ, уѣхалъ ([235]). – Не теряя надежды пріобрѣсти дѣятельный союзъ Оттоманской Имперіи, Василій еще посылалъ въ Константинополь ближняго Дворянина, Ивана Морозова, съ дружественными грамотами; однакожь не велѣлъ ему объявлять условій, на коихъ мы желали заключить письменный договоръ съ Портою: ибо Великому Князю, по обыкновенной гордости новаго Россійскаго Двора, хотѣлось, чтобы Султанъ прислалъ для того собственнаго Вельможу въ Москву ([236]). Сей опытъ былъ послѣднимъ съ нашей стороны: Солиманъ довольствовался учтивостями, не думая, кажется, чтобы Россія могла искренно содѣйствовать Оттоманамъ въ покореніи Христіанскихъ Державъ, и еще менѣе думая быть орудіемъ нашей особенной Политики; стѣсняя Венгрію, завоевавъ Родосъ, готовясь устремиться на Мальту, онъ требовалъ отъ насъ мира, товаровъ, и ничего болѣе.

Если бы Сигизмундъ въ одно время съ Магметъ-Гиреемъ и съ Казанскимъ Царемъ напалъ на Россію, то Великій Князь увидѣлъ бы себя въ крайности, и поздно бы узналъ, сколь судьба Государствъ бываетъ непостоянна, вопреки хитрымъ соображеніямъ ума человѣческаго. Но, къ счастію нашему, Король не имѣлъ сильнаго войска, боялся ужаснаго

Солимана, зналъ вѣроломство Хана Крымскаго, и радуясь претерпѣнному нами отъ него бѣдствію, надѣялся только, что оно склонитъ Василія къ миролюбію. Государь въ самомъ дѣлѣ желалъ прекратить войну съ Литвою для скорѣйшаго обузданія Тавриды и Казани. Пользуясь обстоятельствами, Сигизмундъ хотѣлъ договариваться о мирѣ не въ Москвѣ, какъ обыкновенно бывало, а въ Вильнѣ или въ Краковѣ: Великій Князь отвергнулъ сіе предложеніе, и знатный Королевскій чиновникъ, Петръ Станиславовичъ, съ Секретаремъ Иваномъ Горностаемъ пріѣхали въ Москву, когда еще Воеводы наши стояли у Коломны, готовые итти на Татаръ или на Литву ([237]). Не могли согласиться въ условіяхъ вѣчнаго мира: долго спорили о перемиріи; наконецъ заключили его на пять лѣтъ отъ 25 Декабря 1522 года. Смоленскъ остался нашимъ; границею служили Днѣпръ, Ивака и Меря ([238]). Уставили вольность торговли; поручили Намѣстникамъ Украинскимъ рѣшить тяжбы между жителями обоихъ Государствъ: но плѣнникамъ не дали свободы, къ прискорбію Василія, который долженъ былъ отказаться отъ сего требованія. Окольничій Морозовъ и Дворецкій Бутурлинъ ѣздили въ Краковъ съ перемирною грамотою. Литовскій Историкъ съ удивленіемъ говоритъ о пышности сихъ Вельможъ, сказывая, что подъ ними было пять сотъ коней ([239]). Два раза Сигизмундъ звалъ ихъ обѣдать, и два раза они уходили изъ дворца, чтобы не сидѣть за столомъ вмѣстѣ съ Папскими, Цесарскими и Венгерскими Повѣренными въ дѣлахъ: ибо сіе казалось для нихъ не совмѣстнымъ съ честію Великокняжескаго Посольства. Король утвердилъ грамоту присягою, облегчивъ судьбу нашихъ плѣнниковъ.

Посольство Литовское и перемиріе.

Такъ кончилась сія десятилѣтняя война Литовская, славная для Сигизмунда громкою побѣдою Оршинскою, а для насъ полезная пріобрѣтеніемъ Смоленска, для обоихъ же Государствъ равно опустошительная, если отнесемъ къ ней гибельное нашествіе Магметъ-Гиреево. Достопамятнымъ слѣдствіемъ ея было уничтоженіе Нѣмецкаго Ордена, къ прискорбію Василія, который лишился въ немъ хотя и слабаго, но ревностнаго

союзника. Уступивъ силѣ, жалуясь на скупость Великаго Князя, можетъ быть невольную по нашимъ умѣреннымъ доходамъ, и на худое усердіе своего народа, Магистръ искалъ мира и пожертвовалъ ему бытіемъ Рыцарства, славнаго въ лѣтописяхъ. Сигизмундъ призналъ Албрехта наслѣдственнымъ Владѣтелемъ Орденскихъ городовъ, съ условіемъ, чтобы они вѣчно зависѣли отъ Государей Польскихъ, и далъ Пруссіи гербъ Чернаго Орла, съ изображеніемъ буквы S, начальной Сигизмундова имени ([240]). Хотя съ перемѣною обстоятельствъ сіе знаменитое Палестинское братство отжило вѣкъ свой и казалось уже несоотвѣтственнымъ новому государственному порядку въ Европѣ: однакожъ гибель учрежденія столь памятнаго своею великодушною цѣлію, законами суровой добродѣтели и геройствомъ первыхъ основателей, произвела всеобщее сожалѣніе. — Орденъ Ливонскій, бывъ около трехъ вѣковъ сопряженъ съ Нѣмецкимъ, остался въ печальномъ уединеніи, среди грозныхъ опасностей и между двумя сильными Державами, Россіею и Польшею, въ ненадежной, но въ полной свободѣ, какъ старецъ при дверяхъ гроба. Ливонскіе Рыцари давали Великому Магистру Нѣмецкому деньги и людей для войны: за что онъ торжественно объявилъ ихъ независимыми навѣки ([241]). Судьба также готовила имъ конецъ; но Плеттенбергъ еще жилъ, и какъ бы въ награду за свое великодушіе долженствовалъ спокойно умереть Главою свободнаго братства. Въ 1521 году онъ возобновилъ мирный договоръ съ Россіею на десять лѣтъ ([242]).

Конецъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи.

Новое перемиріе съ Ливонскимъ Орденомъ.

ГЛАВА III.

Продолженіе государствованія Василіева

Г. 1521—1534.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. Заключеніе К. Шемякина. Ханъ Крымскій взялъ Астрахань. Злодѣйства въ Казани. Бѣдствіе Крыма. Ханъ Сайдетъ-Гирей. Походы на Казань. Постриженіе Великой Княгини. Новый бракъ Великаго Князя. Сношенія съ Римомъ, съ Императоромъ Карломъ V. Перемиріе съ Литвою. Дружество съ Густавомъ Вазою. Посольство Солимановы. Набѣгъ Крымцевъ. Рать на Казань. Новый Царь въ Казани. Заточеніе Шигъ-Алея. Рожденіе Царя Іоанна Василіевича. Посольства Астраханскія, Молдавскія, Ногайское, Индѣйское. Набѣгъ Крымцевъ. Болѣзнь и кончина Великаго Князя. Характеръ Василіевъ. Строгость и милость. Дѣло Максима Грека. Жалобы на Великаго Князя. Образъ жизни Василія, охота, Дворъ, обѣды, титулъ. Иноземцы въ Москвѣ. Законы. Строенія. Церковныя дѣянія. Разныя бѣдствія. Великіе современники Василіевы. Расколъ Лютеровъ.

Г. 1517-1523. Распространивъ Литовскою войною предѣлы Государства, Василій въ то же время довершилъ великое дѣло Единовластія внутри онаго. Еще Рязань была особеннымъ Княженіемъ, хотя треть городовъ ея, часть умершаго Князя Ѳеодора, принадлежала къ Московскому и Василій уже именовался *Рязанскимъ* ([243]). Еще Князья Сѣверскій и Стародубскій или Черниговскій, называясь слугами Государя Россійскаго, имѣли права Владѣтелей. Василій, исполнитель Іоанновыхъ намѣреній, ждалъ только справедливаго повода къ необходимому уничтоженію сихъ остатковъ Удѣльной Системы.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. Вдова, Княгиня Агриппина, нѣсколько лѣтъ господствовала въ Рязани именемъ своего малолѣтняго сына, Іоанна ([244]): Василій оставлялъ въ покоѣ слабую жену и младенца, ибо первая во всемъ повиновалась ему какъ верховному Государю; но сынъ ея, достигнувъ юношескаго возраста, захотѣлъ вдругъ

свергнуть съ себя опеку и матери и Великаго Князя Московскаго: то есть, властвовать независимо, какъ его предки, старѣйшіе въ родѣ Ярослава I ([245]). Пишутъ, что онъ торжественно объявилъ сіе Василію, вступилъ въ тѣсную связь съ Ханомъ Крымскимъ и мыслилъ жениться на дочери Магметъ-Гиреевой ([246]). Государь велѣлъ ему быть къ себѣ въ Москву: Князь Іоаннъ долго не ѣхалъ; наконецъ, обманутый совѣтомъ знатнѣйшаго Боярина своего, Симеона Крубина, явился предъ Василіемъ, который, уличивъ его въ неблагодарности, въ измѣнѣ, въ дружбѣ съ злодѣями Россіи, отдалъ подъ стражу, взялъ всю Рязань, а вдовствующую Княгиню Агриппину сослалъ въ монастырь. Сіе случилось въ 1517 году ([247]). Когда Магметъ-Гирей шелъ къ Москвѣ, Князь Іоаннъ, пользуясь общимъ смятеніемъ, бѣжалъ оттуда въ Литву, гдѣ и кончилъ жизнь въ неизвѣстности ([248]).— Такимъ образомъ, около четырехъ столѣтій бывъ отдѣльнымъ, независимымъ Княженіемъ ([249]), Рязань въ слѣдъ за Муромомъ и за Черниговымъ присоединилась къ сѣвернымъ владѣніямъ Мономахова потомства, которыя составили Россійское Единодержавіе. Она считалась тогда лучшею и богатѣйшею изъ всѣхъ областей Государства Московскаго, будучи путемъ нашей важной торговли съ Азовомъ и Кафою, изобилуя медомъ, птицами, звѣрями, рыбою, особенно хлѣбомъ, такъ, что нивы ея, по выраженію Писателей XVI вѣка, казались густымъ лѣсомъ. Жители славились воинскимъ духомъ; ихъ упрекали высокоуміемъ и суровостію. Чтобы мирно господствовать надъ ними, Великій Князь многихъ перевелъ въ другіе области ([250]).

Князь Василій Шемякинъ Сѣверскій отличался доблестію воинскою, былъ ужасомъ Крыма, ненавистникомъ Литвы и вѣрнымъ стражемъ южной Россіи: за что Великій Князь оказывалъ ему милость и далъ городъ Путивль ([251]); но опасался и не любилъ его, во первыхъ помня ужасный характеръ дѣда Василіева, Димитрія, а во вторыхъ зная безпокойный духъ внука, смѣлаго, надменнаго своими достоинствами: для того неусыпно наблюдалъ за нимъ и съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ непримиримую, взаимную злобу Князей

Заключеніе К. Шемякина.

Сѣверскихъ, Шемякина и Василія Симеоновича Стародубскаго, женатаго на своячинѣ Государевой. Послѣдній доносилъ, что первый ссылается съ Королемъ Сигизмундомъ и мыслитъ измѣнить Россіи; а Шемякинъ требовалъ суда и писалъ къ Великому Князю: „Прикажи мнѣ, *холопу* твоему, быть въ „Москвѣ, да оправдаюсь изустно, и да умолкнетъ навѣки „клеветникъ мой. Еще отецъ его, Симеонъ, злословилъ меня: „сынъ хвалится безстыдствомъ и говоритъ: *уморю Шемякина*, „*или самъ заслужу гнѣвъ Государевъ*. Изслѣдуй дѣло: „если я виновенъ, то голова моя предъ Богомъ и предъ „тобою„ ([252]). Въ Августѣ 1517 года онъ пріѣхалъ въ Москву; на другой день, въ праздникъ Успенія, обѣдалъ съ Государемъ у Митрополита, совершенно оправдался и хотѣлъ, чтобы ему выдали лживыхъ доносителей. Ихъ было двое: одинъ слуга Князя Пронскаго, другой Стародубскаго, которые будто бы въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ и въ Литвѣ узнали о мнимой измѣнѣ Шемякина. Государь велѣлъ выдать перваго доносителя: втораго же объявилъ невиннымъ. Шемякинъ съ честію и съ новымъ жалованьемъ возвратился въ область Сѣверскую, гдѣ властвовалъ спокойно еще пять лѣтъ, пережившъ своего злодѣя, Стародубскаго ([253]). Но въ 1523 году возобновились подозрѣнія: письменно обнадеженный Государемъ и Митрополитомъ въ личной безопасности Шемякинъ вторично явился судъ въ столицу, былъ обласканъ, а чрезъ нѣсколько дней заключенъ въ темницу, какъ уличенный въ тайной связи и перепискѣ съ Литвою. Сомнѣвались въ истинѣ сего обвиненія; разсказывали, что одинъ умный шутъ въ Москвѣ ходилъ изъ улицы въ улицу съ метлою и кричалъ: *время очистить Государство отъ послѣдняго сора*, то есть, избавить оное отъ послѣдняго Князя Удѣльнаго ([254]). Народъ смѣялся, разгадывая остроумную притчу. Другіе осуждали Государя и въ особенности Митрополита, который обманулъ Шемякина своимъ ручательствомъ ([255]). Не за-долго до сего времени Варлаамъ, благочестивый, твердый и не льстецъ Великому Князю ни въ какихъ случаяхъ противныхъ совѣсти, долженъ былъ оставить Митрополію: на мѣсто его избрали Даніила, Игумена

Іосифовскаго, молодого, тридцати-лѣтняго человѣка, свѣжаго, румянаго лицемъ, тучнаго тѣломъ и тонкимъ умомъ ([256]). Думая о политическихъ выгодахъ болѣе, нежели о Христіанскихъ добродѣтеляхъ. Даніилъ оправдывалъ заключеніе Шемякина и говорилъ, что Богъ избавилъ Великаго Князя отъ внутренняго, домашняго врага ([257]). Не такъ мыслилъ Игуменъ Троицкій, Порфирій, мужъ воспитанный въ пустынѣ и въ простыхъ обычаяхъ: онъ торжественно и смѣло ходатайствовалъ за *гонимаго* Князя, беззаконно отягченнаго цѣпями; прогнѣвалъ Государя, и сложивъ съ себя одежду Игуменскую, удалился въ лѣсную пустыню на Бѣлоозеро ([258]).—Шемякинъ умеръ въ темницѣ. Отъ супруги его, привезенной въ Москву, отлучили всѣхъ Боярынь, которыя составляли ея пышный Дворъ ([259]).—Симъ навсегда пресѣклись Удѣлы въ Россіи, хотя не безъ насилія, не безъ личныхъ жертвъ и несправедливостей, но безъ народнаго кровопролитія. Въ самыхъ благихъ, общеполезныхъ дѣяніяхъ государственныхъ видимъ примѣсь страстей человѣческихъ, какъ бы для того, чтобы Исторія не представляла намъ идоловъ, будучи Исторіею людей или несовершенства.

Обратимся къ дѣламъ внѣшнимъ. Вмѣсто того, чтобы наказать Магметъ-Гирея за опустошеніе Россіи, Великій Князь желалъ какъ можно скорѣе съ нимъ примириться. Походъ на Тавриду казался опаснымъ и безполезнымъ: даль, степи, пустыни изнурили бы войско, и самый счастливый успѣхъ доставилъ бы намъ только скудную добычу: въ слѣдующее лѣто Крымцы могли бы снова явиться въ нашихъ предѣлахъ. Политика Великокняжеская ограничивалась Литвою: тамъ видѣли мы прочныя, естественныя, языкомъ и Вѣрою утверждаемыя пріобрѣтенія, нужныя для могущества Россіи; все другое относилось единственно къ сей цѣли. Посолъ Василіевъ, Наумовъ, еще оставался въ Тавридѣ и предлагалъ Хану миръ; а Магметъ-Гирей, готовя месть Астрахани, также хотѣлъ возобновить дружбу съ нами и прислалъ своихъ Пословъ въ Москву: самъ же выступилъ со многочисленнымъ войскомъ къ устью Волги.

Ханъ Крымскій взялъ Астрахань.

Въ Астрахани господствовалъ тогда Усеинъ, сынъ умершаго Царя Ченибека ([260]): онъ искалъ покровительства Россіи, но не успѣлъ защитить себя отъ нашествія Магметъ-Гирея, который вмѣстѣ съ Ногайскимъ Княземъ Мамаемъ осадилъ Астрахань, изгналъ Усеина, и завоевавъ сей важный торговый городъ, исполнилъ такимъ образомъ свое давнишнее властолюбивое намѣреніе совокупить три Ватыевы Царства — Казань, Астрахань и Тавриду — въ единую Державу, которая могла бы и далѣе распространиться на Востокъ покореніемъ Ногаевъ, Шибанскихъ или Тюменскихъ и Хивинскихъ Моголовъ, примкнуть отъ моря Каспійскаго къ Персіи, къ Сибири, и новыми тучами варваровъ угрожать образованному Западу. Василій предвидѣлъ сію опасность: для того, стараясь удержать Казань въ зависимости отъ Россіи, не хотѣлъ помогать Магметъ-Гирею на Астрахань, и договариваясь съ нимъ о мирѣ, заключилъ тѣсный союзъ съ ея Царемъ, коего Послы свѣдали въ Москвѣ о бѣдствіи ихъ отечества. Но безпокойство Великаго Князя было непродолжительно: варваръ можетъ имѣть властолюбіе, смѣлость и счастіе; только не умѣетъ пользоваться успѣхами: легко пріобрѣтая, легко и теряетъ. Магметъ-Гиреево величіе исчезло какъ сновидѣніе.

Г. 1523. Злодѣйства въ Казани.

Услышавъ о завоеваніи Астрахани, Саипъ-Гирей, Царь Казанскій, вздумалъ праздновать оное кровопролитіемъ: уже не боясь Россіи, и въ безумной гордости считая всякую дальнѣйшую умѣренность малодушіемъ, онъ велѣлъ умертвить всѣхъ Московскихъ купцевъ и Посла Государева, Василья Юрьева ([261]). Вѣсть о семъ ужасномъ злодѣйствѣ достигла Москвы въ одно время съ другою, весьма для насъ благопріятною: о внезапной гибели Магметъ-Гирея и бѣдствіяхъ Тавриды. Между тѣмъ, какъ онъ, торжествуя побѣду, веселился и пировалъ въ богатой Астрахани, сподвижникъ его, Князь Ногайскій, Мамай, готовилъ ему сѣть, по внушеніямъ брата своего Агиша. „Что ты дѣлаешь?“ говорилъ Агишъ: „служишь орудіемъ сильному, властолюбивому сосѣду, кото„рый мыслитъ поработить всѣхъ насъ, одного за другимъ. „Опомнись, или будетъ поздно.“ Мамай согласился съ бра-

Бѣдствія Крыма.

томъ, условился въ мѣрахъ, и началъ доказывать Хану, что ихъ войско слабѣетъ духомъ и тѣломъ въ городѣ; что надобно стоять въ полѣ, гдѣ Татаринъ дышетъ свободно и пылаетъ мужествомъ. Магметъ-Гирей, принявъ совѣтъ, вышелъ изъ города; но въ станѣ велъ роскошную, безпечную жизнь, не воображая никакихъ опасностей: воины ходили безъ оружія. Вдругъ Агишъ и Мамай съ толпами Ногайскими окружаютъ Царскій шатеръ, въ коемъ Магметъ-Гирей спокойно обѣдалъ съ юнымъ сыномъ Богатырь-Солтаномъ: убиваютъ ихъ и многихъ Вельможъ; нападаютъ на станъ, рѣжутъ изумленныхъ Крымцевъ, гонятъ бѣгущихъ, топятъ въ Дону ([262]). Только двое изъ сыновей Ханскихъ, Казы-Гирей и Бибей, съ пятидесятью Князьями прибѣжали въ Тавриду: въ слѣдъ за ними вринулись и Ногаи въ ея беззащитные Улусы, захватили стада, выжгли селенія, плавали въ крови женъ и младенцевъ, которые укрывались въ лѣсахъ или въ ущелинахъ горъ. Вельможи Крымскіе собрали наконецъ тысячь двѣнадцать воиновъ и сразились съ Ногаями; но разбитые на голову, едва спаслися бѣгствомъ въ Перекопь, охраняемую Султанскими Янычарами. Въ тоже время Атаманъ Днѣпровскихъ Козаковъ, Евстафій Дашковичь, бывъ дотолѣ союзникомъ Крымскимъ, сжегъ укрѣпленія Очакова, и все истребилъ, что могъ, въ Тавридѣ.

Московскій Бояринъ Колычовъ, посланный еще къ Магметъ-Гирею, находясь въ Перекопи, былъ свидѣтелемъ сихъ происшествій. Когда Ногаи и Дашковичь удалились, сынъ Ханскій, Казы-Гирей, назвалъ себя Царемъ Тавриды; но долженъ былъ уступить престолъ дядѣ, Сайдетъ-Гирею, который, съ Султанскимъ указомъ и съ Янычарами пріѣхавъ изъ Константинополя, удавилъ племянника въ Кафѣ, торжественно воцарился и спѣшилъ предложить Василію свою дружбу, хваляся могуществомъ и величіемъ. „Отецъ твой—писалъ онъ „къ Государю—безопасно стоялъ за хребтомъ моего отца, и „его саблею сѣкъ головы непріятелямъ. Да будетъ любовь и „между нами. Имѣю рать сильную: Великій Султанъ мнѣ „покровитель, Царь Астраханскій Усеинъ другъ, Казанскій

Хани Сайдетъ-Гирей.

„Саинъ-Гирей братъ, Ногаи, Черкасы и Тюмень подданные, „Король Сигизмундъ холопъ, Волохи *нутники* мои и стад„ники. Исполняя волю Султанову, хочу жить съ тобою въ „тѣсномъ братствѣ. Не тревожь моего единокровнаго въ Ка„зани. Минувшее забудемъ. Литвѣ не дадимъ покоя,“ и проч. Новый Ханъ требовалъ отъ Василія шестидесяти тысячь алтынъ, увѣряя, что истинные братья ни когда не отказываютъ другъ другу въ такихъ бездѣлицахъ. Хотя въ Москвѣ знали, что Крымъ находится въ самомъ ужасномъ опустошеніи; что Сайдетъ-Гирей не могъ имѣть ни двѣнадцати тысячь исправныхъ воиновъ: однакожь Великій Князь старался воспользоваться добрымъ расположеніемъ Хана и заключить съ нимъ союзъ, чтобы по крайней мѣрѣ не опасаться Набѣговъ Крымскихъ; только не далъ ему денегъ, и въ разсужденіи Царя Казанскаго отвѣтствовалъ: „Государи воюютъ, „но Пословъ и купцевъ не убиваютъ: нѣтъ и не будетъ мира съ злодѣемъ“ ([265]).

Походы на Казань.

Между тѣмъ, какъ шли переговоры съ Тавридою объ условіяхъ союза, войско наше дѣйствовало противъ Казани. Самъ Государь ѣздилъ въ Нижній Новгородъ, откуда послалъ Царя Шигъ-Алея и Князя Василія Шуйскаго съ судовою, а Князя Бориса Горбатаго съ конною ратію. Они не только воевали непріятельскую землю, убивая, плѣняя людей на берегахъ Волги, но сдѣлали и нѣчто важнѣйшее: основали городъ при устьѣ Суры, назвавъ его именемъ Василія, и стѣснивъ предѣлы Казанскаго Царства, сею твердынею защитили Россію: валъ, острогъ и деревянныя стѣны были достаточны для приведенія варваровъ въ ужасъ. Алей и Шуйскій возвратились осенью. Не трудно было предвидѣть, что Россіяне возобновятъ нападеніе въ благопріятнѣйшее время: Саинъ-Гирей искалъ опоры, и рѣшился объявить себя подданнымъ Великаго-Солимана, съ условіемъ, чтобы онъ спасъ его отъ мести Василіевой. Могъ ли дѣйствительно Глава Мусульмановъ не вступиться въ такомъ случаѣ за единовѣрнаго? Однакожь сіе заступленіе, весьма легкое и какъ бы мимоходомъ, оказалось безполезнымъ: Князь Манкупскій, Скиндеръ,

находясь тогда въ Москвѣ единственно по дѣламъ купеческимъ, именемъ Султана объявилъ нашимъ Боярамъ, что Казань есть Турецкая область; но удовольствовался отвѣтомъ, что Казань была, есть и будетъ подвластна Россійскому Государю; что Саипъ-Гирей мятежникъ и не имѣетъ права дарить ею Султана ([261]).

Весною полки гораздо многочисленнѣйшіе выступили къ г. 1524
Казани, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ завоевать оную. Въ судовой рати главными начальниками были Шигъ-Алей, Князья Иванъ Бѣльскій и Горбатый, Захарьинъ, Симеонъ Курбскій, Иванъ Лятцкій; а въ конной Бояринъ Хабаръ Симскій. Число воиновъ, какъ увѣряютъ, простиралось до 150 тысячь ([265]). Слухъ о семъ необыкновенномъ ополченіи столь устрашилъ Саипъ-Гирея, что онъ немедленно бѣжалъ въ Тавриду, оставивъ въ Казани юнаго, тринадцати-лѣтняго племянника, Сафа-Гирея, внука Менгли-Гиреева ([266]), и сказавъ жителямъ, что ѣдетъ искать помощи Султановой, которая одна можетъ спасти ихъ. Гнушаясь его молодушіемъ, ненавидя и боясь Россіянъ, они назвали Сафа-Гирея Царемъ, клялися умереть за него и приготовились къ оборонѣ, вмѣстѣ съ Черемисами и Чувашами. 7 Іюля судовая рать Московская явилась предъ Гостинымъ островомъ, выше Казани; войско расположилось на берегу, и 20 дней провело въ бездѣйствіи, ожидая Хабара Симскаго съ конницею. Непріятель также стоялъ въ полѣ; тревожилъ Россіянъ частными, маловажными нападеніями; изъявлялъ смѣлость. Презирая отрока Сафа-Гирея, Алей писалъ къ нему, чтобы онъ мирно удалился въ свое отечество и не былъ виновникомъ кровопролитія. Сафа-Гирей отвѣтствовалъ: „чья побѣда, того и Царство: сразимся.“ Въ сіе время загорѣлась Казанская деревянная крѣпость ([267]): Воеводы Московскіе не двинулись съ мѣста, дали жителямъ спокойно гасить огонь и строить новую стѣну; 28 Іюля перенесли станъ на луговую сторону Волги, къ берегамъ Казанки, и опять ничего не дѣлали; а непріятель жегъ нивы въ окрестностяхъ, и занявъ всѣ дороги, наблюдалъ, чтобы мы не имѣли никакихъ подвозовъ. Истративъ свои запасы, войско уже тер-

пѣло недостатокъ — и вдругъ разнесся слухъ, что конница наша совершенно истреблена непріятелемъ. Ужасъ объялъ Воеводъ. Не знали, что предпринять: боялись итти назадъ и медленно плыть Волгою вверхъ; думали спуститься ниже устья Камы, бросить суда и возвратиться сухимъ путемъ чрезъ отдаленную Вятку. Оказалось, что дикіе Черемисы разбили только одинъ конный отрядъ Московскій; что мужественный Хабаръ въ двадцати верстахъ отъ Казани, на берегу Свіяги, одержалъ славную побѣду надъ ними, Чувашами и Казанцами, хотѣвшими не допустить его до соединенія съ Алеемъ: множество взялъ въ плѣнъ, утопилъ въ рѣкѣ, и съ строфеями прибылъ въ станъ главной рати ([268]).

Не столь счастливъ былъ Князь Иванъ Палецкій, который изъ Нижняго Новагорода шелъ на судахъ къ Казани съ хлѣбомъ и съ тяжелымъ снарядомъ огнестрѣльнымъ. Тамъ, гдѣ Волга, усѣянная островами, стѣсняется между ими, Черемисы запрудили рѣку каменьемъ и деревьями. Сія преграда изумила Россіянъ. Суда, увлекаемыя стремленіемъ воды, разбивались одно объ другое или объ камни, а съ высокаго берега сыпались на нихъ стрѣлы и катились бревна, пускаемыя Черемисами. Погибло нѣсколько тысячь людей, убитыхъ или утопшихъ ([269]); и Князь Палецкій, оставивъ въ рѣкѣ большую часть военныхъ снарядовъ, съ немногими судами достигъ нашего стана. Сіе бѣдствіе, какъ думаютъ, произвело извѣстную старинную пословицу: *съ одну сторону Черемиса, а съ другой берегися* ([270]). „Волга“ — пишетъ Казанскій Историкъ — „сдѣлалась тогда для варваровъ златоструйнымъ „Тигромъ: кромѣ пушекъ и ядеръ, они пудами извлекали изъ „ея глубины серебро и драгоцѣнное оружіе Москвитянъ“.

Августа 15. Хотя Россіяне обступили наконецъ крѣпость и могли бы взять ее, тѣмъ вѣроятнѣе, что въ самый первый день осады убивъ лучшаго непріятельскаго пушкаря, видѣли замѣшательство Казанцевъ и худое дѣйствіе ихъ огнестрѣльнаго снаряда; хотя Нѣмецкіе и Литовскіе воины, наемники Государевы, требовали приступа: но Воеводы, опасаясь неудачи и голода, предпочли миръ: ибо Казанцы, устрашенные побѣдою Симскаго,

выслали къ нимъ дары, обѣщась немедленно отправить Посольство къ Великому Князю, умилостивить его загладить свою вину. Малодушные или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, ослѣпленные золотомъ начальники прекратили войну, сняли осаду и вышли изъ земли Казанской безъ славы и съ болѣзнію, отъ коей умерло множество людей, такъ, что едва ли половина рати осталась въ живыхъ. Главный Воевода, Князь Иванъ Бѣльскій, лишился милости Государевой; но Митрополитъ исходатайствовалъ ему прощеніе ([271]).

Послы Казанскіе дѣйствительно пріѣхали къ Государю; молили его, чтобы онъ утвердилъ Сафа-Гирея въ достоинствѣ Царя, и въ такомъ случаѣ обязывались, какъ и прежде, усерствовать Россіи ([272]). Василій требовалъ доказательствъ и залога въ вѣрности сего народа, постояннаго единственно въ обманахъ и злодѣйствѣ: впрочемъ желалъ обойтися безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Боярин, Князь Пенковъ, былъ въ Казани для переговоровъ. Между тѣмъ Государь безъ оружія нанесъ ей ударъ весьма чувствительный, запретивъ нашимъ купцамъ ѣздить на ея лѣтнюю ярмонку и назначивъ для ихъ торговли съ Азіею мѣсто въ Нижегородской области, на берегу Волги, гдѣ нынѣ Макарьевъ: отъ чего сія славная ярмонка упала: ибо Астраханскіе, Персидскіе, Арменскіе купцы всего болѣе искали тамъ нашихъ мѣховъ, и сами Казанцы лишились вещей необходимыхъ, на примѣръ соли, которую они получали изъ Россіи ([273]). Но какъ трудно перемѣнять старыя обыкновенія въ путяхъ купечества, то мы, сдѣлавъ зло другимъ, увидѣли и собственный вредъ: не скоро можно было пріучить людей къ новому, дикому, ненаселенному мѣсту, гдѣ нѣкогда существовалъ уединенный монастырь, заведенный Св. Макаріемъ Унженскимъ и разрушенный Татарами при Василіи Темномъ ([274]). Цѣна Азіатскихъ ремесленныхъ произведеній у насъ возвысилась; открылся недостатокъ въ нужномъ, особенно въ соленой рыбѣ, покупаемой въ Казани. Однимъ словомъ, досадивъ Казанскому народу, Великій Князь досадилъ и своему, который не могъ предвидѣть, что сіе юное торжище будетъ со временемъ нашею славною Макарьевскою ярмонкою,

едва ли не богатѣйшею въ свѣтѣ. Жаловались, что Государь ищетъ себѣ непріятелей, равно какъ осуждали его и за основаніе города въ землѣ Казанской, хотя дальновиднѣйшіе изъ самыхъ современниковъ знали, что дѣло идетъ не объ истинномъ дружествѣ съ нею, но о вѣрнѣйшемъ ея, для насъ необходимомъ покореніи, и хвалили за то Великаго Князя ([275]).— Слѣдствіемъ переговоровъ между нами и Казанью было пятилѣтнее, мирное бездѣйствіе съ обѣихъ сторонъ.

г. 1525. Постриженіе Великой Княгини.

Тогда Великій Князь, свободный отъ дѣлъ воинскихъ, занимался важнымъ дѣломъ семейственнымъ, тѣсно связаннымъ съ государственною пользою. Онъ былъ уже двадцать лѣтъ супругомъ, не имѣя дѣтей, слѣдственно и надежды имѣть ихъ. Отецъ съ удовольствіемъ видитъ наслѣдника въ сынѣ: таковъ уставъ Природы; но братья не столь близки къ сердцу, и Василіевы не оказывали ни великихъ свойствъ душевныхъ, ни искренней привязанности къ старѣйшему, болѣе опасаясь его какъ Государя, нежели любя какъ единокровнаго. Современный Лѣтописецъ повѣствуетъ, что Великій Князь, ѣдучи однажды на *позлащенной колесницѣ*, внѣ города, увидѣлъ на деревѣ птичье гнѣздо, заплакалъ и сказалъ: „птицы сча„стливѣе меня: у нихъ есть дѣти“! Послѣ онъ также со слезами говорилъ Боярамъ: „кто будетъ моимъ и Русскаго „Царства наслѣдникомъ? братья ли, которые не умѣютъ пра„вить и своими Удѣлами?“ Бояре отвѣтствовали: „Государь! „неплодную смоковницу посѣкаютъ; на ея мѣстѣ садятъ иную „въ вертоградѣ“ ([276]). Не только придворные угодники, но и ревностные друзья отечества могли совѣтовать Василію, чтобы онъ развелся съ Соломоніею, обвиняемою въ неплодіи, и новымъ супружествомъ даровалъ наслѣдника престолу Слѣдуя ихъ мнѣнію, и желая быть отцемъ, Государь рѣшился на дѣло жестокое въ смыслѣ нравственности: немилосердно отвергнуть отъ своего ложа невинную, добродѣтельную супругу, которая двадцать лѣтъ жила единственно для его счастія; предать ее въ жертву горести, стыду, отчаянію; нарушить святый уставъ любви и благодарности. Если Митрополитъ Даніилъ, снисходительный, уклончивый, внимательный къ міру

болѣе, нежели къ Духу, согласно съ Великокняжескимъ Синклитомъ призналъ намѣреніе Василіево законнымъ или еще похвальнымъ: то нашлись и Духовные и міряне, которые смѣло сказали Государю, что оно противно совѣсти и Церкви. Въ числѣ ихъ былъ пустынный Инокъ Вассіанъ, сынъ Князя Литовскаго, Ивана Юрьевича Патрикеева, и самъ нѣкогда знатнѣйшій Бояринъ, вмѣстѣ съ отцемъ въ 1499 году неволею постриженный въ Монахи за усердіе къ юному Великому Князю, несчастному Димитрію ([277]). Сей мужъ уподоблялся, какъ пишутъ, древнему Святому Антонію: его заключили въ Волоко-Ламскомъ монастырѣ, коего Иноки любили угождать мірской власти; а престарѣлаго Воеводу, Князя Симеона Курбскаго, завоевателя земли Югорской, строгаго постника и Христіанина, удалили отъ Двора: ибо онъ также ревностно вступался за права Соломоніи ([278]). Самые простолюдины — одни по естественной жалости, другіе по Номоканону—осуждали Василія ([279]). Чтобы обмануть законъ и совѣсть, предложили Соломоніи добровольно отказаться отъ міра: она не хотѣла. Тогда употребили насиліе: вывели ее изъ дворца, постригли въ Рожественскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, увезли въ Суздаль, и тамъ, въ женской Обители, заключили. Увѣряютъ, что несчастная противилась совершенію беззаконнаго обряда, и что сановникъ Великокняжескій, Иванъ Шигона, угрожалъ ей не только словами, но и побоями, дѣйствуя именемъ Государя; что она залилась слезами, и надѣвая ризу Инокини, торжественно сказала: „Богъ видитъ, и отмститъ моему гонителю ([280]).—Не умолчимъ здѣсь о преданіи любопытномъ, хотя и не достовѣрномъ: носился слухъ, что Соломонія, къ ужасу и безполезному раскаянію Великаго Князя, оказалась послѣ беременною, родила сына, дала ему имя Георгія, тайно воспитывала его и не хотѣла никому показать, говоря: „въ свое „время онъ явится въ могуществѣ и славѣ.“ Многіе считали то за истину; другіе за сказку, вымышленную друзьями сей несчастной, добродѣтельной Княгини ([286]).

Разрѣшивъ узы своего брака, Василій по уставу Церковному не могъ вторично быть супругомъ: чья жена съ согласія г. 1526. Новый бракъ

Великаго Князя.

мужа постригается, тотъ долженъ самъ отказаться отъ свѣта. Но Митрополитъ далъ благословеніе, и Государь чрезъ два мѣсяца женился на Княжнѣ Еленѣ, дочери Василія Глинскаго, къ изумленію нашихъ Бояръ, которые не думали, чтобы родъ чужеземныхъ измѣнниковъ удостоился такой чести. Можетъ быть, не одна красота невѣсты рѣшила выборъ; можетъ быть, Елена, воспитанная въ знатномъ Владѣтельномъ Домѣ и въ обычаяхъ Нѣмецкихъ, коими славился ея дядя, Михаилъ, имѣла болѣе пріятности въ умѣ, нежели тогдашнія юныя Россіянки, научаемыя единственно цѣломудрію и кроткимъ, смиреннымъ добродѣтелямъ ихъ пола. Нѣкоторые думали, что Великій Князь изъ уваженія къ достоинствамъ Михаила Глинскаго женился на его племянницѣ, дабы оставить въ немъ надежнаго совѣтника и путеводителя своимъ дѣтямъ ([282]). Сіе менѣе вѣроятно: ибо Михаилъ послѣ того еще болѣе года сидѣлъ въ темницѣ, освобожденный наконецъ ревностнымъ ходатайствомъ Елены ([283]).—Свадьба была великолѣпна. Праздновали три дни. Дворъ блисталъ необыкновенною пышностію ([284]). Любя юную супругу, Василій желалъ ей нравиться не только ласковымъ обхожденіемъ съ нею, но и видомъ молодости, которая отъ него удалялась: обрилъ себѣ бороду и пекся о своей пріятной наружности ([285]).

Сношенія съ Римомъ.

Въ теченіе пяти лѣтъ Россія имѣла единственно мирныя сношенія съ иными Державами. Еще при жизни Леона X одинъ Генуэзскій путешественникъ, называемый Капитаномъ Павломъ, съ дружелюбнымъ письмомъ отъ сего Папы и Нѣмецкаго Магистра Албрехта былъ въ Москвѣ, имѣя важное намѣреніе проложить купеческую дорогу въ Индостанъ черезъ Россію посредствомъ рѣкъ Инда, Окса или Гигона, моря Каспійскаго и Волги. Прежде счастливаго открытія Васка де-Гамы товары Индѣйскіе шли въ Европу или Персидскимъ Заливомъ, Евфратомъ, Чернымъ моремъ, или Заливомъ Аравійскимъ, Ниломъ и моремъ Средиземнымъ; но Португальцы, въ началѣ XVI вѣка овладѣвъ берегами Индіи, захвативъ всю ея торговлю и давъ ей удобнѣйшій путь Океаномъ, мимо Африки, употребляли свою выгоду во зло, и столь

возвысили цѣну пряныхъ зелій, что Европа справедливо жаловалась на безумное корыстюбіе Лиссабонскихъ купцевъ. Говорили даже, что ароматы Индѣйскіе въ дальнемъ плаваніи теряютъ запахъ и силу. Движимый ревностію отнять у Португаліи исключительное право сей торговли, Генуэзскій путешественникъ убѣдительно представлялъ нашимъ Боярамъ, что мы въ нѣсколько лѣтъ можемъ обогатиться ею; что казна Государева наполнится золотомъ отъ купеческихъ пошлинъ; что Россіяне, любя употреблять пряныя зелья, будутъ имѣть оныя въ изобиліи и дешево; что ему надобно только узнать теченіе рѣкъ впадающихъ въ Волгу, и что онъ проситъ Великаго Князя отпустить его водою въ Астрахань. Но Государь, какъ пишутъ, не хотѣлъ открыть иноземцу путей нашей торговли съ Востокомъ ([286]). Павелъ возвратился въ Италію по смерти Леона X, вручилъ отвѣтную Василіеву грамоту Папѣ Адріану и въ 1525 году вторично пріѣхалъ въ Москву съ письмомъ отъ новаго Папы, Климента VII, уже не по торговымъ дѣламъ, но въ видѣ Посла, дабы склонить Великаго Князя къ войнѣ съ Турками и къ соединенію Церквей: за что Климентъ, подобно Леону, предлагалъ ему достоинство Короля ([287]). Сей опытъ, какъ и всѣ прежніе, не имѣлъ успѣха: Василій, довольный именемъ Великаго Князя и Царя, не думалъ о Королевскомъ, не хотѣлъ искать новыхъ враговъ и помнилъ худыя слѣдствія Флорентійскаго Собора; однакожь принялъ съ уваженіемъ Посла и грамоту, чествлъ его два мѣсяца въ Москвѣ и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ въ Италію *гонца* своего Димитрія Герасимова ([288]), о коемъ славный Историкъ того вѣка, Павелъ Іовій, говоритъ съ похвалою, сказывая, что онъ учился въ Ливоніи, зналъ хорошо языкъ Латинскій, былъ употребляемъ Великимъ Княземъ въ Посольствахъ Шведскомъ, Датскомъ, Прусскомъ, Вѣнскомъ; имѣлъ многіе свѣдѣнія, здравый умъ, кротость и пріятность въ обхожденіи. Папа велѣлъ отвести ему богато украшенныя комнаты въ замкѣ Св. Ангела. Отдохнувъ нѣсколько дней, Димитрій въ великолѣпной Русской одеждѣ представился Клименту, поднесъ дары и письмо Государево, наполненное единственно учтивостями.

Великій Князь изъявлялъ желаніе быть въ дружбѣ съ Папою, утверждать оную взаимными Посольствами, видѣть торжество Христіанства и гибель невѣрныхъ, прибавляя, что онъ издавна караетъ имъ въ честь Божію. Ждали, что Димитрій объявитъ на словахъ какія нибудь тайныя порученія Государевы: онъ занемогъ въ Римѣ и долго находился въ опасности; наконецъ выздоровѣлъ, осмотрѣлъ всѣ достопамятности древней столицы міра, новыя зданія, церкви; хвалилъ пышное служеніе Папы, восхищался музыкою, присутствовалъ въ Кардинальскомъ Совѣтѣ, бесѣдовалъ съ учеными мужами, и въ особенности съ Павломъ Іовіемъ; разсказывалъ имъ много любопытнаго о своемъ отечествѣ; но, къ неудовольствію Папы, объявилъ, что не имѣетъ никакихъ повелѣній отъ Василія для переговоровъ о дѣлахъ государственныхъ и церковныхъ.— Димитрій возвратился въ Москву (въ Іюлѣ 1526 года) съ новымъ Посломъ Климентовымъ, Іоанномъ Францискомъ, Епископомъ Скаренскимъ, коему надлежало доставить миръ Христіанству, то есть, Литвѣ ([289]). Явился и другой, еще знаменитѣйшій посредникъ въ семъ дѣлѣ.

Карлъ V

Кончина Максиміліанова прервала сообщеніе нашего Двора съ Имперіею. Хитрый, властолюбивый юноша, Карлъ V, заступивъ мѣсто дѣда на ея престолѣ, не имѣлъ времени мыслить о Сѣверѣ, повелѣвая Испаніею, Австріею, Нидерландами, и споря о господствѣ надъ всею юго-западною Европою съ прямодушнымъ Героемъ, Франциском I. Долго ждавъ, чтобы Карлъ вспомнилъ о Россіи, Великій Князь рѣшился самъ отправить гонца съ привѣтствіемъ. За симъ возобновились торжественныя Посольства съ обѣихъ сторонъ. Австрійскій Государственный Совѣтникъ Антоній прибылъ въ Москву съ дружественными грамотами, а Князь Иванъ Ярославскій-Засѣкинъ ѣздилъ съ такими же отъ Василія къ Императору въ Мадритъ ([290]), въ то самое время, когда несчастный Францискъ I находился тамъ плѣнникомъ, и когда Европа не безъ ужаса видѣла быстрые успѣхи Карлова властолюбія, угрожавшаго ей *вселенскою Монархіею* или зависимостію всѣхъ Державъ отъ единой сильнѣйшей, какой не бывало

послѣ Карла Великаго въ теченіе семи вѣковъ. Только Россія, хотя уже съ любопытствомъ наблюдающая государственныя движенія въ Европѣ, но еще далѣе враждебной Литвы не зрящая для себя прямыхъ опасностей, оставалась вдали спокойною, и даже могла жалать, чтобы Карлъ исполнилъ намѣреніе дѣда присоединеніемъ Венгріи и Богеміи ко владѣніямъ Австрійскаго Дома (какъ и случилось): ибо сіи двѣ воинственныя Державы, управляемыя Сигизмундовымъ племянникомъ, Людовикомъ, служили опорою Литвѣ и Польшѣ. Не имѣя никакого совмѣстничества съ Императоромъ и справедливо угадывая, что оно есть или будетъ между нимъ и Королемъ Польскимъ, Великій Князь предложилъ Карлу склонить Сигизмунда къ твердому миру съ Россіею, или благоразумными убѣжденія или страхомъ оружія, по торжественному Максимиліянову обѣщанію ([291]). Въ удовольствіе Василія Императоръ, отпустивъ Князя Засѣкина изъ Мадрита, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Графа Леонарда Нугарольскаго, а братъ его, Эрцгерцогъ Австрійскій Фердинандъ, Барона Герберштейна въ Польшу, чтобы объясниться съ Королемъ въ разсужденіи мирныхъ условій и ѣхать въ Москву для окончанія сего дѣла. Но Сигизмундъ, уже опасаясь замысловъ Императора на Венгрію, худо вѣрилъ его доброжелательству и сказалъ Посламъ, что онъ не просилъ ихъ Государей быть миротворцами и можетъ самъ *унять Россію*, примолвивъ съ досадою: „какая „дружба у Князя Московскаго съ Императоромъ? что они: „ближніе сосѣды или родственники?“ Однакожь послалъ къ Василію Воеводу своего, Петра Кишку, и Маршалка Богуша, которые въ слѣдъ за Графомъ Леонардомъ и Герберштейномъ пріѣхали въ нашу столицу. Великій Князь былъ въ Можайскѣ, увеселяясь звѣриною ловлею; тамъ и начались переговоры. Король возобновилъ старыя требованія на все отнятое у Литвы Іоанномъ, называя и Новгородъ и Псковъ ея достояніемъ; а мы хотѣли Кіева, Полоцка, Витебска. Посредники, Епископъ Скаренскій, Леонардъ и Герберштейнъ, совѣтуя обѣимъ сторонамъ быть умѣреннѣе, предложили Василію уступить Королю хотя половину Смоленска: Бояре объявили сіе не воз-

можнымъ; отвергнули и перемиріе на двадцать лѣтъ, желаемое Сигизмундомъ: согласились единственно продолжить оное до 1533 года, и то изъ особеннаго уваженія къ Императору и Папѣ, какъ изъяснялся Великій Князь, жалуясь на худое расположеніе Короля къ истинному миру и нелѣпость его требованій. Споры о нашихъ границахъ съ Литвою остались безъ изслѣдованія, а плѣнники въ заточеніи. Посламъ Сигизмундовымъ была и личная досада; за столомъ Великокняжескимъ давали имъ мѣсто ниже Римскаго, Императорскаго и самаго Фердинандова Посла. Утверждая перемирную грамоту, Василій говорилъ рѣчь о своей пріязни къ Папѣ, Карлу, Эрцгерцогу; о любви къ тишинѣ, справедливости, и проч. На стѣнѣ висѣлъ золотой крестъ: Думный Бояринъ, снявъ его, обтеръ бѣлымъ платомъ. Дьякъ въ обѣихъ рукахъ держалъ хартіи договорныя. Великій Князь всталъ съ мѣста; указывая на грамоту, сказалъ: „исполню съ Божіею помощію;“ взглянулъ съ умиленіемъ на крестъ, и тихо читая молитву, приложился къ оному. Тоже сдѣлали и Литовскіе чиновники. Въ заключеніе обряда пили вино изъ большаго кубка. Государь снова увѣрялъ Пословъ въ своемъ дружествѣ къ Клименту и къ Максимиліановымъ наслѣдникамъ; обратился къ Панамъ Литовскимъ, кивнулъ головою, велѣлъ имъ кланяться Сигизмунду и желалъ счастливаго пути ([292]). Они всѣ вмѣстѣ выѣхали изъ Можайска, а за ними наши Послы: Трусовъ и Лодыгинъ въ Римъ, Лѣпунъ и Волосатый къ Императору и къ Эрцгерцогу, Окольничій Лятцкій къ Сигизмунду ([293]).—Хотя Король утвердилъ договоръ и клятвенно обязался быть нашимъ мирнымъ сосѣдомъ, но взаимныя жалобы не могли прекратиться до самой кончины Василіевой; ибо Литовцы и Россіяне пограничные вели, такъ сказать, явную, тогдашнюю войну между собою, отнимая земли другъ у друга. Тщетно судьи съ обѣихъ сторонъ выѣзжали на рубежъ; то Литовскіе не могли дождаться нашихъ, то наши Литовскихъ, Къ неудовольствію Сигизмунда, Василій принялъ къ себѣ Князя Ѳеодора Михайловича Мстиславскаго, выдалъ за него дочь сестры своей, Анастасію ([294]), сносился съ Господаремъ Молдавскимъ, непріятелемъ Литвы, и задержалъ

Перемиріе съ Литвою.

(въ 1528 году) бывшихъ у насъ Королевскихъ Пословъ, свѣдавъ, что въ Минскѣ остановили Молдавскаго на пути его въ Россію. Король не хотѣлъ именовать Василія *Великимъ Государемъ*, а мы не хотѣли называть Короля *Россійскомъ* и *Прусскимъ*. По крайней мѣрѣ плѣнниковъ нашихъ и Литовскихъ, въ силу перемирія, продолженнаго еще на годъ, выпустили изъ темницъ и не обременяли цѣпями какъ злодѣевъ ([295]).

Дружество съ Густавомъ Вазою.

Въ слѣдствіе одной изъ достопамятнѣйшихъ государственныхъ перемѣнъ въ мірѣ, Швеція, послѣ долговременнаго неустройства, угнетенія, безначалія, какъ бы обновленная въ своихъ жизненныхъ силахъ, образовалась, возставала тогда подъ Эгидою великаго мужа, Густава Вазы, который изъ рудокопни восшелъ на тронъ, озарилъ его славою, утвердилъ мудростію; возвеличилъ Государство, ободрилъ народъ, былъ честію вѣка, Монарховъ и людей. Освободивъ Королевство свое отъ ига Датчанъ, не думая о суетной воинской славѣ, думая только о мирномъ благоденствіи Шведовъ, Густавъ искалъ дружбы Василія и подтвердилъ заключенное съ Россіею перемиріе на 60 лѣтъ. Совѣтники его, Канутъ Эриксонъ и Біорнъ Классонъ, пріѣзжали для того въ Новгородъ къ Намѣстнику, Князю Ивану Ивановичу Оболенскому, и Дворецкому Сабурову, а Эрикъ Флемингъ въ Москву ([296]). Ужъ Христіанъ, ненавистный и Шведамъ и Датчанамъ, скитался изгнанникомъ по Европѣ: преемникъ сего Нерона, Король Фридерикъ, менѣе властолюбивый, призналъ независимость Швеціи, и Василій, слыша о великихъ дѣлахъ Густава, тѣмъ охотнѣе согласился жить съ нимъ въ мирномъ сосѣдствѣ: дозволилъ Шведскимъ купцамъ имѣть свой особенный дворъ въ Новѣгородѣ и торговать во всей Россіи; обѣщалъ совершенную безопасность Финскимъ земледѣльцамъ, которые боялись селиться близъ нашей границы, и велѣлъ, въ угодность Королю, заточить въ Москвѣ славнаго Датскаго Адмирала Норби. Сей воинъ мужественный, но свирѣпый, по изгнаніи Христіана завладѣлъ-было Готландіею, сдѣлался морскимъ разбойникомъ, не щадилъ никого, бралъ всѣ корабли безъ исключенія, и въ особенности злодѣйствовалъ Швеціи: наконецъ, разбитый ея

флотомъ, бѣжалъ въ Россію, чтобы возбудить насъ противъ Густава ([297]). Великій Князь объявилъ Норби мятежникомъ и наказалъ его, въ удостовѣреніе, что хочетъ мира и тишины на Сѣверѣ.

Посольства Солимановы.

Утративъ надежду имѣть союзника въ Султанѣ, Василій милостиво угощалъ его Посланника, Скиндера, который еще три раза былъ въ Москвѣ, по торговымъ дѣламъ, и тамъ внезапно умеръ съ именемъ корыстолюбиваго и злаго клеветника: ибо онъ, несправедливо жалуясь на скупость и худый пріемъ Великаго Князя, хвалился, что убѣдитъ Солимана воевать съ нами; но умный Султанъ не могъ быть орудіемъ подлаго Грека, и не думая умножать числа своихъ непріятелей, оставался другомъ Россіи, хотя и безполезнымъ, и въ концѣ 1530 года писалъ къ Василію послѣднее ласковое письмо съ Туркомъ Ахматомъ, коему надлежало купить въ Москвѣ нѣсколько кречетовъ и мѣховъ собольихъ ([298]).

Въ сіе время одни Крымскіе хищники тревожили Россію, не смотря на усилія Великаго Князя быть въ мирѣ съ Ханомъ и на союзныя грамоты, послѣ многихъ переговоровъ утвержденныя взаимною клятвою. Сайдетъ-Гирей, ненавидимый народомъ и Князьями за его любовь къ Турецкимъ обычаямъ, лилъ кровь знатнѣйшихъ людей и не могъ держаться на своемъ ужасномъ тронѣ, бывъ два раза изгнанъ племянникомъ, сыномъ Магметъ-Гирея, Исламомъ; примирился съ нимъ, далъ ему санъ Калги, грабилъ Литву и требовалъ денегъ отъ Василія, который, видя ненадежность Ханской власти, сдѣлался тѣмъ умѣреннѣе въ дарахъ. Послы Сайдетъ-Гиреевы находились въ Москвѣ, когда донесли Государю, что Царевичь Исламъ идетъ на Россію. Войско наше заняло берегъ Оки, стояло долго, не видало непріятеля и разошлося осенью по городамъ: вдругъ запылали села Рязанскія: Исламъ стремился къ Коломнѣ и Москвѣ. Но воеводы, Князья Одоевскій и Мстиславскій, оставались на Угрѣ; не пустили разбойниковъ за Оку и съ великимъ урономъ прогнали, въ числѣ многихъ плѣнныхъ захвативъ перваго Исламова любимца, Янглыча Мурзу ([299]). Государь былъ въ Коломнѣ: раздраженный вѣроломствомъ Хана,

г. 1527. Набѣгъ Крымцевъ.

онъ велѣлъ утопить Крымскихъ Пословъ ([300]). И съ варварами не должно быть варваромъ. Самъ Великій Князь устыдился такого дѣла и приказалъ объявить Хану, что Послы убиты Московскою чернію. Ни мало не удивленный ихъ казнію, столь несогласною съ Народнымъ Правомъ, Сайдетъ-Гирей винилъ только своего племянника, будто бы самовольно дерзнувшаго напасть на Россію; снова клялся въ истинномъ дружествѣ къ Василію, и нагло ограбивъ его Посла, не мѣшалъ Крымцамъ злодѣйствовать въ областяхъ Бѣлевскихъ и Тульскихъ. Наконецъ, сверженный съ престола Князьями и народомъ, бѣжалъ къ Султану. Но Россія ничего не выиграла сею перемѣною: сперва Исламъ, властвовавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тавридѣ, а послѣ Саипъ, бывшій Царь Казанскій, утвержденный Султаномъ въ достоинствѣ Хана, угрожали намъ войною и пламенемъ, хотя оба, гонимые Сайдетъ-Гиреемъ, прежде искали милости въ Великомъ Князѣ, *названомъ отцѣ* Ислама и *братѣ* Саипъ-Гирея: они непрестанно хотѣли богатыхъ даровъ ([301]).

Къ счастію, Казань усмирилась на время. Юный Сафа-Гирей, ненавистникъ Россіи, исполняя желаніе народа, требовалъ рѣшительнаго мира отъ Великаго Князя, винился передъ нимъ, обѣщался быть его вѣрнымъ присяжникомъ. По- г. 1529
солъ Московскій, Андрей Пильемовъ, взялъ съ Царя, Вельможъ и гражданъ клятвенную въ томъ грамоту; а Василій отправилъ къ нимъ свою съ Княземъ Иваномъ Палецкимъ. Но сей знатный чиновникъ узналъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ, что Сафа-Гирей перемѣнилъ мысли, умѣлъ злобными внушеніями возбудить Казанцевъ противъ Россіи, согласилъ ихъ предложить ей новыя условія мира, и даже съ грубостію обезчестилъ Посла Великокняжескаго. Палецкій возвратился въ Москву, и Государь прибѣгнулъ къ оружію.

Страшное многочисленностью войско въ судахъ и берегомъ выступило весною изъ Нижняго къ Казани подъ начальствомъ г. 1530.
Князей Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго, Михаила Глинскаго, Рать на Казань
Горбатаго, Кубенскаго, Оболенскихъ и другихъ. Сафа-Гирей, одушевленный злобою, сдѣлалъ все, что могъ для сильной

обороны; призвалъ свирѣпыхъ дикихъ Черемисовъ и 30,000 Ногаевъ изъ Улусовъ тестя его Мамая; укрѣпилъ предмѣстія острогомъ съ глубокими рвами, отъ Булака Арскимъ полемъ до Казанки; примкнувъ новую стѣну съ двухъ сторонъ къ городу, осыпалъ ее землею и каменьемъ. Конные полки Московскіе, отразивъ пять или шесть нападеній смѣлаго непріятеля,
10 Іюля. соединились съ пѣхотою, которая вышла изъ судовъ на луговой сторонѣ Волги. Начались ежедневныя, кровопролитныя битвы. Казанцы, ободряемыя Царемъ, не боялись смерти; но, изъявляя удивительную храбрость днемъ, не умѣли быть осторожными ночью: прекращая битву, обыкновенно пировали и спали глубокимъ сномъ до утра. Молодые воины полку Князя Оболенскаго, смотря издали при ясномъ свѣтѣ луны на острогъ, видѣли тамъ одну спящую стражу; вздумали отличить себя великимъ дѣломъ: тихо подползли къ стѣнѣ, натерли дерево смолою, сѣрою; зажгли и спѣшили извѣстить о томъ нашихъ Воеводъ. Въ одно время запылалъ острогъ, и Россіяне при
16 Іюля. звукѣ трубъ воинскихъ, съ грознымъ воплемъ, устремились на приступъ, конные, и пѣшіе, одѣтые и полуногіе; сквозь дымъ и пламя ворвались въ укрѣпленіе; рѣзали давили изумленныхъ Татаръ; взяли предмѣстіе; опустошили все огнемъ и мечемъ; кромѣ сгорѣвшихъ, убили, какъ пишутъ, 60,000 воиновъ и гражданъ, а въ числѣ ихъ и славнаго богатыря Казанскаго, Аталыка, ужаснаго видомъ и силою руки, омоченной кровію многихъ Россіянъ ([302]). Сафа-Гирей ушелъ въ городокъ Арскій; за нимъ гнался Князь Иванъ Телепневъ-Оболенскій съ легкимъ отрядомъ; а другіе Воеводы стояли на мѣстѣ, и такъ оплошно, что толпы Черемисскія взяли нашъ обозъ, семдесятъ пушекъ, запасъ ядеръ и пороху, убивъ Князя Ѳедора Оболенскаго-Лопату, Дорогобужскаго и многихъ чиновниковъ. Тогда Россіяне приступили къ городу и могли бы овладѣть крѣпостью гдѣ не было ни 12,000 воиновъ; но Бѣльскій, уже и прежде подозрѣваемый въ тайномъ лихоимствѣ ([303]), согласился на миръ: принявъ, какъ пишутъ, серебро отъ жителей, съ клятвою, что они немедленно отправятъ Пословъ къ Василію и не будутъ избирать себѣ Царей безъ его

воли, сей главный Воевода отступилъ, къ досадѣ всѣхъ товарищей; хвалился именемъ великодушнаго побѣдителя и спѣшилъ въ Москву, ожидая новыхъ милостей отъ Государя, своего дяди по матери ([304]). Одинъ Лѣтописецъ увѣряетъ, что Василій, съ лицемъ грознымъ встрѣтивъ племянника, объявилъ ему смерть и только изъ уваженія къ ревностному ходатайству Митрополита смягчилъ сей приговоръ: окованный цѣпями, Бѣльскій сидѣлъ нѣсколько времени въ темницѣ, въ наказаніе за кровь, которую надлежало еще пролить для необходимаго покоренія Казани, два раза упущенной имъ изъ нашихъ рукъ. Но сего извѣстія нѣтъ въ другихъ Лѣтописцахъ, и Бѣльскій черезъ три года снова начальствовалъ въ ратяхъ ([305]).

Послы Казанскіе, знатные Князья Тагай, Тевекелъ, Ибрагимъ, пріѣхали и смиренно молили Государя, чтобы онъ простилъ народъ и Царя; увѣряли что опытъ снялъ завѣсу съ ихъ глазъ, и что они видятъ необходимость повиноваться Россіи. Надлежало вѣрить или воевать; Государь хотѣлъ отдохновенія, ибо не могъ бы безъ чрезвычайнаго усилія, тяжкаго для земли, снарядить новую рать. Согласные на всѣ условія, Послы остались въ Москвѣ; а Великій Князь отправилъ съ гонцемъ клятвенныя грамоты къ Царю и народу Казанскому для утвержденія, требуя чтобы всѣ наши плѣнники были освобождены и всѣ огнестрѣльныя орудія, взятыя у насъ Черемисами, присланы въ Россію. Сей гонецъ не возвратился: Сафа-Гирей, задержавъ его писалъ къ Государю, что не можетъ исполнить договора, ни присягнуть, пока чиновники Казанскіе не выѣдутъ изъ Москвы; пока Великій Князь самъ не возвратитъ ему плѣнниковъ и пушекъ, взятыхъ Бѣльскимъ, и пока, вмѣсто гонца, кто нибудь изъ знатнѣйшихъ Вельможъ Россійскихъ не пріѣдетъ въ Казань для размѣна клятвенныхъ грамотъ. Бояре наши съ укоризною объявили о томъ Посламъ Казанскимъ. Князь Тагай отвѣтствовалъ: „Слышали и знаемъ; „но мы не лжецы и не клятвопреступники. Да исполнится „воля Божія и Великаго Князя! хотимъ служить ему усердно. „Земля наша опустѣла; мужи знатные погибли или онѣмѣли „въ ужасѣ. Сафа-Гирей дѣлаетъ, что хочетъ, съ своими

„Крымцами и Ногаями; распуская слухъ, что полки Москов-„скіе идутъ на Казань, мутитъ умами, не держитъ слова и „насъ вводитъ въ стыдъ. Не будетъ такъ: мы еще живы, „имѣемъ друзей и силу. Изгонимъ Сафо-Гирея! Да изберетъ „Государь достойнѣйшаго для насъ властителя!“ На сіе Бояре именемъ Великаго Князя сказали, что для Россіи все одно, кто ни царствуетъ въ Казани, Сафа-Гирей или кто другой, если будетъ только намъ послушенъ и вѣренъ въ клятвахъ. Тагай продолжалъ: „Напоминаемъ о невинномъ Шигъ-Алеѣ; „онъ былъ жертвою злодѣевъ: да возвратится на престолъ, „вѣрно служитъ Великому Князю и любитъ народъ! Пусть „ѣдетъ съ нами въ городъ Василь: оттуда напишемъ къ „Казанцамъ, къ Горнымъ и Луговымъ Черемисамъ, къ Князь-„ямъ Арскимъ, о милости Государя, и скажемъ: *Царемъ „мы умерли, а Великимъ Княземъ ожили; не хотимъ „того, кто насъ не хочетъ.* Казанскіе плѣнники, тоскующіе „въ неволѣ, имѣютъ отцевъ, братьевъ и друзей; всѣ къ намъ „пристанутъ, и будетъ миръ вѣчный“. Василій совѣтовался съ Боярами; наконецъ отпустилъ Пословъ Казанскихъ съ Алесмъ въ Нижній Новгородъ, и Князь Тагай сдержалъ слово: написалъ къ согражданамъ о гибельномъ для нихъ упрямствѣ Царя, возмутилъ народъ, свергнулъ Сафа-Гирея, который въ порывѣ злобы хотѣлъ-было умертвить всѣхъ задержанныхъ въ Казани Россіянъ; но граждане и Вельможи объявили ему, чтобы онъ немедленно удалился. Жену его отправили въ Мамаевы Улусы и побили многихъ Ногаевъ, Вельможъ Крымскихъ, любимцевъ Сафа-Гиреевыхъ. Въ семъ благопріятномъ для насъ происшествіи не мало участвовала Казанская Царевна Горшадна, сестра Магметъ-Аминева. Сеитъ, Уланы, Князья, Мурзы извѣстили Василія объ изгнаніи Сафа-Гирея, и согласные быть подданными Россіи, молили, чтобы вмѣсто Шигъ-Алея, коего мести они страшатся, Великій Князь пожаловалъ имъ въ Цари меньшаго пятнадцати-лѣтняго брата его, Еналея, владѣвшаго у насъ городкомъ Мещерскимъ. Ихъ желаніе исполнилось: Еналей со многочисленною дружиною былъ отправленъ въ Казань и возведенъ на престолъ Оболь-

Г. 1530-1531.

Новый Царь въ Казани.

ничимъ Морозовымъ, къ удовольствію мятежныхъ сановниковъ и легкомысленнаго народа. Всѣ отъ Царевны и Сента до послѣдняго гражданина, съ видомъ искренняго усердія, присягнули намъ въ подданствѣ, славя милость Государеву и любезныя свойства юнаго Царя, коему чрезъ нѣсколько лѣтъ надлежало быть жертвою ихъ неистовства! Но Василій не дожилъ до сей новой измѣны. Прошло три года въ мирѣ. Въ доказательство своего добраго расположенія къ Казанцамъ, Великій Князь уступилъ имъ всѣ бывшія у нихъ въ рукахъ Московскія пищали, чтобы они въ случаѣ непріятельскаго нападенія имѣли способъ обороняться, и дозволилъ Еналею жениться на дочери сильнаго Ногайскаго Мурзы Юсуфа, который могъ примирить его съ сею безпокойною Ордою. Важнѣйшія дѣла Казанскія, не только политическія, но и земскія, рѣшались въ Москвѣ, Государевымъ словомъ ([306]).—Между тѣмъ Шигъ-Алей, награжденный Коширою и Серпуховымъ, завидовалъ брату и, желая преклонить къ себѣ Казанцевъ, тайно сносился съ ними, съ Астраханью, съ Ногаями: происки его обнаружились, и злосчастный Алей, нѣкогда вѣрный слуга Россіи, былъ какъ преступникъ заточенъ съ женою на Бѣлоозеро ([307]). Заточеніе Шигъ-Алея.

Въ сіе время Василій, благоразуміемъ заслуживая счастіе въ дѣяніяхъ государственныхъ, сдѣлался и счастливымъ отцемъ семейства. Болѣе трехъ лѣтъ Елена, вопреки желанію супруга и народа, не имѣла дѣтей. Она ѣздила съ Великимъ Княземъ въ Переславль, Ростовъ, Ярославль, Вологду, на Бѣлоозеро; ходила пѣшкомъ въ святыя Обители и пустыни, раздавала богатую милостыню, со слезами молилась о чадородіи, и безъ услышанія. Добрые жалѣли о томъ: нѣкоторые, осуждая бракъ Василіевъ какъ беззаконный, съ тайнымъ удовольствіемъ предсказывали, что Богъ никогда не благословитъ онаго плодомъ вожделѣннымъ. Наконецъ Елена оказалась беременною. Какой-то *юродивый мужъ*, именемъ Домитіанъ, объявилъ ей, что она будетъ матерію *Тита, широкаго ума* ([308]), и—въ 1530 году, Августа 25, въ 7 часу ночи—дѣйствительно родился сынъ, Іоаннъ, столь славный добромъ и зломъ въ нашей Исторіи! Пишутъ, что въ самую ту минуту земля и небо потряслися отъ неслыханныхъ громкихъ ударовъ, кото- Рожденіе Царя Іоанна Василіевича.

рые слѣдовали одинъ за другимъ съ ужасною, непрерывною молніею ([309]). Вѣроятно, что гадатели Двора Великокняжескаго умѣли растолковать сей случай въ пользу новорожденнаго: не только отецъ, но и вся Москва, вся Россія, по словамъ Лѣтописца, были въ восторгѣ. Чрезъ десять дней Великій Князь отвезъ младенца въ Троицкую Лавру, гдѣ Игуменъ Іоасафъ Скрыпицынъ вмѣстѣ съ благочестивѣйшими Иноками, столѣтнимъ Кассіаномъ Босымъ, Іосифова Волоко-Ламскаго монастыря, и Св. Даніиломъ Переславскимъ окрестили его. Обливаясь слезами умиленія, родитель взялъ изъ ихъ рукъ своего дражайшаго первенца и положилъ на раку Св. Сергія, моля Угодника, да будетъ ему наставникомъ и защитникомъ въ опасностяхъ жизни. Василій не зналъ, какъ изъявить благодарность Небу: сыпалъ золото въ казны церковныя и на бѣдныхъ; велѣлъ отворить всѣ темницы, и снялъ опалу со многихъ знатныхъ людей, бывшихъ у него подъ гнѣвомъ: съ Князя Ѳедора Мстиславскаго, женатаго на племянницѣ Государевой и ясно уличеннаго въ намѣреніи бѣжать къ Польскому Королю; съ Князей Шѣнятева, Суздальскаго, Горбатаго, Плещеева, Морозова, Лятцкаго, Шигоны и другихъ, подозрѣваемыхъ въ недоброжелательствѣ къ Еленѣ ([310]). Съ утра до вечера дворецъ наполнялся усердными поздравителями, не только Московскими, но и самыхъ отдаленныхъ городовъ жителями, которые хотѣли единственно взглянуть на счастливаго Государя и сказать ему: „мы счастливы вмѣстѣ съ тобою!“ Пустынники, отшельники приходили благословить державнаго младенца въ пеленахъ, и были угощаемы за трапезою Великокняжескою. Въ знакъ признательности къ Угодникамъ Божіимъ, защитникамъ Москвы, Святымъ Митрополитамъ Петру и Алексію, Великій Князь заказалъ сдѣлать для ихъ мощей богатыя раки: для перваго *золотую* ([311]), для втораго серебряную. Однимъ словомъ никто живѣе Василія не чувствовалъ радости быть отцемъ, тѣмъ болѣе, что онъ—вѣроятно, тревожимый совѣстію за разводъ съ несчастною, первою супругою—могъ видѣть въ семъ благословенномъ плодѣ втораго брака какъ бы знакъ Небеснаго умилостивленія. — Елена чрезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ родила еще сына Георгія ([312]). Тогда

Государь женилъ меньшаго брата своего, Андрея, на Княжнѣ Хованской, Евфросиніи ([313]). Братья Симеонъ и Димитрій Іоанновичи скончались безбрачными: первый въ 1518, а вторый въ 1521 году. Василій, кажется, не дозволялъ имъ жениться, пока не имѣлъ дѣтей, чтобы отнять у нихъ всякую мысль о наслѣдованіи престола.

Упомянемъ о разныхъ Посольствахъ сего времени. Не увѣренный ни въ союзѣ Тавриды, ни въ мирномъ расположеніи Литвы, Великій Князь тѣмъ благосклоннѣе отвѣтствовалъ на дружественныя предложенія Молдавскаго Воеводы, Петра, который (въ 1533 году) писалъ къ нему, чтобы онъ, будучи въ перемиріи съ Королемъ Сигизмундомъ и въ дружбѣ съ Султаномъ, *берегъ* его отъ перваго или убѣдилъ Солимана защитить оружіемъ Молдавію отъ нападенія Поляковъ. Великій Князь отправлялъ не только гонцевъ, но и важныхъ чиновниковъ къ сему Воеводѣ мужественному, еще опасному для Польши, Литвы и Тавриды сосѣду ([314]). г. 1532. 1533. Посольства Молдавскія.

Новый Царь Астраханскій, Касымъ, также предлагалъ тѣсный союзъ Великому Князю; но едва Посолъ его успѣлъ доѣхать до Москвы, Черкесы, взявъ Астрахань, убили Царя и съ богатою добычею удалились въ горы. Мѣсто Касымово заступилъ Акубекъ, но также не на-долго: въ 1534 году уже другой Царь Астраханскій, Абдылъ-Рахманъ, далъ на себя клятвенную грамоту Василію въ истинномъ къ нему дружествѣ ([315]).—Послы Ногайскіе тогда же находились въ Москвѣ единственно для исходатайствованія купцамъ своимъ дозволенія продавать лошадей въ Россіи ([316]). Астраханскія. Ногайское.

Но любопытнѣйшимъ Посольствомъ было Индѣйское, отъ Хана Бабура, одного изъ Тамерлановыхъ потомковъ, знаменитаго основателя Имперіи Великихъ Моголовъ, о коемъ мы упоминали, и который, будучи изгнанъ изъ Хоросана, бѣжалъ въ Индостанъ, гдѣ мужествомъ и счастіемъ утвердилъ свое господство надъ прекраснѣйшими землями въ мірѣ. Обитавъ нѣкогда на берегахъ Каспійскаго моря, Бабуръ имѣлъ свѣдѣніе о Россіи: желалъ, не смотря на отдаленіе, быть въ дружелюбной связи съ ея Монархомъ, и писалъ къ нему о томъ съ своимъ чиновникомъ, Хозею Уссеиномъ, предлагая, чтобы Индѣйское.

Послы и купцы свободно ѣздили изъ Индіи въ Москву, а изъ Москвы въ Индію. Великій Князь принялъ Уссепна милостиво, отвѣтствовалъ Бабуру, что радъ видѣть его поддапныхъ въ Россіи и не мѣшаетъ своимъ ѣздить въ Индію, но—какъ сказано въ лѣтописи—*не приказывалъ къ нему о братствѣ:* ибо не зналъ, что̀ онъ, Самодержецъ или только *урядникъ* Индѣйскаго Царства ([317])?

Послѣ войны Казанской Россія наслаждалась спокойствіемъ. Были только слухи о непріятельскихъ замыслахъ Крымцевъ. Сафа-Гирей, изгнанный изъ Казани, дышалъ ненавистію, злобою, и всячески убѣждалъ Хана, дядю своего, ко впаде-
г. 1533. Набѣгъ Крымцевъ. нію въ Московскіе предѣлы. Наконецъ—когда Великій Князь по своему обыкновенію готовился ѣхать съ Дворомъ на любимую охоту въ Волокъ-Ламскій, чтобы провести тамъ всю осень—узнали въ Москвѣ (14 Августа), что войско Ханское идетъ къ Рязани. Самъ Царевичь Исламъ, тогдашній Калга, увѣдомилъ о семъ Великаго Князя, слагая всю вину на Сафа-Гирея; однакожь шелъ вмѣстѣ съ нимъ, будто бы склоняя его къ миру. Увеличенные разсказы о силѣ непріятеля испугали Дворъ, такъ, что Государь, немедленно пославъ Воеводъ къ берегамъ Оки и въ слѣдъ за ними самъ 15 Августа выѣхавъ въ Коломну, велѣлъ Боярамъ Московскимъ изготовиться къ осадѣ, а жителямъ съ ихъ имѣніемъ перевозиться въ Кремль ([318]). На пути встрѣтились ему гонцы изъ Рязани отъ Намѣстника, Князя Андрея Ростовскаго, съ вѣстію, что Исламъ и Сафа-Гирей выжгли посады Рязанскіе, но что городъ будетъ крѣпкимъ щитомъ Москвы, если разбойники захотятъ осаждать его. Василій въ тотъ же часъ отрядилъ легкую конницу за Оку *добывать языковъ*. Смѣлый Воевода, Князь Димитрій Палецкій, нашелъ толпы хищниковъ близъ Зарайска; разбилъ ихъ и взялъ многихъ плѣнниковъ. Другой Воевода, Князь Оболенскій-Телепневъ-Овчина, съ Московскими Дворянами гналъ и потопилъ стражу непріятельскую въ Осетрѣ, но въ горячности наскакавъ на главную силу Царевичей, спасся только необычайнымъ мужествомъ. Ожидая за ними Великаго Князя со всѣми полками, Татары ушли въ степи. Война кончилась въ пять дней; но мы не могли отбить своихъ

плѣнниковъ, уведенныхъ непріятелемъ въ Улусы. Многолюдныя села Рязанскія снова опустѣли, и Ханъ Сапиъ-Гирей хвалился, что Россія лишилась тогда не менѣе ста тысячь людей ([319]). „Царевичи“—писалъ онъ къ Василію—„сдѣлали по своему, „а не по моему; я велѣлъ имъ воевать Литву: они воевали „Россію. Но упрекай себя. Князья говорятъ мнѣ: *что даетъ „намъ дружба съ Москвою? по соболю въ годъ. А рать? „тысячи.* Я не умѣлъ ничего отвѣтствовать имъ. Избирай „любое: хочешь ли мира и союза? да будутъ дары твои по „крайней мѣрѣ въ цѣну трехъ или четырехъ сотъ плѣнниковъ.“ Онъ требовалъ отъ Великаго Князя денегъ, ловчихъ птицъ, *хлѣбника* и *повара*. Калга Исламъ увѣрялъ Василія, какъ *названнаго отца*, въ непремѣнномъ дружествѣ; а Сафа-Гирей писалъ къ нему съ такими угрозами: „Я былъ „нѣкогда тебѣ сыномъ; но ты не захотѣлъ моей любви — и „сколько бѣдствій пало на твою голову? Видишь землю свою „въ пеплѣ и въ разореніи. Еще снова можешь сдѣлаться намъ „другомъ, или не престанемъ воевать, пока здравствуютъ дяди „мои, Царь и Калга; гдѣ узнаю врага твоего, соединюсь съ „нимъ на тебя, и довершу месть ужасную. Вѣдай!“ Сіи грамоты были отданы чиновникамъ Великокняжескимъ Декабря 1: Государь уже находился при послѣднемъ издыханіи.

Болѣзнь и кончина Великаго Князя.

Лѣтописцы говорятъ, что странное небесное знаменіе еще 24 Августа предвѣстило смерть Василіеву; что въ первомъ часу дня кругъ солнца казался вверху будто-бы срѣзаннымъ; что оно мало-по-малу темнѣло среди яснаго неба, и что многіе люди, смотря на то съ ужасомъ, ожидали какой нибудь великой государственной перемѣны ([320]). Василій имѣлъ 54 года отъ рожденія; бодрствовалъ духомъ и тѣломъ; не чувствовалъ дотолѣ никакихъ припадковъ старости; не зналъ болѣзней; любилъ всегда дѣятельность и движеніе. Радуясь изгнанію непріятеля, онъ съ супругою и дѣтьми праздновалъ 25 Сентября, день Св. Сергія, въ Троицкой Лаврѣ; поѣхалъ на охоту въ Волокъ-Ламскій, и въ своемъ селѣ Озерецкомъ занемогъ такимъ недугомъ, который сперва ни мало не казался опаснымъ. На сгибѣ лѣваго стегна явилась болячка съ булавочную головку, безъ верха и гноя, но мучительная. Ве-

ликій Князь съ нуждою доѣхалъ до Волока ([221]); однакожь былъ на пиру у Дворецкаго, Ивана Юрьевича Шигоны, а на другой день ходилъ въ мыльню и обѣдалъ съ Боярами. Время стояло прекрасное для охоты: Государь выѣхалъ съ собаками; но отъ сильной боли возвратился съ поля, въ село Колпь, и легъ въ постелю. Немедленно призвали Михаила Глинскаго и двухъ Нѣмецкихъ Медиковъ, Николая Люева и Ѳеофила. Лекарства употреблялись Русскія: мука съ медомъ, печеный лукъ, масть, горшки и сѣменники. Сдѣлалось воспаленіе: гной шелъ цѣлыми тазами изъ чирья. Боярскія Дѣти перенесли Государя въ Волокъ-Ламскій. Онъ пересталъ ѣсть; чувствовалъ тягость въ груди, и, скрывая опасность не отъ себя, но единственно отъ другихъ, послалъ Стряпчаго Мансурова съ Дьякомъ Путятинымъ въ Москву за духовными грамотами своего отца и дѣда, не велѣвъ имъ сказывать того ни Великой Княгинѣ, ни Митрополиту, ни Боярамъ. Съ нимъ находились въ Волокѣ, кромѣ брата, Андрея Іоанновича, и Глинскаго, Князья Бѣльскій, Шуйскій, Кубенскій: никто изъ нихъ не зналъ сей печальной тайны, кромѣ Дворецкаго Шигоны. Другой братъ Василіевъ, Юрій Іоанновичъ, спѣшилъ къ нему изъ Дмитрова: Великій Князь отпустилъ его съ утѣшеніемъ, что надѣется скоро выздоровѣть; приказалъ везти себя въ Москву, шагомъ въ саняхъ, на постелѣ; заѣхалъ въ Іосифову Обитель, лежалъ въ церкви на одрѣ, и когда Діаконъ читалъ молитву о здравіи Государя, всѣ упали на колѣна и рыдали: Игуменъ, Бояре, народъ. Василій желалъ выѣхать въ Москву скрытно, чтобы иноземные Послы, тамъ бывшіе, не видали его въ слабости, въ изнеможеніи; остановился въ Воробьевѣ, принялъ Митрополита, Епископовъ, Бояръ, воинскихъ чиновниковъ, и только одинъ показывалъ твердость: духовные и міряне, знатные и простые граждане обливались слезами. Навели мостъ на рѣкѣ, просѣкая тонкій ледъ. Едва сани Государевы взъѣхали, сей мостъ обломился: лошади упали въ воду; но Боярскія Дѣти, обрѣзавъ гужи, удержали сани на рукахъ. Великій Князь запретилъ наказывать строителей. Внесенный въ Кремлевскія *постельныя хоромы*, онъ созвалъ Бояръ, Князей Ивана и Василія Шуйскихъ, Михайла Юрье-

21 Ноября.

вича Захарьина, Михайла Семеновича Воронцова, Тучкова, Глинскаго, Казначея Головина, Дворецкаго Шигону, и велѣлъ при нихъ Дьякамъ своимъ писать новую духовную грамоту, уничтоживъ прежнюю, сочиненную имъ во время Митрополита Варлаама ([322]); объявилъ трехлѣтняго сына, Іоанна, наслѣдникомъ Государства, подъ опекою матери и Бояръ до пятнадцати лѣтъ его возраста; назначилъ Удѣлъ меньшему сыну; устроилъ Державу и Церковь; не забылъ ничего, какъ сказано въ лѣтописяхъ: но, къ сожалѣнію, сія важная хартія утратилась, и мы не знаемъ ея любопытныхъ подробностей.

Желая утвердить душу свою въ сіи торжественныя минуты, Государь тайно причастился. Бывъ дотолѣ на одрѣ недвижимъ, онъ съ легкою помощію Боярина Захарьина всталъ, принялъ Святые Дары съ вѣрою, любовію и слезами умиленія; легъ снова и хотѣлъ видѣть Митрополита, братьевъ, всѣхъ Бояръ, которые, узнавъ о недугѣ его, съѣхались изъ деревень въ столицу; сказалъ имъ, что поручаетъ юнаго Іоанна Богу, Дѣвѣ Маріи, Святымъ Угодникамъ и Митрополиту; что даетъ ему Государство, наслѣдіе великаго отца своего; что надѣется на совѣсть и честь братьевъ, Юрія и Андрея; что они, исполняя крестные обѣты, должны служить племяннику усердно въ дѣлахъ земскихъ и ратныхъ, да будетъ тишина въ Московской Державѣ, и да *высится* рука Христіанъ надъ невѣрными. Отпустивъ Митрополита и братьевъ, такъ говорилъ Боярамъ: „Вѣдаете, что Державство наше идетъ „отъ Великаго Князя Кіевскаго, Святаго Владиміра; что мы „природные вамъ Государи, а вы наши *извѣчные* Бояре. „Служите сыну моему, какъ мнѣ служили: блюдите *крѣпко*, „да царствуетъ надъ землею; да будетъ въ ней правда! Не „оставьте моихъ племянниковъ, Князей Бѣльскихъ; не оставьте „Михаила Глинскаго: онъ мнѣ ближній по Великой Княгинѣ. „Стойте всѣ заедино какъ братья, ревностные ко благу отече„ства! А вы, любезные племянники, усердствуйте вашему „юному Государю въ правленіи и въ войнахъ; а ты, Князь „Михаилъ, за моего сына Іоанна и за жену мою Елену дол„женъ охотно пролить всю кровь свою *и дать тѣло свое „на раздробленіе!*“

Василій изнемогалъ болѣе и болѣе. Выславъ всѣхъ, кромѣ Глинскаго, Захарьина, ближнихъ Дѣтей Боярскихъ и двухъ врачей, Люева и Ѳеофила, онъ требовалъ, чтобы ему впустили въ рану чего нибудь крѣпкаго: ибо она гнила и смердѣла. Захарьинъ утѣшалъ его вѣроятностію скораго выздоровленія. Великій Князь сказалъ Нѣмцу Люеву: „Другъ „и братъ! ты добровольно пришелъ ко мнѣ изъ земли своей, „и видѣлъ, какъ я любилъ тебя и жаловалъ: можешь ли „исцѣлить меня?“ Люевъ отвѣтствовалъ: „Государь! слышавъ „о твоей милости и ласкѣ къ добрымъ иноземцамъ, я оста„вилъ отца и мать, чтобы служить тебѣ; благодѣяній твоихъ „не могу исчислить; но, Государь! не умѣю воскрешать мерт„выхъ: я не Богъ!“ Тутъ Великій Князь обратился къ Дѣтямъ Боярскимъ и молвилъ съ улыбкою: „Друзья! слышите, „что я уже не вашъ!“ Они горько заплакали; не хотѣли растрогать его, вышли вонъ и пали на землю какъ мертвые. Онъ забылся на нѣсколько минутъ; открылъ глаза и громко произнесъ: „да исполнится воля Божія! буди имя Господне „благословенно отнынѣ и до вѣка“.

Сіе было 3 Декабря. Игуменъ Троицкій, Іоасафъ, тихо приближился къ одру болящаго. Василій сказалъ ему: „Отче! „молись за Государство, за моего сына и за бѣдную мать „его! У васъ я крестилъ Іоанна, отдалъ Угоднику Сергію, „клалъ на гробъ Святаго, поручилъ вамъ особенно: молитесь „о младенцѣ Государѣ!“ Онъ не велѣлъ Іоасафу выѣзжать изъ Москвы, и пользуясь слабыми остатками жизни, еще призвалъ Думныхъ Бояръ: Шуйскихъ, Воронцова, Тучкова, Глинскаго, Шигону, Головина и Дьяковъ; бесѣдовалъ съ ними отъ третьяго до седьмаго часа, о новомъ правленіи, о сношеніяхъ Бояръ съ Великою Княгинею Еленою во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, изъявляя удивительную твердость, хладнокровіе и заботливость о судьбѣ оставляемой имъ Державы. Пришли братья и неотступно молили его, чтобы онъ подкрѣпилъ свои силы пищею; но Василій не могъ ѣсть и сказалъ ([323]): „смерть предо мною; желаю благословить сына, „видѣть жену, проститься съ нею.... Нѣтъ! боюсь ея горести; „видъ мой устрашитъ младенца“. Братья и Бояре настояли,

чтобы онъ призвалъ Елену. Князь Андрей Іоанновичъ и Михаилъ Глинскій пошли за нею. Государь возложилъ на себя крестъ Св. Петра Митрополита и хотѣлъ прежде видѣть сына. Братъ Еленинъ, Князь Иванъ Глинскій, принесъ его на рукахъ. Держа крестъ, Василій сказалъ младенцу: „Буди „на тебѣ милость Божія и на дѣтяхъ твоихъ! Какъ Св. Петръ „благословилъ симъ крестомъ нашего прародителя, Великаго „Князя Іоанна Даніиловича, такъ имъ благословляю тебя, „моего сына“ ([324]). Онъ просилъ надзирательницу, Боярыню Агриппину ([325]), чтобы она неусыпно берегла своего Державнаго питомца, и слыша голосъ супруги, велѣлъ унести Іоанна. Князь Андрей и Боярыня Челяднина ([326]) вели Елену подъ руки: она страшно вопила и билась объ землю въ отчаяніи. Великій Князь утѣшалъ ее, говоря: „мнѣ лучше; не чувствую „никакой боли“ — и съ нѣжностію молилъ успокоиться. Елена наконецъ ободрилась и спросила: „кому же поручаешь бѣдную „супругу и дѣтей?“ Василій отвѣчалъ: „Іоаннъ будетъ Го„сударемъ; а тебѣ, слѣдуя обыкновенію нашихъ отцевъ, я „назначилъ въ духовной своей грамотѣ особенное достояніе“. Исполняя желаніе супруги, онъ велѣлъ принести и меньшаго сына, Юрія; также благословилъ его крестомъ, и сказалъ, что онъ не забытъ въ духовной ([327]). — Умилительное прощаніе съ Еленою раздирало сердца жалостію: всѣ плакали и стенали. Она не хотѣла удалиться: Василій приказалъ вывести ее, и заплативъ послѣднюю дань міру, Государству и чувствительности, уже думалъ только о Богѣ.

Еще находясь въ Волокѣ, онъ говорилъ Духовнику своему, Протоіерею Алексію, и любимому старцу Мисаилу: „не пре„дайте меня землѣ въ бѣлой одеждѣ! не останусь въ мірѣ, „если и выздоровлю“. Отпустивъ Елену, Государь велѣлъ Мисаилу принести монашескую ризу, и спросилъ Игумена Кирилловской Обители, въ которой онъ издавна желалъ быть постриженнымъ; но сего Игумена не было въ Москвѣ. Послали за Іоасафомъ Троицкимъ, за образами Владимірской Богоматери и Св. Николая Гостунскаго. Духовникъ Алексій пришелъ съ Запасными Дарами, чтобы дать ихъ Василію въ самую минуту кончины ([328]). „Будь передо мною,“ сказалъ

Великій Князь: „смотри и не пропусти сего мгновенія“. Подлѣ Духовника стоялъ Стряпчій Государевъ, Ѳеодоръ Кучецкой, бывшій свидѣтелемъ Іоанновой смерти. Читали Канонъ на исходъ души. Василій лежалъ въ усыпленіи; потомъ, кликнувъ ближняго Боярина, Михайла Воронцова, обнялъ его съ горячностію; сказалъ брату Юрію: „помнишь ли преставленіе „нашего родителя? я такъ же умираю“—и требовалъ немедленнаго постриженія, одобряемаго Митрополитомъ и нѣкоторыми Боярами; но Князь Андрей Іоанновичъ, Воронцовъ и Шигона говорили, что Св. Владиміръ не хотѣлъ быть Монахомъ и названъ Равноапостольнымъ; что Герой Донскій также скончался мірянином, но своими добродѣтелями безъ сомнѣнія заслужилъ Царствіе Небесное. Шумѣли, спорили, а Василій крестился и читалъ молитвы; уже языкъ его тупѣлъ, взоръ меркнулъ, рука упала: онъ смотрѣлъ на образъ Богоматери и цѣловалъ простыню, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидая священнаго обряда. Митрополитъ Данiилъ взялъ черную ризу и подалъ Игумену Іоасафу: Князь Андрей и Воронцовъ хотѣли вырвать ее. Тогда Митрополитъ съ гнѣвомъ произнесъ ужасныя слова: *„Не благословляю васъ ни въ сей вѣкъ, ни въ бу-„дущій!* Никто не отниметъ у меня души его. Добръ сосудъ „сребряный, но лучше позлащенный!“ Василій отходилъ. Спѣшили кончить обрядъ. Митрополитъ, надѣвъ епитрахиль на Игумена Іоасафа, самъ постригъ Великаго Князя, переименованнаго Варлаамомъ. Въ торопяхъ забыли мантію для новаго Инока: Келарь Троицкій, Серапіонъ, далъ свою. Евангеліе и Схима Ангельская лежали на груди умирающаго. Нѣсколько минутъ продолжалось безмолвіе: Шигона, стоя подлѣ одра, первый воскликнулъ ([329]): „Государь скончался!“ и всѣ зарыдали. — Пишутъ, что лице Василіево сдѣлалось вдругъ свѣтло; что, вмѣсто бывшаго несноснаго запаха отъ его раны, комната наполнилась благоуханіемъ. Митрополитъ омылъ тѣло и вытеръ хлопчатою бумагою.

Была полночь. Никто не спалъ въ Москвѣ. Съ ужасомъ ждали вѣсти: народъ толпился въ улицахъ. Плачь и вой раздался отъ дворца до Красной площади. Напрасно Бояре, сами заливаясь слезами, удерживали другихъ отъ громкаго

стенанія, представляя, что Великая Княгиня еще не знаетъ о кончинѣ супруга. Митрополитъ, облачивъ умершаго въ полное Монашеское одѣяніе, вывелъ его братьевъ въ переднюю горницу и взялъ съ нихъ клятву быть вѣрными слугами Іоанна и матери его ([330]), не мыслить о Великомъ Княженіи, не измѣнять ни дѣломъ, ни словомъ. Обязавъ такою же присягою и всѣхъ Вельможъ, чиновниковъ, Дѣтей Боярскихъ, онъ пошелъ съ знатнѣйшими людьми къ Еленѣ, которая, видя ихъ, упала въ обморокъ и два часа не открывала глазъ. Бояре безмолвствовали: говорилъ одинъ Митрополитъ именемъ Вѣры, утѣшая со слезами ([331]).

Между тѣмъ ударили въ большой колоколъ: тѣло положили на одръ, принесенный изъ Чудова Монастыря, и растворили двери: народъ съ воплемъ устремился лобызать хладныя руки мертваго. Любимые пѣвчіе Василіевы хоромъ пѣли: *Святый Боже*! Ихъ никто не слыхалъ. Иноки Іосифова и Троицкаго монастыря несли тѣло въ церковь Св. Михаила. Елена не могла итти. Дѣти Боярскіе взяли ее на руки. Всѣ Бояре окружали гробъ: Князья Василій Шуйскій, Михаилъ Глинскій, Иванъ Телепневъ-Оболенскій и Воронцовъ шли за Еленою, вмѣстѣ съ знатнѣйшими Боярынями. Погребеніе было великолѣпно и скорбь неописанная въ народѣ. „Дѣти хоронили „своего отца“, по словамъ Лѣтописцевъ, которые съ чувствительностію называютъ Василія *добрымъ*, *ласковымъ Государемъ* ([332]): имя скромное, но умилительное, и простота его ручается за его истину.

Характеръ Василіевъ.

Василій стоитъ съ честію въ памятникахъ нашей Исторіи между двумя великими характерами, Іоаннами III и IV, и не затмѣвается ихъ сіяніемъ для глазъ наблюдателя: уступая имъ въ рѣдкихъ природныхъ дарованіяхъ—первому въ обширномъ, плодотворномъ умѣ государственномъ, второму въ силѣ душевной, въ особенной живости разума и воображенія, опасной безъ твердыхъ правилъ добродѣтели,—онъ шелъ путемъ, указаннымъ ему мудростію отца, не устранился, двигался впередъ шагами размѣренными благоразуміемъ, безъ порывовъ страсти, и приближился къ цѣли, къ величію Россіи, не оставивъ преемникамъ ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки;

былъ не Геніемъ, но добрымъ Правителемъ: любилъ Государство болѣе собственнаго великаго имени, и въ семъ отношеніи достоинъ истинной, вѣчной хвалы, которую не многіе Вѣнценосцы заслуживаютъ. Іоанны III творятъ, Іоанны IV прославляютъ и не рѣдко губятъ; Василіи сохраняютъ, утверждаютъ Державы, и даются тѣмъ народамъ, коихъ долговременное бытіе и цѣлость угодны Провидѣнію.

Василій имѣлъ наружность благородную, станъ величественный, лице миловидное ([333]), взоръ проницательный, но не строгій; казался и былъ дѣйствительно болѣе мягкосердеченъ, нежели суровъ, по тогдашнему времени. Читая письма его къ Еленѣ, видимъ нѣжность супруга и отца, который, будучи въ разлукѣ съ женою и съ дѣтьми, непрестанно обращается къ нимъ въ мысляхъ, изъясняемыхъ простыми словами, но внушаемыми только чувствительнымъ сердцемъ ([334]). Рожденный въ вѣкъ еще грубый и въ Самодержавіи новомъ, для коего строгость необходима, Василій по своему характеру искалъ средины между жестокостію ужасною и слабостію вредною: наказывалъ Вельможъ, и самыхъ ближнихъ, но часто и миловалъ, забывалъ вины. Умный Бояринъ Беклемишевъ заслужилъ его гнѣвъ: удаленный отъ Двора, жаловался на Великаго Князя съ нескромною досадою; находилъ въ немъ пороки и предсказывалъ несчастія для Государства. Беклемишева судили, уличили въ дерзости и казнили смертію на Москвѣ-рѣкѣ; а Дьяку Ѳедору Жареному отрѣзали языкъ за лживыя слова, оскорбительныя для Государевой чести ([335]). Тогда не отличали словъ отъ дѣлъ, и думали, что Государь, какъ земный Богъ, можетъ наказывать людей и за самыя мысли, ему противныя! Опасались милосердія въ такихъ случаяхъ, гдѣ святая особа Вѣнценосца могла унизиться въ народномъ мнѣніи; боялись, чтобы вина отпускаемая не показалась народу виною малою.—Кромѣ двухъ несчастныхъ жертвъ Политики, юнаго Великаго Князя Димитрія и Шемякина, сынъ Героя, Данінла Холмскаго, Воевода и Бояринъ Князь Василій, супругъ Государевой сестры, Ѳеодосіи, въ 1508 году былъ сосланъ на Бѣлоозеро и въ темницѣ умеръ. Такую же участь имѣлъ и знатный Дьякъ, Долматовъ: назначенный въ Посольство

къ Императору Максимиліану, онъ не хотѣлъ ѣхать, отговариваясь своею бѣдностію: велѣли опечатать его домъ, нашли въ ономъ 3000 рублей денегъ и наказали Долматова какъ преступника ([336]). Государь простилъ Князей Ивана Воротынскаго и Шуйскихъ, которые думали уйти въ Литву ([337]). Иванъ Юрьевичъ Шигона, бывъ нѣсколько лѣтъ въ опалѣ, сдѣлался послѣ однимъ изъ первыхъ любимцевъ Василіевыхъ, равно какъ и Георгій Малый Траханіотъ, Грекъ выѣхавшій съ Великою Княгинею Софіею: пишутъ, что онъ впалъ въ немилость отъ тайной связи съ купцемъ Греческимъ, Маркомъ, осужденнымъ въ Москвѣ за какую-то опасную для Церкви ересь. Зная способности и необыкновенный разумъ Георгія, Великій Князь возвратилъ ему свою милость, совѣтовался съ нимъ о важныхъ дѣлахъ, и для того приказывалъ знатнымъ чиновникамъ возить его нездороваго во дворецъ на тележкѣ ([338]). Мужъ славный въ нашей Церковной Исторіи, Инокъ Максимъ Грекъ, былъ также въ числѣ знаменитыхъ, винныхъ или невинныхъ страдальцевъ сего времени. Судьба его достопамятна: разскажемъ обстоятельства.

Дѣло Максима Грека.

Василій, въ самые первые дни своего правленія осматривая богатства, оставленныя ему родителемъ, увидѣлъ множество Греческихъ духовныхъ книгъ, собранныхъ отчасти древними Великими Князьями, отчасти привезенныхъ въ Москву Софіею, и лежавшихъ въ пыли, безъ всякаго употребленія. Онъ хотѣлъ имѣть человѣка, который могъ бы разсмотрѣть оныя и лучшія перевести на языкъ Славянскій: не нашли въ Москвѣ и писали въ Константинополь. Патріархъ, желая угодить Великому Князю, искалъ такого *Философа* въ Болгаріи, въ Македоніи, въ Ѳессалоникѣ; но иго Оттоманское задушило всѣ остатки древней учености: тьма и невѣжество господствовали въ областяхъ Султанскихъ. Наконецъ узнали, что въ славной Обители Благовѣщенія, на горѣ Аѳонской, есть два Инока, Савва и Максимъ, Богословы искусные въ языкахъ Греческомъ и Славянскомъ. Первый въ изнеможеніи старости не могъ предпріять дальняго путешествія въ Россію: вторый согласился исполнить волю Патріарха и Великаго Князя. Въ самомъ дѣлѣ не льзя было найти человѣка способнѣйшаго

для замышляемаго труда. Рожденный въ Греціи, но воспитанный въ образованной Западной Европѣ, Максимъ учился въ Парижѣ, во Флоренціи; много путешествовалъ, зналъ разные языки, имѣлъ свѣдѣнія необыкновенныя, пріобрѣтенныя въ лучшихъ Университетахъ и въ бесѣдахъ съ мужами просвѣщенными. Василій принялъ его съ отмѣнною милостію. Увидѣвъ нашу библіотеку, изумленный Максимъ сказалъ въ восторгѣ: „Государь! вся Греція не имѣетъ нынѣ такого бо„гатства, ни Италія, гдѣ Латинскій Фанатизмъ обратилъ въ „пепелъ многія творенія нашихъ Богослововъ, спасенныя „моими единоземцами отъ варваровъ Магометовыхъ“ ([339]). Великій Князь слушалъ его съ живѣйшимъ удовольствіемъ и поручилъ ему библіотеку; а ревностный Грекъ, описавъ всѣ, еще неизвѣстныя Славянскому народу книги, по желанію Государеву переволъ Толковую Псалтирь, съ помощію трехъ Москвитянъ: Власія, Димитрія и Михаила Медоварцева ([340]). Одобренная Митрополитомъ Варлаамомъ и всѣмъ Духовнымъ Соборомъ, сія важная книга, прославивъ Максима, сдѣлала его любимцемъ Великаго Князя, такъ, что онъ не могъ съ нимъ разстаться и ежедневно бесѣдовалъ о предметахъ Вѣры. Умный Грекъ не ослѣпился сею честію: благодаря Василія, убѣдительно требовалъ отпуска въ тишину своей Аѳонской Обители, и говорилъ: „тамъ буду славить имя твое; скажу „моимъ единоземцамъ, что міръ еще имѣетъ Царя Христіан„каго, сильнаго и великаго, который, если угодно Всевыш„нему, можетъ освободить насъ отъ тиранства невѣрныхъ“. Но Василій отвѣтствовалъ ему новыми знаками благоволенія и держалъ его девять лѣтъ въ Москвѣ: время употребленное Максимомъ на переводы разныхъ книгъ, на исправленіе ошибокъ въ старыхъ переводахъ и на сочиненія душеспасительныя, изъ коихъ знаемъ болѣе ста ([341]). Имѣя свободный доступъ къ Великому Князю, онъ ходатайствовалъ иногда за Вельможъ, лишаемыхъ Государевой милости и возвращалъ имъ оную, къ неудовольствію и зависти многихъ людей, въ особенности Духовенства и суетныхъ Иноковъ Іосифова монастыря, любимыхъ Великимъ Княземъ ([342]). Смиренный Митрополитъ Варлаамъ мало думалъ о земномъ: но преемникъ Варлаамовъ, гордый

Даніилъ, не замедлилъ объявить себя врагомъ чужеземца. Говорили: „кто сей человѣкъ, дерзающій искажать древнюю „святыню нашихъ церковныхъ книгъ и снимать опалу съ Бо„яръ?“ Одни доказывали, что онъ еретикъ; другіе представили его Великому Князю злоязычникомъ, неблагодарнымъ, втайнѣ осуждающимъ дѣла Государевы. Сіе было во время развода Василіева съ несчастною Соломоніею: увѣряютъ, что сей благочестивый мужъ дѣйствительно не хвалилъ онаго: по крайней мѣрѣ находимъ въ Максимовыхъ твореніяхъ *Слово къ оставляющимъ женъ своихъ безъ вины законныя* ([343]). Любя вступаться за гонимыхъ, онъ тайно принималъ ихъ у себя въ кельѣ и слушалъ иногда рѣчи оскорбительныя для Государя и Митрополита. На примѣръ: несчастный Бояринъ, Иванъ Беклемишевъ, жалуясь ему на вспыльчивость Великаго Князя, сказалъ, что прежде достойные Церковные Пастыри удерживали Государей отъ страстей и несправедливости, но что Москва уже не имѣетъ Митрополита; что Даніилъ носитъ только имя и личину Пастыря, не мысля быть наставникомъ совѣсти, ни покровителемъ невинныхъ; что Максима никогда не выпустятъ изъ Россіи: ибо Великій Князь и Митрополитъ опасаются его нескромности въ чужихъ земляхъ, гдѣ онъ могъ бы огласить ихъ слабости ([344]). Наконецъ умѣли довести Государя до того, что онъ велѣлъ судить Максима: обвинили его и заточили въ одинъ изъ Тверскихъ монастырей какъ уличеннаго въ ложныхъ толкованіяхъ Св. Писанія и Догматовъ Церковныхъ: что, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, было клеветою, вымышленною Чудовскимъ Архимандритомъ Іоною, Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ и Митрополитомъ ([345]).

Жалобы на Великаго Князя.

Въ государственныхъ бумагахъ сего времени находимъ, что знатные люди, не довольные Василіемъ, обвиняли его въ излишней надежности на самого себя, въ неуваженіи совѣтовъ, въ упрямствѣ, нетерпѣніи противорѣчій, не смотря на то, что онъ рѣшалъ всѣ дѣла *именемъ Боярскимъ*. „Іоаннъ“ — говорили они — „не употреблялъ сего выраженія „въ бумагахъ, но охотно слушалъ противорѣчія и любилъ „смѣлыхъ; а Василій не чтитъ старыхъ людей и дѣлаетъ „всѣ дѣла запершися самъ-третей, у постели“. Жаловались

также на любовь его *къ новымъ обычаямъ*, привезеннымъ въ Москву Софіиными Греками, которые, по ихъ словамъ, *замышляли* Русскую землю (346). Но всѣ такія, можно сказать, легкія обвиненія, если и справедливыя, доказывая, что Василій не былъ чуждъ обыкновенныхъ слабостей человѣческихъ, опровергаютъ ли сказаніе Лѣтописцевъ о природномъ его добродушіи? Снискавъ общую любовь народа, онъ, по словамъ Историка Іовія, не имѣлъ воинской стражи во дворцѣ: ибо граждане служили ему вѣрными тѣлохранителями (347).

Образъ жизни Василія.

Великій Князь, какъ говорили тогда, *судилъ* и *рядилъ землю* всякое утро до самаго обѣда, послѣ коего уже не занимался дѣлами (348); любилъ сельскую тишину; живалъ лѣтомъ въ Островѣ, Воробьевѣ или въ Москвѣ на Воронцовѣ полѣ до самой осени (349); часто ѣздилъ по другимъ городамъ и на псовую охоту, въ Можайскъ и Волокъ-Ламскій; но и тамъ не забывалъ Государства: трудился съ Думными Боярами и Дьяками; иногда принималъ Пословъ иноземныхъ (350). Баронъ Герберштеинъ описываетъ такъ охоту Великокняжескую: „Мы увидѣли Государя въ полѣ; оставили лошадей своихъ „и приближились къ нему. Онъ сидѣлъ на гордомъ конѣ, „въ богатомъ терликѣ, въ высокой, осыпанной драгоцѣнными „каменьями шапкѣ съ златыми перьями, которыя развѣвались „вѣтромъ; на бедрѣ висѣли кинжалъ и два ножа; за спиною, „ниже пояса, кистень. Подлѣ него ѣхали съ правой стороны „Царь Казанскій, Алей, вооруженный лукомъ и стрѣлами, а „съ лѣвой два Князя молодые, изъ коихъ одинъ держалъ „сѣкиру, другой булаву или шестоперъ; вокругъ болѣе трехъ „сотъ всадниковъ“. Передъ вечеромъ сходили съ коней; разставляли шатры на лугу. Государь, перемѣнивъ одежду, садился въ своемъ шатрѣ на кресла, призывалъ Бояръ и весело бесѣдовалъ съ ними о подробностяхъ счастливой или неудачной ловли того дня. Служители подавали закуски, вино и медъ (351).—Самые древніе Князья наши, Всеволодъ I, Мономахъ и другіе любили звѣриную ловлю; но Василій едва ли не первый завелъ *псовую* охоту: ибо Россіяне въ старину считали псовъ животными нечистыми и гнушались ими (352).

Охота.

Дворъ его былъ великолѣпенъ. Василій умножилъ число сановниковъ онаго, прибавивъ къ нимъ *Оружничаго*, *Ловчихъ*, *Крайчаго* и *Рындъ* ([353]). *Крайчій* былъ тоже, что нынѣ Оберъ-Шенкъ; а *Рындами* именовались оруженосцы, молодые знатные люди, избираемые по красотѣ, нѣжной пріятности лица, стройному стану: одѣтые въ бѣлое атласное платье и вооруженные маленькими серебряными топориками, они ходили передъ Великимъ Княземъ, когда онъ являлся народу; стояли у трона и казались иноземцамъ подобіемъ Ангеловъ небесныхъ; а въ воинскихъ походахъ хранили доспѣхъ Государевъ.—Смиренный въ церкви—гдѣ, удаляя отъ себя многочисленныхъ Царедворцевъ, онъ стоялъ всегда одинъ, у стѣны, близъ дверей, опираясь на свой посохъ ([354])—Василій любилъ пышность во всѣхъ иныхъ торжественныхъ собраніяхъ, особенно въ пріемѣ иноземныхъ Пословъ. Чтобы они видѣли множество и богатство народа, славу и могущество Великаго Князя, для того, въ день ихъ представленія, запирались всѣ лавки, останавливались всѣ работы и дѣла: граждане въ лучшемъ своемъ платьѣ спѣшили къ Кремлю и густыми толпами окружали стѣны его. Изъ окрестныхъ городовъ призывали Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. Войско стояло въ ружьѣ. Чиновники за чиновниками, одни другихъ знатнѣе, выходили на встрѣчу къ Посламъ. Въ пріемной палатѣ, наполненной людьми, царствовало глубокое молчаніе. Государь сидѣлъ на тронѣ; близъ него, на стѣнѣ, висѣлъ образъ; передъ нимъ, съ правой стороны лежалъ *колпакъ*, съ лѣвой посохъ. Бояре сидѣли на скамьяхъ, въ одеждѣ усѣянной жемчугомъ, въ высокихъ *горлатныхъ* шапкахъ ([355]).—Обѣды Великокняжескіе продолжались иногда до самой ночи. Въ большой комнатѣ накрывались столы въ нѣсколько рядовъ. Подлѣ Государя занимали мѣсто братья его или Митрополитъ; далѣе Вельможи и чиновники, между коими угощались иногда и простые воины, отличные заслугами. Въ серединѣ, на высокомъ столѣ, сіяло множество золотыхъ сосудовъ, чашъ, кубковъ и проч. Первымъ блюдомъ были всегда жареные лебеди. Разносили кубки съ Мальвазіею и съ другими Греческими винами. Государь въ знакъ милости самъ къ нѣкоторымъ посылалъ кушанье:

дворъ.

обѣды.

тогда они вставали и кланялись ему; другіе также вставали, изъ учтивости къ нимъ: за что надлежало ихъ благодарить особенными поклонами. Для сокращенія времени гости могли свободно разговаривать другъ съ другомъ. Бесѣды веселыя, благочинныя, безъ принужденія, нравились Василію. Съ иноземцами говаривалъ онъ за обѣдомъ весьма ласково; называлъ ихъ Монарховъ великими; желалъ, чтобы они, утружденные дальнимъ путемъ, насладились въ Москвѣ отдохновеніемъ и собрали новыя силы для пути обратнаго; предлагалъ имъ вопросы, и проч. „Когда мы“ — пишетъ Францискъ да-Колло, Посолъ Максимиліановъ— „ночью возвращались домой изъ „Кремля, всѣ улицы были освѣщены такъ ярко, что ночь ка„залась днемъ“ ([356]). — Сверхъ даровъ, Посламъ ежедневно отпускалось въ изобиліи все для нихъ нужное; считалось за обиду, если они что нибудь покупали. Приставы смотрѣли имъ въ глаза, отвѣтствуя за малѣйшее неудовольствіе сихъ почетныхъ гостей.

Титулъ. Василій также, какъ и родитель его, назывался только Великимъ Княземъ всея Россіи, употребляя слѣдующій титулъ *въ сношеніяхъ съ Державами иноземными*: „Великій Го„сударь Василій, Божіею милостію Царь и Государь всея „Руси и Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новаго„родскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій „Вятскій, Болгарскій, и иныхъ; Государь и Великій Князь „Новагорода Низовской земли, и Черниговскій, и Рязанскій, „и Волоцкій, и Ржевскій, и Бѣльскій, и Ростовскій, и Яро„славскій, и Бѣлозерскій, и Удорскій, и Обдорскій, и Кондин„скій, и иныхъ“ ([357]). Іоаннъ на предложеніе Императора, дать ему Королевское достоинство, отвѣтствовалъ, какъ мы видѣли, гордо; а Василій на такое же предложеніе Папы Леона X не отвѣтствовалъ ни слова, вопреки баснямъ иностранныхъ Писателей, которые думали, что наши Великіе Князья издревле домогались Королевскаго титула.

Иноземцы въ Москвѣ. Слѣдуя во всемъ Іоанну, Василій старался привлекать иноземцевъ полезныхъ въ Россію. Кромѣ людей искусныхъ въ дѣлѣ воинскомъ, онъ первый изъ Великихъ Князей имѣлъ Нѣмецкихъ лекарей при Дворѣ. Мы упоминали о Люевѣ и Ѳеофилѣ: сей послѣдній былъ Любчанинъ, взятый въ плѣнъ

Воеводою Сабуровымъ въ Литвѣ. Магистръ Прусскій ходатайствовалъ о свободѣ его; но Великій Князь сказалъ, что сей Нѣмецъ лечитъ одного изъ нашихъ Вельможъ и долженъ прежде возвратить ему здоровье, а послѣ требовать отпуска въ свою землю ([358]). Волею или неволею Ѳеофилъ остался въ Москвѣ, гдѣ находился и третій знаменитый лекарь, родомъ Грекъ, именемъ Марко, коего жена и дѣти жили въ Царѣградѣ. Султанъ писалъ къ Великому Князю: „Отпусти Марка „къ его семейству; онъ заѣхалъ въ Россію единственно для „торговли;“ но Государь отвѣчалъ: „Марко издавна служитъ „мнѣ добровольно, и лечитъ моего Новогородскаго Намѣст„ника; пришли къ нему жену и дѣтей“ ([359]). Иноземцамъ съ умомъ и съ дарованіемъ легче было тогда въѣхать въ Россію, нежели выѣхать изъ нее.

Василій издалъ многіе законы для внутренняго благоуст- Законы. ройства государственнаго, которые, вмѣстѣ съ Уложеніемъ отца его, вошли въ Судебникъ Царя Іоанна Васильевича. На примѣръ, сей Великій Князь уставилъ, чтобы владѣльцы Тверскіе, Оболенскіе, Бѣлозерскіе и Рязанскіе не продавали отчинъ своихъ жителямъ другихъ областей; чтобы наслѣдники людей, отказавшихъ имѣніе монастырямъ, не выкупали онаго, если въ завѣщаніи не дано имъ право на сей выкупъ, и проч. ([360]). Жалованная Смоленская грамота велитъ Намѣстникамъ отдавать всякое поличное истцамъ, искоренять ябедниковъ и немедленно освобождать судимаго, представляющаго надежныхъ порукъ; дозволяетъ мѣщанамъ безъ явки рубить лѣсъ около города; запрещаетъ Боярамъ кабалить вольныхъ людей и держать корчмы; опредѣляетъ пошлину судную, мировую, брачную, *стадную*, *убойную* ([361]), и показываетъ намъ тогдашнюю многосложную, запутанную, мелочную систему казенныхъ доходовъ, изобрѣтенную въ вѣки невѣжества. Важное и любопытное судное постановленіе сдѣлано было Василіемъ въ Новѣгородѣ: узнавъ, что Намѣстники и Тіуны кривятъ душею въ рѣшеніи тяжбъ, онъ велѣлъ избрать тамъ 48 Цѣловальниковъ или Присяжныхъ, съ тѣмъ, чтобы сіи люди, достойные общаго уваженія, по очереди судили всѣ дѣла съ Тіунами ([362]). Для чего не распространилъ онъ столь мудр-

раго и благодѣтельнаго учрежденія на все Государство? Можетъ быть, другіе Россіяне еще не имѣли довольно гражданскаго ума и навыка: они молчали, а Новогородцы, вспоминая старину, жаловались и требовали. Самодержавіе не мѣшало Государю дать лучшимъ гражданамъ участіе въ судномъ правѣ.— Лѣтописцы хвалятъ еще Василія за утвержденіе тишины и безопасности въ Новѣгородѣ: онъ учредилъ тамъ пожарную и ночную стражу; велѣлъ, какъ и въ Москвѣ, замыкать ввечеру улицы рогатками, и совершенно прекратилъ воровство. Лишенные способа жить кражею и злодѣйствами, негодники ушли или обратились къ трудолюбію, выучились ремесламъ и сдѣлались людьми полезными ([363]).

Строенія.

При семъ Великомъ Князѣ построены четыре важныя крѣпости съ каменными стѣнами: въ Нижнемъ Новѣгородѣ, Тулѣ, Коломнѣ и Зарайскѣ; первую строилъ Петръ Фрязинъ: она еще цѣла. Коширу и Черниговъ укрѣпили только валомъ и деревянными башнями. Въ Москвѣ Фрязинъ Алевизъ обложилъ Кремлевскіе рвы кирпичемъ и выкопалъ нѣсколько прудовъ въ предмѣстіяхъ ([364]). Въ Новѣгородѣ, опустошенномъ пожарами, чиновники Великокняжескіе размѣрили улицы, площади, ряды на образецъ Московскихъ ([365]). — Изъ храмовъ, созданныхъ Василіемъ, до-нынѣ существуютъ въ Москвѣ Кремлевская церковь Св. Николая Гостунскаго (на томъ мѣстѣ, гдѣ была деревянная) и Дѣвичій монастырь, основанный въ знакъ благодарности ко Всевышнему за взятіе Смоленска. Государь изъ собственной казны своей отложилъ на то 3000 рублей (около шестидесяти тысячь нынѣшнихъ), кромѣ дворцовыхъ селъ и деревень, данныхъ сему монастырю ([366]). Главнымъ строителемъ церковнымъ былъ тогда Фрязинъ Алевизъ *Новый*. Довершивъ храмъ Михаила Архангела, Василій (въ 1507 году) перенесъ туда гробы своихъ предковъ, и самъ назначилъ себѣ могилу подлѣ родителя ([367]). Соборъ Успенскій былъ (въ 1515 году) украшенъ живописью, *чудною* и столь искусною, говорятъ Лѣтописцы, что Великій Князь, Святители и Бояре, вступивъ въ церковь, сказали: „мы видимъ небеса!“ Между иконописцами славился Россіянинъ Ѳедоръ Едикеевъ, который расписывалъ церковь Благовѣщенія,

соединенную съ новымъ, великолѣпнымъ дворцемъ, куда Василій перешелъ въ Маѣ 1508 году ([368]).

Церковная Исторія Василіева государствованія, кромѣ мни- церковныя дѣянія.
мой ереси Максима Грека въ исправленіи священныхъ книгъ, представляетъ не много достопамятныхъ случаевъ. Уже давно мощи Алексія Митрополита, по сказанію Лѣтописцевъ, исцѣляли недужныхъ; но въ 1519 году были священнымъ обрядомъ утверждены во славѣ чудотворенія. Митрополитъ Варлаамъ донесъ Государю, что многіе слѣпцы, съ усердіемъ лобызая раку Алексія, прозрѣли. Собралось все Духовенство и несмѣтное число людей при колокольномъ звонѣ. Объявили чудеса и доказательства оныхъ. Пѣли молебенъ надъ святымъ гробомъ: Великій Князь, обливаясь слезами умиленія, первый поклонился оному и восхвалилъ милость Неба, которая во дни его царствованія открыла *вторый источникъ* благодати и спасенія для Москвы. Свѣтло праздновали сей день, и Св. Алексій, въ народномъ мнѣніи, сталъ на ряду съ древнимъ Московскимъ Угодникомъ Божіимъ, Митрополитомъ Петромъ ([369]).

Не малымъ соблазномъ для Духовенства и мірянъ была тогдашняя ссора Архіепископа Новогородскаго, Серапіона, съ Св. Іосифомъ Волоцкимъ, за то, что сей послѣдній съ монастыремъ своимъ отложился отъ его вѣдомства къ Митрополіи ([370]). Великій Князь въ гнѣвѣ рѣшилъ Серапіона Епархіи, и Новогородцы, 17 лѣтъ не имѣвъ Святителя, съ радостію встрѣтили наконецъ знаменитаго Макарія, бывшаго Архимандрита Лужковскаго, согласно съ древнимъ обычаемъ поставленнаго къ нимъ въ Архіепископы. Лѣтописецъ ихъ славитъ сіе время какъ счастливѣйшее для его отчизны, гдѣ, молитвами ревностнаго Пастыря, вселилась тишина, сопутствуемая здравіемъ людей, обиліемъ и веселіемъ. Макарій первый учредилъ *общежительство* въ монастыряхъ Новогородскихъ и тѣмъ умножилъ вездѣ число Иноковъ, доставивъ имъ способъ жить безпечно: ибо прежде каждый изъ нихъ имѣлъ свое хозяйство, соединенное съ заботами. Строгій въ наблюденіи благочинія, онъ вывелъ Игуменовъ изъ всѣхъ женскихъ монастырей и далъ Инокинямъ Настоятельницъ; отличался также усердіемъ къ лѣпотѣ церковной: сдѣлалъ въ Софіи, на мѣсто

обветшалыхъ, новыя богатыя Царскія двери и великолѣпный амвонъ; росписалъ стѣны, обновилъ иконы, между которыми древнѣйшія были Греческія: Спасителя и Апостоловъ, Петра и Павла, *устроенныя* (какъ сказано въ лѣтописи) *изъ золота и серебра.*—Въ первые годы Макаріева Архіепископства Лапландскіе Поморяне, обитавшіе близъ устья рѣки Нивы и Кандалажской Губы, прислали старѣйшинъ къ Великому Князю, моля его дать имъ учителей Христіанскихъ; а Государь велѣлъ Макарію отправить туда Софійскаго Іерея съ Діакономъ, которые просвѣтили жителей истинною Евангельскою. Чрезъ нѣсколько лѣтъ еще отдаленнѣйшіе дикари, Лапландцы Кольскіе, изъявили Макарію желаніе креститься, и съ великимъ усердіемъ приняли Священниковъ. Такъ Россіяне, отъ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшихъ, насаждали Вѣру Спасителеву, не употребляя ни малѣйшаго принужденія. Но сіи люди полудикіе, уже вѣруя во Христа, еще держались старыхъ обычаевъ: въ Пятинѣ Вотской, въ Ижерѣ, около Иванагорода, Ямы, Копорья, Ладоги, Невы, до Каяніи и Лапландіи, на пространствѣ тысячи верстъ или болѣе, народъ еще обожалъ солнце, луну, звѣзды, озера, источники, рѣки, лѣса, камни, горы; имѣлъ жрецовъ, именуемыхъ Арбуями, и ходя въ церкви Христіанскія, не измѣнялъ и кумирамъ. Макарій, съ дозволенія Государева, послалъ туда умнаго Монаха, Илію, съ наставительною грамотою къ жителямъ, которые, увѣряя его въ ихъ ревности къ Христіанству, говорили, что они не смѣютъ коснуться своихъ идоловъ, хранимыхъ ужасными духами. Илія зажегъ мнимые лѣса священные, бросилъ въ воду кумиры, удивилъ народъ, и проповѣдію Слова Божія довершилъ торжество Христіанства. Лѣтописецъ сказываетъ, что пятилѣтніе младенцы помогали сему добродѣтельному Иноку сокрушать мольбища идолопоклонниковъ ([371]).—Замѣтимъ, что не только Чудь, но и самые Россіяне въ XVI вѣкѣ еще усердно слѣдовали нѣкоторымъ языческимъ обыкновеніямъ. Жители Псковской области 24 Іюня праздновали день Купала: собирали травы въ пустыняхъ и въ дубравахъ съ какими-то суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопеляхъ, на гудкахъ; молодыя жены, дѣвицы пля-

сали, обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе: о чемъ ревностный Игуменъ Елеазаровской Обители, старецъ Памфилъ, съ укоризною писалъ къ Намѣстнику и сановникамъ Пскова въ 1505 году ([372]).

Угнетенное игомъ невѣрныхъ и бѣдностію, Духовенство Греческое, какъ и прежде, искало утѣшенія и благодѣяній въ Россіи. Константинопольскій Патріархъ Θеолиптъ (въ 1518 году) присылалъ къ намъ Янинскаго Митрополита Григорія съ Аѳонскими Иноками, чтобы разжалобить Великаго Князя описаніемъ ихъ печальнаго состоянія. Благословляя Христіанскую добродѣтель Россіянъ, они выѣхали изъ Москвы съ богатыми дарами. Будучи въ дружбѣ съ Султаномъ, Государь и самъ посылалъ милостыню въ Грецію съ своими чиновниками ([373]).

При Василіи (въ 1509 году) былъ церковный Соборъ въ Литовской Россіи, въ Вильнѣ: Духовенство наше не имѣло участія въ ономъ. Кіевскій Митрополитъ Іосифъ съ семью Епископами уставили тамъ весьма строгіе законы для нравственности Священниковъ, взявъ мѣры, чтобы мірская власть не вмѣшивалась въ права Духовной. Дѣянія сего достопамятнаго Собора свидѣтельствуютъ, что Церковь Греческая пользовалася тогда въ Литвѣ свободою, независимостію, и была вѣрною кореннымъ уставамъ Православія ([374]).

Разныя бѣдствія.

Въ 27 лѣтъ Василіева государствованія Россія испытала немалыя физическія бѣдствія: отъ 1507 до 1509 года свирѣпствовала язва съ *желъзою* въ Новѣгородѣ, и въ одну осень схоронено тамъ 15,000 человѣкъ; зимою въ 1512 году во многихъ областяхъ люди умирали кашлемъ; въ 1521 и 1532 году было во Псковѣ ужасное повѣтріе, отъ коего всѣ государственные чиновники разбѣжались, и которое миновалось, по извѣстію Лѣтописцевъ, отъ употребленія Святой воды, присланной Архіепископомъ Макаріемъ, Великимъ Княземъ и Митрополитомъ. Тогда же и въ Новѣгородѣ умерло болѣе тысячи жителей *отъ прыщей* ([375]). Были чрезвычайныя засухи; пишутъ, что лѣтомъ въ 1525 году около четырехъ недѣль солнце и луна не показывались на небѣ отъ густой мглы; что въ 1533 году отъ 29 Іюня до Сентября не упало ни одной

дождевой капли на землю; что болота и ключи изсохли, лѣса горѣли: солнце тусклое, багровое, скрывалось за два часа до захожденія; люди въ день не распознавали другъ друга въ лице и задыхались отъ дымнаго смрада; путешественники, плаватели не видали пути; птицы не могли парить въ воздухѣ ([376]). Напротивъ того лѣтомъ въ 1518 году недѣль пять шли непрестанно сильные дожди: рѣки выступили изъ береговъ; поля залились водою; прервалось сообщеніе между городами и селами. Великій Князь торжественными молебствіями старался умилостивить небо: Дворъ и народъ постились ([377]).—Общій неурожай въ 1512 году произвелъ неслыханную дороговизну: бѣдные умирали съ голоду ([378]). Въ Сентябрѣ 1515 года Москва имѣла недостатокъ въ хлѣбѣ: не льзя было купить ни четверти ржи. Въ 1525 году все съѣстное продавалось тамъ въ десять разъ дороже обыкновеннаго ([379]).—Лѣтописцы жалуются на частые пожары (обвиняя въ томъ учрежденіе пороховыхъ заводовъ): въ Москвѣ, Псковѣ, особенно въ Новѣгородѣ, гдѣ (въ 1508 году) самыя каменныя палаты распадались отъ силы огня и сгорѣло 5314 человѣкъ ([380]).—Явленіе трехъ Кометъ (отъ 1531 до 1533 года) во всей Россіи приводило народъ въ ужасъ ([381]).

Великіе современники Василія.

Описавъ дѣянія и случаи сего времени, напомнимъ Читателю, что оно, будучи достопамятно для Россіи благоразуміемъ ея Правленія, славно въ лѣтописяхъ Европы *во-первыхъ* рѣдкимъ собраніемъ Вѣнценосцевъ знаменитыхъ дѣлами и характеромъ, *во-вторыхъ* важнымъ Церковнымъ преобразованіемъ. Не многіе вѣки хвалятся такими Государями *современными*, каковы были Максимиліанъ, Карлъ V, Людовикъ XII, Францискъ I, Селимъ, Солиманъ, Генрикъ VIII, Густавъ Ваза: можемъ прибавить къ нимъ и Папу Леона X, и врага нашего, Сигизмунда. Всѣ они, за исключеніемъ Англійскаго и Французскихъ Королей, находились въ сношеніяхъ съ Василіемъ, ихъ достойнымъ современникомъ; всѣ имѣли умъ и дарованія отличныя. Но была ли счастлива Европа? Видимъ, какъ обыкновенно, необузданность властолюбія, зависть, козни, битвы и бѣдствія: ибо не одинъ умъ, но умъ и страсти дѣйствуютъ на театрѣ міра. Ужасаемая могуществомъ Оттоманской

Имперіи, волнуемая бореніемъ Франціи съ силами Испаніи и Австріи, Европа въ тоже время была потрясена Церковнымъ мятежемъ, который скоро сдѣлался государственнымъ. Уже духовная власть, или Папская, очерненная многими злоупотребленіями, давно слабѣла въ Западныхъ Державахъ, но упорствовала въ своихъ гордыхъ требованіяхъ, и не хотѣла обратиться къ истинному Духу Христіанства, вопреки успѣхамъ просвѣщенія. Явился бѣдный Инокъ, Мартинъ Лютеръ, который, свергнувъ съ себя монашескую одежду, и держа въ рукѣ Евангеліе, смѣлъ назвать Папу Антихристомъ: уличалъ его въ обманахъ, въ корыстолюбіи, въ искаженіи Святыни, и не смотря на Церковныя клятвы, Соборы и гнѣвъ Карла V, основалъ новую Вѣру, хотя также на Евангельскомъ ученіи, но съ отверженіемъ многихъ важныхъ, значительныхъ обрядовъ, введенныхъ въ самомъ началѣ Христіанства и безъ сомнѣнія полезныхъ: ибо люди имѣютъ не только разумъ, но и воображеніе, не менѣе перваго дѣйствующее на сердце. Обнаживъ Богослуженіе, лишивъ оное торжественности, и какъ бы закрывъ для мысли небо, куда взоръ и духъ молящихся устремляются отъ велелѣпія Олтарей, отъ таинственнаго священнодѣйствія Литургіи, сей рѣшительный преобразователь удовольствовался одною нравственною проповѣдію; оказалъ еще болѣе ненависти къ Риму, нежели усердія къ Сіону; ссылаясь единственно на Христа и Апостоловъ, не подражалъ имъ въ кротости: подвергая догматы Церкви суду ума, говорилъ языкомъ страстей, и лишивъ Папу Духовной власти во многихъ земляхъ Германіи, въ трехъ Сѣверныхъ Королевствахъ, въ бывшихъ владѣніяхъ Нѣмецкаго Ордена и въ Ливоніи, самъ представлялъ лице начальника Церковнаго, обязанный своимъ торжествомъ не фанатизму народному, а земнымъ расчетамъ Правителей: удерживая имя Христіанъ и Святыню Евангелія, новымъ Исповѣданіемъ они свергали съ себя иго зависимости отъ гордаго, взыскательнаго, корыстолюбиваго Рима; присоединяли дани и пошлины Церковныя къ своимъ доходамъ, и могли въ дѣлахъ совѣсти уже не бояться Духовнаго запрещенія. Многіе толкователи всемірныхъ происшествій говорятъ о Лютеранской Вѣрѣ какъ о великомъ благодѣяніи для че-

Расколъ Лютеровъ.

ловѣчества: она неоспоримо способствовала успѣхамъ просвѣщенія и лучшей нравственности, соединенной съ оными; но первымъ ея слѣдствіемъ были кровопролитія и новыя Секты Христіанскія, отчасти вредныя для самыхъ Правительствъ и спокойствія гражданскаго ([382]). Генрикъ VIII, написавъ книгу противъ Лютера, самъ послѣдовалъ его примѣру: оставилъ Римское Исповѣданіе и сдѣлался Главою Англиканскаго, связавъ оное крѣпкимъ узломъ съ пользою Королевской власти, и давъ себѣ волю удовлетворять своему гнусному любострастію перемѣною женъ. Однимъ словомъ, если враги Латинской Церкви справедливо винили ее въ невѣрности къ истинному Христіанству, то и ревностные Католики по совѣсти могли винить ихъ въ лицемѣріи, въ обманахъ и въ беззаконіи.

Сія важная перемѣна Церковная не укрылась отъ вниманія нашихъ современныхъ Богослововъ: объ ней разсуждали въ Москвѣ, и Грекъ Максимъ написалъ *Слово о Лютеровой ереси*, гдѣ, не хваля мірскаго властолюбія Папъ, строго осуждаетъ новости въ Законѣ, внушаемыя страстями человѣческими ([383]).

ГЛАВА IV.

Состояніе Россіи.

Г. 1462—1533.

Правленіе. Войско. Правосудіе. Торговля. Деньги. Бережливость Государей. Дороги и почта. Москва. Свойства и обычаи. Великокняжеская свадьба. Въѣздъ Пословъ. Иноземцы. Словесность. Извѣстія о Востокѣ и Сѣверѣ Россіи.

Въ сіе время отечество наше было *какъ бы новымъ свѣтомъ, открытымъ* Царевною Софіею для знатнѣйшихъ Европейскихъ Державъ. Въ слѣдъ за нею Послы и путешественники являясь въ Москвѣ, съ любопытствомъ наблюдали физическія и нравственныя свойства земли, обычаи Двора и народа; записывали свои примѣчанія и выдавали оныя въ книгахъ, такъ, что уже въ первой половинѣ XVI вѣка состояніе и самая древняя Исторія Россіи были извѣстны въ Германіи и въ Италіи. Контарини, Павелъ Іовій, Франциск да-Колло, въ особенности Герберштеинъ старались дать современникамъ ясное, удовлетворительное понятіе о сей новой Державѣ, которая вдругъ обратила на себя вниманіе ихъ отечества.

Ничто не удивляло такъ иноземцевъ, какъ Самовластіе Государя Россійскаго и легкость употребляемыхъ имъ средствъ для управленія землею. „Скажетъ, и сдѣлано,“ говоритъ Баронъ Герберштеинъ: „жизнь, достояніе людей, мірскихъ и „духовныхъ, Вельможъ и гражданъ, совершенно зависитъ отъ „его воли. Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ въ „дѣлахъ Божества: ибо Русскіе увѣрены, что Великій Князь „есть исполнитель воли Небесной. Обыкновенное слово ихъ: „*такъ угодно Богу и Государю; вѣдаетъ Богъ и Государь*. Усердіе сихъ людей невѣроятно. Я видѣлъ одного „изъ знатныхъ Великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго По„сломъ въ Испаніи, сѣдаго старца, который, встрѣтивъ насъ „при въѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ „какъ молодой человѣкъ; потъ градомъ текъ съ лица его. „Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко сказалъ: „*ахъ, Господинъ Баронъ! мы служимъ Государю не „по вашему!* Не знаю, свойство ли народа требовало для „Россіи такихъ Самовластителей, или Самовластители *дали*

Правленіе.

„народу такое свойство“ (384). Безъ сомнѣнія *дали*, чтобы Россія спаслась и была великою Державою. Два Государя, Іоаннъ и Василій, умѣли навѣки рѣшить судьбу нашего Правленія и сдѣлать Самодержавіе какъ бы необходимою принадлежностію Россіи, единственнымъ уставомъ Государственнымъ, единственною основою цѣлости ея, силы, благоденствія. Сія неограниченная власть Монарховъ казалась иноземцамъ *Тираніею*: они въ легкомысленномъ сужденіи своемъ забывали, что *Тираннія* есть только злоупотребленіе Самодержавія, являясь и въ Республикахъ, когда сильные граждане или сановники утѣсняютъ общество. Самодержавіе не есть отсутствіе законовъ: ибо гдѣ *обязанность*, тамъ и *законъ*: никто же и никогда не сомнѣвался въ обязанности Монарховъ блюсти счастіе народное.

Войско. Сіи иноземные наблюдатели сказываютъ, что Великій Князь, будучи для подданныхъ образомъ Божества, превосходя всѣхъ иныхъ Вѣнценосцевъ въ *нравственномъ могуществѣ*, не уступалъ никому изъ нихъ и въ воинскихъ силахъ, имѣя *триста тысячь* Боярскихъ Дѣтей и *шестьдесятъ тысячь* сельскихъ ратниковъ, коихъ содержаніе ему ничего или мало стоило: ибо всякой Боярскій Сынъ, надѣленный отъ Казны землею, служилъ безъ жалованья, кромѣ самыхъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ, и кромѣ Литовскихъ Нѣмецкихъ пѣхотныхъ воиновъ, числомъ менѣе двухъ тысячь. Конница составляла главную силу; пѣхота не могла дѣйствовать въ степяхъ противъ непріятелей конныхъ. Оружіемъ были лукъ, стрѣлы, сѣкира, кистень, длинный кинжалъ, иногда мечь, копье. Знатнѣйшіе имѣли кольчуги, латы, нагрудники, шлемы. Пушки не считались весьма нужными въ полѣ: вылитыя Италіянскими художниками для защиты и осады городовъ, онѣ стояли неподвижно въ Кремлѣ на лафетахъ. Въ битвахъ мы надѣялись болѣе на силу, нежели на искусство; обыкновенно старались зайти въ тылъ непріятелю, окружить его, вообще дѣйствовать издали, не въ рукопашь; а когда нападали, то съ ужаснымъ стремленіемъ, но непродолжительнымъ. „Они“ — пишетъ Герберштейнъ — „въ быстрыхъ своихъ нападеніяхъ какъ бы говорятъ „непріятелю: *бѣги, или мы сами побѣжимъ*! И въ обще„житіи и въ войнѣ народы удивительно разнствуютъ между

„собою. Татаринъ, сверженный съ коня, обагренный кровію, „лишенный оружія, еще не сдается въ плѣнъ: машетъ руками. „толкаетъ ногою, грызетъ зубами. Турокъ, видя слабость свою, „бросаетъ саблю и молитъ побѣдителя о милосердіи. Гонись „за Русскимъ: онъ уже не думаетъ обороняться въ бѣгствѣ; „но никогда не требуетъ пощады. Коли, руби его: молчитъ и падаетъ“.—Щадя людей и худо употребляя снарядъ огнестрѣльный, мы рѣдко брали города приступомъ, надѣясь изнурить жителей долговременною осадою и голодомъ. Располагались станомъ обыкновенно вдоль рѣки, не далеко отъ лѣса, въ мѣстахъ пастбенныхъ. Одни чиновники имѣли наметы; воины строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и крыли ихъ подсѣдельными войлоками, въ защиту отъ дождя. Обозовъ почти не было: возили все нужное на вьючныхъ лошадяхъ. Каждый воинъ бралъ съ собою въ походъ нѣсколько фунтовъ толокна, ветчины, соли, перцу; самые чиновники не знали иной пищи, кромѣ Воеводъ, которые иногда давали имъ вкуснѣйшіе обѣды. Полки имѣли своихъ музыкантовъ или трубачей. На Великокняжескихъ знаменахъ изображался Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце.—Въ каждомъ полку особенные сановники записывали имена храбрыхъ и малодушныхъ, означая первыхъ для благоволенія Государева и наградъ, а другихъ для его немилости или общественнаго стыда.—Молодые люди обыкновенно готовили себя къ воинской службѣ богатырскими играми: выходили въ поле, стрѣляли въ цѣль, скакали на коняхъ, боролись, и побѣдителямъ была слава ([385]).

Правосудіе.

Хваля ясность, простоту нашихъ законовъ и суда, не имѣвшихъ нужды ни въ толкователяхъ, ни въ стряпчихъ—не менѣе хваля и Василіеву любовь къ справедливости—иноземцы замѣчали однакожь, что богатый рѣже бѣднаго оказывался у насъ виновнымъ въ тяжбахъ; что судьи не боялись и не стыдились за деньги кривить душею въ своихъ рѣшеніяхъ. Однажды донесли Василію, что судья Московскій, взявъ деньги съ истца и съ отвѣтчика, обвинилъ того, кто ему далъ менѣе. Великій Князь призвалъ его къ себѣ. Судья не запирался, и съ видомъ невиннаго отвѣтствовалъ: „Государь! „я всегдо вѣрю лучше богатому, нежели бѣдному“, разумѣя,

что первому менѣе нужды въ обманахъ и въ чужомъ. Василій улыбнулся, и корыстолюбецъ остался по крайней мѣрѣ безъ тяжкаго наказанія.—Не только законодательная, но и судная власть, какъ въ самую глубокую древность, принадлежала единственно Государю: всѣ другіе судьи были только его временными или чрезвычайными повѣренными, отъ Великокняжескихъ Думныхъ Совѣтниковъ до Тіуновъ сельскихъ. Государь не рѣдко уничтожалъ ихъ приговоры. Они не могли лишить жизни ни крестьянина, ни раба или холопа. Мірская власть наказывала и Духовныхъ. Иногда Митрополитъ жаловался на уголовныхъ судей, которые приговаривали Священниковъ къ кнуту и къ висѣлицѣ; судьи отвѣчали: „казнимъ „не Священниковъ, а негодяевъ, по древнему уставу нашихъ отцевъ“.—Въ сочиненіи Іовія и Герберштейна находимъ первое извѣстіе о жестокихъ судныхъ пыткахъ, коими заставляли у насъ преступниковъ виниться въ ихъ злодѣяніяхъ: воровъ били по пятамъ; разбойникамъ капали сверху на голову и на все тѣло самую холодную воду и вбивали деревянныя спицы за ногти ([386]). Обыкновеніе ужасное, данное намъ Татарскимъ игомъ вмѣстѣ съ кнутомъ и всѣми тѣлесными, мучительными казнями.

Торговля.

Торговля сего времени была въ цвѣтущемъ состояніи. Къ намъ привозили изъ Европы серебро въ слиткахъ, сукна, сученое золото, мѣдь, зеркала, ножи, иглы, кошельки, вина; изъ Азіи шелковыя ткани, парчи, ковры, жемчугъ, драгоцѣнные каменья; отъ насъ вывозили въ Нѣмецкую землю мѣха, кожи, воскъ; въ Литву и въ Турцію мѣха и моржовые клыки; въ Татарію сѣдла, узды, холсты, сукна, одежду, кожи, въ обмѣнъ на лошадей Азіатскихъ. Оружіе и желѣзо не выпускалось изъ Россіи. Въ Москву ѣздили Польскіе и Литовскіе купцы; Датскіе, Шведскіе и Нѣмецкіе торговали въ Новѣгородѣ; Азіатскіе и Турецкіе на Мологѣ, гдѣ существовалъ прежде Холопій городокъ, и гдѣ находилась тогда одна церковь. Сія ярмонка еще славилась своею знатною мѣною. Иноземцы обязывались показывать товары свои въ Москвѣ Великому Князю: онъ выбиралъ для себя, что ему нравилось; платилъ деньги и дозволялъ продажу остальныхъ. Пряныя зелія, шелковыя ткани и многія иныя вещи были у насъ дешевы

въ сравненіи съ ихъ цѣною въ Германіи. Лучшіе мѣха шли изъ земли Печорской и Сибири. Платили иногда за соболя 20 и 30 золотыхъ флориновъ, за черную лисицу (употребляемую на Боярскія шапки) пятнадцать. Весьма уважались и бобры: ими опушивали нарядныя платья. Волчьи мѣха были дороги, рысьи дешевы. Горностай стоилъ три или четыре, бѣлка двѣ деньги и менѣе.—Съ товаровъ ввозимыхъ и вывозимыхъ брали въ казну пошлины, семь денегъ съ рубля, а за воскъ четыре деньги съ пуда сверхъ цѣны онаго. Россія считалась въ Европѣ землею изобильнѣйшею дикимъ или бортевымъ медомъ.—Монастырь Троицкій въ Смоленской области, на берегу Днѣпра, былъ главнымъ пристанищемъ для купцевъ Литовскихъ: они жили тамъ въ гостинницахъ и грузили товары, покупаемые ими въ Россіи для отправленія въ ихъ землю.—Нѣкоторыя мѣста особенно славились своими произведеніями для внутренней торговли: на примѣръ, Калуга деревянною, красивою посудою, Муромъ вкусною рыбою, Переславль сельдями, а еще болѣе Соловки, гдѣ находились лучшія соляныя варницы.—Многія судоходныя рѣки облегчали перевозъ товаровъ; но Россія еще не имѣла морей, кромѣ Сѣвернаго Океана, къ коему она примыкала своими полунощными, хладными пустынями. Иногда не большія суда ходили отъ устья Двины Бѣлымъ моремъ мимо Святаго Носа, Семи Острововъ и Шведской Лапландіи въ Норвегію и въ Данію. Симъ путемъ Датскій Посолъ возвращался изъ Москвы въ Норвегію съ нашимъ толмачемъ Истомою. Другой толмачъ, именемъ Власій, плылъ Сухоною, Югомъ и Двиною до Бѣлаго моря, чтобы ѣхать оттуда въ Копенгагенъ. Сіе плаваніе считалось весьма опаснымъ и затруднительнымъ: купцы Скандинавскіе не смѣли ввѣрять оному своихъ товаровъ и держались Новагорода.—Любопытно знать, что Россіяне уже имѣли тогда свѣдѣніе о Китаѣ, и думали, что можно Сѣвернымъ Океаномъ достигнуть береговъ сей отдаленной Имперіи ([387]).

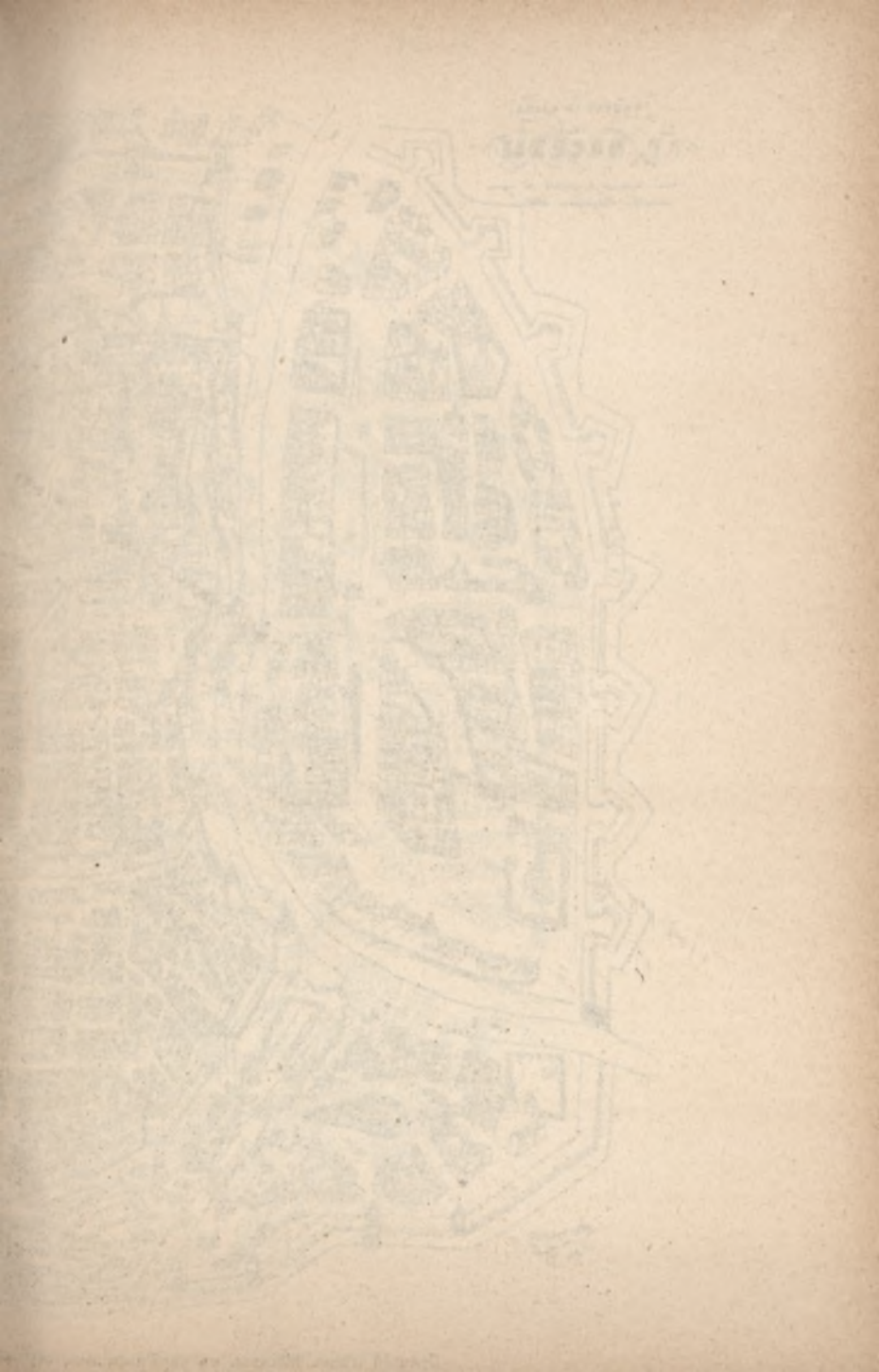
Деньги.

Въ Россіи ходили серебряныя и мѣдныя деньги: Московскія, Тверскія, Псковскія, Новогородскія; серебряныхъ считалось 200 въ рублѣ (который стоилъ два червонца), а мѣдныхъ *пулъ* 1200 въ гривнѣ. Новогородскія деньги имѣли

почти двойную цѣну: ихъ было только 140 въ рублѣ. На сихъ монетахъ изображался Великій Князь, сидящій въ креслахъ и другой человѣкъ, склоняющій предъ нимъ голову; на Псковскихъ голова въ вѣнцѣ; на Московскихъ всадникъ съ мечемъ: *новыя* были цѣною въ половину менѣе старыхъ. Золотыя деньги ходили только иностранныя: Венгерскіе червонцы, Римскіе гулдены и Ливонскія монеты, коихъ цѣна перемѣнялась.— Всякой серебреникъ билъ и выпускалъ монету. Правительство наблюдало, чтобы сіи *денежники* не обманывали въ вѣсѣ и чистотѣ металла. Государь не запрещалъ вывозить монету изъ Россіи, однакожь хотѣлъ, чтобы мы единственно мѣнялось товарами съ иноземцами, а не покупали ихъ на деньги.— Вмѣсто нынѣшняго *ста*, обыкновеннымъ торговымъ счетомъ было *сорокъ* и *девяносто;* говорили: *сорокъ*, *два сорока*, или *девяносто*, *два девяноста* (388), и проч.

Успѣхи торговли болѣе и болѣе умножали доходы Государевы. Современники славятъ богатство и бережливость Василія. Главная казна его хранилась на Бѣлѣозерѣ и въ Вологдѣ, какъ въ безопаснѣйшихъ и недоступныхъ для непріятеля мѣстахъ, окруженныхъ лѣсами и болотами непроходимыми (389). „Удивительно ли“ — пишутъ иноземцы — „что Великій Князь „богатъ? онъ не даетъ денегъ ни войску, ни посламъ, и даже „беретъ у нихъ, что они вывозятъ драгоцѣннаго изъ чужихъ „земель: такъ Князь Ярославскій, возвратясь изъ Испаніи, „отдалъ въ казну всѣ тяжелыя золотыя цѣпи, ожерелья, бо„гатыя ткани, серебряные сосуды, подаренные ему Импе„раторомъ и Фердинандомъ Австрійскимъ. Сіи люди не жалу„ются, говоря: *Великій Князь возьметъ*, *Великій Князь „и наградитъ* (390)“. Не тѣмъ безъ сомнѣнія Іоаннъ и Василій богатѣли, что не давали серебромъ жалованья войску (ибо помѣстья стоили серебра) и не тѣмъ, что брали иногда у Пословъ вещи, которыя имъ отмѣнно нравились; но мудрою бережливостію, точнымъ соображеніемъ предпріятій съ государственными способами, запасомъ на случай нужды: правило важное для благоденствія Державъ. Карлъ V съ сокровищами Новаго Свѣта часто не имѣлъ денегъ, а Великіе Князья наши могли хвалиться богатствомъ, издерживая менѣе, нежели получая.

Бережливость Государей.



Древній планъ Москвы, съ укрѣпленіями, окружающими Кремль, Китай-городъ и Бѣлый городъ.

Не смотря на дѣятельность торговли, Россіи казалась путешественникамъ малонаселенною въ сравненіи съ иными Европейскими странами: рѣдкія жительства, степи, дремучіе лѣса, худыя, пустынныя, уединенныя дороги свидѣтельствовали, что сія Держава была еще новою въ гражданскомъ образованіи. Съ ужасомъ говоря о нашихъ распутицахъ, тлѣнныхъ мостахъ, опасностяхъ, неудобствахъ въ пути, чужестранцы хвалятъ исправность и скорость нашей почты: изъ Новагорода въ Москву пріѣзжали они въ 72 часа, платя 6 денегъ за 20 верстъ. Лошадей было множество на учрежденныхъ ямахъ: кто требовалъ десяти или двѣнадцати, тому приводили сорокъ или пятьдесятъ. Усталыхъ кидали на дорогѣ; брали свѣжихъ въ первомъ селеніи или у проѣзжихъ ([391]). Дороги и почта.

Чѣмъ ближе къ столицѣ, тѣмъ болѣе селеній и людей встрѣчалось глазамъ путешественника. Все оживлялось: на дорогѣ обозы, вокругъ частыя поля, луга, представляли картину человѣческой дѣятельности. Необозримая Москва величественно возвышалась на равнинѣ съ блестящими куполами своихъ несмѣтныхъ храмовъ, съ красивыми башнями, съ бѣлыми стѣнами Кремлевскими, съ рѣдкими каменными домами, окруженными темною грудою деревянныхъ зданій, среди зеленыхъ садовъ и рощей. Окрестные монастыри казались маленькими, прелестными городками. Въ слободахъ жили кузнецы и другіе ремесленники, которые непрестаннымъ употребленіемъ огня могли быть опасны въ сосѣдствѣ: разселенные на большомъ пространствѣ, они сѣяли хлѣбъ и косили траву предъ ихъ домами, на обѣихъ сторонахъ улицы. Одинъ Кремль считался городомъ: всѣ иныя части Москвы, уже весьма обширной, назывались предмѣстіями, ибо не имѣли никакихъ укрѣпленій, кромѣ рогатокъ. На крутоберегой Яузѣ стояло множество мельницъ. Неглинная, будучи запружена, уподоблялась озеру и наполняла водою ровъ Кремлевскій. Нѣкоторыя улицы были тѣсны и грязны; но сады вездѣ чистили воздухъ, такъ, что въ Москвѣ не знали никакихъ заразительныхъ болѣзней, кромѣ наносныхъ. Въ 1520 году, какъ пишутъ, находилось въ ней 41,500 домовъ, исчисленныхъ по указу Великаго Князя; а сколько жителей, не извѣстно: но можно полагать ихъ гораздо за 100,000. Въ Кремлѣ, въ разныхъ улицахъ, въ огромныхъ деревянныхъ домахъ (между многими, отчасти также деревян- Москва.

ными церквами) жили знатнѣйшіе люди: Митрополитъ, Князья, Бояре. Гостиный дворъ (тамъ же, гдѣ и нынѣ, на площади Китая-города) обнесенный каменною стѣною, прельщалъ глаза не красотою лавокъ, но богатствомъ товаровъ, Азіатскихъ и Европейскихъ. Зимою хлѣбъ, мясо, дрова, лѣсъ, сѣно, обыкновенно продавались на Москвѣ-рѣкѣ, въ лавкахъ или въ шалашахъ ([392]).

Природныя, гражданскія свойства и обычаи.

Наши свойства казались наблюдателямъ и худыми, и добрыми; обычаи—любопытными и странными. Контарини пишетъ, что Москвитяне толпятся съ утра до обѣда на площадяхъ, на рынкахъ, а заключаютъ день въ питейныхъ домахъ: глазѣютъ, шумятъ, а дѣла не дѣлаютъ. Герберштейнъ напротивъ того съ удивленіемъ видѣлъ ихъ работающихъ въ праздники. Въ будни запрещалось имъ пить; одни иноземные воины, служа Государю за деньги, имѣли право быть невоздержными въ употребленіи хмѣльнаго: для чего слобода за Москвою-рѣкою, гдѣ они жили, именовалась *Налейками*, отъ слова *наливай*. Великій Князь Василій, опасаясь дѣйствій худаго примѣра, не дозволялъ своимъ подданнымъ жить вмѣстѣ съ ними. У всякой рогатки на улицахъ стоялъ караулъ: никто не смѣлъ ходить ночью безъ особенной важной причины и безъ фонаря. Тишина царствовала въ городѣ. Замѣчали, что Россіяне не злы, не сварливы, терпѣливы, но склонны (особенно Москвитяне) къ обманамъ въ торговлѣ. Славили древнюю честность Новогородцевъ и Псковитянъ, которые тогда уже начинали измѣняться въ характерѣ. Пословица: *товаръ лицемъ продать*, служила уставомъ въ купечествѣ. Лихоимство не считалось стыдомъ: ростовщики брали обыкновенно 20 на 100, и еще хвалились умѣренностію: ибо въ древнія времена должники платили у насъ 40 на 100 ([393]).

„Рабство, несовмѣстное съ душевнымъ благородствомъ, было (по словамъ Герберштейна) общимъ въ Россіи: ибо и самые „Вельможи назывались *холопями* Государя“; но имя не вещь: оно изображало только неограниченную преданность Россіянъ къ Монарху; а въ самомъ дѣлѣ народъ пользовался гражданскою свободою. Рабами были единственно крѣпостные холопи, или дворовые, или сельскіе, потомки людей купленныхъ, военноплѣнныхъ, закономъ лишенныхъ вольности ([394]). Въ XI вѣкѣ они не имѣли у насъ ни гражданскихъ, ни человѣческихъ

правъ (такъ и въ древнемъ Римѣ): господинъ могъ располагать ими какъ собственностію, какъ *вещію;* могъ своевольно отнимать у нихъ жизнь, никому не отвѣтствуя. Но въ сіе время — или въ XVI вѣкѣ — уже одна государственная власть смертію казнила холопа, слѣдственно уже *человѣка, уже гражданина покровительствуемаго закономъ* (395). Здѣсь видимъ успѣхъ нравственности и дѣйствіе лучшихъ гражданскихъ понятій. Вообще судьба сихъ природныхъ рабовъ не казалась имъ тяжкою: ибо многіе изъ нихъ, освобождаемые по духовнымъ завѣщаніямъ, немедленно искали себѣ новыхъ господъ и шли къ нимъ въ кабалу или въ новую крѣпость, не для того, чтобы не находили способа жить своими трудами (ибо хорошій поденщикъ въ Москвѣ выработывалъ съ утра до вечера двѣ деньги или около двадцати копѣекъ нынѣшнихъ), но для того, что любили домашнюю легкую службу и безпечность: рабъ-отецъ не заботился о многочисленномъ семействѣ, не боялся ни старости, ни болѣзни. Законъ молчалъ о должности господъ: общее мнѣніе предписывало имъ человѣколюбіе и справедливость; тираномъ гнушались какъ безчестнымъ гражданиномъ; никто изъ вольныхъ людей не хотѣлъ итти къ нему въ услуженіе; именемъ его бранились на площадяхъ (396). Гораздо несчастнѣе холопства было состояніе земледѣльцевъ свободныхъ, которые, нанимая землю въ помѣстьяхъ или въ отчинахъ у Дворянъ, обязывались трудиться для нихъ свыше силъ человѣческихъ, не могли ни двухъ дней въ недѣлѣ работать на себя (397), переходили къ инымъ владѣльцамъ и обманывались въ надеждѣ на лучшую долю: ибо временные, корыстолюбивые господа или помѣщики нигдѣ не жалѣли, не берегли ихъ для будущаго. Государь могъ бы отвести имъ степи, но не хотѣлъ того, чтобы помѣстья не опустѣли, и сей многочисленный родъ людей, обогащая другихъ, самъ только-что не умиралъ съ голоду: старецъ, бездомокъ отъ юности, изнуривъ жизненныя силы въ работѣ наемника, при дверяхъ гроба не зналъ, гдѣ будетъ его могила. Бѣдность раждаетъ презрѣніе: въ старину называли у насъ земледѣльцевъ *смердами:* въ XVI вѣкѣ *крестьянами*, то есть *Христіанами*, но въ худомъ, варварскомъ смыслѣ: ибо долговременные наши тираны, Батыевы Моголы, поносили Россіянъ симъ именемъ. — Вѣроятно,

что многіе земледѣльцы шли тогда въ кабалу къ Дворянамъ; по крайней мѣрѣ знаемъ, что многіе отцы продавали своихъ дѣтей, не имѣя способа кормиться. Сынъ могъ быть нѣсколько разъ проданъ отцемъ; но въ четвертый разъ отпущенный господиномъ на волю, уже зависѣлъ единственно отъ себя.

Здѣсь представляется любопытный вопросъ: не уже ли никогда не бывало въ Россіи крестьянъ-*владѣльцевъ?* По крайней мѣрѣ не знаемъ, когда они были. Видимъ, что Князья, Бояре, воины и купцы—то есть, *городскіе жители*—искони владѣя землями, отдавали ихъ въ наемъ крестьянамъ свободнымъ. Всякая область принадлежала городу; всѣ ея земли считались какъ бы законною собственностію его жителей, древнихъ господъ Россіи, купившихъ, вѣроятно, сіе право мечемъ, въ такое время, до коего не восходятъ лѣтописи, ни преданія. Но крестьяне, платя дань или оброкъ владѣльцамъ, имѣли свободу личную и движимую собственность.

Не только Бояре знатные, но и самые простые, бѣдные Дворяне казались спесивыми, недоступными. Къ первымъ никто не смѣлъ въѣхать на дворъ: оставляли лошадей у воротъ. Благородные стыдились ходить пѣшкомъ и не имѣли знакомства съ мѣщанами, опасаясь тѣмъ унизиться. Они вообще любили сидячую жизнь и не понимали, какъ можно заниматься дѣлами стоя или ходя. Молодыя женщины были совершенными затворницами: боялись показываться чужимъ людямъ, и въ церковь ходили рѣдко; дома шили, пряли. Одна забава считалась для нихъ позволенною: качели. Богатыя не пеклися о домашнемъ хозяйствѣ, которое лежало единственно на слугахъ и служанкахъ. Бѣдныя по неволѣ трудились; но самая бѣднѣйшая, готовя для себя кушанье, не могла умертвить никакого животнаго: стояла у воротъ съ курицею или съ уткою и просила мимоходящихъ, чтобы они закололи сію птицу ей на обѣдъ. — Не смотря на строгое заключеніе женъ, бывали, какъ и вездѣ, примѣры невѣрности, тѣмъ естественнѣе, что взаимная любовь не участвовала въ бракахъ, и что мужья-Дворяне, находясь въ Государевой службѣ, рѣдко живали дома. Не женихъ обыкновенно сватался за невѣсту, но отецъ ея выбиралъ себѣ зятя и говорилъ о томъ съ отцемъ его. Назначали день свадьбы, а будущіе супруги еще не знали

другъ друга въ глаза. Когда нетерпѣливый женихъ домогался видѣть невѣсту, то родители ея всегда отвѣчали ему: „спроси „у добрыхъ людей, какова она?“ Приданое состояло въ одеждѣ, въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ, въ слугахъ, въ коняхъ и проч.; а что родственники и пріятели дарили невѣстѣ, то мужъ долженъ былъ послѣ свадьбы возвращать имъ или платить деньгами. Герберштеинъ первый сказалъ, что жена Россіянка не увѣрена въ любви супруга безъ частыхъ отъ него побоевъ: сіе вошло въ пословицу, хотя могло быть только отчасти истиною, объясняемою для насъ древними обычаями Славянскими и грубою нравственностію временъ Батыева ига ([398]).

Спесивые противъ бѣдныхъ мѣщанъ, Дворяне и богатые купцы были гостепріимны и вѣжливы между собою. Гость, входя въ комнату, глазами искалъ святыхъ образовъ, шелъ къ нимъ, крестился, и нѣсколько разъ сказавъ въ слухъ: *Господи помилуй!* обращался къ хозяину съ привѣтствіемъ: *дай Боже тебѣ здравія!* Они цѣловались, кланялись другъ другу, и чѣмъ ниже, тѣмъ лучше; переставали и снова начинали кланяться; садились, бесѣдовали, и гость, взявъ шапку, шелъ опять къ образамъ; хозяинъ провожалъ его до крыльца, а любимаго до самыхъ воротъ. Подчивали пріятелей медомъ, пивомъ, винами иноземными: Романеею, Мушкателемъ, Канарскимъ, бѣлымъ Рейнскимъ; лучшимъ считалась Мальвазія, употребляемая однакожь болѣе въ лекарство и во дворцѣ, за Великокняжескою трапезою. Ужиновъ не знали: обѣды были изобильные и вкусные для самыхъ иноземцевъ, которые дивились у насъ множеству и дешевизнѣ всякаго скота, рыбы, птицъ, дичины, добываемой охотою псовою, соколиною, тенетами. Вообще роскошь тогдашняя состояла въ избыткѣ обыкновенныхъ, дешевыхъ вещей; умѣли хвалиться ею не разоряясь; бережливость не славилась добродѣтелію, ибо казалась естественною людямъ, которые еще не вѣдали прелестей изнѣженнаго вкуса. Дорогія одежды означали первостепенныхъ государственныхъ сановниковъ: если не законъ, то обыкновеніе воспрещало другимъ равняться съ ними въ сихъ принадлежностяхъ знатности, соединенной всегда съ богатствомъ. Сіи наряды употреблялись бережно; вѣтреная мода не измѣняла оныхъ, и Вельможа оставлялъ свою праздничную одежду въ наслѣдство сыну. Платье

Боярское, Дворянское, купеческое не различалось покроемъ: верхнее съ опушкою, широкое, длинное называлось *однорядками;* другое *охабнями*, съ воротникомъ; третіе *ферезями*, съ пуговицами до подола, съ нашивками или безъ нашивокъ; такое же длинное, съ нашивками или только съ пуговицами до пояса, *кунтышами*, *доломанами*, *кафтанами;* у всякаго были клинья, а на бокахъ прорѣхи. Полукафтанье носили съ козыремъ; рубахи съ вышитымъ, разноцвѣтнымъ воротникомъ и съ серебряною пуговицею; сапоги сафьянные, красные, съ желѣзными подковами; шапки высокія, шляпы поярковыя, черныя и бѣлыя. Мужчины стригли себѣ волосы.—Дѣмы не блистали внутреннимъ украшеніемъ: самые богатые люди жили въ голыхъ стѣнахъ. Сѣни огромныя, а двери низкія, и входящій всегда наклонялся, чтобы не удариться головою объ верхній козякъ ([399]).

Опишемъ нѣкоторыя достопамятныя обыкновенія. Посланникъ Великокняжескій, Димитрій, будучи въ Римѣ и бесѣдуя съ Павломъ Іовіемъ о нравахъ своего отечества, сказывалъ ему, что Россіяне, искони набожные, любя чтеніе душеспасительныхъ книгъ, не терпятъ проповѣди въ церквахъ, дабы слышать въ нихъ единственно Слово Господне, безъ примѣси мудрованій человѣческихъ, несогласныхъ съ простотою Евангельскою; что нигдѣ не имѣютъ такого священнаго уваженія къ храмамъ, какъ у насъ; что мужъ и жена, вкусивъ удовольствіе законной любви, не дерзаютъ войти въ церковь, и слушаютъ обѣдню стоя на паперти; что молодые, не скромные люди, видя ихъ тамъ, угадываютъ причину и своими насмѣшками заставляютъ женщинъ краснѣться; что мы весьма не любимъ Католиковъ, а Евреями гнушаемся и не дозволяемъ имъ въѣзжать въ Россію ([400]). — Сіе время особенно славилось открытіемъ многихъ святыхъ, цѣлебныхъ мощей; но Іоаннъ и Василій не всегда вѣрили молвѣ и разсказамъ народнымъ; а безъ согласія Государева Духовенство не умножало числа Святыхъ: когда же строгое изслѣдованіе и достовѣрныя свидѣтельства убѣждали Великаго Князя въ истинѣ чудесъ, то объявляли ихъ всенародно, звонили въ колокола, пѣли молебны, и недужные со всѣхъ сторонъ спѣшили ко праху новыхъ Угодниковъ, какъ нынѣ спѣшатъ къ новымъ славнымъ врачамъ,

чтобы найти исцѣленіе. — Тогдашняя Христіанская набожность произвела одинъ умилительный обычай. Близъ Москвы было кладбище, называемое *селомъ скудельничимъ*, гдѣ люди добролюбивые въ Четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ сходились рыть могилы для странниковъ и пѣть Панихиды, въ успокоеніи души тѣхъ, коихъ имена, отечество и Вѣра были имъ неизвѣстны; они не умѣли назвать ихъ, но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно Христіанскія молитвы. Тамъ погребались тѣла, находимыя въ окрестностяхъ города, а можетъ быть и всѣхъ иноземцевъ ([401]).

Обрядъ Великокняжеской свадьбы.

Іовій пишетъ: что Великіе Князья, подобно Султанамъ, избираютъ себѣ женъ за красоту и добродѣтель, ни мало не уважая знатности; что невѣстъ привозятъ изъ всей Россіи; что искусныя, опытныя бабки осматриваютъ ихъ тайныя прелести; что совершеннѣйшая или счастливѣйшая выходитъ за Государя, а другія въ тотъ же день за молодыхъ придворныхъ чиновниковъ ([402]). Сіе извѣстіе можетъ относиться единственно къ двумъ бракамъ Василія: ибо отецъ, дѣдъ и предки его женились обыкновенно на Княжнахъ Владѣтельныхъ.—Сообщимъ здѣсь любопытныя подробности изъ описанія Василіевой свадьбы 1526 года.

„Державный женихъ, нарядясь, сидѣлъ въ *брусяной сто-*
„*ловой избѣ* съ своимъ поѣздомъ; а невѣста, Елена Глинская,
„съ женою Тысяцкаго, двумя свахами, Боярынями и многими
„знатными людьми шла изъ дому въ *среднюю палату*. Передъ
„нею несли двѣ *брачныя* свѣчи въ фонаряхъ, два коровая и сереб-
„ряныя деньги. Въ сей палатѣ были сдѣланы два мѣста, одѣтыя
„бархатомъ и камкамли; на нихъ лежали два зголовья и два
„сорока черныхъ соболей; а третьимъ сорокомъ надлежало опахи-
„вать жениха и невѣсту. На столѣ, покрытомъ скатертью, стояло
„блюдо съ калачами и солью. Елена сѣла на своемъ мѣстѣ; сестра
„ея, Княжна Анастасія, на женіховомъ; Боярыни вокругъ стола.
„Василій прислалъ туда брата, Князя Юрія, который, занявъ
„*большое мѣсто*, велѣлъ звать жениха. *Государь!* сказали ему:
„*иди съ Богомъ на дѣло*. Великій Князь вошелъ съ Тысяц-
„кимъ и со всѣми чиновниками, поклонился иконамъ, свелъ Кня-
„жну Анастасію съ своего мѣста и сѣлъ на оное. Читали молитву.
„Жена Тысяцкаго гребнемъ чесала голову Василію и Еленѣ.

„Свѣчами *Богоявленскими* зажгли *брачныя* (403), обогнутыя „соболями и вдѣтыя въ кольцы. Невѣстѣ подали кику и фату. „На золотой мисѣ, въ трехъ углахъ, лежали хмѣль, соболи, „одноцвѣтные платки бархатные, атласные, камчатные, и пѣ„нязи, числомъ по девяти въ каждомъ углѣ. Жена Тысяц„каго осыпала хмѣлемъ Великаго Князя и Елену, опахиваемыхъ „соболями. Дружка Государевъ, благословясь, изрѣзалъ пере„печу и сыры для всего поѣзда; а Еленинъ дружка разда„валъ ширинки. Поѣхали въ церковь Успенія: Государь съ „братьями и Вельможами, Елена въ однихъ саняхъ съ же„ною Тысяцкаго и съ двумя *большими* свахами; за нею несли „свѣчи и короваи. Женихъ стоялъ въ церкви на правой „сторонѣ у столпа, невѣста на лѣвой. Они шли къ вѣнчанію „по камкамъ и соболямъ. Знатнѣйшая Боярыня держала скля„ницу съ виномъ Фряжскимъ: Митрополитъ подалъ ее Госу„дарю и Государынѣ: первый, выпивъ вино, растопталъ скля„ницу ногою. Когда священный обрядъ совершился, новобрачные „сѣли на двухъ красныхъ зголовьяхъ. Митрополитъ, Князья „и Бояре поздравляли ихъ; пѣвчіе пѣли многолѣтіе. Возвра„тились во дворецъ. Свѣчи съ короваями отнесли въ спальню, „или въ *сѣнникъ*, и поставили въ кадь пшеницы. Въ че„тырехъ углахъ сѣнника были воткнуты стрѣлы, лежали ко„лачи съ соболями, у кровати два зголовья, двѣ шапки, одѣяло „кунье, шуба; на лавкахъ стояли *оловянники* съ медомъ; „въ головахъ кровати икона Рождества Христова, Богоматери „и Крестъ Воздвизальный; на стѣнахъ также иконы Бого„матери со младенцемъ; надъ дверью и надъ всѣми окнами, „внутри и снаружи, кресты. Постелю стлали на двадцати-семи „ржаныхъ снопахъ. Великій Князь завтракалъ съ людьми „ближними; ѣздилъ верхомъ по монастырямъ, и обѣдалъ со „всѣмъ Дворомъ. Князь Юрій Іоанновичь сидѣлъ опять на „*большемъ мѣстѣ*, а Василій рядомъ съ Еленою; передъ „ними поставили жаренаго пѣтуха: дружка взялъ его, обер„нулъ верхнею скатертью и отнесъ въ спальню, куда повели „и Молодыхъ изъ за-стола. Въ дверяхъ знатнѣйшій Бояринъ „*сыдавалъ* Великую Княгиню и говорилъ рѣчь. Жена Ты„сяцкаго, надѣвъ двѣ шубы, одну наизворотъ, вторично осы-

„пала новобрачныхъ хмѣлемъ; а дружки и свахи кормили „ихъ пѣтухомъ. Во всю ночь Конюшій Государевъ ѣздилъ „на жеребцѣ подъ окнами спальни съ обнаженнымъ мечемъ. На „другой день супруги ходили въ мыльню и ѣли кашу на постелѣ“. Легко угадать разумъ сихъ обрядовъ, безъ сомнѣнія весьма древнихъ, отчасти, можетъ быть, Славянскихъ, отчасти Скандинавскихъ: нѣкоторые образовали любовь, согласіе, чадородіе, богатство; другіе должны были удалять дѣйствіе злаго волшебства.

Василій, находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ Государями Европейскими, любилъ хвалиться ласкою, оказываемою ихъ Посламъ въ Россіи: но иноземцы жаловались на сей милостивый пріемъ, соединенный съ обрядами скучными и тягостными. Приближаясь къ границѣ, Посолъ давалъ о томъ знать Намѣстникамъ ближайшихъ городовъ. Ему предлагали множество вопросовъ: „изъ какой земли, отъ кого ѣдетъ? знатный ли чело„вѣкъ? какого именно званія? бывалъ ли прежде въ Россіи? гово„ритъ ли нашимъ языкомъ? сколько съ нимъ людей, и какихъ?“ О семъ немедленно доносили Великому Князю; а къ Послу высылали чиновника, который, встрѣтивъ его, не уступалъ ему дороги, и всегда требовалъ, чтобы онъ стоя выслушивалъ Государево привѣтствіе со всѣмъ Великокняжескимъ титуломъ, нѣсколько разъ повторяемымъ. Назначали дорогу и мѣста, гдѣ надлежало обѣдать, ночевать. Ѣхали тихо, иногда не болѣе пятнадцати или двадцати верстъ въ день: ибо ждали отвѣта изъ Москвы. Иногда останавливались въ полѣ, не смотря на зимній морозъ; иногда худо ѣли. За то приставъ терпѣливо сносилъ брань иноземцевъ. Наконецъ Государь высылалъ Дворянъ своихъ къ Послу: тутъ везли его уже скорѣе и лучше содержали. Встрѣча передъ Москвою была всегда пышная: являлось вдругъ нѣсколько чиновниковъ въ богатыхъ одеждахъ и съ отрядомъ конницы; говорили рѣчи, спрашивали о здоровьѣ, и проч. Дворъ Посольскій находился близъ Москвы-рѣки: большое зданіе со многими комнатами, но совершенно пустыми; никто не жилъ въ семъ домѣ. Приставы служили гостямъ, непрестанно заглядывая въ роспись, гдѣ было все исчислено, все измѣрено, что надлежало давать Посламъ Нѣмецкимъ, Литовскимъ, Азіатскимъ: сколько мясныхъ блюдъ, меду, луку, перцу, масла, даже

Въѣздъ чужеземныхъ Пословъ въ Россію.

дровъ ([404]). Между тѣмъ придворные чиновники ежедневно спрашивали у нихъ, довольны ли они угощеніемъ? Не скоро назначался день представленія: ибо любили долго изготовляться къ оному. Послы сидѣли одни, не могли заводить знакомствъ, и скучали. Великій Князь къ сему дню, для ихъ торжественнаго въѣзда въ Кремль, обыкновенно дарилъ имъ коней съ богатыми сѣдлами.

Иноземные художники и ремесленники въ Москвѣ.

Кромѣ зодчихъ, денежниковъ, литейщиковъ, находились у насъ тогда и другіе иноземные художники и ремесленники. Толмачь Димитрій Герасимовъ, будучи въ Римѣ, показывалъ Историку Іовію портретъ Великаго Князя Василія, писанный безъ сомнѣнія не Русскимъ живописцемъ. Герберштеинъ упоминаетъ о Нѣмецкомъ слесарѣ въ Москвѣ, женатомъ на Россіянкѣ ([405]). Искусства Европейскія съ удивительною легкостію переселялись къ намъ: ибо Іоаннъ и Василій, по внушенію истинно великаго ума, дѣятельно старались присвоить оныя Россіи, не имѣя ни предразсудковъ суевѣрія, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушные волѣ Государей, рано выучились уважать сіи плоды гражданскаго образованія, собственность не Вѣръ и не языковъ, а человѣчества; мы хвалились исключительнымъ Православіемъ и любили святыню древнихъ нравовъ, но въ то же время отдавали справедливость разуму, художеству Западныхъ Европейцевъ, которые находили въ Москвѣ гостепріимство, мирную жизнь, избытокъ. Однимъ словомъ, Россія и въ XVI вѣкѣ слѣдовала правилу: „хорошее отъ всякаго хорошо“, и никогда не была вторымъ Китаемъ въ отношеніи къ иноземцамъ.

Словесность.

Языкъ нашъ, то есть, Славянскій, былъ въ сіе время извѣстенъ отъ Каменнаго Пояса до Адріатическаго моря, Воспора Ѳракійскаго и Нила: имъ говорили при Дворѣ Турецкаго и Египетскаго Султановъ, жены ихъ, Ренегаты, Мамелюки ([406]). Мы имѣли въ переводахъ сочиненія Св. Амвросія, Августина, Іеронима, Григорія, Исторію Римскихъ Императоровъ (вѣроятно, Светоніеву), Марка Антонія и Клеопатры ([407]); но Іовій укоряетъ насъ совершеннымъ невѣжествомъ въ Наукахъ: въ Философіи, Астрономіи, Физикѣ, Медицынѣ, сказывая, что мы именуемъ лекаремъ всякаго, кто знаетъ нѣкоторыя цѣлебныя свойства растеній. Успѣхи Словесности примѣчались въ чистѣйшемъ слогѣ лѣтописей, пастырскихъ духов-

ныхъ посланій, святыхъ житій, и проч. Старецъ, Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ, могъ назваться Демосѳеномъ сего времени, если истинное краснорѣчіе состоитъ въ сильномъ выраженіи мыслей и чувствъ: славное посланіе его къ Іоанну уже извѣстно Читателю ([408]). Житіе Св. Даніила Переяславскаго писано не безъ искусства, умно и пріятно ([409]). Особеннаго замѣчанія достойны два Слова: первое о рожденіи Царя Іоанна, второе похвальное Василію; въ томъ и въ другомъ есть прекрасныя мѣста; выпишемъ нѣкоторыя:

„Кто повѣдаетъ силу Господню и всѣ чудеса Его? Во „дни наши совершилось дѣло Небесной любви, коего при„мѣры видѣли мы въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ: молитва „отверзаетъ ложесна неплодныя! Господь милостію утѣшаетъ „людей Своихъ въ отчаяніи: ибо славный и великій во Ца„ряхъ не скудѣетъ въ Вѣрѣ, припадая ко Всевышнему; уже „вступаетъ въ шестое десятилѣтіе жизни, и еще надѣется бла„гословить чадо милое, вожделѣнное не только родителю, но „и всей Державѣ Христіанской: она требуетъ Пастыря для „дней будущихъ. Слышитъ Господь молитву и долго не испол„няетъ, да болѣе и болѣе разгорается усердіемъ сердце Дер„жавнаго. О диво! Монархъ оставляетъ престолъ и величіе, „идетъ съ жезломъ какъ бѣдный странникъ въ Обители даль„нія, смиренный видомъ и душею: се Царскія стопы его изоб„ражаются на пескахъ дикой пустыни! За нимъ добродѣтель„ная, премудрая Царица, ему подобная. Оба исполнены смире„нія и надежды; оба вѣдаютъ, что *вѣра возмогаетъ и надежда „не посрамитъ*. И быть! лобызаемъ наслѣдника Державы!... „Когда бы Всевышній даровалъ Василію дщерь, и тогда бы „сердце родителя возвеселилось, но едино: Господь даруетъ ему „сына, да веселится и блаженствуетъ съ нимъ вся Россія!“ — Въ похвальномъ Словѣ Василію такъ описаны дѣла и свойства его: „Сей Государь *добрѣ правилъ хоругвями* отечества, твердо „укорененнаго Богомъ, подобно вѣковому древу; всегда благос„ловляемый успѣхомъ, всегда спасаемый отъ враговъ видимыхъ „и невидимыхъ, покорялъ страны мечемъ и миромъ, а въ своей „наблюдалъ правду, не усыпая ни умомъ, ни сердцемъ; бодрство„валъ надъ душами, питалъ въ нихъ добродѣтель, гналъ злобу,

„да не погрязнетъ корабль великой Державы его въ волнахъ без-„законія! Душа Царева свѣтилась яко зерцало, блистая въ „лучахъ Божественной премудрости. Мы знаемъ, что Государь „естествомъ тѣлеснымъ равенъ всѣмъ людямъ; но властію не „подобенъ ли Богу единому? Неприступенъ во славѣ земнаго „Царствія: но есть вышнее, небесное, для коего онъ долженъ „быть приступенъ и снисходителенъ къ людямъ. Тѣлу дано „око, а міру Царь, да промышляетъ о благѣ его. Царь истин-„ный царствуетъ надъ страстями, въ вѣнцѣ святаго цѣло-„мудрія, въ порфирѣ закона и правды. Таковъ былъ Великій „Князь Василій, правитель *велеумный*, наказатель добродѣ-„тельный, истинный кормчій, образъ благости, столпъ твер-„дости и терпѣнія; защитникъ Государства, отецъ Вельможъ „и народа, мудрый *соглагольникъ* Духовенства; высокій жи-„тіемъ на престолѣ, смиренный сердцемъ яко въ пещерѣ, кро-„токъ взоромъ, почтенъ Божіею благостію; всѣхъ любилъ и „любимъ всѣми: ближніе и дальніе припадали къ нему, отъ „Синая и Палестины, отъ Италіи и Антіохіи, да узрятъ лице „его, да услышатъ слово. Кто опишетъ его достоинства? Какъ „Саламандръ, по сказанію Богослова, среди огня не сгараетъ; „какъ свѣтлая рѣка, именуемая Каѳосъ, течетъ сквозь море „и не теряетъ сладости водъ своихъ: такъ огонь страстей че-„ловѣческихъ, такъ бурное житейское море не повредило душѣ „Василія: она чистою, благою воспарила отъ земли на небо. „Однимъ словомъ, сей Великій Князь въ житіи богомудромъ „уподоблялся Димитрію Іоанновичу Донскому ([410]).“ — Мы предложили здѣсь Читателю не точныя *слова*, но *точныя мысли Авторовъ:* слова принадлежатъ вѣку, а мысли вѣкамъ.

Судя по слогу, можемъ отнести къ сему времени сочине-ніе двухъ Русскихъ сказокъ: *о купцѣ Кіевскомъ* и *Дракулѣ Мутьянскомъ Воеводѣ*. Въ первой описывается му-читель, именемъ *Сміянъ гордый*, Владѣтель неизвѣстной при-морской страны, гибельной для всѣхъ плавателей, которые искали тамъ убѣжища отъ бурь, и не умѣли отгадать Цар-скихъ загадокъ: имъ надлежало отвергнуться Христа или уме-реть. Сынъ путешествующаго Кіевлянина, Борзосмыслъ, юный отрокъ, вдохновенный небесною мудростію, какъ новый Эдипъ

рѣшитъ всѣ хитрыя задачи Сміяна, отсѣкаетъ ему голову въ присутствіи народа, садится на тронъ, проповѣдуетъ Вѣру Христову, плѣняетъ гражданъ, остается у нихъ Царемъ и женится на Сміяновой дочери ([111]). Вотъ содержаніе. Красотъ піитическихъ мало, остроумія также; разсказъ довольно складенъ.—Вторая повѣсть любопытнѣе. Дракула, хищникъ Мутьянской или Волотской Державы (о коемъ упоминается въ Византійской Исторіи Дуки около 1430 года) представленъ гонителемъ всякой неправды, обмановъ, воровства, и свирѣпымъ кровопійцею. Никто въ землѣ Волошской не дерзаетъ взять чужаго, ни обидѣть слабаго. Испытывая народъ, онъ поставилъ золотую чару у колодезя отдаленнаго отъ домовъ: мимоходящіе пили воду и не трогали богатаго сосуда. Искоренивъ злодѣевъ, сей Воевода, казнилъ и за самыя легкія вины. Не только жена вѣроломная, любострастная, но и лѣнивая, у которой въ домѣ было не чисто или мужъ не имѣлъ хорошаго бѣлья, лишалась жизни. На площади, вмѣсто украшеній, висѣли трупы. Однажды пришли къ нему два Монаха изъ Венгріи: Дракула желалъ знать ихъ мысли о себѣ. „Ты „хочешь быть правосуднымъ“ — отвѣчалъ старѣйшій изъ нихъ — „но дѣлаешься тираномъ, наказывая тѣхъ, коихъ „должны наказывать единственно Богъ и совѣсть, а не законъ „гражданскій.“ Другой хвалилъ тирана, какъ исполнителя судовъ Божественныхъ. Велѣвъ умертвить перваго Монаха, Дракула отпустилъ его товарища съ дарами, и наконецъ увѣнчалъ свои подвиги сожженіемъ всѣхъ бѣдныхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ въ землѣ Волошской, разсуждая: „на что жить лю„дямъ, живущимъ въ тягость себѣ и другимъ?“ Авторъ могъ бы заключить сію сказку прекраснымъ нравоученіемъ, но не сдѣлалъ того, оставляя читателямъ судить о *Философіи* Дракулы, который лечилъ подданныхъ отъ злодѣйства, пороковъ, слабостей, нищеты и болѣзней однимъ лекарствомъ: смертію!— Замѣтимъ, что древніе Русскіе *писцы* имѣли болѣе гордости, нежели *Писатели*: первые почти всегда означали имя свое въ концѣ переписанной ими книги, а вторые почти никогда, укрываясь такимъ образомъ отъ хвалы и критики: знаемъ творенія, не зная творцевъ. По крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши зани-

лались не только историческими или Богословскими сочиненіями, но и романами; любили произведеніе остроумія и воображенія.

Извѣстія о Востокѣ и Сѣверѣ Россіи.

Въ окончаніи сей статьи предложимъ нѣкоторыя извѣстія изъ Герберштеиновой книги о сосѣдственныхъ съ Россіею земляхъ, восточныхъ и сѣверныхъ. Ногайскіе Татары, кочуя близъ моря Каспійскаго, раздѣлялись въ Василіево время на три Улуса, принадлежащіе тремъ Князьямъ братьямъ: Шидаку, Кошуму и Шигъ-Мамаю; первый жилъ въ городѣ Сарайчикѣ на Яикѣ; вторый повелѣвалъ всею землею между Кумою, Яикомъ и Волгою; третій господствовалъ надъ частію Сибири. Въ двадцати дняхъ пути отъ Шидаковыхъ владѣній, къ Востоку, обитали Юргенскіе или Хивинскіе Татары, повинуясь Баракъ-Солтану, брату сосѣдственнаго Хана Катайскаго или Киргизъ-Кайсакскаго, Бебейда. За Вяткою и Пермію жили въ лѣсахъ Тюменскіе и Шибанскіе Моголы; первыхъ считалось не болѣе десяти тысячь. За Волгою находились еще Улусы Калмыковъ: сіе время дано имъ для того, что они не стригли волосъ на головѣ, какъ другіе Моголы. Астрахань, знатнѣйшій *базаръ Татарскій*, славилась богатствомъ, а Шамаха, уже подвластная тогда Персіи, своими прекрасными шелковыми тканями. На Дону, въ двѣнадцати миляхъ отъ Азова, былъ городъ *Ахасъ* (гдѣ нынѣ Старый Черкаскъ) изобильный плодами, рыбою, дичью, веселый мѣстоположеніемъ, окруженный садами природными, богатый всѣмъ, что нужно человѣку для самой роскошной жизни. Говорили: „имѣй только „огонь и соль: все прочее найдешь въ Ахасѣ!“ — На восточномъ берегу Чернаго моря жили Авхасы; далѣе въ горахъ вольные Черкесы, не подвластные ни Туркамъ, ни Татарамъ, ужасные разбойники; текущими изъ горъ рѣками выплывая на лодкахъ въ море, они грабили суда купеческія; исповѣдывали Христіанскую Греческую Вѣру, употребляли въ Богослуженіи языкъ Славянскій, впрочемъ мало думали о Законѣ ([412]). — Близъ устья рѣки Фазиса, или Ріона, показывали островъ, гдѣ будто бы стоялъ корабль Язоновъ.

Описывая наружность Татаръ, Герберштеинъ сказываетъ, что они были средняго роста, черноволосые, широколицые съ маленькими, впалыми глазами, и что знатнѣйшіе носили длинныя

плетенки или косы: въ семъ изображеніи еще узнаемъ истинныхъ Моголовъ, нынѣшнихъ Калмыковъ и Киргизовъ. Сему же Писателю обязаны мы изъясненіемъ достоинствъ и чиновъ Татарскихъ. Солтанами назывались сыновья Ханскіе, Уланами главнѣйшіе по Ханѣ сановники, Беями—Князья, ихъ дѣти Мурзами, Первосвященники (Магометова рода) Сеитами ([418]).

Сѣверъ Россіи былъ еще предметомъ баснословія для самыхъ Москвитянъ. Увѣряли, что тамъ, на берегахъ Океана, въ горахъ, пылаетъ неугасимый огнь Чистилища; что въ Лукоморьѣ есть люди, которые ежегодно 27 Ноября, въ день Св. Георгія, умираютъ, а 24 Апрѣля оживаютъ снова; что они передъ смертію сносятъ товары свои въ одно мѣсто, гдѣ сосѣди, въ теченіе зимы, могутъ брать оные, за всякую вещь, оставляя должную плату и не смѣя обманывать: ибо мертвецы, воскресая весною, расчитываются съ ними и всегда наказываютъ безсовѣстныхъ; что тамъ есть и другіе чудесные люди, покрытые звѣриною шерстью, съ собачьими головами, съ лицемъ на груди, съ длинными руками, но безногіе; есть рыбы человѣкообразные, но только нѣмые, и проч. Сіи басни питали любопытство грубыхъ умовъ. Однакожь Москвитяне уже знали имена всѣхъ главныхъ рѣкъ Западной Сибири. Они сказывали, что Обь вытекаетъ изъ озера (Телейскаго); что за сею рѣкою и за Иртышемъ находятся два города, *Серпоновъ* и *Грустина*, коихъ жители получаютъ жемчугъ и драгоцѣнные каменья отъ *черныхъ людей*, обитающихъ близъ озера Китая. Мы обязаны были сими свѣдѣніями господству Великихъ Князей надъ землею Пермскою и Югорскою. Лапландія также платила намъ дань. Дикіе жители ея приходили иногда въ сосѣдственныя Россійскія области, начинали заимствовать нѣкоторыя гражданскія обыкновенія и ласково угощали купцевъ иноземныхъ, которые привозили къ нимъ вещи нужныя для хозяйства ([414]).

Вообще Герберштейново описаніе Россіи есть важное твореніе для нашей Исторіи XVI вѣка, хотя и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя ошибки.

КОНЕЦЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ,

приложенныхъ къ седьмому тому

„ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО“.

СТР.

Рисунокъ I. 1) Древняя царская шапка, именуемая *Мономаховой*. Хранится въ числѣ другихъ царскихъ утварей въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ. Она была золотая, тонкой филигранной работы, предполагаютъ, что сдѣлана въ Византіи. Украшена крупными жемчугами, изумрудами и рубинами . . . . . 18— 19

2) Современный портретъ В. Кн. Василія III, зарисованный на память иноземнымъ путешественникомъ, Сигизмундомъ Герберштейномъ . . . . . —

3) и 5) Потѣшный древній кубокъ въ видѣ пѣтуха, у котораго шея откидывается, и древняя братина «обороннаго дѣла» съ надписью около верхняго края—оба эти сосуда, массивные, серебряные, съ позолотою, хранятся въ Оружейной палатѣ. Подобною утварью устанавливались столы великокняжескаго дворца и палаты богатыхъ людей въ XVI и XVII вв. . . . . —

4) Дарохранительница съ изображеніемъ 12 апостоловъ, превосходной работы, массивная, серебряная съ позолотою, хранится въ ризницѣ Успенскаго собора . . . . . —

Рисунокъ II. Русское посольство къ императору Максиміліану, изображенное современнымъ германскимъ художникомъ (XVI в.), представляетъ собою одинъ изъ вѣрныхъ памятниковъ въ нашей исторіи костюма. Впереди изображены бояре и окольничіе съ грамотами и письмами В. Князя; сзади ихъ дьяки и подъячіе съ дарами (они несутъ *сорокъ соболей*, прикрытые цвѣтными чехлами). Шествіе заключаетъ челядь посольская . . . . 42— 43

Оригинальная гравюра этого посольства, раскрашенная и помѣченная стихотворными подписями, находится въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

Рисунокъ III. 1) Еще одна изъ тѣхъ древнихъ царскихъ и великокняжескихъ шапокъ, которыя надѣвались при торжественныхъ случаяхъ. Всѣ изъ золотыхъ щитовъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями. Наверху — огромный рубинъ съ голубиное яйцо. Хранится въ Оружейной палатѣ . . . . . 64— 65

2) Древняя митра архіерейская, украшенная шитыми изображеніями святыхъ и унизанная жемчугомъ. По нижнему краю вынизана жемчугомъ надпись. Хранится въ Патріаршей ризницѣ . —

3) Развалины городской стѣны и башенъ, которыми въ XVI в. была обнесена Коломна, на случай татарскихъ набѣговъ. Большая часть этой стѣны уцѣлѣла и до настоящаго времени . . . —

4) Бояринъ въ домашнемъ платьѣ. Поверхъ кафтана, на немъ надѣта *чуга* съ короткими рукавами. Въ рукѣ трость и шапка . —

Рисунокъ IV. Древній планъ Москвы, составленный вѣроятно, по древнимъ рукописнымъ книгамъ однимъ изъ иноземцевъ-путешественниковъ, представляетъ собою весьма существенное дополненіе къ исторіи города Москвы. Онъ указываетъ весьма наглядно, какъ городъ разростался концентрическими кругами, захватывая подгороднія слободы, и какъ наконецъ растянулся на занимаемой имъ громадной площади . . . . . 128—129

ПРИМѢЧАНІЯ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

(1) Герберштеинъ именно говоритъ, что Василій ни при жизни отца, ни по смерти его не хотѣлъ короноваться, для того, что Димитрій былъ коронованъ (R. M. Comment. стр. 8). Онъ же разсказываетъ, что Іоаннъ, готовясь умереть, призвалъ Димитрія къ себѣ и сказалъ ему: «Любезный «внукъ! я согрѣшилъ предъ Богомъ и тобою, заключивъ тебя и лишивъ «законнаго наслѣдія: прости мнѣ сію жестокость. Ты свободенъ: иди и «пользуйся своимъ правомъ!» Димитрій, тронутый до глубины сердца, искренно простилъ дѣда; но какъ скоро вышелъ отъ умирающаго, то Василій приказалъ отвести его въ темницу.—Сіе любопытное повѣствованіе кажется невѣроятнымъ. Іоаннъ безъ сомнѣнія взялъ бы мѣры для непремѣннаго исполненія воли своей, если бы хотѣлъ оставить престолъ внуку: собралъ бы Вельможъ, обязалъ бы ихъ присягою служить Димитрію, а не Василію, который въ такомъ случаѣ не могъ бы столь легко заключить племянника. Не говорю о твердости Іоаннова характера: не говорю даже о завѣщаніи, въ коемъ Василій объявленъ наслѣдникомъ Монархіи: ибо оно сохранилось только въ спискѣ; подлинника не имѣемъ.

(2) Въ *Архант. Лът.* стр. 178: «К. В. Василей Иванов. *посадилъ въ «желѣза* племянника своего, В. К. Димитрея Иванов., и въ полату тѣсну «посади». Первое кажется невѣроятнымъ и несогласнымъ съ характеромъ Василія, который не любилъ безполезныхъ жестокостей. Димитрій, сидя въ темницѣ, имѣлъ помѣстья, свою казну, чиновниковъ, какъ видно изъ его завѣщанія. Такихъ правъ не оставляютъ колодникамъ въ цѣпяхъ.

(3) Въ лѣтописяхъ сказано: «Февр. 14 преставился В. К. Дмитрей «Иванов. въ *нужѣ*, въ тюрмѣ». Герберштт. пишетъ: «думаютъ, что онъ «умеръ отъ холода, или отъ голода, или задохнулся отъ дыма».

(4) См. *Собраніе Государственныхъ Грамотъ*, Т. I, стр. 405. При описаніи многихъ драгоцѣнныхъ вещей Димитрій говоритъ: «што мнѣ «далъ К. В. Василей». Между оными были подаренныя Димитрію дѣ«домъ, Королемъ Казимиромъ, Княземъ Иван. Юрьев. Патрикеевымъ, Митроп. Геронтіемъ, Архіепископ. Новогородскимъ, Бояриномъ Морозовымъ и проч. Далѣе сказано: «а вся моя рухлядь въ сундукѣ за моею «печатью въ казнѣ у моихъ Дьяковъ... а платье у моего Постельничово... «а денегъ моихъ въ казнѣ осталося у моихъ Дьяковъ 1000 рублевъ... А «у сево списка былъ отецъ мой духовной, Воскресенской Архиманд.

«Ефремъ, да Боринъ мой К. Андрей Федоров. Хованской; а писалъ «Дьякъ мой Небогатой Исаковъ сынъ Дубровина». Внизу приписано рукою его слѣдующее: «А къ сему списку язъ К. Дмитрей Ивановичь «руку свою приложилъ. А што есми въ семъ списку написалъ, у кого «есми села покупилъ, и К. бы Великій пожаловалъ тѣ села имъ пода«валъ и купчіе грамоты велѣлъ имъ выдати безденежно».

(5) На примѣръ, въ дѣлахъ Крымскихъ No 3, стр. 24, 25, и далѣе обыкновенно встрѣчается выраженіе; «приговорилъ К. В. съ Бояры».

(6) Герберштт. стр. 9: multas provincias non tam bello, in quo erat infelicior, quam industria imperio suo adiecit.

(7) Вел. К. 7 Дек. 1505 года послалъ въ Крымъ своего *ближняго человѣка*, Василья Наумова, который пріѣхалъ назадъ 1 Авг. 1506 съ послами Ханскими, Князьями Казимиръ-Кіадомъ и Магмедшею. Они выѣхали изъ Москвы въ Декаб. съ Константиномъ Григорьев. Заболоцкимъ.

(8) См. *Никон. Лѣт.* и *Временникъ* стр. 204. Царевичь отнесся сперва къ Митрополиту Симону. Его крестилъ 21 Дек. 1505 у тайника Спасскій Архимандритъ Аѳанасій; онъ же вѣнчалъ и свадьбу 25 Генв. 1506.—Царевичь Петръ обязался клятвенною грамотою въ вѣрности къ Государю за поручительствомъ Митропол. и духовнаго отца своего, Епископа Суздальскаго Нифонта (См. *Собраніе Государ. Грамотъ*, I, 401).

(9) См. *Временникъ*, II, 205. Димитрій, братъ В. К., прозывался *Жилкою* (см. Розрядн. Кн. о семъ походѣ). Съ нимъ былъ и двоюродный братъ его, К. Ѳедоръ Борисов. Волоцкій; а Воеводъ множество: К. Иванъ Васильев. Курака, Дмитрій Иван. Ларевъ, К. Давидъ Данилов. Пенковъ-Хромой, К. Иванъ Михайлов. Рѣпня Оболенскій, К. Мих. Ѳед. Телятевскій, Князья Микулинскіе, К. Иванъ Иванов. Щетина Стригинъ-Оболенскій, Ѳедоръ Юрьев. Щука-Кутузовъ, К. Ѳед. Сицкій-Кривой, К. Семенъ Ѳед. Курбскій, К. Александ. Оленка и проч. Одна судовая рать послана была на перевозъ, 30 верстъ ниже Казани.

(10) См. *Казан. Лѣт.* гл. XIV, и Герберштт. M. Comment. стр. 68. Послѣдній говоритъ, что Казанцы обманули Россіянъ *притворнымъ* ужасомъ и бѣгствомъ изъ шатровъ своихъ въ городъ, а послѣ съ Черемискими стрѣлками ударили на нихъ въ расплохъ.—Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что кромѣ К. Михаила Ѳедоров. Курбскаго и К. Ѳедора Иванов. Палецкаго, тутъ погибъ и третій Воевода, К. Романъ, братъ перваго; что Дмитрій Шеинъ былъ замученъ Магметъ-Аминемъ; что Россіянъ изо 100,000 спаслось только 7000. См. также *Архив. Лѣт.*, *Продолженіе Нестора* и *Русск. Времен.* — Съ вѣстію о первой неудачной битвѣ Димитріевой пріѣхалъ въ Москву 9 Іюня Василій Голенинъ.

(11) См. *Родослов. Кн.* — Въ *Казан. Лѣт.* Ѳедоръ Киселевъ несправедливо именуется въ числѣ убитыхъ подъ Казанью.

(12) См. Герберштт. R. M. Comment. 68. Между сими иноземцами былъ Италіянецъ Бартоломей, который припялъ нашу Вѣру и пользовался особенною милостію Василія, когда Герберштеинъ находился въ Москвѣ.

(13) См. Розрядн. Кн., гдѣ сказано: «Того же лѣта по Казанскимъ «вѣстямъ послалъ К. В. въ Муромъ К. Данила Васильев. да Юрья Констант. Сабурова, а на Плесо К. Михайла Голицу Ивановича Вулгакова... Розрядъ: въ большомъ полку Бояр. и Воев. К. Данило Васильев. «Щеня... а Царевичю Енаю (или Зеденаю) быти у передоваго полку «на правѣ», и проч.

(14) Въ Мартѣ 1507 Магметъ-Аминь прислалъ своего чиновника, Абдулу, съ извинительною грамотою. Марта 25 Вел. К. отпустилъ его

назадъ съ своимъ гонцомъ, Алексѣемъ Лукинымъ. «И Царь со Алек-«сѣемъ прислалъ Бакшея своего, Бозека, съ грамотою бити челомъ, чтобы «К. В. пожаловалъ взялъ съ нимъ миръ по старинѣ, какъ было со от-«цемъ его, съ Вел. К. Иваномъ Васильев.; а посла его, Мих. Кляпика, «отпущу съ его товарищи, да и тѣхъ людей, которые на бою въ наши «руки попали. И К. В., приговоря съ братьею и съ Бояры, для Хри-«стьянскихъ душъ, кои въ бусурменскіе руки попали, проступку его ему «отдалъ... и послалъ къ Царю Дьяка Екулу Сукова... И тогожь лѣта Царь «Мих. Кляпика отпустилъ, да и людей, конхъ поималъ, да и своего посла, «Барашъ-Сеита, прислалъ бити челомъ о миру... Сент. 8 К. В. Барашъ-«Сеита отпустилъ, и послалъ Боярина, Окольничаго Ивана Григорьева «Поплевина, да Дьяка Алексѣя Лукина въ Казань... Толжь зимы Генв. «(1508) пріиде въ Москву Поплевинъ, да и грамоты шертныя отъ Царя «привезли, да и Царь передъ нимъ и шерть далъ о дружбѣ и о брат-«ствѣ, *какъ было съ* В. К. *Иваномъ Васильев.*; да и тѣхъ людей отпустилъ. «кои ему на бою въ руки попали».

(15) См. Дѣла Польскія No 2, стр. 78. Посломъ былъ Богданъ Долгирдовичъ.

(16) Тамъ же, стр. 79. Юрій Глѣбовъ былъ Намѣстникъ Витебскій, а Иванъ Сапѣга Намѣст. Бряславскій. Съ ними находился Конюшій Смоленскій, Иванъ Ѳедоровъ.

(17) Ѳедора Степановича Яропкина, Ивана Оксенова и Подьячаго Ивашку Микулина.

(18) См. тамъ же, стр. 81. Василій требовалъ пропуска и для посла Датскаго, бывшаго въ Москвѣ. Король хотѣлъ отвѣчать на то послѣ.

(19) См. тамъ же, стр. 83: «Съ писаремъ Королевскимъ Григорьемъ «съ Горемыкою, пріѣхалъ къ Государю отъ Кіев. Митроп. Іоны чело-«вѣкъ его Левка съ грамотою, штобъ Государь милость показалъ, вслѣлъ «его сына Сенку Кривого пустити на обмѣну на одномъ Сынѣ Боя-рскомъ, и К. В. приказалъ Левкѣ съ Болдыремъ Паясовымъ, што о Ми-«трополичьѣ сынѣ о Сенкѣ били челомъ Митрополитъ Симонъ да и Бояре. «и Государь того Сенку отдалъ Симону Митр. и Бояромъ своимъ».

(20) См. Дѣла Польскія, No 2, стр. 83.

(21) Тамъ же, стр. 85. Сигизмундъ присылалъ въ Москву Пана Яна Николаевича Радзивила, Намѣст. Слонимскаго, Кухмистра Олехпова и Писаря Богдана Сапѣгу, Окольничаго Смоленскаго.

(22) Воеводы пошли на Литву 14 Сент. См. ниже, примѣч. 46. Въ *Продолж. Нестора*, стр. 347, сказано, что Воеводы Литовскіе сожгли тогда Черниговъ и ушли назадъ; что подъ Кричевымъ застрѣлили изъ пищали Михайла Васильев. Образцова, и что Россіяне выжгли посады въ Мстиславлѣ. Въ Розрядн. Книгахъ наименованы главными Полководцами Князья Стародубскіе, а при нихъ въ большомъ полку Холмскій, Яковъ Захарьев. и К. Владиміръ Андреев. Микулинскій и проч. Стриковскій (кн. XXIII, гл. 2) пишетъ, что Король вышелъ тогда съ войскомъ, заставилъ Россіянъ удалиться въ свои предѣлы и взялъ Гзыковъ.

(23) Сигизмундъ вторично присылалъ пословъ въ Москву, Петра Кухмистра и Богдана Сапѣгу, которые говорили, что Ханъ Менгли-Гирей многократно предлагалъ Королю заключить твердый миръ съ Россіею, и что Король самъ желаетъ того, если В. К. освободитъ ихъ плѣнниковъ и возвратитъ отнятые у Литвы города. Чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ отъ Сигизмунда гонецъ съ извѣстіемъ, что новые Большіе послы Литовскіе ѣдутъ въ Россію. Король, жалуясь на впаденіе Россіянъ въ Литву, просилъ Василія отпустить задержанныхъ въ Москвѣ купцевъ Польскихъ (см. Дѣла Польск. No. 2, стр, 86 - 90).

(24) См. Стриков. Хрон. кн. XXIII, гл. 2, и цѣловальную запись Острожскаго въ *Собраніи Государ. Грамотъ*, I, 403, въ коей сказано: «Се язъ Константинъ Иван. Острожской, что есми билъ челомъ своему «Государю В. К. Василью Ив. за свою вину своимъ господиномъ Симо«номъ Митрополитомъ и его дѣтми и сослужебники, Трифономъ Еписко«помъ Сарскимъ, Спаскимъ Архим. Аѳонасьемъ, Чудов. Ѳеогностомъ, «Симонов. Варламомъ, Андроников. Митрофаномъ, Богоявлен. Игуме«номъ Ниломъ, и Государь мой, К. В., ихъ дѣля прошенья меня, своего «слугу, пожаловалъ, нелюбье свое мнѣ отдалъ. А мнѣ своему Государю, «Вел. К. Василью Иван. и его дѣтемъ служити и до своего живота, а «не отъѣхати ми (отъ него) и отъ его дѣтей къ его братьѣ, ни къ иному «никому... а въ томъ во всемъ ялся по мнѣ господинъ мой, Митроп. и «его сослужебники... А черезъ сю мою грамоту что явится которое мое «лихо передъ моимъ Государемъ, ино не буди на мнѣ милости Божіей... «въ весь вѣкъ, ни въ будущій... А дана грамота на Москвѣ л. 7015 «(1506) Окт. въ 18». Курбскій пишетъ, что К. Острожскій, сосланный въ Вологду Іоанномъ III, подружился тамъ съ Св. Димитріемъ Прилуцкимъ. Далѣе: «Той Святый К. Константина (Острожскаго) отъ много«лѣтныхъ его веригъ свободилъ, ими же былъ связанъ по рукамъ и по «ногамъ, и изсохшія уже ему руцѣ прикосновеніемъ своимъ исцѣлилъ, «яко и здѣ (въ Польшѣ) уже Князь сей зѣло Святаго прославлялъ, и «любовь къ нему велію имѣлъ до преставленія своего».

(25) Въ Родослов. Кн.: «Къ В. К. Витовту пріѣхалъ служити Тата«ринъ К. Лескада, крестился, и во крещеніи имя ему Александръ; а «отчина у него была Глинескъ да Глинница, да Полтава». Нѣкоторыя производятъ родъ Глинскихъ отъ Мамая.

(26) См. Стриков. Хроник. к. XXIII, гл. 3, Кромера стр. 447, и Герберштт. 79.

(27) См. *Архив. Лѣт.* л. 186, и *Русск. Времен.* стр. 215. Король прислалъ къ Глинскимъ въ Туровъ Пана Яна Костевича, съ клятвою убѣждая ихъ возвратиться къ нему; но они не вѣрили Яну и требовали, чтобы Сигизмундъ велѣлъ присягнуть за себя Пану Албрехту Мартынову-Гастовтову. Вел. К. отправилъ къ нимъ прежде Боярскаго Сына Коломнятина Митю Губу, а послѣ въ Мозырь Дьяка Никиту Губу Моклокова, который заключилъ съ ними договоръ; а Глинскіе посылали въ Москву Боярскаго сына, Ивана, и Королевскаго Дворянина, Пана Воина Ясковича.

(28) Стриков.: «Срѣте въ пути Глинскій любительницу Забрезинскаго, «и поимаша ю, повелѣ мучити, да повѣсть вся тайны Забрезенскаго, кая «отъ страха вся исповѣда. Тако Глинскій, обскочившій его во дворѣ, «повелѣ въ ложницу двери разбити... и повелѣша обезглавити его Тур«ченину, и воткнувши главу его на саблю, принесли предъ Глинскаго: «онъ же ту повелѣ на древо воткнути, и несли ю предъ нимъ 20 по«прищь, да езера единаго къ Вильни идучи, и тамо ю повелѣ утопити, «гдѣ и доднесь столпъ каменный при томъ езерѣ въ бору стоитъ».

(29) Менгли-Гирей присылалъ Вельможу своего въ Мозырь, откуда Глинскій ходилъ къ Глушску, гдѣ встрѣтили его послы наши: Иванъ Юрьев. Шигона-Поджогинъ, и Господаря Волошскаго, Стефана Александров., за три недѣли до Пасхи.

(30) Стриков. кн. XXIII, гл. 3. Анастасія жила тогда въ Слуцкѣ.

(31) См. *Русск. Времен.* 216, и Розряд. Кн. Изъ Дорогобужа ходили на Литву Воеводы К. Телятевскій, Микулинской, и проч.; на Смоленскія области Иванъ Щедра Окольничій, К. Палецкій, Салтыковъ; отъ Стародубскихъ же Князей и Шемякина К. Сицкій, Скрябинъ, Мурза

Конбаръ, Прозоровскій; а съ Шемякинымъ были еще Андрей Сабуровъ, К. Александръ Оленка и другіе Воеводы, которые пришли къ Бобруйску передъ Троицынымъ днемъ.

(32) Стриков. кн. XXIII, гл. 2.

(33) См. *Русск. Времен.* 219 и Розрядн. Книги. Въ первомъ: «К. «Василей Шемячичь и всѣ Воеводы пошли отъ Орши за Днѣпръ, и послѣ «того три дни спустя, пришелъ Король; а В. К. Воеводы пошли ко Мстис«славлю». Въ послѣднихъ: «Воеводы съ Королемъ подъ Оршею объ рѣку «Днѣпръ сошлись, и полки съ полками видѣлись, и Шемячичь и Глинскій и Воеводы отъ Днѣпра отступили и стояли въ Дубровнѣ 7 дней; «а Король за рѣку ни самъ не пошелъ, ни людей не посылалъ; и Воеводы В. К. пошли подъ Кричевъ и подъ Мстиславль, и воевавъ Литовскую землю, вышли на Брянскъ со всѣми людми, далъ Богъ, здоровo». Стриковскій пишетъ, что Литовцы переходили за Днѣпръ, разгромили нашъ обозъ и побили многихъ Россіянъ; что Глинскій совѣтовалъ Воеводамъ сразиться всѣми силами, но что они не хотѣли того, и проч.

(34) Въ Розрядн. Книгахъ: «7017 (1508) Сент. въ 4, писалъ къ В. К. «изъ Торопца К. Данило Васильев., что Торопчане его встрѣтили, и онъ «ихъ къ цѣлованью привелъ; а которые у него не были, и онъ по тѣхъ «послалъ; а которые Литовскіе люди приводили Торопчанъ къ цѣлованью, «и тѣ сбѣжали».

(35) См. *Русск. Времен.* 220 и Розряд. Кн.

(36) См. *Архив. Лът.* л. 189 на об. и Стриков. кн. XXIII, гл. 3. Въ Розрядн. Кн.: «И по тѣмъ вѣстямъ послалъ К. В. къ Воеводамъ К. «Семена Серебренаго, а велѣлъ итти къ Дорогобужу, и Воеводы прика«зали къ В. К. со Князь С. Серебренымъ, что съ ними людей мало, и «къ нимъ бы людей еще прибавили; и К. В. отъ себя послалъ къ Воеводамъ Шигоню Поджогина съ рѣчми и приказалъ, которымъ Воеводамъ «въ которомъ полку быти... И послали Воеводы изъ Вязмы на передъ «себя къ Дорогобужу К. Мих. Горбатаго, да Алексѣя Заболоцкаго Литовскихъ людей отвѣстить и языковъ добывать, и которые люди Литовскіе дѣловцы пришли было города Дорогобужа дѣлати, они тѣхъ «побили, а человѣкъ со 100 послали къ В. К. А Станиславъ Кишка, «заслышавъ то, изъ Дорогобужа побѣжалъ назадъ... и К. В. приказалъ «городъ Дорогобужъ дѣлати древянной». — Главные изъ Воеводъ были тутъ: Князья Холмскій, Александ. Ростовскій, Вас. Вас. Шуйскій, Иванъ Мих. Воротынскій, Конст. Ушатой, Вас. Вас. Голенинъ, Петръ Семен. Одоевскій, Ив. Вас. Шуйскій, Петръ Ѳедор. Челяднинъ, К. Александ. Оленка, Ив. Вас. Хабаръ, К. Сицкій, К. Вас. Губка-Ростовскій, К. Ив. Мих. Рѣпня, Андрей Курбскій, Стригинъ-Оболенскій, Лобанъ-Ряполовскій, Петръ Царевичь и другіе.

(37) «Тогоже лѣта (1507) приходиша Крымскіе Татарове, Янчигитъ«Мурза, Янкуватовъ сынъ, на Бѣлевскіе мѣста и на Одоевскіе, и воеваша; «и Воеводы В. К., К. Иванъ Холмской, да К. Конст. Ушатой, а изъ «своихъ отчинъ К. Вас. Сем. Одоевской, да К. Ив. Воротынской, да Ко«зельской Намѣстникъ К. Александръ Стригинъ, побили ихъ, а полонъ «весь отполониша; а гоняли ихъ до рѣчки до Рыбницы».

(38) См. въ Архивѣ Ин. Кол. Дѣла Ногайскія, No. 1, л. 42 на об. Князь Темиръ Якщенинъ былъ посланъ 13 Апр. 1508 съ письмами къ Асану и къ Алачу Мурзѣ, въ коихъ сказано: «Зять вашъ Шигъ-Ахметъ «Царь, надѣясь на Литовского дружбу, въ его землю пришелъ, и Литовской Царя поималъ.... а намъ Литовской недругомъ ея учинилъ: ино «какъ нынѣ вамъ, такъ и мнѣ недругъ». Темиръ долженъ былъ увѣдомить Государя, гдѣ найдетъ Улусы Ногайскіе, на сей или на той сторонѣ

Волги. Въ данной ему *памяти* сказано: «А какъ дастъ Богъ, Темиръ «пріѣдетъ съ ними (Ногаями) къ Дону, и Темиру тогды проситися, чтобы «его отпустили къ В, К.... *и Государь мой также вашему и своему «недругу Литовскому недружбу будетъ чинити...* Да говорити, чтобы «Мурзы всѣ заказали своимъ людемъ на-крѣпко, чтобы идучи В. Князя « людемъ Украйнымъ лиха не чинили».—Нѣсколько разъ послы Ногайскіе были въ Москвѣ съ изъявленіемъ дружества и съ прозьбою о свободной торговлѣ въ Россіи. Они всегда приводили къ намъ лошадей. Въ 1507 году В. К. писалъ къ Асану и къ другимъ Мурзамъ, чтобы они не помогали Казанскому Царю Магметъ-Аминю, и напоминалъ имъ свое благодѣяніе, которое состояло въ томъ, что Василій освободилъ какого-то юнаго Князя ихъ, бывшаго у насъ плѣнникомъ. Въ Августѣ 1508 пріѣзжалъ къ В. К. сынъ Царевича Ногайскаго Ахкурта, Акдевлетъ, и просилъ, чтобы Государь далъ отцу его или Казань или городъ Мещерскій (Касимовъ), или Андреевъ городокъ каменной. Чиновники Великокняжескіе отвѣчали ему, что Казанскій Царь, Магметъ-Аминь, сдѣлался уже другомъ Василію, а городокъ Мещерскій и Андреевъ пожалованы Янаю Царевичу. Акдевлета отпустили съ дарами, но безъ писемъ. См. тамъ же, л. 56—65.

(39) Подлинная договорная грамота хранится въ Архивѣ подъ No 5.

(40) См. Дѣла Польскія No. 2, стр. 90—95. Отъ насъ ѣздили послами въ Литву Бояринъ и Намѣстникъ Новогородскій Григорій Ѳедоров. Давыдовъ, Бояринъ и Конюшій Иван. Андреев. Челяднинъ, Сокольничій Михайло Кляпикъ-Яропкинъ и Дьякъ Никита Моклоковъ.—Съ Глинскими выѣхали тогда въ Россію Кн. Иванъ Озерецкій, Дмитрій и Иванъ Глинскіе, К. Дмитрій и Василій Жижемскіе, Панъ Андрей Александров. Дрожжа съ братомъ Петромъ, Якубъ Ивашиншовъ, Семенъ Александровъ съ сыновьями Михайломъ и Борисомъ, К. Василій Мунча, Мих. Гагинъ, Дьякъ Королевской Никольской, К. Андрей Друцкій, Петръ Фурсъ съ братомъ Ѳедоромъ, Иванъ Матовъ, Святоша Деменя, Измаилъ Туровъ, Воинъ Яцковичъ, трое Крижиныхъ, К. Иванъ Козловскій. *Времен.* 225: «К. В. пожаловалъ К. Ивану да К Василью Глинскимъ во отчину Ме«дыню, а К. Михайлу Ярославецъ, да Боровскъ въ кормленіе, а всѣхъ «Княжатъ и Паповъ пожаловалъ помѣстьи».

(41) См. Дѣла Крымск. No. 3, л. 24.

(42) Тамъ же л. 1, и No 4, л. 95. Послами отъ Царя были К. Магмедша, *Тетъ* (то есть, второй человѣкъ въ посольствѣ) Абдылъ Зода и Бакшей Кайсымъ. Они пріѣхали въ Москву 27 Окт. 1508. «Окт. 24 по«слалъ К. В. противъ Крымскихъ Пословъ Ѳеодора Иванова сына Кар«пова. да Таможника своего Микиту Романово, да Діяка Алексѣа Лу«кина, а велѣлъ имъ у гостей рухлядь попечатать, которые идутъ съ «послы. Окт. 27 послалъ К. В. противъ Крым. пословъ Ясельничего Ѳе«дора Семенова сына Хлопова, а велѣлъ ихъ спросити о здоровіи, «и встрѣтилъ ихъ Ѳеодоръ за рѣкою за Москвою на Поклонной горѣ, и «ѣхалъ съ ними въ городъ до ихъ подворей.... и К. В. послалъ къ нимъ «о Царевѣ здоровьѣ спросити, да и о ихъ здоровьѣ Цигора Щепина».

(43) No. 3, л. 7: «У тебя, брата своего, прошу кречата бѣлаго, ко«торой лебеди ловитъ, да сѣрого кречата *дикомыти*, да высокого кречата, «да бѣлого ястреба; да на поминки пришли мнѣ пять кречатовъ, да три «сороки добрыхъ соболей, да шесть великихъ зубовъ рыбьихъ, да горла «черныхъ лисицъ; а во сежь горлъ столько не будетъ, пришли 40 чер«ныхъ лисицъ да еще прошу 5 одинцовъ добрыхъ соболей. Да братъ «мой К. В. Иванъ присылывалъ ми чару серебряну съ серебрянымъ «черпальцомъ: ино у меня ее взялъ Баазитъ Салтановъ сынъ, Шахъ-

«Зада: и ты бы нынѣ ко мнѣ прислалъ.... и язъ бы за все изъ нее пилъ. «а тебя, брата своего, поминалъ... да пансырь, которой бы былъ легокъ, «а стрѣла бы его не иняла, да чтобы еси показалъ Магмедшѣ, и онъ бы «его попыталъ стрѣлити,» и проч. Менгли-Гирей требовалъ еще съ В. К. полутора-ста тысячь Оттоманскихъ денегъ, отданныхъ имъ Молдавскому Господарю Стефану за нашихъ Пословъ Италіянскихъ, Ларева и Карачарова; просилъ освободить Крымцевъ, плѣненныхъ Холмскихъ во время ихъ набѣга на Украйну; желалъ, чтобы купцы его торговали въ Россіи безъ пошлины, и проч. Царица Нурсалтанъ, братъ Ханскій Ямгурчей-Салтанъ, сыновья Менгли-Гиреевы, Магметъ-Гирей, Ахматъ, Фети, Бурнатъ, Мубарекъ, Магмутъ, Сапиъ, Саадетъ, и Алли-*Гиреи*, также многіе Князья и Царевны особенно писали къ В. К., хвалились оказанными ему услугами и просили даровъ.

(44) «И ты бы нынчи, братъ мой, по старинѣ, что намъ идетъ съ «Одоева, безъ ущерба собравши, сполна прислалъ».

(45) Дѣла Крым. No. 3, л. 24. Крымскіе послы хотѣли, чтобы В. К. непремѣнно далъ Летифу Коширу, а не Юрьевъ: наконецъ уступили волѣ Государя.

(46) Тамъ же, л. 44: «А Литовской, Господине, послалъ на Гусударя «нашего слугъ, на дву Князей Василіевъ (Шемякина и Стародубскаго) «Воеводъ своихъ; а вѣсть Государю нашему учинилась, что ты дѣтей «своихъ и рать свою на Государя нашего землю послалъ вмѣстѣ съ Ли«товского людми... Государя нашего Воеводы слугъ его Князей отстояли «и людей Литовского прогонили».

(47) Тамъ же, л. 45 на об.: «Государь нашъ, Господине, по которой «годъ стоялъ противъ недруговъ своихъ безъ пособи? и люди ся потомили. «А Нѣмци и нынѣ съ Государемъ нашимъ не въ миру, а Нагаи на поли «на сей сторонѣ Волги, а къ Астарахани рати посылати не мочно, какъ «судовъ тамъ въ тѣхъ мѣстѣхъ а при отцѣ его не дѣлывали, да и нынѣ «не дѣлаютъ, и наряду служебного нынѣ допроводити туды не мочно».— Морозовъ выѣхалъ изъ Москвы 4 Марта 1509,

(48) Тамъ же, л. 61 — 63. Еще до пріѣзда Морозова въ Тавриду сынъ Менгли-Гиреевъ, Магметъ-Гирей, разбилъ Ногайскихъ Мурзъ. Агиша, Ахметъ-Али и Шидяка, которые, соединясь съ Астраханскимъ Царемъ Абдылъ-Киримомъ, переправились черезъ Волгу и хотѣли напавъ на Крымскія владѣнія. Менгли-Гирей собралъ тогда до 250 тысячь воиновъ, какъ онъ самъ писалъ къ Василію съ гонцемъ своимъ, пріѣхавшимъ въ Москву 12 Сент. 1509. «Слава Богу: «(говоритъ Ханъ) рати «нашіе рука надъ нашимъ недругомъ высока учинилася: Мурзъ пограбили, «улусы и куны, кони и верблюды, овци и животину, ничего не оставивъ, «взявъ привели» (л. 51).—Изъ донесеній Морозова видно, что Ханскіе Мурзы нагло обирали Заболоцкаго, когда онъ былъ посломъ въ Тавридѣ.

(49) См. Дѣла Цесарскаго Двора No 1, л. 151. Гартингеръ пріѣхалъ 4 Окт. 1506 съ грамотою *безъ печати*, писанною 25 Мая сего же года. Писецъ ошибкою, вмѣсто Василіева, поставилъ Іоанново имя: въ чемъ Гартингеръ извинился, сказавъ: «ино то Дьякъ описался; а Государю на«шему то дополна вѣдомо, что Государя вашего отца въ животѣ не стало: «а сказывалъ ему посолъ Волошской; да и меня Государь мой въспра«шивалъ о имени Государя вашего, В. К. Василья... а причтею порушила«лася», и проч. Съ Гартингеромъ имѣлъ переговоры Великокняжескій Дьякъ Болдырь Паюсовъ черезъ Нѣмецкаго толмача. Отвѣтная Василіева грамота писана была на Латинскомъ языкѣ.

О мирѣ съ Орденомъ см. Arnta Liefland. Chron. 177, и *Архив. Лит.* л. 192. Ливонскіе послы пріѣхали въ Москву 8 Марта 1509. Под-

линная договорная Нѣмецкая грамота находится въ Архивѣ подъ No 2. Въ ней именованы, сверхъ Магистра, Архіепископъ Рижскій, Епископы Юрьевскій, Островскій или Эзельскій. Курляндскій и Ревельскій. В. Князю дается титулъ Императора —Послами были Іоаннъ Гильдорфъ, Магистръ І. Ольдензонъ, Канцлеръ І. Каммеръ и Карстенъ-Зеге. Вмѣсто Намѣстк-крестъ цѣловали Дворянинъ Замыцкой и Купецкіе Старосты Саларовъ и Кириловъ.

Максимиліаново письмо о Ганзѣ привезли (17 Іюня 1509) изъ Нарвы къ Иваногородскому Намѣстнику, Князю Ивану Темкѣ, Нѣмцы *Гридя* и *Еремейко, заморяне*. Оно писано изъ Брисселя отп 19 Февр. 1509. Высилій отвѣчалъ Императору 9 Авг. (см. Дѣла Цесарскія No, 1; л. 167—171).

(50) Св. Т. VI, примѣч. 629, подъ годомъ 1485.

(51) Тамъ же, подъ г. 1484 и 1485.

(52) См. *Русск. Времен.* 227 и *Архив. Лѣт.* 194 на об.

(53) Вел. К. выѣхалъ 23. Сент., а пріѣхалъ въ Новгородъ Окт. 26. Съ нимъ былъ и Симоновскій Архимандритъ Варлаамъ.

(54) См. Псковскую Лѣтопись, подаренную въ Библіотеку Архива Иностран. Коллегіи Е. П. Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ. Мы будемъ означать сію любопытную рукопись, стараго письма, его именемъ.

(55) Тамъ же: «К. В. даръ ихъ честно принялъ, а сердечныя мысли «никто жь вѣсть, что К. В. здумалъ на свою отчину и на градъ Псковъ».

(56) См. *Русск. Времен.* 228.

(57) Въ *Пск. Лѣт.* Малиновскаго: «Поѣхалъ изо Пскова К. Иванъ «Рѣпня Суздальскихъ Князей къ Государю жаловатись на Псковичь, что де его безчествовали. А тотъ Рѣпня не пошлиною (не законно) пріѣхалъ во Псковъ, да сѣлъ на Княженіе, не по крестному цѣлованью учалъ во Псковѣ жити, а не учалъ добра хотѣти Живоначальной Троицѣ... много «зла чинилъ Дѣтямъ Боярскимъ и Посадничимъ, и тые Дѣти Боярскіе и Посадничи ѣхали В. Князю бити челомъ... и Посадники со Псковичи «здумавъ себѣ не на пользу, и начаша грамоты писати по пригородомъ «и по волостемъ, ркучи то: аще которой человѣкъ жаловался на Князь, и выбъ ѣхали ко Государю въ Новгородъ бити челомъ. И на той же «недѣли поѣхалъ Леонтей Посадникъ бити челомъ на Посадника Юрья, «и Юрьи поѣхалъ отвѣчати». Въ *Русск. Времен.*: «а иные на Новогородскихъ помѣщиковъ».

(58) Тамъ же: «и Юрьи Посадникъ прислалъ грамоту во Псковъ, а пишетъ: аже не ѣдутъ Посадники противъ Князя говорити, ино будетъ «вся земля виновата. И въ ту пору Псковичемъ сердце уныло».

(59) См. ниже, примѣч. 370.

(60) Въ Московскихъ лѣтописяхъ (*Времен.* 128) сказано такъ: «и Князь «Великій велѣлъ Псков. Намѣстнику съ Посадники стати предъ собою, «и выслушалъ ихъ и обыскалъ, что Намѣстнику его отъ Псков. Посад-«никовъ непослушаніе было великое, и въ суды и въ пошлины у него «вступалися, также отъ нихъ и своей братьѣ много обиды было; надъ «всѣмъ же симъ его Государское имя презираху; и за то на тѣхъ Посад-«никовъ опалу свою положилъ». А въ *Псков. Лѣт.* Малинов.: «К. В. управы «имъ (Псковичамъ) никакой не даетъ, а рекъ тако: *копитеся вы, жалобные люди, на Крещеніе Господне, и язъ вамъ всѣмъ управу подаю*», и проч. Въ сей день суда не было, а только взяли ихъ подъ стражу. Въ *Псков. Лѣт.* названъ Епископъ, святившій воду, *Смоленскимъ*.

(61) См. *Псков. Лѣт.* Малинов.

(62) См. *Времен.* 229 и *Архив. Лѣт.* л. 198.

(63) См. *Архив. Лѣт.* л. 200 на об.

(64) Въ *Псков. Лът.* Малин.; «И прислалъ К. В. Дьяка Третьяка «Долматова съ жалованнымъ со лъстивымъ словомъ, и Псковичи обрадо- «вались... Третьякъ имъ на Вѣчи сказалъ первую и новую пошлину: пок- «лонъ отъ В. К.», и проч. Далѣе: «да отговоривъ то (Третьякъ), да сѣлъ «на степени, и Псковичи удариша челомъ въ землю, и не могли противъ «его отвѣта дати отъ слезъ и туги сердечныя... Токмо тые не испустили «слезъ, иже младенцы ссущіе млеко... И бѣ тогда во Псковѣ плачь и «стонаніе во всѣхъ домѣхъ, другъ друга обнимающе», и проч. Сіе было съ Субботы на Воскресенье.

(65) См. Т. VI, примѣч. 30.

(66) Въ *Псков. Лът.* Малин. и Толст.: «На утріе же, освитающу дни, «позвониша на Вѣчье, и собрашася... И начаша ему (послу) тако гово- «рити: тако у насъ написано въ лѣтописцѣхъ: съ прадѣды и съ дѣды и «со отцемъ его, Государемъ, крестное цѣлованіе съ В. Князми положено, «что намъ Псковичемъ отъ Государя своего, В. К., кой ни будетъ на Мо- «сковскомъ Государствѣ, и намъ отъ него не отойти, ни въ Литву, ни въ «Нѣмцы, а намъ жити по старинѣ въ добровольи; а мы Псковичи отъ- «идемъ отъ В. К. въ Литву или въ Нѣмцы, или особѣ станемъ жити безъ «Государя, ино на насъ гнѣвъ Божій, гладъ и огнь, и потопъ и нашествіе «поганыхъ; а Государь нашъ не учнетъ тое крестное цѣлованіе на себѣ «держати, ино на него тотъ же обѣтъ, коли насъ не учнетъ въ старинѣ «держати. А нынѣча Богъ воленъ да Государь въ своей отчинѣ и дѣдинѣ «во градѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ; а мы прежняго «своего цѣлованія не хотимъ измѣнити, и мы на Государя своего руки «подняти и въ городѣ заперетися не хотимъ; а Государь нашъ хочетъ «Живонач. Троицѣ помолитися, а въ своей отчинѣ побывати во Псковѣ, «и мы его, Государя своего, ради всѣмъ сердцемъ, что насъ не погубилъ «до конца. И Генв. въ 13 спустиша колоколъ Вѣчной у Св. Троицы, и «начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старинѣ и по «своей волѣ, и повезоша его на Снетогорской дворъ, къ Ивану Богослову, «гдѣ нынѣ Намѣстничь дворъ», и проч.

(67) *Архив. Лът.* л. 201: «Генв. въ 15 Дьякъ Т. Долматовъ къ В. «К. изо Пскова пріѣхалъ... а съ Третьякомъ пріѣхали ко Государю бити «челомъ отъ всего Пскова Посадникъ Кузьма Сысоевъ, да Бояре; и того «же дни послалъ К. В. напередъ собя Бояръ своихъ», и проч.—Знат- нѣйшіе Псковитяне ждали В. К. на Дубровнѣ.

(68) Въ *Псков. Лът.* Толст. и Малин.: «Генв. въ 24 пріѣхалъ Госу- «дарь, и того дни порану пріѣхалъ Владыка Коломенской, Васьянъ Кри- «вой» (а по Москов. лѣтописи Митрофанъ)... «и хотѣша встрѣтити Го- «сударя у образа въ поли, и Владыка молвилъ: не велѣлъ Государь встрѣ- «чати далече... и встрѣтилъ его Владыка на торгу, идѣже нынѣ площадь, «и К. В. слѣзъ съ коня у Спаса на площади... и благословляя его Вла- «дыка, рече: Богъ-де тобя благословляетъ, Государь, Псковъ вземши безъ «брани; и кои Псковичи были въ церкви, и то слышали, заплакали горько», и проч.

(69) См. *Псков. Лът.* Малин., *Архив. Лът.* и *Времен.* Въ *Ростов. Лът.*: «Вина Псковичей та, что былъ Архіеп. Геннадій во Псковѣ, и они «не велѣли своимъ Попомъ съ нимъ служити, а проскурницамъ проскуръ печи».

(70) То есть, сыну Боярина Ѳедора Давидовича; а въ *Псков. Лът.* сей Намѣстникъ именуется Морозовымъ.

(71) «Посла К. В. къ Москвѣ Петра Яковлев. Захарьева, Москвѣ «всей здравствовати, что К. В. Псковъ взялъ, и прислаша съ Москвы «гостей тамгу уставливати, занеже во Псковѣ тамга не бывала, безданно

«торговали; и прислаша съ Москвы пищальниковъ казенныхъ 1000 и воротниковъ; и даша мѣсто, гдѣ новой торгъ ставити за середнимъ городомъ противъ Лужскихъ воротъ за рвомъ на Юшковѣ огородѣ Носухина, «да на Григорьевѣ Посадниковѣ Кротовѣ: да и церковь постави К. В. Преподобную Ксенію, въ которой день Псковъ взялъ, на Пустой улицѣ, въ Ермолинѣ въ садникѣ Хлѣбникова; а потому та улица Пустая «слыла, что межъ огородовъ, а дворовъ на ней не было; а жилъ К. В. во Псковѣ 4 недѣли, и поѣха на другой недѣли въ Понедѣльникъ».

(72) Въ *Архив. Псков. Лѣт.* сказано, что число Псковитянъ, задержанныхъ въ Новѣгородѣ; простиралось также до трехъ сотъ.

(73) *Псков. Лѣт.* Малинов.: «И тогда отъятся слава Псковская, и «бысть плѣненъ не иновѣрными, но своими единовѣрными людьми. И «кто сего не восплачетъ и не возрыдаетъ? О славнѣйшій граде Пскове, «великій во градѣхъ! почто сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный «градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, или како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія? прилетѣлъ бо на мя многокрыльный орелъ, ис«полнь крылѣ лвовыхъ когтей, и взя отъ мене три кедра Ливанова и, «красоту мою и богатство и чада моя восхити, Богу попустившу за грѣхи «наша; и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя «плѣниша, и торжища мои раскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ «заметаша, и отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и «дѣды и прадѣды наша, и матери и сестры наша въ поруганіе даша... «И мнози тогда мужи и жены постригошася во иноческій образъ,» и проч. Въ *Архив. Псков. Лѣт.*: «Такъ Богъ повелѣлъ быти, занеже писано во Апокалипсисѣ, глав. 54: пять бо Царей минуло, а шестый есть, «но еще не бѣ пришелъ: шестое бо Царство именуетъ въ Руси Скиѳскаго; «именуетъ и седмый потомъ еще, а осмый Антихристъ. Се бо Христосъ «глаголя: да не будетъ бѣжство ваше зимѣ, ни въ Суботу. Се убо пріиде «на ны зима. Сему бо Царству расширятися и злодѣйству умножитися».

(74) См. сей *Исторіи* Т. IV, г. 1348.

(75) Тамъ же, Т. III, г. 1329 и слѣд.

(76) Въ *Псков. Лѣт.* Малин. и въ *Русск. Времен.* 233: «Велѣлъ К. В. «у себя быти Посадникомъ Псковскимъ и Дѣтемъ Посадничьимъ и Боя«ромъ». Такъ и во многихъ мѣстахъ. Въ Новѣгородѣ именовали гражданъ нарочитыхъ *Житыми людьми*, а во Псковѣ *Житейскими*.

(77) Въ *Псков. Лѣт.* Малинов. и Толст.: «Посади 12 Городничихъ «и Старостъ Московскихъ 12 и Псковскихъ 12; а велѣлъ имъ въ судѣ «сидѣти съ Намѣстники и съ Тіуны правды стеречи, и у Намѣстниковъ «и у ихъ Тіуновъ и у Дьяковъ В. К. правда и крестное цѣлованье возлетѣли на небо, а кривда въ нихъ нача ходити.... а Псковичи бѣдныя «не вѣдаша правды Московскія, и далъ К. В. свою грамоту уставную «Псковичамъ.... и начаша Пригородскіе Намѣстники пригорожаны торго«вати и продавати великимъ и злымъ умышленіемъ, подметомъ и покле«помъ... а Приставы ихъ (Намѣстниковъ Псков.) начаша отъ поруки «имати по десяти рублевъ и по семи, и по пяти; а Псковитянъ кто молвитъ: В. Князя грамотою по чему отъ поруки имати велѣно? и они того «убьютъ.... И разбѣгошася (граждане) по чюжимъ городомъ, пометавъ «женъ и дѣтей; а кои иноземци жили во Псковѣ, и тѣ разыдошася въ «свои земли. Только одны Псковичи осташа: яко земля не раступитца, «а вверхъ не взлетишь..... Пригородовъ было во Псков. земли 10 и 2 «Городища: Кобылье и Вышегородище; а всѣ были жилы, а стали пусты «отъ Намѣстниковъ: и на второй годъ услышалъ К. В. таковое насильство, и свелъ ихъ, и прислалъ на ихъ мѣсто К. Петра Великого-Шуй-

«ского, да К. Симеона Курбскаго, и К. Петръ прежъ бывалъ во Псковѣ, «и начаша добры быти для Псковичь», и проч.

(78) Въ *Псков. Лѣт.* Малин.: «Ходилъ К. В. подъ Смоленескъ, а «со Пскова взялъ 1000 пищалниковъ и Псковскихъ земцовъ: тогда еще «не сведены быша съ своихъ вотчинъ».

(79) Стриков. кн. XXIII, гл. 5.

(80) Дѣла Польск. Двора, No 2, стр. 97—110. Въ 1509 г. пріѣзжали къ намъ отъ Короля Дворянинъ Долгирдовъ, Янъ Радзивиловичь, Намѣстн. Слонимскій, Войтехъ Яновичь, Намѣст. Бѣльской, и Писарь Богушъ; а отъ насъ ѣздили въ Польшу Борисъ Голохвастовъ и Печатникъ Николай Иванов. Ангеловъ, развѣдать о неудовольствіяхъ вдовствующей Королевы Елены. Сигизмундъ требовалъ, чтобы мы отпустили къ нему остальныхъ плѣнниковъ: Никол. Глѣбовича, К. Богдача Глинскаго, К. Андрея Прозоровскаго, Якуба Ивашенцова, Кіевскихъ военныхъ людей и Нѣмцевъ: а Василій требовалъ жены К. Ивана Озерецкаго, матери Князей Друцкихъ, и проч. Въ 1510 г. послы Литовскіе, Войтехъ Нарбутовичь, Намѣстн. Переломскій, и Григорій Горемыка, Писарь Королевскій, пріѣхали къ Государю во Псковъ, сказывая, что Князья Друцкіе съ ихъ матерью отпущены въ Россію и находятся въ Полоцкѣ. Въ семъ же году Меньшой Путятинъ былъ посланъ къ Сигизмунду, который жаловался, что Россіяне отняли у него волости Витебскія, Усвятскія и другія.—Въ 1511 г. Дворецкій В. Князя, Михайло Юрьевъ, ѣздилъ къ Королю съ разными жалобами. Ему надлежало узнать отъ Елены, какимъ образомъ Василій можетъ переписываться съ нею тайно. Король присылалъ въ Москву Воеводу Полоцкаго, Станислава, и Дворянина Богдана Далгирдова. Сигизмундъ изъявлялъ неудовольствіе на Можайскаго Воеводу, которой захватилъ нѣсколько селъ Литовскихъ и считаетъ рѣку Днѣпръ границею. В. К. далъ слово отпустить въ Литву женъ К. Борятинскаго и Сапѣги.—Въ 1512 г. Константинъ Замыцкой, возвратясь изъ Литвы, извѣстилъ Государя о неистовыхъ поступкахъ Вельможъ Королевскихъ съ Еленою.

(81) Для того ѣздили къ Королю Григорій Жорновъ и Меньшой Путятинъ въ 1512 г.

(82) Въ Генв. 1511: см. *Никон. Лѣт.* 189.

(83) Съ Царицею возвратился нашъ посолъ Морозовъ 21 Іюля. Она выѣхала въ Казань 20 Авг. съ Дворяниномъ Иваномъ Кобякомъ, возвратилась 22 Іюня 1511, и поѣхала въ Крымъ 5 Дек. К. Михайло Щенятевъ провожалъ ее до Путивля.

(84) Магметъ-Аминь прислалъ въ Ген. 1512 къ Государю Вельможу Шаусеина-Сеита для написанія шертной грамоты, которую отвезли въ Казань Окольничій Морозовъ и Дьякъ Харламовъ, а въ Февр. чрезъ слугу своего, Бузюку Бакшея, Царь молилъ Василія отправить къ нему Челяднина: см. *Никон* 191, и *Казан. Лѣт.*

(85) Стриков. кн. XXIII, гл. 6.

(86) Вѣсть о нападеніи Крымцевъ пришла въ Москву 8 Мая 1512. Они злодѣйствовали еще около Алексина, Воротынска, Коломны, *Волкона* (см. *Продолж. Нестора* 355).

(87) См. Розрядн. Книги.

(88) Или до Сернавы, какъ сказано въ другихъ лѣтописяхъ: см. *Продолж. Нест.* 355.

(89) Тогда былъ посланъ въ Крымъ *Останя* Андреевъ къ Окольничему, Михаилу Васильевичу Тучкову: см. Архив. Переписную Книгу, л. 203 на об.

(90) Въ Розряд. Книгахъ, г. 1512: «Писалъ къ В. Князю К. Ше«мякинъ, что отъ Менгли-Гирея Царя отступили дѣти его, Ахматъ» (а

въ лѣтописяхъ: *Маѳмедъ*) «съ братьею, пять Царевичей, а хотятъ быти «на В. Князя украйны,» и проч.

(91) Дѣла Польск. No 2 стр. 111.

(92) Съ сею грамотою отправили къ Королю Подъячаго Ваську Всесвяцкаго: см. Дѣла Польск. No 2, стр. 111—112.

(93) См. между моими Кенигсб. бумагами письмо Плеттенберга къ Магистру Прусскому 1513 г. No 719: Inn seynem Ausszuge sich personnlich horen lassen, das her dyweile seyne Pferth gehen unnd seyne Sabell schneiden will, nicht abzihenn, и проч.

(94) Въ Розряд. Книгахъ: «А съ нимъ братья его, К. Юрьй, да К. «Дмитрей Ивановичи, да К. Ѳедоръ Борисовъ, да Петръ Царевичь, да «Царевичь Шигъ-Авлеяръ (Астраханскій); а Воеводы К. Ив. Мих. Во«ротынской, да Петръ Иван. Житовъ. А напередъ себя послалъ къ «Смоленску: въ больш. полку К. Ив. Мих. Рѣпня, да Конюшей Ив. «Андр. Челяднинъ; въ передов. К Андр. Вас. Бѣлевской, да Ѳед. Ни«китичь Бутурлинъ: въ правой рукѣ К. Ив. Андр. Лугвица Микулин«ской, да Ѳед. Клементьев. Протасьевъ; въ лѣвой К. Никита Вас. Обо«ленской, да Иванъ Никитичь Бутурлинъ; въ сторож. Мих. Юр. За«харьинъ, да Ив. Бас. Собакинъ. А къ Бряславлю послалъ К. Великій «Ѳед. Юр. Щуку Кутузова, да Мих. Семен. Воронцова, да Анд. Никит. «Бутурлина. А съ Лукъ велѣлъ итти ко Бряславлю же: въ больш. полку «К. Вас. Семен. Одоевской, въ перед. К. Семенъ Ѳед. Курбской, въ «правой рукѣ К. Данило Бахтеяръ, да Ив. Мисиновъ, въ лѣвой К. Петръ «Елецкой, да Андр. Кутузовъ, въ сторож. Ив. Андр. Колычовъ. А изъ «Новагорода велѣлъ стоять въ Холмскомъ городѣ Воеводамъ: въ больш. «полку К. Василей Васил. Шуйской, въ перед. К. Борисъ Тебетъ-Ула«новъ, въ правой рукѣ Ив. Григор. Морозовъ, въ лѣвой Василей Григ. «Морозовъ, въ сторож. К. Ив. Александръ Буйносъ-Ростовскій.—Пошелъ «К. В. изъ Можайска къ Смоленску, а Воеводы въ больш. полку Петръ «Царевичь, да Бояринъ К. Данило Вас. Щеня, да К. Мих. Льв. Глин«ской, да Мосальскіе К. Дмитрей, да К. Семенъ Ивановичи; въ перед. «К. Вас. Семен. Стародубской, да Бояр. К. Вас. Шуйской, да К. Ив. «Мих. Воротынской, да Петръ Яковлев. Захарьинъ; въ правой рукѣ «братъ В. Князя К. Юр. Иванов. Дмитровской, да К. Алексан. Воло«димир. Ростовской, да К. Петръ Лобанъ Семеновичь Ряполовской; въ «лѣвой рукѣ братъ В. К. К. Дмитрей Иванов. да Григор. Ѳед. Давыдовъ, «да К. Ив. Ѳед. Ушатой; въ стор. К. Ѳед. Борисов. Болоцкой, да К. «Мих. Ив. Голица, да Петръ Ив. Жито, да К. Констан. Ѳед. Ушатой. «А Дворовые Воеводы Дворецкой Василей Андр. Челяднинъ, да Оружей«ничей Андр. Мих. Салтыковъ».

(95) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин.: «Пріѣхалъ К. В. подъ Смо«ленскъ въ Рожественское говѣніе, а 1000 пищальниковъ со Пскова, а «Псковичемъ тотъ рубежъ не за обычай... и велѣлъ имъ кормъ давати, «и стояли 6 недѣль, и К. В. далъ Хорузѣ Сотнику съ товарищи 3 бочки «пива, да 3 меду, и напившися и полѣзоша на приступъ, и иныхъ го«родовъ пищальники, и приметъ понесли въ полнощь... а изъ туровъ «пушками биша и много побиша, занеже пьяни полѣзоша... и поѣха К. «В. ничтоже учинивъ». Государь возвратился въ Москву на третьей недѣли Вел. поста.

(96) Въ *Никон. Лѣт.* 193: «и Королевы Елены въ той нужи и въ «животѣ не стало, Богъ вѣсть, которыми дѣлы!» Она скончалась 24 Генв. 1513.

(97) Дѣла Польск. No 2, стр. 112, 113.

(98) Въ Розрядн. Книгахъ: «В. К. пошелъ къ Боровску, а съ нимъ «братья его, К. Дмитрей, да К. Андрей, и отпустилъ ихъ на Каширу, «а брату своему, К. Юрью, велѣлъ выѣхати изъ Дмитрова тогожь дни, а «стояти въ Рузѣ, а въ Вязму не ходити. Бояре съ В. К. Григор. Өед. «Челядинъ, Конюшей и Бояринъ Ив. Андр. Челядninъ, Дворецкій Вас. «Андр., Оружничей Никита Иван. Карповъ; да съ нимъ же стряпаютъ «у доспѣха Юшка да Василей Княжь Ивановы дѣти Щетинина... По«слалъ К. В. напередъ себя Воеводъ къ Смоленску изъ Дорогобужа: въ «больш. полку К. Ив. Мих. Рѣпня, въ перед. Окольничей Анд. Васил. «Сабуровъ, да Юрій Замятинъ, да съ служивыми Татары Гридя Аѳанасьевъ «Дровнинъ; въ правой рукѣ К. Ив. Андр. Микулинской, да К. Андр. «Семен. Мезецкой, да К. Юрья Иванов. Воевода, К. Давыдъ Данило «Хромой; въ лѣвой рукѣ Мих. Андр. Плещеевъ, да К. Вас. Вас. Чулокъ«Ушатой; въ сторож. К. Петръ Семен. Романовича Ярославской, да «Өедоръ Никит. Бутурлинъ. А съ Лукъ велѣлъ отпустить къ Полоцку «Князю Вас. Вас. Шуйскому: въ болш. полку К. Михайло Вас. Гор«батой, въ перед. Дмитр. Вас. Китаевъ, въ правой рукѣ К. Семенъ Өед. «Курбской, въ лѣвой К. Петръ Ив. Елецкой, да Дмитр. Данил. Ивановъ; «въ сторож. Ив. Семен. Колычовъ, да Вас. Иван. Володимеровъ. А боль«шимъ Воеводамъ велѣлъ К. В. итти къ Смоленску изъ Дорогобужа на«передъ себя Авг. въ 11 день: въ больш. полку К. Данило Вас. Щеня, «да К. Ив. Михайл. Рѣпня; въ перед. К. Мих. Льв. Глинской, да Андр. «Вас. Сабуровъ, да Юр. Замятинъ; въ правой рукѣ К. Мих. Данил. «Щенятевъ; да Өедоръ Никит. Бутурлинъ (а какъ придетъ К. Лобанъ«Ряполовской, и Лобану быти со К. Михайломъ въ правой рукѣ на «Өед. Бутулина, а Өедору быти со К. Даниломъ въ больш. полку); въ «лѣвой рукѣ К. Андрей Ивановичъ Курака-Булгаковъ, да Мих. Андр. «Плещеевъ; въ сторож. К. Борисъ Ив. Горбатой, да Григ. Өоминъ Ива«новъ. Да съ Лукъ велѣлъ К. В. итти къ Полоцку: въ болш. полку Боя«ринъ К. Василей Вас. Шуйской, въ перед. К. Бор. Тебетъ-Улановъ, «въ правой рукѣ Окольничей Ив. Григор. Морозовъ, въ лѣвой Ив. Андр. «Колычовъ, въ сторож. К. Ив. Александр. Буйносъ-Ростовской; а какъ «придутъ къ Полоцку, и тогда быти въ болш. полку К. Василью Вас. «Шуйскому и Морозову, въ перед. К. Мих. Вас. Горбатову да Дмит. «Вас. Китаеву, въ правой рукѣ К. Семену Өед. Курбскому, въ лѣвой «Ив. Андр. Колычову. А на Москвѣ К. В. оставилъ Петра Царевича, «а съ нимъ быти Бояромъ К. Василью Мих. Холмскому, К. Вас. Ромо«дановскому, Петру Житову, Өед Мусавешкову-Сабурову.—Тогоже лѣта «съ Марта были Воеводы на Тулѣ: въ болш. полку К. Александ. Волод. «Ростовской, да Мих. Юр. Захарьинъ; въ перед. К. Ив. Мих. Воротын«ской да К. Ив. Семенка Соменов. Ярославской, да Юр. Замятинъ; въ «правой рукѣ К. Өед. Дмитр. Пронской, да К. Ив. Мих. Маминъ; въ «сторож. К. Андр. Дмитр. Курбской, да Андр. Никит. Бутурлинъ, да «Вас. Андр. Коробовъ.—Тогоже лѣта были на Угрѣ: въ больш. полку «К. Ив. Мих. Булгаковъ-Голица, въ перед. К. Ив. Ив. Телепневъ, да «К. Семен. Дмитр. Серебряной; въ правой рукѣ К. Костянт. Өед. Ушатой; въ стор. К. Сем. Мезецкой, въ лѣвой К. Ив. Ушатой. Изъ тѣхъ «Воеводъ К. В. послалъ въ Стародубъ К. Ив. Ушатова, да К. Семена «Серебрянова съ людьми ко К. Василью Семен. Стародубскому, да К. «Василью Щемячичу; а на Угрѣ велѣлъ быти въ больш. полку Князю «М. И. Голицѣ, да К. Ив. Вас. Нѣмому-Оболенскому; въ перед. К. Ив. «Дмитр. Золотому, въ правой рукѣ Окольничему К. Кост. Өед. Ушатому, «въ лѣвой К. Андр. Мих. Пенинскому, въ сторож. К. Семену Мезец«кому; да изъ Тульскихъ Воеводъ взялъ К. В. Князя Ив. Воротынскаго,

«да К. Ив. Сем. Ярославскаго, да К. Андр. Курбскаго, да Андр. Никит. «Бутурлина; а въ ихъ мѣсто послалъ К. Ив. Бѣлевскаго, да Щуку-Ку- «тузова, да Петра Яков. Захарьина, да К. Ив. Шамина. — Тогоже лѣта «въ Вязьмѣ были Воеводы въ больш. полку Бояр. К. Дан. Вас. Щеня, «въ перед. Бояр. К. Рѣпня, въ правой рукѣ К. Мих. Данил. Щенятевъ, «въ лѣвой К. Андрей Ивановичь Курака-Булгаковъ, въ сторож. Окольн. «Андр. Вас. Сабуровъ. Въ Дорогобужѣ въ больш. полку К. Борисъ Гор- «батой, да Григор. Ѳоминъ Ивановъ, въ перед. А. Ив. Лугвица-Мику- «линской, въ лѣвой рукѣ Мих. Андр. Плещеевъ, въ сторож. Ѳед Ник. «Бутурлинъ. Іюня въ 18 день К. В. пришелъ въ Боровскъ для своего «дѣла Смоленскаго и того дня стоялъ противъ Саввы Св. на Митропо- «личьемъ лугу; а изъ Боровска пошелъ къ Смоленску Сент. въ 5 (въ «лѣтописяхъ 11), а подъ Смоленскъ пришелъ Сент. въ 25».

(99) Въ Архив. *Иском. Лът.* Малин.: «Поѣха К. В. подъ Смоленскъ «съ пушками, и туры поставиша, и что разобьютъ днемъ, а въ нощи «все задѣлаютъ; и К. В. посылаше къ нимъ грамоты многіе о добрѣ и «о злѣ, чтобъ задалися за него». Далѣе говорится о приходѣ Новогород- цевъ и Псковскихъ дѣтей Боярскихъ съ К. Мих. Кислицею (Горбатымъ) 26 Окт. «И нарядъ весь отослалъ (В. К.) къ Москвѣ, а самъ послѣ по- «шолъ, погодя мало, а не учинивъ ничтоже».

(100) См. Дѣла Цесарск. Двора No 1, л. 163.

(101) Въ *Никон. Лът.* 195.: «Февр. 2 пріиде на Москву отъ Цесаря «Максиміана посолъ, именемъ Сниценпомеръ, Цесар. Величествія Со- «вѣтникъ, о любви и о братствѣ. Княжь же В. съ Максиміаномъ брат- «ство и любовь и вѣчное докончанье взялъ, да и грамоты докончальные промежъ себя написаша, и печать свою златую къ ней приложилъ, и «почтивъ посла, отпустилъ Марта въ 7». Стр. 203: «Дек. въ 1 день пріиде «на Москву посолъ Дмитрей Ласкаревъ да Е. Суковъ, и грамоту Цеса- «реву докончальную привезоша... А съ ними пришелъ Максиміана по- «солъ, именемъ Яковъ Докторъ да Маврецъ». Стр. 204: «Тое же весны «Апр. (1515) Государь отпустилъ Максиміянова посла, да съ нимъ по- «слалъ Алексѣя Григорьевича Заболоцкаго, да Дьяка Алексѣя Малаго». «Русская союзная грамота утратилась. Государь Петръ Великій приказалъ издать Нѣмецкую съ Французскимъ и Русскимъ переводомъ, напечатан- нымъ 10 Мая 1718 въ Императорской С. Петербургской типографіи. Въ Русскомъ переводѣ поставлено: «дано въ нашемъ градѣ *Гундепъ;*» а въ Нѣмецкомъ ошибкою: Brundenaw. Сія ошибка заставила нѣкоторыхъ ученыхъ людей сомнѣваться въ истинѣ договора: ибо нѣтъ города *Брун- денау;* но въ подлинникѣ стоитъ ясно Gmunden, какъ я видѣлъ соб- ственными глазами; окончательный слогъ am. а не aw, относится къ слѣдующему: am vierdten Tag. Гмундъ есть извѣстный городъ въ Верхней Австріи, гдѣ живали Императоры. Выраженія: wir haben genomen Liebeschaft und ewige Verpundtnüss—bis zu unnser Leben—und ist Sach das yetzt Veindt die Sach nit nach unnser Maynunge geschicht— и другія показались странными; но должно знать, что наше древнее Министерство всегда требовало словеснаго перевода Русскихъ выраженій въ заключаемыхъ съ иноземцами договорахъ, не заботясь о чистотѣ языка, какъ-то свидѣтельствуютъ многія старинныя Нѣмецкія грамоты въ Московскомъ и Кенигсбергскомъ Архивѣ, наполненныя *Рутенизмами*, только для насъ ясными. — Императоръ Іосифъ II, будучи въ Москвѣ, съ любопытствомъ читалъ сію харатейную Максимиліанову грамоту, и сказалъ съ усмѣшкою чиновникамъ Архивскимъ: «Господа! покажите это «Французскому Королю:» ибо Версальскій Дворъ долго не хотѣлъ име- новать нашихъ Государей Императорами.

(102) Дѣла Цесар. No 1, л. 189 (въ Государевомъ наказѣ Окольн. Ивану Григор. Морозову, Нам Новогород.): «а опослѣ стола похотятъ у тебя пити. «и ты бы ихъ унялъ и сѣлъ съ ними пити; а какъ будетъ чаша подати, и ты «бы чашу подалъ вмѣстѣ и мою и Максимиліанову, а помянулъ бы еси первое «мое здоровье, а послѣ его; а поспѣшатъ они чашу подати своего Государя, «и ты бы ихъ не унималъ, а ты бы опослѣ его мою чашу не подавалъ».

(103) Сія харатейная договорная грамота находится въ Архивѣ между Лифляндскими No. 3. Она писана въ Маѣ 1514. Начало такъ: «По Божьей и по Великаго Государя велѣнью» (слѣдуетъ титулъ В. К.)... «мы пословѣ семидесяти городовъ, изъ Юрьева Иванъ Буликъ Бергоме- «стеръ, да Арентъ фонъ Лоне Ратманъ, да Попъ Матіясъ, Лемке писарь «Юрьевской, а изъ Колывани Иванъ Віянтъ Бергомеcтеръ, да Иванъ «Ротгерсъ Ратманъ, какъ отъ Любека, такъ отъ Риги... и отъ всѣхъ се- «мидесяти городовъ съ сее стороны поморья и съ оной стороны заморья, «пріѣхаша въ Вел. Новгородъ къ В. Государя Намѣстникомъ... бити че- «ломъ о томъ, чтобы Вел. Государь, Божіею милостію Царь» (а въ Нѣ- «мецк, подлинникѣ стоитъ, какъ обыкновенно, Kayser) всея Руси Берга- «местровъ и Ратмановъ и всѣхъ купцовъ и купецкихъ дѣтей семидесяти «городовъ пожаловалъ», и проч. Далѣе: «Торговати бы велѣлъ всякимъ «товаромъ безъ вывѣта... а которые церкви Рускіе и Концы вѣ Немѣт- «цкихъ городѣхъ, и тѣ очистити по старинѣ, а ихъ не обидѣти... Гостю «Ноугородцкому ѣздити въ Нѣметцкую землю съ товаромъ, горою и водою «путь чистъ... А купитъ Нѣмчинъ у Ноугородца воскъ, а будетъ воскъ «не чистъ, и Ноугородцу тотъ воскъ обмѣнити... А будетъ продавати въ «ластъ, ино съ него вѣсчего нѣтъ; а учнетъ купити и продавати въ вѣсъ, «ино съ него вѣсчее имати... А дасть Нѣмчинъ серебро, а будетъ не- «чисто, и Нѣмчину то серебро обмѣнити; а учнетъ продавати Нѣмчинъ «соль и селдь и медъ въ ластъ, ино вѣсчего нѣтъ... а ластъ имъ прода- «вати и купити по старинѣ не скупо... А доспѣется каково лихо надъ «Ноугородцкимъ купцомъ на морѣ отъ лихихъ людей семидесяти горо- «довъ, ино тѣхъ искати семидесяти городомъ... и казнити смертью... а «въ лихомъ человѣкѣ, въ разбойникѣ, купцовъ не порубати... А похочетъ «Ноугородецъ товаръ класти съ Нѣмчиномъ въ лодью или въ бусу въ «одномъ мѣстѣ, а доспѣетца притча на морѣ, ино дѣлитись по товару, «что останетца по крестному цѣлованью; а задеретъ на морѣ Новогород- «цкую бусу вѣтромъ, да прибьетъ къ Нѣметцкому берегу семидесяти го- «родовъ, также и Нѣметцкую къ Новогородцкой землѣ, и тѣ бусы обы- «скавъ отдавати на обѣ стороны безъ хитрости... имати отъ тѣхъ бусъ «перейма отъ 10 рублевъ по рублю... А дойдетъ Ноугородецъ до казни «въ семидесяти городѣхъ, ино его не казнити, а обослатись съ Намѣст- «ники Вел. Новагорода, и Намѣстники пришлютъ въ Ригу и въ Юрьевъ «и въ Колывань человѣка два или три добрыхъ, и намъ передъ тѣми «людми Ноугородцу тута и управа учинити... А взыщетъ Ноугородецъ «на Нѣмчинѣ, а досудятъ до цѣлованья, ино цѣловати отвѣтчику... А въ «Нѣмецк. городѣхъ судити Ноугородца какъ своего Нѣмчина, а въ Новѣ- «городѣ Нѣмчина какъ своего Ноугородца... а порубу не быти на обѣ «стороны... ни въ клѣтку, ни въ погребъ безъ суда не сажати, ни ковати». Далѣе сказано, что послы наши и другихъ Государей къ намъ ѣздятъ свободно черезъ Нѣмецкіе города, а Ганзейскіе послы черезъ Россію. За Намѣстниковъ цѣловали крестъ Бояре Новогородскіе, Григорій Петровичь Валуевъ, Иванъ Ивановичь Пушкинъ, Купецкій Староста Басилій Никитичь Тороканов, а вмѣсто другаго Старосты Купецкаго Новогородскій купецъ Ѳедоръ Владиміровъ Волковъ. Къ грамотѣ было привѣшано 5 печатей: ихъ уже нѣтъ; остались только снурки.

(104) См. Arnta Liefl. Chr. стр. 158.

(105) Михайло Ивановъ сынъ Алексѣевъ былъ отправленъ изъ Москвы 15 Дек. 1512, а возвратился въ Маѣ 1514 (см. Дѣла Турецк. No 1, л. 1—17, и *Никон. Лѣт.* 195, гдѣ Турецкій посолъ названъ Кемалби). Камалъ писалъ съ дороги къ Траханіоту: «Господине брате Георгіе! отъ «мене Камала, нѣкогда зовомый Ѳеодоритъ: послалъ есми къ твоему «господству племянника своего Мануила», и проч. Алексѣевъ въ донесеніяхъ къ Государю жаловался на К. Василія Шемякина, что онъ въ городахъ своихъ худо кормилъ его и пословъ Крымскихъ, Девлетъ-Кельдея и Кудояра, вмѣстѣ съ нимъ ѣхавшихъ изъ Москвы.

(106) «И Маіа 28 велѣлъ К. В. Камалу быти на Дворѣ и у себя... «а передъ Малою палатою стояли Княжата и Дѣти Боярскіе въ терли- «кѣхъ въ саженыхъ, а иные въ кожусѣхъ и въ шубахъ... и К. Вел. велѣлъ «ему сѣсти близко себя на скамьѣ». Посолъ не долго сидѣлъ за столомъ, и вышелъ вонъ по болѣзни.

(107) «И Камалъ говорилъ: то дѣло великое: намъ то какъ умѣть сказать: кто нашему Государю другъ, и кто недругъ?»

(108) См. Гербершт. R. M. Comment. стр. 9.

(109) Стриков. кн. XXIII, гл. 7.

(110) См. Разряд. Книги. 4 Мая В. К. послалъ въ Тулу Воеводъ К. Александ. Ростовскаго, Мих. Юрьевича Захарьина, К. Ив. Мих. Воротынскаго, Григ. Ѳомина Иванова, К. Андр. Дмитр. Курбскаго, Андр. Бутурлина, К. Семенку Ярославскаго, Юрья Замятина, К. Ив. Андр. Микулинскаго и К. Ив. Шамина. Подъ Смоленскимъ главными Воеводами были К. Даніилъ Щеня, Конюшій Челядинъ; а въ перед. полку К. Мих. Глинскій съ К. и х. Горбатымъ: въ правой рукѣ К. Мих. Данил. Щенятевъ, К. Никита Вас. Оболенскій и К. Ив. Ѳед. Ушатой; въ лѣвой К. Андрей Ивановичь Курака-Булгаковъ, К. Ив. Ив. Щетинъ-Оболенскій; въ сторож. К. Бор. Ив. Горбатой и Дмит. Вас. Китаевъ. Новогородскіе Намѣстники, К. Вас. Шуйскій и Морозовъ, съ Конюшимъ Замятнею и съ Конст. Беззубцевымъ стояли въ Лукахъ; тутъ же и К. Ив. Ив. Тетка-Ростовскій, Вас. Ив. Овца-Владиміровъ, Ив. Сем. Пупокъ-Колычовъ. Іюня 7 Вас. Серг. Левашевъ былъ отправленъ къ нимъ съ повелѣніемъ итти къ Оршѣ. Тульскіе полки также двинулись къ Смоленску. *Дворовыми* Дѣтьми Боярскими предводительствовали К. Вас. Андр. Ногтевъ и К. Алекс. Ѳед. Сицкій. Въ числѣ другихъ Воеводъ именованы еще К. Ив. Дм. Золотой Щепинъ, К. Ив. Вас. Нѣмой-Телепневъ, К. Сем. Дм. Серебряной-Щепинъ. На Угрѣ оставались Боярин Сем. Ив. Воронцовъ, Окольничіе Ив. Вас. Хабаръ и Петръ Яков. Захарьинъ.

(111) См. *Архан. Лѣт.* 181-183—*Никон.*, *Архив.* и проч. Сказано, что Смоленскъ сдался Государю 31 Іюля.

(112) См. жалованную грамоту Смоленскимъ жителямъ въ *Собраніи Государствен. Грамотъ* I, 411. Василій уже называется въ ней *Смоленскимъ*; она писана или 30 или 31 Іюля: число стерлось: видна только одна черта буквы *Л*. Начало: «Даемъ вѣдати, что намъ билъ челомъ «нашъ богомолецъ, нашіе Смол. отчины Владыка Варсонофей и Уряд- «ники, Окольничіе, и Князи, и Бояре, и мѣщане, и черные люди, о томъ, «что намъ ихъ пожаловати, держати въ ихъ старинѣ, какъ ихъ держалъ «К. В. Витовтъ и иные прежніе Государеве ихъ, по той утвержденной «грамотѣ, какову имъ далъ Александръ Король, и въ Домъ Пречистые и «въ скарбъ, и во всѣ монастыри и въ церков. земли и въ воды не встү- «патися; и развода имъ самимъ не чинити... Въ ихъ выслугу не встү- «патися, ни у жонъ, ни у дѣтей... ни по неволѣ жонъ замужъ не отда-

«вати; а кого въ животѣ не станетъ, ино намъ животъ свой дастъ послѣ «себя, и намъ у нихъ въ тѣ ихъ животы не вступатися... А который «судъ былъ у нихъ при Витовтѣ, и суду у нихъ быти о всемъ по тому. «А кто приведетъ татя съ поличнымъ къ нашимъ Намѣстникомъ, и по- «личное отдать истцу... Намѣстникомъ и Околничимъ, и Княземъ, и Бояр- «ромъ и мѣщаномъ, и чернымъ людемъ, и ихъ людемъ, и всѣмъ Уряд- «никомъ Смоленскіе земли корчемъ не держати; а Недѣльщикомъ На- «мѣстничимъ имати хоженое съ рубля съ Ризского по два гроша. Также «есми пожаловалъ Смолнянъ, съ котораго товару имѣли вѣсчего напе- «редъ сего, съ воску и съ меду и съ соли и съ иного товару, тѣмъ есми «ихъ пожаловалъ, мѣщаномъ и чернымъ людемъ то вѣсчее имати на себя. «А что давали прежнимъ Государемъ со всего города съ году на годъ «по сту рублевъ, и язъ ихъ тѣмъ пожаловалъ: того имъ въ нашу казну «не давати. А Бояромъ мѣщанъ и черныхъ людей въ закладни не пріи- «мати; а мѣщаномъ и чер. людемъ подъ наши гонци подводъ не давати, «а держати подводы нашимъ ямщикомъ, и наемъ давати отъ подводъ «по томужь, какъ и въ нашихъ земляхъ. Также есми Бояръ Смоленскихъ «пожаловалъ: которые волости Смоленскіе, тѣ волости держати Бояромъ «Смоленскимъ, какъ котораго пожалую... Наши Намѣстники и Окольничіе, «кудѣ имъ лучится ѣхати или послати, и имъ у мѣщанъ и у черн. лю- «дей подводъ не имати, а ѣзду давати имъ довотчику на милю по грошу, «а на правду вдвое. А черезъ поруку Намѣсничимъ людемъ людей въ «желѣза не ковати и въ тюрму не метати. А Окольничей нашъ и На- «мѣстники емлютъ съ мясниковъ, которой на посадѣ убьетъ, съ яловици «по полугрошу. А отъ ябедниковъ Намѣстнику и Окольничимъ Бояръ и «мѣщанъ беречи; а котораго ябедника утяжутъ, и и они его казнятъ по «его винѣ. А Конюшіе наши Смоленскіе съ конскаго стада и съ живо- «тинного на лѣто емлютъ по 12 грошей. Также есми пожаловалъ мѣщанъ «и черн. людей, велѣлъ есми имъ лѣсъ сѣчи въ своихъ лѣсѣхъ и въ Боярс- «кихъ около города безъ явки. А мировая куница и свадебная имати «по 6 грошей; а со вдовы имати по томужь, которая пойдетъ за-мужъ. «А люди Околничихъ и Князей и Бояръ Смоленскихъ, которые живутъ «на посадѣ и въ городѣ, а торгуютъ, и съ тѣхъ емлютъ съ воротъ сто- «рожевщину по силамъ, по старинѣ. А хто человѣка держитъ въ ден- «гахъ, и онъ того своего человѣка судитъ самъ, а Околничіе въ то у «него не вступаютца.» Привѣшена Великокняж. печать съ двуглавымъ орломъ; на оборотѣ грамоты подписано: «Вел. Государь Василей, Божіею «милостію Государь всеа Русіи и Вел. Князь».

(113) См. *Архан. Лѣт.* 183: «и которые *похотѣли* на Москвѣ жити, «и тѣмъ людемъ денегъ на подъемъ давалъ своей казны».

(114) Стриков. кн. XXIII, гл. 7, и Герберштт. R. M. Comment. 79.

(115) *Архан. Лѣт.* 183.

(116) Герберштт. R. M. Comment. 79.

(117) «Авг. 7 послалъ К. В. Боярина Воеводу, К. Мих. Данил. «Щенятева, да К. Ив. Мих. Воротынскаго, да Князей и Бояръ Смо- «ленскихъ ко Мстиславлю.,. Тогоже мѣсяца въ 13 день пріѣхаша изъ «Кричева и изъ Дубровны мѣщане и черные люди, чтобы Государь по- «жаловалъ, велѣлъ имъ себѣ служити».

(118) *Архан. Лѣт.* 184. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Государь поѣхалъ въ Москву.

(119) Такъ въ *Архан. Лѣт.* стр. 185. «Князь же Михайло Голица «скоро вѣсть посла Воеводѣ Ив. Андр. Челяднину, а самъ всѣдъ борзо «на конь со всѣмъ Дворомъ своимъ... и тое ночи гнавъ... и бысть въ «четвертую стражу нощи, оже М. Глинскій ѣдетъ одинъ напередъ своихъ

«Дворянъ за версту, и пойма его К. М. Голица а Дѣти Боярскіе пере-«имали Дворянъ Глинскаго; и на всходѣ солнечномъ приспѣ Иванъ «Андреевичь». Герберштт. разсказываетъ, что Глинскій, не вѣря Королю, требовалъ ручательства его двухъ любимцевъ, Нѣмцевъ Георгія Писбека и Ганса Рехенберга, которые и присягнули ему въ искренности Сигизмундовой; что слуга Глинскаго съ Королевскимъ отвѣтомъ попался въ руки нашимъ Воеводамъ; что Сигизмундъ въ тоже время послалъ къ Глинскому Дворянина Трепко, также захваченнаго и пытаннаго Россіянами, но не открывшаго имъ своей тайны; а Стриковскій прибавляетъ, что Трепко назвался посломъ Римскимъ, и что Василій приказалъ наконецъ съ честію отпустить его. Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин.: «и человѣка «его (Глинскаго) изымаша съ перевѣтными грамотами къ Королю».—Далѣе пишетъ Герберштейнъ, что Глинскій отвѣтствовалъ Василію на его укоризны: «Если бы ты исполнилъ данное мнѣ обѣщаніе (въ разсужденіи «Смоленска), то я до гроба служилъ бы тебѣ вѣрно. Не боюсь казни, и «готовъ умереть, чтобы не видать тирана». Въ Вязьмѣ привели его къ Московскому Воеводѣ, который, бросивъ передъ нимъ тяжкія цѣпи, сказалъ: «Государь нашъ любилъ тебя, а ты измѣнилъ ему: и такъ пріими «сіи оковы». Михаилъ, видя вокругъ себя множество людей, произнесъ будто бы длинную рѣчь, доказывая вѣроломство В. К. и свою невинность. «Обманутый имъ (говорилъ онъ), я хотѣлъ только удалиться отъ «него, мирно и безъ всякаго предательства», и проч.

(120) Герберштт. R. M Comment. стр. 9. Тоже говоритъ и самъ Король Сигизмундъ въ письмѣ къ Магистру Ливонскому (см. между моими Кенигсбер. бумагами No. 733).

(121) С. *Архан. Лѣт.* 186, гдѣ однакожь несправедливо названа рѣка *Березиною:* сраженіе было на *Днѣпрѣ* по всѣмъ другимъ лѣтописямъ, Розряд. Книгамъ и по сказанію Герберштенна. Одинъ Стриковскій пишетъ, что Константинъ 27 Авг. имѣлъ на *Березинѣ*, Бобрѣ и Дровѣ счастливыя сшибки съ Россіянами, которые послѣ отступили за Днѣпръ.

(122) Герберштт. R. M. Comment. 9.

(123) *Архан. Лѣт.* 186: «Нача съ Литвою первое битися К. Мих. «Голица своимъ полкомъ, а Ив. Андреев. въ зависти не поможе К. Ми-«хайлу, и не бися съ Литвою въ ту пору; и бившеся много, и раступив-«шеся. И въ другіе Литва пришла на Ив. Андр., и начатъ Ив. Андр. «битися, а К. Мих. не поможе; и бившеся много, и раступившеся, а «силы паде на обоихъ сступѣхъ много. И въ третіе наступиша Литва «на К. Мих. Голицу, и бися К. Михайло много, и Иванъ Андр. въ ту «пору К. Михайла выдалъ, а самъ побѣже... а за Ив. Андр. погнаша, «да и того поимавше», и проч. Въ *Никон. Лѣт.:* «В. К. пойде изъ Смол. «на Москву, а къ Воеводамъ, ко К. Мих. Булгакову и инымъ послалъ, «велѣлъ имъ ити за собою къ Москвѣ. Воеводы же поостались, ожидая «тѣхъ людей, которые были отъ нихъ посланы на Дрюцкіе поля и къ «Борисову и къ Менску; и въ тѣ поры, по того измѣнника К. М. Глин-«ского ссылкѣ, Королевы Воеводы со многими людми *безвѣстно* напа-«доша на Воеводъ В. К»., и проч. Въ *Русск Временникѣ*: «а мѣсто пришло «тѣсно, и побиша В. К. людей изъ лѣсовъ, и убиша изъ пушки Вое-«воду въ перед. полку, К. Ив. Ив. Темку-Ростовскаго». Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин.: «Бысть побоище великое подъ Оршею и возопиша жены «Оршанки на трубы Московскія, и слышаша быти стуку и грому велику «межу Москвичами и Литвою, и вдаришася Бояре и Князи Рускія съ «дивными удальцы Рускими на сильную рать Литовскую, и треснули «копія, и гремятъ мечи булатныя о шеломы Литовскія на полѣ Оршин-«скомъ». Это напоминаетъ *Слово о полку Игоревѣ.*

(124) См. Герберштт. R. M.. Comment. стр. 9. По его извѣстію, не весьма удовлетворительному, «Литовцы вытянули свои ряды на большомъ пространствѣ Главная наша сила была въ серединѣ, а два крыла подались впередъ, чтобы окружить непріятеля. Въ 4000 шагахъ отъ города Орши вступили въ бой: напали Россіяне, съ ужаснымъ воплемъ: Литовцы отразили ихъ; но первые съ новыми полками напали вторично и смяли Литовцевъ. Нѣсколько разъ тѣ и другіе бѣжали и гнали; наконецъ сошлись главныя рати. Тутъ Литовцы хитрымъ отступленіемъ навели Россіянъ на пушки, зашли имъ въ тылъ, разбили ихъ сторожевой полкъ, и дружнымъ общимъ нападеніемъ одержали побѣду». Стриковскій воспѣлъ ее въ стихахъ, сказывая, что Константинъ, велѣвъ готовить суда и дѣлать мостъ на Днѣпрѣ для пѣхоты, переправилъ 16.000 конницы въ бродъ; что съ нимъ соединился Польскій Воевода Свѣрчовскій, и проч.—У меня есть краткій Кіев. современный лѣтописецъ, который удивительнымъ образомъ славитъ Острожскаго за сію побѣду, сравнивая его съ Александромъ Македонскимъ, Поромъ Индѣйскимъ, со всѣми Героями свѣтской и священной Исторіи; радуется, что птицы клюютъ и звѣри терзаютъ тѣла Москвитянъ, и говоритъ о Великомъ Князѣ, что онъ клятвопреступникъ, имѣющій *ненасытную утробу лжоименія*, и проч.

(125) Въ письмѣ Короля къ Магистру Ливонскому: Triginta milia sunt cesa, octo summi et precipui eorum Voyewode et consiliarii, triginta, septem Duces. Barones, et Officiales cum aliis super mille quingentis Nobilibus capti. Стриковскій полагаетъ число убитыхъ Россіянъ до 40,000, кромѣ утонувшихъ, именуя знатныхъ плѣнниковъ: Челядника, К. Мих. Голицу, К. Дмит. Булгакова (Михаилова брата), К. Ив. Дм. Пронскаго, Дм. Вас. Китаева, Дан. Андр. Плещеева, Ив. и Владим. Сем. Колычовыхъ, К. Бориса и сына его К. Петра Ромодановскихъ, К. Ив. Сем. Стародубскаго, К. Петра и племянника его К. Сем. Ив. Путятиныхъ, Бориса Ив. Плещеева, Ив. Вас. Калешова, Фил. Ив. Киселева, Юр. Дмит. *Лычкова*, Андр. Фил. Нащокина, Ив. Андр. Яропина, Матв. Ив. Внука, Тимоѳ. Дм. Губарева, К. Юр. Ив. Дива, Ѳед. Ив. Новосильцева, Гр. Борис. Безумнаго, и другихъ.

(126) Константинъ обѣщался построить 2 церкви, и велѣлъ сперва пѣть молебенъ на Латинскомъ, а послѣ на Русскомъ или Славянскомъ языкѣ (см. Энгеля Gesch der Ukraine, стр. 52).

(127) Герберштт. пишетъ, что онъ, будучи въ Вильнѣ, съ Королевскаго дозволенія ходилъ къ Челяднину и къ двумъ весьма старымъ Воеводамъ нашимъ, окованнымъ цѣпями: утѣшалъ ихъ и далъ имъ въ заемъ нѣсколько золотыхъ гульденовъ (R. M. Comment. 10).

(128) Стриков. (кн. XXIV, гл. 2) пишетъ, что Сигизмундъ послалъ къ Папѣ 14 Дворянъ Московскихъ, но Импер. Максимиліанъ велѣлъ отнять ихъ у посла, и чрезъ Любекъ отправилъ въ Россію.

(129) Король пишетъ къ Магистру Ливонскому: Iam arcem Dambrowno de manibus eorundem hostium eripuimus, speramusque fore quod brevi et Smolensko et reliquas arces nostras, dudum amissas, recuperabimus. Далѣе говоритъ о бѣгствѣ В. К. въ Москву, и проч.

(130) Ваську Кодыкина.

(131) *Архан. Лѣт.* 187.

(132) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин. сказано, что Епископа Варсонофія и сначала подозрѣвали въ ненависти къ В. К., который для того, будучи въ Смоленскѣ, не поѣхалъ къ нему обѣдать, жилъ за городомъ и ѣздилъ только всякой день въ Соборную церковь; что Государь, получивъ извѣстіе о несчастной битвѣ, спѣшилъ удалиться отъ Смоленска, а Варсонофія сослалъ на *Кубено озеро, на Камено въ монастырь.*—

На мѣсто Варсонофія поставили въ Москвѣ Чудовскаго Архимандр. Іосифа, 15 Февр. 1515. Онъ поѣхалъ въ Смоленскъ на четвертой недѣлѣ поста, въ Мартѣ.

(133) См. Т. VI, въ описаніи 1504 года. Неизвѣстно, когда ушелъ Ляшковичъ въ Литву.

(134) См. Энгеля Gesch. der Ukraine, стр. 49—50.

(135) См. Дѣла Турецк. No. 1, л. 26—27.

(136) Василій Андреевъ Коробовъ былъ отправленъ 15 Марта 1515 (см. Дѣла Турецк. No. 1, л. 28 — 65). Ему дали и грамоты образцовыя для заключенія союза съ Селимомъ. Въ тоже время Василій Копылъ и Ив. Варавинъ поѣхали въ Греческіе монастыри съ милостынею.—Коробовъ возвратился въ Москву 19 Февр. 1516 (см. тамъ же, л. 87). Султанъ писалъ къ В. К. о купеческихъ дѣлахъ: «А торговымъ людемъ на«шимъ и вашимъ съ торгомъ и безъ торгу слободно ходити, и ходятъ «безъ всякихъ зацѣпокъ, въ береженьи и въ оборони, и да торгуютъ «какъ хотятъ... Которому человѣку смерть ся лучить, остатокъ его взяти, «что ся остало, какъ было по старому закону при славномъ родителѣ «нашемъ... все переписати и запечатати сполна; все лицемъ на торгъ посылати». Писано Авг. 30, 1516.—Въ сихъ переговорахъ упоминается о Казакахъ Азовскихъ: В. К. требовалъ, чтобы Султанъ запретилъ имъ тревожить нашу Украйну и хватать людей, которые посылаются оттуда въ степи для развѣдыванія о Крымцахъ и Ногаяхъ.

(137) Менгли-Гирей умеръ въ Вел. Субботу 1515 (см. Дѣла Турецк. л. 70 на об.) и погребенъ въ Свѣтлое Воскресеніе.

(138) См. Дѣла Крым. No. 4, л. 20 и слѣд. Посолъ, Янчюра Дуванъ, привезъ въ Москву (31 Авг. 1515) и Менгли-Гирееву грамоту, писанную симъ Ханомъ передъ его смертію къ В. К., такого же содержанія, какъ и Магметова. — Злоба покойнаго Хана на Россію (какъ писалъ одинъ изъ нашихъ доброжелателей, К. Ашпакъ) произошла отъ того, что В. К. прислалъ къ его старшему сыну болѣе даровъ, нежели къ самому Менгли-Гирею.

(139) В. К., призвавъ къ себѣ Летифа, сказалъ ему: «Мы тебя съ «собою въ дружбѣ и братствѣ учинили... и то вѣдаешь. котораго есмя «для дѣла не учали съ тобою быти въ дружбѣ и братствѣ; а о послѣ того «Менгли-Гирей Царь съ нами не учалъ быти въ дружбѣ, и то тебѣ вѣ«домо, что Магметъ-Гирой приходилъ на наши Украйны, и ты все вѣ«даешь, котораго еси для дѣла у насъ такъ былъ» (см. Дѣла Крым. No. 4, л. 59).

(140) Ив. Григорьев. Мамоновъ выѣхалъ въ Тавриду 15 Ноября 1515, и повезъ Хану краснаго кречета, соболью шубу, чару, ковшъ и черпало серебряныя.

(141) Нашъ посолъ Коробовъ ѣхалъ тогда отъ Султана съ его сановникомъ черезъ Таврилу. Магметъ-Гирей сказалъ нашему доброжелателю, К. Кудояру: «Се таковъ твой К. В.! ссылался съ Турскимъ: ино «Камалъ (Селимовъ посолъ) здѣси былъ да бредилъ, да и у В. К. бре«дилъ же, будто Турской говорилъ: *Магметъ-Кирей и вся Орда въ моей «волѣ*. И. К. В. по знатью послушалъ того, да опроче меня Гамалу и «своему послу по своей землѣ на Донъ дорогу доспѣлъ. А была бы В. «Князя правда, пригоже было ему, со мною обослався, да отпустить было «ему тѣхъ пословъ на мою землю». (Дѣла Крым. No 4, л. 333 на об.).

(142) Мамоновъ писалъ къ Государю, что съ него въ Ханскомъ дворцѣ Ясаулы требовали *посотной* дани за входъ и силою взяли дары для Царевича Алпъ-Гирея, который находился въ Литвѣ и въ угожденіе Сигизмунду посылалъ своихъ Татаръ на Смоленскія мѣста.

(143) Кудояръ сказалъ Мамонову: «Король прислалъ ко Царю на «два года поминки, 500 поставовъ сукна, да 30,000 золотыхъ, и Царь «всѣ золотые себѣ затаилъ» (Дѣла Крым. No. 4, л. 332, на об.).

(144) Сей Василій Ивановъ Шадринъ былъ захваченъ Крымцами въ одномъ изъ ихъ набѣговъ на Россію и послѣ освобожденъ. В. К. отправилъ къ нему въ помощники Дворянина Илью Челящева.

(145) «Видишь самъ, каковъ мой братъ Царь! Коли былъ отецъ «нашъ Царь, ино онъ одинъ былъ Царь, а мы дѣти его слушали, а «Князи и всѣ люди его же слушали; а нынѣча братъ нашъ Царь, а сынъ «у него Царь же, а Князи у него Цари же» (Дѣла Крым. No. 4 л. 320 на об.).

(146) «К. В. братъ мой! гораздо выслушавъ, подумай. Сего году рать «свою отъ всѣхъ городовъ поостави: пошли свою рать, чтобы взяти «Кіевъ. Съ сю сторону язъ пришедъ, имъ подокучаю; а съ другіе стороны «твоя рати приди; а сее бы зимы Кіевъ взявъ ты, да мнѣ, брату своему, «далъ: ино бы въ немъ язъ сидѣлъ, а послѣ того Вильну и Троки, Ко«ролевскій столъ, язъ взявъ, да тебѣ дамъ» (см. тамъ же, л. 372 на об.).

(147) Калга Ахматъ-Гирей писалъ къ Государю въ Нояб. 1516: «Брата моего сынъ (Алпъ-Гирей), да и мой сынъ Гемметъ-Гирей на не«друга твоего, на Литовскій Юртъ, а съ ними 40,000 нарядные рати «воевати ходили, и, слава Богу! по здорову и обогатѣвъ пришли» (см. тамъ же, л. 370 на об.).

(148) См. *Казан. Лѣт.* гл. XV.

(149) См. *Никон.* 205 и *Архив. Лѣт.* л. 220. Послами изъ Казани (въ Іюнѣ 1515) были Усеинъ-Сеитъ (духовный сановникъ), Земской Князь Шаисунъ и Бакшей-Бузака. Съ Мих. Вас. Тучковымъ ѣздили въ Казань Оружничій Никита Ив. Карповъ и Дьякъ Ив. Телешевъ, съ коими вторично пріѣхалъ въ Москву Шаусеинъ-Сеитъ; тогда Василій далъ Летифу городъ Коширу.

(150) Въ 1516 году, въ бытность В. Князя въ Можайскѣ, пріѣхалъ посолъ отъ Хана, Абдылъ Авельшихъ Зода, который не былъ званъ ни къ рукѣ, ни къ столу Государеву, для того, что въ Тавридѣ свирѣпствовала язва. Магметъ-Гирей, хваляся нападеніемъ на Литву, писалъ, что *Ширинскіе* или первостепенные Князья не хотятъ присягнуть въ дружбѣ къ Россіи, видя Шигъ-Алея Владѣтелемъ городка Мещерскаго; требовалъ также, чтобы Василій превзошелъ Сигизмунда въ щедрости даровъ. — Гонецъ Великокняжскій, Байкула Олферовъ, въ Іюнѣ 1517 г. былъ посланъ къ Хану съ извѣстіемъ, что Россіяне готовы итти на Астрахань.

(151) Въ *Архив. Лѣт.* 222 (г. 1517): «Король Польскій посылалъ «въ Крымъ Пану Олбрехта Мартынова съ великою казною, къ Менгли«Гиреевымъ дѣтямъ, а велѣлъ ихъ наводити на Вел. Государя Василья «Украйны... И того же лѣта Авг. приходиша Крым. Татарове Туказанъ «Мурза, Бехтеревъ сынъ Ширинovъ, да Удеимъ Мурза Мангитъ, да «Алповъ Царевичевъ шуринъ... и начаша воевати около Тулы и Без«путы... И Воеводы послаша Ивашку Тутыхина да *Волконскихъ* Князей «со многими людми... Тогоже мѣсяца (Ноября) прислалъ К. Василей «Иванов. Шемячичь своего человѣка Мих. Янова съ тѣмъ, что прихо«дили Татарове», и проч.

(152) Въ *Никон. Лѣт.* 195: «Апрѣля въ 9 К. В. отпустилъ Датскаго «посла Давыда, да съ нимъ послалъ Ивана Микулина, да Дьяка Василья «Бѣлаго; того же лѣта Авг. въ 14 и пріидоша на Москву, а съ ними «посолъ Короля Кристерна, тотъ же Давыдъ». Сей Давидъ (родомъ изъ Шотландіи по, сказанію Герберштейна) называется въ договорѣ *Геролътомъ*, а въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ *Герладомъ*. См. Маллет. Hist. de

Dannemarc кн. VI, г. 1513. Максимиліанъ и Людовикъ XII предлагали Королю Іоанну послать знатнѣйшихъ Духовныхъ сановниковъ въ Пизу на Соборъ: Іоаннъ жэ хотѣлъ, чтобы сей Соборъ былъ въ Германіи; въ такомъ случаѣ надѣялся, что и мы согласимся въ ономъ участвовать, а можетъ быть и пристанемъ къ Римской Церкви.

(153) Сей договоръ хранится въ Копенгагенскомъ Архивѣ и напечатанъ на Нѣмецкомъ языкѣ въ Бишинговомъ Историч. Магазинѣ, Ч. III, стр. 178. О взаимной помощи сказано такъ: Sind vir übereinkommen, nach Inhalt dieses Briefs, wo das nöthig ist, unsere Bruder, König Christian, unsre Hülfe und Beystand zu leisten, wo wir können, das Ihr uns auch wiederum, da es nöthig, eure Hülfe und Beystand leisten sollet, so viel als möglich. Und in eurer Widerwärtigkeit gegen der Schweden Statthalter, Her Schwantsohn, Stein Sture, und den Statthalter zu Wyburg und gantzen Schweden-Land wollen wir zusammen kommen mit unsern Bruder für einen Mann, und wollen das Schweden-Land unter uns erobern und unterbringen... Im Fall dass der König von Pohlen Sigismund dir, unserm Bruder, widerstehen würde, so will ish (Король Датскій) dagegen meine Hauptleute auf Sigismund ohne Arglist schicken. Упоминается о Максимиліанѣ какъ о союзникѣ Василіевомъ противъ Сигизмунда. Писано въ Москвѣ 2 Авг. 1517.

Въ нашемъ Архивѣ сохранилась только выписка изъ сего договора и привилегіи, данныя Христіановымъ подданнымъ въ Россіи: сообщаемъ оныя здѣсь:

1. «А которыя наши земли сошлися рубежемъ съ вашими землями, «имъ съ обѣихъ сторонъ быть по прежнему, чтобы въ земляхъ и водахъ, «гдѣ рыбныя ловли и всякія угодья есть въ нашихъ земляхъ, также и «въ земляхъ и въ водахъ и гдѣ рыбная ловля обрѣтается и всякія угодья, «тебѣ и землямъ твоимъ отъ насъ и отъ людей нашихъ никакого пре«ступленія не было; также въ тѣхъ земляхъ и въ водахъ, гдѣ рыбная «ловля и всякія угодья тяглыя, въ вашихъ земляхъ, намъ и людямъ «нашимъ отъ васъ и отъ вашихъ людей противъ того никакова наѣзда «не будетъ.

«Такожь иноземцамъ, и торговымъ людямъ, и всякому, и всѣмъ ре«месленнымъ людямъ вольно будетъ ѣздить въ наши земли и по водамъ, «и торговати, и всякій промыслъ чинити по ихъ волѣ съ обѣихъ сторонъ «безъ всякихъ убытковъ, всякому на своихъ проторехъ, какъ въ иныхъ «государствахъ повелось, такожь имъ въ оберегательствѣ быти, и управа «съ обѣихъ сторонъ будетъ безо всякія хитрости». Писано 2 Авг. 1517.

2. «Мы, Великій Князь Василій, Божіею милостію Царь и Облада«тель всеа Руссіи и Великій Князь, по прошенію брата нашего Крестьяна, «Короля Дацкого, пожаловали его земли Датцкіе торговыхъ людей и дали «имъ мѣсто въ нашей отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ у Волхвы рѣки «противъ Любениць длиною шестьдесятъ сажень, а поперешнику трид«цать саженъ, а въ Иванѣгородѣ такожъ указалъ имъ мѣсто дать въ «деревнѣ Увагѣ избу подъ горою противъ Стрильской улицы къ воротамъ «противъ города, длиннику тритцать сажень, поперешнику дватцать са«жень, а Кирку на томъ дворѣ пожаловали строить велѣли и держать «имъ попа или старца въ той Киркѣ, а въ Иванѣгородѣ строить имъ «дворъ и Кирку, такожъ заборъ около деревянной, и даемъ имъ поволь«ность въ нашемъ государствѣ торговать всякими товары; а въ которомъ «городѣ въ государствѣ нашемъ у торговыхъ людей Датцкихъ съ нашими «людьми ссоры и дѣла будутъ, и имъ въ тѣхъ же городахъ управа учи«нена быти имѣетъ во всякихъ дѣлахъ противъ сей грамоты и при

«крестномъ цѣлованьи.—А буде Датчане въ нашемъ государствѣ учнутъ «бити челомъ на нашихъ людей, что до крестнаго цѣлованія дойдетъ, и «отвѣтчику крестъ поцѣловать. А будутъ наши на Датчанъ въ нашемъ «государствѣ о управѣ бити челомъ, и буде до крестнаго цѣлованія дой-«детъ, и Датчанину отвѣтчику такожъ присягать, а судиться имъ въ на-«шемъ государствѣ въ Великомъ Новѣгородѣ и въ Иванѣгородѣ Датча-«номъ, какъ нашимъ Новогородцамъ; а во всѣхъ дѣлахъ управу дать «истцу и отвѣтчику по нашему уложенью, и въ томъ имъ никакихъ убыт-«ковъ и налогъ не доставить на обѣ стороны; такожъ на обоихъ сторо-«нахъ никакихъ поединковъ *не полнть;* а буде погода Датскимъ корабъ-«лямъ какую досаду учинитъ, и прибьетъ ихъ нашего государства къ «берегу, и корабль и достальные товары, которые на немъ, отдать назадъ «безо всякой хитрости противъ сей грамоты, и по крестному цѣлованью «взять отъ того корабля отъ двухъ рублей по рублю; а сколько тѣхъ «товаровъ найдется, столько съ нихъ противъ того и имать съ того ко-«рабля; а гостемъ Датцкимъ въ наше Государство пріѣхать и отъѣхать «вольно будетъ со всякими товарами по ихъ воли безъ помѣшки, и тор-«говать имъ всякими товарами безъ разбору». Писано въ Іюлѣ 1517.

(154) Вотъ подтвердительный мирный договоръ съ Швеціею, нахо-дящійся въ Московскомъ Архивѣ:

«Мы послы Генстенъ-Стуровы, Правителя Свейскіе земли, Николай «Ешкилевъ, да Индрикъ Стеневъ, да Арвидусъ Каноникъ Абской, Бар-«толомей Капланъ, били есма челомъ Вел. Государя Василья, Божіею «милостію Царя и Государя всеа Русіи, и В. Князя Боярину и Намѣ-«стнику В. Новагорода, К. Василью Васильевичу (Шуйскому) и Окольн-«ничему и Дворецкому Ивану Андреевичю отъ Генстенъ-Стура, Прав. «Свѣйск. земли, и отъ Арцибискупа Псаленского (Упсальскаго) и отъ «Бископовъ и отъ всее земли Свейскіе, что В. Гос. Василей (и проч.) «Шванта (Сванта-Стура) и всю землю Свейскую по ихъ челобитью по-«жаловалъ, велѣлъ своимъ Намѣстникомъ В. Новагорода взяти съ ними «перемирье на 60 лѣтъ отъ прошедшаго лѣта отъ Благовѣщеньева дни «лѣтъ 7018 (1510)... Да и грамоты перемирные написаны... И нынѣ «Шванта не стало, а на Швантово мѣсто учиненъ Генстенъ-Стуръ; и «В. Госуд. Царя Бояре и Намѣстники В. Новагор. тотъ миръ держали «крѣпко... И добиша челомъ мы послы... К. Василью Васильев. и Окольн. «и Двор. Ивану Андреев., и приговорили съ ними... тотъ миръ держати «крѣпко... на тѣжь лѣта... А что былъ учиненъ срокъ съѣзду быти на «Соболинѣ, на Оксѣ рѣкѣ, послѣ взятья миру на четвертомъ году на «Ильинъ день, лѣта 7021, и мы послы... приговорили о томъ, чтобы тотъ «срокъ отсрочити, съѣзду быти на иное лѣто... на Соболинѣ же послѣ «сего приговора на шестомъ году, л. 7026, да землямъ и водамъ рубежъ «учинити»... Внизу: «Язъ Бартоломей Капланъ сію запись писалъ рукою «своею сущею... Писанъ въ В. Новѣгородѣ лѣта 7021 (1513) м. Маія «въ 9 день».

(155) Христіанъ въ 1520 году присылалъ 2500 ратниковъ въ помощь В. Магистру Нѣмецкому противъ Сигизмунда.

(156) См. нашей *Исторіи* Т. IV, ст. 116.

(157) См. Дѣла Прусск. Двора No. 1. Въ началѣ сказано: «Лѣта «7024 (1516) пріѣхалъ къ В. К. отъ Максимиліана Алексѣй Заболотской, «да Дьякъ Олексѣй Малой, а ѣхали на Манстра Прусскаго землю... И «Манстръ имъ говорилъ, чтобы В. Государю меня жаловалъ и берегъ и «во одиночествѣ меня учинилъ съ собою; а язъ о томъ хочю слати къ «В. Государю своего человѣка, Шимборка. И. К. В. послалъ къ Макси-«міану Діака своего Василья Тетерина, а поѣхалъ Васил. на Маи-

«строву землю, и К. В. приказалъ Маистру, что его жаловати и беречи «хочетъ».

(158) Дѣла Прусск. No. 1, л. 37· Условія состояли въ томъ, чтобы В. К. помогалъ Магистру, а Магистръ В. Князю на Сигизмунда. Шонбергъ предлагалъ было, чтобы Государь далъ Ордену 30 или 40 тысячъ конныхъ воиновъ: но сіе осталось безъ дѣйствія. Въ записи посольской сказано между прочимъ: «И аще нѣчто взято будетъ у недруговъ, ближ- «няя часть будетъ Государю Царю, а другая середняя часть, ближняя «къ землямъ Г. Маистра, будетъ его Свѣтлости».

(159) См. тамъ же л. 30.

(160) Дмитріемъ Давыдовымъ, отправленнымъ въ Мартѣ 1517.

(161) Вторый посолъ Орденскій, Мелхіоръ, 26 Авг. привезъ Магистрову грамоту къ Василію отъ 2 Іюля, въ коей сказано: «Потреба есть, «чтобы Величество Ваше на всякой мѣсяцъ 40,000 золотыхъ Ренскихъ «добрые цѣны и вѣса на удержаніе десяти тысячь пѣшихъ людей, по «четыре золотые на простого Желнеря, считая также на всякой мѣсяцъ «20,000 золотыхъ Ренскихъ по той же цѣнѣ на удержаніе двух тысячъ «конныхъ людей, по 10 золотыхъ на одного коня и одного человѣка, «опроче того, что хитрецемъ и къ пушкамъ пристоитъ, да готово имѣетъ». (Въ другомъ мѣстѣ сказано, что давать на лошадь, которая везетъ пушку или снарядъ, по 3 червонца).... «Прошу убо смиреннѣйше, чтобы В. В. «къ початью киванія денегъ 50,000 гривенокъ серебра чистого во Псковъ «послалъ, чтобы коли мы захотимъ начати брань нашу, и чтобъ то се- «ребро привезено было въ Королевецъ (Кенигсбергъ), и тамо совѣтомъ «приставниковъ В. В. учинена будетъ денга, чтобы 20 ихъ достойны «были золотово Ренского. Назнаменаетъ же ся денга выше реченная «съ оружій и надписаніемъ по изволенію В. В. А серебро и деньги все- «гды имѣютъ быти въ рукахъ приставниковъ В. В., и добрымъ счетомъ «и полнымъ давати, какъ приговоръ Теодрика Шхемборка рукою написан- «ной яснѣ изъявитъ, которой послѣ себя въ канселяріи В. В. оставилъ».

(162) См. между моими Кенигсб. бумагами письма Плеттенберговы къ Прусскому Магистру въ 1513 г. Онъ даже совѣтовалъ ему помогать Королю (No 711).

(163) См. выше стр.

(164) Дѣла Прусск. No. 1, л. 56.

(165) Дѣла Цесар. Двора No. 2, л. 3 и слѣд. Герберштт. пріѣхалъ 18, а былъ представленъ 21 Апрѣля. Къ нему нарядили 15 Дѣтей Боярскихъ Москвичей и 30 конюховъ. Государь велѣлъ тотчасъ отвести къ послу съ конюшни своей иноходца въ сѣдлѣ. Съ Герберштеиномъ былъ его племянникъ Іоаннъ Фонъ-Турнъ.

(166) См. тамъ же, л. 36.

(167) Герберштеинъ 29 Апр. отправилъ въ Литву своего племянника съ извѣстіемъ о согласіи В. К. вступить въ переговоры; а Королевскіе послы прибыли 18 Окт. (См. Дѣла Польск. Двора No. 2, стр. 114—117).

(168) См. *Архан. Лѣт.* 189. Сіе было въ 1515 году. — Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин.: «Лѣта 7023, Генв. въ 28, послалъ К. В. Воеводъ «своихъ К. Ивана Шамина, да Юрья Замятнина, да Намѣстнику Псков- «скому, Андр. Вас. Сабурову, Боярину Своему и Окольничему, да Дьяку «Мисюрю Мунехину, велѣлъ имъ съ силою Псковскою и Новогоротцкою «итти подъ *Брясловъ*... И посадъ ожгоша, да и подъ *Кажкомъ* посадъ «же ожгоша, и въ Други сожгоша; а нынѣ городокъ на Други новой... И «пріидоша Богомъ сохранени къ Опочки». Здѣсь говорится, думаю, о разныхъ походахъ хотя и въ одномъ году.

(169) См. *Никон. Лѣт.* 210 и Дѣла Прусск. No 1, л. 122, гдѣ сказано: «и Государя нашего Дѣти Боярскіе, К. Өед. Вас. Оболенскій, до«шелъ Литовскихъ людей: стояла застава 5000, и онъ побилъ всѣхъ «и переималъ: а въ другомъ мѣстѣ сынъ Боярскій, Ив. Колычовъ, «3000, и тѣхъ побилъ; а Ив. Вас. Лятцковъ пришелъ на заставу отъ «большихъ людей за 5 верстъ, 6000, и Иванъ побилъ всѣхъ и пере«ималъ... И ему сказали, что стоитъ иная застава, многіе люди, отъ «Государя нашего отъ Украйного пригородка отъ Краснаго, и Иванъ «тѣхъ людей побилъ и Воевода переималъ, Черкаса Хрептова, брата «его Мисюра, Ив. Зелепугу». — Читая извѣстія Лѣтописцевъ и наши Министерскія бумаги того времени, дивлюсь ихъ согласію. Надобно думать, что Государь Василій приказывалъ сообщать народу донесенія Воеводъ: можетъ быть, ихъ читали въ церквахъ, а Лѣтописцы вносили въ свое повѣствованіе.—Въ *Псков. Лѣт.* Толст. «Литва поганая отъ боль«шія силы ходиша подъ Вороначь и подъ Велье и подъ Красной, даже «думавше и до Пскова; а В. Князя сила пришла съ Лукъ Великихъ, и «стояла за Соротою за рѣкою въ Изборшинѣ и въ Володимерцѣ. Ив. «Вас. Лятцкой отъ Большихъ Воеводъ со многими людьми перевозился «черезъ Великую рѣку и черезъ Синю рѣку, а хотѣлъ ходити подъ боль«шою силою Литовскою; а иная сила, Литовская пришла отъ Брясловля «Красногородцкіе волости: Воевода у нихъ Панъ Черкасъ — и обсторо«жился на Бую, и услыша Лятцкой полоняные наши, и обойдоша сила «В. К. около острога ихъ и взяша острогъ, а полоненыхъ своихъ вы«пустиша изъ церкви, а Черкасъ Воевода нача изъ Попова двора би«тися, и пересѣкоша ихъ всѣхъ, а Черкаса и съ нимъ удалыхъ по«слаша къ Москвѣ, и бысть Лятцкому отъ К. В. честь велика».

(170) См. Дѣла Цесар. No. 2, л. 106—165.

(171) Тамъ же: «А отъ того тебѣ не меньши честь будетъ, какъ «Пирру, Царю *Индійскому,* которой 200 пойманыхъ Римляномъ даромъ «отослалъ». Герберштеинъ безъ сомнѣнія зналъ, что Эпиръ не Индія — В. К. соглашался только оставить Королю Витебскъ и Полоцкъ, а на требованіе Герберштеиново, возвратить Смоленскъ, отвѣтствовалъ «Жи«гимонте! мы вельми дивимся, что которую нашу отчину намъ Богъ далъ, «и намъ бы тое отчины Королю поступитись!»—Литовскіе послы выѣхали Нояб. 18, а Герберштейнъ 22.

(172) Тамъ же, л. 166—219. Владиміръ Семеновъ Племянниковъ съ Толмачемъ Истомою Малымъ выѣхалъ изъ Москвы 24 Нояб. 1517, пріѣхалъ къ Императору въ Инспрукъ 23 Марта, а возвратился въ Іюлѣ 1518.

(173) Дѣла Прусск. No. 1, л. 88 на об.: «Не добро, что Король «прогонится, а Царь всея Руссіи великъ учинится».

(174) Дѣла Цесар. No 2, л. 219 и слѣд. Съ нимъ пріѣхалъ и Герберштеиновъ племянникъ, Іоаннъ Фонъ-Торнъ.

Описаніе сего Посольства издано въ 1603 году на Италіянскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Trattamento di pace tra il serenis. Sigismondo Rè di Polonia et Gran Basilio, Prencipe di Moscovia, hauuto dalli Illustri Gignori, Frances. da-Collo, Cauallier, Gentil' huomo di Conegliano, et Antonio de Conti Cauallier, Gentil' huomo Padouano Oratori della Maestà di Massimilian, Primo Imperatore, l'anno 1518. Scritta per lo medisimo Sig. Caual. Francesco Stampato in Padoa. Con licenza della S. Inquisitione. Переговоры съ Москов. Боярами описаны слово въ слово, какъ въ нашихъ Архивскихъ бумагахъ. Мы въ другомъ мѣстѣ переведемъ любопытнѣйшее изъ сей книжки, весьмо рѣдкой (см. ниже).

(175) Тамъ же, л. 232.

(176) Тамъ же, л. 346. Къ симъ посламъ Максимиліановымъ пріѣхалъ изъ Вѣны чиновникъ Императорскій, Іоаннъ Криштонъ: наши Бояре жаловались имъ на его неистовые поступки слѣдующими словами (л. 300): «Отъ того Яна брату Государя нашего, Максиміяну, много «нечти и безъимяніа сталося... Которой Подъячей В. Государя у васъ «стряпаетъ, вамъ кормъ даетъ; и онъ того билъ самъ, а дѣтина его Под- «ключникова дѣтину кордомъ сѣкъ... да у руки перстъ оттялъ, а у иного «человѣка взялъ корову... А гдѣ Государя нашего недруга Королевы люди «сидятъ въ тюрьмѣ, которые пріѣзжали отъ Литовскихъ Пановъ къ «измѣннику къ Глинскому съ грамотами и съ неподобными рѣчми, и онъ «къ нимъ съ ѣствою посылаетъ и самъ къ нимъ къ тюрмѣ ѣздитъ», и проч. — О посланномъ къ Императору Дьякѣ Семенѣ Борисовѣ см. л. 357 на об.

(177) Ноября 9.

(178) В. К. по кончинѣ Летифа отправилъ къ Царицѣ Нурсалтанъ человѣка его, у коего на рукахъ онъ умеръ, и жаловался Хану на разбои Крымцевъ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ, Шадринъ, возвратился въ Москву съ Ханскимъ чиновникомъ, Магмедомъ Агою; а скоро пріѣхалъ и товарищъ Шадрина, Илья Челищевъ, съ посломъ Кудояромъ. На рѣкѣ Самарѣ ограбленные Астраханцами, они шли пѣшіе до Путивля. Калга Ахматъ писалъ къ В. К., что онъ не можетъ сносить обидъ Царя, брата своего и хочетъ переселиться къ намъ. Ханъ увѣдомлялъ Василія, что его сыновья, Богатырь и Алпъ-Гирей, со 100,000 воиновъ, идутъ на Литву, и проч. Магметъ-Гирей, по увѣренію нашихъ доброхотовъ, отказался отъ предлагаемыхъ ему Королемъ пятнадцати-тысячъ золотыхъ и *девятныхъ* поминковъ, желая пріобрѣсти Василіеву дружбу. Калгу Ахмата убилъ племянникъ, Алпъ-Гирей, и заступилъ его мѣсто. Сынъ Ахматовъ, Гемметъ, находился тогда въ Константинополѣ. См. дѣла Крым. No. 5. 495—548.

(179) То есть, не Оттоманскаго и не духовный. См. Дѣла Крым No. 5, л. 653—732.

(180) Л. 735 на об.: «Ахметъ Паша (товарищъ Аппаковъ) ставъ на «колѣнехъ, и колпакъ съ себя снялъ; а К. Иванъ (Ѳеодоровичь Палец- «кой) ему рѣчь говорилъ отъ В. К., также ставъ да коленѣхъ, да кол- пакъ съ себя снялъ». Аппакъ пріѣхалъ въ Мартѣ, а выѣхалъ изъ Москвы 8 Сент.

(181) 29 Дек. 1518 пріѣхалъ изъ Казани Кулдербышъ отъ Сеита, Улановъ, Князей, Карачекъ, Ичекъ, Мурзъ, Молнъ, Шигъ-Зодъ и всѣхъ людей съ извѣстіемъ о смерти Царя. 6 Генв. Василій отправилъ туда Михайла Юрьева Захарьевича съ Дьякомъ Ив. Телешовымъ: они возвратились съ Казанскими послами Абибазеемъ, Карачемъ, Булатомъ, Княземъ Ширинскимъ, К. Шаисупомъ и Бузукою Бакшеемъ. 1 Маія объявленъ Царемъ Шигъ-Алей, сынъ Шигъ-Авлеаровъ, внукъ Салтана Бахтеяра, брата Ахматова, и 8 Марта поѣхалъ въ Казань съ Бѣльскимъ, съ Михайломъ Юрьевымъ и съ Дьякомъ Телешовымъ. Шигъ-Алей далъ особенную на себя грамоту В. Князю въ соблюденіи къ нему вѣрности.

(182) Дѣла Крым. No 5, л. 782.

(183) Въ лѣтописяхъ: «Костянтинъ Острожскій съ Лятцкими людми «и съ Подоляны и съ Волынцы пойде противу, и Богатырь Царевичь «Воеводъ и Пановъ многихъ побилъ, а иныхъ переималъ, а Острожской «едва утекъ; и убили на томъ бою Царевичи К. Василья Четвертенскаго «и К. Александра Борямского, К. Василья, да К. Александра, да К. «Льва Корецкихъ, да Гетмана Краковскаго Станислава, Старосту Ка- «менского, да брата его Яна Скурятинскихъ». Стриковскій (кн. XXIV,

гл. 4) пишетъ, что Татары плѣнили 60,000 человѣкъ. Въ Дѣлахъ Турецк. No. 1, л. 192 (въ письмѣ Голохвастова изъ Кафы къ В. К.): «А Бага-«тырю Царевичю, сказываютъ, бой былъ съ Острожскимъ; а было Литвы «и Ляховъ 20,000: и Острожской съ малыми людми ушелъ... Литву по-«били», и проч.

(184) См. Переписную Архив. Книгу, л. 205, гдѣ сей посолъ названъ Клементьевичемъ Протасьевымъ.

(185) Дѣла Турецк. No. 1, л. 105 и слѣд. Борисъ Голохвастовъ выѣхалъ изъ Москвы въ Мартѣ 1519.

(186) Преданный Геммету чиновникъ Крымскій, Бурнашъ, писалъ изъ *Ядрина* (Андріанополя) къ В. К.: «А Государю нашему, Гемметъ-«Салтану., Богъ счастокъ дастъ, въ Перекопи Государемъ будетъ». (Дѣла Турецк. No. 1, л. 135).

(187) Въ исходѣ 1519 г. наши посланники въ Кенигсбергѣ, Некрасовъ и Василій Бѣлой, писали къ Государю: «И мы Маистру говорили, «по Государя нашего велѣнью Крымскій Царь посылалъ своихъ дѣтей «на Литовскую землю, а Турской посылалъ многихъ людей на Лятцкую «землю, по Государя нашего велѣнію» (См. Дѣла Прусск. No 1, л. 407).

(188) Турецк. No 1, л. 133. Голохвастовъ возвратился въ Генв. 1521, черезъ Сербскую землю, Килію, Бѣлгородъ или Акерманъ и Перекопь.

(189) Шонбергъ (который вторично былъ у насъ въ Мартѣ 1519) въ своей посольской грамотѣ говоритъ: «Папа хочетъ его (В. К.) и «всѣхъ людей Русскіе земли приняти въ единачество и согласіемъ Рим-«скія Церкви, не умаляя и не перемѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и за-«коновъ, но хочетъ подкрѣпити и грамотою Апостольскою утвердити и «благословити вся та предреченная. зане же Церковь Греческая не «имѣетъ Главы; Патріархъ Константинопольскій и все Царство въ Тур-«скихъ рукахъ; и онъ вѣдаетъ, что духовнѣйшій Митрополитъ есть на «Москвѣ: хочетъ его, и кто по немъ будетъ, возвысити и учинити Па-«тріархомъ, какъ быле преже Костянтинопольской, а наияснѣйшаго и «непобѣдимѣйшаго Царя вся Русіи хочетъ короновати въ Крестьянского «Царя, и того Папа отъ сердца желаетъ... а отъ того Папа не проситъ «ничего прибытка, но только хочетъ хвалы Божіей и соединенія Христо-«вѣрныхъ... А вѣдомо, что Литву не надобѣ оружьемъ воевати: *время «ее воюетъ*: занеже Король не имѣетъ наслѣдника.. а то извѣстно, что «Литва не похотятъ никако же надъ собою Государя Ляха имѣти, ни «Ляхове Литвина, и отъ того разорятца оба Государства... А нѣчто по-«хочетъ К. В. за свою отчину Костянтинопольскую стояти, и онъ имѣетъ «нынѣ путь да и помочь, что ни за сто лѣтъ отъ сѣхъ мѣстъ наслѣд-«ники Костянтинопольскіе не имѣли», и проч. (Дѣла Прусск. No 1, л. 164—167).

(190) Павла Іовія de legatione Basilii, въ Rer. Moscov. Auct. стр. 120.

(191) Дѣла Прусск. л. 252. (въ наказѣ Посланнику Замыцкому): «Государь нашъ съ Папою хочетъ въ дружбѣ и въ согласьѣ быти о дѣ-«лѣхъ о которыхъ; а какъ напередъ того Государь нашъ съ Божьею волею «отъ прародителей своихъ Законъ Греческой держалъ крѣпко, такъ и нынѣ «съ Божьею волею Законъ свой держати крѣпко хочетъ».

(192) Слова Магистровы (л. 152 на об.): «Тотъ посоль, Г. Николай «Шхемборхъ Мнихъ, а въ Папинѣ Дворѣ въ Римѣ у его Святыни ближ-«ней служебникъ имѣетца». См. тамъ же. л. 190 на об.

(193) Тамъ же л. 213 — 216. Сія *первая* Великокняжеская грамота къ Королямъ Французскимъ, послѣ обыкновеннаго титула, содержитъ слѣ-

дующее: «Наияснѣйшему и вельможнѣйшему Каролу, Королю Фрянцов-«скому, поздравлевіе. Намъ извѣстно вѣдомо, колико твоя есть сила, бла-«гость и любовь къ добрымъ, какъ намъ то также въ конечномъ посоль-«ствѣ Албертовѣ, Нѣметцкого Чина высокого Маистра, Маркрабія Бран-«деборскаго, его посломъ Ѳеодорикомъ Шымборкомъ, гораздо Величества «твоего и твоее персоны хвала изъявлена; а и предки твои тотъ Чинъ «въ великомъ до сего времени жалованіи всегда возвысили и имѣли. «Просимъ того ради и воспоминаемъ, чтобъ Величество твое, пресвѣт-«лѣйшихъ отецъ твоихъ послѣдуя стопамъ, тотъ Чинъ милостивнѣ берегъ «и его противу нашего недруга, Короля Польского, не оставилъ; а тотъ «Чинъ и Маистра Албертa тебѣ поручаю, коего и мы всѣми силами «сколько намъ Богъ поможетъ; не оставимъ; и что противу твоему Ве-«личеству учинити возможемъ, обѣщеваемъ прилѣжаніемъ нашимъ, да «возмогаетъ благочестнѣ Величество твое. Писано въ нашемъ Государ-«ствѣ, въ нашемъ градѣ Москвѣ, лѣтъ 7027 Марта» (1519).

Магистръ взялся доставить сіе письмо Королю, также и другое къ Курфирстамъ, къ Архіепископу *Магунскому* или Маинцскому и проч.

(194) л. 136: «И просилъ (Магистръ), штобы посолъ отъ таковые «почести преставъ: зане же Г. Магистръ вѣдаетъ величество и превоз-«вышенье Государя Царя всеа Русіи, или паче же вѣрность и веле-«мощьство, что таковаго смиренья показанье не пригоже ко Г. Магистру, «и просилъ о томъ, какъ опять Царя всеа Русіи Божьею помощью по-«солъ очи увидитъ, и онъ бы до земли отъ Г. Магистра не главою только, «но и всѣмъ тѣломъ смиритися и преклонитись и простеретись учинилъ». См. также л. 267. — Посолъ Магистровъ говоритъ въ своей запискѣ (л. 190): «Чтобъ Его Величество изволилъ ослободити на годъ или на «два въ Новѣгородѣ или во Псковѣ побыти Вулкану Погу, слузѣ моего «Государя, у Презвитера учитись языку и грамотѣ».

(195) Л. 145, 282, 283.

(196) Въ Генв. 1520 посолъ Магистровъ, Мелхіоръ, говоритъ нашимъ Боярамъ (л. 397): «Царь всеа Русіи съ Степаномъ писалъ, также съ «Діакомъ Ив. Харламовымъ приказалъ, что В. В. помочь на 1000 Жол-«нѣрей на годъ прислалъ: ино моему Государю нѣчто отъ того серебра «съ своимъ Діакомъ прислалъ: его милость, какъ есть Вашему Величе-«ству пригоже, съ вел. благодареніемъ воспринялъ; но мой Государь какъ «увидѣлъ то серебро и уразумѣлъ скудость, что тотъ счетъ на тысячю «человѣкъ не полонъ, и нѣсть болѣ, но только съ четыренатцать тысячъ «золотыхъ приноситъ; а В. Царск. Величеству во единомъ списочкѣ «особномъ помѣчено, что на ту помочь надобѣ пятдесятъ тысячь и пять «тысячь золотыхъ».

(197) Въ письмѣ Некраса Харламова къ Государю изъ Риги, въ Ноябрѣ 1519 (л. 388): «Магистръ Ливонской отвѣчивалъ Магистровымъ «людемъ Пруского: *язъ де живу у Вел. Государя всея Руси поближе Ма-«истра Прусского, а Русской обычай знаю: словомъ сулятъ, а дѣломъ «тому не мочно статись*».

(198) Въ Мартѣ 1520 Государь велѣлъ сказать послу Мелхіору (л. 431): «и мы для Магистрова челобитья на 1000 человѣкъ пѣшихъ «ещо къ тому посылаемъ своего серебра, что есмя къ нему послали съ «Дьякомъ своимъ, съ Иваномъ». Оно было послано съ Аѳанасьемъ Мо-клоковымъ.

(199) Въ *Псков. Лът.* Толст.: «Посла К. В. своего Новогородцкого «Намѣстника, К. Вас. Шуйского, съ Новог. силою и съ нарядомъ боль-«шимъ, а изо Пскова брата его К. Ив. Шуйского, со Псковскою силою «и съ снарядомъ и съ пищальники и съ *посохою*, а со Священниковъ

«кони и телеги, и повезоша нарядъ рѣкою Великою до пристани, а отъ «пристани на Псковскіе кони и телеги положиша и приставиша къ нему «*посоху* къ Полоцку, и начаша туры подъ городомъ ставити и пушками «бити городъ, и Полочане много съ нашими бишася; а К. Мих. Кислица «съ Московскою силою пришелъ отъ Смоленска туто же; и бысть гладъ «великъ: колпакъ сухарей въ алтынъ и болѣ, и коневый кормъ дорогъ. «И отняша струги подъ городомъ, и въ тѣхъ Дѣти Боярскіе добрые, «*хупавые* смѣльцы, перевезошася за Двину на добытокъ; и отъ Короля «шелъ Воевода Волынецъ Полоцку въ помощь, и побѣгоша къ Двинѣ «Москвичи, и не бѣ имъ перевезтися всѣмъ, и потопоша ихъ много въ «Двинѣ и отойдоша отъ Полоцка... А на лѣто (1519) посла К. В. К. Мих. «Кислицу съ Новогород. и со Псков. силою въ Литовскую землю подъ «Молодечно, и выидоша здравы на Смоленескъ». Дѣла Прусск. No 1, л. 307 и 346: «И послали есмя нынѣ въ своего недруга въ Литовского «землю Воеводъ своихъ со многими людми, отъ Смоленска К. Вас. Вас. «Шуйского, а отъ Новогородцкіе и отъ Псковскіе Украйны съ Лукъ съ «Великихъ Намѣст. Псков., К. Мих. Вас. Горбатаго, а изъ Стародуба и «изъ Сѣверы К. Семена Ѳед. Курбскаго... прямо къ Вилнѣ... И пошли «Авг. въ 1 (1519)... И въ Кретвѣ городкѣ собрался былп Литовскіе «Панове, Виленской Воевода Николай Николаевъ, Троцкой Олбрехтъ «Мартиновъ, Городенской Юрьй Николаевъ, Радивилова Старосты Ко- «мотцкого сынъ, К. Мих. Жеславской, Янъ Николаевъ сынъ Радиви- «лова и Лятцкой Воевода Янъ Свирщевской... И наши Воеводы, оставя «кошъ въ Красномъ, пошли на нихъ, да переднихъ людей у нихъ по- «били, К. Вас. Полубенского, Воротынского Королева Дворянина Чижа, «да Королева же Дворянина, великого человѣка, Рая изымали, а Гро- «денского Воеводы кошъ взяли... И Воеводы наши воевали по Вилну, «Логоескъ, Менескъ, Айну, Красное село, Молодечну, Марково, Лебе- «дево, Кревъ, Ошмону, Мѣднику, Мяделу, Куренской Камень, Берез- «вичи, Жесно, Курецъ, Волоескъ, Радошковичи, Борисово». См. еще *Никон. Лът.* 223.

(200) Дѣла Прусск. л. 433. О семъ походѣ В. К. извѣщалъ Магистра въ Мартѣ 1520 г.

(201) См. тамъ же, л. 487. Гербершт. сказываетъ намъ, что сей Царевичь былъ сынъ Алегамова брата, Мениктара или, по Розряд. Книг., Мулехдара. Съ нимъ находился Воевода и Бояринъ К. Мих. Данил. Щенятевъ. Братъ Ѳеодоровъ, Царевичь Василій, также именуется въ числѣ тогдашнихъ Воеводъ, и Авдовлетъ или Акидевлетъ, сынъ Шибанскаго Царевича, Ахтурта или Ахпурта. Отъ 1515 до 1519 года войско наше стояло на границахъ, въ Лукахъ, на Вошанѣ, угрожая Полоцку, Мстиславлю, Могилеву (см. Розрядн. Книгу). Въ послѣдній разъ упоминается о знаменитомъ К. Даніилѣ Щенѣ въ 1515 г.: онъ предводительствовалъ войскомъ, которое собиралось въ Дорогобужѣ.—Также въ Мещерѣ, на Толстикѣ, стояли Воеводы. Между новыми именами замѣтимъ Князей Кривоборскаго, Рѣпнина, Хованскаго, Галецкаго, Овчину-Оболенскаго, Мещерскаго, Голенина, Хрипуна, Кашина, Пестраго, Хохолкова, Алабышева, Збарецкаго.

(202) Дѣла Прусск л. 521.

(203) Стриков. гл. XXIV, кн. 4.

(204) Дѣла Прусск. л. 84. Магистръ Прусскій велѣлъ сказать Государю: «Чахове и Нѣмцы, которыхъ Король у себя имѣлъ, такіе на Ко- «роля рѣчи изнесли въ Чахѣхъ и Нѣмцѣхъ, что великую невѣрность на «него положили».

(205) Въ порвый разъ тогда, какъ измѣнилъ ему Мих. Глинскій.

(206) Дѣла Польск. No 2, стр. 118 — 120: «Посылалъ Григорей Ѳе-«доровичь къ Пану Николаю, Воеводѣ Виленскому человѣка съ грамотою «о томъ, будетъ Король похочетъ миру, и онъ бы слалъ пословъ... И по «опасной грамотѣ приходили Воевода Подляской, и Маршалокъ, Янъ «Станиславовичь Лелюшевичь, и Подскарбій Земскій, Маршалокъ и Пи-«сарь Королевской и Державецъ Каменецкой Богушъ Боговитиновичь... «И К. В. посылалъ (къ нимъ) съ отвѣтомъ Дворецкого Тверского, Мих. «Юрьева, да Шигону Поджогина... И городовъ на обѣ стороны просили... «А послѣ тѣхъ рѣчей послы говорили, штобъ Государь здѣлалъ пере-«мирье годы на четыре или на пять, и Государь такъ не хотѣлъ, а учи-«нилъ перемирье съ лѣта 7029 Сент. 2 по Масленое заговѣнье, доколѣ «отъ Короля Большіе послы придутъ, а въ то время съ обое стороны «войны не вчинати, и опасную имъ грамоту на послы дали; а были у «Государя пятью, а на пріѣздѣ ѣли».

(207) Дѣла Прусск. л. 412, 470, 493. У Сигизмунда было 16,000 войска противъ Магистра, который сказалъ нашему Посланнику, Некрасу Харламову: «Хотятъ Польское войско итти къ Королевцу, а мѣщане со мною «не хотятъ стояти, и мнѣ велика нужа; а тебѣ здѣсе быти не пригоже: «занеже каково дѣло станется, ино моя голова подойметъ, а тебя есми «взялъ у Государя на свои руки... и тебѣ пригоже быти въ моемъ го-«родкѣ въ Мемелѣ, а съ тобою отпущаю Брузвиньскаго Князя».

(208) См. Гарткноха Alt und Neues Preussen, стр. 323—325.

(209) Дѣла Турецк. No 1, л. 147. Третьякъ выѣхалъ изъ Москвы 20 Іюня 1521.

(210) Бурганъ Ага Дездяръ Азовской, нашъ доброхотъ или *коровникъ*: писалъ къ В. К.: «Приказалъ Великій Государь (Султанъ) ко Царю «Магметъ-Кирею: слышалъ есмя, что хочешь пойти на Московского «землю: и ты ся береги на свой животъ, и не ходи на Московского, «занеже ми есть другъ великъ, а пойдешь на Московского, и я пойду на «твою землю. И Царь осердитился, а рать его собрана, а злобенъ добрѣ» (см. Дѣла Турецк. л. 146).

(211) Дѣла Турецк. л. 170 и 197 на об.

(212) Тамъ же л. 191: «Не велишь мнѣ пойти на Московского и на «Волошского, ино мнѣ чѣмъ быти сыту и одѣту?»

(213) Послѣ Боярина Протасьева въ 1520 г. ѣздилъ въ Крымъ Михайло Никитинъ Измайловъ, а въ 1521 Василій Наумовъ; въ Москвѣ же находился тогда Ханскій посолъ Ахметъ Паша (см. Архив. Переписн. Книгу л. 205—206).

(214) Гирберштъ. R. M. Comment. стр. 68.

(215) *Казан. Лѣт.* гл. 16.

(216) Гербершт. R. M. Com. 68, и *Казан. Лѣт.* гл. 16, гдѣ сказано: «Всю Русь (Казанцы) присѣкоша, при Царѣ Шигъ-Алеѣ служащихъ его «Рускихъ людей и варваръ убиша 5000, и Царскую его казну взяша... «и Воеводы Москов. домъ разграбиша и людей 1000 убиша». Во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ сказано: «В. Князя гостей переграбивъ, у себя (Ка-«занцы) держали». Убіеніе Россіянъ случилось уже въ 1523 году. См. также Гербершт. R. M. Com. 68. Онъ пишетъ, что самъ Ханъ Крымскій былъ въ Казани и возвелъ тамъ брата на престолъ.

(217) *Казан. Лѣт.* гл. 17: «Веде съ собою болѣ 1000 рыболововъ «Московскихъ, ловящихъ рыбы на Волгѣ подъ горами Дѣвичьими и до «Зміева Камени и до Увѣказа, 1000 верстъ отъ Казани; заѣхавше тамо «живяху лѣто все, и въ осень возвращахуся на Русь съ рыбою».

(218) См. тамъ же.

(219) Герберш т. R. M. Com. 68. Нижній Новгородъ и Владиміръ были, по его сказанію, опустошены Казанскими Татарами. Въ ветхомъ *Синод. Лѣт.* No 365, л. 543: «Великую рѣку Оку удобь (Ханъ) прейде, «и В. Князя Воеводъ побиша, и на томъ бою убиша К. Волод. Курб- «ского да Ив. Андр. Шереметева, да Якова да Захарья Замятниныхъ «и многихъ дѣтей Боярскихъ; да на томъ же бою взяли К. Θед. Вас. «Обол.-Лопату, и Коломенскіа мѣста и Коширскіе и Боровскіе и Володи- «мирскіе и подъ Москвою повоеваша, и монастырь Николы на Угрѣшѣ «и Вел. К. любимое село Островъ сожгоша; а иные Татарове и въ Во- «робьевѣ въ В. К. селѣ были и медъ на погребѣхъ В. К. пили, и многіе «села Князей и Бояръ около Москвы пожгоша. Царь же стоя на еди- «номъ мѣстѣ 10 дней промежь Сѣверки рѣки и Лопасны за 60 верстъ «отъ Москвы» (а Герберш т. пишетъ, за 13 миль)... «И возвратися и «пріиде къ Переяславлю къ Рязанскому... И туто жъ подъ городомъ Иванъ «Вас. Хабаръ окупилъ К. Θед. Вас. Обол.-Лопату, и далъ на немъ 700 руб- «левъ. А К. В. былъ въ тѣ поры и съ своею братьею, со К. съ Юрьемъ «и съ Андреемъ, въ Микулинѣ».

(220) См. тамъ же и Розряд. Кн., гдѣ сказано, что Бояре и Князья Дмит. Θед. Бѣльскій и Вас. Вас. Шуйскій были въ Серпуховѣ, К. Пенковъ и Лопата-Оболенскій въ Коширѣ, К. Мих. Дан. Щепятевъ и К. Ив. Мих. Воротынской въ Торусѣ, и проч. Герберш т. пишетъ, что В. К., по разсказамъ какихъ-то людей, нѣсколько дней укрывался близъ Москвы въ сѣнѣ.—*Никон. Лѣт.* говоритъ о семъ нашествіи, что Ханъ повоевалъ Коломенскія мѣста, плѣнилъ множество людей, осквернилъ церкви; что В. К. уѣхалъ въ Волокъ собирать полки, и что Магметъ-Гирей, боясь его, ушелъ назадъ.

(221) Герберш т. R. M. Com. 68. Я не повѣрилъ бы ему одному; но Розряд. и Родословн. Книги подтверждаютъ его сказаніе (см. ниже, примѣч. 224). Онъ пишетъ, что въ Москвѣ находились тогда послы Ливонскіе, которые, боясь Татаръ, въ одинъ день прискакали оттуда въ Тверь.

(222) въ 1504 году.

(223) Дѣла Турецк. No 1, л. 192 (въ письмѣ Бургапа, Паши Азовскаго, къ В. К.): «Пришло на Крымъ Азтороканцовъ три станицы, въ «станицѣ 300 человѣкъ, а въ другой 200 челов., а въ третей 80, и съ «Крымскихъ Улусовъ поимали *есырю* и верблюдовъ, и иного животу «нѣсть числа; а Царя Астороканского Ченибека не стало, а иного Царя «въ Азторокани по сѣ мѣста еще не вѣдаемъ».

(224) Въ Родословн. Кн. (рукописныхъ): «А у Василья Образца два «сына, Ив. Хобаръ, которой на Рязани оманомъ взялъ у Крымского «Царя грамоту данную В. К, въ лѣто 7029». Въ Розряд. Кн.: Прихо- «дилъ Крымской Царь Магметъ-Гирей съ сыномъ своимъ съ Салтаномъ «Богатыремъ подъ *Коломну* и много пакости доспѣлъ Христіанству; и «тогды Царь взялъ грамоту на В. К., что ему дань давати, и тое гра- «моту Божіимъ милосердіемъ взялъ у Царя на Рязани обманомъ Ив. Вас. Хабаръ Симскій». Онъ пожалованъ въ Бояре 1524 г. Родъ его производятъ отъ К. Редеди, побѣжденнаго Мстиславомъ, сыномъ Св. Владиміра.

(225) Будто бы 800,000 человѣкъ; но самъ Герберштеинъ не вѣрилъ тому. Онъ въ числѣ ихъ именуетъ К. Θед. Лопату, выкупленнаго въ Рязани. Въ Архив. *Ростов. Лѣт.*: «Много людей (Татары) изсѣкли, и въ «полонъ вели многихъ Болярынь и Болярскихъ дочерей 150; дѣтей у пер- «сей отняли; да опослѣ Татаръ скопивъ дѣтей и свезли къ Москвѣ къ В. К».

(226) См. *Степен. Кн.* II, 200, и *Русск. Времен.* 280. Разсказываютъ, что Татары хотѣли выжечь Московскіе посады, но увидѣли вокругъ города безчисленное войско Россійское и съ ужасомъ прискакали къ Хану

который, не вѣря имъ, послалъ другихъ: «и видѣша того сугубѣйшее воинство Руское... И сказаша ему... И третіе посла нѣкоего отъ ближнихъ увѣдати истину... И трепеща прибѣже и вопія: *о Царю! что косньши? побѣгнемъ... Грядутъ на насъ безмѣрное множество войска отъ «Москвы*... И побѣгоша». Это было видѣніе.

(227) Сіи ходы бываютъ 21 Мая, 23 Іюня и 26 Августа.

(228) Никласъ былъ родомъ изъ Спира, а Іорданъ изъ окрестностей Инспрука. Гербершт. пишетъ, что В. К. при въѣздѣ въ Москву встрѣченный множествомъ народа, увидѣлъ Никласа и громко сказалъ ему: «знаю важную твою услугу и не оставлю тебя безъ награды». Тоже обѣщалъ и другому пушкарю, Іордану; но забылъ ихъ: наконецъ, услышавъ что они въ досадѣ хотятъ ѣхать изъ Россіи, прибавилъ имъ по 10 флориновъ жалованья.

(229) См. Гербершт. R. M. Comment. 50 и 70, и въ *Собр. Государ.* стр. 425, запись К. Ив. Михайлов. Воротынскаго, данную имъ въ 1525 г Государю съ клятвою заслужить вину свою.

(230) Дѣла Турецк. No 1, л. 194 (въ письмѣ Бургана къ В. К.): «А «Крымской Царь пришолъ изъ твоей земли къ собѣ въ Перекопь, и ве«лѣлъ по три торги у себя въ Перекопи и въ Крымѣ и въ Кафѣ кли«кати, чтобы Князи и Мурзы и Татарове были готовы всѣ, а кони бъ «тучны, а хочетъ итти сее же осени на твою землю».

(231) Гербершт. R. M. Com. 36. — Въ Розрядн. Кн.: «Приговоръ «К. В. всеа Русіи съ братьею своею и съ Бояры быти самому противъ «Крымского Царя на Коломнѣ; а напередъ себя отпустилъ въ Коломну «Воеводъ, К. Дм. Өед. Бѣльскова, да К. Мих. Данил. Щенятева, да К. Мих. Вас. Горбатова, да Окольничего Ив. Вас. Хобарова, Андр. Вас. «Сабурова, да Дворецкого Тверского Мих. Юр. Захарьина. Изъ Вязмы «велѣлъ итти на Коломну же К. Андр. Бор. Горбатому, да Вас. Андр. «Шереметеву, да Мих. Сем. Воронцову, Ап. Ник. Бутурлину, Ив. Вас. «Лятцкому, К. Ив. Мих. Шамину, К. Петру Өед. Охлябину. А самъ по«шелъ К. В. мѣсяца Мая 19, а съ нимъ братья его, К. Юрьи да К. «Андрей Ивановичи, а Воеводы съ нимъ К. Ив. да К. Сем. Ѳедоровичи «Бѣльскіе, да Окольничей Пет. да Вас. Яков. Захарьины, К. Ив. Нѣ«мой, да К. Өед. Вас. Телепневъ, К. Сем. Дм. Серебряной, К. Ив. Өед. «Ушатой, Мих. Андр. Плещеевъ, К. Юр. Андр. Хохолковъ-Ростовской, «К. Мих. Ив. Кубенской, Ив. Вас. Лятцкой, Оружничей Ник. Ив. Кар«цовъ; а у доспѣха стряпали К. Юр. да К. Вас. Иванов. Щенятевы, а «*Рынды* (оруженосцы) были К. Юр. Мих. Булгаковъ, Ив. Юр. Сабуровъ, «Подрынды Мих. Борис. Извольской, Петръ да Васюкъ Ступишины... «Ясельничей Өед. Сем. Хлоповъ, да съ нимъ у коней стряпаютъ Ва«сюкъ Безъзубцевъ, у коня В. К. Ивашко Касировъ, а къ нимъ 16 че«ловѣкъ; а за постелею Козаринъ Буруновъ, да Өедецъ Кученской. А «на Москвѣ оставилъ зятя своего, Петра Царевича, а съ Коломны ве«лѣлъ себя встрѣтить Бояромъ и Воеводамъ, а съ ними сто человѣкъ «лучшихъ Дворянъ; и пришедъ на Коломну, послалъ брата своего, Кн. «Юр. Ив., въ Серпуховъ, а Воеводамъ велѣлъ стояти по мѣстамъ: въ «Больш. полку подъ Дѣвичьимъ К. Дм. Өед. Бѣльской, да К. М. Д. Ще«нятевъ, да М. С. Воронцовъ; въ правой рукѣ подъ Головинымъ К. А. «В. Горбатой, да В. А. Шереметевъ, да Игнатей Мих. Салтыковъ; въ «передовомъ на усть Осетра К. М. В. Горбатой, да К. П. С. Лобанъ«Ряполовской, да К. П. Өед. Охлябининъ; въ лѣвой рукѣ противъ Рос«лавля Окольничей И. В. Хабаръ, да И. В. Лятцкой, да Ив. В. Лопа«шаковъ-Колычовъ: въ сторож. на Коширѣ А. В. Сабуровъ, да А. Н. «Бутурлинъ, да К. Ю. М. Шаминъ; а на Рязань послалъ Воеводъ И.

«Ю. Микулина, да Дм. Ив. Волынского... А какъ шолъ К. В. съ Ко«ломны къ Москвѣ, а на Коломнѣ оставилъ брата своего, К. Андрея «Ивановича».

(232) Тамъ же стр. 70.

(233) Дѣла Турецк. No 1, л. л. 207 и слѣд. Губинъ пріѣхалъ къ Государю въ Коломну 18 Мая 1522, а Скиндеръ оставался въ Москвѣ.

(234) Тамъ же, л. 213 на об.: «Скиндеръ пришедъ цѣловалъ В. К. «въ руку да отшедъ подалъ грамоту Салтанову, и К. В. велѣлъ ему «сѣсти близко собя на скамьѣ, ближе того, какъ иныхъ Государей послы «садятся».

(235) Скиндеръ сказалъ, л. 216 на об.; «Государь мой приказалъ «собѣ нѣкоторой товаръ купити на свои потребы, и Государь бы К. В. «тотъ товаръ ослободилъ купити, да и человѣка бы далъ, кому тотъ то«варъ указывати».—Султанъ писалъ еще къ В. К. о врачѣ Маркѣ: «при«шелъ къ намъ нашъ человѣкъ именемъ Андроникъ, и жаловался намъ, «что прежъ сего времени зять его, Марко врачъ, Царства *Миданщикъ*, «торговання ради пришелъ въ землю благородствіа твоего, и нынѣ есть «тамъ, и сказываетъ шуринъ его, что во Царѣгородѣ жена его и дѣти: «и того ради шуринъ его Андроникъ посланъ съ нашимъ посломъ... и ты «бы того человѣка Марка къ намъ послалъ». На сіе В. К. приказалъ отвѣчать Султану: «Марко пріѣхалъ къ Государю нашему давно, да билъ «челомъ въ службу, да и о томъ, чтобы Государь приказалъ къ отцу «твоему о его женѣ, чтобы отецъ твой жену Маркову къ нему отпус«тилъ... и отецъ твой хотѣлъ отпустити. А нынѣ въ В. Новѣгородѣ бо«ленъ Бояринъ К. Алекс. Володим. (Ростовской), и Государь послалъ «его того Боярина лечити» (л. 249).

(236) Иванъ Семеновъ Морозовъ былъ отправленъ уже въ Апрѣлѣ 1523 г. Между прочимъ надлежало ему говорить Султану: «Твои Казаки «Азовскіе нашихъ людей имаютъ на полѣ, да водятъ въ Азовъ, да ихъ «продаютъ, а емлютъ съ нихъ окупы великіе: и ты бы приказалъ, чтобы «того не чинили... Въ нашей землѣ твоего гостя Ефабардѣя въ животѣ «не стало, и мы велѣли товаръ его переписати и отдати твоему послу» (л. 233). Въ наставленіи, данномъ Морозову, сказано: «О всѣхъ тамош«нихъ вѣстехъ пытати Ивану не приказныхъ людей: кто что ему ска«жетъ изъ сторонніхъ людей, и ему то писати; а приказныхъ не пы«тати; а кто что молвитъ, ино то написати же... Ивану къ Пашамъ на «подворье никакъ нейти, а говорити: *меня Государь послалъ къ Сулеманъ«Салтану: и мнѣ къ вамъ чего дѣля итти?*... А въ ту пору будутъ у «Салтана послы отъ Крымскаго или отъ Угорского или отъ Литовского «или отъ иныхъ Государей, и Ивану съ посломъ къ Салтану ни съ ко«торымъ не ходити, да ни индѣ нигдѣ съ ними ни пити, ни сходитися «ѣсти, опричь того, нѣчто которой посолъ похочетъ съ нимъ видѣтись о «В. К. дѣлѣ, и Ивану велѣти ему быти у собя на подворьѣ или на поле «выѣхати.... И нѣчто взмолвятъ: есть ли съ тобою списокъ, каковѣ гра«мотѣ межи Салтана и Государя вашего пригоже быти? и Ивану гово«рити: *нѣтъ*.... И нѣчто взмолвятъ: Государь нашъ съ В. К. на Крым«ского будетъ за-одинъ, а Государю нашему недругъ Литовской, и К. В. «на Литовского будетъ ли съ нимъ за-одинъ? и Ивану говорити: о томъ «отъ Салтана ко Государю съ его посломъ приказу не было, и Государь «о томъ со мною не наказалъ ничего... А опослѣ Ивану говорити на«крѣпко, чтобъ Салтанъ послалъ къ В. К. своего посла, человѣка доб«рого... Да и то молвити въ разговорѣ: Государемъ великимъ пригоже «промежъ собя посылати такихъ людей, которые бы жили близко при «Государехъ и дѣло бы знали, а не корыстей смотрѣли... И нѣчто взмол-

«вятъ Ивану: пріѣхавъ къ Скиндерю люди на подворье, да людей его «перебили и самого лаяли, и въ томъ ему обороны не учинили; и Ивану «говорити: въ Государя нашего Государствѣ много чюжихъ людей и изо «многихъ земель, и приставове Государя говорили Скиндерю, чтобъ его «люди безъ пристава съ подворья не ходили, и они не слушали, и ѣхали «пьяни Азтороканского посла люди, и Скиндеревы пьяни же съ ними «побранили, и учали битись, и Скиндеревы ихъ же били и перевязали, «и приказщики Государя нашего тѣхъ велѣли пустити: ино было Скин«деревыхъ людей какъ боронити?» (л. 234—247).

Морозовъ нашелъ Солимана въ Анатоліи, въ станѣ. Онъ пишетъ: «Приставове Чеуши остался у Салтанова шатра, а посторонъ Салта«новы полатки сидитъ человѣкъ съ десять въ бархатѣхъ... и вшелъ Иванъ «къ Салтану, а онъ сидитъ на своемъ мѣстѣ, а у него Ибреимъ-Паша, «да Казначей Діакъ Абисаломъ, да у дверей Капичей-Баша, и велѣлъ «Паша Ивану пойти къ Салтану къ руцѣ: а опослѣ Иванъ отъ Государя «Салтану поклонъ правилъ и поминки являлъ по записи и посольство «правилъ и грамоты подалъ; а взялъ грамоты Ибреимъ-Паша... Ибреимъ«Паша у Ивана рѣчи перенялъ, а говорилъ: иные рѣчи съ нами пере«говоришь, и мы ихъ Государю скажемъ. А Салтанъ не проговорилъ ни «одного слова, и вышелъ Иванъ отъ Салтана... а поминки В. К. велѣли «приставове у Казаковъ взяти Янычаномъ.... и Салтанъ поминки смот«рѣлъ изъ-за людей.... а корму давали Ивану отъ Салтана колачи, да «рыбу шеврижину сухую, да на дву блюдѣхъ икры, да ягоды зятинные «соленые, да изюмъ, да арбузы и дыни». Ибрагимъ-Паша звалъ его къ себѣ въ шатеръ; но Морозовъ, исполняя въ точности Государевъ наказъ, не хотѣлъ къ нему итти. Паша разсердился и велѣлъ ему сказать: *коли ко мнѣ не пѣдешь, и мнѣ до тебя дѣла нѣтъ, а тебѣ до меня.* Казначей Солимановъ требовалъ себѣ даровъ: Морозовъ отвѣтствовалъ, что послы ѣздятъ для государственныхъ дѣлъ, а не для посуловъ. Его представили вторично Султану и немедленно отпустили (л. 277—286). Онъ возвратился лѣтомъ въ 1524 году; а съ нимъ опять пріѣхалъ въ Москву Скиндеръ, но единственно для закупки соболей.

(237) Дѣла Польск. No 2, стр. 123—125.

(238) Сія договорная грамота хранится въ Архивѣ подъ No. 7. Въ ней сказано, что Россіи владѣть отъ Днѣпра ниже Смоленска рѣкою Мерею вверхъ, между Пречистые, Взруба и Звѣровичъ въ Иваку рѣку.

(239) Стриков. кн. XXIV, гл. 4.

(240) Гарткноха Alt und Neus Preus. стр. 325—326.

(241) Арнта Liefl. Chr. 191.

(242) Сія договорная харатейная грамота, отъ 1 Сент. 1521, Русская и Нѣмецкая, находится въ Архивѣ между Лифляндскими трактатами подъ No 4. Она писана въ Новѣгородѣ отъ имени Магистра, Архіепископа Рижскаго и Епископовъ Дерптскаго, Эзельскаго, Курляндскаго, Ревельскаго, и Новогород. Намѣстниковъ, К. Александра Ростовскаго и Мих. Морозова. Послами были фонъ-деръ-Тиманъ, фонъ-Боргъ, Іоаннъ Лоде, І. Дюкеръ и Георгій Ковіеръ. Магистръ обѣщался не имѣть союза съ Королемъ Польскимъ. Сказано, что рубежъ нашихъ владѣній идетъ отъ Чудскаго озера *стержнемъ* (или, какъ нынѣ пишутъ, по *тальвегу*) Наровы рѣки поперегъ острова ниже Иванягорода и Ругодива или Нарвы въ Соляное море. См. Арнта Liefl. Chr. 183—184. Въ *Псков. Лѣт.* Толст.: «Посла В. К. Намѣстн. Псков. К. Петра Ряполовскаго въ Во«роноч съ Дѣтьми Боярскими и съ Тотары, и быша тамъ и до Покрова, «а послы Нѣмецкіе ѣхаша на Псковъ къ В. К. мира просити; и К. В. «велѣлъ имъ миръ имати въ Новѣгородѣ, и поѣхаша туда отъ Пскова

«Мисюръ Дьякъ и добрые люди». Тамъ же подъ годомъ 1523: «Проси «Арципискупъ Ровенскій у В. К. силы на Местера и посылаше къ Ми«сюрю Дьяку, и К. В. не да ему силы».

(243) Въ договорѣ, заключенномъ съ Императоромъ Максимиліаномъ въ 1514 году.—О городахъ Рязанскихъ К. Ѳеодора см. въ завѣщаніи В. К Іоанна Василіевича.

(244) См. Т. VI, примѣч. 563.

(245) Ибо они происходили отъ Святослава Ярославича, который былъ старѣе Всеволода, Мономахова отца.

(246) См. Герберштт. R. M. Comment. стр. 48.

(247) См. *Арханг. Лът.* подъ симъ годомъ. Въ другихъ нѣтъ о томъ ни слова.

(248) См. Герберштт. стр. 48, и Родослов. Кн. Первый разсказываетъ, что К. Іоаннъ Рязанскій имѣлъ еще двухъ старшихъ братьевъ, Василія и Ѳеодора; что они воевали другъ съ другомъ; что одинъ изъ нихъ лишился жизни въ междоусобной битвѣ на поляхъ Рязанскихъ, а другой братъ скоро умеръ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоитъ деревянный крестъ въ память сего происшествія. Думаю, что Герберштейнъ ошибся: по лѣтописямъ не видимъ, чтобы у К. Іоанна были братья.—Въ Архивѣ Иностран. Кол. нашлася слѣдующая бумага изъ розыскнаго дѣла о побѣгѣ изъ Москвы Рязан. Князя Іоанна: «Лѣта 7029 (1521), Авг. 31 ска«зывалъ Митька Сунбуловъ сынъ пытанъ, что Князь Иванъ Рязанской «съ Москвы побѣжалъ съ Недѣли на Понедѣльникъ; а быть было ему въ «Пустынѣ, или въ Шумашѣ, или въ Дубровицахъ. А мнѣ послѣ себя «велѣлъ назавтрее ѣхать на Рязань къ Мишурину и къ Клементію Ко«бяковымъ, да къ Федору Сунбулову, да къ Назарію Семенову сыну «Глѣбова съ братьею, да къ Одувану; а велѣлъ мнѣ имъ говорить, чтобы «у него они были въ Пустынѣ, или въ Шумашѣ, или въ Дубровицахъ; «а выѣхалъ бы къ нему изъ города потихоньку; а къ Мишурѣ и Кле«ментью Кобяковымъ и грамоты со мною къ нимъ были, а писалъ тѣ «грамоты Клементьевъ сынъ Кобякова Гридя; а писалъ въ нихъ то къ «Мишурѣ да къ Клементью Кобяковымъ, чтобы они выслали конюховъ «его съ конями къ нему; а Клементью приказано было у него кони и «конюхи; и тѣ грамоты, сказываетъ Митька, взяли у него Татарове; а «изъ Пустыни было, или изъ Шумаши, или изъ Дубровицъ, Князю «Ивану ссылатись со Царемъ (Крымскимъ); а нечто не станется его «ссылка со Царемъ, и какъ приведутъ къ нему кони свѣжіе съ Рязани, «да Дѣтей Боярскихъ съ собою прибавить; а почуетъ Литву на Вели«каго Князя, и ему было тогда бѣжать къ Литовскому. А нынѣ только «будетъ его не истеряли Татарове, и онъ одноконечно въ Пустынѣ, или «въ Шумаши, или въ Дубровицахъ; и Государь бы нынѣ послалъ меня «съ кѣмъ нибудь, и я чаю его допытаюсь; а на томъ Государю крестъ «цѣлую, что ему послужу прямо, и его Князя поотвѣдаю накрѣпко, только «будетъ ожъ не убитъ».

(249) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 87

(250) См. сей *Исторіи* Т. V, стр. 29, и Герберш. стр. 48.

(251) См. *Дѣла Турецк.* No 1, л. 3, 4; также Герберш. и Курбскаго *Исторію Царя Іоанна* въ началѣ.

(252) См. въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, между бумагами Миллера, въ *Собраніи древнѣйшихъ дипломатическихъ извѣстій*, No 80 грамоты Шемякины къ Государю и Государевы къ нему. Сей Князь называется и *Шемячичемъ* и Шемякинымъ. Герберш. пишетъ, что въ Путивлѣ господствовалъ прежде К. Димитрій, обнесенный Государю Шемякинымъ и заключенный въ Москвѣ; что сынъ его, именемъ также Димитрій, бѣ-

жалъ къ Татарамъ, принялъ Вѣру Магометанскую, похитилъ одну знатную дѣвицу и былъ застрѣленъ ея родственниками; что отецъ Димитріевъ, свѣдавъ о кончинѣ сына, умеръ съ горести въ 1519 году; что Шемякинъ своими доносами погубилъ и К. Коширскаго (R. M. Com. 51). Мы не знаемъ ни К. Димитрія Путивльскаго, ни К. Коширскаго.

(253) По *Разрядн. Кн.* въ 1519 году уже не было К. Василія Стародубскаго. Герберштт. сказываетъ, что Шемякинъ выгналъ его и *завладѣлъ* Стародубомъ: это несправедливо. Разряды доказываютъ, что симъ городомъ управляли Государевы Намѣстники. Въ *Архив. Лѣт.* л. 181 на об., г. 1506: «Того же лѣта, Апрѣля, говорили отъ В. К. Бояринъ Яковъ «Захарьичь, да Бояринъ Григорей Ѳеодоровичь, да Печатникъ Юрьи «Дмитріевичь Траханіотъ, да съ ними Дьяки, Князю Василью Семено- «вичу Стародубскому, что жалуетъ его К. В., даетъ за него своякиню «свою, Юрьеву дочь Сабурова».

(254) Герберштт. R. M. Com. 51. Тамъ сказано, что Шемякинъ писалъ къ Сигизмунду чрезъ Кіевскаго Воеводу, который прислалъ его письмо къ Василію.

(255) См. въ Архивѣ Иностран. Коллегіи *Слѣдственное дѣло Максима Грека.* Великокняжескій чиновникъ Берсенъ говоритъ: «А то Ми- «трополитъ самъ позабылъ, что къ Шемячичу грамоту писалъ и руку «свою къ той грамотѣ и печать приложилъ, а взялъ его на образъ Пре- «чистые, да на Чудотворцевъ, да на свою душу».

(256) Герберштт. R. M. Com. 20. Варлаамъ оставилъ Митрополію 17 Дек. 1521, и скончался въ Симоновѣ монастырѣ. Даніилъ поставленъ 27 Февр. 1522.

(257) Въ *Дѣлѣ Максима* Грека (см. выше, примѣч. 255): «И Митро- «политъ В. Князю велику хвалу издаетъ... а се де Богъ его избавилъ «запазушного врага. И язъ (Берсенъ) въспросилъ: хто запазушной врагъ? «И Митрополитъ молвилъ: «Шемячичь».

(258) См. Курбскаго *Исторію Царя Іоанна.* Онъ разсказываетъ, что Василій, обманутый клеветою, велѣлъ привезти сего святаго мужа изъ Бѣлаозера въ Москву, оковалъ его и поручилъ истопнику, именемъ Павлу; что жена Павлова изъ человѣколюбія скрыла Порфирія и мыслила дать ему свободу; что истопникъ, устрашенный бѣгствомъ Царскаго узника, хотѣлъ зарѣзать себя ножемъ; что Порфирій явился и сказалъ ему: «се я: твори со мною волю Государеву;» что Василій, тронутый симъ великодушіемъ, немедленно отпустилъ его въ мирную пустыню, и проч.

(259) См. *Ростов. Лѣт.* л. 580. Шемякинъ былъ еще живъ въ 1525 году.

(260) См. Архив. *Переписную Кн.* No 1, л. 207, и *Дѣла Турецк.* No 1, л. 241.

(261) Поджогина: это было весною.

(262) См. Герберштт. R. M. Com. 75—76.

(263) См. *Дѣла Крымск.* No 6, л. 2—34. В. Князю было извѣстно, что Саинъ-Гирей дѣйствовалъ въ семъ случаѣ по совѣту измѣнника нашего, Сеита Казанскаго, т. е. главнаго изъ духовныхъ сановниковъ.

(264) См. *Дѣла Турецк.* No 1, л. 302. В. К. прибылъ съ братьями въ Нижній 23 Авг.

(265) «Въ большомъ полку К. И. Ѳ. Бѣльской, да К. Мих. Вас. «Горбатой, да Мих. Юрьев.; а въ передовомъ полку К. Сем. Ѳ. Курб- «ской, да И. Вас. Лятцкой; а въ правой рукѣ К. Сем. Дмитр. Серебря- «ной, да К. Петръ Охлябининъ; а въ лѣвой рукѣ К. Юр. да К. Вас. «Васильев. Ушатые; въ сторожевомъ К. Мих. Ив. Кубенской, да К. Ив.

«Шаминъ: а въ конной рати Бабаръ, да Мих Сем. Воронцовъ, Вас. «Андр. Шереметевъ, Ѳед. Сем. Колычовъ, К. Петръ Ив. Рѣпнинъ, Дмит. «Бутурлинъ, К. И. Ѳед. Овчина, да К. Андр. Кропоткинъ», и проч.— См. *Казан. Лѣт.* гл. 18, и Герберштр. R. M. Com. 71. Послѣдній сказываетъ, что Россіянъ было 180,000.

(266) Сына Фети-Гиреева.

(267) Герберштр. приписываетъ сей случай людямъ подкупленнымъ Россіянами.

(268) См. *Никон. Лѣт.* и Герберштр. Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что Казанцевъ въ сей битвѣ, на полѣ Ошяновѣ, легло 42,000; начальниками ихъ были *Отучь Сильный* и Князь Аталыкъ.

(269) *Казан. Лѣт.* говоритъ объ истребленіи Яртоульнаго полку и другихъ, числомъ 30,000 воиновъ. Герберштр. пишетъ, что Черемисы истребили нашъ конный, пятисотный отрядъ, посланный для развѣдыванія, и два раза побили К. Палецкаго.

(270) См. Рычкова *Казан. Исторію* стр. 102.

(271) См. *Никон. Лѣт.* 230, Герберштр. и *Казан. Лѣт.* Въ Архив. *Собранія Госуд. Грам тъ*, стр. 423, напечатана запись Ив. Бѣльскаго отъ 20 Сент. 1523, гдѣ сказано, что В. К. отпускаетъ ему вину его по челобитью Митрополита и Духовенства. Герберштр. пишетъ, что одинъ пушкарь, родомъ изъ Савоіи, хотѣлъ уйти отъ насъ въ Казань, былъ пойманъ и не наказанъ: сіе обстоятельство многихъ увѣрило въ измѣнѣ главнаго Русскаго Воеводы.

(272) Послами были Аппа Уланъ и Бахкиздей Князь; а въ Казань ѣздилъ отъ насъ К. Вас. Данил. Пенковъ съ Дьякомъ Аѳанасіемъ Ѳедоровымъ Курицынымъ.

(273) Герберштр. R. M. Com. 73.

(274) См. Житіе Макарія въ Прологѣ.

(275) Въ *Дѣлѣ Максима Грека* (выше, примѣч. 255) Берсенъ говоритъ: «Митролитъ В. Князю великую хвалу издаетъ, что городъ по«ставилъ: тѣмъ-де городомъ всю землю Казанскую возметъ». Въ другомъ мѣстѣ: «Почто К. В. въ Новгородъ (Нижній) ѣздилъ? поставилъ на ихъ «сторонѣ лукно: ино какъ ся помирити? Ино было поставити на своей «сторонѣ; ино бы лзѣ миру быти».

Въ Мартѣ 1526 пріѣзжали въ Москву изъ Казани Казый Князь, Чюра Князь и Тевкель Бакшей; а въ 1527 ѣздилъ отъ насъ въ Казань Андрей Ѳедоровъ Пильемовъ.

(276) Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толст. подъ г. 1523: «Поѣха К. В. въ «объѣздъ. Бысть же шествовати ему на колесницѣ позлащеннѣй; ору«жницы съ нимъ яко же подобаетъ Царемъ. И возрѣвъ на небо, и ви«дѣвъ гнѣздо птиче на древѣ и сотвори плачь и рыданіе велико, въ себѣ «глаголюще: лютѣ мнѣ! кому уподоблюся? Азъ не уподобихся птицамъ «небеснымъ, яко птицы небесные плодовити суть: ни звѣремъ земнымъ, «яко звѣри земніи плодовити суть; ни водамъ, яко плодовити суть: волны «бо ихъ утѣшающе, и рыбы ихъ глумящеся. — И посмотря на землю и «глаголя: Господи! не уподобихся азъ ни земли сей, яко земля приноситъ «плоды своя на всяко времи, и тя благословятъ, Господи! И пріѣха «тоя осени К. В. изъ объѣзда къ Москвѣ, и нача думати со своими «Бояры о своей В. Княгини, что неплодна бысть; и нача съ плачемъ «говорити къ Бояромъ: кому по мнѣ царьствовати на Русской земли «и во всѣхъ городѣхъ моихъ и въ предѣлѣхъ? Братіи ли дамъ? ино «Братья своихъ Удѣловъ не умѣютъ устраивати. И начаша Бояре го«ворити: Государь! неплодную смоковницу посѣкаютъ и измещутъ изъ «винограда», и проч.

(277) См. выше, въ описаніи сего года. Въ Синодальной библіотекѣ, въ книгѣ подъ No 347, л. 354—363, есть выписка изъ грамоты Паисія, старца Ѳерапонтовой обители, о второмъ бракѣ Василія, любопытная, но одва ли достовѣрная. Тамъ сказано, что Великій Князь хотѣлъ знать мнѣніе Старца Симоновскаго, Вассіана, о разводѣ съ Соломоніею, именуя сего мужа подпорою Державы, *умягченіемъ* души своей, *веселіемъ бесѣды, наставникомъ любви;* что Вассіанъ объявилъ замышляемый имъ вторый бракъ прелюбодѣяніемъ; что раздраженный Государь велѣлъ Дьяку Трифону Ильину отвести дерзкаго Старца въ Чудовъ монастырь, гдѣ Дьяки Андрей Гостевъ и Семенъ Плѣшивый были его стражами; что Великій Князь, по совѣту Митрополита, писалъ къ Греческимъ Патріархамъ, требуя ихъ благословенія на разводъ; что Патріархи не дали онаго; что Іерусалимскій, именемъ Марко, въ духѣ пророка отвѣтствовалъ Василію: «если женишься вторично, то будешь имѣть злое чадо; «Царство твое наполнится ужаса и печали, кровь польется рѣкою, па«дутъ главы Вельможъ, грады запылаютъ». и проч.: что Митрополитъ Даніилъ сказалъ тогда: «мы обойдемся и безъ ихъ благословенія;» что Государь уѣхалъ въ село Александровское и тамъ долго совѣтовался съ Досиѳеемъ, Епископомъ Сарскимъ, и съ Чудовскимъ Архимандритомъ Іоною; что въ сіе время возвратился изъ Крыма посолъ Иванъ Колычовъ, а съ нимъ пріѣхалъ Инокъ Святыя Горы, Гавріилъ, съ письмомъ отъ всѣхъ тамошнихъ монастырей, которые также не одобряли развода—и проч. и проч. Въ сей выпискѣ много странныхъ выраженій и словъ *вымышленныхъ*, какихъ не бывало въ языкѣ нашемъ: роды Боярскіе именуются *Саранадасистіи*, Христіане *Уръджелями*, шапка Мономахами *ялдариломъ*, и проч. Инокъ Вассіанъ сочинилъ посланіе, въ коемъ онъ, укоряя Монаховъ въ нѣгѣ, доказываетъ необходимость отнять у нихъ вотчины. На сіе посланіе отвѣтствовалъ ученикъ Максима Грека, Инокъ Зиновій. «Вассіанъ (говоритъ онъ) не изволи брашна Симонов«ского ясти... яде приносимое ему отъ трапезы Вел. Князя, хлѣбы пше«ничны, крупитчаты, брашна заслажаемая и многопестротнѣ застояе«мая... сіяше Романію, Бастръ (см. ниже, примѣч. 399), Мушкатель, «Ренское бѣлое вино... Брашно же (въ монастыряхъ) хлѣбъ овсянъ не«вѣянъ, или класы ржаные толчены, и таковые хлѣбы сухи безъ соли; «питіе же вода, и вареніе имѣющихъ капустное листвіе; преимѣющіи «же въ нихъ, аще зеліе, имѣютъ свеклу и рѣпу; овощи же имъ рябина «и калина; о одежди же что и глаголати? искропаны,» и проч. Сія рукопись въ Новогород. Софійской библіотетѣ. См. *Исторію Рос. Іерархіи*, Т. II, стр. XXX.

(278) См. Курбскаго *Исторію Царя Іоанна* и Герберштт. R. M. Com. 58. Симеонъ Курбскій въ старости не ѣлъ мяса, а рыбу только въ Воскресенье, Вторникъ и Субботу.

(279) Архив. *Исков. Лѣт.* Малиновъ.: «К. В. постриже Княгиню Со«ломонію, а Елену взятъ за собя, а все то за наше согрѣшеніе... Иже «аще кто пуститъ жену свою, а оженится иною, прелюбы творитъ».

(280) Герберштт. R. M. Com. 18, 19. Она вырвала кукуль изъ рукъ Митрополита, бросила на землю и топтала ногами, говоритъ сей Историкъ, прибавляя, что Шигона ударилъ ее и сказалъ: «смѣешь ли противиться волѣ Государя?» *А ты какъ смѣешь поднять на меня руку?* спросила несчастная. «Именемъ В. Князя», отвѣтствовалъ Шигона. — Въ Синод. Лѣт. No 265: «К. В. велѣлъ постричи свою В. Княгиню и «послалъ въ Суздаль къ Покрову въ дѣвичь монастырь; а постригъ ее «на Москвѣ у Рожества Пречистые за пушечными избами въ дѣвичѣ «монастырѣ Никольской Игуменъ Старого Давидъ». Въ Государствен-

номъ Московскомъ Архивѣ хранится слѣдующая подлинная грамота: «Се «язъ Князь Великій Василей Ивановичъ всеа Русіи пожаловалъ есми «*Старицу Софью* въ Суздалѣ своимъ селомъ Вышеславскимъ съ дерев- «нями и съ починки, со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу и къ дерев- «нямъ и къ починкомъ истари потягло, до ее живота: а послѣ ее жи- «вота, ино то село Вышеславское въ Домъ Пречистые Покрову Св. Бо- «городици Игуменьѣ Ульянѣе и всѣмъ сестрамъ, или по ней иная Игу- «менья будетъ въ томъ монастырѣ, въ прокъ имъ. Писанъ на Москвѣ «л. 7035, Сент. 19 дня» (1526 года). Весьма вѣроятно, что сія Монахиня Софія есть бывшая Вел. Княгиня Соломонія. Въ рукописной Суздальской лѣтописи сказано: «Вел. Княгиня *Соломонія*, въ постриженіи «*Софія*, скончалась 7051 (1542) Дек. 18; иночествовала 17 лѣтъ и 15 «дней: погребена въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ».

(281) Герберштт. R, M. Com. 19.

(282) См. тамъ же

(283) Въ Февр. 1527. См. въ *Собраніи Государствен. Грамот.* стр. 428, запись Князей Пенковыхъ и другихъ Дворянъ, данную ими Боярамъ, Князьямъ Бѣльскому, Шуйскому и Горбатому въ поручительство за вѣрность Михаила Глинскаго. Въ случаѣ его бѣгства они обязывались заплатить 5000 рублей.

(284) См. *Древ. Рос. Вивліов.* XIII, стр. 5.

(285) Герберштт. R. M. Com. 96: Cum enim alteram uxorem duxisset, totam barbam abraserat; quod unquam ab alio Principe factum perhibebant.

(286) См. *Никон. Лът.* г. 1521, и Павла Іовія de Legatione Basilii, Magni Principis Moscoviae.

(287) См. II. Іовія de Legatione etc.—Около сего времени писалъ *Альберто Кампензе* Lettera intorno le cose di Moscovia al beat. Padre Clemente VII, убѣждая Папу стараться о присоединеніи Россіянъ къ Латинской Церкви. Альбертъ слышалъ о Россіи отъ своего отца и братьевъ, которые долго жили въ ней; но почти всѣ его географическія извѣстія выписаны изъ Матѳ. Мѣховскаго.

(288) См. Архив. Переписную Кн. No 1, л. 262.

(289) См. тамъ же, л. 262. Въ выпискахъ Аббата Албертранди изъ Ватиканской библіотеки есть наказъ, данный Сигизмундомъ сему послу Римскому. Король хотѣлъ заключить вѣчный миръ единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы Василій возвратилъ ему Смоленскъ.

(290) См. Архив. Переписную Книгу, No 1, л. 256, гдѣ сказано: «Отпускъ ко Цесарю Великово Князя Подьячево Якуша Полушкина, да «Цесарского Нѣмчина Бартоломея съ грамотами» (въ 1522 г.). Сей Бартоломей не былъ ни посланникомъ, ни гонцемъ Карловымъ, а находился у насъ, какъ вѣроятно, по своимъ дѣламъ. Въ 1524 году Якушъ возвратился въ Москву съ посломъ Антоніемъ, а К. Ярославскій Засѣкинъ съ Дьякомъ Семеномъ Борисовымъ отправились къ Императору.

(291) Данному имъ В. К. Іоанну.

(292) Герберштт. R. M. Com. 99, 100, 112, и Дѣла Польск. No 2. стр. 133—134. Въ Ватиканскихъ выпискахъ Аб. Албертранди, въ прибавленіи къ отвѣту, данному Сигизмундомъ посламъ Карлову и Фердинандову, сказано, что они по тайному продписанію должны были утвердить Василія въ ненависти къ Королю и произвести войну между ими, дабы Фердинандъ Австрійскій могъ тѣмъ удобнѣе овладѣть Венгріею и Богеміею. Это можно было думать, но было несправедливо.

(293) См. *Никон. Лът.* 232, и Архив. Переписн. Кн. No 1, л. 262. Бумаги сихъ посольствъ утратились.

(294) Мстиславскій выѣхалъ къ намъ въ Іюлѣ 1526, и въ 1529, 23 Авг., уже былъ супругомъ Анастасіи, дочери Петра Царевича. Въ данной имъ тогда записи онъ клянется быть вѣрнымъ Государю и не сноситься въ Литвѣ съ отцемъ своимъ, К. Михайломъ Ивановичемъ. См. въ *Собраніи Госуд. Грамотъ* стр. 433.—Въ Синод. Лѣт. No 356 сказано, что. В. К. отдалъ Мстиславскому городки Шемякины въ отчину, Ярославецъ, Кременецъ, волость Мышегу, да Коширу въ помѣстье или *въ кормленіе*.

(295) Дѣла Польск. No 2, стр. 134 — 153. Не выписываемъ здѣсь мелочныхъ подробностей; замѣтимъ только, что Сигизмундъ въ 1529 году извѣстилъ Василія о возведеніи девятилѣтняго сына своего, Августа, на престолъ Королевскій; а въ 1532 году В. К. приказалъ остановить Литовскихъ пословъ на границѣ и спросить у нихъ подъ присягою, нѣтъ ли язвы въ Литвѣ? Новое перемиріе на годъ заключено въ Москвѣ въ 1532 г. Сапѣгою и Клочкомъ.

(296) См. См. Далин. Gesch. des R. Schw. III, 74, и сей подлинный договоръ, утвержденный въ Новѣгородѣ 3 Апрѣля 1524 и находящійся въ Архивѣ Ин. Коллегіи на Латинскомъ языкѣ. Внизу слѣдующія подписи: 1. ad hanc cedulam electi Regis Svecie Gostafui ego orator Chanatus Erici mandavi Capellano meo Iohanni Erasmo pro me apponere manum, quia ego scribere ne scio; то есть: «я посолъ Канутъ велѣлъ «за себя руку приложить Капеллану моему, ибо самъ писать не умѣю»! 2... Orator Iero Nicolai. 3... Orator Presbiter Iohannes Canonicus Aboensis.

Въ Архивск. Перепис. Книгинѣ записано: «въ 7032 (1524) году «пріѣздъ къ Москвѣ и отпускъ съ Москвы Свейскихъ пословъ Ирика «Флямина съ товарищи».

(297) См. Герберштт. R. M. Com. стр. 33, и Далин. T. III, стр. 112. Ваза посылалъ для того въ Москву вторично Эрика Флемминга, который выѣхалъ оттуда уже по кончинѣ Василія. О семъ посольствѣ упоминается въ Архив. Переписн. Кн. подъ 1534 годомъ, л. 276.

(298) Дѣла Турецк. No 1, л. 290 — 334. Скиндеръ умеръ въ Москвѣ въ 1530 году.

(299) См. Дѣла Крымск. No 6, л. 159—160, и *Никон. Лът.* 234. Исламъ пришелъ къ Окѣ 5 Сент. Въ Архив. *Ростов Лът.*: «Бѣ нѣгдѣ «село В. К. а въ немъ церковь Николы, и К. Алай Исламовъ зажже «оную, и ту удержанъ бысть гнѣвомъ Божіимъ и нойманъ Воеводами», и проч. Сей Лѣтописецъ говоритъ, что у Ислама было 60,000 воиновъ, и что самъ онъ стоялъ въ 20 верстахъ отъ Оки.

(300) Дѣла Крымск. л. 159 на об.: «А Крымскихъ пословъ, Чабыка «съ товарищи, К. В. въ тѣ поры велѣлъ потопити».

(301) Предложимъ выписку изъ Крымскихъ дѣлъ. Сайдетъ-Гирей въ 1524 году прислалъ къ В. К. союзную грамоту, но включилъ въ оную выраженія непристойныя: ее не приняли. Сей Ханъ заточилъ брата своего, бывшаго Царя Казанскаго, Саинъ-Гирея, въ Балаклавѣ и думалъ умертвить племянника, Магметъ-Гиреева сына, Ислама, который, узнавъ о томъ, собралъ войско, схватилъ мать Сайдетъ-Гирееву на пути въ Кыркоръ, отогналъ стада Ханскія и назвался Царемъ съ согласія Улановъ Крымскихъ. Сайдетъ-Гирей заперся въ Перекопи, освободилъ Саинъ-Гирея, далъ ему чинъ Калги, и его стараніями опять привлекъ къ себѣ Улановъ, такъ, что Исламъ, ими оставленный, долженъ былъ уйти изъ Крыма, ограбивъ на Молошныхъ водахъ купеческій караванъ, въ коемъ находилось много Армянъ и Россіянъ: тогда послы Сайдетъ-Гиреевы, Чабукъ-Мурза и К. Янышъ, заключили въ Москвѣ союзъ съ Россіею (въ

1525 г.) Между тѣмъ В. К. звалъ къ себѣ странствующаго Ислама; но свѣдалъ, что сей бѣглецъ уже снова царствуетъ въ Тавридѣ, изгнавъ Сайдетъ-Гирея, побивъ 1700 Турковъ, пришедшихъ изъ Кафы на помощь къ Хану. Нашъ Бояринъ Колычовъ возвратился изъ Крыма съ симъ извѣстіемъ. Исламъ не долго властвовалъ, и едва не убитый Мурзами, бѣжалъ въ Тюмень; а послѣ примирился съ Сайдетъ-Гиреемъ, и напалъ на Россію. Чрезъ годъ онъ уже опять скитался въ степяхъ изгнанникомъ. Сношенія съ Ханомъ продолжались. Великокняжескій посланникъ Челищевъ умеръ въ Тавридѣ. Въ 1530 году Сайдетъ-Гирей требовалъ тысячи алтынъ съ Одоева и съ Рязанскихъ городовъ, сказывая, что сія дань со временъ дѣда его, Ази-Гирея, принадлежала одному знаменитому Крымскому чиновнику; ограбилъ нашего посла Злобина, и тревожилъ набѣгами Бѣлевскія и Тульскія мѣста. Государь (въ 1531 г.). послалъ въ Путивль Царя Шигъ-Алея и Шибанскаго Царевича Ахдовлета съ Городецкими Козаками и съ служивыми Татарами, К. Бориса Горбатаго, Воронцова, Оболенскаго, (Намѣстника Новагорода Сѣверскаго) съ Дѣтьми Боярскими, Козаками и *Севрюками*, а въ Коломну и Коширу К. Василья Шуйскаго съ сильнымъ войскомъ, написавъ къ Хану грозное письмо. Умертвивъ Ширинскаго Князя, Бахтіяра, господствовавшаго въ Старомъ Крымѣ, и многихъ знатныхъ, Ханъ выслалъ Калгу Саипъ-Гирея, ненавистнаго Вельможамъ, въ Царьградъ, возобновилъ союзъ съ Василіемъ, вредилъ Литвѣ, и наконецъ (въ 1532 году) сверженный съ престола, уѣхалъ къ Султану. Исламъ объявилъ себя Царемъ: будучи изгнанникомъ, онъ требовалъ, чтобы В. К. усыновилъ его, и Василій далъ ему имя сына. По волѣ Султана уступивъ престолъ Саипъ-Гирею, Исламъ остался Калгою; а новый Царь, бывъ дотолѣ въ дружеской перепискѣ съ Василіемъ, началъ весьма грубо требовать богатыхъ даровъ. В. К. послалъ къ нему Вас. Левашева съ поздравительною грамотою. См. Дѣла Крым. No 6, отъ л. 52 до конца сей книги.

(302) См. *Никон. Лѣт.* 234 и слѣд.; также *Казан. Лѣт.* гл. 19.— Сафа-Гирей присылалъ Князей Табая, Даная и Бакшея Ибрагима въ Новую Слободу къ Государю; а послѣ Князей Мамыша и Курата.—Въ большомъ полку съ Бѣльскимъ были Новогородскій Намѣстникъ К. Мих. Вас. Горбатой и К. Мих. Ив. Кубенской, въ передов. К. Өед. Вас. Лопата Телепневъ-Оболенской и К. Сем. Өед. Ситцкой; въ правой рукѣ Өед. Юр. Щука-Кутузовъ и К. Өед. Мих. Курбской-Карамышевъ; въ лѣвой Ив. и Андр. Ник. Бутурлины; въ сторожевомъ К. Ив. Ив. Барбашинъ и Мих. Ильинъ Бокеевъ; а въ конницѣ К. М. Глинскій, Вас. Андр. Шереметевъ; въ передов. полку К. Ив. Өед. Овчина-Телепневъ-Оболенской и Чулокъ-Засѣкинъ; въ правой рукѣ К. Петръ и Вас. Ив. Рѣпнины; въ лѣвой К. Өед. Овчина-Телепневъ-Оболенскій и Өед. Оничковъ Рязанецъ; въ сторожевомъ Дм. Воронцовъ и К. Ив. Мезецкой. Конная рать имѣла нѣсколько сшибокъ до соединенія съ главнымъ войскомъ. Въ Казани были и Астраханцы. Объ Аталыкѣ сказано: «Спящу «ему въ шатрѣ съ женою на дворѣ своемъ, и вскочившу въ одной сра- «чицѣ на конь, и безъ пояса и необувенъ въ сапоги, и хотѣ во градъ «убѣжати, и конь его аки крылатъ рѣку перелетѣ: онъ же спаде съ коня «и остася на сей странѣ, и ту убиша его: наѣзжалъ на 100 воинъ, уда- «лыхъ бойцевъ; коего ударяше мечемъ во главу, и растинаше на двое «до сѣдла; стрѣляше далѣе версты въ примѣту; бѣ исполинъ тѣломъ; очи «кровавы и велики аки буйволовы... К. Өед. Лопату въ мышку застрѣ- «лиша, и отече рука его аки мѣхъ и умре въ третій день». По другому извѣстію Аталыка убитъ съ женою въ острогѣ. Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что Сафа-Гирей съ тремя тысячами Крымцевъ ночью пробился сквозь

паше войско и раненый бѣжалъ въ Крымъ. гдѣ жилъ 18 мѣсяцевъ. Сіе извѣстіе несправедливо: въ концѣ 1530 года онъ былъ въ Казани и прислалъ въ Москву пословъ. Въ Синод. Лѣт. No 365: «Погониша за Ца«ремъ къ Арскому городку; а промежъ Большими Воеводами пришла «брань и обозу города Гуляя не сомкнуша, и пришла Черемиса, и го«родъ Гуляй взяли, и пищалей затинныхъ (ломовыхъ) 70... и на той «стравкѣ убили К. Ѳ. Вас. Лопату и К. Ивана Осиповича Дорогобуж«скаго, Порату да Игнатья Ив. Жулебина, да Григ. Андр. Сабурова, да «Ѳ. Тимоѳ. Замятнина; а Ив. Кляпикова на Свіязѣ взяли, и въ Казани «казнили». По другимъ лѣтописямъ Царь не выходилъ изъ Казанской крѣпости, К. Лопата былъ застрѣленъ съ городской башни, а Дорогобужской пронзенъ копьемъ.

(303) Въ Казанскомъ походѣ 1524 года.

(304) Будучи внукомъ В. Княгини Рязанской, сестры Іоанновой.

(305) См. *Казан. Лът.*, гдѣ сказано, что Казань три дни стояла пустая и беззащитная; что Россіяне взяли выходы и оброки впредь на 3 года; что никто изъ Воеводъ не хотѣлъ тамъ остаться; что Бѣльскій обогатился золотомъ; что, кромѣ Митрополита, ходатайствовалъ за него Троицкій Игуменъ Парѳеній; что Бѣльскій сидѣлъ 5 лѣтъ въ темницѣ. См. *Никон. Лът.* 257.

(306) Къ Сафа-Гирею ѣздилъ Боярской сынъ Иванъ Полевъ, который прислалъ Бояр. Сына Сурю Нехаева съ вѣстію объ измѣнѣ Царя. Съ послами Казанскими въ Москвѣ говорили Ѳедоръ Ивановъ Карповъ и Дьякъ Меньшій Путятинъ. Ноября 24 отправили въ Казань Посника Головина съ письмами къ Уланамъ и Князьямъ, а Дек. 10 Шигъ-Алея съ Казанскими послами въ Нижній, куда 20 Дек. поѣхалъ Дьякъ Аѳанасій Курицынъ съ новыми грамотами, которыя надлежало переслать въ Казань Намѣстнику Нижегородскому, Вас. Вас. Шуйскому. 17 Мая пріѣхалъ изъ Казани въ Москву Головинъ съ извѣстіемъ объ изгнаніи Сафа-Гирея, а чрезъ два дни послы отъ Царевны, Кичигилея Мурзы, К. Булата и всѣхъ Улановъ, чтобы дать имъ въ Цари Еналея. В. К. послалъ въ Мещерскій Городокъ Ѳед. Сем. Воронцова, велѣлъ Еналею къ 22 Іюня быть въ Васильѣ, а Князю В. В. Шуйскому взять съ него присягу. Морозовъ и Дьякъ Курицынъ возвели Еналея въ Казани на престолъ Іюня 29. *Никон. Лът.* ошибается въ числахъ.

22 Февр. 1533 Еналей, Царевна и Вельможи Казанскіе прислали въ Москву К. Агыша съ прозьбою, чтобы Государь не бралъ у нихъ пушекъ. Іюня 6 Уланъ Аппай и другіе послы Казанскіе требовали у него дозволенія женить Царя и предлагали ему на рѣшеніе дѣла земскія.

(307) Въ Генварѣ 1533.

(308) Въ *Степен. Кн.* Латухина: «Вел. Княгиня Елена вопроси нѣ«коего мужа юрода, именемъ Доментіана, глаголя: что имамъ родити? «Онъ же яко юродствуя глаголаше: родится Титъ, широкій умъ». — Синод. библіот. въ Лѣтописцѣ Димитрія Ростовск. въ листъ, No 87, л. 204: «Въ л. 7037 К. Великій В. І. съ Вел. Княгинею былъ на Вологдѣ и въ «монастырехъ у Чюдотворцевъ въ Кириловѣ, на Каменномъ, на Глу«шицѣ, на Прилуцѣ и Спаса, въ Корниліевѣ въ Павловѣ пустыни, и ми«лостыню велію давалъ и потѣшеніе по монастыремъ и во градъ Попомъ, «а велѣлъ молитися о чадородіи, чтобъ далъ Богъ, отродъ у него былъ: « а пріѣха на Вологду за недѣлю до Рожд. Христова; а въ монастырь «ѣздилъ 4 дни до Кириллова: а Рождество Христ. взялъ на Вологдѣ, «назадъ ѣдучи изъ Кириллова».

(309) Въ *Ростов. Лът.* 587: «Въ настоящій часъ рожденію его «(Іоаннову) бывшу, внезапу бысть громъ страшенъ зѣло, и блистаніе

«молніи бывшу *по всей области Державы ихъ*, яко основанію земли «поколебатися, таковому страшному грому». По другимъ лѣтописямъ сія необыкновенная гроза была только въ Новѣгородѣ.

(310) Синод. Лѣтоп. Димит. Ростов. No 87, л. 204: «И на той ра«дости К. В. пожаловалъ многихъ людей опальныхъ, К. Ѳ. М. Мстислав«скаго, да К. Мих. Данил. Наримантова Щенятева, да Бориса Ив. Суз«дальскаго-Горбатова, да Мих. Андр. Плещеева, да Як. Давид. Моро«зова, да Ив. Вас. Лятскаго, да Ив. Юр. Шигону, да Ив. Ив. Телешова «Дьяка, да иныхъ многихъ дѣтей Боярскихъ — и тюрмы велѣлъ распу«щать». См. въ *Собраніи Госуд. Грамотъ* записи Мстиславскаго и Пле«щеева (стр. 439 и 448), писанныя въ 1531 и 1532 году: первый винится въ замыслѣ бѣжать въ Литву, а вторый обѣщается впредь не приставать къ лиходѣямъ В. Князя и *Елены*. См. также Курбскаго *Исторію Царя Іоанна:* о гоненіи на тѣхъ, которые осуждали вторый бракъ Іоанновъ.

(311) *Степен. Кн.* II, 210. Въ Синод. Лѣт. No 351: «Петру Чюдо«творцу раку *злату* вычеканити и образъ златъ каменіемъ украсити, а «страны у раки сребряны, а Св. Алексію раку сребряну всю, а на ракѣ «образъ его позлатити и столпцы у раки». Онѣ были сдѣланы въ 1535 году, и въ Февралѣ, въ Четвертокъ первой недѣли поста, Митрополитъ Даніилъ преложилъ мощи Св. Алексія въ новую раку.

(312) 30 Окт. 1532, въ седьмомъ часу дня; крещенъ на третьей недѣлѣ у Богоявленія на Троицкомъ Дворѣ Игуменомъ Троицкимъ Іоасафомъ и Даніиломъ Переславскимъ. На пиру были Государевы братья и всѣ Вельможи.

(313) Андреевны, 22 Февр. 1533.—Братья Государевы, К. Симеонъ скончался 27 Іюня 1518, а К. Андрей 14 Февр. 1521.

(314) Въ 1528 и 1530 г. были у насъ Волошскіе или Молдавскіе послы, Александръ Кержа съ товарищи: а къ Господарю ѣздили Посломъ Константинъ Замыцкій, а Посланникомъ Чудинъ Карачаровъ (см. Дѣла Польск. No 2, стр. 139—145). Мая 1532 посылалъ В. К. въ Молдавію черезъ Крымъ Подьячаго Ивашка Елизарова, которыя возвратился оттуда 7 Ноября съ Молдавскимъ чиновникомъ Юшкомъ, отправленнымъ назадъ въ Молдавію 19 Іюня 1533 съ Дворяниномъ Ѳедоромъ Леонтьевымъ (см. *Архив.* и *Никон. Лът.*).

(315) «Іюля 21 (1532) пріѣхалъ на Москву изъ Асторохани отъ «Касыма Царя человѣкъ его Злоба съ товарищи, съ грамотою, и послѣ «того пріѣхали съ Волги Казаки Городецкіе, да сказывали, что Черкасы «Асторохань взяли, Царя и Князей побили... А Царемъ учинился Аккубекъ Царевичь.—Того же лѣта (1533) Авг. пріинде на Москву изъ Асто«рохани отъ Царя Абдылъ-Рохмана Кудояръ», и проч. См. *Архив.* и *Никон. Лът.*

(316) *Никон. Лът.* 249.

(317) См. *Архив.* и *Никон. Лът.* 250. Сіе было въ Сент. 1532. Бабуръ названъ *Падшею*,, т. е. Пашею.

(318) См. *Архив. Ростов.* (л. 593) и *Никон. Лът.* 256. Государь выслалъ на Оку съ полками К. Дим. Бѣльскаго, В. В. Шуйскаго, Мих. Вас. Горбатаго, Мих. Сем. Воронцова, Ив. Лятцкаго.

(319) См. Дѣла Крым. No 7, л. 69—76.

(320) *Ростов. Лът.* л. 594: «Людіе же поразсудивъ и глаголаху къ «себѣ, яко быти во Царствѣ премѣненію нѣкоему».

(321) Выписываемъ здѣсь подробности изъ *Ростов. Лът.*, л 523:

«Объявися у него болячка близъ нужнаго мѣста, на сгибѣ, багрова, «верху нѣсть, ни гною... И пріиде въ Нохабное село, и пойде нужно въ «Покровское въ Фуниково, и ту празднова Покрову, и оттуда пойде въ

«свое село Покровское и пребысть 2 дни. и пріиде на Волокъ нужно въ «Недѣлю послѣ Покрова, и бысть пиръ у Дворецкаго Тверскаго и Во«лоцкаго, П. Ю. Шигоны... Наутріе съ великою нуждею дойде до мыльни «и за столомъ сѣде въ постелныхъ хоромахъ великою нуждею; на утріе «же бысть погодіе велико тѣшитися Государю, и послаша по Левчихъ, «по Ѳедора Михайлова Нагова, да по Бориса Васильева Дятлова, да «по Бобрищу Пушкина, и пойде въ село свое Колпь, болѣзнію одержимъ... «И ѣдучи мало бысть потѣхи... И сѣдяще за столомъ нуждею. Посла по «брата, К. Андрея Іоанн., на потѣху къ себѣ, и пріѣха. Тогда съ великою «нуждею поѣха со К. Андреемъ на поле съ собаками, и поѣздиша мало... «И сѣдящу ему за столомъ съ братомъ изнемогающе; и оттолѣ стола у «него не бысть, но вкушаше мало на постели... И повелѣ прикладывати «къ болячкѣ муку пшеничную въ медомъ прѣснымъ и лукъ печенъ... И «начаша рдѣтися... И учинися прыщь малъ и появися мало гною. Живе «же въ Колпѣ 2 недѣли, и понесоша его на носилицахъ Дѣти Боярскіе «и Княжата (въ Волокъ).. И повелѣ К. В. прикладывати масть (баль«замъ), и нача изъ болячки гной изъ до полутаза и по тазу... Въ гру«дѣхъ ему бысть тягость, и того ради *озяша* горшки тридневные и *съ«мянники*, и съ того принеси ему нанизъ... И не нача ѣсти». (Тутъ по«сылаетъ за грамотами въ Москву)... «Въ нощи противу Димитріевы «Суботу спадше множество звѣздъ съ небеси яко веліи градовыя или «дождевыя тучи проливахуся на землю... Въ Субботу же противу Дими«тріева дни на 6 часу нощи повелѣ принести къ себѣ тайно духовныя «грамоты... И нача мыслити, кого пустити въ ту думу» (Тутъ пріѣзжаетъ къ нему братъ Георгій и ѣдетъ назадъ)... «Тогда же, предъ памятію «Варлаама Хутынскаго, въ нощи выйде у него много изъ болячки гною, «и стержень болѣ полуторы пяди, но еще не весь. Князь же Великій «возвеселися, чая облегченія, и посла къ Москвѣ по Гетмана своего «Яна. Янъ же нача прикладывати къ болячкѣ масть обычную... И мало «отокъ поляже... И посла по старца своего, по Мисаила Сукина... Бо«лѣзнь же его тяжка бысть... и посла по Боярина Михайла Юрьевича... «И быша съ нимъ Дьяки его, Гр. Путятинъ и Елизаръ Цыплятевъ, Аоа«насій Курицынъ, Третьякъ Раковъ... И не исходаша отъ постели (В. «Князя) ни мало; обращаху его со страны на страну. И егда же пойде «съ Волока на Іосифовъ монастырь, и бысть у него въ каптанѣ (саняхъ) «К. Дм. Ив. Шкурлятевъ, да К. Дм. Ѳед. Палецкой; обращаху его ѣдучи... «И взяша подъ руки и пойдоша ко храму... Игуменъ же (послѣ обѣдни) «моли Государя въ келліи, чтобы вкусилъ брашна... И вкуси нуждею... «И посла брата съ Бояры во трапезу сѣсти, и ночева въ монастырѣ... «Пойде къ Москвѣ, а брата отпустилъ въ его удѣлъ... Станы же В. «Князя часты... И бысть въ Воробьевѣ два дни... Мостъ намостиша, а «городовой прикащикъ бысть Димитрій Волынской, да Алексѣй Хозни«ковъ и иные. На утріе же въ Недѣлю пойде В. К. въ Москву... У «каптаны въ оглоблехъ впряжены 4 санники вороны... Пойде во врата «Боровицкіе... И повелѣ тайно служити у Благовѣщенія въ придѣлѣ, въ «Василіи Великомъ, Благовѣщенскому Попу Григорію, а на обѣди туто «были Владыка Коломен. Васіанъ, да Мисайло Сукинъ, да Протопопъ «Алексій, и несъ дары Владыка... Въ среду же противъ Четверга В. К. «тайно масломъ свящался, а передъ Николиномъ днемъ въ нощи явственно «свящался... И несъ къ В. К дары Протопопъ Алексій... Дару же и «Пречистый хлѣбъ мало вземъ, и возлеже» и проч. Василій причащался 3 раза.

(322) См. *Собран. Госуд. Грам.*, стр. 416. Въ 1523 г. думая итти «съ войскомъ къ Казани, В. К. подтвердилъ сіе первое духовное завѣ-

шаніе, намъ неизвѣстное. — Въ *Псков. Лът.* Г. Толстаго: «Нарече (Василій) сына своего при своемъ животѣ В. Княземъ, и приказа его бе«речи до 15 лѣтъ своимъ Бояромъ немногимъ?»

(223) «Князь же Великій вкуси единыя миндальныя каши, мало «токмо ко устомъ принесе».

(324) Въ *Степен. Кн.* сказано, что Василій благословилъ сына и крестомъ Мономаховымъ, вручивъ ему вѣнецъ, діадиму, жезлъ и всю Царскую утварь сего древняго великаго Князя.

(325) Жену Василія Андреев. Челяднина, бывшаго Дворецкимъ въ 1513 году.

(326) Жена Ивана Андреев., именемъ Елена.

(327) «Благословилъ его и далъ ему крестъ Пангійской, и приказа «отнести тотъ крестъ по преставленіи своемъ Боярину Михайлу Юрь«евичу».

(328) «И посла своего Дворецкаго Тверскаго (Шигону) къ Алексію «Протопопу, и повелѣ ему принести дары, и повелѣ его пытати, въ «обычай ли ему то дѣло, егда же разлучается душа отъ тѣла? Прото«попъ же отвѣща, егда мало того бывало... И какъ начали Канонъ пѣти, «и забывся мало, и пробудився и нача говорити, яко видѣніе видѣ: *Госу«дарыня великая Екатерина! пора царствовати!* и пріимъ образъ Вели«комучиницы Екатерины и любезно приложися къ ней, и коснуся ру«кою правою образа ея: понеже бо въ тѣ поры рука ему больна сущи... «И мощи ея принесоша къ нему... Протопопъ хотя ему дары дати, онъ «же унявъ его и рече: видиши самъ, что лежу боленъ, а въ разумѣ «своемъ: и егда станетъ душа съ тѣломъ разлучатися, тогда ми и дары «дай». Василій уже не могъ креститься: «И подносяще ея (правую руку) «Бояринъ его Михайло Юрьевичь... Патрахиль бѣ и постризаніе у Ми«трополита. Еще тогда исповѣдалъ К. В. Митрополиту, когда дары взялъ «въ Недѣлю передъ Николинымъ днемъ: аще ли не дадутъ мене постричи, «то на мертваго положи платье Черническое... Митрополитъ же вземъ «патрахиль и подасть чрезъ В. К. Игумену Іоасафу... И спѣшаху «стричи его».

(329) «И видѣ Шигона духъ его отошедшь аки дымецъ малъ». — Всѣ сіи подробности взяты изъ *Ростов. Лът.*

(330) Василій въ 1531 году, Авг. 24, обязалъ брата, К Юрія Іоанновича, клятвенною грамотою быть вѣрнымъ ему и сыну его. Она написана отъ слова до слова такъ, какъ писались договоры старыхъ Великихъ Князей Московскихъ съ младшими Удѣльными Князьями. Упоминается даже о *выходахъ* Ординскихъ: «Орды вѣдати мнѣ Великому Князю и сыну «моему, а тобѣ Ордъ не знати: а въ выходы ти въ Ордыньскіе, и въ «Крымъ, и въ Азторокань, и въ Казань, и въ Царевичевъ городокъ, и «въ иные Цари и въ Царевичи, которые будутъ у меня въ землѣ, и во «всѣ Татарскіе проторы давати ти мнѣ съ своей отчины, какъ отецъ «нашъ написалъ». См. *Собр. Госуд. Грамотъ* стр. 445.

(331) «А у В. К. остася Игуменъ Троицкій Іоасафъ, да Старецъ «его Мисайло Сукинъ, и начаша его наряжати и браду чесати, якоже «подобаетъ по Черническому чину, и положиша подъ него отъ Михай«лова Чуда одръ... и Старцы Іосифовскіе начаша его наряжати, а Стряп«чихъ В. Князя отсланіа; и начаша пѣти у него Заутреню... И поговоря «съ Митрополитомъ и съ братіею В. К. и съ Бояры, Бояринъ его Ми«хайло Юрьевичь повелѣ ископати гробъ подлѣ отца его, противъ Си«меона Лѣтопроводца, и послаша Постельничаго Русина, снемъ съ него «мѣру, ему гробъ привезти каменный. Тогда же пріиде Митрополитъ и «съ нимъ Владыка Васіанъ Коломенскій и Досиѳей Крутицкой, а иные

«Владыки быша во своихъ областяхъ и не поспѣша. Архимандриты же «Чудовскій Іона, Симоновскій Филоѳей, Андрониковскій Зосима, Игу-«менъ Троицкій, Іосифовскій и Московскіе всѣ... и повелѣша Діакомъ «его любимымъ пѣвчимъ большой станицы стати во дверехъ, и начаша «пѣти... Великую же Княгиню несоша изъ ея хоромъ въ саняхъ на себѣ «Дѣти Боярскіе на лѣствицу... Болярыня же тогда бысть съ нею К. Ѳед. «Мстиславскаго Княгиня Анастасія, да К. Иванова Данилов. Пенково «Княгиня Марья, да Челяднина Ивана Андреев. Елена, да Василья «Андреев. Агрипина, да Михайла Юрьев. Ѳеодосія, да Василья Иванов. «Агрипина, да К. Васильева Львовича Глинскаго Анна».

(332) Въ Синод. Лѣт. Димит. Ростовск., л. 203 на об.: «Добрый и «ласковый Государь».

(333) Павелъ Іовій, стр. 129: Specie corporis eximia. Мы имѣемъ портреты Василіевы, которые считаются копіями современнаго.

(334) Сихъ писемъ, хранящихся въ Архивѣ, пять (см. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* III, 99). Выписываемъ для примѣра:

«Женѣ моей Оленѣ. Что меня не держышь безъ вѣсти о своемъ «здоровьѣ, ино ты дѣлаешь гораздо; и ты бъ и впередъ не держала меня «безъ вѣсти, какъ тобя Богъ милуетъ. Да и о Иванѣ сынѣ ко мнѣ отпиши, «какъ его Богъ милуетъ. А язъ здѣсе милостію Божіею и родительскою «молитвою далъ Богъ живъ до Божіей воли и по-здорову есми совсѣмъ. «Да писала еси ко мнѣ напередъ сего, что противъ Пятницы Иванъ «сынъ *покрячелъ*; а нынѣ писала еси, у сына у Ивана явилось на шеѣ «подъ затылкомъ мѣсто высоко да крѣпко, а напередъ сего о томъ еси «ко мнѣ не писала; а нынѣ пишешь, что утромъ въ Недѣлю на первомъ «часу то мѣсто на шеѣ стало у него повыше, да и червленнѣе, и гною «нѣтъ, и то мѣсто у него поболяетъ: а ты ко мнѣ напередъ того чего «дѣля о томъ не писала?... И ты бъ нынѣ отписала, какъ Ивана сына «Богъ милуетъ, и что у него таково на шеѣ явилося, и которымъ обы-«чаемъ, и сколь давно, и каково нынѣ; и со Княгинями бы еси и съ «Болярынями поговорила... жыветъ ли таково у дѣтей у малыхъ; и бу-«детъ живетъ, ино съ чего, съ роду ли или съ иного чего? О всемъ бы «еси поговорила, да ко мнѣ отписала подлинно, чтобъ язъ вѣдалъ... И «какъ нынѣ тобя Богъ милуетъ и сына Ивана, ко мнѣ отпиши. А пи-«салъ у меня сію грамоту Діакъ мой Меншыкъ Путятинъ; а запечаталъ есми «ее своимъ перстнемъ». — Въ другомъ письмѣ: «Да поболяетъ у тебя «полголовы и ухо и сторона; и ты бъ ко мнѣ и о томъ отписала, какъ «тобя Богъ миловалъ, не баливала ли у тобя полголовы и ухо и сто-«рона?» — Въ третьемъ: «Да писала еси ко мнѣ, что Юрьи сынъ попы-«сался, а въ тѣ поры его парили въ корытѣ проскурникомъ, а спускъ «крѣпокъ, чернъ... Да Бога ради не кручинся, а о всемъ клади уповань «на Бога». — Въ четвертомъ: «А зубу моему таковожь, какъ есми къ «тобѣ писалъ... Да о кушеньѣ о Ивановѣ и впередъ ко мнѣ отписывай, «что Иванъ, сынъ мой, коли покушаетъ, чтобъ то мнѣ вѣдомо было».— Въ пятомъ: «нынѣ есми посылъ къ Митрополиту да и къ тобѣ Юшка «Шеина, а съ нимъ образъ Проображенье; да въ сей грамотѣ запись «свою руку: и ты бъ ту запись прочла, да и держала ее у собя. А язъ, «оже дастъ Богъ, однолично ко Крещенью буду на Москву».

Сіи грамоты писаны въ послѣдніе годы Василіевой жизни; но откуда, не означено.

(335) Въ Синод. Лѣт. No 365: «Тояже зимы (въ 1525 г.) велѣлъ К. «В. казнити Боярина своего Берсеня-Беклемишова, голову сѣсѣчи на «Москвѣ на рѣкѣ; а Ѳедору Жареному языкъ вырѣзати». Злословіе Бер-сеня и Жаренаго описано въ дѣлѣ Максима Грека (см. ниже. примѣч.

344 — 346). Иванъ Берсень въ допросѣ 22 Февр. 1525 показалъ: «Уго-«нилъ меня Ѳедько Жареный тому съ недѣлю противъ Николы, а Ма-«ксима уже изымали, и учалъ мнѣ сказывати *велятъ мнѣ Максима кле-«нати*... а сказываетъ, что К. В. присылалъ къ Ѳедьку Игумена Троец-«каго: *только мнѣ солжишь на Максима, и язъ тобя пожалую*».

(336) *Никон. Лѣт.* 184, и Герберштт. R. M. Com. отр. 11.

(337) *Собран. Госуд. Грамотъ*, стр. 414, 425 и 430. Повинная запись К. Ив. Мих. Воротынскаго писана въ 1525 году, К. Василья Шуйскаго въ 1522, съ ручательствомъ Духовенства; а Князей Ивана и Андрея Михайловичей Шуйскихъ въ Іюнѣ 1528, съ ручательствомъ Князей Ростовскихъ и многихъ Дворянъ, которые, въ случаѣ ихъ (Шуйскихъ) измѣны, обязывались внести въ казну 2000 рублей.

(338) Герберштт. R. M. Com. стр. 31.

(339) См. рукописн. повѣсть или *Сказаніе о Максимѣ Инокѣ Святогорцѣ Ватопедскія Обители*, найденное мною въ библіотекѣ Троицкой Лавры.

(340) Въ Посланіи Максима къ В. К. Василію о переводѣ *Толковой Псалтири:* «Сътрудившихся со мною и причастниковъ дѣла бывшихъ, «Власа и Митю толмачей, и Михаля Медоварцова, и Сильвана Инока «и брата нашего, писарей и малѣйшихъ служебниковъ Царствія твоего «познати да изволиши и трудовъ поминати; мнѣ же и сущимъ со мною «братіи возвращеніе къ Св. Горѣ за вся просящимъ даровати, да изво-«лиши отъ долгія сея печали свободити. Воздай паки насъ добрѣ и опаснѣ «честному монастырю Ватопеди, издавна насъ ждущу, по подобію птен-«цовъ питающія ихъ ждущихъ, да не лишимся многолѣтнихъ тамошнихъ «трудовъ и потовъ нашихъ, ихъ же положихомъ тамо о надеждѣ нашего «о Господѣ скончанія... Да уразумѣютъ отъ насъ и тамо пребывающіи «Христіане, яко имѣютъ еще Царя, не о языцѣхъ токмо безчисленныхъ «и о иныхъ множайшихъ удивленія и слышанія достойныхъ царски изо-«билующа, но яко правдою и православіемъ паче всѣхъ прославленъ «есть, яко Константину и Ѳеодосію Великимъ уподобитися мощи, имъ «же и твоя Держава послѣдующи, буди и намъ нѣкогда царствовати, отъ «нечестивыхъ работы свобожденнымъ Тобою: вся бо возможна всѣхъ «Владыцѣ; и якоже древле отъ нижнихъ Галловъ воздвигнувъ великаго «въ Царехъ Константина Древняго Рима, зла стужима, избави отъ нече-«стиваго Максентія: сице, и нынѣ тезоименитаго тому Новаго Рима «тяжцѣ волнуема отъ безбожныхъ Агарянъ, Державою Царствія твоего «да изволитъ свободити». См. сей *Исторіи* Т. VIII, примѣч. 71.

(341) См. рукописное собраніе Максимовыхъ твореній въ библіотекѣ Троицкой Лавры, числомъ 134. Означимъ титулъ нѣкоторыхъ: *1) Посланіе къ Данилу Митрополиту; 2) Сказаніе о томъ, что подъ крестомъ на церкви мьсяцъ младъ; 3) Слово на Николая Нѣмчина, 4) На Ивана Лудовика, 5) На Лютеры, 6) На Самуила Евреина, 7) О пожарѣ Тверскомъ, 8) Благодарственное къ Богу о побѣдѣ на Крымскаго пса, 9) Отвѣтное Николаю Латинянину; 10) Словцо хотящимъ оставляти жены своя безъ вины законныя; 11) Посланіе къ В. К. Василію Ивановичу, 12) Къ Ѳед. Иванов. Карпову; 13) Похвала Акакію, Епископу Тверскому; 14) Совѣтъ на злодѣя Исаака Жидовина; 15) Предисловіе къ житію Чудотворцевъ Соловецкихъ; 16) Слово къ отрицающимся поставленія Греческаго Патріарха, аки въ области суще безбожныхъ Турковъ; 17) Слово къ самому Царю, В. К. Ив. Васильев. воспоминательно; 18) Посланіе къ нѣкоему другу сидящу въ темницѣ, 19) Къ потопляемымъ и погибаемымъ безъ ума гнуснымъ Содомскимъ грѣхомъ; 20) О Сивиллахъ, колико ихъ было; 21) Къ Сильвестру Попу; 22) Къ Григорію Діакону.*

(342) См. Курбскаго *Исторію Царя Іоанна.*

(343) См. Курбскаго—и выше, примѣч. 341: но Максимъ въ разсужденіи своемъ говоритъ болѣе о тѣхъ мужьяхъ, которые, оставляя женъ, идутъ въ монахи. Въ Хронографѣ Гр. Толст. подтверждается сказаніе Курбскаго такими словами: «Писано, яко сего ради на Старца Максима и на прочихъ гнѣвъ бысть В. Князя, дабы изложенія и обличенія ихъ «не было, егда восхотѣ первую В. Княгиню отринути отъ себя неплодствія ради и второму браку сопричаститися; и того ради Симоновскій «Старецъ Васіянъ отсылается въ Іосифовъ монастырь, а Максимъ во «градъ Тверь, Саву въ Зосиминъ монастырь, Селивана въ Соловки, доброписца Михайла Медоварцова на Коломну, иже данъ бысть Максиму «писати книги». Въ другой, Синод. рукописи (см. выше, примѣч. 277) сказано тоже, съ прибавленіемъ: «Составилъ (Митрополитъ) на Максима «свѣдѣтеля Архим. Чудов. Іону... и Васьяна Топоркова, Еписк. Колом., «и велѣлъ Іонѣ глаголати на Соборѣ».

(344) Въ дѣлѣ Максима Грека, хранящемся въ Архивѣ: Максимъ «сказалъ: въспросилъ его Ив. Берсень: какъ тебя Государь хочетъ отпу«стити въ Святую Гору? и язъ ему молвилъ; прошуся много, да Госу«дарь меня не отпуститъ (не отпускаетъ); и Берсень молвилъ: а и не «бывать тебѣ отъ насъ; и язъ его вспросилъ, за что мнѣ не быти? и «Берсень молвилъ: мнѣнья на тебя держитъ, что сюдѣ еси пришелъ, а «человѣкъ еси разумной, и свѣдалъ еси наша добрая и лихая, и тебѣ «тамо отшедъ сказати. Да вспросилъ меня Берсень: вѣдаешь ли де, съ «которымъ дѣломъ къ намъ пришелъ Турецкой посолъ Скиндеръ? И Мак«симъ молвилъ: не вѣдаю, господине, а слышу, что денги Салтановы съ «нимъ, купить, что приказалъ. И Берсень молвилъ: начто намъ его дружба? «лутчи было не дружитися съ нимъ, по тому же, какъ покойникъ К. В. «Иванъ Васильевичь посылалъ посла къ Турецкому къ Салтану, и Сал«танъ призвалъ посла нашего и молвилъ ему: скажи своему Государю: «далече отъ меня живетъ; нѣтъ ему до меня дѣла; а будетъ ему которое «дѣло, ино сынъ мой живетъ въ Кафѣ: посылай къ нему.—И Максимъ «сказывалъ: пришелъ ко мнѣ Берсень, коли былъ въ опалѣ, а тому съ «годъ нѣтъ, не помню, о котору пору, и язъ попыталъ, былъ ли еси у «Митрополита? и Берсень молвилъ: язъ того не вѣдаю, есть ли Митро«политъ на Москвѣ. И язъ молвилъ: какъ Митрополита нѣтъ? Дапилъ. «И Берсень молвилъ: не вѣдаю де Митрополита: простой Чернецъ; учи«тельна слова отъ него никотораго, и не печалуется ни о комъ; а прежніе Святители сидѣли на своихъ мѣстѣхъ въ манатьяхъ, и печаловалися «Государю о всѣхъ людехъ».

(345) Въ *Сказаніи о Максимѣ Грекѣ*: «Злоначальный врагъ (Діаволъ) «воздвиже нѣкоторыхъ небратолюбцевъ на зависть, яко иноплеменный «человѣкъ въ толику высость воздвигся: забыша бо Апостольское слово: «*нѣсть Іудей, ни Еллинъ, ни варваръ, ни Скивъ: вси бо о Христѣ едини «есте.* И сего Максима оклеветаша еретикомъ и прелестникомъ, и врагомъ земли Русской... лжесвидѣтельствомъ украшаху клевету. И тако «неповиннаго заточенію осуждаютъ; и бысть въ заточеніи лѣтъ 22 во «градѣ Твери... и ослабу улучи отъ Епископа Св. Акакія, по благосло«венію Митрополита Іоасафа: къ церкви хожденіе и Св. Таинъ причащенія». Самъ Максимъ въ посланіи къ Митрополиту Даніилу пишетъ: «Осудисте мя нѣкихъ ради малыхъ описей, обрѣтенныхъ въ бывшемъ «отъ мене преводѣ, о нихъ же вѣщахъ вашему Собору, яко ниже по «ереси, ниже по лукавству, но по нѣкоему случаю, или по забвенію, или «по скорби смутившей мою мысль, или нѣчто излишному винопитію по«грузившу мя, написашесь тогда тако. И падъ ницъ трижды предъ Со-

«боромъ, прощенія просихъ.... и вмѣсто прощенія оковы паки дасте «мнѣ».—Въ одной лѣтописи сказано, что Максимъ былъ сперва сосланъ въ Іосифовскій Волоколамскій монастырь.

(346) Въ Дѣлѣ Максима Грека: «Берсенъ говорилъ, что Государь «упрямъ и встрѣчи (противорѣчія) противъ себя не любитъ; а хто мол- «витъ противъ Государя, и онъ на того опалится. А отецъ его К. В. «противъ себя встрѣчю любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его «говаривали... Да въспросилъ язъ (Максимъ) Берсеня: Господине Иванъ! «за что К. В. такова разумна человѣка не жалуетъ? И Берсень мол- «вилъ: по грѣхомъ по моимъ обговоры пришли на меня... говорилъ встрѣчи «В. Князю о Смоленьску, и К. В. того не полюбилъ, да молвилъ: *пойди, «смердъ, прочь; не надобенъ мн еси*.... А тебя есмя, господине Максимъ, «взяли изъ Св. Горы, да отъ тебя есмя какую пользу взяли? И язъ ему «молвилъ: язъ, господине, сиротина: какой отъ меня пользѣ быти? И Бер- «сень молвилъ: ты человѣкъ разумной, и можешь насъ пользовати, и «пригоже было намъ тебя въспрашивати, какъ устроити Государю землю «свою, и какъ людей жаловати, и какъ Митрополиту жити. И язъ мол- «вилъ: у васъ книги и правила есть... Да Берсень же говорилъ: Добръ-де «былъ К. В. Иванъ и до людей ласковъ, и пошлетъ людей на которое «дѣло, ино и Богъ съ ними; а нынѣшней Государь не по тому: людей «мало жалуетъ. А какъ пришла сюда мати В. Князя Софья съ вашими «Греки, ино земля наша замѣшалася; а дотолѣ земля наша Русская жила «въ тишинѣ и въ миру; пришли нестроенія великіе, какъ и у васъ во «Царѣгородѣ. И язъ молвилъ: В. Княгиня Софья по отцѣ Царьскій родъ, «а по матери В. Дукуса Ферарійского. И Берсень молвилъ: какова ни «была, а къ нашему нестроенью пришла. Вѣдаешь, а и мы слыхали у «разумныхъ людей, которая земля переставливаетъ обычаи свои, и та «земля не долго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычаи К. В. перемѣ- «нилъ... Нынѣ Государь нашъ запершися самъ-третей у постели всякія «дѣла дѣлаетъ.... Подворье у меня отнялъ въ городѣ, а поставили на «немъ Шемячичеву Княгиню; а изъ Новагорода изъ Нижнего людей «всѣхъ роспустилъ, а сына моего одного оставилъ... А нынѣ отвсюды «намъ брани; ни съ кѣмъ намъ миру нѣтъ: ни съ Литовскимъ, ни съ «Крымскимъ, ни съ Казанью, за наше нестроенье. И въспросили (судьи) «Максима, что онъ молвилъ: *за наше нестроеніе?* и Максимъ молвилъ: мнѣ «ся мнить по моей мысли, какъ бы *несовѣтіемъ* и *высокоуміемъ*».

Сіи любопытные допросы уцѣлѣли въ подлинникѣ; видны поправки въ рѣчахъ.

(347) P. Iovii de Leg. 129.

(348) Герберштт. R. M. Com. 96.

(349) *Никон. Лѣт.* 219: «Выѣхалъ К. В. къ Николѣ на Угрешу (въ «Маѣ 1519), а оттолѣ въ Островъ, и тамо жилъ до Петрова заговѣнья: «а пріѣхавъ въ Москву, жилъ лѣто все въ Воронцовѣ и до осени».

(350) На прим. въ Можайскѣ, гдѣ было заключено перемиріе съ Литвою въ 1526 г.

(351) Герберштт. R. M. Com. 99.

(352) См. тамъ же.

(353) См. выше, примѣч. 231, и *Послужный Списокъ Бояръ*. Первымъ Ловчимъ былъ въ 1509 г. Нагой, Оружничимъ въ 1511 Салтыковъ, Крайчимъ въ 1514 братъ В. Княгини Иванъ Сабуровъ.

(354) Герберштт. R. M. Com. 34.

(355) То есть, изъ лисьихъ *горлъ* или душекъ черныхъ. Фр. да-Колло сказываетъ, что при его встрѣчѣ стояло въ ружьѣ, отъ Кремля до Посольскаго Двора, 40,000 богатоодѣтыхъ воиновъ.

(356) См. Герберш. R. M. Com. 89—101, и Trattamento л. 53 на об. Францискъ да-Колло пишетъ объ освѣщеніи улицъ: erano disposti et accesi *lumi di tiglia* di altezza d'un passo, dall' una et dall' altra parte della strada, discosti l' un da l'altro intorno à due passi. Что такое lumi di tiglia? вѣроятно, не пылающіе отрубки *липоваго дерева*, а пуки зажженной лучины. Они были вышиною около аршина и разставлены на обѣихъ сторонахъ улицы, шагахъ въ двухъ одинъ отъ другаго.—Великій Князь за обѣдомъ подзывалъ къ себѣ пословъ, и спросилъ между прочимъ у Герберштейна, брѣетъ ли онъ бороду? Брѣю, отвѣчалъ Баронъ. *Это по нашему*, сказалъ Василій.

(357) См. Дѣла Прусскія, л. 214.

(358) Тамъ же, л. 43. Фр. да-Колло упоминаетъ о Медикѣ *Николаѣ*, бывшемъ тогда въ Москвѣ: Maestro Nicolo Lubacense, professor di Medicina et di Astrologia, et di tutte le scienze fondatissimo: это *Николай Люевъ*, какъ вѣроятно. Онъ разсказывалъ Франциску много любопытнаго о горахъ Югорскихъ или Уральскихъ.

(359) Дѣла Турецк. 222, 249; и Фр. де-Колло л. 51 на об.

(360) См. въ *Указателѣ Рос. Законовъ* ч. 1. стр. 81 и 86, Судебникъ Царя Ивана Васил.

(361) См. выше, прим. 112.

(362) Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 579: «Лѣта 7027 Сент. въ 6 (1518) «пожаловалъ Государь В. К. во своей отчинѣ, въ В. Новѣгородѣ, слыша, что Намѣстники и Тіуны ихъ судятъ по мздѣ, и велѣлъ своему Дворец«кому Ив. Константиновичю, да Дворцовымъ Діакомъ, Семену Борисову, «да Звягѣ Софонову, выбрати изъ улицы лучшихъ людей 48 человѣкъ, «и къ цѣлованію привести; и оттолѣ по Государеву слову В. К. *Іоанна* «Васильевича оставили судити съ Намѣстники Старосту купецкого Ва«силія Никитина сына Тараканова, а съ Тіуны судити цѣловальникомъ «по четыре на каждый мѣсяцъ». Если здѣсь не описка въ имени В. Князя, то слѣдуетъ, что *Іоаннъ* обѣщалъ Новогородцамъ сихъ Присяжныхъ.

(363) Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* 588 на об.: «Прислалъ В. К. (въ «Іюлѣ 1531) къ Архіеп. Макарію въ В. Новград грамоты и Дьяковъ «своихъ. Якова Тишкина, Аѳан. Фуника и Дворцоваго Дьяка Митю Ве«ликого, и повелѣ имъ на Софейской сторонѣ улицы разсмотрѣть, и на«чаша размѣряти Великую улицу отъ Володимерскихъ воротъ прямо, въ «конецъ, и всѣ улицы изъ поля въ берегъ прямо, и мѣста по всему по«жару, а решетки повелѣжа ставити по всему граду и огневщики уста«вити. Тое же осени начаша у решетокъ стречи Окт. въ 1; но понеже «прежде сего въ градѣ было много злыхъ человѣкъ, грабежи и татьбы и «убійства, и оттолѣ начаша милость Божія быти и тишина по всему «граду; и многи зліи человѣцы тоя ради крѣпости градской избѣгоша, а «иніи на покаяніе обратишася и къ рукодѣлію навыкоша».

(364) См. *Никон. Лѣт.* 182, 187, 227, 231, 245. Ровъ Кремлевскій обложенъ кирпичами въ 1508 г.; крѣпость въ Нижнемъ застроена тогда же, Тульская въ 1520, Коломенская въ 1525, а совершена въ 1531. Въ *Архив. Лѣт.* л. 249: «Поставленъ бысть градъ камень на Осетрѣ у Ни«колы у Заразсково». (въ 1531 г.) Тогда же срубили крѣпость въ Черниговѣ и Коширѣ.

(365) Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 575: «Прислалъ К. В. Боярина «своего Борба (въ 1508 г.), велѣлъ ему уридити въ Новѣгородѣ торги, «ряды и улицы розмѣрити по-Московски». См. выше, примѣч. 36.

(366) См. въ *Собраніи Госуд. Грамотъ*, стр. 416, запись В. Князя, писанную въ Іюнѣ 1523 г., передъ его Казанскимъ походомъ. См. также

Архив. Лът. л. 212 на об. и 238, гдѣ сказано: «Тое же весны (1525) «поставиша новый монастырь Дѣвичей у града Москвы близъ монастыря «Св. Савы за посадомъ». Тамъ же, л. 182: «Тогоже лѣта (1506) зало- «жиша въ градѣ въ Москвѣ церковь Св. Николы, идѣже стояла старая «церковь Николы *льняной:* тако бы изначала именуема». Сію церковь освятили 1 Окт. 1506, и В. К. поставилъ въ ней образъ Св. Николая, украсивъ его золотомъ и каменьями драгоцѣнными.

(367) См. *Архив. Лът.* л. 184.

(368) См. *Архив. Лът.* л. 190 и 219—*Ростов. Лът.* л. 578, и *Никон.* 182.

(369) *Никон. Лът.* 220.

(370) Въ *Продолженіи Нестора*, стран. 352: «Поймалъ К. В. (въ «Маѣ 1509 г.) Новог. Арх. Серапіона и велѣлъ его везти къ Москвѣ, и «учиниша за него Соборъ, что посылалъ Серапіонъ грамоту неблагосло- «венную на Іосифа, что Іосифъ отказался изъ его Архіепископьи отъ «К. Ѳедора (Борисовича, двоюроднаго брата Государева) и съ монасты- «ремъ къ В. Князю безъ его вѣдома.. Отпустилъ К. В. (15 Мая 1512) «бывшаго Арх. Новог. Серапіона въ Сергіевъ монастырь». — Въ Архив. *Новогород. Лът.* Малин.: «Лѣта 7034 Марта 4 (1526) поставленъ бысть «Архіеп. Новугороду и Пскову Макарій Архим. изъ Лушковъ на Мо- «сквѣ... При немъ В. К. Дек. 24 (того же года) въ навечеріи Рождества «пріѣхалъ на Тихвину, и бысть тамо 3 дни, и сталъ на Москвѣ на «Крещеніе. И бысть при семъ Владыцѣ во всей его Аріепископіи мо- «литвами его времена и тиха и прохладна, и обиліе веліе: коробью убо «жита купили по семи Новогородокъ».—Въ Архив. *Ростов. Лът.* л. 578 на об.: «Смирился К. В. съ Серапіономъ (въ 1516 г.); а кто ни постоялъ, «Вас. Андр. Челяднинъ и Владыка Ростов. Васіанъ и братъ его Іосифъ, «и Владыка Суздальскій, и того лѣта вси умерли; а Ив. Вас. Челяднинъ «въ Литвѣ главу положилъ; а Рязанской Тарасій и Владычество оставилъ «его же ради; да того же лѣта и Пермской Тарасій умре. Того же лѣта «преставися Серапіонъ у Архіеп. у Троицы въ Сергіевѣ въ Лазареву «Субботу и положенъ въ схимѣ». Тамъ же, л. 584: «Архіеп. Макарій «(въ 1528 г.) созва къ себѣ Игумены Антоніева монастыря и Деревя- «ницкаго, и Благовѣщенскаго, и Оркажа, и прочіи, идѣже нѣсть общины, «и нача ихъ учити, еже имъ устрояти общее житіе койждо въ своемъ, и «трапезы со церквами ставити каменныя, иніи же древяныя; а прежде «бо сего токмо велицы монастыри общины имѣша, а въ прочихъ, иже «окресть града (иноки), койждо особѣ въ келліяхъ ядяху и всякими жи- «тейскими печальми обдержими бяху; а въ лучшихъ монастыряхъ 6 или «7 Черницевъ, а въ прочихъ 2 или 3. Тогда нача благодать множитися, «и братія въ монастыри начаша приходити: идѣже было 2 или 3, ту 12 «и 15; а гдѣ 6 или 7, ту 20 и 30; а въ прочихъ 40 и множае. Которые «монастыри общины устроиша, се ихъ имена: Антоніевъ, на Деревяницы, «Благовѣщеніе, Аркажь на Колмовѣ, на Волотовѣ, Наситецкій, Чудо «Архангела на Сковороткѣ, въ Нередицахъ, въ Чиловѣ на Коломцахъ, «на Липнѣ, на Перинѣ, на Николинѣ конецъ Легоши улицы,въ Пантe- «леевѣ. Только именитыхъ два монастыря не устроиша общины: Нико- «линъ монастырь въ Неровскомъ Концѣ, а Игуменъ Илія Цвѣтной, да «Рождество Хр. на полѣ, а Игуменъ Іоаннъ Заяцъ; не хотяху: въ томъ «бо безчиніи привыкоша жити. — Тогда же Архіепископъ и Черницамъ «вдасть монастыри: на Десятинѣ, Петровской, Инской, Ипской на Во- «лоцкой дорозѣ, на Соколницѣ Богословской, но Вяткѣ, на Шнетинѣ; а «прежде жили тамо Игумены и Черницы, и Архіеп. повелѣ отвести Игу- «меновъ въ мужескіе монастыри, а Черницамъ вдасть Игуменіи». Объ

украшенія Софійскаго храма см. тутъ же. Объ амвонѣ: «постави (въ «1533 г.) амвонъ вельми чуденъ, и Святыхъ на немъ отъ верха въ три «ряды тридесять, и рѣзію и различными подзоры и златомъ лиственнымъ «украшенъ, а отъ земли амвона устроены яко человѣчки древяные 12, «и всякими вапы украшенны и въ одеждахъ, и яко со страхомъ на «главахъ держатъ сію святыню». Далѣе разсказывается, что Макарій мыслилъ удивить народъ чудомъ: поставить мельницу на Волховѣ, на Софійской сторонѣ, гдѣ была на рѣкѣ баня, «а ту *рѣлку* (мысъ) звали «крюкъ, а на ней жили Нарочитые Дворяне Владычня двора». Сыскался хитрецъ, житель Псковскій, увѣривъ Макарія въ возможности сего дѣла: онъ началъ работать, затопилъ множество срубовъ, утвердилъ на нихъ жерновъ, хотѣлъ молоть; но весною пришелъ ледъ изъ озера Ильменя и разрушилъ все. Художникъ бѣжалъ; а Макарій велѣлъ поставить на семъ мѣстѣ конюшню.

Между бумагами Іосифовскаго Волоколамскаго монастыря находятся грамота Св. Іосифа къ Вельможѣ Борису Вавильевичу и его духовное завѣщаніе, писанное въ 1507 году. Въ первомъ изображаются всѣ наглыя обиды, претерпѣнныя имъ и монастыремъ отъ К. Оед. Борисовича, который отнималъ у него вклады, деньги, вещи: хотѣлъ сѣчь монаховъ кнутомъ, и проч. (см. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 177). Тутъ подробно описана ссора Іосифова съ Архіеписк. Новогородскимъ.

(371) Въ Архив. *Ростов. Лът.* л. 581 и 589 на об.: «Пріѣхаша къ «Москвѣ (въ 1526 г.) Поморцы и Лопляне съ моря Окіана изъ Кандо«лажской губы, усть *Нивы* рѣки, изъ дикой Лопи, и били челомъ Госу«дарю, и просили Антимиса и Священниковъ церковь свящати и про«свѣтити ихъ святымъ крещеніемъ, и Государь велѣлъ Архіеп. Макарію «послати изъ Новаграда отъ Соборныя церкви Священника и Діакона. «и они ѣхавше свящали церковь Рождества Іоанна Предтечи и многихъ «Лоплянъ крестиша... Тое же зимы (1532) пріѣхаша въ В. Новградъ «Лоплане съ Мурманского моря, съ Колы рѣки, съ Тутоломи, и просили «у Макарія Антимисовъ и Священника—и посла отъ Соборныя церкви «Священника и Діакона, и они ѣхавше церкви свящали Благовѣщенія «и Св. Николая въ Филипповъ постъ, и самихъ многихъ крестиша за «Св. Носомъ Лоплянъ». — Въ 1530 г. В. К. далъ милостивую грамоту Лапланцамъ, по коей они долженствовали быть судимы не Намѣстниками и не Тіунами Новогородскими, а Государевыми Дьяками. Сказано: «Пожаловалъ есми въ Вотцкой Пятинѣ у Студеново моря, отъ Каин«скихъ Нѣмецъ съ рубежа, Лопь крещеную и некрещеную Шуи рѣки, «Илейку Никитина, да Павлика, да у Кеми рѣки Старосту Сеньку, съ «дву сотъ и съ полутретьядцати луковъ... приставове де Намѣстничи по «нихъ ѣздятъ, а съ ними ябедники Ноугородцкіе человѣкъ по тридцати, «а отъ поруки-де на нихъ емлютъ рублевъ по десяти, а сроки наместы«ваютъ въ дѣловую пору... А коли Дьяки наши посылаютъ къ нимъ «моей дани брати Подъячихъ... и сроки имъ мечютъ стати въ Новѣго«родѣ на Благовѣщеньевъ день... и тѣ Подьячіе медовъ и винъ съ собою «не возятъ и сзывовъ не чинятъ и лишковъ не емлютъ». См. *Собр. Госуд. Грамотъ* стр. 436, Архив. *Ростов. Лът.* л. 606 подъ годомъ 1534, и въ *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 149, грамоту Макарієву къ жителямъ Вотской Пятины, къ Чуди погоста Толдожскаго, Ижерскаго, Дудровскаго, Замошскаго, Егорскаго, Ополецкаго, Кипенскаго, Псковскаго, Зарѣцкаго, и проч. Въ сей послѣдней сказано: «Жертву на скверныя моль«бища носятъ Арбуевъ Чюцкихъ, и мертвыхъ кладутъ по курганамъ «и по коломищемъ съ тѣми же Арбуи... и къ родильницамъ призываютъ «ихъ, и тѣ Арбуи младенцемъ имена нарекаютъ свойски... Арбуевъ бы

«есте и ихъ учениковъ къ тому нашему Священнику велѣли на поуче-«ніе приводити... И вы бъ о тѣхъ непослушницѣхъ сказывали тѣмъ Дѣ-«темъ Боярскимъ, которые Христіане за которыми Дѣтьми Боярскими «живутъ, чтобы они тѣхъ имали и къ намъ присылали». Писана 25 Марта 1534: слѣдственно уже по кончинѣ Василія. Такого же содержанія грамоту писалъ и Новогород. Архіеп. Ѳеодосій къ сановникамъ Чудской земли, духовнымъ и свѣтскимъ, въ 1548 г.: см. *Вивліоѳ.* XIV, 167.

(372) См. въ *Псков. Лѣт.* Г. Толст. посланіе Панфила къ Намѣстнику Псков., К. Димитрію Владиміров. Ростовскому и проч. Вотъ собственныя слова его: «Егда приходитъ день Рождества Предотечева и «прежде того, исходятъ *огавницы*, мужіе и жены чаровницы, по лугомъ «и по болотомъ, и въ пустыни и въ дубравы ищущи смертные травы и «*привѣто-чрева* отъ травнаго зелія на пагубу человѣкомъ и скотомъ; ту «же и дивія коренія коплютъ на потворенія мужемъ своимъ. Сія вся «творятъ дѣйствомъ діяволимъ въ день Предотечевъ съ приговоры Са-«тининскими. Егда бо пріидетъ праздникъ во Святую нощь, мало не «весь градъ возмятется и въ селѣхъ возбѣсятся въ бубны и въ сопели «и гуденіемъ струннымъ, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣ-«вамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ непріязненъ кличь, вся сквер-«ные пѣсни, и хребтомъ ихъ вихлянія, и ногамъ ихъ сканіе и топтаніе; «туже есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе, ту же и женское и дѣ-«вичье шетаніе, блудное имъ возрѣніе, и женамъ мужатымъ осквернѣніе, «и дѣвамъ растлѣнія,» и проч.

(373) «Марта 4 приде изъ Царяграда Василій Копылъ да Иванъ «Варавинъ, да съ ними отъ Петріарха Митрополитъ отъ града *Жихна*, «да съ ними Старцы отъ Св. Горы изъ Ватополя монастыря Максимъ «Грекъ, да Неофитъ Грекъ, да Лаврентій Болгаринъ, а отъ Св. Панте-«леймона изъ Русскаго монастыря Сава Игуменъ; а напередъ тѣхъ за «годъ пришелъ отъ 40 Мучениковъ монастыря Исаіа Священно-инокъ Сер-«бинъ... и повелѣ имъ В. К. пребыти въ монастырѣ у Михайлова Чуда». Они поѣхали назадъ 11 Сент. 1519.

(374) См. въ Синод. библіотекѣ рукопись въ листъ подъ № 87, л. 407: *Соборъ въ богоспасаемомъ градѣ Вилни бывшій* (Генв. 18, г. 1509). Кромѣ Митрополита Іосифа находились тамъ Епископы: Вассіанъ Владимірскій и Берестенскій, Варсонофій Смоленскій, Кириллъ Луцкій и Острожскій, Евфимій Полоцкій и Витебскій, Арсеній Туровскій и Пинскій, Антоній Перемышльскій и Филаретъ Холмскій. Уложивъ, что Іереями быть могутъ единственно люди безпорочные и женатые; что Князья и Паны, хищники церковнаго имѣнія, отлучаются отъ церкви; что Иноки не выходятъ изъ монастырей безъ воли Настоятелей, Святители говорятъ далѣе: «Правилъ Божественныхъ мірскимъ людемъ не подобаетъ въ себѣ «(у себя) держати, занеже держаще ихъ мірскіи люди въ нѣкоторыхъ «дѣлѣхъ законъ презираютъ и Пастырей своихъ преслушиваются: ино «таковыи, по Св. Апостолу, *сами собѣ законъ бываютъ*». Осуждаютъ Епископовъ, которые берутъ на себя мірскія дѣла, и за недосугами уклоняются отъ церковныхъ Соборовъ. Въ заключеніи такъ: «Аще ли «отъ Господаря или отъ Вельможъ у (въ) сихъ предреченныхъ дѣлѣхъ, «нами соборнѣ положенныхъ, хотя въ единомъ изъ нихъ до Митрополита «или до Епископа присыланіе будетъ, сію заповѣдь, по правиламъ свя-«тымъ нами утвержденную, хотя зрушити, и ихъ волю вчинити: намъ «ни единому на то не дерзнути никакоже; всѣмъ намъ зѣхатися до «Митрополита, кажный подъ своимъ накладомъ и шкодою, и о томъ Госпо-«дарю челомъ бити и непоколебимо стояти». Внизу подписано: «Сей Со-«боръ на пергаминѣ письмомъ стародавнымъ, яко же здѣ слово въ слово

«имаши, есть писанъ, у него же печатей завѣшенныхъ осмь».—Въ языкѣ уже видимъ нечистую примѣсь Польскаго.

(375) Въ *Исков Лът.* Толст.: «Отъ Ильина дни (1521) мряхуть во «Псковѣ мужи и жены, старыя и младыя, а отъ гостей и отъ лучшихъ «людей безъ мала вси не изомроша; а Москвичамъ то бысть не обычно; «а гостей кто приметца у кого за животъ, и тотъ весь вымретъ; и пер«вое почаша мерети на Петровской улицы у Юрья у Табулова, и К. «Мих. Кислица велѣлъ улицу заперети, а самъ побѣже на Руху въ пастьвище. И освящаша церковь кам. на Завеличьѣ Успенія 15 Авг. и сте«кошася весь градъ, а иные пойдоша къ печерѣ и молящеся о избав«леніи града». Великій Князь и Митрополитъ прислали Святую воду съ гонцемъ, а Псковитяне срубили церковь Покрова на Петровской улицѣ, гдѣ была прежде *Мотыльная гридница*. Моръ просѣкся въ Февралѣ. *Ростов Лът.* л. 574 и 590: «Бысть во Псковѣ (въ 1532 г.) моръ великъ «отъ Іюля и до Рождества, яко и Воеводамъ и сановникомъ страха ради «смертнаго вонъ выѣхати; въ селѣхъ и мѣстѣхъ тайныхъ крыяхуся... и «Арх. Макарій мощи Святыхъ омывая и посылаше Святую воду... Тое же осени въ Окт. нача являтися на человѣцѣхъ вредъ яко прыши... и «Арх. Макарій (8 Ноября) вниде въ Св. Софію и нача молебная совершати отъ 2 часа дни, и всему народу повелѣ лѣсъ на рли во Славнѣ «и церковь рубити... А Священники шести Соборовъ положиша Евап«геліе на престолѣ, украсиша его поволокою и сребромъ... а людіе украсиша церковь Дейсусы и иконами; и Архіеп. молебная совершая даже «и до вечернія годины, и егда совершися верхъ церкви, тогда вниде «самъ въ церковь, и свяща во имя Св. Евангелиста Марка по жребію; «прежде бо во всемъ градѣ не быша храмовъ Св. Евангелистъ Матѳея «и Марка... и помалѣ повѣтріе преста». См. *Продолженіе Нестора* 355. Въ 1506 г. былъ во Псковѣ моръ *безымянной*.

(376) См. *Архив. Лът.* л. 190, 238, 256, и *Ростов. Лът.* 592. Засуха 1533 г. настала послѣ ужасной грозы, бывшей 23 Іюня: молніею убило въ Москвѣ 9 человѣкъ.

(377) См. *Никон. Лът.* 213. Дожди начались въ Петровъ постъ.

(378) См. *Продолж. Нест.* 355.

(379) См. *Ростов. Лът.* л. 578 на об. В. К. ѣздилъ тогда съ супругою въ Ярославль и въ другіе города. См. еще Гербершт. R. M. Com. 45.

(380) См. Архив. *Ростов. Лът.* л. 575, 588, 592, и *Никон.* стран. 245. «Авг. 20. (1508) загорѣлася Торговая сторона (въ Новѣгородѣ) въ 11 ч. «нощи на Коржевѣ улицѣ... мала часть стѣны осталася; мнози же и ка«менныя палаты развалишася... и церковь Димитрія въ Тортѣ выгорѣ... «и бысть вихрь велій и гременія страшна, и вихромъ суды великія съ «Волхова съ людьми и животы въ огнь приношаше; инїи же въ водѣ «истопаша... а горѣло день и нощь до полдней. — Бысть пожаръ на «Яневѣ улицѣ (въ 1531 г.) у тюремъ; изъ дву тюремъ Литву вывели, а «изъ третьей не успѣли, и сгорѣ 145 человѣкъ; и Арх. Макарій повелѣ «ровъ ископати у Св. Арханг. Гавріила, конецъ Фревковы улицы, и пѣвъ «самъ надгробное пѣніе, и погребоша ихъ. — Бысть во Псковѣ пожаръ «(въ Авг. 1533), и весь средній градъ выгорѣ, гдѣ живутъ гости Москов«скіе. — Іюля 3 (1531) загорѣся въ Нижнемъ Новѣгородѣ на посадѣ, «выше Козмы и Даміана, и кровля городская и зеліе пушечное въ Ива«новской стрѣльницѣ, и паде стрѣльница, и внутри сгорѣ дворъ В. Князя... «И загорѣся зеліе пушечное на Москвѣ на Успленскомъ врагѣ, на «Олевизонскомъ дворѣ: дѣлаша бо его на томъ дворѣ градскіе люди, «и сгорѣ ихъ во единъ часъ болѣ 200 человѣкъ, и ко двору не при«коснусь огнь».

(381) Въ *Архив. Лът.* г. 1531: «Того лѣта явися звѣзда великая надъ «лѣтнимъ восходомъ солнечнымъ по многія заутреннія; лучи отъ нея сіяша «велики, и вверхъ идяше не по обычному теченію на полунощную страну, «и послѣ являшеся на вечерней зарѣ червленымъ образомъ надъ лѣт- «нимъ западомъ... Окт. (1532) явися звѣзда за два часа до свѣта надъ «зимнимъ восходомъ; лучь сіяше отъ нея великъ на полдни; являшеся «на единомъ мѣстѣ отъ 1 дни Окт. до 9 Ноября... Іюля (1533) являшеся «звѣзда въ 4 часъ нощи надъ западомъ, а лучь отъ нея дологъ и ши- «рокъ на зимній востокъ по многія нощи». Въ *Ростов. Лът.* сказано, что она показывалась дней 30 и болѣе.—Въ *Псков. Лът.* Толст. упоминается о явленіи Кометы въ 1520 году.

(382) На примѣръ, Анабаптисты и другіе.

(383) См. выше, примѣч. 341.

Выписка изъ лѣтописей:

Г. 1506: «Генв. 15 поставленъ въ Москвѣ Архіеписк. Новугороду «Серапіонъ, Игуменъ Троицкой Сергіева монастыря; а въ 18 день Архіеп. «Вассіанъ Ростову и Ярославлю, Архим. Симоновскій». Приходили старцы отъ Св. горы, и черезъ 6 мѣсяцовъ, 9 Мая, выѣхали изъ Москвы обратно. В. К. посылалъ К. Петра Семен. Лобана Ряполовскаго на Бѣлую, чтобы основать тамъ новую крѣпость въ защиту отъ Литвы. «Пренесли въ «Тройцкой монастырь *храмъ* Петра Митроп. изъ Петровскаго, а били «челомъ міромъ Игумену Сергію».

Г. 1505. Въ Февр. поставленъ Андроник. Архим. Митрофанъ Епископомъ въ Коломну. В. К. вызвалъ изо Пскова К. Дим. Ростовск., а на его мѣсто прислалъ К. Петра Васильев. Великаго.

Г. 1508. 23 Генв. поставленъ Епископъ Крутицкій Досиѳей. 8 Марта умеръ въ Москвѣ Епископъ Суздальскій Нифонтъ и отвезенъ въ Суздаль. 23 Мая умеръ Тверск. Еписк. Вассіанъ. Расписана и украшена золотомъ церковь Благовѣщенія на Великокняжескомъ дворѣ въ Москвѣ. 14 Мая въ Москвѣ горѣлъ отъ Панскаго двора посадъ и торгъ. Совершена тамъ церковь Іоаннъ Лѣствичникъ подъ колоколами; 5 Ноября священа церковь Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ, а 8 Михаила Архангела на площади. Заложили Псковичи стѣну около Гремячей горы.

Г. 1509. В. К. смѣнилъ Псков. Намѣстника К. Петра Великаго, а на его мѣсто прислалъ К. Ивана Михайлов. Рѣпню-Оболенскаго, прозваннаго во Псковѣ *Найденомъ*: «А по тому его назвали *Найденомъ*, что «онъ не пошлиною (не по обычаю) пріѣхалъ; *нашли* его Псковичи на «Загорскомъ дворѣ, а Священники противъ его съ кресты ке ходили, а «пѣли молебенъ на торгу, да шли ко Св. Троицѣ и посадили его на Кня- «жепіе; а бысть той Князь лютъ до людей (см. *Псков. Лът.* Г. Толст.).— «На Масленой недѣли поимали (во Псковѣ) понамаря Троицкаго Ивана, «а онъ изъ ларевъ деньги ималъ 400 рублевъ, и на Вѣчи казнили его «кнутьемъ, и онъ сказался, и посадили его на крѣпость, и по Троицынѣ «дни на Великой рѣки огнемъ сожгли его». Поставлены въ Епископы Авг. 21 Симеонъ Архим. Андрониковскій въ Суздаль а 24 Игуменъ Богоявленскій въ Тверь. Совершили и 1 Сент. освятили на Симоновѣ церковь Рождества Богоматери. Сдѣланъ мостъ въ Новѣгородѣ черезъ Волховъ къ пріѣзду В. К. Написанъ Дейсусъ въ Новогород. Софіи Андреемъ Лаврентьевымъ и Иван. Дермаярцовымъ. «В. К., ѣдучи изо Пскова, «велѣлъ устроити у Св. Троицы свѣщу неугасимую день и нощь, а въ «Новѣгородѣ предъ Софіею... Постави гость Иванъ Сырковъ церковь «Мироносицъ на Дворищѣ, и въ ней три службы; да пометными день- «гами со всего града поставлена ц. Николы конепъ Легощи улицы».

Г. 1510. 8 Сен. В. К. выѣхалъ въ Переславль, Юрьевъ, Суздаль, Владиміръ, Ростовъ; а въ Москву возвратился съ супругою 5 Дек.

Г. 1511. Апр. 26 занемогъ Митроп. Симонъ, послалъ за бывшимъ Новогород. Архіеп. Серапіономъ въ Троицкій монастырь, помирился съ нимъ, скончался 30 Апрѣля и погребенъ въ Успенск. храмѣ: Іюля 27 избранъ въ Митрополиты Симон. Архим. Варлаамъ, а 3 Авг. поставленъ Святителями. «Послѣ Велика дни скрыся гробъ Архіепископовъ Ново-«городскихъ Мартиріевъ да Семеновъ... и ко взятію Пскова скрыся, и «ко сведенію Архіеп. Симеона скрыся».

Г. 1513. Въ Февр. скончалась В. Княгиня Евдокія, сестра Государева, супруга Петра Царевича. Въ Маѣ умеръ К. Ѳедоръ Борисов. Волоцкій. Выгорѣлъ Изборскъ въ день Св. Георгія.

Г. 1514. Поновлено въ Москвѣ славный образъ Богоматери Владимірской, а В. К. приказалъ сдѣлать для онаго кивотъ, украшенный серебромъ и золотомъ. Построены въ Москвѣ на большомъ посадѣ за торгомъ церковь Введенія, въ садахъ церковь Св. Владиміра, на Воронцовѣ Благовѣщеніе, на Государевомъ дворѣ Рождество Богоматери съ придѣломъ Св. Лазаря, за Неглинною Св. Леонтій Ростовскій и Петръ Чудотворецъ, на Ваганковѣ Благовѣщеніе, въ Дѣвич. мон. Алексій Божій человѣкъ, за рѣкою подъ боромъ Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, на Срѣтенкѣ Введеніе и церковь Св. Варвары, созданная Василіемъ Бобромъ и братьями его (Архитекторомъ былъ Алевизъ). Юрій Григорьевъ Бобынинъ построилъ въ городѣ у Фроловскихъ воротъ церковь Аѳанасія Александрійскаго.

Г. 1515. 15 Февр. Архим. Чудова монастыря Іосифъ поставленъ въ Епископы Смолонску, куда и поѣхалъ въ Мартѣ. Государь въ первый разъ ѣздилъ на охоту въ Волокъ Ламскій. Авг. 12 святили въ Тихвинѣ церковь Успенія; *нарядчикъ* былъ Дмитрій Сырковъ, а мастеръ Фрязинъ изъ Москвы. Авг. 28 преставися Ростов. Архіеп. Вассіанъ на Дорогомиловѣ и отвезенъ въ Ростовъ. 12 Ноября скончался Суздальскій Епископъ Симеонъ. Игуменъ Сергій поставилъ церковь Преображенія на Хутынѣ въ Новѣгородѣ.

Г. 1517. 10 Февр. Владимірскій Рожественскій Архим. Геннадій поставленъ въ Епископы Суздалю, а Февр. 12 Архим. Андрониковскій Сергій Рязани. «Паде стѣны 40 саженъ (во Псковѣ) на Крому до костра «Снетоваго надъ рыбнымъ торгомъ, и надѣла Фрязинъ Иванъ ту сорокъ; «а камень возиша Священники, а стала 40 сажень В. Князю въ 700 руб-«левъ опрочи повозу Поповскаго; а Псковичи песокъ носили реше-«томъ сѣючи. Тоя же осени дѣлаша стѣну въ пескахъ на прудѣхъ къ «Гремячей горѣ и пескомъ посыпали; а чаяли Литвы подо Псковомъ».

Г. 1518. В. К. прислалъ во Псковъ ко храму Троицы большой колоколъ на мѣсто Вѣчеваго. Въ Іюнѣ Коломенскій Святитель Митрофанъ оставилъ Епископію. Въ Іюлѣ иконы древнія Спасителя и Дѣвы Маріи были принесены изъ Владиміра въ Москву, встрѣчены Митрополитомъ у Срѣтенія на посадѣ и внесены въ Успенскій Соборъ, гдѣ В. К., возвратясь изъ Троицкой обители, молился имъ съ усердіемъ, и велѣлъ поновить ихъ въ домѣ у Митрополита, который самъ участвовалъ въ трудѣ живописцевъ. Приходилъ Старецъ отъ Синайской горы. Разобрали въ Кремлѣ старую церковь Вознесенія. 12 Сент. освятили церковь Св. Леонтія за Неглинною. Ѣздилъ В. К. на охоту въ Волокъ и возвратился на Дмитріевъ день. Святили въ Москвѣ церковь Введенія на Стрѣтенкѣ.

Г. 1519. Съѣхали Намѣстники Псковскіе, К. Ив. Шуйскій и Андрей Вас. Сабуровъ; ихъ мѣсто заступили К. Михайло Кислица и К. Петръ

Лобанъ-Ряполовскій. «Начаша Мисюрь Мунехинъ Дьякъ, да его Подъя-«чей Ортюша Псковитянъ назирати убогое мѣсто, незнаемо никимъ же, «подъ Нѣмецк. рубежомъ 40 верстъ отъ Пскова, въ Тайловѣ погостѣ. «7 верстъ отъ Новаго городка Нѣмецкаго, Печерской монастырь, Виф-«лянскую пещеру, и начаша на праздники Пречистыя Богородицы ѣздити «со многими людми и монастырь кормити; а монастырецъ былъ на версѣ «горы.... и нача Пречистая недужныя исцѣляти, и услыша вся земля «Русская, яко не токмо Крестьянъ, но и Латыны исцѣляетъ, и нача Ми-«сюрь волостьми своею казною по обѣ стороны ручья горы копати и «церковь большую созидати и въ гору копатися далѣ и глыбже, и начаша «монастырь строити въ подолѣ межъ горъ, а ручей сквозь монастырь и «воду возведоша вверхъ, а Св. Ѳеодосія и Антонія снесоша съ горы въ «печеру въ новую церковь, и начаша съ проскурою и со святою водою «къ Государю ѣздити, и нача быти славенъ монастырь до моря Варяж-«ска». Сент. 15 отпущены изъ Москвы пововленныя иконы Владимірскія: самъ Государь провожалъ ихъ за Андрониковъ монастырь, коего Архиманд. Игнатій отправился съ ними въ Владиміръ; а В. К. далъ пиръ Духовен-ству и Боярамъ, удоволилъ бѣдныхъ милостынею и велѣлъ праздновать сей день въ честь Богоматери.—«Былъ судъ Окольничему Андр. Ник. «Бутурлину съ Андр. Никол. Яровымъ на Волокѣ на Ламскомъ: К. В. «оправилъ Бутурлина и далъ ему правую грамоту».

Г. 1520. Февр. 9 поставленъ Симоновскій Архим. Іоаннъ Архіепи-скопомъ въ Ростовъ, Февр. 14 Игуменъ Угрешскій Тихонъ Епископомъ въ Коломну, Февр. 16 Игуменъ Соловецкій Пименъ на Вологду и въ Пермь. Священа въ Новѣг. церковь Климента на Иворовѣ улицѣ.

Г. 1521. Игуменъ Илья Цвѣтной поставилъ церковь Иліи на сѣняхъ въ Новогород. Николинѣ монастырѣ. 14 Мая нашли въ землѣ мощи Св. Макарія Колязинскаго при основаніи новой церкви.

Г. 1522. 23 Марта поставленъ Рязанскій Епископъ Іона, а 30 Твер-скій Акакій.

Г. 1523. Окт. 1 святили въ Савинской пустынѣ церковь Покрова и гробъ Св. Саввы Вишерскаго. Въ *Псков. Лът.* Толст.: «Поставлена цер-«ковь кам. Св. Димитрей въ Домантовѣ стѣнѣ и священа Окт. 26; а «старая первая бысть во Псковѣ каменная съ кирпичемъ, а поставилъ «ее К. *Аведъ*, нареченный во Св. крещеніи Дмитрей; а мощи его лежатъ «у Св. Спаса на Мирожи на лѣвой странѣ подъ стѣною, а стояла пер-«вая церковь 400 лѣтъ безъ 20».—Татары сожгли посады въ Галичѣ. Близъ Новагор. выпалъ снѣгъ послѣ Троицына дня и лежалъ 4 дни.

Г. 1524. «Начаша поновляти Св. Пятницу (въ Новѣг.) Московскій «гость Дмитрій Сырковъ и людіе, иже въ великомъ ряду сидятъ, и на-«чаша голбцы разрушати и помостъ возрывати, и ту обрѣтоша сокро-«вище сребра древнихъ рублевъ Новогородскихъ литыхъ 170, а полтинъ «44, и Намѣстники повелѣша вложити ихъ въ сосудъ и запечаташа».

Г. 1525. Апрѣля 2 поставленъ на Коломну Епископъ Вассіанъ То-порко, а на Вологду, 9 Апр., Алексій Игуменъ Кириллова монастыря.— Поставилъ Филатъ Бобринъ ц. Св. Троицы на Коломцахъ въ Новѣго-родѣ. «На 2 недѣли по Пасцѣ иде вода въ Волховѣ ни вѣтромъ, ни бу-«рею, но повелѣніемъ Творца своего, Бога, и до дней 9, а на 10 воз-«вратися паки и пойде по своему подобію». Дьякъ Мисюрь во Псковѣ сдѣлалъ каменную стрѣльницу на Гремячей горѣ, исполняя повелѣніе Го-сударя.

Г. 1526. 9 Сент. святили въ Новѣгор. церковь Св. Филиппа на Нут-ной улицѣ. Въ Дек. Архіеп. Макарій ѣздилъ въ Тихвинъ, гдѣ былъ тогда Г. К., молясь о чадородіи, и гдѣ роздали много денегъ бѣднымъ.

Г. 1527. В. К. жилъ въ Воробьевѣ до Успенія. Онъ поставилъ на своемъ дворцѣ церковь Преображенія, другую у Фроловскихъ воротъ Св. Георгія, а третью Бориса и Глѣба на Арбатѣ. Государь женилъ К. Ивана Пенкова на своей своячинѣ, Княжнѣ Марьѣ.—Архіеп. Макарій въ Новѣгор. поновилъ чудотворную икону Знаменія Богоматери и 20 Окт. поставилъ ее на Ильинѣ улицѣ въ церкви Знаменія, тогда же передѣланной.

Г. 1528: «Пріѣха Владыка Макарій во Псковъ Генв. въ 26, а хо«тѣлъ жити тамъ мѣсяцъ, и Мисюрь Дьякъ показалъ ему грамогу В. К., «что ему велѣно жити 10 дней; и срѣтоша его Намѣстники К. Василей «Микулинской и Ив. Вас. Лятцкой и весь Псковъ... Марта 11 престава«вися Дьякъ Мисюрь и положенъ въ Печерѣ, и нача К. В. животъ его «сыскивати, а на его мѣсто прислалъ Володим. Племянникова, и най«доша въ его казнѣ книги вкратцѣ написаны, кому что далъ на Москвѣ «Бояромъ или Дьякомъ, и К. В. все то выискалъ на собя, а иное его «племянники; и Подъячей Ортюша Псковитинъ, любезный его, на Москвѣ «и на пытки былъ; и бысть въ людехъ мятежъ о его животахъ. И «сташа Мисюри Дьяки частые и мудрые, а земля пуста; и нача казна «В. К. множитися во Псковѣ; а сами ни одинъ не съѣхаша по здорову «со Пскова къ Москвѣ, другъ на друга воюя». В. К. провелъ осень въ Новой Слободѣ, а послѣ заговѣнья ѣздилъ въ Переславль, Ростовъ, Ярославль, на Вологду и въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь.—Въ Новог. монастырѣ на Колмовѣ освятили храмъ Успенія; Сент. 9 двѣ церкви у Св. Николая на Палатяхъ во Дворищѣ, Вознесенія и Зачатія Св. Анны; а 13 Сент. Евангелиста Луки на Лубяницѣ въ полѣ. Въ Новѣгородѣ 28 Окт., въ часъ обѣдни, въ церкви Пятницы опустился помостъ у лѣваго крылоса, гдѣ прежде нашли кладъ: народъ бросился изъ церкви, и множество людей задавили, 80 женщинъ и 4 мущинъ; а тѣ, которые послушались Священниковъ и остались въ храмѣ, вышли цѣлы и не вредимы.

Г. 1530. Въ день рожденія Царя Іоанна вылили въ Новѣгородѣ большой колоколъ, какого не бывало.

Г. 1531. По волѣ Государя были принесены 2 ветхія чудотворныя иконы изо Ржевы въ Москву, Параскевы Преподобной и Мученицы, поновлены и назадъ отправлены: а новыя, съ нихъ списанныя, остались въ Москвѣ, въ церкви Параскевы, тогда же созданной близъ Покрова. Сію церковь освятили 27 Ноября и уставили ежегодный въ оную ходъ со крестами. Кострома сгорѣла.—Въ одной лѣтописи сказано, что 15 Авг. Новогородцы присягали В. Князю, супругѣ и сыну его Іоанну. Скончался Епископъ Суздальскій въ Москвѣ и погребенъ въ Суздалѣ. Въ Авг. В. К. поставилъ въ одинъ день церковь обѣтную на Ваганковѣ, Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, заложивъ ее собственными руками; весь Дворъ и городъ были на ея освященіи.—Свирѣпствовала язва въ Ревелѣ. Преставился Пафнутій Боровскій.

Г. 1532. Іюня 22 преставился Іосифъ, Епископъ Смоленскій, и погребенъ въ Смоленскѣ.—Николай Фрязинъ слилъ въ Москвѣ колоколъ въ 500 пудъ.—Совершенна церковь Вознесенія въ Коломенскомъ, и Лѣтописецъ говоритъ, что такой великолѣпной еще не бывало въ Россіи. Государь украсилъ ее иконами и сосудами богатыми. 3 Сент. Митропол. святилъ ее, а В. К. въ сей день далъ пиръ въ Коломенскомъ, и жилъ тамъ 3 дни.—Государь въ Сент. ѣздилъ къ Троицѣ, былъ въ Слободѣ и 3 Окт. возвратился въ Москву.—Въ Новѣгор. на Павловой улицѣ построены 2 церкви каменныя, Апостола Іакова и Зачатіе, Москов. купцемъ Корюковымъ, а третья деревянная Успенія у каменной стѣны городской, по приказанію В. Князя. Тамъ же сдѣлали мостъ черезъ Волховъ, взявъ изъ казны В. Князя 200 рублей; а нарядчикомъ былъ Фи-

латъ Бобровникъ. Тамъ же Окт. 16 святили церковь Козмы и Даміана въ Кузнецахъ на Гзени.

Г. 1533. 10 Марта выѣхалъ Государь къ Николѣ Заразскому и возвратился 19. Мая 24 была страшная гроза въ Москвѣ. Слитъ въ Москвѣ колоколъ *благовѣстникъ* (Николаемъ Нѣмчиномъ) вѣсомъ въ 1000 пудъ, и поставленъ на деревянной колокольнѣ.—30 Авг. преставился Игуменъ Александръ, основатель монастыря на рѣкѣ Свирѣ.

(384) R. M. Com. стр. 11 и 92. Герберштт. говоритъ, что прежде его описывалъ Россію *Николай* Кузанъ: извѣстны сочиненія *Антонія* Кузана, напеч. въ Парижѣ 1513 г.; но въ нихъ не упоминается о Россіи.— Франциск да-Колло (см. выше, примѣч 174) говоритъ (л. 51, 52), что воля Государева служитъ въ Россіи вмѣсто писанныхъ законовъ, и что кому Вел. Князь прикажетъ повѣситься, тотъ немедленно исполнитъ надъ собою сей указъ; что никто не смѣетъ называть свое своимъ, а все называется Государевымъ; что имѣніе дѣйствительно переходитъ изъ рукъ въ руки по волѣ Вел. Князя, который возвышаетъ или унижаетъ людей въ одну минуту; что они всегда благодарятъ его, и за милость, и за наказаніе.

(385) Тамъ же, стр. 36, 37, и прибавленіяхъ къ старому Нѣмец. переводу Герберштт., напечатанному въ Базелѣ 1567 г. стр. 204. Фр. да-Колло пишетъ о 400,000 конныхъ воиновъ Россійскихъ, прибавляя, что они служатъ не изъ жалованья, а изъ любви, страха и повиновенія (per amore, timore et obedientia).

(386) См. Павла Іовія стр. 128, и Герберштт. R. M. Com. 21, 36, 38, 40.

(387) Тамъ же стр. 42, 45, 49, 53—59, и Пав. Іов. 126—128. Толмачь Димитрій, говоря съ Іовіемъ о нашемъ дикомъ медѣ, разсказывалъ ему, что одинъ крестьянинъ, его сосѣдъ, спустился въ борть и едва не утонулъ въ меду, два дни имъ питался, кричалъ и не могъ вылѣзти вонъ; къ счастію, пришелъ медвѣдь и полѣзъ въ ту же борть задними ногами: крестьянинъ схватилъ его за хвостъ, и страшно закричалъ; медвѣдь испугался, бросился назадъ и вытащилъ крестьянина. — Фр. да-Колло цѣнитъ лучшаго соболя даже во 100 червонцевъ (л. 52 на об). Онъ волчьи шкуры называетъ, кажется, собачьими: pelli di cani, che eccedono di bellezza et di pretio le pelli de Lupi cerulerl (рысьи). Далѣе сказываетъ, что большихъ собакъ впрягаютъ въ сани, тамъ, гдѣ ловятъ соболей.

(388) Герберштт. 42. На Псковскихъ монетахъ голова человѣческая представлена такъ грубо, что она казалась Герберштеину бычачьею. На древнѣйшихъ Московскихъ, по его сказанію, изображалась роза.

(389) Тамъ же, стр. 56—59.

(390) Тамъ же, стр. 11.

(391) Тамъ же, стр. 41.

(392) Тамъ же, стр. 45, 46, и Контарини въ Бержеронѣ стр. 53. Фр. да-Колло несправедливо пишетъ, что въ 1518 г. была только одна каменная церковь въ Россіи: Кремлевскій храмъ Успенія. Онъ говоритъ о четырехъ или пяти каменныхъ домахъ, построенныхъ Итал. Архитекторами въ Кремлѣ, и называетъ стѣны его *деревянными*.

(393) Герберштт. стр. 41—56.

(394) См. сей *Исторіи* Т. II, въ примѣч. на *Русск. Правду*.

(395) Герберштт. стр. 36.

(396) Тамъ же, стр. 35, 36—41.

(397) Тамъ же, стр. 40. Доказательствомъ, что свободные земледѣльцы продавали себя въ холопство, служитъ 77 статья Судебника, гдѣ

сказано: «а которой крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопи», и проч.

(398) Тамъ же стр. 35, 40.

(399) Тамъ же, стр. 36, 40, 56 и выше примѣч. 277. Всѣмъ извѣстно Бургонское вино, называемое Романеею, la Romanée. Вѣроятно, что его привозили въ Россію Нѣмецкіе купцы. Нынѣ у насъ въ питейныхъ домахъ именуется такъ наливка *красная*, составляемая изъ вина, черники, клюквы и меду.—*Бастръ* (у Поляковъ Bastard, Baster, Нѣмцевъ Bastard-wien: см. въ Лексиконахъ Линде и Тропа) есть Канарское вино. Имя Мальвазіи не встрѣчалось мнѣ въ древнихъ русскихъ извѣстіяхъ: не она ли называлась Мушкателемъ? Въ старинныхъ Русскихъ Ариѳметикахъ, писанныхъ въ концѣ XVI вѣка, означена слѣдующая цѣна винамъ: «Ренского вина стопа 11 денегъ, Романеи 10, Бастру два алтына «и двѣ деньги» (14 денегъ) «Алкану» (Аликанту)? «по семи денегъ, красново по алтыну». Герберштт. говоритъ, что Псковитяне стригли себѣ волосы какъ Поляки, и тѣмъ отличались отъ другихъ Россіянъ.—Выписываю, здѣсь, что говоритъ о старинномъ платьѣ Россіянъ Олеарій, бывшій въ Москвѣ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ:

Сверхъ короткой рубашки (у богатыхъ вышитый разными шелками «и даже золотомъ, на рукавахъ и на воротникѣ, который выставляется «изъ-подъ одежды) они надѣваютъ узкое и короткое полу-кафтанье, едва «достигающее до колѣнъ и сшитое всегда изъ тонкой матеріи (изъ тафты или «атласа) съ бархатнымъ или парчевымъ воротникомъ, высокимъ и стоя«чимъ, а сверхъ того кафтанъ, по икру, также изъ тонкой матеріи, но «всегда стеганый и называемый *ферезеmъ* или *ферезью;* а когда идутъ «со двора, тогда всякой наряжается въ кафтанъ длинной, суконной, темно«синей или кофейной, иногда же изъ парчевой или атласной, съ широ«кимъ воротникомъ, съ золотыми петлицами и съ длинными сбористыми «рукавами. Такихъ богатыхъ кафтановъ хранится множество въ Царской «кладовой: въ аудіенціи даютъ ихъ надѣвать чиновникамъ, и снова за«пираютъ въ сундуки. — Бояре, при всякомъ торжественномъ случаѣ, «являются въ высокихъ шапкахъ собольихъ и черныхъ лисьихъ; а другіе «знатные или богатые люди носятъ обыкновенно бархатныя съ соболью «опушкою. Сапоги у нихъ короткіе, по большей части изъ Персидскаго «сафьяна, остроносые и съ высокими каблуками. Женщины носятъ фе«рези, или сарафаны, а сверхъ шубу, или длинное, широкое платье, «почти такое же, какъ мущины, съ застежками или съ серебряными «пуговицами. Замужнія ходятъ въ шапкахъ съ бобровою опушкою, «унизанныхъ жемчугомъ и вышитыхъ золотомъ; а дѣвицы въ большихъ «лисьихъ».

Гваньини, современникъ Царя Іоанна Василіевича, пишетъ, что по указу Государеву запрещалось бѣднымъ наряжаться, и что Москвитяне, видя простаго человѣка въ богатомъ платьѣ, говорили ему! «Откуда взялъ ты, измѣнникъ, такую одежду, которой самъ не стоишь? «смѣешь ли наряжаться Паномъ? Вѣрно задумалъ бѣжать въ Литву»: Онъ же сказываетъ, что вороты рубашечные вышивались обыкновенно въ женскихъ монастыряхъ, и что сапоги, всегда подкованные желѣзомъ, не доставали до колѣна. — Флетчеръ, описывая наши обычаи во время Царя Ѳеодора Іоанновича, говоритъ, что Русскіе богачи носятъ на головѣ подъ шапкою скуфью, Taffia, вышитую золотомъ или шелкомъ съ жемчугомъ; на шеѣ козырь въ 3 или 4 пальца, также украшенный жемчугомъ; сверхъ рубашки легкое шелковое полукафтанье, Sheроп, *зипунъ* или *жупанъ*, до колѣна; сверхъ жупана кафтанъ парчевой узкой, застегнутый, съ Персидскимъ поясомъ, а за поясомъ ножъ съ вил-

ками: сверхъ кафтана *ферезь*, или широкую шелковую одежду, подбитую мѣхомъ; сверхъ ферези *охабень*, Alkabeп. или длинное платье съ рукавами и воротникомъ; сверхъ охабня, для выѣзда, *однорядку*, Honoratkey. суконную или камлотовую, длинную одежду, подобную охабню, но безъ воротника; сапоги сафьянные съ жемчугомъ; нижнее платье парчевое.— Фр. да-Колло пишетъ, что Вел. Князь жаловалъ храбрыхъ, любимыхъ воиновъ одеждами шелковыми, суконными, шубами, коихъ лежало всегда безчисленное множество въ кладовыхъ, занимавшихъ въ Москвѣ цѣлую улицу.

(400) Пав. Іовій стр. 127.

(401) См. сей Исторіи Т. VI, примѣч. 629, подъ годомъ 1473.

(402) Пав. Іов. de Legat. стр. 129. Фр. да-Колло: «В. К. Василій «вздумавъ жениться», (это было еще при отцѣ его) обнародовалъ во всемъ «Государствѣ, чтобы для него выбрали самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ, «знатныхъ и незнатныхъ, безъ всякаго различія. Привезли ихъ въ Москву «болѣе пятисотъ: изъ нихъ выбрали 300, изъ трехъ сотъ 200, послѣ 100, «наконецъ только десять, осмотрѣнныхъ повивальными бабками: изъ сихъ «десяти Василій избралъ себѣ невѣсту, и женился на ней (на Соломо- «ніи): однакожь не имѣлъ удовольствія быть отцемъ, и потому не весьма «уважалъ супругу, такъ, что я, находясь въ Москвѣ, долженъ былъ «ходатайствовать о свободѣ брата ея, сидѣвшаго въ темницѣ за легкую «вину».

(403) Т. е. которыя горѣли на вечеріи Богоявленія Христова при освященіи воды.—Сіе описаніе Василіевой свадьбы напечатано *Древн. Рос. Виваліов.* XIII. 5.

(404) Герберштт. R. M. Com. 92.

(405) Тамъ же стр. 35.

(406) Павл. Іовія de Legat. стр. 128.

(407) См. тамъ же.

(408) Т. VI, стр. 154.

(409) См. *Степен. Кн.* II, 205, 206.

(410) *Степен. Кн.* II, 205, 206, 213.

(411) Сіи двѣ повѣсти: *Слово о нѣкоемъ купцѣ и Сказаніе о Дракулѣ*, нашелъ я между рукописями, купленными Графомъ Федоромъ Толстымъ у Княгини Голицыной изъ Архангельской библіотеки К. Дмитрія Михайловича Голицына, о коей упоминаетъ Татищевъ. Списокъ долженъ быть XVII вѣка; но сочиненіе древнѣе. Вотъ начало первой повѣсти: «Бысть нѣкій купецъ богатъ въ Рустѣй земли во градѣ Кіевѣ, «именемъ зовемый Дмитрей Басарга, тако нарицаемъ. Сей купецъ много «намъ повѣдаша приключавшуюся надъ нимъ бѣду, глаголя, яко бысть «мнѣ нѣкогда отплыти въ корабли отъ славнаго Царяграда: пловящу же «ми по морю—бѣ бо язъ единъ купецъ: рабовъ же моихъ и наймитовъ «въ корабли 150: бѣ бо у мэня со мною сынъ мой единочадый семи лѣтъ «суще возрастомъ; а товару же много множество — пловящи же ми по «морю, воста буря и вѣтръ великъ и волненіе носяще корабль на волнахъ; быше буря 30 дней. Божіимъ же изволеніемъ узрѣхомъ издалеча «градъ великъ», и проч. Загадки Царскія не весьма остроумны и весьма безтолковы. На примѣръ 1) *много ли того, мало ли отъ Востока и до Запада?* Отвѣтъ сына Дмитріева: «Отъ Востоку и до Западу ни много «ни мало; день съ ночью». 2) *Что есть: днемъ десятая часть по міру «прибываетъ?* Отвѣтъ: «десятая часть по міру днемъ убываетъ изъ моря «изо всего, и изъ рѣкъ и изъ озеръ, на всякъ день солнцемъ усыхаетъ, «а десятая часть прибываетъ нощію изо дна моря». 3) *Что есть то, «чтобъ тобѣ поганой не смѣялся?* Сынъ Дмитріевъ выпрашиваетъ у

«Сміяна корону, скипетръ, порфиру, мечь булатный, отсѣкаетъ Царю голову и говоритъ: «се изъ *отгонулъ* загадку твою, чтобы ты, поганой, не «смѣялся!»

Герой второй сказки, Дракула или Драгулъ (какъ его называетъ Византійскій Историкъ Дука, въ гл. XXVIII) былъ побочной сынъ Воеводы Волошскаго, Мильцы; служилъ Императору Греческому; разбилъ наслѣдника и внука Мильцына, Дама; отсѣкъ ему голову и сдѣлался Господаремъ Волошскимъ. Онъ дѣйствительно былъ тиранъ.—Въ примѣръ слога выписываемъ нѣсколько строкъ:

«Нѣкій купецъ приде отъ Угорскіе земли: оставилъ возъ свой на «улицы во градѣ предъ полатою и товаръ свой на возѣ, самъ спяше въ «полатѣ, и пришедше нѣкто, укради его злато. Купецъ же пойде къ «Дракулѣ и повѣда ему изгубленіе злата. *Поди: въ сію нощь обрящеши «злато*—и повелѣ по всему граду искати татя, глаголя: аще не обрящетца «злато, весь градъ погублю—и повелѣ свое злато принести положити на «возу нощію, и приложи едину златницу. Купецъ же вставъ и обрѣте «единъ лишній златникъ, и шедше къ Дракулѣ рече: *Государь! обрѣтохъ «злато свое все; единъ лишній, а не мой*. Тогда приведоша татя со зла«томъ, и глагола Дракулѣ купцу: *иди съ миромъ; аще бы еси не повѣдалъ «злата, то и тебя бы повелѣлъ съ татемъ симъ на колъ посадити*».

(412) Герберштъ. R. M. Com. стр. 74.

(413) Тамъ же, стр. 76. Герберштъ. прибавляетъ, что Ханъ имѣлъ обыкновенно четырехъ Совѣтниковъ для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ: первый именовался *Ширни*, вторый *Барни*, третій *Гаргни*, четвертый *Кипчанъ*. Въ Крымскихъ Дѣлахъ No 8, л. 97, упоминается о сихъ четырехъ главныхъ совѣтникахъ Ханскихъ, или Карачахъ; о *Ширинѣ*, *Барынѣ*, *Аргынѣ*, *Кыпчанѣ*.

(414) Тамъ же, стр. 60 и 89. — Лербергъ, въ своемъ разсужденіи о землѣ Югорской, догадывается, что подъ именемъ *черныхъ людей* Сибирской торговли надобно разумѣть Индѣйцевъ или Бухарскихъ купцовъ, а *Грустинцы* должны быть Gaustinzi, о коихъ упоминаетъ Штраленбергъ въ описаніи Сибири, и которые жили въ Томска: Татары идолопоклонники, числомъ до двухъ сотъ семействъ. Миллеръ въ своей Сибирской Исторіи называетъ ихъ Евттинцами (см. Лерберг. Untersuch. 38 и слѣд.).— Герберштеинъ зналъ Географію Россіи лучше, нежели Фр. да-Колло; послѣдній говоритъ нелѣпости о теченіи Дона, Волги, Двины (см. его Trattamendo etc. л. 56).

Конецъ Примѣчаній VII Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ VII.

ГЛАВА I.

Государь Великій Князь Василій Іоанновичь.

Г. 1505—1509.

стр.

Тѣсное заключеніе и смерть Іоаннова внука, Димитрія. Общій характеръ Василіева правленія. Посольство въ Тавриду. Царевичь Казанскій принимаетъ Вѣру нашу и женится на сестрѣ Великаго Князя. Походъ на Казань. Дѣла Литовскія. Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наслѣдникомъ. Миръ. Союзъ съ Менгли-Гиреемъ. Освобожденіе Летифа. Неудовольствія нашего Посла въ Тавридѣ. Мирный договоръ съ Литоніею. Дѣла Пскова: конецъ его гражданской вольности . . . 3

ГЛАВА II.

Продолженіе Государствованія Василіева.

Г. 1510—1521.

Взаимныя досады Василіевы и Сигизмундовы. Намѣреніе брата Василіева, Симеона, бѣжать въ Литву. Пріѣздъ Царицы Нурсалтанъ въ Москву. Раскаяніе Магметъ-Аминя. Разрывъ съ Менгли-Гиреемъ. Набѣги Крымцевъ. Война съ Литвою. Союзъ съ Императоромъ Максимиліаномъ. Мирный договоръ съ Ганзою. Посольство Турецкое. Взятіе Смоленска. Измѣна Глинскаго. Битва Оршинская. Измѣна Епископа Смоленскаго. Приступъ Острожскаго къ Смоленску. Набѣгъ Крымцевъ. Вторичное Посольство къ Султану. Смерть Менгли-Гирея. Посольство отъ новаго Хана, Магметъ-Гирея, и наше къ нему. Болѣзнь и посольство Царя Казанскаго. Впаденіе Крымцевъ. Союзъ съ Королемъ Датскимъ и съ Нѣмецкимъ Орденомъ. Посольство Императора Максимиліана. Послы Литовскіе. Приступъ Острожскаго къ Опочкѣ. Переговоры о мирѣ. Посольство къ Максимиліану. Новые Послы отъ Императора. Смерть Летифа. Возобновленіе союза съ Крымомъ. Смерть Магметъ-Аминя. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани. Крымцы опустошаютъ Литву. Посольство къ Султану. Сношенія съ Магистромъ и съ Папою. Магистръ въ войнѣ съ Польшею. Походъ Воеводъ на Литву. Слабость Нѣм. Ордена. Посольство къ Султану. Бунтъ въ Казани. Нападеніе Магметъ-Гирея на Россію. Хабаръ Симскій. Судъ Воеводъ. Станъ подъ Коломною. Посолъ Солимановъ. Посольство Литовское и перемиріе. Конецъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи. Новое перемиріе съ Ливонскимъ Орденомъ 29

ГЛАВА III.

Продолженіе Государствованія Василіева.

Г. 1521—1534.

стр.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. Заключеніе К. Шемякина. Ханъ Крымскій взялъ Астрахань. Злодѣйства въ Казани. Бѣдствіе Крыма. Ханъ Сайдетъ-Гирей. Походы на Казань. Постриженіе Великой Княгини. Новый бракъ Великаго Князя. Сношенія съ Римомъ, съ Императоромъ Карломъ V. Перемиріе съ Литвою. Дружество съ Густавомъ Вазою. Посольства Солимановы. Набѣгъ Крымцевъ. Рать на Казань. Новый Царь въ Казани. Заточеніе Шигъ-Алея. Рожденіе Царя Іоанна Василіевича. Посольства Астраханскія, Молдавскія, Ногайское, Индѣйское. Набѣгъ Крымцевъ. Болѣзнь и кончина Великаго Князя. Характеръ Василіевъ. Строгость и милость. Дѣло Максима Грека. Жалобы на Великаго Князя. Образъ жизни Василія, охота, Дворъ, обѣды, титулъ. Иноземцы въ Москвѣ. Законы. Строенія. Церковныя дѣянія. Разныя бѣдствія. Великіе современники Василіевы. Расколъ Лютеровъ . 74

ГЛАВА IV.

Состояніе Россіи.

Г. 1462—1533.

Правленіе. Войско. Правосудіе. Торговля. Деньги. Бережливость Государей. Дороги и почта. Москва. Свойства и обычаи. Великокняжеская свадьба. Въѣздъ Пословъ. Иноземцы. Словесность. Извѣстія о Востокѣ и Сѣверѣ Россіи 124

Н. М. Карамзинъ.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

Томъ VIII.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ
„СѢВЕРЪ“.
ЗА
АВГУСТЪ.

Печатано подъ наблюденіемъ проф. П. Н. Полевого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Евг. Евдокимова.
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 іюля 1892 года.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.
Томъ VIII.

ГЛАВА I.

Великій Князь и Царь Іоаннъ IV Василіевичъ II.

Г. 1533—1538.

Безпокойство Россіянъ о малолѣтствѣ Іоанна. Составъ Государственной Думы. Главные Вельможи, Глинскій и Телепневъ. Присяга Іоанну. Заключеніе Князя Юрія Іоанновича. Общій страхъ. Измѣна К. Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго. Заключеніе и смерть Мих. Глинскаго. Смерть Князя Юрія. Бѣгство, умыселъ и заключеніе К. Андрея Іоанновича. Казнь Бояръ и Дѣтей Боярскихъ. Смерть К. Андрея. Дѣла внѣшнія. Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею. Молдавія. Посланникъ Турецкій. Астрахань. Дѣла Ногайскія Посольство къ Карлу V. Присяга Казанцевъ. Гордый отвѣтъ Сигизмундовъ. Нападеніе Крымцевъ. Война съ Литвою. Исламъ господствуетъ въ Таврідѣ. Строеніе Крѣпостей въ Литвѣ. Набѣгъ Крымцевъ. Литовцы берутъ Гомель и Стародубъ. Мятежъ Казани. Шигъ-Алей въ милости. Война съ Казанью. Побѣда надъ Литвою. Крѣпости на Литовской границѣ. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Ислама. Угрозы Саипъ-Гирея. Строеніе Китая-города и новыхъ крѣпостей. Перемѣна въ цѣнѣ монеты. Общая нелюбовь къ Еленѣ. Кончина Правительницы.

г. 1533. Безпокойство Россіянъ о малолѣтствѣ государя.

Не только искренняя любовь къ Василію производила общее сѣтованіе о безвременной кончинѣ его; но и страхъ, что будетъ съ Государствомъ?—волновалъ души. Никогда Россія не имѣла столь малолѣтнаго Властителя; никогда — если исключимъ древнюю, почти баснословную Ольгу — не видала своего кормила государственнаго въ рукахъ юной жены

и чужеземки, Литовскаго, ненавистнаго рода. На тронѣ не бываетъ предателей: опасались Елениной неопытности, естественныхъ слабостей, пристрастія къ Глинскимъ, конхъ имя напоминало измѣну. Хотя лесть придворная славила добродѣтели Великой Княгини, ея боголюбіе, милость, справедливость, мужество сердца, проницаніе ума и явное сходство съ безсмертною супругою Игоря (1); но благоразумные уже и тогда умѣли отличать языкъ Двора и лести отъ языка истины: знали, что добродѣтель Царская, трудная и для мужа съ крѣпкими мышцами, еще гораздо труднѣе для юной, нѣжной, чувствительной жены, болѣе подверженной дѣйствію слѣпыхъ, пылкихъ страстей. Елена опиралась на Думу Боярскую: тамъ засѣдали опытные Совѣтники Трона; но Совѣтъ безъ Государя есть какъ тѣло безъ главы: кому управлять его движеніемъ, сравнивать и рѣшить мнѣнія, обуздывать самолюбіе лицъ пользою общею? Братья Государевы и двадцать Бояръ знаменитыхъ составляли сію верховную Думу: Князья Бѣльскіе, Шуйскіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Горбатый, Пеньковъ, Кубенскій, Барбашинъ, Микулинскій, Ростовскій, Бутурлинъ, Воронцовъ, Захарьинъ, Морозовы; но нѣкоторые изъ нихъ, будучи областными Намѣстниками, жили въ другихъ городахъ, и не присутствовали въ оной (2). Два человѣка казались важнѣе всѣхъ иныхъ по ихъ особенному вліянію на умъ Правительницы: старецъ Михаилъ Глинскій, ея дядя, честолюбивый, смѣлый, самимъ Василіемъ назначенный быть ей главнымъ совѣтникомъ (3), и Конюшій Бояринъ, Князь Иванъ Ѳедоровичь Овчина-Телепневъ-Оболенскій, юный лѣтами и подозрѣваемый въ сердечной связи съ Еленою (4). Полагали, что сіи два Вельможи, въ согласіи между собою, будутъ законодателями Думы, которая рѣшила дѣла внѣшнія именемъ Іоанна, а дѣла внутреннія именемъ Великаго Князя и его матери (5).

Составъ Государственной Думы.

Главные Вельможи Глинскій и Телепневъ.

Первымъ дѣйствіемъ новаго Правленія было торжественное собраніе Духовенства, Вельможъ и народа въ храмѣ Успенскомъ, гдѣ Митрополитъ благословилъ Державнаго младенца властвовать надъ Россіею и давать отчетъ единому Богу. Вельможи поднесли Іоанну дары, послали чиновниковъ во всѣ

Присяга Іоанну.

предѣлы Государства извѣстить гражданъ о кончинѣ Василія, и клятвеннымъ обѣтомъ утвердить ихъ въ вѣрности къ Іоанну (6).

Заключеніе Князя Юрія Іоанновича

Едва минула недѣля въ страхѣ и надеждѣ, вселяемыхъ въ умы государственными перемѣнами, когда столица была поражена несчастною судьбою Князя Юрія Іоанновича Дмитровскаго, старшаго дяди Государева, или оклеветаннаго, или дѣйствительно уличеннаго въ тайныхъ видахъ беззаконнаго властолюбія: ибо сказанія Лѣтописцевъ несогласны. Никутъ, что Князь Андрей Шуйскій, сидѣвъ прежде въ темницѣ за побѣгъ отъ Государя въ Дмитровъ, былъ милостиво освобожденъ вдовствующею Великою Княгинею, но вздумалъ измѣнить ей, возвести Юрія на престолъ, и въ семъ намѣреніи открылся Князю Борису Горбатому, усердному Вельможѣ, который съ гнѣвомъ изобразилъ ему всю гнусность такой измѣны. Шуйскій увидѣлъ свою неосторожность, и боясь доноса, рѣшился прибѣгнуть къ безстыдной лжи: объявилъ Еленѣ, что Юрій тайно подговариваетъ къ себѣ знатныхъ чиновниковъ, его самого и Князя Бориса, готоваго немедленно уѣхать въ Дмитровъ. Князь Борисъ доказалъ клевету и замыслъ Шуйскаго возмутить спокойствіе Государства: первому изъявили благодарность, а втораго посадили въ башню. Но Бояре, излишно осторожные, представили Великой Княгинѣ, что если она хочетъ мирно царствовать съ сыномъ, то должна заключить и Юрія, властолюбиваго, привѣтливаго, любимаго многими людьми и весьма опаснаго для Государя-младенца. Елена, непрестанно оплакивая супруга, сказала имъ: „вы видите мою „горесть: дѣлайте, что надобно для пользы Государства“. Между тѣмъ нѣкоторые изъ вѣрныхъ слугъ Юріевыхъ, свѣдавъ о намѣреніи Бояръ Московскихъ, убѣждали Князя своего, совершенно невиннаго и спокойнаго, удалиться въ Дмитровъ. „Тамъ“ — говорили они — „никто не посмѣетъ косо „взглянуть на тебя; а здѣсь не минуешь бѣды.“ Юрій съ твердостію отвѣтствовалъ: „Я пріѣхалъ въ Москву закрыть „глаза Государю брату и клялся въ вѣрности къ моему пле„мяннику; не преступлю цѣлованія крестнаго и готовъ умереть „въ своей правдѣ (7).“

Но другое преданіе обвиняетъ Юрія, оправдывая Боярскую Думу. Увѣряютъ, что онъ дѣйствительно чрезъ Дьяка своего, Тишкова, подговаривалъ Князя Андрея Шуйскаго вступить къ нему въ службу. „Гдѣ же совѣсть?“ сказалъ Шуйскій: „вчера Князь вашъ цѣловалъ крестъ Государю Іоанну, а нынѣ манитъ къ себѣ его слугъ“. Дьякъ изъяснилъ, что сія клятва была невольная и беззаконная; что Бояре, взявъ ее съ Юрія, сами не дали ему никакой, вопреки уставу о присягахъ взаимныхъ. Шуйскій извѣстилъ о томъ Князя Бориса Горбатаго, Князь Борисъ—Думу, а Дума—Елену, которая велѣла Боярамъ дѣйствовать согласно съ ихъ обязанностію (8).

Замѣтимъ, что *первое* сказаніе вѣроятнѣе: ибо Князь Андрей Шуйскій во все правленіе Елены сидѣлъ въ темницѣ (9). Какъ бы то ни было, 11 Декабря взяли Юрія, вмѣстѣ со всѣми его Боярами, подъ стражу и заключили въ той самой палатѣ, гдѣ кончилъ жизнь юный Великій Князь Димитрій. Предзнаменованіе бѣдственное! ему надлежало исполниться.

Общій страхъ.

Такое начало Правленія свидѣтельствовало грозную его рѣшительность. Жалѣли о несчастномъ Юріи; боялись тиранства: а какъ Іоаннъ былъ единственно именемъ Государь, и самая Правительница дѣйствовала по внушеніямъ Совѣта, то Россія видѣла себя подъ жезломъ возникающей Олигархіи, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться отъ одного, нежели отъ двадцати гонителей. Самодержецъ гнѣвный уподобляется раздраженному Божеству, предъ Коимъ надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имѣютъ сей выгоды въ глазахъ народа: онъ видитъ въ нихъ людей ему подобныхъ, и тѣмъ болѣе ненавидитъ злоупотребленіе власти. Говорили, что Бояре хотѣли погубить Юрія, въ надеждѣ своевольствовать, ко вреду отечества (10); что другіе родственники Государевы должны ожидать такой же участи—и сіи мысли, естественнымъ образомъ представляясь уму, сильно дѣйствовали не только на Юріева меньшаго брата, Андрея, но и на ихъ племянниковъ, Князей Бѣльскихъ, столь ласково порученныхъ Василіемъ Боярамъ въ послѣднія минуты его жизни. Князь Симеонъ Ѳеодоровичь

Бѣльскій и знатный Окольничій Иванъ Лятцкій, родомъ изъ Пруссіи, мужъ опытный въ дѣлахъ воинскихъ, готовили полки въ Серпуховѣ на случай войны съ Литвою: недовольные Правительствомъ, они сказали себѣ, что Россія не есть ихъ отечество ([11]), тайно снеслися съ Королемъ Сигизмундомъ и бѣжали въ Литву. Сія неожидаемая измѣна удивила Дворъ, и новыя жестокости были ея слѣдствіемъ. Князь Иванъ Бѣльскій, главный изъ Воеводъ и Членъ Верховнаго Совѣта, находился тогда въ Коломнѣ, учреждая станъ для войска: его и Князя Воротынскаго съ юными сыновьями взяли, оковали цѣпями, заточили какъ единомышленниковъ Симеоновыхъ и Лятцкаго, безъ улики, по крайней мѣрѣ безъ суда торжественнаго; но старшаго изъ Бѣльскихъ, Князя Димитрія, также Думнаго Боярина, оставили въ покоѣ, какъ невиннаго.—Дотолѣ считали Михаила Глинскаго душею и вождемъ Совѣта: съ изумленіемъ узнали, что онъ не могъ ни губить другихъ, ни спасти самого себя. Сей человѣкъ имѣлъ великодушіе, и бѣдственнымъ концемъ своимъ оправдалъ довѣренность къ нему Василіеву. Съ прискорбіемъ видя нескромную слабость Елены къ Князю Ивану Телепневу-Оболенскому, который, владѣя сердцемъ ея, хотѣлъ управлять и Думою, и Государствомъ, Михаилъ, какъ пишутъ, смѣло и твердо говорилъ племянницѣ о стыдѣ разврата, всегда гнуснаго, еще гнуснѣйшаго на тронѣ, гдѣ народъ ищетъ добродѣтели, оправдывающей власть Самодержавную. Его не слушали, возненавидѣли и погубили. Телепневъ предложилъ: Елена согласилась, и Глинскій, обвиняемый въ мнимомъ, нелѣпомъ замыслѣ овладѣть Государствомъ, вмѣстѣ съ ближнимъ Бояриномъ и другомъ Василіевымъ, Михайломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, безъ сомнѣнія также добродѣтельнымъ, былъ лишенъ вольности, а скоро и жизни, въ той самой темницѣ, гдѣ онъ сидѣлъ прежде ([12]): мужъ знаменитый въ Европѣ умомъ и пылкими страстями, счастіемъ и бѣдствіемъ, Вельможа и предатель двухъ Государствъ, помилованный Василіемъ для Елены и замученный Еленою, достойный гибели измѣнника, достойный и славы великодушнаго страдальца въ одной и той же темницѣ! Глинскаго схоронили, безъ всякой

Измѣна Князя Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго г. 1534.

Заключеніе и смерть Михаила Глинскаго.

чести, въ церкви Св. Никиты за Неглинною; но одумались, вынули изъ земли и отвезли въ монастырь Троицкій, изготовивъ тамъ пристойнѣйшую могилу для Государева дѣда; но Воронцовъ, только удаленный отъ Двора, пережилъ своихъ гонителей, Елену и Князя Ивана Телепнева: бывъ Намѣстникомъ Новогородскимъ, онъ умеръ уже въ 1539 году съ достоинствомъ Думнаго Боярина ([13])

Еще младшій дядя Государевъ, Князь Андрей Іоанновичь, будучи слабаго характера и не имѣя никакихъ свойствъ блестящихъ, пользовался наружными знаками уваженія при Дворѣ и въ Совѣтѣ Бояръ, которые въ сношеніяхъ съ иными Державами давали ему имя перваго попечителя Государственнаго ([14]); но въ самомъ дѣлѣ онъ ни мало не участвовалъ въ правленіи; оплакивалъ судьбу брата, трепеталъ за себя и колебался въ нерѣшимости: то хотѣлъ милостей отъ Двора, то являлъ себя нескромнымъ его хулителемъ, слѣдуя внушеніямъ своихъ любимцевъ. Черезъ шесть недѣль по кончинѣ Великаго Князя, находясь еще въ Москвѣ, онъ смиренно билъ челомъ Еленѣ о прибавленіи новыхъ областей къ его Удѣлу: ему отказали, но, согласно съ древнимъ обычаемъ, дали, въ память усопшаго, множество драгоцѣнныхъ сосудовъ, шубъ, коней съ богатыми сѣдлами. Андрей уѣхалъ въ Старицу, жалуясь на Правительницу. Вѣстовщики и наушники не дремали: одни сказывали сему Князю, что для него уже готовятъ темницу; другіе доносили Еленѣ, что Андрей злословитъ ее. Были разныя объясненія, для коихъ Бояринъ, Князь Иванъ Шуйскій, ѣздилъ въ Старицу и самъ Андрей въ Москву: увѣряли другъ друга въ любви, и съ обѣихъ сторонъ не вѣрили словамъ, хотя Митрополитъ ручался за истину оныхъ. Елена желала знать, кто ссоритъ ее съ деверемъ? онъ не именовалъ никого, отвѣтствуя: „мнѣ самому „такъ казалось!„ Разстались ласково, но безъ искренняго примиренія.

Г. 1536 Смерть Князя Юрія.

Въ сіе время—26 Августа, 1536 года—Князь Юрій Іоанновичъ умеръ въ темницѣ *отъ голода*, какъ пишутъ ([15]). Андрей былъ въ ужасѣ. Правительница звала его въ Москву

на совѣтъ о дѣлахъ внѣшней политики: онъ сказался больнымъ и требовалъ врача. Извѣстный лекарь Ѳеофилъ не нашелъ въ немъ никакой важной болѣзни (16). Елену тайно извѣстили, что Андрей не смѣетъ ѣхать въ столицу и думаетъ бѣжать. Между тѣмъ сей несчастный писалъ къ ней: „Въ болѣзни и тоскѣ *я отбылъ ума и мысли*. Согрѣй во „мнѣ сердце милостію. Не уже ли велитъ Государь влачить меня отсюда на носилахъ?“ Елена послала Крутицкаго Владыку Досиѳея, вывести его изъ неосновательнаго страха, или, г. 1537
въ случаѣ злаго намѣренія, объявить ему клятву церковную. Тогда же Бояринъ Андреевъ, отправленный имъ въ Москву, былъ задержанъ на пути, и Князья Оболенскіе, Никита Хромый съ Конюшимъ Телепневымъ, предводительствуя многочисленною дружиною, вступили въ Волокъ, чтобы гнаться за бѣглецомъ, если Досиѳеевы увѣщанія останутся безполезными. Андрею сказали, что Оболенскіе идутъ схватить его: онъ немедленно выѣхалъ изъ Старицы съ женою и съ юнымъ сыномъ; остановился въ шестидесяти верстахъ, думалъ и рѣшился быть преступникомъ: собрать войско, овладѣть Новымгородомъ и всею Россіею, буде возможно; послалъ грамоты къ областнымъ Дѣтямъ Боярскимъ и писалъ къ нимъ: „Великій Князь мла„денецъ; вы служите только Боярамъ. Идите ко мнѣ: я готовъ «васъ жаловать“. Многіе изъ нихъ дѣйствительно явились къ нему съ усердіемъ; другіе представили мятежныя грамоты въ Государственную Думу. Надлежало взять сильныя мѣры: Князь Никита Оболенскій спѣшилъ защитить Новгородъ, а Князь Иванъ Телепневъ шелъ съ дружиною въ слѣдъ за Андреемъ, который, оставивъ большую дорогу, поворотилъ влѣво къ Старой Русѣ. Князь Иванъ настигъ его въ Тюхоли; устроилъ воиновъ, распустилъ знамя и хотѣлъ начать битву. Андрей также вывелъ свою дружину, обнаживъ мечь; но колебался и вступилъ въ переговоры, требуя клятвы отъ Телепнева, что Государь и Елена не будутъ ему мстить. Телепневъ далъ сію клятву, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ Великая Княгиня, по словамъ Лѣтописца, изъявила гнѣвъ своему любимцу, который будто бы самъ собою, безъ вѣдома

Бѣгство, умыселъ и заключеніе Князя Андрея Іоанновича.

Государева, увѣрилъ мятежника въ безопасности, и велѣла Андрея оковать, заключивъ въ тѣсной палатѣ; къ Княгинѣ его и сыну приставили стражу; Бояръ его, совѣтниковъ, вѣрныхъ слугъ пытали, не смотря на ихъ знатный Княжескій санъ: нѣкоторые умерли въ мукахъ, иные въ темницахъ; а Дѣтей Боярскихъ, взявшихъ сторону Андрееву, числомъ тридцать, повѣсили какъ измѣнниковъ на дорогѣ Новогородской, въ большомъ разстояніи одинъ отъ другаго.—Андрей имѣлъ участь брата: умеръ насильственною смертію чрезъ шесть мѣсяцевъ, и, подобно ему, былъ съ честію погребенъ въ церкви Архангела Михаила. Онъ конечно заслуживалъ наказаніе, ибо дѣйствительно замышлялъ бунтъ; но казни *тайныя* всегда доказываютъ малодушную злобу, всегда беззаконны, и притворный гнѣвъ Елены на Князя Телепнева не могъ оправдать вѣроломства.

Казнь Бояръ и Дѣтей Боярскихъ.

Смерть Князя Андрея.

Такимъ образомъ въ четыре года Еленина правленія именемъ юнаго Великаго Князя умертвили двухъ единоутробныхъ братьевъ его отца и дядю матери, брата внучатнаго ввергнули въ темницу, обезчестили множество знатныхъ родовъ торговою казнію Андреевыхъ Бояръ, между коими находились Князья Оболенскіе, Пронскій, Хованскій, Палецкій. Опасаясь гибельныхъ дѣйствій слабости въ малолѣтство Государя Самодержавнаго, Елена считала жестокость твердостію; но сколь послѣдняя, основанная на чистомъ усердіи къ добру, необходима для государственнаго блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть; а нѣтъ Правительства, которое для своихъ успѣховъ не имѣло бы нужды въ любви народной. — Елена предавалась въ одно время и нѣжностямъ беззаконной любви и свирѣпству кровожадной злобы!

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Правительница и Дума не уклонялись отъ системы Василіевой: любили миръ и не страшились войны.

Дѣла политическія.

Извѣстивъ сосѣдственныя Державы о восшествіи Іоанновомъ на престолъ, Елена и Бояре утвердили дружественныя связи съ Швеціею, Ливоніею, Молдавіею, съ Князьями Ногайскими и съ царемъ Астраханскимъ. Въ 1535 и 1537 году Послы Густава Вазы были въ Москвѣ съ привѣтствіемъ,

Г. 1534-1538.

отправились въ Новгородъ и заключили тамъ шестидесятилѣтнее перемиріе ([17]). Густавъ обязался не помогать Литвѣ, ни Ливонскому Ордену въ случаѣ ихъ войны съ нами. Условились: 1) выслать Пословъ на Оксу рѣку для возстановленія древнихъ границъ, бывшихъ между Швеціею и Россіею при Королѣ Магнусѣ; 2) Россіянамъ въ Швеціи, Шведамъ въ Россіи торговать свободно, подъ охраненіемъ законовъ; 3) возвратить бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ. Повѣренными Густава были Кнутъ Андерсонъ и Біорнъ Классонъ, а Россійскими Князь Борисъ Горбатый и Михайло Семеновичь Воронцовъ, Думные Бояре, Намѣстники Новогородскіе, которые, въ 1535 году, утвердили миръ съ Ливоніею на семнадцать лѣтъ ([18]). Уже старецъ Плеттенбергъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ Магистровъ Ордена, скончался: преемникъ его, Германъ Фонъ Брюггеней, и Рижскій Архіепископъ отъ имени всѣхъ *Златоносцевъ* или Рыцарей, *Нѣмецкихъ Бояръ* и *Ратмановъ* Ливоніи убѣдительно молили Великаго Князя о дружбѣ и покровительствѣ. Уставили, чтобы рѣка Нарова, какъ и всегда, служила границею между Ливоніею и Россіею; чтобы не препятствовать взаимной торговлѣ никакими дѣйствіями насилія, и даже въ случаѣ самой войны не трогать купцевъ, ни ихъ достоянія; чтобы не казнить Россіянъ въ Ливоніи, ни Ливонцевъ въ Россіи безъ вѣдома ихъ Правительствъ; чтобы Нѣмцы *берегли* церкви и жилища Русскія въ своихъ городахъ, и проч. Въ окончаніи договора сказано: „А кто пре„ступитъ клятву, на того Богъ и клятва, моръ, гладъ, огнь „и мечь.“

Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею.

Воевода Молдавскій, Петръ Стефановичь, также ревностно искалъ нашего покровительства; хотя уже и платилъ легкую дань Султану, но еще именовался Господаремъ вольнымъ: имѣлъ свою особенную политическую систему, воевалъ и мирился, съ кѣмъ хотѣлъ, и правилъ землею какъ Самодержецъ. Россія единовѣрная могла вступаться за него въ Константинополѣ, въ Тавридѣ, и вмѣстѣ съ нимъ обуздывать Литву ([19]). Именитый Боярин Молдавскій, Сунжаръ, въ 1535 году былъ въ Москвѣ, а нашъ посолъ Заболоцкій

Молдавія.

ѣздилъ къ Петру съ увѣреніемъ, что Великій Князь не оставитъ его ни въ какомъ случаѣ. Россія дѣйствительно имѣла въ немъ весьма усерднаго союзника противъ Сигизмунда, коему онъ не давалъ покоя, готовый всегда разорять Польскія земли; но не могла быть ему щитомъ отъ грознаго Солимана, который (въ 1537 году) огнемъ и мечемъ опустошилъ всю Молдавію, требуя *урочной*, знатной дани и совершеннаго подданства отъ жителей. Они не смѣли противиться, однакожь вымолили у Султана право избирать собственныхъ Владѣтелей, и еще около ста лѣтъ пользовались онымъ ([20]). Турки взяли казну Господарскую, множество золота, нѣсколько діадимъ, богатыхъ иконъ и крестовъ Стефана Великаго. Въ Москвѣ жалѣли о бѣдствіи сей единовѣрной Державы, не думая о способахъ облегчить ея судьбу. Правительница и Бояре не разсудили за благо возобновить сношенія съ Константинополемъ, и Солиманъ (въ 1538 году) прислалъ въ Москву Грека Андреяна для разныхъ покупокъ, въ ласковомъ письмѣ къ юному Іоанну, жаловался на сію холодность, хваляся своею дружбою съ его родителемъ ([21]).

Посланникъ турецкій.

Къ Царю Астраханскому, Абдылъ-Рахману, посылали Боярскаго Сына съ предложеніемъ союза: опасаясь и Хана Крымскаго и Ногаевъ, Царь съ благодарностію принялъ оное, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ лишился трона: Ногаи взяли Астрахань, изгнали Абдылъ-Рахмана, и на его мѣсто объявили Царемъ какого-то Дервешелея ([22]). Имѣя съ Россіею выгодный торгъ, Князья сихъ многолюдныхъ степныхъ ордъ, Шійдякъ, Мамай, Кошумъ и другіе, хотѣли быть въ мирѣ съ нею, но жаловались, что наши Козаки Мещерскіе не даютъ имъ покоя, тысячами отгоняютъ лошадей и берутъ людей въ плѣнъ; требовали удовлетворенія, даровъ (собольихъ шубъ, суконъ, доспѣховъ), уваженія и чести: на примѣръ, чтобы Великій Князь называлъ ихъ въ письмахъ *братьями и Государями*, какъ Хановъ, не уступающихъ въ достоинствѣ Крымскому, и посылалъ къ нимъ не малочиновныхъ людей, а Бояръ для переговоровъ; грозили, въ случаѣ отказа, местію, напоминая, что отцы ихъ видали Москву, а дѣти также могутъ загляпуть въ ея стѣны;

Астрахань

Дѣла Ногайскія.

хвалились, что у нихъ 300 тысячь воиновъ, и летаютъ какъ птицы. Бояре обѣщали имъ управу и договаривались съ ними о свободной торговлѣ, которая обогащала Россію лошадьми и скотомъ: на примѣръ, съ Ногайскими Послами въ 1534 году было 5000 купцевъ и 50,000 лошадей, кромѣ другаго скота Сверхъ того сіи Князья обязывались извѣщать Государя о движеніяхъ Крымской Орды и не впускать ея разбойниковъ въ наши предѣлы. Шійдякъ считалъ себя главою всѣхъ Ногаевъ и писалъ къ Іоанну, чтобы онъ давалъ ему, какъ Хану, *урочные поминки*. Бояре отвѣтствовали: „Государь *жалуетъ* „и Хановъ и Князей, смотря по ихъ *услугамъ*, а не даетъ никому *урока*“. Мамай, именуясь Калгою Шійдяковымъ, отличался въ грамотахъ своихъ краснорѣчіемъ и какою-то Философіею. Изъявляя Великому Князю сожалѣніе о кончинѣ его родителя, онъ говорилъ: „Любезный братъ! не ты и не я „произвели смерть, но Адамъ и Ева. Отцы умираютъ, дѣти „наслѣдуютъ ихъ достояніе. Плачу съ тобою; но покоримся „необходимости“ (23)! Сіи Ногайскія грамоты, писанныя высокопарнымъ слогомъ Восточнымъ, показываютъ нѣкоторое образованіе ума, замѣчательное въ народѣ кочующемъ.

Посольство къ Карлу V.

Правительница и Бояре хотѣли возобновить дружественную связь и съ Императоромъ: въ 1538 году Послы наши, Юрій Скобельцынъ и Дмитрій Васильевъ, ѣздили къ Карлу V и къ его брату, Фердинанду, Королю Венгерскому и Богемскому (24). Мы не имѣемъ ихъ наказа и донесеній.

Присяга Казанцевъ. Гордый отвѣтъ Сигизмундовъ.

Но главнымъ предметомъ нашей Политики были Таврида, Литва и Казань. Юный Іоаннъ предлагалъ союзъ Хану Саипъ-Гирею, миръ Сигизмунду и покровительство Енглею. Царь и народъ Казанскій новыми клятвенными грамотами обязались совершенно зависѣть отъ Россіи. Король Сигизмундъ отвѣтствовалъ гордо: „Могу согласиться на миръ, если юный Ве„ликій Князь уважитъ мою старость и пришлетъ своихъ „Пословъ ко мнѣ или на границу“ (25). Надѣясь воспользоваться малолѣтствомъ Іоанновымъ, Король требовалъ всѣхъ городовъ, отнятыхъ у него Василіемъ; предвидя отказъ, вооружался и склонилъ Хана къ союзу съ Литвою противъ Рос-

Нападеніе Крымцевъ.

сіи. Еще гонецъ нашъ не возвратился отъ Саипъ-Гирея, когда узнали въ Москвѣ о впаденіи Татаръ Азовскихъ и Крымскихъ въ Рязанскія области, гдѣ, на берегахъ Прони, Воеводы Князья Пунковъ и Гатевъ побили ихъ на голову ([26]). За сей первый воинскій успѣхъ Іоаннова государствованія Воеводамъ торжественно изъявили благоволеніе Великаго Князя.

Г. 1534. Война съ Литвою. Сентябрь 3.

Хотя, увѣренные въ неминуемой войнѣ съ Королемъ, Правительница и Бояре спѣшили изготовиться къ ней: но Сигизмундъ предупредилъ ихъ. Съ особенною милостію принявъ нашихъ измѣнниковъ, Князя Симеона Бѣльскаго и Лятскаго, давъ имъ богатыя помѣстья ([27]) и слушая ихъ разсказы о слабостяхъ Елены, о тиранствѣ Вельможъ, о неудовольствіи народа, Король замыслилъ вдругъ отнять у насъ всѣ Іоанновы и Василіевы пріобрѣтенія въ Литвѣ. Кіевскій Воевода, Андрей Нѣмировъ, со многочисленною ратію вступивъ въ предѣлы Сѣверскіе, осадилъ Стародубъ и выжегъ его предмѣстіе; но смѣлая вылазка Россіянъ, подъ начальствомъ храбраго мужа, Андрея Левина, такъ испугала Литовцевъ, что они ушли въ безпорядкѣ, а Намѣстникъ Стародубскій, Князь Александръ Кашинъ, прислалъ въ Москву 40 непріятельскихъ пушкарей со всѣмъ ихъ снарядомъ и съ знатнымъ чиновникомъ Суходольскимъ, взятымъ въ плѣнъ. Чтобы загладить первую неудачу, Литовцы сожгли худоукрѣпленный Радогощъ (гдѣ сгорѣлъ и мужественный Воевода Московскій, Матвѣй Лыковъ), плѣнили многихъ жителей, обступили Черниговъ и нѣсколько часовъ стрѣляли въ городъ изъ большихъ пушекъ. Тамъ былъ Воеводою Князь Ѳеодоръ Мезецкій, умный и бодрый. Онъ не далъ непріятелю приближиться къ стѣнамъ, искусно дѣйствуя снарядомъ огнестрѣльнымъ; и когда пальба ночью затихла, выслалъ Черниговцевъ ударить на станъ Литовскій, гдѣ сіе неожидаемое нападеніе произвело страшную тревогу: томные, сонные Литовцы едва могли оборонятися; въ тьмѣ убивали другъ друга; бѣжали во всѣ стороны; оставили намъ въ добычу обозъ и пушки. На разсвѣтѣ уже не было не одного непріятеля подъ городомъ: Сигизмундовъ Воевода съ отчаяніемъ и стыдомъ ушелъ въ Кіевъ. Такъ Король обманулся

въ своей надеждѣ завоевать Украйну, беззащитную, какъ ему говорили наши измѣнники, Бѣльскій и Лятскій. Въ то же время и другой Воевода его, Князь Александръ Вишневецкій, явился подъ стѣнами Смоленска: тамошній Намѣстникъ, Князь Никита Оболенскій, не далъ ему сжечь посада, отразилъ и гналъ его нѣсколько верстъ ([28]). 13 Сентября.

Узнавъ о сихъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ, наша Боярская Дума, въ присутствіи юнаго Великаго Князя и Елены, требовала благословенія отъ Митрополита на войну съ Литвою; а Митрополитъ, обратясь къ Державному младенцу, сказалъ: „Государь! защити себя и насъ. Дѣйствуй: мы будемъ молиться. Гибель зачинающему, а въ правдѣ Богъ помощникъ!„ 28 Октября. Полки въ глубокую осень выступили изъ Москвы, съ двумя главными Воеводами, Князьями Михайломъ Горбатымъ и Никитою Оболенскимъ; любимецъ Елены, Телепневъ, желая славы мужества, велъ передовый полкъ. Отъ границъ Смоленска запылали села и предмѣстія городовъ Литовскихъ: Дубровны, Орши, Друцка, Борисова. Не встрѣчая непріятеля въ полѣ, и не занимаясь осадою крѣпостей, Воеводы Московскіе съ огнемъ и мечемъ дошли до Молодечны, гдѣ присоединился къ нимъ, съ Новогородцами и Псковитянами, Намѣстникъ Князь Борисъ Горбатый, опустошивъ всѣ мѣста вокругъ Полоцка, Витебска, Бряславля. Не смотря на глубокіе снѣга и жестокіе морозы, они пошли къ Вильнѣ: тамъ находился самъ Король, встревоженный близостію враговъ; заботился, приказывалъ, и не могъ ничего сдѣлать Россіянамъ, коихъ было около 150,000 ([29]). Легкіе отряды ихъ жгли и грабили въ пятнадцати верстахъ отъ Вильны. Но Воеводы наши, довольные его ужасомъ и разореніемъ Литвы — истребивъ въ ней жилища и жителей, скотъ и хлѣбъ, до предѣловъ Ливоніи, — не потерявъ ни одного человѣка въ битвѣ, съ плѣнниками и добычею возвратились въ Россію, чрезъ область Псковскую, въ началѣ Марта. — Другіе Воеводы, Князья Ѳедоръ Телепневъ и Тростенскіе, ходили изъ Стародуба къ Мозырю, Турову, Могилеву, и съ такимъ же успѣхомъ: вездѣ жгли, убивали, плѣняли, и нигдѣ не сражались ([30]). Не личная слабость престарѣлаго Сигизмунда, но

государственная слабость Литвы объясняетъ для насъ возможность такихъ истребительныхъ *воинскихъ прогулокъ*. Не было устроеннаго, всегдашняго войска; надлежало собирать его долго, и Правительство Литовское не имѣло способовъ нашего — то есть, сильнаго, твердаго Самодержавія; а Польша, съ своими вельможными Панами составляя еще особенное Королевство, неохотно вооружалась для защиты Литвы. Къ чести Россіянъ Лѣтописецъ сказываетъ, что они въ грабежахъ своихъ не касались церквей православныхъ, и многихъ единовѣрцевъ великодушно отпускали изъ плѣна.

Слѣдствіемъ Литовскаго союза съ Ханомъ было то, что Царевичь Исламъ возсталъ на Саипъ-Гирея за Россію, какъ пишутъ ([31]), вспомнивъ старую съ нами дружбу; преклонилъ къ себѣ Вельможъ, свергнулъ Хана и началъ господствовать подъ именемъ Царя; а Саипъ засѣлъ въ Киркорѣ, объявивъ Ислама мятежникомъ, и надѣялся смирить его съ помощію Султана. Сія перемѣна казалась для насъ счастливою: Исламъ, боясь Турковъ, предложилъ тѣсный союзъ Великому Князю, и писалъ, что 20,000 Крымцевъ уже воюютъ Литву. Бояре Московскіе, нетерпѣливо желая воспользоваться такимъ добрымъ расположеніемъ новаго Хана, велѣли ѣхать Князю Александру Стригину Посломъ въ Тавриду: сей чиновникъ своевольно остался въ Новогородкѣ и написалъ къ Великому Князю, что Исламъ обманываетъ насъ: будучи единственно Калгою, именуется Царемъ, и недавно, въ присутствіи Литовскаго Посла Горностаевича, далъ Сигизмунду клятву быть врагомъ Россіи, исполняя волю Саипъ-Гиреева. Сіе извѣстіе было несправедливо: Стригину объявили гнѣвъ Государевъ, и вмѣсто его отправили Князя Мезецкаго къ Исламу, чтобы какъ можно скорѣе утвердить съ нимъ важный для насъ союзъ. Ханъ не замедлилъ прислать въ Москву и договорную, г. 1535. *шертную* грамоту; но Бояре, увидѣвъ въ ней слова: „кто „недругъ Великому Князю, а мнѣ другъ, тотъ и ему другъ,“ не хотѣли взять ее. Наконецъ Исламъ согласился исключить сіе оскорбительное для насъ условіе, клялся въ любви къ *младшему* своему брату Іоанну, и хвалился великодушнымъ

Исламъ господствуетъ въ Тавридѣ.

безкорыстіемъ, увѣряя, что онъ презрѣлъ богатые дары Сигизмундовы, 10,000 золотыхъ и 200 поставовъ сукна; требовалъ отъ насъ благодарности, пушекъ, пятидесяти-тысячь *денегъ*, и жаловался, что Великій Князь не исполнилъ родительскаго духовнаго завѣщанія, коимъ, будто бы, умирающій Василій въ знакъ дружбы отказалъ ему (Исламу) половину казны своей. Ханъ ручался за безопасность нашихъ предѣловъ, извѣстивъ Государя, что Сапѣ-Гиреевъ Вельможа, Князь Булгакъ вышелъ изъ Перекопи съ толпами разбойниковъ, но конечно не посмѣетъ тревожить Россіи. Хотя Булгакъ, въ противность Исламову увѣренію, вмѣстѣ съ Дашковичемъ, Атаманомъ Днѣпровскихъ Козаковъ, нечаяннымъ впаденіемъ въ Сѣверскую область сдѣлалъ не мало вреда ея жителямъ; хотя Бояре Московскіе именемъ Великаго Князя жаловались на то Исламу: однакожь соблюдали умѣренность въ упрекахъ, не грозили ему местію, и показывали, что вѣрятъ его искренней къ намъ дружбѣ ([32]).

Тогда прибѣжали изъ Вильны въ Москву люди Князя Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго: не хотѣвъ служить измѣнникамъ, они пограбили казну господъ своихъ, и донесли нашимъ Боярамъ, что Сигизмундъ шлетъ сильную рать къ Смоленску. Надлежало предупредить врага. Полки были готовы: Князь Василій Шуйскій, главный Воевода, съ Елениным любимцемъ, Телепневымъ, который вторично принялъ начальство надъ передовымъ отрядомъ, спѣшили встрѣтить непріятеля; нигдѣ не видали его, выжгли предмѣстіе Мтиславля, взяли острогъ, отправили плѣнниковъ въ Москву и шли безпрепятственно далѣе. Новогородцы и Псковитяне должны были съ другой стороны также вступить въ Литву, основать на берегахъ Себежскаго озера крѣпость и соединиться съ Шуйскимъ; но Предводители ихъ, Князь Борисъ Горбатый и Михайло Воронцовъ, только отчасти исполнили данное имъ повелѣніе: отрядивъ Воеводу Бутурлина съ Дѣтьми Боярскими къ Себежу, стали въ Опочкахъ, и не хотѣли соединиться съ Шуйскимъ ([33]). Бутурлинъ заложилъ Иваньгородъ на Себежѣ, въ землѣ Литовской какъ бы въ нашей собственной; укрѣпилъ

Строеніе крѣпости въ Литвѣ, Іюня 29.

его, наполнилъ всякими запасами, работалъ около мѣсяца: никто ему не противился; не было слуха о непріятелѣ.

Однакожь Сигизмундъ не тратилъ времени въ бездѣйствіи: давъ Россіянамъ волю свирѣпствовать въ восточныхъ предѣлахъ Литвы, послалъ 40,000 воиновъ въ наши собственныя южныя владѣнія, и между тѣмъ, какъ Шуйскій жегъ окрестности Кричева, Радомля, Могилева, Воеводы Литовскіе, Панъ Юрій Радзивилъ, Андрей Нѣмировъ, Гетманъ Янъ Тарновскій, Князь Илья Острожскій и нашъ измѣнникъ, Симеонъ Бѣльскій, шли къ Стародубу. Свѣдавъ о томъ, Московскіе Бояре немедленно выслали новые полки для защиты сего края; но вдругъ услышали, что 15,000 Крымцевъ стремятся къ берегамъ Оки; что Рязанскія села въ огнѣ и кровь жителей льется рѣкою; что Исламъ обманулъ насъ: прельщенный золотомъ Литовскимъ, услужилъ Королю симъ набѣгомъ, все еще именуясь Іоанновымъ союзникомъ, и безсовѣстно урѣряя, что не онъ, а Саипъ-Гирей воюетъ Россію ([34]). Пословъ Исламовыхъ взяли въ Москвѣ подъ стражу; немедленно возвратили шедшее къ Стародубу войско; собрали въ Коломнѣ нѣсколько тысячь людей. Князь Димитрій Бѣльскій и Мстиславскій отразили хищниковъ отъ береговъ Оки, гнались за ними, принудили ихъ бѣжать въ степи ([35]).

20 Августа Набѣгъ Крымцевъ.

Но Литовцы, пользуясь содѣйствіемъ Крымцевъ и беззащитнымъ состояніемъ Малороссіи, приступили къ Гомелю: тутъ начальствовалъ малодушный Князь Оболенскій-Щепинъ: онъ ушелъ со всѣми людьми воинскими и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ въ Москву, гдѣ ввергнули его въ темницу ([36]). Гомель сдался. Литовцы надѣялись взять и Стародубъ; но тамъ былъ достойный Вождь, Князь Ѳедоръ Телепневъ: мужественный отпоръ ежедневно стоилъ имъ крови. Воеводы Сигизмундовы рѣшились продлить осаду; сдѣлали тайный подкопъ и взорвали стѣну: ужасный громъ потрясъ городъ; домы запылали; непріятель сквозь дымъ ворвался въ улицы. Князь Телепневъ съ своею дружиною оказалъ геройство; топталъ, гналъ Литовцевъ; два раза пробивался до ихъ стана: но стѣсненный густыми толпами пѣхоты и конницы, въ из-

Литовцы берутъ Гомель и Стародубъ

29 Августа.

поможеніи силъ, былъ взятъ въ полонъ, вмѣстѣ съ Княземъ Ситцкимъ. Знатный мужъ, Князь Петръ Ромодановскій, палъ въ битвѣ; Никита Колычевъ умеръ отъ раны чрезъ два дни (37). 13,000 гражданъ обоего пола изгибло отъ пламени или меча; спаслися немногіе, и своими разсказами навели ужасъ на всю землю Сѣверскую. Въ Почепѣ, худо укрѣпленномъ, начальствовалъ бодрый Москвитянинъ Ѳедоръ Сукинъ: онъ сжегъ городъ, велѣвъ жителямъ удалиться и зарыть, чего они не могли взять съ собою. Литовцы, завоевавъ единственно кучи пепла, ушли во-свояси; а Шуйскій, предавъ огню всѣ мѣста вокругъ Княжичей, Шклова, Копоса, Орши, Дубровны, отступилъ къ Смоленску. Сентяб.

Матежъ Казани.

Число враговъ нашихъ еще умножилось новою измѣною Казани. Недовольные, какъ и всегда, господствомъ Россіи надъ ними; возбуждаемые къ бунту Саипъ-Гиреемъ; презирая юнаго Царя своего, и думая, что Россія съ Государемъ-младенцемъ ослабѣла и въ ея внутреннихъ силахъ, тамошніе Вельможи, подъ руководствомъ Царевны Горшадны (38) и Князя Булата, свергнули, умертвили Еналея за городомъ на берегу Казанки, и снова призвавъ къ себѣ Сафа-Гирея изъ Тавриды, чтобы возстановить ихъ свободу и независимость, женили его на Еналеевой супругѣ, дочери Князя Ногайскаго, Юсуфа. Желая узнать обстоятельства сей перемѣны, Бояре послали гонца въ Казань съ письмами къ Царевнѣ и къ Уланамъ: онъ еще не возвратился, когда наши служивые Городецкіе Татары привезли вѣсть, что многіе изъ знатныхъ людей Казанскихъ тайно видѣлись съ ними на берегу Волги; что они недовольны Царевною и Княземъ Булатомъ, имѣютъ до пятисотъ единомышленниковъ, хотятъ остаться вѣрными Россіи и надѣются изгнать Сафа-Гирея, ежели Великій Князь освободитъ Шигъ-Алея и торжественно объявитъ его ихъ Царемъ (39). Бояре совѣтовали Еленѣ немедленно послать за Шигъ-Алеемъ, который все еще сидѣлъ въ заключеніи на Бѣлѣозерѣ: ему объявили Государеву милость, велѣли ѣхать въ Москву и явиться во дворцѣ (40). Опишемъ достопамятныя подробности сего представленія.

Шигъ-Алей въ милости.

Шестилѣтній Великій Князь сидѣлъ на тронѣ: Алей, обрадованный счастливою перемѣною судьбы своей, палъ ницъ, и стоя на колѣнахъ, говорилъ рѣчь о благодѣяніяхъ къ нему отца Іоаннова, винился въ гордости, въ лукавствѣ, въ злыхъ умыслахъ: славилъ великодушіе Іоанна и плакалъ. На него надѣли богатую шубу ([41]). Онъ желалъ представиться и Ве-
г. 1536. Генв. 9. ликой Княгинѣ. Василій Шуйскій и Конюшій Телепневъ встрѣтили Алея у саней. Государь находился у матери, въ палатѣ Св. Лазаря. Подлѣ Елены сидѣли знатныя Боярыни ([42]); далѣе, съ обѣихъ сторонъ, Бояре. Самъ Іоаннъ принялъ Царя въ сѣняхъ и ввелъ къ Государынѣ. Ударивъ ей челомъ въ землю, Алей снова клялъ свою неблагодарность, назывался холопомъ, завидовалъ брату Еналею, умершему за Великаго Князя, и желалъ себѣ такой же участи, чтобы загладить преступленіе ([43]). Вмѣсто Елены отвѣчалъ ему сановникъ Карповъ, гордо и милостиво. „Царь Шигъ-Алей!“ сказалъ онъ: „Ва„силій Іоанновичь возложилъ на тебя опалу: Іоаннъ и Елена „простили вину твою. Ты удостоился видѣть лице ихъ! Дозволяемъ тебѣ забыть минувшее; но помни новый обѣтъ вѣр„ности!“ Алея отпустили съ честію и съ дарами. Жена его, Фатьма-Салтанъ, встрѣченная у саней Боярынями ([44]), а въ сѣняхъ самою Еленою, обѣдала у нее въ палатѣ. Іоаннъ привѣтствовалъ гостью на языкѣ Татарскомъ и сидѣлъ за особеннымъ столомъ съ Вельможами: Царица же съ Великою Княгинею и съ Боярынями. Служили Стольники и Чашники. Князь Рѣпнинъ былъ Кравчимъ Фатьмы. Елена въ концѣ обѣда подала ей чашу и—никогда, по сказанію Лѣтописцевъ, не бывало великолѣпнѣйшей трапезы при Дворѣ Московскомъ. Правительница любила пышность и не упускала случая показывать, что въ ея рукѣ Держава Россіи ([45]).

Война съ Казанью. Между тѣмъ война съ Казанью началася: ибо заговоръ нѣкоторыхъ Вельможъ ея противъ Сафа-Гирея не имѣлъ дѣйствія, и сей Царь отвѣтствовалъ грубо на письмо Іоанново ([46]). Московскіе Полководцы, Князь Гундоровъ и Замыцкій, должны были итти изъ Мещеры на Казанскую землю; но встрѣтивъ Татаръ близъ Волги, ушли назадъ и даже не извѣстили Го-

сударя о непріятелѣ, который, нечаянно вступивъ въ Нижегородскую область, злодѣйствовалъ въ ней свободно. Жители Балахны, имѣя болѣе храбрости, нежели искусства, вышли въ поле, и были разбиты. Воеводы Нижегородскіе сошлись съ Татарами подъ Лысковымъ: ни тѣ, ни другіе не хотѣли битвы; пользуясь темнотою ночи, Казанцы и Россіяне бѣжали въ разныя стороны. Сіе малодушіе Московскихъ Военачальниковъ требовало примѣра строгости: Князя Гундорова и Замыцкаго посадили въ темницу, а на ихъ мѣсто отправили Сабурова и Карпова, которые одержали наконецъ побѣду надъ многочисленными Казанскими и Черемисскими толпами въ Коряковѣ. Плѣнниковъ отослали въ Москву, гдѣ ихъ, какъ вѣроломныхъ мятежниковъ, всѣхъ безъ исключенія осудили на смерть ([47]).

Война Литовская продолжалась для насъ съ успѣхомъ, и существованіе новой Себежской крѣпости утвердилось знаменитою побѣдою. Сигизмундъ не могъ равнодушно видѣть сію крѣпость въ своихъ предѣлахъ: онъ велѣлъ Кіевскому Намѣстнику Нѣмирову взять ее, чего бы то ни стоило. Войско его, составленное изъ 20,000 Литовцевъ и Поляковъ, обступило городъ. Началась ужасная пальба; земля дрожала, но стѣны были невредимы: худые пушкари Литовскіе, вмѣсто непріятелей, били своихъ; ядра летѣли вправо и влѣво: ни одно не упало въ крѣпость. Россіяне же стрѣляли мѣтко и сдѣлали удачную вылазку. Осаждающіе пятились къ озеру, коего ледъ съ трескомъ обломился подъ ними. Тутъ Воеводы Себежскіе, Князь Засѣкинъ и Тушинъ, не дали имъ опомниться: ударили, смяли, топили несчастныхъ Литовцевъ; взяли ихъ знамена, пушки, и едва не всѣхъ истребили. Нѣмировъ на борзомъ конѣ ускакалъ отъ плѣна, чтобы донести старцу Сигизмунду о гибели его войска — и какъ сѣтовали въ Кіевѣ, въ Вильнѣ, въ Краковѣ, такъ веселились въ Москвѣ; показывали народу трофеи — чествили, славили мужественныхъ Воеводъ. Елена, въ память сего блестящаго успѣха, велѣла соорудить церковь Живоначальной Троицы въ Себежѣ ([48]). Мы не давали покоя Литвѣ: возобновивъ Почепъ, Стародубъ,—основавъ

Побѣда надъ Литвою.

27 Февраля.

Крѣпости на Литовской границѣ.

на ея землѣ, въ Ржевскомъ Уѣздѣ, городъ Заволочье и Велижъ въ Торопецкомъ, Князья Горенскій и Барбашевъ выжгли посады Любеча, Витебска, взяли множество плѣнниковъ и всякой добычи ([49]).

Слѣдуя правиламъ Іоанна и Василія, Дума Боярская не хотѣла дѣйствовать наступательно противъ Хана. Толпы его разбойниковъ являлись на берегахъ Быстрой Сосны и немедленно уходили, когда показывалось наше войско ([50]). Онѣ дерзнули (въ Апрѣлѣ 1536 года) приступить къ Бѣлеву; но тамошній Воевода разбилъ ихъ на голову ([51]). Хотя Исламъ, осыпанный Королевскими дарами, примирился-было съ Саипъ-Гиреемъ, чтобы вмѣстѣ тревожить Россію нападеніями: однакожь, уступая ему имя Царя, не уступалъ власти; началась новая ссора между ими, и вѣроломный Исламъ отправлялъ въ Москву гонца за гонцемъ съ дружескими письмами, изъявляя ненависть къ Саипу и къ Царю Казанскому Сафа-Гирею ([52]).

Примиріе съ Литвою.

Уже Сигизмундъ — видя, что Россія и съ Государемъ-младенцемъ сильнѣе Литвы — думалъ о мирѣ; изъявлялъ негодованіе нашимъ измѣнникамъ: держалъ Лятцкаго подъ стражею ([53]), и столь немилостиво обходился съ Княземъ Симеономъ Бѣльскимъ, что онъ, пылая ненавистію къ Россіи, съ досады уѣхалъ въ Константинополь, искать защиты и покровительства Султанова. Еще въ Февралѣ 1536 года Королевскій Вельможа, Панъ Юрій Радзивилъ, писалъ къ любимцу Елены, Князю Телепневу (чрезъ его брата, бывшаго Литовскимъ плѣнникомъ) о пользѣ мира для обѣихъ Державъ: Телепневъ отвѣтствовалъ, что Іоаннъ не врагъ тишины ([54]). Но долго спорили о мѣстѣ переговоровъ. Сигизмундъ, прославъ знатнаго чиновника поздравить Іоанна съ восшествіемъ на тронъ, желалъ, чтобы онъ, будучи юнѣйшимъ, изъ уваженія къ его лѣтамъ отправилъ своихъ Вельможъ въ Литву для заключенія мира; а Бояре Московскіе считали то несогласнымъ

г. 1537. съ нашимъ государственнымъ достоинствомъ. Сигизмундъ долженъ былъ уступить, и въ началѣ 1537 года пріѣхалъ въ Москву Янъ Глѣбовичъ, Полоцкій Воевода, съ четырмя стами знатныхъ Дворянъ и слугъ. Слѣдуя обыкновенію, обѣ стороны

требовали невозможнаго: Литовцы Новагорода и Смоленска, мы Кіева и всей Бѣлоруссіи; не только спорили, но и бранились; устали, и рѣшились заключить единственно перемиріе на пять лѣтъ, съ условіемъ, чтобы мы владѣли новыми крѣпостями, Себежемъ и Заволочьемъ, а Литва—Гомелемъ (55). Слѣдственно война кончилась уступкою и пріобрѣтеніемъ съ обѣихъ сторонъ, хотя и неважнымъ. Бояринъ Морозовъ и Князь Палецкій отвезли перемирную грамоту къ Сигизмунду. Они не могли склонить его къ освобожденію плѣнныхъ Россіянъ. Дозволивъ Великокняжескимъ Посламъ свободно ѣздить чрезъ Литву къ Императору и Королю Венгерскому, Сигизмундъ не согласился пропустить Молдавскаго чиновника къ намъ, сказавъ, что Воевода Петръ есть мятежникъ и злодѣй Польши (56).

Дѣла Крымскія.

Если Политика Великихъ Князей не терпѣла согласія Литвы съ Ханами Крымскими, всячески питая вражду между ими: то и Крымцы не любили видѣть насъ въ мирѣ съ Литвою, ибо война представляла имъ удобность къ грабежу въ нашихъ и Королевскихъ областяхъ. Исламъ, съ неудовольствіемъ свѣдавъ о мирныхъ переговорахъ, увѣрялъ Іоанна въ своей готовности наступить на Короля всѣми силами, и, въ доказательство ревностной къ намъ дружбы, увѣдомлялъ, что Князь Симеонъ Бѣльскій, пріѣхавъ изъ Константинополя въ Тавриду, хвалится съ помощію Султана завоевать Россію (57). „Остерегись“, писалъ Исламъ: „властолюбіе и коварство Солимана „мнѣ извѣстны: ему хочется поработить и Сѣверныя земли „Христіанскія, твою и Литовскую. Онъ велѣлъ Пашамъ и „Саипъ-Гирею собирать многочисленное войско, чтобы измѣн„никъ твой, Бѣльскій, шелъ съ нимъ на Россію. Одинъ я „стою въ дружбѣ къ тебѣ и мѣшаю ихъ замыслу“. Бѣльскій дѣйствительно искалъ гибели отечества, и чтобы злодѣйствовать тѣмъ безопаснѣе, хотѣлъ усыпить Правительницу увѣреніями въ его раскаяніи: писалъ къ ней и требовалъ себѣ *опасной грамоты*, обѣщаясь немедленно быть въ Москвѣ, чтобы загладить вину своего бѣгства усердною службою. Могъ ли такой преступникъ ждать милосердія отъ Елены? Сіе мни-

мое раскаяніе было новымъ коварствомъ, и Правительство наше не усомнилось также прибѣгнуть къ обману, чтобы наказать злодѣя. Именемъ Іоанновымъ Бояре отвѣтствовали ему, что преступленіе его, извиняемое юностію лѣтъ, забывается навѣки; что и въ древнія времена многіе знаменитые люди уходили въ чужія земли, возвращались и снова пользовались милостію Великихъ Князей; что Іоаннъ съ любовію встрѣтитъ родственника, исправленнаго лѣтами и опытностію ([58]). Въ то же время послали изъ Москвы гонца и дары къ Исламу, съ убѣдительнымъ требованіемъ, чтобы онъ выдалъ намъ или умертвилъ сего измѣнника. Но Ислама не стало: одинъ изъ Князей Ногайскихъ, Багый, другъ Саипъ-Гиреевъ, въ нечаянномъ нападеніи убилъ его, и плѣнивъ многихъ Крымцевъ, захватилъ между ими и Бѣльскаго, спасеннаго Судьбою для новыхъ преступленій: ибо Елена и Бояре тщетно хотѣли выкупить его, посылая деньги въ Ногайскіе Улусы будто бы отъ матери и братьевъ Симеоновыхъ: Князь Багый, въ угодность Хану, отослалъ къ нему сего важнаго плѣнника какъ его друга ([59]).

Смерть Ислам. мова.

Смерть Исламова и возстановленное тѣмъ единовластіе Саипъ-Гирея въ Тавридѣ были для насъ весьма непріятны. Исламъ вѣроломствовалъ, по будучи врагомъ сверженнаго имъ Хана и Казанскаго Царя, находилъ собственныя выгоды въ союзѣ съ Россіею; а Саипъ-Гирей, покровительствуемый Султаномъ, имѣлъ тѣсную связь съ мятежною Казанью, и не безъ досады видѣлъ нашу дружбу къ Исламу, хотя мы, болѣе уважая послѣдняго, какъ сильнѣйшаго, отъ времени до времени писали ласковыя грамоты и къ Саипу ([60]). Ханъ не замедлилъ оскорбить Великаго Князя: ограбилъ Посла Московскаго въ Тавридѣ; однакожь, какъ бы удовольствованный сею местію, извѣстилъ насъ о гибели своего злодѣя и предлагалъ Іоанну братство, желая даровъ и *запрещая* ему тревожить Казань. „Я готовъ жить съ тобою въ любви“ — велѣлъ онъ сказать Великому Князю — „и прислать въ Москву одного изъ знат„нѣйшихъ Вельможъ своихъ, если ты пришлешь ко мнѣ „или Князя Василія Шуйскаго, или Конюшаго Телепнева.

Угрозы Саипъ Гирея.

г. 1538.

„примиришься съ *моею* Казанью и не будешь требовать дани „съ ея народа; но если дерзнешь воевать, то не хотимъ ви„дѣть ни Пословъ, ни гонцевъ твоихъ: мы непріятели; всту„пимъ въ землю Русскую, и все будетъ въ ней прахомъ“ ([61])!

Въ сіе время полки наши готовились итти на Казань. Ея хищники, разсѣянные близъ Волги вѣрными Мещерскими Козаками, одержали верхъ надъ двумя Воеводами Московскими, Сабуровымъ и Княземъ Засѣкинымъ Пестрымъ, убитымъ въ сраженіи между Галичемъ и Костромою; а въ Генварѣ 1537 года самъ Царь Казанскій нечаянно подступилъ къ Мурому, сжегъ предмѣстіе, не взялъ города и бѣжалъ, увидѣвъ вдали наши знамена ([62]). Елена и Бояре, уже не опасаясь Литвы, хотѣли сильно дѣйствовать противъ Казани, отвергнувъ всѣ мирныя предложенія Сафа-Гирея; но угрозы Хана казались столь важными, что Государственный нашъ Совѣтъ рѣшился отложить войну, извѣстивъ Сапиъ-Гирея и Казанскаго Царя о согласіи Великаго Князя на миръ, съ условіемъ, чтобы Сафа-Гирей остался присяжникомъ Россіи. Бояре отвѣтствовали Хану именемъ Іоанна: „Ты называешь „Казань *своею*; но загляни въ *старыя лѣтописи*: не тому „ли всегда принадлежитъ Царство, кто завоевалъ его? Можно „отдать оное другому; но сей будетъ уже подданнымъ перваго, какъ верховнаго Владыки. Говоря о твоихъ мнимыхъ правахъ, „молчишь о существенныхъ правахъ Россіи. Казань наша, „ибо дѣдъ мой покорилъ ее; а вы только обманомъ и ко„варствомъ присвоивали себѣ временное господство надъ нею. „Да будетъ все по старому, и мы останемся въ братствѣ съ „тобою, забывая вины Сафа-Гиреевы. Отправимъ къ тебѣ „знатнаго Посла, но не Шуйскаго и не Телепнева, которые „по моей юности необходимы въ Государственной Думѣ ([63]).“

Симъ заключились дѣла внѣшней Политики Еленина правленія, ознаменованнаго и нѣкоторыми внутренними полезными учрежденіями, въ особенности строеніемъ новыхъ крѣпостей, нужныхъ для безопасности Россіи.

Еще Великій Князь Василій, находя Кремль тѣснымъ для многолюдства Московскаго и недостаточнымъ для защиты Строеніе Китая го-

рода и новыхъ крѣпостей.

онаго въ случаѣ непріятельскаго нашествія, хотѣлъ оградить столицу новою, обширнѣйшею стѣною. Елена исполнила его намѣреніе, и въ 1534 году, Маія 20, начали копать глубокій ровъ отъ Неглинной вокругъ посада, (гдѣ были всѣ купеческія лавки и торги) къ Москвѣ-рѣкѣ черезъ площадь Троицкую (мѣсто судныхъ поединковъ) и Васильевскій лугъ. Работали слуги придворные, Митрополитовы, Боярскіе и всѣ жители безъ исключенія, кромѣ чиновниковъ или знатныхъ гражданъ, и въ Іюнѣ кончили; а въ слѣдующемъ году, Маія 16, послѣ крестнаго хода и молебна, отпѣтаго Митрополитомъ, Петрокъ Малой, *новокрещеный* Итальянецъ, заложилъ около рва каменную стѣну и четыре башни съ воротами Срѣтенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Всесвятскими (Варварскими) и Козмодемьянскими на Великой улицѣ ([64]). Сей городъ былъ названъ по-Татарски *Китаемъ* или *среднимъ*, какъ изъясняютъ ([65]). — Кромѣ двухъ крѣпостей на Литовской границѣ, Елена основала 1) въ Мещерѣ городъ Мокшанъ, на мѣстѣ издревле именуемомъ *Мурунза*; 2) Буйгородъ въ Костромскомъ Уѣздѣ; 3) крѣпость Балахну у *Соли*, гдѣ прежде находился посадъ; 4) Пронскъ на старомъ городищѣ. Владиміръ, Ярославль, Тверь, пожаромъ обращенные въ пепелъ, были снова выстроены; Темниковъ перенесенъ на удобнѣйшее мѣсто; Устюгъ и Софійскую сторону въ Новѣгородѣ окружили стѣнами; Вологду укрѣпили и распространили. Правительница, зная главную потребность Государства столь обширнаго и столь мало населеннаго, вызывала жителей изъ Литвы, давала имъ земли, преимущества, льготу, и не жалѣла казны для искупленія многихъ Россіянъ, увлекаемыхъ Татарами въ плѣнъ: для чего требовала вспоможенія отъ Духовенства и богатыхъ монастырей. На примѣръ, Архіепископъ Макарій (въ 1534 году) послалъ ей съ своей Епархіи 700 рублей, говоря: „душа человѣческая дороже золота“. Сей умный Владыка Новогородскій, пользуясь уваженіемъ Двора, ѣздилъ въ Москву не только молиться съ Митрополитомъ о благоденствіи Россіи, но и способствовать оному мудрыми совѣтами въ Государственной Думѣ ([66]).

Къ чести Еленина правленія Лѣтописцы относятъ еще перемѣну въ цѣнѣ государственной монеты, вынужденную обстоятельствами. Изъ фунта серебра дѣлали прежде обыкновенно *пять рублей и двѣ гривны*; но корыстолюбіе изобрѣло обманъ: стали обрѣзывать и переливать деньги для подмѣси, такъ, что изъ фунта серебра выходило уже десять рублей. Многіе люди богатѣли симъ ремесломъ и произвели безпорядокъ въ торговлѣ: цѣны измѣнились, возвысились; продавецъ боялся обмана, вѣсилъ, испытывалъ монету, или требовалъ клятвы отъ купца, что она не поддѣльная. Елена запретила ходъ обрѣзныхъ, нечистыхъ и всѣхъ старыхъ денегъ; указала перелить ихъ и чеканить изъ фунта *шесть рублей* безъ всякаго примѣса; а *поддѣльщиковъ* и *обрѣзчиковъ* велѣла казнить (имъ лили растопленное олово въ ротъ и отсѣкали руки). — Изображеніе на монетахъ осталось прежнее: Великій Князь на конѣ, но не съ мечемъ въ рукѣ, какъ дотолѣ, а съ *копіемъ*: отъ чего стали онѣ именоваться *копейками* ([67]). Перемѣна въ цѣнѣ монеты.

Но Елена ни благоразуміемъ своей внѣшней Политики, ни многими достохвальными дѣлами внутри Государства не могла угодить народу: тиранство и беззаконная, уже всѣмъ явная любовь ея къ Князю Ивану Телепневу-Оболенскому возбуждали къ ней ненависть и даже презрѣніе, отъ коего ни власть, ни строгость не спасаютъ Вѣнценосца, если святая добродѣтель отвращаетъ отъ него лице свое. Народъ безмолвствовалъ на стогнахъ: тѣмъ болѣе говорили въ тѣсномъ, для тирановъ непроницаемомъ кругу семействъ и дружества о несчастіи видѣть соблазнъ на тронѣ ([68]). Правительница, желая обмануть людей и совѣсть, часто ѣздила съ Великимъ Княземъ на богомолье въ монастыри ([69]); но лицемѣріе, хитрость слабодушныхъ, заслуживаетъ единственно хвалу лицемѣрную и бываетъ предъ неумолимымъ судилищемъ нравственности новымъ обвиненіемъ. — Ко гласу оскорбляемой добродѣтели присоединялся и гласъ зависти: одинъ Телепневъ былъ истиннымъ Вельможею въ Думѣ и въ Государствѣ; другіе, старѣйшіе, назывались только именемъ Бояръ: никто не имѣлъ Общая нелюбовь къ Еленѣ.

Апрѣля 3. Кончина Правительницы.

заслугъ, если не могъ угодить любимцу Двора. Желали перемѣны — и Великая Княгиня, юная лѣтами, цвѣтущая здравіемъ, вдругъ скончалась. Современникъ, Баронъ Герберштеинъ, въ запискахъ своихъ говоритъ утвердительно, что Елену отравили ядомъ ([70]). Онъ видитъ въ семъ случаѣ одну *справедливую месть;* но ее нѣтъ ни для сына противъ отца, ни для подданнаго противъ Государя: а Елена, по малолѣтству Іоанна, законно властвовала въ Россіи. Худыхъ Царей наказываетъ только Богъ, совѣсть, Исторія: ихъ ненавидятъ въ жизни, клянутъ и по смерти. Сего довольно для блага гражданскихъ обществъ, безъ яда и желѣза; или мы должны отвергнуть необходимый уставъ Монархіи, что особа Вѣнценосцевъ *неприкосновенна.* Тайна злодѣянія не уменьшаетъ его. Гнушаясь онымъ, согласимся, что извѣстіе Герберштеина вѣроятно. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о болѣзни Елены. Она преставилась во второмъ часу дни, и въ тотъ же день погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ ([71]). Не сказано даже, чтобы Митрополитъ отпѣвалъ ея тѣло. Бояре и народъ не изъявили, кажется, ни самой притворной горести. Юный Великій Князь плакалъ, и бросился въ объятія къ Телепневу, который одинъ былъ въ отчаяніи, ибо только одинъ могъ всего лишиться и не могъ уже ничего пріобрѣсти кончиною Елены. Народъ спрашивалъ съ любопытствомъ: кто будетъ править Государствомъ?

ГЛАВА II.

Продолженіе государствованія Іоанна IV.

Г. 1538—1547.

Паденіе и смерть К. Телепнева. Господство К. Василія Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго. Смута Боярская. К. Иванъ Бѣльскій снова заключенъ. Смерть К. Василія Шуйскаго. Господство его брата. Сверженіе Митрополита: избраніе Іоасафа. Характеръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи внутри Государства. Набѣги внѣшнихъ непріятелей. Посольства въ Царьградъ, въ Стокгольмъ. Договоръ съ Ганзою. Союзъ съ Астраханью. Посольства Ногайскія. Заговоръ противъ Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и власть его. Прощеніе К. Владиміра Андреевича и его матери. Облегчаютъ судьбу К. Димитрія Углицкаго. Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго. Впаденіе Царя Казанскаго. Нашествіе Хана Крымскаго. Великодушіе народа и войска. Бѣгство непріятеля. Смута Бояръ: паденіе К. Ивана Бѣльскаго. Ссылка Митрополита. Новое господство К. Ивана Шуйскаго. Посвященіе Макарія. Перемиріе съ Литвою. Набѣги Крымцевъ, Ногаевъ. Дѣла Казанскія. Сношенія съ Астраханью, съ Молдавіею. Перемѣна въ Правленіи. Наглость Шуйскихъ. Худое воспитаніе Іоанна. Заговоръ противъ главныхъ Вельможъ. Паденіе Шуйскихъ. Власть Глинскихъ. Жестокость Правленія. Доброе согласіе съ Литвою. Рать на Казань. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани и бѣжитъ оттуда. Походъ къ устью Свіяги. Путешествія Великаго Князя и неудовольствія народа.

Г. 1538. Паденіе и смерть К. Телепнева.

Нѣсколько дней протекло въ неизвѣстности и въ тишинѣ для народа, въ тайныхъ совѣщаніяхъ и въ козняхъ для Вельможъ честолюбивыхъ. Доселѣ Правительница замѣняла Государя: настало время совершенной Аристократіи или Державства Бояръ при семилѣтнемъ Государѣ. Не многіе изъ нихъ смѣли желать верховнаго владычества надъ Россіею: прочіе готовились единственно взять сторону того или другаго на выгоднѣйшихъ для своей личной пользы условіяхъ. Любимецъ

Еленинъ, Князь Иванъ Телепневъ, не дремалъ въ бездѣйствіи: будучи другомъ и братомъ Іоанновой надзирательницы, Боярыни Агрипины Челядниной, онъ думалъ овладѣть юнымъ Монархомъ, не отходилъ отъ него, ласкался къ нему, и надѣялся на усердіе своихъ бывшихъ друзей; но число ихъ, съ перемѣною обстоятельствъ, уменьшилось и ревность охладѣла. Внезапная кончина Еленина — и не естественная, какъ мнили — предвѣщала явленіе новыхъ, сильнѣйшихъ Властителей: чтобы узнать, кто могъ быть ея тайнымъ виновникомъ, любопытные ждали, кто воспользуется оною? Сіе справедливое, или, не смотря на вѣроятность (какъ часто бываетъ), ложное подозрѣніе обратилось на старѣйшаго Боярина, Василія Васильевича Шуйскаго, потомка Князей Суздальскихъ, изгнанныхъ еще сыномъ Донскаго изъ ихъ наслѣдственнаго владѣнія: злобствуя на Московскихъ Государей, они служили Новугороду, а въ послѣдній день его свободы Князь Шуйскій-Гребенка былъ тамъ главнымъ Воеводою ([72]). Видя рѣшительное торжество Самодержавія въ Россіи, сіи изгнанники, одинъ за другимъ, вступили въ службу Московскую и были знаменитѣйшими Вельможами. Князь Василій Васильевичь, занимавъ первое мѣсто въ Совѣтѣ при отцѣ Іоанновомъ ([73]), занималъ оное и при Еленѣ, и тѣмъ болѣе ненавидѣлъ ея временщика, который, уступая ему наружную честь, исключительно господствовалъ надъ Думою. Изготовивъ средства успѣха, преклонивъ къ себѣ многихъ Бояръ и чиновниковъ, сей властолюбивый Князь жестокимъ дѣйствіемъ самовольства и насилія объявилъ себя Главою Правленія: въ седьмый день по кончинѣ Елениной велѣлъ схватить любезнѣйшихъ юному Іоанну особъ: его надзирательницу, Боярыню Агрипину, и брата ея, Князя Телепнева,—оковать цѣпями, заключить въ темницу, не смотря на слезы, на вопль Державнаго, беззащитнаго отрока. Не судъ и не праведная, но беззаконная, лютая казнь была жребіемъ несчастнаго Вельможи, коему за недѣлю передъ тѣмъ раболѣпствовали всѣ Князья и Бояре. Телепнева уморили голодомъ, какъ Правительница или самъ онъ уморилъ Глинскаго и дядей Іоанновыхъ; но злодѣйство не оправдываетъ злодѣй-

ства, и Лѣтописцы осуждаютъ сію личную месть, внушенную завистію къ бывшему любимцу Елены, который хотѣлъ быть и любимцемъ сына ея ([74]). Телепневъ имѣлъ умъ, дѣятельность, благородное честолюбіе; не боялся оставлять Двора для войны, и еще не довольный властію, хотѣлъ славы, которую даютъ дѣла, а не милость Государей. Сестру его, Боярыню Агриппину, сослали въ Каргополь и постригли въ Монахини. Дума, Государство и самъ Государь сдѣлались подвластны Василію Шуйскому и брату его, Князю Ивану, также знаменитому Члену Совѣта, гдѣ только одинъ Боярин могъ спорить съ ними о старѣйшинствѣ, Князь Димитрій Бѣльскій, родственникъ Іоанновъ: они искали его дружбы. Братъ Димитріевъ, Князь Иванъ Ѳеодоровичь, и Шуйскій, Андрей Михайловичь, сидѣли въ темницѣ: ихъ вмѣстѣ освободили съ честію, какъ невинныхъ; первый занялъ въ Думѣ свое прежнее мѣсто; втораго пожаловали въ Бояре ([75]). Ослѣпленный гордостію, Князь Василій Шуйскій хотѣлъ утвердить себя на высшей ступени Трона свойствомъ съ Государемъ, и будучи вдовцемъ лѣтъ пятидесяти или болѣе, женился на юной сестрѣ Іоанновой, Анастасіи, дочери Петра, Казанскаго Царевича ([76]). Но безпрекословное владычество сего Вельможи продолжалось только мѣсяцевъ шесть: Князь Иванъ Бѣльскій, имъ освобожденный, сдѣлался его непріятелемъ, будучи въ согласіи съ Митрополитомъ Даніиломъ, съ Дворецкимъ Михайломъ Тучковымъ и съ иными важными сановниками. Началось тѣмъ, что Бѣльскій просилъ юнаго Іоанна дать Князю Юрію Булгакову-Голицыну Боярство, а сыну знаменитаго Хабара Симскаго ([77]) санъ Окольничаго, не сказавъ ни слова Шуйскимъ, которые воспылали гнѣвомъ. Вражда усилилась бранью: съ одной стороны говорили о подлой неблагодарности, о гнусныхъ козняхъ; съ другой о самовластіи, о тиранствѣ. Наконецъ Шуйскіе доказали свое могущество: снова заключили Князя Ивана Бѣльскаго въ темницу, совѣтниковъ его разослали по деревнямъ, а главному изъ нихъ, Дьяку Ѳеодору Мишурину, измученному воинами, раздѣтому, обнаженному, отсѣкли голову на плахѣ передъ городскою тюрьмою ([78]). Все

Господство К. Василія Шуйскаго.

Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго.

Смута Боярская К. Иванъ Бѣльскій снова заключенъ.

сіе дѣлалось именемъ Шуйскихъ и Бояръ, имъ преданныхъ, а не именемъ Государя: то есть, беззаконно и нагло. Достойно замѣчанія, что старшій Князь Бѣльскій, Димитрій, опять не имѣлъ участія въ бѣдственной судьбѣ брата, спасаемый, какъ вѣроятно, своимъ осторожнымъ, спокойнымъ характеромъ.

Смерть К. Василія Шуйскаго.

Уже самовластный Вельможа, Князь Василій, считалъ себя какъ бы Царемъ Россіи: вдругъ узнали объ его болѣзни и смерти, которая могла быть естественною, но безъ сомнѣнія служила поводомъ къ разнымъ догадкамъ и заключеніямъ ([79]). Явивъ суетность властолюбія, она не исправила Бояръ Московскихъ, и братъ Васпліевъ, Князь Иванъ Шуйскій, ставъ ихъ Главою, мыслилъ единственно о томъ, чтобы довершить месть надъ врагами и сдѣлать, чего не успѣлъ или не дерзнулъ исполнить умершій братъ его. Ни святость Сана, ни хитрость ума не спасли Митрополита Даніила: замышлявъ съ Княземъ Иваномъ Бѣльскимъ свергнуть Шуйскихъ, онъ самъ былъ сверженъ съ Митрополіи указомъ Боярскимъ и сосланъ въ монастырь Іосифовъ ([80]), гдѣ строгою, постною жизнію имѣлъ способъ загладить грѣхи своего придворнаго честолюбія и раболѣпства. Опасаясь упрековъ въ беззаконіи, Вельможи взяли съ Даніила запись, косю сей бывшій Архипастырь будто бы добровольно отказался отъ Святительства, чтобы молиться въ тишинѣ уединенія о Государѣ и Государствѣ. На его мѣсто Епископы поставили — *судьбами Божественными* и *Великокняжескимъ* (то есть, Боярскимъ) *изволеніемъ*, какъ сказано въ лѣтописи — Іоасафа Скрыпицына, Игумена Троицкаго.

Г. 1539. Сверженіе Митрополита.

Избраніе Іоасафа.

Среди такихъ волненій и безпокойствъ, производимыхъ личнымъ властолюбіемъ Бояръ, Правительство могло ли имѣть надлежащую твердость, единство, неусыпность для внутренняго благоустройства и внѣшней безопасности? Главный Вельможа, Князь Шуйскій, не оказывалъ въ дѣлахъ ни ума государственнаго, ни любви къ добру; былъ единственно грубымъ самолюбцемъ; хотѣлъ только помощниковъ, но не терпѣлъ совмѣстниковъ; повелѣвалъ въ Думѣ какъ Деспотъ, а во дворцѣ какъ хозяинъ. и величался до нахальства; на примѣръ.

Характеръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи внутри Государства.

никогда не стоялъ предъ юнымъ Іоанномъ, садился у него въ спальнѣ, опирался локтемъ о постелю, клалъ ноги на кресла Государевы ([81]); однимъ словомъ, изъявлялъ всю низкую, малодушную спесь раба-господина. Упрекали Шуйскаго и въ гнусномъ корыстолюбіи; писали, что онъ расхитилъ казну и наковалъ себѣ изъ ея золота множество сосудовъ, велѣлъ вырѣзать на нихъ имена своихъ предковъ. По крайней мѣрѣ его ближніе, клевреты, угодники грабили безъ милосердія во всѣхъ областяхъ, гдѣ давались имъ нажиточныя мѣста или должности государственныя. Такъ Боярин Андрей Михайловичь Шуйскій и Князь Василій Рѣпнинъ-Оболенскій, будучи Намѣстниками во Псковѣ, *свирѣпствовали какъ львы*, по выраженію современника: не только угнетали земледѣльцевъ, гражданъ беззаконными налогами, вымышляли преступленія, ободряли лживыхъ доносителей, возобновляли дѣла старыя, требовали даровъ отъ богатыхъ, безденежной работы отъ бѣдныхъ: но и въ самыхъ святыхъ Обителяхъ искали добычи съ лютостію Могольскихъ хищниковъ; жители пригородовъ не смѣли ѣздить во Псковъ какъ въ вертепъ разбойниковъ; многіе люди бѣжали въ иныя страны; торжища и монастыри опустѣли. — Къ сему ужасному бѣдствію неправосудія и насилія присоединялись частые опустошительные набѣги внѣшнихъ разбойниковъ. Мы были — говорятъ Лѣтописцы — жертвою и посмѣшищемъ невѣрныхъ: Ханъ Крымскій давалъ намъ законы, Царь Казанскій насъ обманывалъ и грабилъ. Первый, задержавъ Великокняжескаго чиновника, посланнаго къ Господарю Молдавскому, писалъ къ Іоанну: „Я сдѣлалъ „то, что вы нѣсколько разъ дѣлали. Отецъ и мать твоя, не „разумѣя государственныхъ уставовъ, ловили, злодѣйски убивали „моихъ Пословъ на пути въ Казань: я также имѣю право „мѣшать твоему сообщенію съ моимъ недругомъ Молдавскимъ. Ты хочешь отъ меня пріязни: для чего же изъясняешь„ся грубо? Знаешь ли, что у меня болѣе ста тысячь воиновъ? „Если каждый изъ нихъ плѣнитъ хотя одного Русскаго, сколько „тебѣ убытка, а мнѣ прибыли? Не таюсь, ибо чувствую силу „свою; все объявляю напередъ, ибо сдѣлаю, что говорю. Гдѣ

Набѣги внѣшнихъ непріятелей.

„желаешь видѣться со мною? въ Москвѣ, или на берегахъ „Оки? Знай, что буду къ тебѣ не одинъ, но съ Великимъ „Султаномъ, который покорилъ вселенную отъ Востока до „Запада. Укажу ему путь къ твоей столицѣ. Ты же что мнѣ „сдѣлаешь? Злобствуй какъ хочешь, а въ моей землѣ не бу„дешь“ ([82]). Не только Іоаннъ III и Василій, но и Правительница, отъ времени до времени удовлетворяя корыстолюбію Хановъ, изъявляли по крайней мѣрѣ благородную гордость въ перепискѣ съ ними и не дозволяли имъ забываться. Владычество Шуйскихъ ознаменовалось слабостію и робкимъ малодушіемъ въ Политикѣ Московской: Бояре даже не смѣли отвѣтствовать Саипъ-Гирею на его угрозы; спѣшили отправить въ Тавриду знатнаго Посла и купить вѣроломный союзъ варвара обязательствомъ не воевать Казани ([83]); а Царь Казанскій, увѣряя насъ въ своемъ миролюбіи, хотѣлъ, чтобы мы ежегодно присылали ему дары въ знакъ уваженія. Напрасно ждали его уполномоченныхъ въ Москву: они не ѣхали, а Казанцы два года непрестанно злодѣйствовали въ областяхъ Нижняго, Балахны, Мурома, Мещеры, Гороховца, Владиміра, Шуи, Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга Вологда, Вятки, Перми ([84]); являлись единственно толпами, жгли, убивали, плѣнили, такъ, что одинъ изъ Лѣтописцевъ сравниваетъ бѣдствія сего времени съ Батыевымъ нашествіемъ, говоря: „Батый протекъ молніею Русскую землю: Казанцы же „не выходили изъ ея предѣловъ, и лили кровь Христіанъ „какъ воду. Беззащитные укрывались въ лѣсахъ и въ пе„щерахъ; мѣста бывшихъ селеній заросли дикимъ кустарникомъ. „Обративъ монастыри въ пепелъ, невѣрные жили и спали въ „церквахъ, пили изъ святыхъ сосудовъ, обдирали иконы для „украшенія женъ своихъ усерязами и монистами; сыпали го„рящіе уголья въ сапоги Инокамъ и заставляли ихъ плясать; „оскверняли юныхъ Монахинь; кого не брали въ плѣнъ, тѣмъ „выкалывали глаза, обрѣзывали уши, носъ; отсѣкали руки, „ноги и — что всего ужаснѣе — многихъ приводили въ Вѣру „свою, а сіи несчастные сами гнали Христіанъ какъ лютые „враги ихъ. Пишу не по слуху, но видѣнное мною, и че-

Одежда русскихъ бояръ и боярынь въ XVI и XVII вѣкѣ.

„го никогда забыть не могу„ ([85]). Что дѣлали Правители Государства, Бояре? Хвалились своимъ терпѣніемъ предъ Ханомъ Саипъ-Гиреемъ, изъяснялись, что Казанцы терзаютъ Россію, а мы въ угодность ему, *не двигаемъ ни волоса* для защиты своей земли ([86])! Бояре хотѣли единственно мира, и не имѣли его; заключили союзъ съ Ханомъ Саипъ-Гиреемъ ([87]), и видѣли безполезность онаго. Послы Ханскіе были въ Москвѣ, а сынъ его, Иминь, съ шайками своихъ разбойниковъ грабилъ въ Каширскомъ Уѣздѣ ([88]). Мы удовольствовались извиненіемъ, что Иминь не слушается отца и поступаетъ самовольно.

Посольства въ Царьградъ, въ Стокгольмъ. Договоръ съ Ганзою, съ Астраханью. Посольства Ногайскія.

Другія внѣшнія дѣйствія Россіи болѣе соотвѣтствовали ея государственному достоинству. Чиновникъ Адашевъ ѣздилъ изъ Москвы съ дружественными письмами къ Султану и къ Патріарху, Замыцкій изъ Новагорода къ Королю Шведскому: въ Константинополѣ и въ Стокгольмѣ оказали великую честь нашимъ Посланникамъ. Бояре подтвердили купеческій договоръ съ Ганзою и возобновили союзъ съ Астраханью, гдѣ опять царствовалъ Абдылъ-Рахманъ. Послы Ногайскіе одни за другими являлись въ Москвѣ, предлагая намъ свои услуги и требуя единственно свободной торговли, какъ милости. Литва, соблюдая перемиріе, не тревожила Россіи: старецъ Сигизмундъ въ покоѣ доживалъ вѣкъ свой ([89]).

г. 1540. Заговоръ противъ Шуйскаго: освобожденіе К. Ивана. Бѣльскаго и власть его.

Въ сіе время сдѣлалась перемѣна въ нашей Аристократіи. Свергнувъ Митрополита Даніила, Князь Иванъ Шуйскій считалъ новаго Первосвятителя другомъ своимъ, но обманулся. Руководствуясь, можетъ быть, любовію къ добродѣтели, усердіемъ къ отечеству, и видя неспособность Шуйскаго управлять Державою, или по инымъ, менѣе достохвальнымъ причинамъ, Митрополитъ Іоасафъ осмѣлился ходатайствовать у юнаго Государя и въ Думѣ за Князя Ивана Бѣльскаго. Многіе Бояре пристали къ нему: одни говорили только о милосердіи, другіе о справедливости, и вдругъ именемъ Іоанновымъ, съ торжествомъ вывели Бѣльскаго изъ темницы, посадили въ Думу; а Шуйскій, изумленный дерзостію Митрополита и Бояръ, не успѣлъ отвратить удара: трепеталъ въ злобѣ, клялся отмстить имъ за измѣну, и съ того дня не хотѣлъ участвовать въ дѣлахъ, ни присутствовать въ Думѣ ([90]),

гдѣ сторона Бѣльскихъ, одержавъ верхъ, начала господствовать съ умѣренностію и благоразумiемъ. Не было ни опалъ, ни гоненія. Правительство стало попечительнѣе, усерднѣе къ общему благу. Злоупотребленія власти уменьшились. Смѣнили нѣкоторыхъ худыхъ Намѣстниковъ, и Псковитяне освободились отъ насилій Князя Андрея Шуйскаго, отозваннаго въ Москву. Дума сдѣлала для нихъ то же, что Василій сдѣлалъ для Новогородцевъ: возвратила имъ судное право. *Цѣловальники* или Присяжные, избираемые гражданами, начали судить всѣ уголовныя дѣла независимо отъ Намѣстниковъ, къ великой досадѣ сихъ послѣднихъ, лишенныхъ тѣмъ способа беззаконствовать и наживаться. Народъ отдохнулъ во Псковѣ; славилъ милость Великаго Князя и добродѣтель Бояръ ([91]).—Правительство заслужило еще хвалу освобожденіемъ двоюроднаго брата Іоаннова, юнаго Князя Владиміра Андреевича, и матери его, заключенныхъ Еленою: они переѣхали въ свой домъ и жили уединенно; а чрезъ годъ, въ день Рождества Христова, мать и сынъ были представлены Іоанну. Имъ возвратили богатыя помѣстья Андреевы и дозволили имѣть Дворъ, Бояръ и слугъ Княжескихъ ([92]). — Назовемъ ли милостію скудное, жалостное благодѣяніе, оказанное тогда же другому родственнику Іоаннову? Внукъ Василія Темнаго, сынъ Андрея Углицкаго, именемъ Димитрій, еще находился въ числѣ живыхъ ([93]), забвенный всѣми, и сорокъ-девять ужасныхъ лѣтъ, отъ нѣжной юности до глубокой старости, сидѣлъ въ темницѣ, въ узахъ, одинъ съ Богомъ и мирною совѣстію, не оскорбивъ никого въ жизни, не нарушивъ никакого устава человѣческаго, только за вины отца своего, имѣвъ несчастіе родиться племянникомъ Самодержца, коему надлежало истребить въ Россіи вредную Систему Удѣловъ, и который любилъ Единовластіе болѣе, нежели единокровныхъ. Правители, желая быть милосердыми, не рѣшились возвратить Димитрія, какъ бы изъ могилы, чуждому для него міру ([94]): велѣли только освободить его отъ тягости цѣпей, впустить къ нему въ темницу болѣе свѣта и воздуха! Ожесточенный бѣдствіемъ, Димитрій, можетъ быть, въ первый разъ смягчился тогда душею и про-

Прощеніе Князя Владиміра Андреевича и матери его.

Облегчаютъ судьбу К. Димитрія Углицкаго.

лилъ слезы благодарности, уже не гнетомый, не язвимый оковами, видя солнце и дыша свободнѣе. Онъ содержался въ Вологдѣ: тамъ и кончилъ жизнь. Братъ его, Князь Иванъ, умеръ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Монашествѣ. Оба лежатъ вмѣстѣ въ Вологдской церкви Спаса на Прилукѣ ([95]).

Милуя или облегчая судьбу гонимыхъ, первый Вельможа, Князь Иванъ Бѣльскій, хотѣлъ и виновнаго брата своего, Симеона, возвратить отечеству и добродѣтели. Митрополитъ Іоасафъ взялся быть ходатаемъ. Извиняли преступника, чѣмъ только могли: юностію его лѣтъ, несноснымъ тиранствомъ и самовластіемъ Еленина любимца. Государь простилъ: одно дѣйствіе, коимъ Исторія упрекаетъ Князя Ивана Бѣльскаго! Измѣнникъ, предатель, наводивъ враговъ на отечество, явился бы снова при Дворѣ и въ Думѣ съ почестями опредѣленными для вѣрныхъ, знаменитыхъ слугъ Государства! Но Симеонъ не воспользовался милосердіемъ, противнымъ уставу справедливости и блага гражданскихъ обществъ. Гонецъ Московскій уже не нашелъ Бѣльскаго въ Тавридѣ ([96]): сей измѣнникъ былъ въ полѣ съ Ханомъ, замышляя гибель Россіи: ибо Саипъ-Гирей клялся въ дружбѣ къ Великому Князю единственно для того, чтобы произвести въ насъ оплошность и нечаянностію впаденія открыть себѣ путь въ сердце Московскихъ владѣній. Но Дума, подъ начальствомъ Князя Ивана Бѣльскаго, радѣя о внутреннемъ благоустройствѣ, не выпускала изъ виду и внѣшней безопасности.

г. 1510-1541.

Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго.

Тайно готовясь къ войнѣ, Ханъ приглашалъ и Царя Казанскаго итти на Россію: къ счастію нашему, имъ неудобно было дѣйствовать въ одно время: первый ждалъ весны и подножнаго корма въ степяхъ; а второй, не имѣя сильной рати судовой, боялся лѣтомъ оставить за спиною Волгу, гдѣ, въ случаѣ его бѣгства, Россіяне могли бы утопить Казанцевъ. Ободряемый нашимъ долговременнымъ терпѣніемъ и бездѣйствіемъ, Сафа-Гирей, въ Декабрѣ 1540 года, миновавъ Нижній Новгородъ, успѣлъ безпрепятственно достигнуть Мурома, но далѣе не могъ ступить ни шага: воины и граждане бились мужественно на стѣнахъ и въ вылазкахъ; Князь Димитрій Бѣльскій шелъ изъ Владиміра, а Царь Алей съ своими вѣр-

Взятіе Казанскаго Царя.

ными Татарами изъ Касимова, истребляя разсѣянныя толпы непріятелей въ Мещерской землѣ и въ селѣхъ Муромскихъ. Сафа-Гирей бѣжалъ назадъ, и такъ скоро, что Воеводы Московскіе не догнали его ([97]).—Сей не весьма удачный походъ умножилъ число недовольныхъ въ Казани: тамошніе Князья и знатнѣйшій изъ нихъ, Булатъ, тайно писали въ Москву, чтобы Государь послалъ къ нимъ войско; что они готовы убить или выдать намъ Сафа-Гирея, который, отнимая собственность у Вельможъ и народа, шлетъ казну въ Тавриду. Бояре велѣли немедленно соединиться полкамъ изъ семнадцати городовъ въ Владимірѣ, подъ начальствомъ Князя Ивана Васильевича Шуйскаго; отвѣтствовали Булату ласково, обѣщая ему милость и забвеніе прошедшаго; но ждали дальнѣйшихъ вѣстей изъ Казани, чтобы послать туда войско ([98]).

Г. 1541. Еще Ханъ Саипъ-Гирей скрывалъ свои замыслы: Посолъ Іоанновъ, Князь Александръ Кашинъ, жилъ въ Тавридѣ, а Ханскій, именемъ Тагалдый, въ Москвѣ; но Бояре угадывали, что Царь Казанскій дѣйствовалъ по согласію съ Крымомъ, и для того, на всякій случай собрали войско въ Коломнѣ, гдѣ самъ юный Іоаннъ осмотрѣлъ его станъ. Весною узнали въ Москвѣ (чрезъ плѣнниковъ, ушедшихъ изъ Тавриды), что Ханъ двинулся къ предѣламъ Россіи со всею Ордою, не оставивъ дома никого, кромѣ женъ, дѣтей и старцевъ; что у него дружина Султанова съ огнестрѣльнымъ снарядомъ; что къ нему присоединились еще толпы изъ Ногайскихъ Улусовъ, изъ Астрахани, Кафы, Азова; что Князь Симеонъ Бѣльскій взялся быть его путеводителемъ ([99]). Намѣстнику Путивльскому, Ѳедору Плещееву, велѣно было удостовѣриться въ истинѣ сего извѣстія: люди, посланные имъ въ степи, видѣли тамъ слѣды прошедшаго войска, тысячь ста или болѣе. Тогда Князь Димитрій Бѣльскій, въ санѣ главнаго Воеводы, прибылъ въ Коломну и вывелъ рать въ поле. Князь Иванъ Васильевичь Шуйскій остался въ Владимірѣ съ Царемъ Шигъ-Алеемъ; многочисленныя дружины шли отовсюду къ Серпухову, Калугѣ, Тулѣ, Рязани. Наши смѣлые лазутчики встрѣтили Хана близъ Дона: они смотрѣли на полки его и не видали имъ конца въ степяхъ открытыхъ. Уже Саипъ-Гирей былъ на сей сторонѣ Дона;

Нашествіе Хана Крымскаго.

Іюля 28.

приступалъ къ Зарайску и не могъ взять крѣпости, отраженный славнымъ мужествомъ ея Воеводы, Назара Глѣбова ([100]).

Между тѣмъ, какъ наши полки располагались станомъ близъ Оки, Москва умилялась зрѣлищемъ, дѣйствительно трогательнымъ: десятилѣтній Государь съ братомъ своимъ, Юріемъ, молился Всевышнему въ Успенскомъ храмѣ, предъ Владимірскою иконою Богоматери и гробомъ Св. Петра Митрополита о спасеніи отечества; плакалъ и въ слухъ народа говорилъ ([101]): „Боже! Ты защитилъ моего прадѣда въ нашествіе лютаго „Темиръ-Аксака: защити и насъ, юныхъ, сирыхъ! Не имѣемъ „ни отца, ни матери, ни силы въ разумѣ, ни крѣпости въ „десницѣ; а Государство требуетъ отъ насъ спасенія!“ Онъ повелъ Митрополита въ Думу, гдѣ сидѣли Бояре, и сказалъ имъ: „Врагъ идетъ: рѣшите, здѣсь ли мнѣ быть, или уда„литься?“ Бояре разсуждали тихо и спокойно. Одни говорили, что Великіе Князья въ случаѣ непріятельскихъ нашествій никогда не заключались въ Москвѣ. Другіе такъ отвѣтствовали: „Когда Едигей шелъ къ столицѣ ([102]), Василій Дими„тріевичь удалился, чтобы собирать войско въ областяхъ Рос„сійскихъ, но въ Москвѣ оставилъ Князя Владиміра Андрее„вича и своихъ братьевъ. Нынѣ Государь у насъ отрокъ, а „братъ его еще малолѣтнѣе: дѣтямъ ли скакать изъ мѣста „въ мѣсто и составлять полки? Не скорѣе ли впадутъ они „въ руки невѣрныхъ, которыя безъ сомнѣнія разсѣются и по „областямъ, ежели достигнутъ Москвы?“ Митрополитъ соглашался съ послѣдними и говорилъ: „Гдѣ искать безопасности „Великому Князю? Новгородъ и Псковъ смежны съ Литвою „и съ Нѣмцами; Кострома, Ярославль, Галичь, подвержены „набѣгамъ Казанцевъ; и на кого оставить Москву, гдѣ ле„жатъ Святые Угодники? Димитрій Іоанновичь оставилъ ее „безъ Воеводы сильнаго: что же случилось? Господь да со„хранитъ насъ отъ такого бѣдствія! Нѣтъ нужды собирать „войско: одно стоитъ на берегахъ Оки, другое въ Владимірѣ „съ Царемъ Шигъ-Алеемъ, и защититъ Москву. Имѣемъ „силу, имѣемъ Бога и Святыхъ, коимъ отецъ Іоанновъ пору„чилъ возлюбленнаго сына: не унывайте!“ Всѣ Бояре едино-

Великодушіе народа и войска.

душно сказали: „Государь, останься въ Москвѣ!“ и Великій Князь изустно далъ повелѣніе Градскимъ Прикащикамъ готовиться къ осадѣ. Ревность, усердіе оживляли воиновъ и народъ. Всѣ клялись умереть за Іоанна, стоять твердо за святыя церкви и домы свои. Людей расписали на дружины для защиты стѣнъ, воротъ и башенъ; вездѣ разставили пушки; укрѣпили посады надолбами ([102]). Никто не мыслилъ о бѣгствѣ, и Лѣтописцы удивляются сему общему вдохновенію мужества, какъ бы дѣйствію сверхъестественному.

То же было и въ войскѣ. Полководцы обыкновенно считались тогда въ старѣйшинствѣ или въ знатности родовъ между собою и не хотѣли зависѣть отъ младшихъ, ни отъ равныхъ, вопреки Государеву назначенію. Василій и отецъ его умѣли обуздывать ихъ *мѣстничество;* но юность Іоаннова, вселяя безстрашіе и дерзость въ главныхъ чиновниковъ, довела сіе зло до крайности. Прѣнія и вражда господствовали въ стѣнахъ ([101]). Великій Князь послалъ Дьяка своего, Ивана Курицына, съ письмомъ къ Димитрію Бѣльскому и къ его знаменитымъ сподвижникамъ; убѣждалъ ихъ оставить всѣ личности, всѣ несогласія и свары, — соединиться духомъ и сердцемъ за отечество, за Вѣру и Государя юнаго, который уповаетъ единственно на Бога и на ихъ оружіе. „Ока да „будетъ неодолимою преградою для Хана!“ писалъ Іоаннъ: „а если не удержитъ врага, то заградите ему путь къ Москвѣ „своею грудью ([105]). Сразитесь крѣпко во имя Бога всемогу„щаго! Обѣщаю любовь и милость не только вамъ, но и дѣ„тямъ вашимъ. Кто падетъ въ битвѣ, того имя велю вписать „въ *Книги Животныя* ([106]); того жена и дѣти будутъ моими „ближними“. Воеводы слушали грамоту съ умиленіемъ. „Такъ!“ говорили они: „забудемъ вражду и самихъ себя; вспомнимъ „милость Великаго Князя Василія; послужимъ Іоанну, коего „слабая рука еще не владѣетъ оружіемъ; послужимъ *малому*, „да отъ *великаго* честь пріимемъ! Если исполнится наше „ревностное желаніе; если побѣдимъ, то не въ одной Русской, „но и въ чуждыхъ, отдаленныхъ земляхъ прославимся. Мы „не безсмертны: умремъ же за отечество! Богъ и Государь не

„забудутъ насъ“. Сіи, дотолѣ сварливые, упрямые Воеводы плакали, обнимали другъ друга въ восторгѣ великодушія; назывались братьями; клялися вмѣстѣ побѣдить или оставить кости свои на берегу Оки. Они вышли изъ шатра, читали войску письмо Іоанново, говорили рѣчи, сильныя глубокимъ, добродѣтельнымъ чувствомъ. Дѣйствіе было неописанное. Воины кричали: „Хотимъ, хотимъ пить смертную чашу съ Татарами „за Государя юнаго! Когда вы, отцы наши, согласны между „собою, идемъ съ радостію на враговъ невѣрныхъ!“ И всѣ полки двинулись впередъ, многочисленные, стройные и бодрые.

Уже Ханъ пришелъ къ Окѣ и сталъ на высотахъ. Другой берегъ ея былъ занятъ Московскою передовою дружиною, подъ Іюля 30. начальствомъ Князей Ивана Турунтая-Пронскаго и Василія Охлябина-Ярославскаго. Татары — думая, что у насъ нѣтъ болѣе войска — спустили плоты на рѣку и хотѣли переправиться; а Турки стрѣляли изъ пушекъ, изъ пищалей, чтобы отбить Россіянъ, которые, дѣйствуя однѣми стрѣлами, сперва было вздрогнули и замѣшались... Но приспѣли Князья Пунковъ-Микулинскій и Серебряный-Оболенскій съ полками: Россіяне стали твердо. Скоро явились новыя, густыя толпы ихъ и ряды необозримые: Князья Михайло Кубенскій, Иванъ Михайловичъ Шуйскій и самъ Димитрій Бѣльскій водрузили на берегу свои знамена. Съ правой и лѣвой стороны еще шло войско; вдали показалась многочисленная Запасная Стража. Ханъ видѣлъ, изумлялся, и съ гнѣвомъ сказалъ измѣннику нашему, Симеону Бѣльскому, и Вельможамъ: „Вы обманули меня, увѣ„ривъ, что Россія не въ силахъ бороться въ одно время съ Ка„занью и со мною. Какое войско! Ни я, ни опытные старцы мои „не видывали подобнаго“ ([107]). Объятый ужасомъ, онъ хотѣлъ бѣжать: Мурзы удержали его. Съ обѣихъ сторонъ летали ядра, пули и стрѣлы; ввечеру Татары отступили къ высотамъ, а Россіяне, одушевленные мужествомъ, кричали имъ: „идите сюда; мы васъ ожидаемъ!“

Наступила ночь: Воеводы Іоанновы, по словамъ Лѣтописцевъ, *пировали духомъ*, готовясь къ рѣшительной битвѣ слѣдующаго дня. Не было ни страха, ни сомнѣнія; не хотѣли

отдыха; стукъ оружія и шумъ людей не умолкали въ станѣ; приходили новыя дружины одна за другою съ тяжелымъ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Ханъ непрестанно слышалъ издали радостные клики въ нашемъ войскѣ; видѣлъ при свѣтѣ огней, какъ мы ставили пушки на холмахъ берега — и не дождался утра: терзаемый страхомъ, злобою, стыдомъ, ускакалъ въ телегѣ; за нимъ побѣжало и войско, истребивъ часть обоза, другую же и нѣсколько пушекъ Султановыхъ оставивъ намъ въ добычу. Тогда въ первый разъ мы увидѣли въ рукахъ своихъ Оттоманскіе Трофеи! — Съ сею счастливою вѣстію Димитрій Бѣльскій послалъ въ Москву Князя Ивана Кашина, а Князей Микулинскаго и Серебрянаго въ слѣдъ за Ханомъ. Они плѣнили отсталыхъ, которые извѣстили ихъ, что Саипъ-Гирей идетъ къ Пронску. Хваливишись стать на Воробьевыхъ горахъ и разорить всѣ области Московскія, онъ думалъ уменьшить стыдъ свой взятіемъ сей маловажной крѣпости, подобно Тамерлану, не завоевавшему въ Россіи ничего, кромѣ Ельца. Тогда главный нашъ Воевода отрядилъ впередъ новые полки, чтобы скорѣе выгнать Хана изъ предѣловъ Россіи.

Бѣгство непріятеля.

3 Августа Саипъ-Гирей обступилъ Пронскъ, гдѣ начальствовалъ Василій Жулебинъ ([108]), у коего было не много людей, но много смѣлости: онъ пушками, кольями и каменьями отбилъ непріятеля. Мурзы хотѣли говорить съ нимъ: Жулебинъ явился на стѣнѣ. „Сдайся“, сказали они, „Царь обѣщаетъ тебѣ милость, или будетъ стоять здѣсь, пока возметъ „городъ.“ Витязь отвѣтствовалъ: „Божіею волею ставится „градъ, и никто не возметъ его безъ воли Божіей. Пусть „Царь стоитъ: увидитъ скоро Воеводъ Московскихъ“. Саипъ-Гирей велѣлъ готовить туры для новаго, сильнѣйшаго приступа; а Жулебинъ вооружилъ не только всѣхъ гражданъ, но и самыхъ женъ. Груды камней и кольевъ лежали на стѣнѣ; котлы кипѣли съ водою; надъ заряженными пушками горѣли фитили. Тогда осажденные получили вѣсть, что Князья Микулинскій и Серебряный уже близко ([109]): клики веселія раздались въ городѣ. Ханъ узналъ о томъ: сжегъ туры, и 6 Августа удалился отъ Пронска, гонимый нашими Воеводами до

самаго Дона; а Князь Воротынскій разбилъ Царевича Имиия, который было остановился для грабежа въ Одоевскомъ Уѣздѣ ([110]).

Вся Россія торжествовала сіе счастливое изгнаніе сильнаго врага изъ нѣдръ ея; славила Государя и Полководцевъ. Юность Іоаннова, умилительная для сердецъ во дни страха, была особенною прелестію и торжества народнаго, когда Державный отрокъ въ храмѣ Всевышняго благодарилъ Небо за спасеніе Россіи; когда именемъ отечества изъявлялъ признательность Воеводамъ, и когда они, тронутые его милостію, съ радостными слезами отвѣчали ему: „Государь! мы побѣдили твоими „Ангельскими молитвами и твоимъ *счастіемъ*!“ ([111]) Народъ всего болѣе вѣритъ *счастію*, и младыя лѣта Іоанновы открывали неизмѣримое поле для надежды.— Такъ чувствовали современники, которые видѣли въ Саипъ-Гиреѣ новаго Мамая или Тамерлана, и хвалились его бѣгствомъ какъ славнымъ для Россіи происшествіемъ. Они не думали о будущемъ. Что случилось, могло и впредь случиться. Россія, уже дѣйствительно сильная, оставалась еще жертвою *внезапныхъ* нападеній: мы хотѣли, чтобы непріятель давалъ намъ время изготовиться къ оборонѣ; выгоняли его, но села наши пустѣли, и Государство лишалось главной своей драгоцѣнности: людей! Только опыты вѣковъ приводятъ истинныя мѣры государственной безопасности въ твердую систему.

Князь Иванъ Бѣльскій, будучи душею Правительства, стоялъ на высшей степени счастія, опираясь на личную милость Державнаго отрока, уже зрѣющаго душею,—на ближнее съ нимъ родство, на успѣхи оружія, на дѣла человѣколюбія и справедливости. Совѣсть его была спокойна, народъ доволенъ... и втайнѣ кипѣла злоба, коварствовала зависть, неусыпная въ свѣтѣ, особенно дѣятельная при Дворѣ. Здѣсь Исторія наша представляетъ опасность великодушія, какъ бы въ оправданіе жестокихъ, мстительныхъ властолюбцевъ, дающихъ миръ врагамъ только въ могилѣ. Князь Иванъ Бѣльскій, освобожденный Митрополитомъ и Боярами, могъ бы помѣняться темницею съ Шуйскимъ; могъ бы отнять у него и свободу и жизнь: но презрѣлъ безсильную злобу, и сдѣлалъ еще болѣе: оказалъ уваженіе къ его ратнымъ способностямъ

и далъ ему Воеводство: что назвали бы мы ошибкою великодушія, если бы онъ имѣлъ цѣлію не внутреннее удовольствіе сердца, не добродѣтель, а выгоды страстей. Шуйскій, съ гнѣвомъ уступивъ власть своему неосторожному противнику, думалъ единственно о мести, и знаменитые Бояре, Князья Михайло, Иванъ Кубенскіе, Димитрій Палецкій, Казначей Третьяковъ, вошли съ нимъ въ заговоръ, чтобы погубить Бѣльскаго и Митрополита, связанныхъ дружбою и, какъ вѣроятно, усердною любовію къ отечеству. Не было, кажется, и предлога благовиднаго: заговорщики хотѣли просто, низвергнувъ властелина, занять его мѣсто, и доказать не правость, а силу свою. Они преклонили къ себѣ многихъ Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, не только въ Москвѣ, но и въ разныхъ областяхъ, особенно въ Новѣгородѣ ([112]). Шуйскій, находясь съ полками въ Владимірѣ, чтобы итти на Казань, обѣщаніями и ласками умножилъ число своихъ единомышленниковъ въ войскѣ; взялъ съ нихъ тайную присягу, далъ знать Московскимъ клевретамъ, что время приступить къ дѣлу, и послалъ къ нимъ изъ Владиміра съ сыномъ, Княземъ Петромъ, триста надежныхъ всадниковъ ([113]). Ночью, 3 Генваря, сдѣлалась ужасная тревога въ Кремлѣ: заговорщики схватили Князя Ивана Бѣльскаго въ его домѣ и посадили въ темницу; также вѣрныхъ ему друзей, Князя Петра Щенятева и знатнаго сановника Хабарова: перваго извлекли задними дверьми изъ самой комнаты Государевой; окружили Митрополитовы келіи, бросали каменьями въ окна, и едва не умертвили Іоасафа, который бѣжалъ отъ нихъ на Троицкое подворье: Игуменъ Лавры и Князь Димитрій Палецкій только именемъ Св. Сергія могли удержать неистовыхъ Дѣтей Боярскихъ ([114]), поднявшихъ руку на Архипастыря. Митрополитъ искалъ безопасности во дворцѣ, въ присутствіи юнаго Іоанна; но Государь, пробужденный свирѣпымъ воплемъ мятежниковъ, самъ трепеталъ какъ несчастная жертва. Бояре съ шумомъ вошли за Іоасафомъ въ комнату Великаго Князя; взяли, отправили Митрополита въ ссылку, въ монастырь Кирилловъ на Бѣлѣозерѣ; велѣли придворнымъ Священникамъ, за три часа до

г. 1542. Смута Боярск. Паденіе К. Ивана Бѣльскаго.

свѣта, пѣть заутреню ([115]); кричали, господствовали, какъ бы завоевавъ Престолъ и Церковь; не думали о соблюденіи ни малѣйшей пристойности; дѣйствовали въ видѣ бунтовщиковъ; устрашили столицу. Никто въ сію ужасную ночь не смыкалъ глазъ въ Москвѣ. На разсвѣтѣ прискакалъ Шуйскій изъ Владиміра и сдѣлался вторично Главою Бояръ. Князя Ивана Бѣльскаго послали въ заточеніе на Бѣлоозеро, Щенятева въ Ярославль, Хабарова въ Тверь. Тишина и спокойствіе возстановились. Но Шуйскій еще не былъ доволенъ: опасаясь перемѣны, добродѣтели Князя Ивана Бѣльскаго и общей къ нему любви, онъ велѣлъ убить его, по согласію съ Боярами, безъ вѣдома Государева ([116]). Три злодѣя умертвили сего несчастнаго Князя въ темницѣ: Вельможу благодушнаго, воина мужественнаго, Христіанина просвѣщеннаго, какъ пишутъ современники ([117]).Нѣкогда подозрѣваемый въ тайномъ лихоимствѣ, за излишнее миролюбіе, оказанное имъ въ двухъ войнахъ Казанскихъ ([118]), онъ славою послѣднихъ лѣтъ своей жизни оправдался въ народномъ мнѣніи.

Ссылка Митрополита.

Новое господство К. Ивана Шуйскаго.

Россія уже знала Шуйскаго и не могла ожидать отъ его правленія ни мудрости, ни чистаго усердія къ государственному благу; могла единственно надѣятся, что власть сего человѣка, снисканная явнымъ беззаконіемъ, не продолжится. Дума осталась, какъ была: только нѣкоторые Члены ея, смотря по ихъ отношеніямъ къ главному Вельможѣ, утратили силу свою или пріобрѣли новую. Князь Димитрій Бѣльскій оплакивалъ брата и сидѣлъ на первомъ мѣстѣ въ Совѣтѣ, какъ старшій именемъ Бояринъ. Надлежало избрать Митрополита: малолѣтство Іоанново давало Архипастырю Церкви ещо болѣе важности; онъ имѣлъ свободный доступъ къ юному Государю, могъ совѣтовать ему, смѣло противорѣчить Боярамъ и дѣйствовать на умы гражданъ Христіанскими увѣщаніями. Шуйскій и друзья его не хотѣли вторично ошибиться въ семъ выборѣ, медлили около двухъ мѣсяцевъ, и призвали Архіепископа Макарія, славнаго умомъ, дѣятельностію, благочестіемъ: любя и мірскую честь, онъ, можетъ быть, оказалъ имъ услуги въ Новѣгородѣ и склонилъ жителей онаго на ихъ сторону ([119]),

Посвященіе Макарія.

въ падеждѣ заступить мѣсто Іоасафа. Черезъ семь дней нарекли Макарія Первосвятителемъ и возвели на Дворъ Митрополичій, а чрезъ десять дней посвятили ([120]). Такимъ образомъ Князь Иванъ Шуйскій самовластно свергнулъ двухъ Митрополитовъ, единственно по личной къ нимъ ненависти, безъ всякаго суда и законнаго предлога. Духовенство молчало и повиновалось. — Всѣ прежнія насилія, несправедливости возобновились. Льгота и права, данныя областнымъ жителямъ въ благословенное господствованіе Князя Бѣльскаго, уничтожились происками Намѣстниковъ ([121]). Россія сдѣлалась опять добычею клевретовъ, ближнихъ и слугъ Шуйскаго, но Іоаннъ возрасталъ!

Перемиріе съ Литвою.

Важнѣйшимъ дѣломъ внѣшней Политики сего времени было новое перемиріе съ Литвою на семь лѣтъ, заключенное въ Москвѣ Королевскими Панами, Яномъ Глѣбовичемъ и Никодимомъ ([122]). Хотѣли и вѣчнаго мира съ обѣихъ сторонъ, но не согласились, какъ и прежде, въ условіяхъ. Бояре домогались размѣна плѣнныхъ: Король требовалъ за то Чернигова и шести другихъ городовъ, боясь, кажется, чтобы Литовскіе плѣнники не возвратились къ нему съ измѣною въ сердцѣ, и чтобы Россійскіе не открыли намъ новыхъ способовъ побѣды. Наконецъ положили единственно не воевать другъ друга и купцамъ торговать свободно. Сигизмундъ уже слабѣлъ: Паны договаривались именемъ его сына и наслѣдника, Августа. Въ присутствіи юнаго Іоанна читали грамоты: Великій Князь цѣловалъ крестъ и далъ руку Посламъ ([123]); а Боярин Морозовъ ѣздилъ въ Литву для размѣна грамотъ. Ему велѣно было предстательствовать за нашихъ плѣнниковъ, чтобы ихъ не держали въ узахъ и дозволяли имъ ходить въ церковь; послѣднее утѣшеніе для злосчастныхъ, осужденныхъ умереть въ странѣ непріятельской?—Между тѣмъ спорили о земляхъ Себѣжскихъ и другихъ; хотѣли и не могли размежеваться. Чиновникъ Сукинъ, посланный для того въ Литву, долженъ былъ въ тайной бесѣдѣ съ ея Вельможами сказать имъ, что Іоаннъ уже ищетъ себѣ невѣсты, и что Бояре Московскіе желаютъ знать ихъ мысли о пользѣ родственнаго союза между Государями обѣихъ Державъ. Въ донесеніи Сукина не находимъ отвѣта на сіе предложеніе ([124]).

Испытавъ неудачу, Ханъ Сапнъ-Гирей согласился быть въ дружбѣ съ нами, отпустилъ Іоаннова Посла, Князя Александра Кашина, въ Москву, и далъ ему новую *шертную грамоту;* но сынъ Ханскій, Иминь, и хищные Мурзы тревожили набѣгами Сѣверскую область и Рязань ([125]). Воеводы Московскіе встрѣтили ихъ; побили Крымцевъ на славномъ полѣ Куликовѣ и гнали до рѣки Мечи ([126]).—Казанцы требовали мира; но Князь Булатъ уже не хотѣлъ свергнуть Сафа-Гирея, и писалъ о томъ къ Боярину Димитрію Бѣльскому, а Царевна Горшадна къ самому Іоанну. Сія Царевна славилась ученостію и волхвованіемъ. Лѣтописцы увѣряютъ, что она торжественно предсказывала скорую гибель Казани и величіе Россіи. Дума Боярская не отвергала мира; но Сафа-Гирей медлилъ и не заключалъ онаго ([127]).—Дружественныя сношенія продолжались съ Астраханью и съ Молдавіею. Царевичь Астраханскій, Едигеръ, пріѣхалъ служить въ Россію ([128]). Воевода Молдавскій, Иванъ Петровичь, внукъ Стефановъ, писалъ къ Великому Князю, что Солиманъ, изгнавъ его, умилостивился и возвратилъ ему Молдавію, но требуетъ, сверхъ ежегодной дани, около трехъ-сотъ-тысячь золотыхъ, коихъ не льзя собрать въ землѣ опустошенной ([129]). Господарь молилъ Іоанна о денежномъ вспоможеніи, которое и было послано.

Набѣги Крымцевъ. Потаевъ. Дѣла Казанскія. Сношенія съ Астраханью, съ Молдавіею.

Но смуты и козни придворныя занимали Думу болѣе, нежели внутреннія и внѣшнія дѣла государственныя. Не долго Князь Иванъ Васильевичь Шуйскій пользовался властію: болѣзнь, какъ надобно думать, заставила его отказаться отъ Двора. Онъ жилъ еще года два или три ([130]), не участвуя въ правленіи, но сдавъ оное своимъ ближнимъ родственникамъ, тремъ Шуйскимъ: Князьямъ Ивану и Андрею Михайловичамъ и Ѳедору Ивановичу Скопину, которые, не имѣя ни великодушія, ни ума выспренняго, любили только господствовать и не думали заслуживать любви согражданъ, ни признательности юнаго Вѣнценосца истиннымъ усердіемъ къ отечеству. Искусство сихъ Олигарховъ состояло въ томъ, чтобы не терпѣть противорѣчія въ Думѣ и допускать до Государя единственно преданныхъ имъ людей, удаляя всѣхъ, кто могъ быть для

Перемѣна въ Правленіи.

нихъ опасенъ или смѣлостію, или разумомъ, или благородными качествами сердца. Но Іоаннъ, приходя въ смыслъ, уже чувствовалъ тягость беззаконной опеки, ненавидѣлъ Шуйскихъ, особенно Князя Андрея, наглаго, свирѣпаго, и склонялся душею къ ихъ явнымъ и тайнымъ недоброхотамъ, въ числѣ коихъ былъ Совѣтникъ Думы, Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ ([131]). Олигархи желали пристойнымъ образомъ удалить его, и не могли; злобствовали, и видя возрастающую къ нему
г. 1543. любовь Іоаннову, рѣшились прибѣгнуть къ насилію: во дворцѣ, въ торжественномъ засѣданіи Думы, въ присутствіи Государя
Нападеніе Шуйскихъ. и Митрополита, Шуйскіе съ своими единомышленниками, Князьями Кубенскими, Палецкимъ, Шкурлятевымъ, Пронскими и Алексѣемъ Басмановымъ, послѣ шумнаго прѣнія о мнимыхъ винахъ сего любимца Іоаннова, вскочили какъ неистовые, извлекли Воронцова силою въ другую комнату, мучили, хотѣли умертвить. Юный Государь въ ужасѣ молилъ Митрополита спасти несчастнаго: Первосвятитель и Бояре Морозовы говорили именемъ Великаго Князя, и Шуйскіе, какъ бы изъ милости къ нему, дали слово оставить Воронцова живаго, но били, толкали его, вывели на площадь и заключили въ темницу. Іоаннъ вторично отправилъ къ нимъ Митрополита и Бояръ съ убѣжденіемъ, чтобы они послали Воронцова на службу въ Коломну, если не льзя ему быть при Дворѣ и въ Москвѣ. Шуйскіе не согласились: Государь долженъ былъ утвердить ихъ приговоръ, и Воронцова съ сыномъ отвезли въ Кострому ([132]). Изображая тогдашнюю наглость Вельможъ, Лѣтописецъ сказываетъ; что одинъ изъ ихъ клевретовъ, Ѳома Головинъ, въ спорѣ съ Митрополитомъ наступивъ на его мантію, изорвалъ оную въ знакъ презрѣнія.

Худое воспитаніе Іоанна. Сіи крайности беззаконнаго, грубаго самовластія и необузданныхъ страстей въ Правителяхъ Государства ускорили перемѣну, желаемую народомъ и непріятелями Шуйскихъ. Іоанну исполнилось тринадцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душею, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ имѣлъ бы всѣ главныя качества великаго Монарха, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары Природы; но

рано лишенный отца, матери, и преданный въ волю буйныхъ Вельможъ, ослѣпленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбіемъ, былъ на престолѣ несчастнѣйшимъ сиротою Державы Россійской: ибо не только для себя, но и для милліоновъ готовилъ несчастіе своими пороками, легко возникающими при самыхъ лучшихъ естественныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель страстей, нѣмъ въ юной душѣ, и если, вмѣсто его, мудрый пѣстунъ не изъясняетъ ей законовъ нравственности. Одинъ Князь Иванъ Бѣльскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для отрока Державнаго; но Шуйскіе, отнявъ достойнаго Вельможу у Государя и Государства, старались привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ всѣхъ его дѣтскихъ желаній: непрестанно забавляли, тѣшили во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею; питали въ немъ наклонность къ властолюбію и даже къ жестокости, не предвидя слѣдствій. На примѣръ, любя охоту, онъ любилъ не только убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю; а Бояре говорили: „пусть Державный веселится!“ Окруживъ Іоанна толпою молодыхъ людей, смѣялись, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакалъ по улицамъ, давилъ женъ и старцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда Бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужество, проворство ([133])! Они не думали толковать ему святыхъ обязанностей Вѣнценосца, ибо не исполняли своихъ; не пеклись о просвѣщеніи юнаго ума, ибо считали его невѣжество благопріятнымъ для ихъ властолюбія: ожесточали сердце, презирали слезы Іоанна о Князѣ Телепневѣ, Бѣльскомъ, Воронцовѣ, въ надеждѣ загладить свою дерзость угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ, въ надеждѣ на вѣтреность отрока, развлекаемаго ежеминутными утѣхами. Сія безумная система обрушилась надъ главою ея виновниковъ. Шуйскіе хотѣли, чтобы Великій Князь помнилъ ихъ угожденія и забывалъ досады: онъ помнилъ только досады и забывалъ угожденія, ибо уже зналъ, что власть принадлежитъ ему, а не имъ. Каждый день, приближая его къ совершенному возрасту, умножалъ козни въ Кремлевскомъ дворцѣ, затрудненія господствующихъ Бояръ

и число ихъ враговъ, между коими сильнѣйшіе были Глинскіе, Государевы дяди, Князья Юрій и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые ([134]): первый засѣдалъ въ Думѣ; вторый имѣлъ знатный санъ Конюшаго. Они, не смотря на бдительность Шуйскихъ, внушали тринадцатилѣтнему племяннику, оскорбленному ссылкою Воронцова, что ему время объявить себя дѣйствительнымъ Самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые, угнетая народъ, тиранятъ Бояръ и ругаются надъ самимъ Государемъ, угрожая смертію всякому, кого онъ любитъ; что ему надобно только вооружиться мужествомъ и повелѣть; что Россія ожидаетъ его слова. Вѣроятно, что и благоразумный Митрополитъ, недовольный дерзкимъ насиліемъ Шуйскихъ, оставилъ ихъ сторону и то же совѣтовалъ Іоанну. Умѣли скрыть важный замыселъ: Дворъ казался совершенно спокойнымъ. Государь, слѣдуя обыкновенію, ѣздилъ осенью молиться въ Лавру Сергіеву и на охоту въ Волокъ Ламскій съ знатнѣйшими сановниками, весело праздновалъ Рождество въ Москвѣ, и вдругъ, созвавъ Бояръ, въ первый разъ явился повелительнымъ, грознымъ; объявилъ съ твердостію, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю; что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ только виновнѣйшаго: Князя Андрея Шуйскаго, главнаго совѣтника тиранства. Его взяли и предали въ жертву псамъ, которые на улицѣ истерзали, умертвили сего знатнѣйшаго Вельможу ([135]). Шуйскіе и друзья ихъ безмолвствовали: народъ изъявилъ удовольствіе. Огласили злодѣянія убитаго. Пишутъ; что онъ, ненасытимый въ корыстолюбіи, подъ видомъ купли отнималъ Дворянскія земли, угнетая крестьянъ; что даже и слуги его господствовали и тиранствовали въ Россіи, не боясь ни судей, ни законовъ ([136]). Но сія варварская казнь, хотя и заслуженная недостойнымъ Вельможею, была ли достойна истиннаго Правительства и Государя? Она явила, что бѣдствіе Шуйскихъ не умудрило ихъ преемниковъ; что не законъ и не справедливость, а только одна сторона надъ другою одержала верхъ, и насиліе уступило насилію: ибо юный Іоаннъ безъ сомнѣнія

Заговоръ противъ главныхъ Вельможъ.

Декабря 29.

Паденіе Шуйскихъ.

еще не могъ властвовать самъ собою: Князья Глинскіе съ друзьями повелѣвали его именемъ, хотя и сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что „съ того времени Бояре начали „имѣть страхъ отъ Государя“ (137). Власть Глинскихъ.

Опалы и жестокость новаго Правленія дѣйствительно устрашили сердца. Сослали Ѳедора Шуйскаго-Скопина, Князя Юрія Темкина, Ѳому Головина и многихъ иныхъ чиновниковъ въ отдаленныя мѣста: а знатнаго Боярина, Ивана Кубенскаго, сына двоюродной тетки Государевой, Княжны Углицкой, посадили въ темницу (138): онъ находился въ тѣсной связи съ Шуйскими, но отличался достоинствами, умомъ, тихимъ нравомъ (139). Его заключили въ Переяславлѣ вмѣстѣ съ женою, тамъ, гдѣ сидѣлъ нѣкогда злосчастный Князь Андрей Углицкій съ дѣтьми своими (140). Казнь, изобрѣтенная варварствомъ, была участію сановника придворнаго, Аѳанасья Бутурлина, обвиненнаго въ дерзкихъ словахъ: ему отрѣзали языкъ предъ темницею въ глазахъ народа (141). Чрезъ пять мѣсяцевъ освободивъ Кубенскаго, Государь возложилъ на него опалу, также на Князей Петра Шуйскаго (142), Горбатаго, Димитрія Палецкаго и на своего любимца, Боярина Ѳеодора Воронцова; простилъ ихъ изъ уваженія къ ходатайству Митрополита, но не надолго. Разнесся слухъ, что Ханъ Крымскій готовится итти къ нашимъ предѣламъ: сынъ его, Иминь, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ (143) свободно грабилъ въ Уѣздахъ Одоевскомъ и Бѣлевскомъ (гдѣ наши Воеводы только спорили о старѣйшинствѣ, не двигаясь съ мѣста для отраженія непріятеля). Самъ Іоаннъ, уже вступивъ въ лѣта юности, предводительствовалъ многочисленною ратію, ѣздилъ водою на богомолье въ Угрѣшскій монастырь Св. Николая, прибылъ къ войску и жилъ въ Коломнѣ около трехъ мѣсяцевъ (144). Ханъ не явился. Воинскій станъ сдѣлался Дворомъ, и злые честолюбцы занимались кознями. Однажды Государь, по своему обыкновенію выѣхавъ на звѣриную ловлю, былъ остановленъ пятидесятью Новогородскими пищальниками, которые хотѣли принести ему какія-то жалобы: Іоаннъ не слушалъ, и велѣлъ своимъ Дворянамъ разогнать ихъ. Новогородцы противились: Жестокость правленія г. 1544 1546.

началась битва; стрѣляли изъ ружей, сѣклись мечами, умертвили съ обѣихъ сторонъ человѣкъ десять. Государь возвратился въ станъ ([145]), и велѣлъ ближнему Дьяку, Василію Захарову, узнать, кто подучилъ Новогородцевъ къ дерзости и мятежу? Захаровъ, можетъ быть по согласію съ Глинскими, донесъ ему, что Бояре, Князь Иванъ Кубенскій и Воронцовы, Ѳедоръ и Василій, суть тайные виновники мятежа. Сего было довольно: безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія гнѣвный Іоаннъ велѣлъ отрубить имъ головы, объявивъ, что они заслужили казнь и прежними своими беззаконіями во время Боярскаго правленія ([146]). Лѣтописцы свидѣтельствуютъ ихъ невинность, укоряя Ѳедора Воронцова единственно тѣмъ, что онъ желалъ исключительно первенства между Боярами, и досадовалъ, Когда Государь безъ его вѣдома оказывалъ другимъ милости. Способствовавъ паденію Шуйскихъ, и бывъ врагомъ Кубенскаго, сей несчастный любимецъ положилъ голову на одной съ нимъ плахѣ!.. Такъ новые Вельможи, пѣстуны или совѣтники Іоанновы, пріучали юношу-Монарха къ ужасному легкомыслію въ дѣлахъ правосудія, къ жестокости и тиранству! Подобно Шуйскимъ, они готовили себѣ гибель; подобно имъ, не удерживали, но стремили Іоанна на пути къ разврату, и пеклись не о томъ, чтобы сдѣлать верховную власть благотворною, но чтобы утвердить ее въ рукахъ собственныхъ.

Добрые согласіе съ Литвою.

Въ отношеніи къ инымъ Державамъ мы дѣйствовали съ успѣхомъ и съ честію. Король Польскій сдалъ правленіе сыну, Сигизмунду-Августу, который, извѣстивъ о томъ Великаго Князя, увѣрялъ Россію въ своемъ миролюбіи и въ твердомъ намѣреніи исполнять заключенный съ нею договоръ ([147]).— Обманы Царя и Вельможъ Казанскихъ вывели Іоанна изъ терпѣнія. Двѣ рати, одна изъ Москвы, другая изъ Вятки, въ одинъ день и часъ сошлися подъ стѣнами Казани, обратили въ пепелъ окрестности и *кабаки Царскіе*, убили множество людей близъ города и на берегахъ Свіяги, взяли знатныхъ плѣнниковъ и благополучно возвратились ([148]). Сіе внезапное нашествіе Россіянъ заставило думать Царя, что Казанскіе Вельможи тайно подвели ихъ: онъ хотѣлъ мстить:

Ратъ на Казань.

умертвилъ нѣкоторыхъ Князей, иныхъ выгналъ ([149]), и произвелъ всеобщее озлобленіе, коего слѣдствіемъ было то, что Казанцы, требуя войска отъ Іоанна, желали выдать ему Сафа-Гирея съ тридцатью Крымскими сановниками. Государь обѣщалъ послать войско, но хотѣлъ, чтобы они прежде свергнули и заключили Царя. Бунтъ дѣйствительно открылся: Сафа-Гирей бѣжалъ, и многіе изъ Крымцевъ были истерзаны народомъ. Сеиты, Уланы, Князья, всѣ чиновники Казанскіе, давъ клятву быть вѣрными Россіи, снова приняли къ себѣ Царя Шигъ-Алея, торжественно возведеннаго на престолъ Князьями Димитріемъ Бѣльскимъ и Палецкимъ; веселились, праздновали, и снова измѣнили. Какъ бы въ предчувствіи неминуемаго, скораго конца Державы ихъ, они сами не знали, чего хотѣли, волнуемые страстями, и въ затмѣніи ума; взяли Царя не для того, чтобы повиноваться, но чтобы его именемъ управлять землею; держали какъ плѣнника, не дозволяли ему выѣзжать изъ города, ни показываться народу; пировали во дворцѣ и гремѣли оружіемъ; пили изъ златыхъ сосудовъ Царскихъ и брали оные себѣ; вѣрныхъ слугъ Алеевыхъ заключили въ темницу, даже умертвили нѣкоторыхъ и требовали, чтобы Царь въ письмахъ къ Іоанну хвалился ихъ усердіемъ! Лѣтописецъ сказываетъ, что Шигъ-Алей предвидѣлъ свою участь, и только изъ повиновенія къ Великому Князю согласился ѣхать въ Казань ([150]). Онъ терпѣлъ мѣсяцъ въ безмолвіи, имѣя довѣренность къ одному изъ знатнѣйшихъ Князей, именемъ Чурѣ, преданному Россіи. Сей добрый Вельможа не могъ усовѣстить Властителей Казанскихъ, тщетно грозивъ имъ пагубными слѣдствіями безумнаго непостоянства: раздразнивъ Шигъ-Алея и боясь мести Іоанновой, они вздумали опять призвать Сафа-Гирея, который съ толпами Ногайскими уже былъ въ Камѣ. Князь Чура извѣстилъ Алея о семъ заговорѣ, совѣтовалъ ему бѣжать, и приготовилъ суда. Насталъ какой-то праздникъ: Вельможи и народъ пили до ночи, заснули глубокимъ сномъ и не видали, какъ Царь вышелъ изъ дворца, и благополучно уѣхалъ Волгою въ Россію ([151]); а Сафа-Гирей, въ третій разъ сѣвъ на престолѣ Казанскомъ,

г. 1546.

Шигъ-Алей Царемъ въ Казани и бѣжитъ оттуда.

началъ царствовать ужасомъ: убилъ Князя Чуру и многихъ знатныхъ людей, окружилъ себя Крымцами, Ногаями, и ненавидя своихъ подданныхъ, хотѣлъ только держать ихъ въ страхѣ. Семдесять-шесть Князей и Мурзъ, братья Чурины, вѣрные Алею, и самые неистовые злодѣи его, обманутые Сафа-Гиреемъ, искали убѣжища въ Москвѣ. Въ слѣдъ за ними явились и Послы Горной Черемисы, съ увѣреніемъ, что ихъ народъ весь готовъ присоединиться къ нашему войску, если оно вступитъ въ Казанскіе предѣлы. Тогда была зима: отложивъ полную месть до лѣта, но желая удостовѣриться въ благопріятномъ для насъ расположеніи дикарей Черемисскихъ, Іоаннъ отрядилъ нѣсколько полковъ къ устью Свіяги. Князь Александръ Горбатый предводительствовалъ ими, и сражался единственно съ зимними вьюгами, нигдѣ ненаходя сопротивленія. Ему не велѣно было осаждать Казани: онъ удовольствовался добычею, и привелъ съ собою въ Москву сто воиновъ Черемисскихъ, которые служили намъ залогомъ въ вѣрности ихъ народа ([152]).

Походъ къ устью Свіяги.

Между тѣмъ Великій Князь ѣздилъ по разнымъ областямъ своей Державы, но единственно для того, чтобы видѣть славные ихъ монастыри и забавляться звѣриною ловлею въ дикихъ лѣсахъ: не для наблюденій государственныхъ, не для защиты людей отъ притѣсненія корыстолюбивыхъ Намѣстниковъ. Такъ онъ былъ съ братьями Юріемъ Василіевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ въ Владимірѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Ржевѣ, Твери, Новѣгородѣ, Псковѣ, гдѣ, окруженный сонмомъ Бояръ и чиновниковъ, не видалъ печалей народа, и въ шумѣ забавъ не слыхалъ стенаній бѣдности; скакалъ на борзыхъ ишакахъ, и оставлялъ за собою слезы, жалобы, новую бѣдность: ибо сіи путешествія Государевы, не принося ни малѣйшей пользы Государству, стоили денегъ народу: Дворъ требовалъ угощенія и даровъ ([153]).—Однимъ словомъ, Россія еще не видала отца-Монарха на престолѣ, утѣшаясь только надеждою, что лѣта и зрѣлый умъ откроютъ Іоанну святое искусство царствовать для блага людей.

Путешествіе Великаго Кн. и неудовольствія народа.

ГЛАВА III.

Продолженіе государствованія Іоанна IV.

Г. 1546—1552.

Царское вѣнчаніе Іоанна. Бракъ Государевъ. Добродѣтели Анастасіи. Пороки Іоанновы и худое Правленіе. Пожары въ Москвѣ. Бунтъ черни. Чудное исправленіе Іоанна. Сильвестръ и Адашевъ. Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Перемѣна Двора и властей. Кротость Правленія. Судебникъ. Обузданіе Мѣстничества. Стоглавъ. Уставныя грамоты. Избраніе Присяжныхъ. Учрежденія Церковныя. Намѣреніе просвѣтить Россію. Воинскія дѣянія. Походъ на Казань. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Царя Казанскаго. Походъ на Казань. Избраніе мѣста для новой крѣпости. Впаденіе Ногаевъ. Основаніе Свіяжска. Покореніе Горной Стороны. Ужасъ Казанцевъ. Мирныя условія съ ними. Сююнбека. Новое воцареніе Шигъ-Алея. Освобожденіе плѣнниковъ. Невѣрность Казанцевъ и жестокость ихъ Царя. Переговоры съ Алеемъ. Царь оставляетъ Казань. Послѣдняя измѣна Казанцевъ.

Великому Князю исполнилось 17 лѣтъ отъ рожденія. Онъ призвалъ Митрополита и долго говорилъ съ нимъ наединѣ. Митрополитъ вышелъ отъ него съ лицемъ веселымъ, отпѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, послалъ за Боярами — даже и за тѣми, которые находились въ опалѣ, — и вмѣстѣ съ ними былъ у Государя. Еще народъ ничего не вѣдалъ; но Бояре, подобно Митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину, и съ нетерпѣніемъ ждали открытія счастливой тайны. Г. 1546. Царское вѣнчаніе Іоанна.

Прошло три дня ([154]). Велѣли собраться Двору: Первосвятитель, Бояре, всѣ знатные сановники окружали Іоанна, который, помолчавъ, сказалъ Митрополиту: „Уповая на ми„лость Божію и на Святыхъ заступниковъ земли Русской, „имѣю намѣреніе жениться: ты, отче, благословилъ меня, Декабря 17.

„Первою моею мыслію было искать невѣсты въ иныхъ Цар-„ствахъ; но, разсудивъ основательнѣе, отлагаю сію мысль. „Во младенчествѣ лишенный родителей и воспитанный въ „сиротствѣ, могу не сойтися нравомъ съ иноземкою: будетъ „ли тогда супружество счастіемъ? Желаю найти невѣсту въ „Россіи, по волѣ Божіей и по твоему благословенію". Митрополитъ съ умиленіемъ отвѣтствовалъ: „Самъ Богъ вну-„шилъ тебѣ намѣреніе столь вожделенное для твоихъ под-„данныхъ! Благословляю оное именемъ Отца небеснаго". Бояре плакали отъ радости, какъ говоритъ Лѣтописецъ, и съ новымъ восторгомъ прославили мудрость Державнаго, когда Іоаннъ объявилъ имъ другое намѣреніе: „еще до своей женитьбы „исполнить древній обрядъ предковъ его и *вѣнчаться на „Царство*" ([155]). Онъ велѣлъ Митрополиту и Боярамъ готовиться къ сему великому торжеству, какъ бы утверждающему печатію Вѣры святый союзъ между Государемъ и народомъ. Оно было не новое для Московской Державы: Іоаннъ III *вѣнчалъ* своего внука *на Царство*; но совѣтники Великаго Князя — желая или дать болѣе важности сему обряду, или удалить отъ мыслей горестное воспоминаніе о судьбѣ Димитрія Іоанновича — говорили единственно о древнѣйшемъ примѣрѣ Владиміра Мономаха, на коего Митрополитъ Ефесскій возложилъ вѣнецъ, златую цѣпь и Бармы Константиновы ([156]). Писали и разсказывали, что Мономахъ, умирая, отдалъ Царскую утварь шестому сыну своему, Георгію; велѣлъ только хранить ее какъ зеницу ока и передавать изъ рода въ родъ безъ употребленія, доколѣ Богъ не умилостивится надъ бѣдною Россіею и не воздвигнетъ въ ней истиннаго Самодержца, достойнаго украситься знаками могущества ([157]). Сіе преданіе вошло въ лѣтописи XVI вѣка, когда Россія дѣйствительно увидѣла Самодержца на тронѣ, и Греція, издыхая въ бѣдствіи, отказала намъ величіе своихъ Царей.

г. 1547. Генваря 16, утромъ, Іоаннъ вышелъ въ столовую комнату, гдѣ находились всѣ Бояре; а Воеводы, Князья и чиновники, богато одѣтые, стояли въ сѣняхъ. Духовникъ Государевъ, Благовѣщенскій Протоіерей, взявъ изъ рукъ Іоанновыхъ, на

златомъ блюдѣ, Животворящій крестъ, вѣнецъ и Бармы ([158]), отнесъ ихъ (провождаемый Конюшимъ, Княземъ Михайломъ Глинскимъ, Казначеями и Дьяками) въ храмъ Успенія. Скоро пошелъ туда и Великій Князь: передъ нимъ Духовникъ съ крестомъ и Святою водою, кропя людей на обѣихъ сторонахъ; за нимъ Князь Юрій Василіевичь, Бояре, Князья и весь Дворъ. Вступивъ въ церковь, Государь приложился къ иконамъ: священные лики возгласили ему многолѣтіе; Митрополитъ благословилъ его ([159]). Служили молебенъ. Посреди храма, на амвонѣ съ двѣнадцатью ступенями, были изготовлены два мѣста, одѣтыя златыми паволоками; въ ногахъ лежали бархаты и камки: тамъ сѣли Государь и Митрополитъ. Предъ амвономъ стоялъ богато-украшенный налой съ Царскою утварью: Архимандриты взяли и подали ее Макарію; онъ всталъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, и возлагая на него крестъ, бармы, вѣнецъ, громогласно молился, чтобы Всевышній оградилъ сего Христіанскаго Давида силою Св. Духа, посадилъ на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для строптивыхъ и *милостивое око* для послушныхъ. Обрядъ заключился возглашеніемъ новаго многолѣтія Государю. Принявъ поздравленіе отъ Духовенства, Вельможъ, гражданъ, Іоаннъ слушалъ Литургію, возвратился во дворецъ, ступая съ бархата на камку, съ камки на бархатъ. Князь Юрій Василіевичь осыпалъ его въ церковныхъ дворяхъ и на лѣстницѣ золотыми деньгами, изъ мисы, которую несъ за нимъ Михайло Глинскій ([160]). Какъ скоро Государь вышелъ изъ церкви: народъ, дотолѣ неподвижный, безмолвный, съ шумомъ кинулся обдирать *Царское мѣсто*; всякой хотѣлъ имѣть лоскутъ паволоки, на память великаго дня для Россіи.

Однимъ словомъ, сіе торжественное вѣнчаніе было повтореніемъ Димитріева, съ нѣкоторою перемѣною въ словахъ молитвъ, и съ тою разностію, что Іоаннъ III самъ (а не Митрополитъ) надѣлъ вѣнецъ на главу юнаго Монарха. *Современные* Лѣтописцы не упоминаютъ о *скипетрѣ*, ни о *мѵропомазаніи*, ни о *причащеніи*, ([161]); но сказываютъ также, чтобы Макарій говорилъ Царю поученіе: самое умное, краспо-

рѣчивое не могло быть столь дѣйствительно и сильно, какъ искреннее, умилительное воззваніе къ Богу Вседержителю, дающему и Властителей народамъ и добродѣтель Властителямъ! Съ сего времени Россійскіе Монархи начали уже не только въ сношеніяхъ съ иными Державами, но и внутри Государства, во всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ, именоваться *Царями*, сохраняя и титулъ *Великихъ Князей*, освященный древностію; а книжники Московскіе объявили народу, что симъ исполнилось пророчество Апокалипсиса о *шестомъ Царствѣ*, которое есть Россійское ([162]). Хотя титло не придаетъ естественнаго могущества, но дѣйствуетъ на воображеніе людей, и Библейское имя Царя, напоминая Ассирійскихъ, Египетскихъ, Іудейскихъ, наконецъ православныхъ Греческихъ Вѣнценосцевъ, возвысило въ глазахъ Россіянъ достоинство ихъ Государей. „Смирились“ — говорятъ Лѣтописцы — „враги наши, Цари не„вѣрные и Короли нечестивые: Іоаннъ сталъ на первой сте„пени Державства между ими!“ Достойно примѣчанія, что Константинопольскій Патріархъ Іоасафъ, въ знакъ своего усердія къ Вѣнценосцу Россіи, въ 1561 году Соборною грамотою утвердилъ его въ санѣ Царскомъ, говоря въ ней: „Не только „преданіе людей достовѣрныхъ, но и самыя лѣтописи свидѣ„тельствуютъ, что нынѣшній Властитель Московскій про„исходитъ отъ незабвенной Царицы Анны, сестры Императора „Багрянороднаго, и что Митрополитъ Ефесскій, уполномочен„ный для того Соборомъ Духовенства Византійскаго, вѣнчалъ „Россійскаго Великаго Князя, Владиміра, на Царство“. Сія грамота подписана тридцатью-шестью Митрополитами и Епископами ([163]).

Бракъ Государевъ.

Между тѣмъ знатные сановники, Окольничіе, Дьяки, объѣзжали Россію, чтобы видѣть *всѣхъ* дѣвицъ благородныхъ, и представить лучшихъ невѣстъ Государю: онъ избралъ изъ нихъ юную Анастасію, дочь вдовы Захарьиной ([164]), которой мужъ, Романъ Юрьевичь, былъ Окольничимъ, а свекоръ Боярином Іоанна III. Родъ ихъ происходилъ отъ Андрея Кобылы, выѣхавшаго къ намъ изъ Пруссіи въ XIV вѣкѣ. Но не знатность, а личныя достоинства невѣсты оправдывали сей

выборъ, и современники, изображая свойства ея, приписываютъ ей всѣ женскія добродѣтели, для коихъ только находили они имя въ языкѣ Русскомъ ([165]): цѣломудріе, смиреніе, набожность, чувствительность, благость, соединенныя съ умомъ основательнымъ; не говорятъ о красотѣ: ибо она считалась уже необходимою принадлежностію счастливой Царской невѣсты. Совершивъ обрядъ вѣнчанія въ храмѣ Богоматери, Митрополитъ сказалъ новобрачнымъ: „Днесь таинствомъ Церкви соединены „вы навѣки, да вмѣстѣ покланяетесь Всевышнему и живете „въ добродѣтели; а добродѣтель ваша есть правда и милость. „Государь! люби и чти супругу; а ты, христолюбивая Царица, „повинуйся ему. Какъ святый крестъ глава церкви, такъ и „мужъ глава жены. Исполняя усердно всѣ заповѣди Божественныя, узрите благая Іерусалима и миръ во Израилѣ“. Юные супруги явились глазамъ народа: благословенія гремѣли на стогнахъ Кремля. Дворъ и Москва праздновали нѣсколько дней. Царь сыпалъ милости на богатыхъ: Царица питала нищихъ. Воспитанная безъ отца въ тишинѣ уединенія, Анастасія увидѣла себя какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ принесенную на ѳеатръ мірскаго величія и славы; но не забылась, не измѣнилась въ душѣ съ обстоятельствами, и все относя къ Богу, покланялась ему и въ Царскихъ чертогахъ такъ же усердно, какъ въ смиренномъ, печальномъ домѣ своей вдовы-матери. Прервавъ веселые пиры Двора, Іоаннъ и супруга его ходили пѣшкомъ, зимою, въ Троицкую Сергіеву Лавру и провели тамъ первую недѣлю Великаго поста, ежедневно моляся надъ гробомъ Св. Сергія.

Добродѣтель Анастасіи.

Февраля 13.

Сія набожность Іоаннова, ни искренняя любовь къ добродѣтельной супругѣ, не могли укротить его пылкой, безпокойной души, стремительной въ движеніяхъ гнѣва, пріученной къ шумной праздности, къ забавамъ грубымъ, неблагочиннымъ. Онъ любилъ показывать себя Царемъ, но не въ дѣлахъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ, въ необузданности прихотей; игралъ, такъ сказать, милостями и опалами; умножая число любимцевъ, еще болѣе умножалъ число отверженныхъ; своевольствовалъ, чтобы доказывать свою независимость, и еще

Порока Іоанновы и худое правленіе.

зависѣлъ отъ Вольможъ, ибо не трудился въ устроеніи Царства и не зналъ, что Государь истинно-независимый есть только Государь добродѣтельный. Никогда Россія не управлялась хуже: Глинскіе, подобно Шуйскимъ, дѣлали что хотѣли именемъ юноши-Государя; наслаждались почестями, богатствомъ, и равнодушно видѣли невѣрность частныхъ властителей; требовали отъ нихъ раболѣпства, а не справедливости. Кто уклонялся предъ Глинскими, тотъ могъ смѣло давить пятою народъ, и быть ихъ слугою значило быть господиномъ въ Россіи ([166]). Намѣстники не знали страха — и горе угнетеннымъ, которые мимо Вельможъ шли ко Трону съ жалобами! Такъ граждане Псковскіе, послѣдніе изъ присоединенныхъ къ Самодержавію и смѣлѣйшіе другихъ (весною въ 1547 году), жаловались новому Царю на своего Намѣстника, Князя Турунтая-Пронскаго, угодника Глинскихъ. Іоаннъ былъ тогда въ селѣ Островкѣ: семьдесятъ челобитчиковъ стояло передъ нимъ съ обвиненіями и съ уликами. Государь не выслушалъ: закипѣлъ гнѣвомъ: кричалъ, топалъ; лилъ на нихъ горящее вино; палилъ имъ бороды и волосы; велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю. Они ждали смерти. Въ сію минуту донесли Іоанну о паденіи большаго колокола въ Москвѣ; онъ ускакалъ въ столицу, и бѣдные Псковитяне остались живы ([167]).— Честные Бояре съ потупленнымъ взоромъ безмолвствовали во дворцѣ: шуты, скоморохи забавляли Царя, а льстецы славили его мудрость ([168]). Добродѣтельная Анастасія молилась, вмѣстѣ съ Россіею, и Богъ услышалъ ихъ. Характеры сильные требуютъ сильнаго потрясенія, чтобы свергнуть съ себя иго злыхъ страстей и съ живою ревностію устремиться на путь добродѣтели. Для исправленія Іоаннова надлежало сгорѣть Москвѣ!

Пожары въ Москвѣ.

Сія столица ежегодно возрастала своимъ пространствомъ и числомъ жителей. Дворы болѣе и болѣе стѣснялись въ Кремлѣ, въ Китаѣ; новыя улицы примыкали къ старымъ въ посадахъ; домы строились лучше для глазъ, но не безопаснѣе прежняго: тѣсныя громады зданій, гдѣ-гдѣ раздѣленныя садами, ждали только искры огня, чтобы сдѣлаться пепломъ. Лѣтописи Москвы часто говорятъ о пожарахъ, называя иные

великими ([169]): но никогда огонь не свирѣпствовалъ въ ней такъ ужасно, какъ въ 1547 году. 12 Апрѣля сгорѣли лавки въ Китаѣ съ богатыми товарами ([170]), гостинные казенные дворы, Обитель Богоявленская и множество домовъ отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы-рѣки. Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ частію городской стѣны, пала въ рѣку и запрудила оную кирпичами. 20 Апрѣля обратились въ пепелъ за Яузою всѣ улицы, гдѣ жили гончары и кожевники ([171]); а 24 Іюня, около полудня, въ страшную бурю, начался пожаръ за Неглинною, на Арбатской улицѣ, съ церкви Воздвиженія; огонь лился рѣкою, и скоро вспыхнулъ Кремль, Китай, Большой посадъ. Вся Москва представила зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густаго дыма. Деревянныя зданія исчезали, каменныя распадались, желѣзо рдѣло какъ въ горнилѣ, мѣдь текла. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени былъ заглушаемъ взрывами пороха, хранившагося въ Кремлѣ и въ другихъ частяхъ города. Спасали единственно жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія хартіи, книги, даже мощи Святыхъ истлѣли ([172]). Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія, уже задыхаясь отъ дыма: силою вывели его оттуда и хотѣли спустить на веревкѣ съ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ: онъ упалъ, расшибся и едва живый былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Изъ Собора вынесли только образъ Маріи, писанный Св. Петромъ Митрополитомъ, и *Правила Церковныя*, привезенныя Кипріаномъ изъ Константинополя. Славная Владимірская икона Богоматери оставалась на своемъ мѣстѣ: къ счастію, огонь, разрушивъ кровлю и паперти, не проникъ во внутренность церкви. — Къ вечеру затихла буря, и въ три часа ночи угасло пламя; но развалины курились нѣсколько дней, отъ Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской ([173]). Ни огороды, ни сады не уцѣлѣли: дерева обратились въ уголь, трава въ золу. Сгорѣло 1700 человѣкъ, кромѣ младенцевъ. Не льзя, по сказанію современ-

никовъ, ни описать, ни вообразить сего бѣдствія. Люди съ опаленными волосами, съ черными лицами, бродили какъ тѣни среди ужасовъ обширнаго пепелища; искали дѣтей, родителей, остатковъ имѣнія; не находили, и выли какъ дикіе звѣри. „Счастливъ“ — говоритъ Лѣтописецъ — „кто, умиляясь ду„шею, могъ плакать и смотрѣть на небо!“ Утѣшителей не было: Царь съ Вельможами удалился въ село Воробьево, какъ бы для того, чтобы не слыхать и не видать народнаго отчаянія. Онъ велѣлъ немедленно возобновить Кремлевскій дворецъ; богатые также спѣшили строиться; о бѣдныхъ не думали. Симъ воспользовались непріятели Глинскихъ: Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Ѳеодоръ, Князь Скопинъ-Шуйскій, Бояринъ Иванъ Петровичь Ѳеодоровъ, Князь Юрій Темкинъ, Нагой и Григорій Юрьевичь Захарьинъ, дядя Царицы: они составили заговоръ; а народъ, несчастіемъ расположенный къ изступленію злобы и къ мятежу, охотно сдѣлался ихъ орудіемъ.

Бунтъ Черни.

Въ слѣдующій день Государь поѣхалъ съ Боярами навѣстить Митрополита въ Новоспасской Обители. Тамъ Духовникъ его, Скопинъ-Шуйскій и знатные ихъ единомышленники объявили Іоанну, что Москва сгорѣла отъ волшебства нѣкоторыхъ злодѣевъ. Государь удивился, и велѣлъ изслѣдовать сіе дѣло Боярамъ, которые, чрезъ два дни пріѣхавъ въ Кремль, собрали гражданъ на площади и спрашивали, кто жегъ столицу? Въ нѣсколько голосовъ отвѣчали имъ: „Глин„скіе! Глинскіе! Мать ихъ, Княгиня Анна, вынимала сердца „изъ мертвыхъ, клала въ воду и кропила ею всѣ улицы, „ѣздя въ Москвѣ. Вотъ, отъ чего мы сгорѣли!“ Сію басню выдумали и разгласили заговорщики. Умные люди не вѣрили ей, однакожь молчали: ибо Глинскіе заслужили общую ненависть. Многіе поджигали народъ, и самые Бояре. Княгиня Анна, бабка Государева, съ сыномъ Михаиломъ находилась тогда во Ржевскомъ своемъ помѣстьѣ. Другой сынъ ея, Князь Юрій, стоялъ на Кремлевской площади въ кругу Бояръ: изумленный нелѣпымъ обвиненіемъ, и видя ярость черни, онъ искалъ безопасности въ церкви Успенія, куда вломился за нимъ и народъ. Совершилось дотолѣ неслыханное въ Москвѣ

злодѣйство: мятежники въ святомъ храмѣ убили роднаго дядю Государева ([174]), извлекли его тѣло изъ Кремля и положили на лобномъ мѣстѣ; разграбили имѣніе Глинскихъ, умертвили множество ихъ слугъ и Дѣтей Боярскихъ ([175]). Никто не унималъ беззаконія: Правительства какъ бы не было....

Чудное исправленіе Іоанна Сильвестръ и Адашевъ.

Въ сіе ужасное время, когда юный Царь трепеталъ въ Воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, явился тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ Іерей, родомъ изъ Новагорода ([176]); приближился къ Іоанну съ подъятымъ, угрожающимъ перстомъ, съ видомъ Пророка, и гласомъ убѣдительнымъ возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ главою Царя легкомысленнаго и злострастнаго; что огнь Небесный испепелилъ Москву; что сила Вышняя волнуетъ народъ и лѣтъ фіалъ гнѣва въ сердца людей. Раскрывъ Святое Писаніе, сей мужъ указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сонму Царей земныхъ; заклиналъ его быть ревностнымъ исполнителемъ сихъ уставовъ; представилъ ему даже какія-то страшныя видѣнія ([177]), потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ; обливаясь слезами раскаянія, простеръ десницу къ наставнику вдохновенному; требовалъ отъ него силы быть добродѣтельнымъ — и пріялъ оную ([178]). Смиренный Іерей, не требуя ни высокаго имени, ни чести, ни богатства, сталъ у трона, чтобы утверждать, ободрять юнаго Вѣнценосца на пути исправленія, заключивъ тѣсный союзъ съ однимъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ Адашевымъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, коего описываютъ земнымъ Ангеломъ ([179]): имѣя нѣжную, чистую душу, нравы благіе, разумъ пріятный, основательный и безкорыстную любовь къ добру, онъ искалъ Іоанновой милости не для своихъ личныхъ выгодъ, а для пользы отечества, и Царь нашелъ въ немъ рѣдкое сокровище, друга, необходимо нужнаго Самодержцу, чтобы лучше знать людей, состояніе Государства, истинныя потребности онаго: ибо Самодержецъ съ высоты престола видитъ лица и вещи въ обманчивомъ свѣтѣ отдаленія; а другъ его какъ поддан-

ный стоитъ на ряду со всѣми, смотритъ прямѣе въ сердца и вблизи на предметы. Сильвестръ возбудилъ въ Царѣ желаніе блага: Адашевъ облегчилъ Царю способы благотворенія. — Такъ повѣствуетъ умный современникъ, Князь Андрей Курбскій, бывшій тогда уже знатнымъ сановникомъ Двора. По крайней мѣрѣ здѣсь начинается эпоха Іоанновой славы, новая, ревностная дѣятельность въ Правленіи, ознаменованная счастливыми для Государства успѣхами и великими намѣреніями.

Во-первыхъ, обуздали мятежную чернь, которая, на третій день по убіеніи Глинскаго, явилась шумною толпою въ Воробьевѣ, окружила дворецъ и кричала, чтобы Государь выдалъ ей свою бабку, Княгиню Анну, и сына ея Михайла ([180]). Іоаннъ велѣлъ стрѣлять въ бунтовщиковъ: толпу разсѣяли; схватили и казнили нѣкоторыхъ; многіе ушли; другіе падали на колѣна и винились. Порядокъ возстановился. Тогда Государь изъявилъ попечительность отца о бѣдныхъ: взяли мѣры, чтобы никто изъ нихъ не остался безъ крова и хлѣба.

Во вторыхъ, истинные виновники бунта, подстрекатели черни, Князь Скопинъ-Шуйскій съ клевретами обманулись, если имѣли надежду, свергнувъ Глинскихъ, овладѣть Царемъ. Хотя Іоаннъ пощадилъ ихъ, изъ уваженія ли къ своему Духовнику и къ дядѣ Царицы, или за недостаткомъ ясныхъ уликъ, или предавъ одному суду Божію такое дѣло, которое, не смотря на беззаконіе способовъ, удовлетворяло общей, справедливой ненависти къ Глинскимъ: но мятежное господство Бояръ рушилось совершенно, уступивъ мѣсто единовластію Царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественнымъ дѣйствіемъ Вѣры утвердить благословенную перемѣну въ Правленіи и въ своемъ сердцѣ, Государь на нѣсколько дней уединился для поста и молитвы: созвалъ Святителей, умиленно каялся въ грѣхахъ, и разрѣшенный, успокоенный ими въ совѣсти, причастился Святыхъ Таинъ ([181]). Юное, пылкое сердце его хотѣло открыть себя предъ лицемъ Россіи: онъ велѣлъ, чтобы изъ всѣхъ городовъ прислали въ Москву людей избранныхъ, всякаго чина или состоянія, для важнаго

Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Г. 1547-1550.

дѣла государственнаго. Они собрались — и въ день Воскресный, послѣ Обѣдни, Царь вышелъ изъ Кремля съ Духовенствомъ, съ Крестами, съ Боярами, съ дружиною воинскою, на лобное мѣсто, гдѣ народъ стоялъ въ глубокомъ молчаніи. Отслужили молебенъ. Іоаннъ обратился къ Митрополиту и сказалъ ([182]): „Святый Владыко! знаю усердіе твое ко благу „и любовь къ отечеству: будь же мнѣ поборникомъ въ моихъ „намѣреніяхъ. Рано Богъ лишилъ меня отца и матери; а „Вельможи не радѣли о мнѣ: хотѣли быть самовластными; „моимъ именемъ похитили саны и чести, богатѣли неправдою, „тѣснили народъ — и никто не претилъ имъ. Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я казался глухимъ и нѣмымъ: не внималъ „стенанію бѣдныхъ, и не было обличенія въ устахъ моихъ! „Вы, вы дѣлали, что хотѣли, злые крамольники, судіи не„праведные! Какой отвѣтъ дадите намъ нынѣ? Сколько слезъ, сколько крови отъ васъ пролилося? Я чистъ отъ сея крови! „А вы ждите суда Небеснаго!“.... Тутъ Государь поклонился на всѣ стороны, и продолжалъ: „Люди Божіи и намъ Богомъ „дарованные? молю вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ: „будьте великодушны! Не льзя исправить *минувшаго* зла: „могу только *впредь* спасать васъ отъ подобныхъ притѣсненій „и грабительствъ. Забудьте, чего уже нѣтъ и не будетъ! „Оставьте ненависть, вражду; соединимся всѣ любовію Хри„стіанскою. Отнынѣ я судія вашъ и защитникъ.“ Въ сей великій день, когда Россія въ лицѣ своихъ повѣренныхъ присутствовала на лобномъ мѣстѣ, съ благоговѣніемъ внимая искренному обѣту юнаго Вѣнценосца жить для ея счастія, Іоаннъ въ восторгѣ великодушія объявилъ искреннее прощеніе виновнымъ Боярамъ; хотѣлъ, чтобы Митрополитъ и Святители также ихъ простили именемъ Судіи Небеснаго; хотѣлъ, чтобы всѣ Россіяне братски обнялися между собою; чтобы всѣ жалобы и тяжбы прекратились миромъ до назначеннаго имъ срока ([183]). — Въ тотъ же день онъ поручилъ Адашеву принимать челобитныя отъ бѣдныхъ, сиротъ, обиженныхъ, и сказалъ ему торжественно: „Алексій! ты не знатенъ и не богатъ, „но добродѣтеленъ. Ставлю тебя на мѣсто высокое, не по

„твоему желанію, но въ помощь душѣ моей, которая стре-
„мится къ такимъ людямъ, да утолите ея скорбь о несчас-
„тныхъ, коихъ судьба мнѣ ввѣрена Богомъ! Не бойся ни
„сильныхъ, ни славныхъ, когда они, похитивъ честь, беззакон-
„ствуютъ. Да не обманутъ тебя и ложныя слезы бѣднаго,
„когда онъ въ зависти клевещетъ на богатаго! Все рачительно
„испытывай, и доноси мнѣ истину, страшася единственно суда
„Божія„ ([184]). Народъ плакалъ отъ умиленія вмѣстѣ съ юнымъ
своимъ Царемъ.

Царь говорилъ и дѣйствовалъ, опираясь на-чету избран-
ныхъ, Сильвестра и Адашева, которые приняли въ священ-
ный союзъ свой не только благоразумнаго Митрополита, но и
Перемѣна Двора и властей. всѣхъ мужей добродѣтельныхъ, опытныхъ, въ маститой
старости еще усердныхъ къ отечеству ([185]) и прежде отгоня-
емыхъ отъ трона, гдѣ вѣтреная юность не терпѣла ихъ угрю-
маго вида. Ласкатели и шуты онѣмѣли при Дворѣ; въ Думѣ
заграждались уста навѣтникамъ и кознодѣямъ, а правда могла
быть откровенною. Не смотря на довѣренность, которую Іо-
аннъ имѣлъ къ Совѣту, онъ самъ входилъ и въ государ-
ственныя и въ важнѣйшія судныя дѣла, чтобы исполнить
обѣтъ, данный имъ Богу и Россіи. Вездѣ народъ благословилъ
усердіе Правительства къ добру общему; вездѣ смѣняли недо-
стойныхъ властителей: наказывали презрѣніемъ или темницею([186]),
но безъ излишней строгости; хотѣли ознаменовать счастливую
государственную перемѣну не жестокою казнію худыхъ ста-
рыхъ чиновниковъ, а лучшимъ избраніемъ новыхъ, какъ бы
объявляя тѣмъ народу, что злоупотребленія частной власти
бываютъ обыкновеннымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ усыпленія
или разврата въ главномъ Начальствѣ: гдѣ оно терпитъ гра-
бежъ, тамъ грабители почти невинны, пользуясь дозволяемымъ.
Только въ однихъ Самодержавныхъ Государствахъ видимъ
сіи легкіе, быстрые переходы отъ зла къ добру: ибо все за-
виситъ отъ воли Самодержца, который, подобно искусному
Механику, движеніемъ перста даетъ ходъ громадамъ, вращаетъ
махину неизмѣримую, и влечетъ ею милліоны ко благу или
бѣдствію.

Вообще мудрая умѣренность, человѣколюбіе, духъ кротости и мира сдѣлались правиломъ для Царской власти. Весьма не многіе изъ прежнихъ Царедворцевъ — и самые злѣйшіе — были удалены; другихъ обуздали или исправили, какъ пишутъ ([187]). Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Ѳеодоръ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ бывшаго мятежа, терзаемый совѣстію, заключился въ монастырѣ ([188]). Въ Думу поступили новые Бояре: дядя Царицы, Захарьинъ, Хабаровъ (вѣрный другъ несчастнаго Ивана Бѣльскаго), Князья Куракинъ Булгаковъ, Данило Пронскій и Дмитрій Палецкій, коего дочь, Княжна Іуліанія, удостоилась тогда чести быть супругою шестнадцати-лѣтняго брата Государева, Князя Юрія Василіевича ([189]). Отнявъ у ненавистнаго Михайла Глинскаго знатный санъ Конюшаго ([190]), оставили ему Боярство, помѣстья и свободу жить, гдѣ хочетъ; но сей Вельможа, устрашенный судьбою брата, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ, бѣжалъ въ Литву. За ними гнался Князь Петръ Шуйскій: видя, что имъ не льзя уйти, они возвратились въ Москву, и взятые подъ стражу, клялися, что ѣхали не въ Литву, а на богомолье въ Оковецъ. Несчастныхъ уличили во лжи, но милостиво простили, извинивъ бѣгство ихъ страхомъ ([191]). — Въ самомъ семействѣ Государскомъ, гдѣ прежде обитали холодность, недовѣріе, зависть, вражда ([192]), Россія увидѣла миръ и тишину искренней любви. Узнавъ счастіе добродѣтели, Іоаннъ еще болѣе узналъ цѣну супруги добродѣтельной: утверждаемой прелестною Анастасіею во всѣхъ благихъ мысляхъ и чувствахъ, онъ былъ и добрымъ Царемъ и добрымъ родственникомъ: женивъ Князя Юрія Василіевича, избралъ супругу и для Князя Владиміра Андреевича, дѣвицу Евдокію, изъ рода Нагихъ ([193]); жилъ съ первымъ въ одномъ дворцѣ; ласкалъ, чтилъ обоихъ; присоединяя имена ихъ къ своему въ государственныхъ указахъ, писалъ: „Мы уложили съ бра„тьями и съ Боярами“ ([194]).

Кротость правленія.

Желая уподобиться во всемъ Великому Іоанну III — желая, по его собственному слову, быть *Царемъ правды* ([195]) — онъ не только острилъ мечь на враговъ иноплеменныхъ, но,

Судебникъ.

въ цвѣтущей юности лѣтъ, занялся и тѣмъ важнымъ дѣломъ государственнымъ, для коего въ самыя просвѣщенныя времена требуется необыкновенныхъ усилій разума, и коимъ немногіе Вѣнценосцы пріобрѣли истинную, безсмертную славу: *законодательствомъ*. Окруженный сонмомъ Бояръ и другихъ мужей свѣдущихъ въ искусствѣ гражданскомъ, Царь предложилъ имъ разсмотрѣть, дополнить Уложеніе Іоанна III согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями Россіи въ ея гражданской и государственной дѣятельности. Вышелъ *Судебникъ* (въ 1550 году) или *вторая Русская Правда*, вторая полная система нашихъ древнихъ законовъ, достойная подробнаго изложенія въ статьѣ особенной, гдѣ будемъ говорить вообще о тогдашнемъ состояніи Россіи. Здѣсь скажемъ единственно, что Іоаннъ и добрые его совѣтники искали въ трудѣ своемъ не блеска, не суетной славы, а вѣрной, явной пользы, съ ревностною любовію къ справедливости, къ благоустройству; не дѣйствовали воображеніемъ, умомъ не обгоняли настоящаго порядка вещей, не терялись мыслями въ возможностяхъ будущаго, но смотрѣли вокругъ себя, исправляли злоупотребленія, не измѣняя главной, древней основы законодательства; все оставили, какъ было и чѣмъ народъ остался довольнымъ: устраняли только причину извѣстныхъ жалобъ; хотѣли лучшаго, не думая о совершенствѣ—и безъ учености, безъ Ѳеоріи, не зная ничего, кромѣ Россіи, но зная хорошо Россію, написали книгу, которая будетъ всегда любопытною, доколѣ стоитъ наше отечество: ибо она есть вѣрное зерцало нравовъ и понятій вѣка. — Въ прибавленіяхъ къ Судебнику находится и важный по тогдашнему времени указъ о *мѣстничествѣ*: Государь еще не могъ совершенно искоренить сего великаго зла, а хотѣлъ единственно умѣрить оное, запретивъ Дѣтямъ Боярскимъ и Княжатамъ считаться родомъ съ Воеводами; уставилъ также, что Воевода Большаго Полку долженъ быть всѣхъ знатнѣе; что начальники Передоваго и Сторожеваго Полку ему одному уступаютъ въ старѣйшинствѣ и не считаются съ Воеводами Правой и Лѣвой Руки; что Государю принадлежитъ судить о родахъ и достоинствахъ; что кто съ кѣмъ посланъ, тому тотъ и повинуется ([196]).

Обузданіе мѣстничества.

Одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ *Собору слугъ Божіихъ*, и въ 1551 году, 23 Февраля, дворецъ Кремлевскій наполнился знаменитѣйшими мужами Русскаго Царства, духовными и мірскими. Митрополитъ, девять Святителей, всѣ Архимандриты, Игумены, Бояре, сановники первостепенные сидѣли въ молчаніи ([197]), устремивъ взоръ на Царя-юношу, который съ силою ума и краснорѣчія говорилъ имъ о возвышеніи и паденіи Царства отъ мудрости или буйства властей, отъ благихъ или злыхъ обычаевъ народныхъ; описалъ все претерпѣнное *вдовствующею* Россіею во дни его сиротства и юности, сперва невинной, а послѣ развратной; упомянулъ о слезной кончинѣ дядей своихъ, о безпорядкахъ Вельможъ, коихъ худые примѣры испортили въ немъ сердце ([198]);но повторилъ, что все минувшее предано имъ забвенію. Тутъ Іоаннъ изобразилъ бѣдствіе Москвы, обращенной въ пепелъ, и мятежъ народа. „Тогда“ — сказалъ онъ — „ужаснулась душа моя и кости „во мнѣ затрепетали; духъ мой смирился, сердце умилилось. Те„перь ненавижу зло и люблю добродѣтель. Отъ васъ требую ре„вностнаго наставленія, Пастыри Христіанъ, учители Царей и „Вельможъ, достойные Святители Церкви! Не щадите меня въ „преступленіяхъ; смѣло упрекайте мою слабость; гремите Словомъ „Божіимъ, да жива будетъ душа моя“ ([199])! Далѣе, изъяснивъ свое благодѣтельное намѣреніе устроить счастіе Россіи всѣми данными ему отъ Бога способами, и доказавъ необходимость исправленія законовъ для внутренняго порядка, Царь предложилъ Святителямъ Судебникъ на разсмотрѣніе, и Грамоты Уставныя, по коимъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ надлежало избрать Старостъ и Цѣловальниковъ или Присяжныхъ, чтобы они судили дѣла вмѣстѣ съ Намѣстниками или съ ихъ Тіунами, какъ дотолѣ было въ одномъ Новѣгородѣ и Псковѣ ([200]); а Сотскіе и Пятидесятники, также избираемые общею довѣренностію, долженствовали заниматься земскою исправою, дабы чиновники Царскіе не могли дѣйствовать самовластно и народъ не былъ безгласнымъ ([201]).— Соборъ утвердилъ всѣ новыя, мудрыя постановленія Іоанновы.

Сто-главъ.

Г. 1547 1551.

Уставныя грамоты. Избраніе Присяжныхъ.

Но симъ не кончилось его дѣйствіе: Государь, устроивъ Державу, предложилъ Святителямъ устроить Церковь: испра-

Учрежденія церковныя.

вить не только обряды ея, книги, искажаемыя писцами-невѣждами, но и самые нравы Духовенства въ примѣръ мірянамъ; ученіемъ образовать достойныхъ служителей Олтаря; уставить правила благочинія, которое должно быть соблюдаемо въ храмахъ Божіихъ; искоренить соблазнъ въ монастыряхъ, очистить Христіанство Россійское отъ всѣхъ остатковъ древняго язычества, и проч. Самъ Іоаннъ именно означилъ всѣ болѣе или менѣе важные предметы для вниманія Отцевъ Собора, который назвали *Стоглавнымъ* по числу законныхъ статей, имъ изданныхъ ([202]). Однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣйствій онаго было заведеніе училищъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, чтобы Іереи и Діаконы, извѣстные умомъ и добрыми свойствами, наставляли тамъ дѣтей въ грамотѣ и страхѣ Божіемъ: учрежденіе тѣмъ нужнѣйшее, что многіе Священники въ Россіи едва умѣли тогда разбирать буквы, вытверживая наизусть службу церковную ([203]). Желая укоренить въ сердцахъ истинную Вѣру, Отцы Собора взяли мѣры для обузданія суевѣрія и пустосвятства: запретили тщеславнымъ строить безъ всякой нужды новыя церкви, а бродягамъ-тунеядцамъ келліи въ лѣсахъ и въ пустыняхъ; запретили также, исполняя волю Государя, Епископамъ и монастырямъ покупать отчины безъ вѣдома и согласія Царскаго ([204]): ибо Государь благоразумно предвидѣлъ, что они могли бы сею куплею присвоить себѣ наконецъ большую часть недвижимыхъ имѣній въ Россіи, ко вреду общества и собственной ихъ нравственности. Однимъ словомъ, сей достопамятный Соборъ, по важности его предмета, знаменитѣе всѣхъ иныхъ, бывшихъ въ Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ.

Намѣреніе просвѣтить Россію.

Къ симъ, можно сказать, великимъ намѣреніямъ Іоанна принадлежитъ и замыслъ его обогатить Россію плодами Искусствъ чужеземныхъ. Саксонецъ Шлиттъ въ 1547 году былъ въ Москвѣ, выучился языку нашему, имѣлъ доступъ къ Царю и говорилъ съ нимъ объ успѣхахъ художествъ, Наукъ въ Германіи, неизвѣстныхъ Россіянамъ. Іоаннъ слушалъ, распрашивалъ его съ любопытствомъ, и предложилъ ему ѣхать отъ насъ Посланникомъ въ Нѣмецкую землю,

чтобы вывезти оттуда въ Москву не только ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, Аптекарей, Типографщиковъ, но и людей искусныхъ въ древнихъ и въ новыхъ языкахъ—даже Ѳеологовъ ([205])! Шлиттъ охотно взялся услужить тѣмъ Государю и Россіи; нашелъ Императора, Карла V, въ Аугсбургѣ, на Сеймѣ, и вручилъ ему Іоанновы письма о своемъ дѣлѣ. Императоръ хотѣлъ знать мнѣніе Сейма: долго разсуждали, и согласились исполнить желаніе Царя, но съ условіемъ, чтобы Шлиттъ именемъ Іоанновымъ обязался клятвенно не выпускать Ученыхъ и художниковъ изъ Россіи въ Турцію, и вообще не употреблять ихъ способностей ко вреду Нѣмецкой Имперіи. Карлъ V далъ нашему Посланнику грамоту, съ дозволеніемъ искать въ Германіи людей годныхъ для службы Царя; а Шлиттъ набралъ болѣе ста-двадцати человѣкъ ([206]), и готовился плыть съ ними изъ Любека въ Ливонію. Но все разрушилось отъ низкой, завистливой Политики Ганзы и Ливонскаго Ордена. Они боялись нашего просвѣщенія; думали, что Россія сдѣлается отъ того еще сильнѣе, опаснѣе для сосѣдственныхъ Державъ; и своими коварными представленіями заставили Императора думать такъ же: въ слѣдствіе чего Сенаторы Любекскіе беззаконно посадили Шлитта въ темницу; многочисленные сопутники его разсѣялись, и долго Іоаннъ не зналъ о несчастной судьбѣ своего Посланника, который, бѣжавъ наконецъ изъ заключенія, уже въ 1557 году возвратился въ Москву, одинъ, безъ денегъ, съ долгами и съ разными легкомысленными предложеніями: на примѣръ, чтобы Царь помогалъ Императору людьми и деньгами въ войнѣ Турецкой, далъ ему аманатовъ (двадцать-пять Князей и Бояръ) въ залогъ вѣрности, обѣщался соединить Церковь нашу съ Латинскою, имѣлъ всегдашняго Посла при Дворѣ Карловомъ, основалъ Орденъ для Россіянъ и чужестранцевъ, нанялъ 6000 Нѣмецкихъ воиновъ, учредилъ почту отъ Москвы до Аугсбурга, и проч. ([207]). Хотя благое намѣреніе Царя не исполнилось совершенно, отъ недоброжелательства Любчанъ и Правительства Ливонскаго, послѣ имъ жестоко наказаннаго: однакожъ многіе изъ Нѣмецкихъ художниковъ, остановленныхъ

въ Любекѣ, вопреки запрещенію Императора и Магистра Ливонскаго умѣли тайно проѣхать въ Россію и были ей полезными въ важномъ дѣлѣ гражданскаго образованія ([208]).

Воинскія дѣянія.

Сіе истинно Царское дѣло совершалось подъ звукомъ оружія и побѣдъ, тогда необходимыхъ для благоденствія Россіи. Надлежало унять варваровъ, которые, пользуясь юностію Вѣнценосца и смутами Бояръ, столь долго свирѣпствовали въ нашихъ предѣлахъ, такъ, что за 200 верстъ отъ Москвы, къ Югу и Сѣверо-Востоку, земля была усѣяна пепломъ и костями Россіянъ ([209]). Не оставалось ни селенія, ни семейства цѣлаго! Чтобы начать съ ближайшаго, зловреднѣйшаго непріятеля, семнадцати-лѣтній Іоаннъ, пылая ревностію славы, хотѣлъ самъ вести рать къ Казани, и выѣхалъ изъ Москвы въ Декабрѣ мѣсяцѣ; но судьба искусила его твердость неудачею. Презирая нѣгу, онъ готовился терпѣть въ походѣ холодъ и мятели, обыкновенныя въ сіе время года: вмѣсто снѣга шелъ непрестанно дождь; обозы и пушки тонули въ грязи. 2 Февраля, когда Царь, ночевавъ въ Ельнѣ, въ 15 верстахъ отъ Нижняго, прибылъ на островъ Роботку, вся Волга покрылась водою: ледъ треснулъ; снарядъ огнестрѣльный провалился, и множество людей погибло. Три дни Государь жилъ на островѣ и тщетно ждалъ пути: наконецъ, какъ бы устрашенный худымъ предзнаменованіемъ, возвратился съ печалію въ Москву ([210]); однакожь велѣлъ Князю Димитрію Бѣльскому итти съ полками къ Казани, не для ея завоеванія, но чтобы нанести ей чувствительный ударъ. Царь Шигъ-Алей и другіе Воеводы шли изъ Мещеры къ устью Цивили и соединились тамъ съ Бѣльскимъ ([211]): Сафа-Гирей ждалъ ихъ на Арскомъ полѣ, гдѣ одинъ Князь Симеонъ Микулинскій съ передовою дружиною разбилъ его на голову и *втопталъ* въ городъ, плѣнивъ богатыря Азика и многихъ знатныхъ людей. Татары отмстили намъ разореніемъ Галицкихъ селъ; но Костромскій Воевода, Яковлевъ, истребилъ всю толпу сихъ хищниковъ на берегахъ рѣчки Еговки, на Гусевѣ полѣ, убивъ ихъ предводителя, богатыря Арака ([212]).

Походъ на Казань.

Не довольный сими легкими дѣйствіями нашей силы, Іоаннъ готовился къ предпріятію рѣшительному: для того желалъ мира съ Литвою, гдѣ ветхій Сигизмундъ кончилъ дни свои, а юный его наслѣдникъ, Августъ, занимался болѣе любовными, нежели государственными дѣлами, и не имѣлъ въ теченіе пяти лѣтъ никакого сношенія съ Москвою. Сигизмундъ умеръ въ 1548 году. Уже срокъ перемирія исходилъ, а новый Король молчалъ, и даже не извѣстилъ Іоанна о смерти отца. Бояре наши, Князь Димитрій Бѣльскій и Морозовъ, писали о томъ къ Литовскимъ Вельможамъ и дали имъ знать, что мы ждемъ ихъ Пословъ для мирнаго дѣла. Въ Генварѣ 1549 года Воевода Витебскій, Станиславъ Кишка, и Маршалокъ Комаевскій пріѣхали въ Москву; вступили въ переговоры о вѣчномъ мирѣ; требовали, какъ обыкновенно, Новагорода, Пскова, Смоленска, городовъ Сѣверскихъ, и въ извиненіе сихъ нелѣпыхъ предложеній твердили Боярамъ: „*Посолъ какъ „мѣхъ: что въ него вложишь, то и несетъ.* Исполняемъ „данное намъ отъ Короля и Думы повелѣніе“. Бояре отвѣтствовали: „И такъ будемъ говорить единственно о перемиріи“. Заключили его на старыхъ условіяхъ. Но Паны Литовскіе не согласились внести новаго Царскаго титула въ грамоту. Съ обѣихъ сторонъ упрямились, такъ, что Послы было-уѣхали изъ Москвы ([213]): ихъ воротили — и, соблюдая перемиріе, спорили о титулѣ. Августъ признавалъ Іоанна только Великимъ Княземъ, а мы съ досады уже не называли Августа Королемъ. Были и другія неудовольствія. Государь, предлагая 2000 рублей выкупа за нашихъ знатныхъ плѣнниковъ, Князей Ѳедора Оболенскаго и Михайла Голицу, получилъ отказъ, и самъ отказалъ Королю въ его требованіи, чтобы Евреи Литовскіе могли свободно торговать въ Россіи, согласно съ прежними договорами. „Нѣтъ“, отвѣчалъ Іоаннъ: „сіи люди привозили „къ намъ отраву тѣлесную и душевную: продавали у насъ смертоносныя зелія и злословили Христа Спасителя; не хочу объ нихъ „слышать“ ([214]). — Но ни Россія, ни Литва не желала войны. Перемиріе съ Литвою.

Одинъ Ханъ Саипъ-Гирей грозилъ мечемъ Іоанну, и былъ тѣмъ надменнѣе, что ему удалось тогда завоевать Астрахань, Дѣла Крымскія.

богатую купечествомъ, но скудную войскомъ и беззащитную, не смотря на пышное имя Царства, ею носимое. Взявъ сей городъ, Ханъ разорилъ его до основанія, вывелъ многихъ жителей въ Крымъ и считалъ себя законнымъ властелиномъ единоплеменныхъ съ ними Ногаевъ ([215]). Онъ самъ писалъ о томъ къ Іоанну; сказывалъ, что Кабардинцы и горные Кайтаки платятъ ему дань; хвалился своимъ могуществомъ, и говорилъ: „Ты былъ молодъ, а нынѣ уже въ разумѣ: объяви, „чего хочешь? любви или крови? Ежели хочешь любви, то „присылай не бездѣлицы, а дары знатные, подобно Королю, „дающему намъ 15,000 золотыхъ ежегодно. Когда же угодно „тебѣ воевать, то я готовъ итти къ Москвѣ, и земля твоя „будетъ подъ ногами коней моихъ“ ([216]). Зная, что Саипъ-Гирей возметъ дары, но не отступится отъ Казани, и что война съ нею должна быть и войною съ Крымомъ, Государь уже презиралъ гнѣвъ Хана, и засадилъ его Пословъ въ темницу, свѣдавъ, что онъ беретъ къ себѣ Московскихъ купцевъ въ домашнюю услугу какъ невольниковъ, и что въ Тавридѣ обезчестили нашего гонца ([217]). Однимъ словомъ, мы чувствовали силу свою и надѣялись управиться со всѣмъ Батыевымъ потомствомъ.

Смерть Царя Казанскаго.

Въ сіе время (въ Мартѣ 1549 года) Казань лишилась Царя: Сафа-Гирей пьяный убился во дворцѣ и кончилъ жизнь внезапно, оставивъ двулѣтняго сына, именемъ Утемишъ-Гирея, коего мать, прекрасная Сююнбека, дочь Князя Ногайскаго Юсуфа, была ему любезнѣе всѣхъ иныхъ женъ ([218]): Вельможи возвели младенца Утемишъ-Гирея на престолъ, но искали лучшаго Властителя, и хотѣли, чтобы Ханъ Крымскій далъ имъ своего сына защитить ихъ отъ Россіянъ; а въ Москву прислали гонца съ письмомъ отъ юнаго Царя, требуя мира ([219]). Іоаннъ отвѣтствовалъ, что о мирѣ говорятъ только съ Послами; спѣшилъ воспользоваться мятежнымъ безначаліемъ Казани, и велѣлъ собираться полкамъ: Большому въ Суздалѣ, Передовому въ Шуѣ и въ Муромѣ, Сторожевому въ Юрьевѣ, Правому въ Костромѣ, Лѣвому въ Ярославлѣ ([220]). 24 Ноября самъ Государь выѣхалъ изъ Москвы въ Владиміръ, гдѣ Митрополитъ, благословивъ его, убѣждалъ

Походъ на Казань.

Воевода служить великодушно отечеству и Царю въ духѣ любви о братства, забыть гордость и мѣстничество, терпимое въ мирные дни, а на войнѣ преступное. Начальникомъ въ Москвѣ остался Князь Владиміръ Андреевичь. Іоаннъ взялъ съ собою меньшаго брата, Князя Юрія, Царя Шигъ-Алея и всѣхъ знатныхъ Казанскихъ бѣглецовъ. Зима была ужасная: люди падали мертвые на пути отъ несноснаго холода. Государь все терпѣлъ и всѣхъ ободрялъ, забывъ нѣгу, роскошь Двора и ласки прелестной супруги ([221]). Въ Нижнемъ Новѣгородѣ соединились полки, и 14 Февраля стали подъ Казанью: Іоаннъ съ Дворянами на берегу озера Кабана, Шигъ-Алей и Князь Димитрій Бѣльскій съ главною силою на Арскомъ полѣ, другая часть войска за рѣкою Казанкою, снарядъ огнестрѣльный на устьѣ Булака и Поганомъ озерѣ. Изготовили туры и приступили къ городу. Дотолѣ Государи наши не бывали подъ стѣнами сей мятежной столицы, посылая единственно Воевода для наказанія вѣроломныхъ ея жителей: тутъ юный, бодрый, любимый Монархъ самъ обнажилъ мечь; все видѣлъ, распоряжалъ, своимъ голосомъ и мужествомъ призывалъ воиновъ ко славѣ и побѣдѣ легкой. Царь Казани былъ въ пеленахъ, ея знатнѣйшіе Вельможи погибли въ крамолахъ или передались къ намъ, окружали Іоанна и чрезъ своихъ тайныхъ друзей склоняли единоземцевъ покориться его великодушію. 60,000 Россіянъ стремилось къ крѣпости деревянной, сокрушаемой ужаснымъ громомъ стѣнобитныхъ орудій. Но послѣдній часъ для Казани еще не насталъ; сражались цѣлый день. Россіяне убили множество людей въ городѣ, Князя Крымскаго, Челбака, и сына одной изъ женъ Сафа-Гиреевыхъ, но не могли овладѣть крѣпостію, Въ слѣдующіе дни сдѣлалась оттепель; шли сильные дожди, пушки не стрѣляли, ледъ на рѣкахъ взломало, дороги испортились, и войско, не имѣя подвозовъ, боялось голода. Надлежало уступить необходимости и съ величайшимъ трудомъ итти назадъ. Отправивъ впередъ Большой полкъ и тяжелый снарядъ, Государь самъ шелъ за ними съ легкою конницею, чтобы спасти пушки и удерживать напоръ непріятеля ([222]); изъявлялъ твердость, не унывалъ, и

г. 1550 25 Февраля.

занимаясь только одною мыслію, низложеніемъ сего зловреднаго, ненавистнаго для Россіи Царства, внимательно наблюдалъ мѣста; остановился при устьѣ Свіяги, увидѣлъ высокую гору, называемую Круглою; и взявъ съ собою Царя Шигъ-Алея, Князей Казанскихъ, Бояръ, взъѣхалъ на ея вершину... Открылся видъ неизмѣримый во всѣ стороны: къ Казани, къ Вяткѣ, къ Нижнему и къ пустынямъ нынѣшней Симбирской Губерніи. Удивленный красотою мѣста, Іоаннъ сказалъ: „Здѣсь „будетъ городъ Христіанскій; стѣснимъ Казань: Богъ вдастъ „ее намъ въ руки“. Всѣ похвалили его счастливую мысль, а Шигъ-Алей и Вельможи Татарскіе описали ему богатство, плодородіе окрестныхъ земель — и Государь, въ надеждѣ на будущіе успѣхи, возвратился въ Москву съ лицемъ веселымъ.

Избраніе мѣста для новой Крѣпости.

23 Марта.

Но всякая неудача кажется народу виною: извиняя юность Царя, упрекали главнаго Воеводу, Князя Димитрія Бѣльскаго; говорили, что имя Бѣльскихъ несчастливо въ Казанскихъ походахъ; разсказывали, что будто бы Казанцы въ своихъ набѣгахъ явно щадили помѣстья сего Боярина, изъ благодарности за его малодушіе или самую измѣну ([223]). Онъ въ тотъ же годъ умеръ, не бывъ конечно ни предателемъ, ни искуснымъ Полководцемъ, ни властолюбивымъ Вельможею: иначе Шуйскіе не дали бы ему спокойно засѣдать въ Думѣ на первомъ мѣстѣ, свергнувъ и погубивъ его брата, незабвеннаго Князя Ивана ([224]).

Ни Государь, ни войско не успѣли еще отдохнуть, когда пришла въ Москву вѣсть о замыслѣ Хана Саипъ-Гирея итти на Россію: немедленно полки двинулись къ границамъ, и самъ Іоаннъ осмотрѣлъ ихъ въ Коломнѣ, въ Рязани; но чрезъ мѣсяцъ возвратился въ Москву, ибо осень наступала, а непріятеля не было ([225]). — Зимою, вмѣсто Хана, явились другіе разбойники, Ногайскіе Мурзы, въ Мещерѣ и близъ Старой Рязани. Воеводы Іоанновы били ихъ вездѣ, гдѣ находили; гнали до воротъ Шацкихъ; взяли много плѣнниковъ, и съ ними Мурзу Теляка: холодъ истребилъ остальныхъ, и едва 50 человѣкъ спаслося ([226]). За то Государь милостиво угостилъ Воеводъ въ Кремлевской набережной палатѣ, и *жаловалъ* всѣхъ Дѣтей Боярскихъ *великимъ жалованьемъ*.

Нападеніе Ногаевъ.

Еще Казанцы надѣялись обмануть Іоанна, и писали къ г. 155
нему о мирѣ. Ходатаемъ за нихъ былъ Князь Ногайскій Юсуфъ, тесть Сафа-Гирея, Властитель знаменитый умомъ и силою, такъ, что Султанъ Турецкій писалъ къ нему ласковыя грамоты, называя его *Княземъ Князей* ([227]). Юсуфъ хотѣлъ выдать дочь свою, вдову Сююнбеку, за Шигъ-Алея, чтобы согласить волю Іоаннову съ желаніемъ народа Казанскаго; представлялъ суету міра и земнаго величія, ссылался на Алкоранъ и на Евангеліе, убѣждая Государя не проливать крови и быть ему истиннымъ другомъ; винилъ умершаго зятя въ невѣрности, кровопійствѣ; винилъ и Казанскихъ чиновниковъ въ духѣ мятежномъ, но стоялъ за дочь и за внука. Іоаннъ сказалъ, что объявитъ условія міра, если Казанцы пришлютъ въ Москву пять или шесть знатнѣйшихъ Вельможъ—и, не теряя времени, въ самомъ началѣ весны—послѣ многихъ совѣщаній съ Думными Боярами и съ Казанскими изгнанниками, послѣ торжественнаго молебствія въ церквахъ, принявъ благословеніе отъ Митрополита—отпустилъ Шигъ-Алея съ пятью стами знатныхъ Казанцевъ и съ сильнымъ войскомъ къ устью Свіяги, гдѣ надлежало имъ *во имя Іоанново* поставить городъ, для коего стѣны и церкви, срубленныя въ лѣсахъ Углицкихъ, были посланы на судахъ Волгою ([228]). Князь Юрій Михайловичь Булгаковъ и Симеонъ Ивановичь Микулинскій, Дворецкій Данило Романовичь Юрьевъ (братъ Царицы), Конюшій Иванъ Петровичь Ѳедоровъ, Бояре Морозовъ и Хабаровъ, Князья Палецкій и Нагаевъ предводительствовали Московскою ратію. Изъ Мещеры вышелъ Князь Хилковъ, изъ Нижняго Новагорода Князь Петръ Серебряный-Оболенскій, изъ Вятки Бахтеяръ Зюзинъ съ Стрѣльцами и Козаками. Отняли у непріятеля всѣ перевозы на Волгѣ и Камѣ, всѣ сообщенія. Князь Серебряный первый распустилъ знамя на Круглой горѣ, 16 Мая, при закатѣ солнца; отпѣлъ тамъ вечернюю молитву, и рано, 18 Мая, нечаянно ударилъ на посадъ Казанскій: истребивъ около тысячи сонныхъ людей, болѣе ста Князей, Мурзъ, знатныхъ гражданъ, освободилъ многихъ плѣнниковъ Россійскихъ, возвратился къ устью Свіяги и ждалъ главнаго войска ([229]). Оно прибыло на судахъ 24

Основаніе Свіяжска.

Мая, и радостными кликами привѣтствуя землю, которой надлежало быть *новою Россіею*, съ торжествомъ вышло на берегъ, гдѣ полки Князя Серебрянаго-Оболенскаго стояли въ рядахъ и показывали братьямъ свои трофеи. Густый лѣсъ осѣнялъ гору: оставивъ мечи, воины взяли сѣкиры, и въ нѣсколько часовъ ея вершина обнажилась. Назначили, размѣрили мѣсто, обошли вокругъ онаго со крестами, святили воду, основали стѣны, церковь во имя Рождества Богоматери и Св. Сергія, и въ четыре недѣли совершили городъ Свіяжескъ ([230]), къ изумленію окрестныхъ жителей, которые, видя сію грозную твердыню надъ главою ветхаго Казанскаго Царства, смиренно просили Шигъ-Алея взять ихъ подъ державу Іоаннову ([231]).

Покореніе Горной Стороны.

Вся Горная сторона, Чуваши, Мордва, Черемисы — идолопоклонники Финскаго племени, нѣкогда завоеванные Татарами, и не привязанные къ нимъ ни единствомъ Вѣры, ни единствомъ языка — послали своихъ знатныхъ людей въ Москву, дали клятву въ вѣрности къ Россіи, получили отъ Царя жалованную грамоту съ золотою печатію, были приписаны къ новому городу Свіяжскому и на три года освобождены отъ *ясаковъ* или дани. Чтобы удостовѣриться въ ихъ искренности, Іоаннъ велѣлъ имъ воевать Казань; они не смѣли ослушаться, собралися, и перевезенные въ Россійскихъ судахъ на Луговую сторону, въ присутствіи нашихъ чиновниковъ имѣли битву съ Казанцами среди поля Арскаго: хотя, разсѣянные пушечными выстрѣлами, бѣжали въ безпорядкѣ, однакожь, не доказавъ храбрости, доказали по крайней мѣрѣ свою вѣрность ([232]). Ихъ Князья, Мурзы и Сотники въ теченіе сего лѣта непрестанно ѣздили въ Москву; обѣдали во дворцѣ, и награждаемые шубами, тканями, доспѣхами, конями, деньгами, славили милость Царя и хвалились новымъ отечествомъ. Государь сыпалъ тогда серебро и золото, не жалѣя казны для исполненія великихъ намѣреній. Довольный успѣхомъ Воеводъ, онъ прислалъ къ Шигъ-Алею множество золотыхъ медалей, чтобы раздать оныя войску.

Ужасъ Казанцевъ.

Между тѣмъ ужасъ и смятеніе господствовали въ Казани, гдѣ не было ни двадцати тысячь воиновъ. Подданные измѣняли ей, Князья и Мурзы тайно уходили къ Шигъ-Алею ([233]),

а Россіяне опустошали ея ближайшія села, и никого не пускали въ городъ: отъ устья Суры до Камы и Вятки стояли наши отряды. На престолѣ Казанскомъ игралъ невинный, безсловесный младенецъ; вдовствующая Царица, Сююнбека, то плакала надъ нимъ, то веселилась съ своимъ любовникомъ, Крымскимъ Уланомъ Кощакомъ, ненавистнымъ народу; граждане укоряли Вельможъ, Вельможи другъ друга, Казанскіе чиновники желали покориться Іоанну; Крымскіе гнушались симъ малодушіемъ; ждали войска изъ Тавриды, изъ Астрахани, изъ Ногайскихъ Улусовъ — и надменный Кощакъ, гремя саблею, обѣщалъ побѣду Царицѣ: пишутъ, что онъ думалъ жениться на ней, умертвить ея сына и быть Царемъ. Но сдѣлался бунтъ ([234]): Крымцы, видя, что народъ готовъ выдать ихъ Московскимъ Воеводамъ, бѣжали, числомъ болѣе трехъ сотъ, Князей и сановниковъ. Они не могли спастися, вездѣ находили Россіянъ, и положили свои головы на берегу Вятки; а гордый Кощакъ и сорокъ-пять знатнѣйшихъ его единоземцевъ были взяты въ плѣнъ и казнены въ Москвѣ ([235]).

Тогда Казанцы, немедленно заключивъ перемиріе съ нашими Воеводами, отправили Пословъ къ Іоанну ([236]): молили, чтобы онъ снова далъ имъ Шигъ-Алея въ Цари; обязывались прислать къ нему младенца Утемишъ-Гирея, Царицу Сююнбеку, женъ и дѣтей оставленныхъ у нихъ Крымцами; хотѣли также освободить всѣхъ Россійскихъ плѣнниковъ. Іоаннъ согласился, вспомнивъ осторожную Политику своего дѣда, которая состояла въ томъ, чтобы не доводить врага до крайности, изнурять въ немъ силы, губить его безъ спѣха, но вѣрно; зависѣть отъ случая какъ можно менѣе, беречь людей какъ можно болѣе, и въ неудачахъ войны оправдываться ея необходимостію. Но дѣдъ Іоанновъ, наблюдая умѣренность, наблюдалъ и другое правило: *удерживать взятое*.Ославъ Адашева къ Воеводамъ, чтобы исполнить условія мира и объявить Шигъ-Алея Царемъ Казанскимъ, онъ велѣлъ отдать ему единственно Луговую Сторону, а Горную, завоеванную мечемъ Россіи, приписать къ Свіяжску. Сія мысль, раздѣлить владѣнія Казани, огорчила и народъ ея и самого Шигъ-Алея. „Чтожь будетъ

Мирныя условія съ нимъ.

мое Царство?“ говорилъ онъ: „могу ли требовать любви отъ „подданныхъ, уступивъ Россіи знатную часть земли ихъ?“ Воеводы отвѣтствовали, что такъ угодно Іоанну. Тщетно Казанцы думали лукавствовать, отрицались отъ условій, не хотѣли выдать ни Царицы, ни плѣнниковъ. Воеводы сказали имъ рѣшительно: „или они будутъ въ рукахъ нашихъ, или Государь „въ началѣ осени будетъ здѣсь съ огнемъ и мечемъ для истре„бленія вѣроломныхъ“. Надлежало повиноваться, и Казанцы извѣстили Шигъ Алея, что Царица съ сыномъ уже ѣдетъ въ Свіяжскъ.

Царица Сююнбека.

Не только Сююнбека, но и вся Казань проливала слезы, узнавъ, что сію несчастную какъ плѣнницу выдаютъ Государю Московскому. Не уворяя ни Вельможъ, ни гражданъ, Сююнбека жаловалась только на судьбу: въ отчаяніи лобызала гробъ Сафа-Гиреевъ и завидовала его спокойствію. Народъ печально безмолвствовалъ: Вельможи утѣшали ее и говорили, что Іоаннъ милостивъ; что многіе Цари Мусульманскіе служатъ ему; что онъ изберетъ ей достойнаго между ими супруга и дастъ владѣніе. Весь городъ шелъ за нею до рѣки Казанки, гдѣ стояла богато-украшенная ладія. Сююнбека тихо ѣхала въ колесницѣ; пѣстуны несли ея сына. Блѣдная, слабая, она едва могла сойти на пристань, и входя въ ладію, съ умиленіемъ поклонилась народу, который палъ ницъ, горько плакалъ, желалъ счастія бывшей своей Царицѣ (237). Князь Оболенскій встрѣтилъ ее на берегу Волги, привѣтствовалъ именемъ Государя и повезъ на судахъ въ Москву съ Утемишъ-Гиреемъ и съ семействами знатныхъ Крымцевъ.

Такъ исполнилось первое условіе мира: Воеводы требовали еще свободы нашихъ плѣнниковъ и присяги всѣхъ Казанцевъ въ вѣрности къ Россіи; назначили день и стали у Казани, отъ Волги до Царева луга. Алей послалъ своихъ Вельможъ въ городъ, чтобы очистить дворецъ, и ночевалъ въ шатрѣ. Въ слѣдующее утро всѣ сановники и граждане собрались на лугу: выслушали написанную для нихъ клятвенную грамоту; благодарили Іоанна за даннаго имъ Царя, но долго не хотѣли уступить Горной Стороны. „И вы думаете“ —сказали Бояре— „что „Іоаннъ подобно вамъ легкомысленъ? Взгляните на устье Свіяги;

тамъ городъ Христіанскій! Жители окрестныхъ земель торжественно „поддалися намъ и воевали Казань: могутъ ли снова при„надлежать ей? Забудьте старое: оно не возвратится“. Наконецъ *шертныя* грамоты были утверждены печатію Царскою, и подписью всѣхъ знатныхъ людей. Народъ присягалъ три дни, толпа за толпою (238). Шигъ-Алей въѣхалъ въ столицу. Бояре, Князь Юрій Булгаковъ и Хабаровъ, посадили его на тронъ — и дворъ Царскій наполнился Россійскими плѣнниками, изъ коихъ многіе лѣтъ двадцать страдали въ неволѣ. Алей объявилъ имъ свободу: они едва вѣрили своему счастію; обливались слезами, воздѣвали руки къ небу, славили Бога. „Іо„аннъ царствуетъ въ Россіи!“ говорили имъ Бояре: „идите „въ отечество, и впредь уже не бойтеся плѣна!“ Въ Свіяжскѣ надѣлили ихъ всѣмъ нужнымъ, одеждою, съѣстными припасами и послали Волгою вверхъ, числомъ 60,000, кромѣ жителей Вятскихъ и Пермскихъ, отправленныхъ инымъ путемъ. „Никогда„ — пишутъ современники — „Россія не видала пріятнѣй„шаго зрѣлища: то былъ новый исходъ Израиля!„ Освобожденіе столь многихъ людей, основаніе Свіяжска, взятіе знатной части Казанскихъ владѣній и воцареніе Алея не стоили Іоанну ни одного человѣка: Россіяне вездѣ гнали, били непріятелей въ маловажныхъ встрѣчахъ, на берегахъ Камы, Волги, и только ихъ кровію обагрялись. — Князь Булгаковъ поѣхалъ къ Государю съ счастливою вѣстію. Бояринъ Данило Романовичъ и Князь Хилковъ также возвратились. Хабаровъ съ пятью стами Московскихъ Стрѣльцовъ остался у Шигъ-Алея, а Князь Симеонъ Микулинскій, мужъ извѣстный умомъ и храбростію, въ Свіяжскѣ (239).

Новое воцареніе Шигъ-Алея. Освобожденіе плѣнниковъ.

Ещ Казань тишиною и вѣрностію къ Россіи могла бы продлить бытіе свое въ видѣ особеннаго Мусульманскаго Царства; но Рокъ стремилъ ее къ паденію. Напрасно Іоаннъ изъявлялъ милость и ласку къ ея Царю и Вельможамъ: дарилъ перваго богатыми одеждами, сосудами, деньгами — также и Царицу его, одну изъ бывшихъ женъ Сафа-Гиреевыхъ; дарилъ и всѣхъ знатныхъ Казанцевъ, предостерегалъ ихъ отъ гибельныхъ слѣдствій новой измѣны (240). Шигъ-Алей непрестанно докучалъ ему о Горной Сторонѣ, желая, чтобы онъ возвратилъ хотя

Невѣрность Казанцевъ и жестокость ихъ Царя.

половину или часть ея, и недовольный рѣшительными отказами, равнодушно видѣлъ, что Казанцы укрываютъ еще многихъ плѣнниковъ Россійскихъ, сажаютъ въ ямы, заключаютъ въ цѣпи; не хотѣлъ никого наказывать за то, и говорилъ нашимъ сановникамъ: „боюсь мятежа!“ Но свѣдавъ, что нѣкоторые Вельможи, по старому обычаю, втайнѣ крамольствуютъ, пересылаются съ Ногаями, замышляютъ убить его и всѣхъ Россіянъ, Алей не усомнился прибѣгнуть къ жестокимъ мѣрамъ: далъ пиръ во дворцѣ и велѣлъ рѣзать гостей, уличенныхъ или только подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ: однихъ умертвили въ его столовой комнатѣ, другихъ на дворѣ Царскомъ, всего семдесятъ человѣкъ, самыхъ знатнѣйшихъ; палачами служили собственные Алеевы Князья и Стрѣльцы Московскіе. Два дни лилася кровь: народъ оцѣпенѣлъ; виновные и невинные разбѣжались отъ страха ([241]).

Переговоры съ Алесмъ.

Сіе ужасное происшествіе открыло Іоанну необходимость искать иныхъ способовъ для усмиренія Казани. Онъ послалъ туда Адашева, который объявилъ Алею, что Государь не можетъ долѣе терпѣть злодѣйствъ Казанскихъ; что время успокоить сіе несчастное Царство и Россію; что Московскіе полки вступятъ въ его столицу, защитятъ Царя и народъ, утвердятъ ихъ и нашу безопасность. „Вижу самъ“ — что мнѣ не льзя здѣсь царствовать: „Князья и народъ ненавидятъ меня; но кто виною? Пусть Іо„аннъ отдастъ намъ Горную Сторону: тогда поручусь за вѣр„ность Казани; иначе добровольно схожу со трона и ѣду къ Го„сударю, не имѣя другаго убѣжища въ свѣтѣ. Но я Мусульма„нинъ, и не введу сюда Христіанъ; впрочемъ могу оказать вамъ „услугу, если Государь удостовѣритъ меня въ своей милости: до „отъѣзда моего изъ Казани погублю остальныхъ злыхъ Вель„можъ, испорчу весь снарядъ огнестрѣльный и приготовлю легкую для васъ побѣду“ ([242]). Съ симъ отвѣтомъ Адашевъ возвратился въ Москву, гдѣ находились Послы Казанскіе, Муралей Князь, Костровъ, Алимердинъ, личные непріятели Шигъ-Алея. Угадывая мысль Государеву, они — или съ общаго согласія единоземцевъ своихъ, или сами собою — донесли Іоанну, что ихъ Царь есть кровожадный убійца и наглый грабитель; что Казань желаетъ единственно избавиться отъ тирана и готова *повиноваться*

г. 1552.

Намѣстнику Московскому. „Если не исполнишь воли народа“ — сказали Послы — „то откроется бунтъ, неминуемо „и скоро. Удали бѣдствіе; удали ненавистнаго злодѣя. Пусть „Россіяне займутъ нашу столицу: мы выѣдемъ въ предмѣстія „или въ села; хотимъ во всемъ зависѣть отъ воли твоей; „будемъ тебѣ усердными слугами; а если обманемъ, то наши „головы да падутъ въ Москвѣ!“ Не теряя времени, Іоаннъ снова послалъ Адашева въ Казань, чтобы *свести Царя съ престола въ угодность народу;* обѣщалъ Алею милость и жалованье, требуя, чтобы онъ безъ сопротивленія впустилъ наше войско въ городъ. Тутъ Алей вторично изъявилъ благородную твердость. „Не жалѣю о престолѣ“, говорилъ онъ Адашеву: „я не могъ или не умѣлъ быть на немъ счастливъ. Самая жизнь моя здѣсь въ опасности. Повинуюсь Государю: да не требуетъ только, чтобы я измѣнилъ Правовѣрію. Возьмите Казань, но безъ меня; возьмите силою или „договоромъ, но не изъ рукъ моихъ“. Ни ласкою, ни угрозами Адашевъ не могъ склонить его къ тому, чтобы онъ сдалъ Царство Намѣстнику Государеву. Тайно заколотивъ нѣсколько пушекъ, и пищали съ порохомъ отправивъ въ Свіяжскъ ([243]), Алей выѣхалъ ловить рыбу на озеро со многими Уланами и Князьями; велѣлъ Московскимъ Стрѣльцамъ окружить ихъ и сказалъ симъ изумленнымъ чиновникамъ: „Вы думали „убить меня, обносили въ Москвѣ, не хотѣли имѣть Царемъ, и требовали Намѣстниковъ отъ Іоанна: станемъ же вмѣстѣ предъ его судилищемъ!“ Алей пріѣхалъ съ ними съ Свіяжскъ. Царь оставляетъ Казань.

Тогда Князь Симеонъ Микулинскій, назначенный управлять Казанью, далъ знать ея жителямъ, что воля ихъ исполнилась; что Алей сведенъ съ Царства, и что они должны присягнуть Государю Московскому. Казанцы соглашались: желали только, чтобы Микулинскій отпустилъ къ нимъ двухъ Свіяжскихъ Князей, Чапкуна и Бурнаша, которые, будучи уже подданными Россіи, могли бы успокоить народъ своимъ ручательствомъ въ Іоанновой милости ([244]). Сіи Князья поѣхали туда съ нашими чиновниками. Тишина царствовала въ Казани. Вельможи, граждане и самые сельскіе жители дали клятву

въ вѣрности; очистили дворы для Намѣстника и войска; прислали въ Свіяжскъ жену Шигъ-Алееву; звали Князя Микулинскаго: встрѣтили его на берегу Волги и били ему челомъ какъ усердные *холопи* Государевы. Онъ шелъ съ полками. Воеводы уже отправили легкій обозъ въ Казань и готовились съ торжествомъ вступить въ ея стѣны. Безъ важныхъ усилій, безъ кровопролитія Іоаннъ пріобрѣталъ знаменитое Царство: брался, такъ сказать, рукою за вѣнецъ онаго... Вдругъ все перемѣнилось.

Послѣдняя измѣна Казанцевъ.

Трое изъ Вельможъ Казанскихъ ([245]), отпущенные Княземъ Микулинскимъ въ городъ къ ихъ семействамъ, возмутили народъ ложною вѣстію, что Россіяне идутъ къ нимъ съ намѣреніемъ истребить всѣхъ жителей. Распространился ужасъ, сдѣлалось общее смятеніе; затворили крѣпость; начали вооружаться. Многіе Князья старались разувѣрить народъ, представляя, что Бояре Іоанновы торжественно клялися не трогать ни одного человѣка, ни въ городѣ, ни въ селахъ: обѣщались властвовать по законамъ, безъ насилія; оставить все, какъ было. Ихъ не слушали и кричали, что клятва Бояръ есть обманъ; что самъ Алей за тайну сказывалъ то своимъ ближнимъ людямъ. Узнавъ о семъ волненіи, Князь Микулинскій, Оболенскій, Адашевъ оставили войско на Булакѣ и съ малочисленною дружиною подъѣхали къ городу ([246]): *ворота Царскія* были заперты, а стѣны покрыты людьми вооруженными. Вышли нѣкоторые чиновники, извиняли народъ, обѣщались усмирить его, но не сдержали слова: граждане никакъ не хотѣли впустить Россіянъ, захватили нашъ обозъ, многихъ Дѣтей Боярскихъ, и приказывали грубыя рѣчи къ Московскимъ Воеводамъ, которые узнали, что Князь Чапкунъ, посланный ими въ лицѣ усерднаго слуги Государева изъ Свіяжска въ Казань для успокоенія жителей, обманулъ насъ и сдѣлался тамъ Главою мятежниковъ. Воеводы ночевали въ предмѣстіи: видя, что всѣ убѣжденія безплодны, они могли бы обратить его въ пепелъ и осадить городъ, но ждали Государева указа; мирно отступили къ Свіяжску, заключили всѣхъ бывшихъ съ ними Казанскихъ сановниковъ въ темницу, и немедленно отправили въ Москву Боярина Шереметева съ донесеніемъ о сей новой измѣнѣ. Она была послѣднею.

ГЛАВА IV.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Г. 1552.

Приготовленія къ походу Казанскому. Отношенія Россіи къ Западнымъ Державамъ. Освобожденіе старца, К. Булгакова. Строеніе новыхъ крѣпостей. Начало Донскихъ Козаковъ. Новый Ханъ въ Тавридѣ. Дѣла Астраханскія. Болѣзнь въ Свіяжскѣ. Едигеръ Царь въ Казани. Посланіе Митрополита къ Свіяжскому войску. Совѣтъ о Казани. Выѣздъ Государевъ. Нашествіе Хана Крымскаго. Приступъ къ Тулѣ. Бѣгство Хана. Наши трофеи. Ропотъ въ войскѣ. Походъ. Осада. Первая битва. Буря. Ставятъ туры. Сильная вылазка. Дѣйствіе бойницъ. Наѣздникъ Князь Япанча. Утомленіе воиновъ. Раздѣленіе полковъ. Истребленіе Япанчина войска. Ожесточеніе Казанцевъ. Взорваніе тайника. Уныніе Казанцевъ. Дѣятельность Іоаннова. Взятіе острога и города Арскаго. Нападенія Луговой Черемисы. Мнимыя чародѣйства. Построеніе высокой башни. Предложенія Казанцамъ. Кровопролитное дѣло. Взорваніе тарасъ. Занятіе Арской башни. Послѣднее предложеніе Казанцамъ. Устроеніе войска для приступа. Взорваніе подкоповъ и приступъ. Геройство съ обѣихъ сторонъ. Корыстолюбіе многихъ воиновъ. Великодушіе Іоанна и Бояръ. Доблесть К. Курбскаго. Взятіе Казани. Водруженіе креста у воротъ Царскихъ. Въѣздъ Государевъ въ Казань. Освобожденіе Россійскихъ плѣнниковъ. Рѣчь Іоанна къ войску. Пиръ въ станѣ. Подданство Арской области и Луговой Черемисы. Торжественное вступленіе въ Казань. Зрѣлище Казани. Учрежденіе Правительства. Совѣтъ Вельможъ. Возвратный путь Государя въ Москву. Рожденіе Царевича. Встрѣча Іоанну. Рѣчь Государева къ Духовенству. Отвѣтъ Митрополитовъ. Пиръ во дворцѣ и дары Іоанновы.

Г. 1552 Приготовленія къ походу Казанскому

24 Марта узналъ Государь о происшествіяхъ Казанскихъ: велѣлъ Шигъ-Алею ѣхать въ Касимовъ, а шурину своему, Данилу Романовичу, итти съ пѣхотною дружиною въ Свіяжскъ, объявивъ въ торжественномъ засѣданіи Думы, что настало время сразить главу Казани. „Богъ видитъ мое сердце,“ говорилъ онъ: „хочу не земной славы, а покоя Христіанъ. „Могу „ли нѣкогда безъ робости сказать Всевышнему: *се я и люди, „Тобою мнѣ данные*, если не спасу ихъ отъ свирѣпости

„вѣчныхъ враговъ Россіи, съ коими не можетъ быть ни мира, „ни отдохновенія?“ Бояре хвалили рѣшительность Іоаннову, но совѣтовали ему остаться въ Москвѣ и послать Воеводъ на Казань: ибо Россія имѣетъ не одного врага: „если Крымцы, „Ногаи въ отсутствіе Государя нападутъ на ея предѣлы, „кто защититъ оные?“ Іоаннъ отвѣтствовалъ, что возьметъ мѣры для безопасности Государства и *пойдетъ на свое дѣло*. Велѣлъ собираться войску, изъ дальнихъ мѣстъ въ Коломнѣ и Коширѣ, изъ ближайшихъ въ Муромѣ. Князья Александръ Борисовичь Горбатый и Петръ Ивановичь Шуйскій должны были вести Московскіе полки въ Нижній Новгородъ, Михайло Глинскій расположиться станомъ на берегахъ Камы съ Дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, Козаками, Устюжанами и Вятчанами, а Свіяжскіе Воеводы занять легкими отрядами перевозы на Волгѣ и ждать Іоанна ([247]).

Отношенія Россіи къ Западнымъ Державамъ.

Готовясь къ знаменитому подвигу, юный Царь могъ быть увѣренъ въ миролюбіи Западныхъ Державъ сосѣдственныхъ. Швеція и Ливонія не требовали ничего, кромѣ свободной у насъ торговли. Съ Королемъ Польскимъ мы спорили о титулѣ и земляхъ Себежскихъ; грубили словами другъ другу, но съ обѣихъ сторонъ удалялись отъ войны. Августъ оказалъ даже ласку Іоанну, и не хотѣвъ прежде за деньги освободить Князя Михайла Булгакова-Голицу, освободилъ его даромъ; прислалъ въ Москву вмѣстѣ съ другимъ сановникомъ, Княземъ Селеховскимъ, и писалъ къ Царю: „Думая, что мы обя„заны уважать вѣрность не только въ своихъ, но и въ чу„жихъ слугахъ, умирающихъ за Государя, даю свободу Ве„ликому Воеводѣ отца твоего. Всѣ иные знатные плѣнники „Московскіе, взятые нами съ славной Оршинской битвѣ, уже „во гробѣ“. Царь изъявилъ Августу искреннюю благодарность, и съ живѣйшею любовію принялъ старца Булгакова, 38 лѣтъ страдавшаго въ неволѣ; выслалъ ему богатую шубу, украсилъ его грудь золотою медалью, обнялся съ нимъ какъ съ другомъ. Изнуренный долговременнымъ несчастіемъ, утомленный дальнимъ путемъ, старецъ не могъ обѣдать съ Государемъ: плакалъ и благословлялъ милостиваго, Державнаго сына Василіева ([248]).

Освобожденіе старца К. Булгакова.

Не опасаясь ничего со стороны образованныхъ Державъ Европейскихъ, Іоаннъ тѣмъ болѣе занимался безопасностію нашихъ юговосточныхъ предѣловъ. Двѣ вновь построенныя крѣпости—Михайловъ на Пронѣ, Шатскъ на Цнѣ—служили оградою для Рязани и Мещеры ([249]). Но важнѣйшимъ страшилищемъ для варваровъ и защитою для Россіи, между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ, сдѣлалась новая воинственная Республика, составленная изъ людей говорящихъ нашимъ языкомъ, исповѣдующихъ нашу Вѣру, а въ лицѣ своемъ представляющихъ смѣсь Европейскихъ съ Азіатскими чертами; людей неутомимыхъ въ ратномъ дѣлѣ, природныхъ конниковъ и наѣздниковъ, иногда упрямыхъ, своевольныхъ, хищныхъ, но подвигами усердія и доблести изгладившихъ вины свои—говоримъ о славныхъ Донскихъ Козакахъ, выступившихъ тогда на ѳеатръ Исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что они же назывались прежде *Азовскими*, которые въ теченіе XV вѣка ужасали всѣхъ путешественниковъ въ пустыняхъ Харьковскихъ, Воронежскихъ, въ окрестностяхъ Дона; грабили Московскихъ купцовъ на дорогѣ въ Азовъ, въ Кафу; хватали людей, посылаемыхъ нашими Воеводами въ степи для развѣдыванія о Ногаяхъ или Крымцахъ ([250]), и безпокоили набѣгами Украйну. Происхожденіе ихъ не весьма благородно: они считались Россійскими бѣглецами ([251]); искали дикой вольности и добычи въ опустѣвшихъ Улусахъ Орды Батыевой, въ мѣстахъ ненаселенныхъ, но плодоносныхъ, гдѣ Волга сближается съ Дономъ, и гдѣ издавна былъ торговый путь изъ Азіи въ Сѣверную Европу; утвердились въ нынѣшней своей области; взяли городъ Ахасъ ([252]), назвали *его*, думаю, *Черкасскимъ*, или Козачьимъ (ибо то и другое имя знаменовало одно); доставали себѣ женъ, какъ вѣроятно, изъ земли Черкесской и могли сими браками сообщить дѣтямъ нѣчто Азіатское въ наружности. Отецъ Іоанновъ жаловался на нихъ Султану, какъ Государю Азовской земли ([253]); но Козаки гнушались зависимостію отъ Магометанскаго Царства, признали надъ собою верховную власть Россіи—и въ 1549 году вождь ихъ Сарыазманъ, именуясь подданнымъ Іоанна, строилъ крѣ-

Строеніе новыхъ крѣпостей.

Начало Донскихъ Козаковъ.

пости на Дону: они завладѣли сею рѣкою до самаго устья, требовали дани съ Азова, воевали Ногаевъ, Астрахань, Тавриду; не щадили и Турковъ ([254]); обязывались служить вдали бдительною стражею для Россіи, своего древняго отечества, и водрузивъ знаменіе Креста на предѣлахъ Оттоманской Имперіи, поставили грань Іоанновой Державы въ виду у Султана, который доселѣ мало занимался нами, но тутъ открылъ глаза, увидѣлъ опасность и хотѣлъ быть дѣятельнымъ покровителемъ Сѣверныхъ владѣній Магометанскихъ. Въ Тавридѣ господствовалъ новый Ханъ Девлетъ-Гирей, племянникъ умершаго или

Новый Ханъ въ Тавридѣ.

сверженнаго Саипа ([255]): онъ взялся спасти Казань. Послы Солимановы убѣждали Князей Ногайскихъ, Юсуфа и другихъ, соединиться подъ хоругвію Магомета, чтобы обуздать наше властолюбіе. „Отдаленіе“ — писалъ къ нимъ Султанъ — „мѣшаетъ мнѣ помогать Азову и Казани. Заключите тѣсный „союзъ съ Ханомъ Крымскимъ. Я велѣлъ ему отпустить „всѣхъ Астраханскихъ жителей въ ихъ отечество, мною возстановляемое. Немедленно пришлю туда и Царя; дамъ Главу „и Казани изъ рода Гиреевъ; а до того времени будьте ея „защитниками ([256])“. Но сіи Князья, находя выгоды въ торговлѣ съ Россіею, не хотѣли войны. Астрахань, важная, необходимая для купечества Западной Азіи, возникала на развалинахъ: въ ней властвовалъ Ямгурчей ([257]): онъ вызвался быть усерднымъ слугою Іоанновымъ, и чиновникъ Московскій поѣхалъ къ нему для договора. Царевичь Астраханскій, Кайбула, сынъ Аккубековъ, женился въ Россіи на племянницѣ Шигъ-Алея, дочери Еналеевой, получивъ городъ Юрьевъ во владѣніе ([258]). — Опасаясь единственно Хана Крымскаго, Іоаннъ ждалъ вѣстей объ его движеніяхъ, и собирая войско, готовился имѣть дѣло съ двумя непріятелями: съ Казанью и Тавридою.

Дѣла Астраханскія.

Между тѣмъ мятежники Казанскіе,ославъ искать себѣ Царя въ Ногайскихъ Улусахъ, взволновали Горную Сторону ([259]); къ несчастію, открылась весною ужасная болѣзнь въ Свіяжскѣ, цынга, отъ коей множество людей умирало. Воеводы были въ унынiи и въ бездѣйствіи, а Казанцы тѣмъ дѣятельнѣе: от-

Болѣзнь въ Свіяжскѣ.

Посольскій дворъ въ Москвѣ,—мѣсто жительства иноземныхъ пословъ въ XVI—XVII вѣкѣ.

части силою, отчасти убѣжденіями они заставили всѣхъ своихъ бывшихъ подданныхъ отложиться отъ Россіи. Государь велѣлъ Князьямъ Горбатому и Шуйскому спѣшить туда съ полками изъ Нижняго Новагорода; но печальныя вѣсти, одна за другою, приходили въ Москву: болѣзнь усиливалась въ Свіяжскѣ; Горные жители, дѣйствуя какъ непріятели, отгоняли наши табуны ([260]); Казанцы побѣждали Россіянъ въ легкихъ сшибкахъ, умертвивъ всѣхъ Дѣтей Боярскихъ и Козаковъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ. Воеводы знали, что Едигеръ Царь въ Казани Астраханскій Царевичь, Едигеръ Магмедъ, ѣдетъ изъ Ногайскихъ Улусовъ съ 500 воиновъ: стерегли и не умѣли схватить его на пути; онъ пріѣхалъ въ Казань и сѣлъ на ея престолѣ, давъ клятву быть неумолимымъ врагомъ Россіи.

Въ то же время Іоаннъ, къ прискорбію своему, узналъ, что не одна тѣлесная, но и душевная зараза господствуетъ въ Свіяжскѣ, наполненномъ людьми военными, которые думали, что они внѣ Россіи, слѣдственно и внѣ Закона, и среди ужасовъ смерти предавались необузданному, самому гнусному любострастію. Исполняя волю Іоаннову, Митрополитъ послалъ туда умнаго Архангельскаго Протоіерея Тимоѳея съ Святою водою, съ наставленіемъ словеснымъ и письменнымъ, къ начальникамъ и ко всѣмъ воинамъ ([261]). „Милостію Божіею, „мудростію нашего Царя и вашимъ мужествомъ — писалъ Посланіе Митрополита къ Свіяжскому войску „онъ—твердыня Христіанская поставлена въ землѣ враждебной. „Господь далъ намъ и Казань безъ кровопролитія. Мы бла„годенствуемъ и славимся. Литва, Германія ищутъ нашего „дружества. Чѣмъ же можемъ изъявить признательность Все„вышнему? исполненіемъ Его заповѣдей. А вы исполняете ли „ихъ? Молва народная тревожитъ сердце Государево и мое. „Увѣряютъ, что нѣкоторые изъ насъ, забывъ страхъ Божій, „утопаютъ въ грѣхахъ Содома и Гоморры; что многія благо„образныя дѣвы и жены, освобожденныя плѣнницы Казанскія, „оскверняются развратомъ между вами; что вы, угождая имъ, „*кладете бритву на брады свои*, и въ постыдной нѣгѣ „стыдитесь быть мужами. Вѣрю сему, ибо Господь казнитъ „васъ, не только болѣзнію, но и срамомъ. Гдѣ ваша слава?

„Бывъ ужасомъ враговъ, нынѣ служите для нихъ посмѣши-
„щемъ. Оружіе тупо, когда нѣтъ добродѣтели въ сердцѣ;
„крѣпкіе слабѣютъ отъ пороковъ. Злодѣйство возстало; измѣна
„явилась, и вы уклоняете щитъ предъ ними! Богъ, Іоаннъ
21 Мая. „и Церковь призываютъ васъ къ раскаянію. Исправьтеся,
„или увидите гнѣвъ Царя, услышите клятву Церковную.“

Государь то присутствовалъ въ Думѣ, то смотрѣлъ полки и снарядъ огнестрѣльный, изъявляя нетерпѣніе выступить въ поле. Бояринъ Князь Иванъ Ѳедоровичь Мстиславскій и Князь Михайло Ивановичь Воротынскій, названный тогда, въ знакъ особенной къ нему милости Іоанновой, *Слугою Государевымъ* ([262]), пошли съ главною ратію въ Коломну. Передовую дружину вели Князья Иванъ Пронскій Турунтай и Дмитрій Хилковъ. Правую Руку Бояринъ Князь Петръ Щенятевъ и Князь Андрей Михайловичь Курбскій, Лѣвую Князь Дмитрій Микулинскій и Плещеевъ, Стражу Князь Василій Оболенскій-Серебряный и Симеонъ Шереметевъ, а собственную Царскую Дружину Князь Владиміръ Воротынскій и Бояринъ Иванъ Шереметевъ. Уже полки стояли отъ Коширы до Мурома; Окою, Волгою плыли суда съ запасами и пушками къ Ни-
Совѣтъ о Казани. жнему-Новугороду; но въ Царскомъ Совѣтѣ было еще несогласіе: многіе думали, что лучше итти на Казань зимою, нежели лѣтомъ; такъ въ особенности мыслилъ Шигъ-Алей: Іоаннъ призвалъ его изъ Касимова въ Москву, осыпалъ милостями, далъ ему нѣсколько селъ въ Мещерѣ и дозволилъ жениться на вдовѣ Сафа-Гиреевой, Царицѣ Сююнбекѣ ([263]). Будучи не способенъ къ ратному дѣлу, ни духомъ слабымъ, ни тѣломъ чрезмѣрно тучнымъ, Алей славился умомъ основательнымъ ([264]). „Казань“ — говорилъ онъ — „заграждена
„лѣсами, озерами и болотами: зима будетъ вамъ мостомъ“. Іоаннъ не хотѣлъ ждать, и сказавъ: „войско готово, запасы
„отправлены, и съ Божіею помощію найдемъ путь къ до-
„брой цѣли“, рѣшился ѣхать немедленно въ станъ Коломенскій.

Выѣздъ Государевъ. 16 Іюня Государь простился съ супругою. Она была беременна: плакала, упала къ нему въ объятія. Онъ казался твердымъ; утѣшалъ ее; говорилъ, что исполняетъ долгъ Царя,

и не боится смерти за отечество; поручилъ Анастасію Богу, а ей всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ; сказалъ: „милуй и бла-„готвори безъ меня; даю тебѣ волю Царскую; отворяй тем-„ницы; снимай опалу съ самыхъ виновныхъ по твоему усмо-„трѣнію, и Всевышній наградитъ меня за мужество, тебя за благость“ ([265]). Анастасія стала на колѣна и въ слухъ молилась о здравіи, о побѣдѣ, о славѣ супруга; укрѣпилась душею, и въ послѣднемъ нѣжномъ цѣлованіи явила примѣръ необыкновеннаго въ юной женѣ великодушія. Государь пошелъ въ церковь Успенія: долго молился ([266]); просилъ Митрополита и Епископовъ быть ревностными ходатаями за Россію предъ Богомъ, утѣшителями Анастасіи и совѣтниками брата его, Юрія, который оставался Главою Москвы. Святители, Бояре, народъ, проливая слезы, обнимали Государя. Вышедши изъ церкви, онъ сѣлъ на коня, и съ Дружиною Царскою поѣхалъ въ Коломенское, гдѣ обѣдалъ съ Боярами и Воеводами; былъ веселъ, ласковъ; хотѣлъ ночевать въ любимомъ селѣ своемъ Островѣ, и на семъ пути встрѣтилъ гонца, съ вѣстію изъ Путивля, что Крымцы густыми толпами идутъ отъ Малаго Дона Сѣверскаго къ нашей Украйнѣ ([267]). Не знали, кто предводительствуетъ ими: Ханъ или сынъ его. Государь не оказалъ ни малѣйшаго безпокойства; ободрялъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ чиновниковъ, и говорилъ имъ: „Мы „не трогали Хана; но если онъ вздумалъ поглотить Христіан-„ство, то станемъ за отечество: у насъ есть Богъ!“ Іоаннъ спѣшилъ въ Коломну, взявъ съ собою Князя Владиміра Андреевича, коего онъ хотѣлъ было отпустить назадъ въ Москву изъ Острова.

Нашествіе Хана Крымскаго.

Въ Коломнѣ ожидали Государя новыя вѣсти ([268]): Крымцы шли къ Рязани. Іоаннъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе: велѣлъ стать Большому полку у Колычева, Передовому у Мстиславля, а Лѣвой Рукѣ близъ Голутвина; совѣтовался съ Шигъ-Алеемъ: отправилъ его въ Касимовъ; вмѣстѣ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ осмотрѣлъ войско на берегахъ Оки; говорилъ рѣчи сановникамъ и рядовымъ; восхищалъ ихъ своею милостію, одушевлялъ бодростію, и вездѣ слышалъ восклица-

1 іюня 19

нія: „мы готовы умереть за Вѣру и за тебя, Царя добродѣтельнаго!“ Избравъ мѣсто для битвы, онъ возвратился въ Коломну и написалъ въ Москву, къ Царицѣ и къ Митрополиту, что ждетъ Хана безъ ужаса, надѣясь на благость Всевышняго, на ихъ молитву и на мужество войска; что храмы въ Москвѣ должны быть отверсты, а сердца спокойны.

21 Іюня получили въ Коломнѣ извѣстіе, что Крымцы явились близъ Тулы. Воеводы, Князья Щенятевъ, Курбскій, Турунтай, Хилковъ, Воротынскій, спѣшили къ сему городу; но узнали, что непріятель былъ тамъ въ малыхъ силахъ, ограбилъ нѣсколько деревень и скрылся ([269]). 23 Іюня, когда Іоаннъ сидѣлъ за обѣдомъ, прискакалъ гонецъ отъ Князя Григорья Темкина, Намѣстника Тульскаго, писавшаго къ Царю: „Ханъ здѣсь — осаждаетъ городъ — имѣетъ много пушекъ и „Янычаръ Султанскихъ“. Іоаннъ въ ту же минуту велѣлъ Царской Дружинѣ выступить изъ Коломны, а главной рати переправляться за Оку; отслушалъ молебенъ въ церкви Успенія, принялъ благословеніе отъ Епископа Ѳеодосія ([270]) и выѣхалъ на конѣ въ поле, гдѣ войско въ необозримыхъ рядахъ блистало, гремѣло оружіемъ — двинулось впередъ съ радостнымъ кликомъ и *шло на битву какъ на потѣху* ([271]). Лѣтописцы не сказываютъ числа, говоря только, что вся Россія казалась тамъ ополченною, хотя въ Свіяжскѣ, въ Муромѣ находилось еще другое, сильное войско, а Коломенское состояло единственно изъ Дворянъ, *Жильцовъ* ([272]) или отборныхъ Дѣтей Боярскихъ, изъ Новогородцевъ и прочихъ сѣверныхъ жителей. Ввечеру уже многіе полки были за Окою, и самъ Іоаннъ приближался къ Коширѣ. Тутъ новый гонецъ отъ Князя Темкина донесъ ему, что Тула спасена. 22 Іюня, въ первомъ часу дня, Ханъ приступилъ къ городу, стрѣляя изъ пушекъ огненными ядрами: домы загорѣлись и Янычары кинулись на стѣны. Тула для защиты своей не имѣла воиновъ, отправивъ ихъ всѣхъ на службу Государеву; но имѣла бодраго начальника и великодушныхъ гражданъ: одни тушили огонь, другіе бились мужественно, и Янычары не могли взять крѣпости. Ханъ отложилъ приступъ до слѣдующаго утра,

Приступъ къ Тулѣ.

а ночью удалился, свѣдавъ, что сильные полки идутъ отъ Коширы. Граждане Тульскіе стояли на стѣнахъ всю ночь: при свѣтѣ зари увидѣли бѣгство Татаръ; увидѣли съ другой стороны пыль столбомъ, и воскликнувъ: „Государь, Государь „спѣшитъ къ намъ!“ устремились вслѣдъ за непріятелемъ; взяли его снарядъ огнестрѣльный; убили многихъ людей и шурина Ханскаго, Князя Камбирдея ([273]); самыя жены и дѣти помогали имъ. Тогда пришли Воеводы, Князья Щенятевъ, Курбскій, и стали на томъ мѣстѣ, гдѣ были шатры Ханскіе ([274]). —Обрадованный симъ успѣхомъ! Іоаннъ далъ отдохнуть войску и ночевалъ подъ Коширою. Бѣгство Хана.

На другой день онъ получилъ еще пріятнѣйшую вѣсть: Щенятевъ и Курбскій, имѣя только 15,000 воиновъ, разбили 30,000 или болѣе непріятелей, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ Тулы, не знали о бѣгствѣ Хана, шли къ нему и встрѣтили Россіянъ ([275]). Въ сей жестокой битвѣ Князь Андрей Курбскій, Вождь юноша, ознаменовался славными ранами: ему изсѣкли голову и плеча. Воеводы гнали Татаръ, и на берегахъ рѣчки Шевороны одержавъ новую побѣду надъ ними, освободили множество Россіянъ. Ханъ оставилъ намъ въ добычу обозъ и цѣлые табуны вельблюдовъ; а плѣнники объявили, что онъ шелъ на Москву, считая Государя подъ Казанью: узнавъ же о сильномъ Іоанновомъ ополченіи, хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Тулу, чтобы съ меньшимъ стыдомъ бѣжать во свояси ([276]).—Легкіе отряды наши топтали Крымцевъ до самыхъ степей.

Іоаннъ возвратился въ Коломну, извѣстилъ Царицу, брата, Митрополита о славномъ изгнаніи врага, и послалъ въ Москву трофеи: пушки непріятельскія, вельблюдовъ, плѣнниковъ, чтобы обрадовать столицу свидѣтельствомъ нашей побѣды ([277]); а самъ распорядилъ походъ къ Казани двумя путями, объявивъ, что Дружина Царская, Лѣвая рука и Запасный Полкъ должны итти съ нимъ на Владиміръ и Муромъ, главные же Воеводы на Рязань и Мещеру, чтобы сойтися съ Государемъ въ полѣ за Алатыремъ ([278]). — Въ войскѣ сдѣлался ропотъ: Новогородцы, Дѣти Боярскіе, жаловались, что Царь не даетъ имъ Наши трофеи.

Ропотъ въ войскѣ.

отдохновенія; что они уже нѣсколько мѣсяцевъ на службѣ и въ трудахъ; что имъ невозможно вынести дальняго похода, для коего не имѣютъ ни силъ, ни денегъ. Іоаннъ весьма огорчился; но, скрывъ досаду, велѣлъ переписать воиновъ усердныхъ, желающихъ служить отечеству, и тѣхъ, которые по лѣности или неспособности отказываются отъ славы участвовать въ великомъ подвигѣ. „Первые“ — говорилъ онъ — „будутъ мнѣ любезны какъ дѣти; хочу знать ихъ нужды, и „все раздѣлю съ ними. Другіе же могутъ остаться: мнѣ не „надобно малодушныхъ!“ Сіи слова произвели удивительное дѣйствіе. Всѣ сказали въ одинъ голосъ: „Идемъ, куда угодно „Государю; а послѣ онъ увидитъ нашу службу и не оставитъ „бѣдныхъ“. Самые безпомѣстные Дѣти Боярскіе молчали о своихъ недостаткахъ, въ надеждѣ на будущую милость Государеву.

Походъ. 3 Іюля тронулось все войско. Іоаннъ съ отмѣннымъ усердіемъ молился предъ иконою Богоматери, которая была съ Димитріемъ Донскимъ въ Мамаевой битвѣ и стояла въ Коломенскомъ храмѣ Успенія. На пути онъ съ умиленіемъ лобызалъ гробъ древняго Героя Россіи, Александра Невскаго, и благословилъ память Святыхъ Муромскихъ Угодниковъ, Князя Петра и Княгини Февроніи. Въ Владимірѣ донесли ему изъ Свіяжска, что болѣзнь тамъ прекратилась; что войско одушевлено ревностію; что Князья Микулинскій, Серебряный и Бояринъ Данило Романовичъ ходили на мятежниковъ Горной Стороны, смирили многихъ и новою клятвою обязали быть вѣрными подданными Россіи ([279]). Въ Муромѣ увѣдомили Государя изъ Москвы, что супруга его тверда и спокойна надеждою на Провидѣніе; что Духовенство и народъ непрестанно молятъ Всевышняго о здравіи Царя и воинства. Митрополитъ писалъ къ Іоанну съ ласкою друга и съ ревностію Церковнаго учителя. „Будь чистъ и цѣломудренъ душею,“ говорилъ онъ: „смиряйся въ славѣ и бодрствуй въ печали. Добродѣ„тели Царя спасительны для Царства“. И Государь и Воеводы читали сію грамоту съ любовію. „Благодаримъ тебя„ — отвѣтствовалъ Іоаннъ Митрополиту — „за Пастырское ученіе,

„вписанное у меня въ сердцѣ. Помогай намъ всегда настав-„леніемъ и молитвою. Идемъ далѣе. Да сподобитъ насъ Го-„сподь возвратиться съ миромъ для Христіанъ ([280])!“ Онъ не терялъ ни часа въ бездѣйствіи: пѣшій и на конѣ смотрѣлъ полки, людей, оружіе; велѣлъ расписать Дѣтей Боярскихъ на сотни и выбрать начальника для каждой изъ вопновъ знатнѣйшихъ родомъ; отпустилъ Шигъ-Алея въ судахъ къ Казани съ Княземъ Петромъ Булгаковымъ и Стрѣльцами; послалъ дружину Яртоульную ([281]) наводить мосты, и 20 Іюля, въ слѣдъ за войскомъ переѣхавъ Оку, ночевалъ въ Сакапскомъ лѣсу, на рѣкѣ Велетемѣ, въ 30 верстахъ отъ Мурома. Второй станъ былъ на Шилекшѣ, третій подъ Саканскимъ городищемъ. Князья Касимовскіе и Темниковскій присоединились къ войску съ своими дружинами, Татарами и Мордвою. Августа 1 Государь святилъ воду на рѣкѣ Мянѣ. Въ слѣдующій день войско переправилось за Алатырь, и 4 Августа съ радостію увидѣло на берегахъ Суры полки Князей Мстиславскаго, Щенятева, Курбскаго, Хилкова. Обѣ многочисленныя рати шли дремучими лѣсами и пустынями, питаясь ловлею, ягодами и плодами. „Мы не имѣли запасовъ съ собою,“ пишутъ очевидцы: „вездѣ Природа до наступленія поста гото-„вила для насъ изобильную трапезу. Лоси являлись стадами, „рыбы толпились въ рѣкахъ, птицы сами падали на землю „предъ нами“ ([282]).

Тутъ, у Борончеева городища, ждали Царя Послы Свіяжскіе и Черемисскіе съ донесеніемъ, что весь правый берегъ Волги ему повинуется въ тишинѣ и мирѣ ([283]). Мятежники раскаялись, и Царь въ знакъ милости обѣдалъ съ ихъ старѣйшинами. Они клялися загладить вину свою: очистили путь для войска въ мѣстахъ тѣсныхъ; навели мосты на рѣкахъ; хотѣли усердно служить намъ мечемъ подъ Казанью.—6 Августа Іоаннъ на рѣчкѣ Киватѣ слушалъ Литургію и причастился Святыхъ Таинъ. 11 Августа Воеводы Свіяжскіе встрѣтили Государя съ конницею и пѣхотою; они шли тремя полками: въ первомъ Князь Александръ Горбатый и Вельможа Данило Романовичъ; во второмъ Князья Симеонъ Микулинскій

и Петръ Серебряный-Оболенскій съ Дѣтьми Боярскими; въ третьемъ Козаки и Горные жители, Черемисы съ Чуваштми. Царь привѣтствовалъ и Воеводъ и воиновъ, числомъ болѣе двадцати тысячь ([284]); звалъ ихъ къ рукѣ; говорилъ съ ними; хвалилъ за устройство и мужество; угостилъ всѣхъ на лугу Бейскомъ: сановники, рядовые обѣдали подъ наметами шатровъ. Время и мѣста были прекрасныя; съ одной стороны являлись глазамъ зеленыя равнины, холмы, рощи, лѣса темные; съ другой величественная Волга съ дикими утесами, съ картинными островами: за нею необозримые луга и дубравы. Изрѣдка показывались селенія Чувашскія, въ крутизнахъ и въ ущельяхъ. Жители давали намъ хлѣбъ и медъ: самъ Государь въ постное время не имѣлъ иной вкуснѣйшей трапезы; пили чистую воду, и никто не жаловался: трезвость и веселіе господствовали въ станѣ ([285]).

Августа 13 открылся Свіяжскъ; съ любопытствомъ и съ живѣйшимъ удовольствіемъ Царь увидѣлъ сей юный, его велѣніемъ созданный градъ, знаменіе побѣды и торжества Христіанъ въ предѣлахъ зловѣрія. Духовенство съ крестами, Князь Петръ Шуйскій и Бояринъ Заболоцкій съ воинскою дружиною приняли Іоанна въ вратахъ крѣпости. Онъ пошелъ въ Соборную церковь: тамъ Діаконы пѣли ему многолѣтіе, а Бояре поздравляли его какъ завоевателя и просвѣтителя земли Свіяжской. Осмотрѣвъ крѣпость, богатые запасы ея, красивыя улицы, домы, Государь изъявилъ благодарность Князю Симеону Микулинскому и другимъ начальникамъ; любовался живописными видами, и говорилъ Вельможамъ, что нѣтъ въ Россіи инаго, столь счастливаго мѣстоположенія. Для него изготовили домъ. „Мы въ походѣ,“ сказалъ Іоаннъ — сѣлъ на коня, выѣхалъ изъ города и сталъ въ шатрахъ на лугу Свіяги.

Войско, утружденное путемъ, надѣялось отдохнуть среди изобилія и пріятностей сего новаго мѣста, куда съѣхалось множество купцевъ изъ Москвы, Ярославля, Нижняго, со всякими товарами; суда за судами входили въ пристань; берегъ обратился въ гостиный дворъ: на пескѣ, въ шалашахъ раскладывались драгоцѣнности Европейской и Азіатской торговли.

Люди знатные и богатые нашли тамъ свои запасы, доставленные Волгою. Всѣ были *какъ дома* ([286]): могли вкусно ѣсть и пить, угощать друзей и роскошествовать.... Но Іоаннъ, призвавъ Шигъ-Алея, Князя Владиміра Андреевича и всѣхъ Думныхъ Совѣтниковъ, положилъ съ ними немедленно итти къ Казани. Алей, будучи родственникомъ ея новаго Царя, Едигера, взялся написать къ нему убѣдительную грамоту, чтобы онъ не безумствовалъ въ надменности, не считалъ себя равносильнымъ великому Монарху Христіанскому, смирился и пріѣхалъ въ станъ къ Іоанну безъ всякой боязни. Написали и къ Вельможамъ Казанскимъ, что Государь желаетъ не гибели ихъ, а раскаянія; что если они выдадутъ ему виновниковъ мятежа, то всѣ иные могутъ быть спокойны подъ его счастливою Державою. Сіи грамоты были посланы съ Татариномъ 15 Августа; а въ слѣдующій день войско уже начало перевозиться за Волгу ([287]).

Приступая къ описанію достопамятной осады Казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа, какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ Россіянамъ, и въ чертогахъ и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была *первымъ* нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ, что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною. Бывъ готовы мирно поддаться Іоанну, чтобы избавиться отъ лютости Шигъ-Алеевой, они въ теченіе пяти мѣсяцевъ имѣли время размыслить о слѣдствіяхъ. Казань съ Намѣстникомъ Іоанновымъ уже существовала бы единственно какъ городъ Московскій. Ея Вельможи и Духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и Вѣры: народъ ужаснулся рабства. Въ душахъ вспыхнула благородная любовь къ государственной независимости, къ обычаямъ, къ законамъ отцевъ: усиленная воспоминаніями древности—раздраженная ненавистію къ Христіанамъ, прежнимъ данникамъ, тогдашнимъ угнетателямъ Батыева потомства—она преодолѣла естественную склон-

ность людей къ мирнымъ наслажденіямъ жизни; произвела восторгъ, жажду мести и крови, рвеніе къ опасностямъ и къ великимъ дѣламъ. Въ движеніи, въ пылу геройства Казанцы не чувствовали своей слабости; а какъ въ самой отчаянной рѣшительности надежда еще тантся въ сердцѣ, то они исчисляли всѣ безуспѣшные приступы наши къ ихъ столицѣ, и говорили другъ другу: „не въ первый разъ увидимъ Москвитянъ подъ стѣнами; не въ первый разъ побѣгутъ назадъ „восвояси, и будемъ смѣяться надъ ними!“ Таково было расположеніе Царя и народа въ Казани; но Іоаннъ предлагалъ милость, чтобы *исполнить мѣру долготерпѣнія*, согласно съ политикою его отца и дѣда.

19 Августа Государь съ 150,000 воиновъ ([288]) былъ уже на Луговой сторонѣ Волги. Шигъ-Алей отправился на судахъ занять Гостиный островъ, а Бояринъ Михайло Яковлевичь Морозовъ везъ снарядъ огнестрѣльный, рубленыя башни и *тарасы* ([289]), чтобы дѣйствовать съ нихъ противъ крѣпости. Нѣсколько дней шли дожди; рѣки выливались изъ береговъ; низкіе луга обратились въ болота: Казанцы испортили всѣ мосты и гати. Надлежало вновь устроить дорогу. 20 Августа, на берегу Казанки, Іоаннъ получилъ отвѣтную грамоту отъ Едигера. Царь и Вельможи Казанскіе не оставили слова на миръ; поносили Государя, Россію, Христіанство; именовали Алея предателемъ и злодѣемъ; писали: „все готово: ждемъ „васъ на пиръ!“ — Въ сей день войско увидѣло предъ собою Казань, и стало въ шести верстахъ отъ нее на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые *подобно зеленому сукну* разстилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость съ каменными мечетями и дворцомъ ([290]), съ высокими башнями и дубовыми, широкими стѣнами (набитыми внутри иломъ и хрящомъ). Два дни выгружали пушки и снаряды изъ судовъ. Тутъ явился изъ Казани бѣглецъ Мурза Камай ([291]), и донесъ Государю, что онъ ѣхалъ къ намъ съ 200 товарищей, но что ихъ задержали въ городѣ; что Царь Едигеръ, Кульшеривъ-Молна или Глава Духовенства, Князья Изенешъ Ногайскій. Чапкунъ, Аталыкъ, Исламъ, Аликей Нарыковъ,

Кебекъ Тюменскій и Дербышъ умѣли одушевить народъ злобою на Христіанъ; что никто не мыслитъ о мирѣ; что крѣпость наполнена запасами хлѣбными и ратными; что въ ней 30,000 воиновъ и 2700 Ногаевъ ([292]); что Князь Япанча ([293]) со многочисленнымъ отрядомъ конницы посланъ въ Арскую засѣку, вооружить, собрать тамъ сельскихъ жителей и непрестанными нападеніями тревожить станъ Россіянъ. Іоаннъ принялъ Комая милостиво; совѣтовался съ Боярами; велѣлъ для укрѣпленія изготовить на каждаго воина бревно, на десять воиновъ туръ ([294]); Большому и Передовому Полку занять поле Арское, Правой Рукѣ берегъ Казанки, Сторожевому устье Булака, Лѣвой Рукѣ стать выше его, Алею за Булакомъ у кладбища, а Царской Дружинѣ, предводимой имъ и Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, на Царевомъ лугу ([295]); строго запретилъ чиновникамъ вступать въ битву самовольно, безъ Государева слова—и 23 Августа, въ часъ разсвѣта, войско двинулось. Впереди шли Князья Юрій Шемякинъ-Пронскій и Ѳедоръ Троекуровъ съ Козаками пѣшими и Стрѣльцами; за Воеводами Атаманы,—Головы Стрѣлецкіе, Сотники, всякой по чину и въ своемъ мѣстѣ, наблюдая устройство и тишину. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна: онъ далъ знакъ, и полки стали; ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, — распустили знамена и Святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій на Дону съ Великимъ Княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ воеводы сошли съ коней, отпѣли молебенъ подъ сѣнію знаменъ, и Государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ; славилъ Героевъ, которые падутъ за Вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ; наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества Христіанъ. Князь Владиміръ Андреевичь и Бояре отвѣтствовали ему со слезами: „Дерзай, Царю! мы „всѣ единою душею за Бога и за тебя“. Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Андрей, благословилъ его и войско, которое изъявляло живѣйшее усердіе. Царь сѣлъ на аргамака, богато

украшеннаго; взглянулъ на Спасителевъ образъ Святой хоругви, ознаменовалъ себя крестомъ, и громко сказавъ: „о „Твоемъ имени движемся!“ повелъ рать прямо къ городу. Тамъ все казалось тихо и пусто ([296]); не видно было ни движенія, ни людей на стѣнахъ, и многіе изъ нашихъ радовались, думая, что Царь Казанскій съ войскомъ отъ страха бѣжалъ въ лѣса; но опытные Воеводы говорили другъ другу: „будемъ тѣмъ осторожнѣе!“

Осада. Россіяне обступали Казань. 7000 Стрѣльцовъ и пѣшихъ Козаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана, и видя предъ собою — не болѣе, какъ въ двухъ стахъ саженяхъ ([297]) — Царскія палаты, мечети каменныя, лѣзли на высоту, чтобы пройти мимо крѣпости къ Арскому полю... Вдругъ раздался шумъ и крикъ: заскрыпѣли, отворились ворота, и 15,000 Татаръ, конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на Стрѣльцовъ: разстроили, сломили ихъ. Юные Князья, Шемякинъ и Троекуровъ, удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько Дѣтей Боярскихъ ([298]). Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью; побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ, но смотря на сильную пальбу изъ города; взяли плѣнниковъ и медленно отступили, въ виду всѣхъ нашихъ полковъ, которые, спокойно идучи къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ, любовались издали симъ первымъ, славнымъ дѣломъ. Приказъ Государевъ въ точности исполнился: никто безъ его слова не кидался въ битву, и воинская подчиненность ознаменовалась блестящимъ образомъ.

Первая битва.

Полки окружили Казань. Разставили шатры и три церкви полотняныя: Архистратига Михаила, Великомученицы Екатерины и Св. Сергія. Ввечеру Государь, собравъ Воеводъ, изустно далъ имъ всѣ нужныя повелѣнія. Ночь была спокойна. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала Царскій и многіе шатры; потопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ; что осады не будетъ; что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться съ стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ:послалъ въ Свіяжскъ, въ

Буря.

Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и готовился зимовать подъ Казанью ([299]).

25 Августа легкая дружина Князей Шемякина и Троекурова двинулась съ Арскаго поля къ рѣкѣ Казанкѣ, выше города, чтобы отрѣзать его отъ Луговой Черемисы, соединиться съ Правою Рукою и стать ближе къ стѣнѣ. Татары сдѣлали вылазку. Мужественный витязь, Князь Шемякинъ, былъ раненъ; но Князь Дмитрій Хилковъ, Глава всѣхъ передовыхъ отрядовъ, помогъ ему съ Дѣтьми Боярскими втоптать непріятеля въ крѣпость. — Ночью Сторожевый Полкъ и Лѣвая Рука безъ боя и сопротивленія разставили туры и пушки. Стрѣльцы окопались ровомъ; а Козаки, подъ самою городскою стѣною, засѣли въ каменной, такъ называемой Даировой банѣ. — Въ сіи два дни Іоаннъ не сходилъ съ коня, ѣздилъ вокругъ города и наблюдалъ мѣста удобнѣйшія для приступа ([300]). Ставятъ туры

26 Августа Большой Полкъ выступилъ передъ вечеромъ изъ стана: Князь Михайло Воротынскій шелъ съ пѣхотою и катилъ туры; Князь Иванъ Мстиславскій велъ конницу, чтобы помогать ему въ случаѣ нападенія. Государь далъ имъ отборныхъ Дѣтей Боярскихъ изъ собственной Дружины ([301]). Казанцы ударили на нихъ съ воплемъ; а съ башенъ и стѣнъ посыпались ядра и пули. Въ дыму, въ огнѣ непоколебимые Россіяне отражали конницу, пѣхоту сильнымъ дѣйствіемъ своихъ бойницъ, ружейною стрѣльбою, копьями и мечами; хладнокровно шли впередъ, втѣснили Татаръ въ городъ и наполнили его мосты непріятельскими тѣлами. Пищальники, Козаки стали на валу, стрѣляли до самой ночи и дали время Князю Воротынскому утвердить, насыпать землею туры въ пятидесяти саженяхъ ото рва, между Арскимъ полемъ и Булакомъ. Тогда онъ велѣлъ отступить имъ къ турамъ и закопаться подъ оными. Но темнота не прекратила битвы: Казанцы да самаго утра выходили и рѣзались съ нашими. Не было отдыха; ни воины, ни Полководцы не смыкали глазъ. Іоаннъ молился въ церкви, и ежечасно посылалъ своихъ знатнѣйшихъ сановниковъ ободрять біющихся. Наконецъ непріятель утомился; восходящее солнце освѣтило рѣшительную побѣду Россіянъ, и Государь Сильная вылазка.

велѣлъ пѣть въ станѣ благодарные молебны. Казанцы лишились въ семъ дѣлѣ многихъ храбрыхъ людей, смѣлаго Князя Ислама Нарыкова, Сюнчелея богатыря и другихъ. Въ числѣ убитыхъ Москвитянъ находился добрый витязь, Леонтій Шушеринъ ([302]).

Дѣйствіе бойницъ.

27 Августа Бояринъ Михайло Яковлевичь Морозовъ, прикативъ къ турамъ стѣнобитный снарядъ, открылъ сильную пальбу со всѣхъ нашихъ бойницъ; а пищальники стрѣляли въ городъ изъ окоповъ. — Казанцы скрывались за стѣнами; но желая добыть языка, напали на людей разсѣянныхъ въ полѣ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ Князь Мстиславскій съ частію Большаго Полку. Сей Воевода успѣлъ защитить своихъ, обратилъ непріятеля въ бѣгство, плѣнилъ знатнаго Улана, именемъ Карамыша, и представилъ Государю, оказавъ личное мужество, и въ двухъ мѣстахъ бывъ уязвленъ стрѣлою ([303]). Плѣнникъ сказывалъ, что Казанцы, готовые умереть, не хотятъ слышать о мирныхъ переговорахъ.

Нападеніе Князя Япанчи.

Въ слѣдующій день Россіяне ждали новой вылазки: непріятель явился съ другой стороны: вышелъ густыми толпами изъ лѣса на Арское поле, схватилъ стражу Передоваго Полку и кинулся на его станъ ([304]). Воевода, Князь Хилковъ, съ великимъ усиліемъ оборонялся, но имѣлъ нужду въ немедленной помощи. Князья Иванъ Пронскій, Мстиславскій, Юрій Оболенскій ([305]), одинъ за другимъ спѣшили удержать стремленіе непріятеля. Самъ Іоаннъ, отрядивъ къ нимъ часть Царской Дружины, сѣлъ на коня. Многіе изъ нашихъ чиновниковъ падали мертвые или раненые. Но число Россіянъ умножалось ежеминутно: они прогнали Татаръ въ лѣсъ и свѣдали отъ плѣнниковъ, что сіи толпы приходили съ Княземъ Япанчею, изъ укрѣпленія сдѣланнаго Казанцами на пути въ городъ Арскъ; что имъ велѣно не давать намъ покоя и дѣлать всевозможный вредъ частыми *наѣздами* ([306]).

29 Августа Воеводы Правой Руки, Князья Щенятевъ и Курбскій, подвинулись къ городу и начали укрѣплять туры вдоль рѣки Казанки подъ защитою Стрѣльцовъ; а дружина Князей Шемякина и Троекурова возвратилась на Арское поле,

гдѣ снова показался непріятель изъ лѣса, и гдѣ Мстиславскій, Хилковъ, Оболенскій, стояли въ рядахъ, ожидая Татаръ, между тѣмъ, какъ иные Воеводы, Князь Дмитрій Палецкій, Алексѣй Адашевъ и Головы Царской Дружины ставили туры съ поля Арскаго до Казанки ([307]). Съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ пушекъ, ружей и луковъ: вылазки не было. Непріятель не отходилъ отъ лѣса, видя Россіянъ готовыхъ къ битвѣ; и ввечеру донесли Іоанну, что весь городъ окруженъ нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами, а въ грязныхъ тыномъ; что нѣтъ пути ни въ Казань, ни изъ Казани. Съ сего времени Боярин Морозовъ, вездѣ разставивъ снарядъ огнестрѣльный, неутомимо громилъ стѣны изо ста-пятидесяти тяжелыхъ орудій ([308]).

Утомленіе войска.

Но войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности: всегда стояло въ ружьѣ, не имѣло времени отдыхать и за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удаляться отъ стана; Князь Япанча стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ: выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ ([309]). Сей опасный наѣздникъ держалъ Россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ Думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу Царя; другой, подъ начальствомъ мужественнаго, опытнаго Князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи, чтобы заслонить осаду, очистить лѣсъ, успокоить станъ нашъ. Имѣя 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ, Князь Александръ расположился за горами, чтобы утаить свои движенія отъ непріятеля, и послалъ отряды къ Арскому лѣсу. Япанча увидѣлъ ихъ, и толпы его высыпали на поле. Россіяне, какъ бы устрашенные, дали тылъ. Татары гнали ихъ, втиснули въ обозъ, начали *водить круги* передъ нашими укрѣпленіями, и пускали стрѣлы дождемъ; а другія толпы, конныя и пѣшія, шли медленно въ боевомъ порядкѣ, прямо на станъ главнаго войска Московскаго. Тогда Князь

Раздѣленіе полковъ.

Истребленіе Япанчина войска.

Юрій Шемякинъ съ готовымъ полкомъ своимъ изъ засады устремился на Татаръ: они изумились; но, будучи уже далеко отъ лѣса, должны были принять битву. Скоро явился и самъ Князь Александръ съ конными, многочисленными дружинами; а пѣхота наша съ правой и лѣвой стороны заходила въ тылъ непріятелю. Татары искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ десяти или болѣе верстъ, до рѣки Килари, гдѣ Князь Александръ остановилъ своего утомленнаго коня и трубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути, въ лѣсу, они убили еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вѣтвей; взяли и нѣсколько сотъ плѣнниковъ ([310]); однимъ словомъ, истребили Япанчу. Государь обнялъ Вождей, покрытыхъ бранною пылью, орошенныхъ потомъ и кровію; хвалилъ ихъ умъ, доблесть съ живѣйшимъ восторгомъ; изъявилъ благодарность и рядовымъ воинамъ. Онъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ передъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умолили Казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники Государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили Татарамъ: „Іоаннъ „обѣщаетъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, „если покоритесь ему“ ([311]). Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ, плѣнныхъ согражданъ, и кричали: „лучше вамъ умереть отъ на„шей чистой, нежели отъ злой Христіанской руки!“ Сіе остервененіе удивило Россіянъ и Государя.

Ожесточеніе Казанцевъ.

Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ онъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному Нѣмецкому Размыслу (то есть, Инженеру) дѣлать подкопъ отъ рѣки Булака между Аталаковыми и Тюменскими воротами. Мурза Камай извѣстилъ Государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа близъ рѣки Казанки, и ходятъ туда подземельнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ ([312]). Воеводы наши хотѣли открыть сей тайникъ, но не могли ([313]), и Государь велѣлъ подкопать его отъ каменной Дауровой Бани, занятой нашими Козаками. Для сего Размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые подъ надзоромъ Князя Василья

Серебрянаго и любимца Іоаннова, Алексѣя Адашева, рылись въ землѣ десять дней; услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою; вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороха и дали знать Государю. 5 Сентября, рано, Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ, въ его глазахъ, съ громомъ, съ трескомъ взорвало землю, тайникъ, часть городской стѣны, множество людей; бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту Россіяне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ; ворвались-было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться ([314]). Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ — и Государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа. Мы взяли не малое число плѣнныхъ; убили еще гораздо болѣе, и ждали слѣдствій.

Взорваніе тайника.

Не смотря на рѣшительность Казанцевъ, послѣ сего бѣдственнаго для нихъ случая обнаружилось уныніе въ городѣ; нѣкоторые изъ жителей думали, что все погибло, и что они уже не имѣютъ средствъ защиты. Но смѣлѣйшіе ободрили ихъ: рыли, и нашли ключь, малый, смрадный, конмъ, надлежало довольствоваться всему городу; терпѣли жажду, пухли отъ худой воды, молчали и сражались.

Уныніе Казанцевъ.

Іоаннъ оказывалъ удивительную дѣятельность; не знали, когда онъ имѣлъ отдохновеніе: всегда, рано и поздно, молился въ церкви или ѣздилъ вокругъ укрѣпленій; останавливался, говорилъ съ воинами, утверждалъ ихъ въ терпѣніи. Если Казанцы тревожили насъ всегдашнею стрѣльбою, то и мы не давали имъ покоя; днемъ и ночью гремѣли пушки Россійскія, заряжаемыя ядрами и камнями. Арскія ворота были до основанія сбиты: осажденные заградились въ семъ мѣстѣ тарасами.

Дѣятельность Іоаннова.

6 Сентября Іоаннъ поручилъ Князю Александру Горбатому-Шуйскому взять острогъ, сдѣланный Казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на крутой высотѣ, между двумя болотами: тамъ соединились остатки разбитаго Япанчина войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди; съ ними были Бояре Данило Романовичь и Захарія Яковлевъ, Князья Булгаковъ и Палецкій, Головы Царской

Дружины, Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, Атаманы съ Козаками, Мордва Темниковская и Горные Черемисы, которые служили путеводителями. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней, и въ слѣдъ за смѣлыми Вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнниковъ. Тѣла непріятелей лежали кучами. Воеводы нашли тамъ знатную добычу, ночевали и пошли далѣе, къ Арскому городу, мѣстами пріятными, удивительно плодоносными, гдѣ Казанскіе Вельможи имѣли свои домы сельскіе, красивые и богатые ([315]). Россіяне плавали въ изобиліи; брали, что хотѣли: хлѣбъ, медъ, скотъ; жгли селенія, убивали жителей, плѣняли только женъ и дѣтей. Граждане Арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса; но въ домахъ и въ лавкахъ оставалось еще не мало драгоцѣнностей, особенно всякихъ мѣховъ, куницъ, бѣлокъ. Освободивъ многихъ Христіанъ-соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ, Князь Александръ чрезъ десять дней возвратился съ побѣдою, съ избыткомъ и съ дешевизною съѣстныхъ припасовъ, такъ, что съ сего времени платили въ станѣ 10 денегъ за корову, а 20 за вола. Царь и войско были въ радости ([316]).

Взятіе острога и города Арскаго.

Еще опасности и труды не уменьшились. Лѣсъ Арскій уже не металъ стрѣлъ въ Россіянъ: за то Луговые Черемисы отгоняли наши табуны и тревожили станъ отъ Галицкой дороги. Стоящіе тутъ Воеводы Правой Руки ходили за ними и побили ихъ на голову; но опасаясь новыхъ нападеній, всегдашнею бдительною осторожностію утомляли свой Полкъ, который сверхъ того, занимая низкія равнины вдоль Казанки, болѣе всѣхъ терпѣлъ отъ пальбы съ крѣпости ([317]), отъ ненастья, отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ сіе время года, но суевѣріемъ приписываемыхъ чародѣйству. Очевидецъ, Князь Андрей Курбскій, равно мужественный и благоразумный, платя дань вѣку, пишетъ за истину, что Казанскіе волшебники ежедневно, при восходѣ солнца, являлись на стѣ-

Нападенія Луговой Черемисы.

Мнимыя чародѣйства.

нахъ крѣпости, вопили страшнымъ голосомъ, кривлялись, махали одеждами на станъ Россійскій, производили вѣтръ и облака, изъ коихъ дождь лился рѣками; сухія мѣста сдѣлались болотомъ, шатры всплывали и люди мокли съ утра до вечера. По совѣту Бояръ Государь велѣлъ привезти изъ Москвы Царскій Животворящій крестъ, святить имъ воду, кропить ею вокругъ стана — и сила волшебства, какъ увѣряютъ, исчезла: настали красные дни, и войско ободрилось.

Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, Россіяне построили тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ, башню, вышиною въ шесть саженъ; ночью придвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ Царскимъ воротамъ; поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и дружину искусныхъ стрѣлковъ; ждали утра, и возвѣстили оное залпомъ съ раската. Стрѣлки стояли выше стѣны, и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ: Казанцы укрывались въ ямахъ; копали себѣ землянки подъ тарасами; подобно змѣямъ, выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, изъ пищалей *затинныхъ* ([318]), и мы тѣряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ.—Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, приказывая къ осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ, куда имъ угодно, съ своимъ Царемъ беззаконнымъ, со всѣмъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми; что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ Болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи ([319]). Казанцы *не слушали ни краемъ уха*, по выраженію Лѣтописца.

Построеніе высокой башни.

Предложенія Казанцамъ.

Между тѣмъ храбрый Князь Михайло Воротынскій подвигалъ туры ближе и ближе къ Арской башнѣ; наконецъ одинъ ровъ, шириною въ три сажени, а глубиною въ семь, отдѣлялъ ихъ отъ стѣны: Стрѣльцы, Козаки, Головы съ людьми Боярскими стояли за оными, бились до изнуренія силъ, и смѣнялись. Иногда же, не смотря на близость разстоянія, бой пресѣкался отъ усталости: тѣ и другіе воины отдыхали. Казанцы воспользовались однажды симъ временемъ: видя, что

Кровопролитное дѣло.

многіе изъ нашихъ сѣли обѣдать, и что у пушекъ осталось мало людей, они, числомъ до десяти тысячъ, тихо вылѣзли изъ своихъ норъ, и подъ начальствомъ Вельможъ, главныхъ Царскихъ Совѣтниковъ, именуемыхъ Карачами, устремились къ турамъ, смяли Россіянъ и схватили ихъ пушки. Тутъ Князь Воротынскій самъ, а за нимъ и всѣ знатнѣйшіе чиновники кинулись въ сѣчу. „Не выдадимъ отцевъ!„ кричали Россіяне и бились мужественно. Воеводы, Петръ Морозовъ, Князь Юрій Кашинъ, пали въ толпѣ, опасно уязвленные: ихъ отнесли въ станъ. Князь Михайло Воротынскій, раненный въ лице, не оставлялъ битвы: крѣпкій доспѣхъ его былъ изсѣченъ саблями. Многіе Головы Стрѣлецкіе лежали мертвые у пушекъ, и Казанцы еще не уступали намъ взятыхъ ими трофеевъ. Но явились Муромцы, Дѣти Боярскіе, *стародавные племенемъ и доблестію* ([320]): ударили, сломили непріятеля, втиснули въ ровъ. Побѣда рѣшилась. Казанцы давили другъ друга, тѣснясь въ воротахъ и вползая въ свои норы. Сіе дѣло было однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ. Въ то-же время непріятель нападалъ и на туры Передоваго Полку, однакожь не весьма усильно ([321]). Государь видѣлъ собственными глазами оба дѣла: изъявивъ особенную милость Князю Михайлу Воротынскому и витязямъ Муромскимъ, онъ навѣстилъ раненныхъ Воеводъ, благодаря ихъ за усердную службу.

Уже около пяти недѣль Россіяне стояли подъ Казанью, убивъ въ вылазкахъ и въ городѣ не менѣе десяти тысячъ непріятелей, кромѣ женъ и дѣтей ([322]). Наступающая осень ужасала ихъ болѣе, нежели труды и битвы осады; всѣ хотѣли скораго конца. Чтобы облегчить приступъ и нанести осажденнымъ чувствительнѣйшій вредъ, Іоаннъ велѣлъ близъ Арскихъ воротъ подкопать тарасы и землянки, гдѣ укрывались жители отъ нашей стрѣльбы: 30 Сентября онѣ взлетѣли на воздухъ. Сіе страшное дѣйствіе пороха, хотя уже и не новое для Казанцевъ, произвело оцѣпененіе и тишину въ городѣ на нѣсколько минутъ; а Россіяне, не теряя времени, подкатили туры къ воротамъ Арскимъ, Аталыковымъ, Тюменскимъ. Думая, что насталъ часъ рѣшительный, Казанцы высыпали изъ города и

Взорваніе тарасъ.

схватились съ тѣми полками, коимъ велѣно было прикрывать туры. Битва закипѣла. Іоаннъ спѣшилъ ободрить своихъ — и какъ скоро они увидѣли его, то, единогласно воскликнувъ: „Царь съ нами!“ бросились къ стѣнамъ; гнали, тѣснили непріятеля на мостахъ, въ воротахъ. Сѣча была ужасна. Громъ пушекъ, трескъ оружія, крикъ воиновъ раздавался въ облакахъ густаго дыма, который носился надъ всѣмъ городомъ. Не смотря на мужественное, отчаянное сопротивленіе, многіе Россіяне были уже на стѣнѣ, въ башнѣ отъ Арскаго поля, рѣзались въ улицахъ съ Татарами. Князь Михайло Воротынскій увѣдомилъ о томъ Государя, и требовалъ, чтобы онъ велѣлъ всѣмъ полкамъ итти на приступъ. Успѣхъ дѣйствительно казался вѣроятнымъ; но Іоаннъ хотѣлъ вѣрнаго: большая часть войска находилась еще въ станѣ и не могла вдругъ ополчиться: излишняя торопь произвела бы безпорядокъ и, можетъ быть, неудачу, которая имѣла бы весьма худыя для насъ слѣдствія. Государь не уважилъ ревности войска: приказалъ ему отступить. Оно повиновалось неохотно: чиновники съ трудомъ вывели его изъ крѣпости и зажгли мосты. Но чтобы кровопролитіе сего жаркаго дня не осталось безплоднымъ, то Князь Воротынскій занялъ Арскую башню нашими стрѣлками ([323]): они укрѣпились турами и рядомъ твердыхъ щитовъ; сказали Воеводамъ: „здѣсь будемъ ждать васъ“ — и сдержали слово: Казанцы не могли отнять у нихъ сей башни. — Во всю ночь пылали мосты, и часть стѣны обгорѣла; дѣйствіе нашего снаряда огнестрѣльнаго также во многихъ мѣстахъ разрушило оную. Казанцы поставили тамъ высокіе срубы, осыпавъ ихъ землею.

Занятіе Арской башни.

Наконецъ, 1 Октября, Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови* — то есть, къ приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велѣлъ воинамъ *очистить душу* на канунѣ дня роковаго. Въ тотъ самый часъ, когда одни изъ нихъ смиренно исповѣдывали грѣхи свои предъ Богомъ и достойные съ умиленіемъ вкушали тѣло Христово, другіе, подъ громомъ бойницъ, метали въ ровъ землю и лѣсъ, чтобы проложить путь къ стѣнамъ. Еще

Государь хотѣлъ испытать силу увѣщанія: Мурза Камай и сѣдые старѣйшины Горной Стороны, держа въ рукѣ знаменіе мира, приближились къ крѣпости, усыпанной людьми, и сказали имъ, что Іоаннъ въ послѣдній разъ предлагаетъ милосердіе городу, уже стѣсненному, до половины разрушенному; требуетъ единственно выдачи главныхъ измѣнниковъ и прощаетъ народъ. Казанцы отвѣтствовали въ одинъ голосъ: „Не хотимъ „прощенія! Въ башнѣ Русь, на стѣнѣ Русь: не боимся; по„ставимъ иную башню, иную стѣну; всѣ умремъ или отсидимся!“ Тогда Государь началъ устроивать войско *къ великому дѣлу*.

Послѣднее предложеніе Казанцамъ.

Устроеніе войска для приступа.

Чтобы заслонить тылъ отъ Луговой Черемисы, отъ Татаръ бродящихъ по лѣсамъ, отъ Ногайскихъ Улусовъ, и чтобы отрѣзать Казанцамъ всѣ пути для бѣгства, онъ приказалъ Князю Мстиславскому съ частію Большаго Полка, а Шигъ-Алею съ Касимовцами и жителями Горной Стороны занять дорогу Арскую и Чувашскую, Князю Юрію Оболенскому и Григорію Мещерскому съ Дворянами Царской Дружины Ногайскую, Князю Ивану Ромодановскому Галицкую: другой отрядъ Дворянъ, примыкая къ нему, долженъ былъ стоять вверхъ по Казанкѣ, на Старомъ Городищѣ ([324]). Отпустивъ сихъ Воеводъ, Іоаннъ распорядилъ приступъ: велѣлъ быть впереди Атаманамъ съ Козаками, Головамъ съ Стрѣльцами и Дворовымъ людямъ ([325]), раздѣленнымъ на сотни, подъ начальствомъ отборныхъ Дѣтей Боярскихъ; за ними итти полкамъ Воеводскимъ: Князю Михайлу Воротынскому съ Окольничимъ Алексѣемъ Басмановымъ ударить на крѣпость въ проломъ отъ Булака и Поганаго озера; Князьямъ Хилкову въ Кабацкія ворота, Троекурову въ Збойливыя, Андрею Курбскому въ Ельбугины, Семену Шереметеву въ Муралеевы, Дмитрію Плещееву въ Тюменскія. Каждому изъ нихъ помогалъ особенный Воевода: первому самъ Государь; другимъ же Князья Иванъ Пронскій, Турунтай, Шемякинъ, Щенятевъ, Василій Серебряный Оболенскій и Дмитрій Микулинскій. Приказавъ имъ изготовиться къ двумъ часамъ слѣдующаго утра и ждать взорванія подкоповъ, Іоаннъ ввечеру уединился съ духовнымъ отцемъ своимъ, провелъ нѣсколько времени въ его душеспа-

сительной бесѣдѣ и надѣлъ доспѣхъ ([326]). Тогда Князь Воротынскій прислалъ ему сказать, что Инженеръ кончилъ дѣло, и 48 бочекъ зелія уже въ подкопѣ; что Казанцы замѣтили нашу работу и что не надобно терять ни минуты. Государь велѣлъ выступать полкамъ, слушалъ Заутреню въ церкви, отпустилъ Дружину Царскую, молился изъ глубины сердца... Въ сію важную ночь, предтечу рѣшительнаго дня, ни Россіяне, ни Казанцы не думали объ успокоеніи. Изъ города видѣли необыкновенныя движенія въ нашемъ станѣ. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою.

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ: Россіяне предъ нимп, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши ([327]); ни срѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ: въ его безмолвіи слышалось пѣніе Іереевъ, которые служили Обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь*! грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслася... Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалося въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать Литургію. Когда Діаконъ предъ дверями Царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній Державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ еще сильнѣе перваго ([328]) — и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки Россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а Казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: *Алла! Алла!* призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... Но Россіяне, ободряемые

Взорваніе подкоповъ, и приступъ.

Геройство съ обѣихъ сторонъ.

примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для Россіянъ. Число ихъ уменшилось; многіе пали мертвые или раненные, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ... И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ Литургію ([329]), причастясь Святыхъ Таинъ, взявъ благословеніе отъ своего Отца Духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена Христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско Запасное однимъ кликомъ привѣтствовало Государя и побѣду ([330]).

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаянные Татары, сломленные, низверженные съ верху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣклись саблями, схватывались за руки съ Россіянами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ; вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Князь Михайло Воротынскій первый извѣстилъ Іоанна, что мы уже въ городѣ, но что битва еще кипитъ и нужна помощь. Государь отрядилъ къ нему часть своего полку; велѣлъ итти и другимъ Воеводамъ. Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и тѣснили Татаръ къ укрѣпленному Двору Царскому. Самъ Едигеръ съ знатнѣйшими Вельможами медленно отступалъ отъ проломовъ, остановился среди города, у Тезицкаго или у Купеческаго рва, бился упорно, и вдругъ замѣтилъ, что толпы наши рѣдѣютъ: ибо Россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами Азіатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сѣчу, начали разбивать домы, лавки— и самые чиновники, коимъ приказалъ Государь итти съ обнаженными мечами за воинами, чтобы никого изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысть. Тутъ ожили и

Корыстолюбіе многихъ воиновъ.

малодушные трусы, лежавшіе на полѣ какъ бы мертвые или раненые; а изъ обозовъ прибѣжали слуги, кашевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани; относили въ станъ, и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ ([331]). Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: *съкутъ! съкутъ!* Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе; измѣнился въ лицѣ, и думалъ, что Казанцы выгнали все наше войско изъ города. „Съ нимъ были“ — пишетъ Курбскій — „великіе *Синклиты*, мужи вѣка отцевъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ“: они дали совѣтъ Государю, и Государь явилъ великодушіе: взялъ Святую хоругвь и сталъ предъ Царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ ([332]). Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ; а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, въ блестящихъ шлемахъ, какъ буря нагрянуло на Татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступали до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ Духовные, Абызы, Сеиты, Молны (Муллы) и Первосвященникъ Кульшерифъ встрѣтили Россіянъ, не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервененіи злобы устремились на вѣрную смерть, и всѣ до единаго пали подъ нашими мечами. Едигеръ съ остальными Казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ Дворѣ Царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили ворота... Тутъ юныя жены и дочери Казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, подъ защитою своихъ прелестей; а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья, окруживъ Царя, еще бились усильно: наконецъ вышли, числомъ 10,000, въ заднія ворота, къ нижней части города. Князь Андрей Курбскій съ двумя стами воиновъ пресѣкъ имъ дорогу; удерживалъ ихъ въ тѣсныхъ улицахъ, на крутизнахъ; затруднялъ каждый шагъ; давалъ время

Великодушіе Іоанна и Бояръ.

Доблесть Князя Курбскаго.

нашимъ разить тылъ непріятеля, и сталъ въ Збойливыхъ воротахъ, гдѣ присоединилось къ нему еще нѣсколько сотъ Россіянъ. Гонимые, тѣснимые Казанцы по трупамъ своихъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ Воевода, Князь Дмитрій Палецкій, остановилъ сѣчу. „Слушайте“, сказали Казанцы: „доколѣ у насъ „было Царство, мы умирали за Царя и отечество. Теперь Казань „ваша: отдаемъ вамъ и Царя, живаго, неуязвленнаго: ведите его „къ Іоанну; а мы идемъ на широкое поле, испить съ вами по„слѣднюю чашу“. Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали Палецкому главнаго, престарѣлаго Вельможу или Карача, именемъ Заніеша, и двухъ *мамичей* совоспитанниковъ Царскихъ ([333]); начали снова стрѣлять, прыгали со стѣны внизъ и хотѣли итти къ стану нашей Правой Руки; но встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣпленій, обратились влѣво: кинули тяжелое оружіе, разулись и перешли мелкую тамъ рѣку Казанку, въ виду нашего войска, бывшаго въ крѣпости, на стѣнахъ и Дворѣ Царскомъ, за горами и стремнинами. Одни юные Князья Курбскіе, Андрей и Романъ, съ малочисленною дружиною успѣли сѣсть на коней, обскакали непріятеля, ударили на густую толпу его, врѣзались въ ея средину, топтали, кололи ([334]). Но татаръ было еще 5000, и самыхъ храбрѣйшихъ: они стояли, ибо не страшились смерти; стиснули нашихъ Героевъ, повергнули ихъ уязвленныхъ, дымящихся кровію, за-мертво на землю,—шли безпрепятственно далѣе гладкимъ лугомъ до вязкаго болота, гдѣ конница уже не могла гнаться за ними, и спѣшили къ густому, темному лѣсу: остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервененіемъ еще опасный для Россіянъ! Государь послалъ Князя Симеона Микулинскаго, Михайла Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ Татаръ отъ лѣса: Воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдался живой; спаслись немногіе, и то раненные ([335]).

Взятіе Казани.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча престала, но кровь лилася ([336]): раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ;

брали въ плѣнъ женъ и дѣтей или чиновниковъ ([337]). Дворъ Царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми; отъ крѣпости до Казанки, далѣе на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей. Тогда главный Военачальникъ, Князь Михайло Воротынскій, прислалъ сказать Государю: „Радуйся, благочестивый Самодержецъ! Твоимъ мужествомъ и „счастіемъ побѣда совершилась: Казань наша, Царь ея въ „твоихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ плѣну; несмѣтныя „богатства собраны: что прикажешь?“ *Славить Всевышняго*, отвѣтствовалъ Іоаннъ, воздѣлъ руки на небо, велѣлъ пѣть молебенъ подъ Святою хоругвію, и собственною рукою на семъ мѣстѣ водрузивъ Животворящій крестъ, назначилъ быть тамъ первой церкви Христіанской ([338]). Князь Палецкій представилъ ему Едигера: безъ всякаго гнѣва и съ видомъ кротости Іоаннъ сказалъ: „Несчастный! развѣ ты не зналъ могущества „Россіи и лукавства Казанцевъ?“ Едигеръ, ободренный тихостію Государя, преклонилъ колѣна, изъявлялъ раскаяніе, требовалъ милости ([339]). Іоаннъ простилъ его, и съ любовію обнялъ брата, Князя Владиміра Андреевича, Шигъ-Алея ([340]), Вельможъ; отвѣтствовалъ на ихъ усердныя поздравленія ласково и смиренно; всю славу отдавалъ Богу, имъ и воинству; послалъ Бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины *съ хвалою и съ милостивымъ словомъ;* велѣлъ очистить въ городѣ одну улицу отъ воротъ Муралеевыхъ ко Двору Царскому, и въѣхалъ въ Казань: предъ нимъ Воеводы, Дворяне и Духовникъ его съ крестомъ; за нимъ Князь Владиміръ Андреевичь и Шигъ-Алей. У воротъ стояло множество освобожденныхъ Россіянъ, бывшихъ плѣнниками въ Казани: увидѣвъ Государя, они пали на землю и съ радостными слезами взывали: „Изба„витель! ты вывелъ насъ изъ Ада! Для насъ, бѣдныхъ, „сирыхъ, не щадилъ головы своей!“ Государь приказалъ отвести ихъ въ станъ и питать отъ стола Царскаго; ѣхалъ сквозь ряды складенныхъ тѣлъ и плакалъ; видя трупы Казанцевъ, говорилъ: „это не Христіане, но подобные намъ

Водруженіе креста у воротъ Царскихъ.

Въѣздъ Государевъ въ Казань.

Освобожденіе Россійскихъ плѣнниковъ.

„люди;“ видя мертвыхъ Россіянъ, молился за нихъ Всевышнему, какъ за жертву общаго спасенія ([341]). При вступленіи во дворецъ Бояре, чиновники, воины снова поздравляли Іоанна. Они съ умиленіемъ говорили другъ другу: „Гдѣ царствовало „зловѣріе, упиваясь кровію Христіанъ, тамъ видимъ крестъ „животворящій и Государя нашего во славѣ“ ([342])! Всѣ единогласно, единодушно, въ умиленіи сердецъ, принесли благодарность Небу. Іоаннъ велѣлъ тушить огонь въ городѣ, и всю добычу, всѣ богатства Казанскія, всѣхъ плѣнниковъ, кромѣ одного Едигера, отдалъ воинству; взялъ только утварь Царскую, вѣнецъ, жезлъ, знамя Державное и пушки, сказавъ: „моя корысть есть спокойствіе и честь Россіи“ ([343])! Онъ возвратился въ станъ; хотѣлъ видѣть войско, и вышелъ къ полкамъ съ лицемъ свѣтлымъ. Они еще дымились кровію невѣрныхъ и своею; многіе витязи, по словамъ Лѣтописца, *сіяли ранами драгоцѣннѣйшими алмазовъ* ([344]).

Рѣчь Іоанна къ войску.

Іоаннъ сталъ предъ войскомъ и громко произнесъ рѣчь, исполненную любви и милости. „Воины мужественные!“ говорилъ онъ: „Бояре, Воеводы, чиновники? въ сей знаменитый день *страдая* „за имя Божіе, за Вѣру, отечество и Царя, вы пріобрѣли „славу неслыханную въ наше время. Никто не оказывалъ „такой храбрости; никто не одерживалъ такой побѣды! Вы „новые Македоняне, достойные потомки витязей, которые съ „Великимъ Княземъ Димитріемъ сокрушили Мамая! Чѣмъ „могу воздать вамъ?.... Любезнѣйшіе сыны Россіи, тамъ, на „полѣ чести, лежащіе! вы уже сіяете въ вѣнцахъ Небесныхъ „вмѣстѣ съ первыми Мучениками Христіанства. Се дѣло „Божіе: наше есть славить васъ во вѣки вѣковъ, вписать „имена ваши на хартіи священной для поминовенія въ Со„борной Апостольской Церкви. А вы, своею кровію обагренные, „но еще живые для нашей любви и признательности! всѣ хра„брые, коихъ вижу предъ собою! внимайте и вѣрьте моему „обѣту любить и жаловать васъ до конца дней моихъ... Те„перь успокойтесь, побѣдители!“ Войско отвѣтствовало радостными кликами. Іоаннъ посѣтилъ, утѣшилъ раненыхъ; немедленно отправилъ шурина своего, Данила Романовича, въ

1) Храмъ Покрова Богородицы (нынѣ именуемый Василіемъ, Блаженнымъ).—2) Деревянная церковь Вознесенія въ Торжкѣ, построенная въ XVI вѣкѣ.

Москву съ счастливою вѣстію къ супругѣ, къ Митрополиту, къ Князю Юрію; сѣлъ обѣдать съ Боярами, и далъ пиръ воинамъ ([345]). Сей великолѣпный праздникъ отечества украшался воспоминаніемъ минувшихъ золъ, чувствомъ настоящей славы и надеждою будущаго благоденствія. Пиръ въ станѣ.

Въ тотъ же день Іоаннъ послалъ жалованныя грамоты во всѣ окрестныя мѣста, объявляя жителямъ миръ и безопасность. „Идите къ намъ—писалъ онъ—безъ ужаса и боязни. „Прошедшее забываю, ибо злодѣйство уже наказано. Платите „мнѣ, что вы платили Царямъ Казанскимъ“. Устрашенные бѣдствіемъ ихъ столицы, они разсѣялись по лѣсамъ: успокоенные милостивымъ словомъ Іоанновымъ, возвратились въ домы. Сперва жители Арскіе, а послѣ вся Луговая Черемиса прислали старѣйшинъ въ станъ къ Государю и дали клятву вѣрности ([346]). Поддан. ство Арской области и Луговой Черемисы.

3 Октября погребали мертвыхъ и совершенно очистили городъ. На другой день Іоаннъ съ Духовенствомъ, Синклитомъ и воинствомъ торжественно вступилъ въ Казань; избралъ мѣсто, заложилъ Каѳедральную церковь Благовѣщенія, обошелъ городъ со крестами, и посвятилъ его *Богу истинному* ([347]). Іереи кропили улицы, стѣны Святою водою, моля Вседержителя, да благословитъ сію новую твердыню Православія, да цвѣтетъ въ ней здравіе и доблесть, да будетъ вовѣки неприступною для враговъ, вовѣки неотъемлемою собственностію и честію Россіи!.. Осмотрѣвъ всю Казань; назначивъ, гдѣ быть храмамъ, и приказавъ немедленно возобновить разрушенныя укрѣпленія, стѣны, башни, Государь съ Вельможами поѣхалъ во дворецъ, на коемъ развѣвалось знамя Христіанское. Торжественное вступленіе въ Казань.

Такъ пало къ ногамъ Іоанновымъ одно изъ знаменитыхъ Царствъ, основанныхъ Чингисовыми Моголами въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Возникнувъ на развалинахъ Болгаріи, и поглотивъ ея бѣдные остатки, Казань имѣла и хищный, воинственный духъ Моголовъ, и торговый, заимствованный ею отъ древнихъ жителей сей страны ([348]), гдѣ издавна съѣзжались купцы Арменскіе, Хивинскіе, Персидскіе (и гдѣ онъ донынѣ сохранился: донынѣ Казанскіе Татары, потомки Золотой Орды и

Болгаровъ, имѣютъ купеческія связи съ Востокомъ). Около 115 лѣтъ Казанцы намъ и мы имъ неутомимо враждовали, отъ перваго ихъ Царя, Махмета, у коего прадѣдъ Іоанновъ былъ плѣнникомъ, до Едигера, взятаго въ плѣнъ Іоанномъ, котораго дѣдъ уже именовался Государемъ *Болгарскимъ*, уже считалъ Казань нашею областію, но при концѣ жизни своей видѣлъ ея страшный бунтъ и не могъ отмстить за кровь Россіянъ, тамъ проліянную ([349]). Новые мирные договоры служили поводомъ къ новымъ измѣнамъ, и всякая была ужасомъ для Восточной Россіи, гдѣ, на всей длинной чертѣ отъ Нижняго Новагорода до Перми, люди вѣчно береглися какъ на отводной стражѣ. Самая месть стоила намъ дорого, и самые счастливые походы иногда заключались истребленіемъ войска и коней отъ болѣзней, отъ трудностей пути въ мѣстахъ дикихъ, населенныхъ народами свирѣпыми. Однимъ словомъ, вопросъ: надлежало ли покорить Казань? соединялся ли съ другимъ: надлежало ли безопасностію и спокойствіемъ утвердить бытіе Россіи? Чувство государственнаго блага, усиленное ревностію Вѣры, производило въ побѣдителяхъ общій, живѣйшій восторгъ, и Лѣтописцы говорятъ о семъ завоеваніи съ жаромъ Стихотворцевъ, призывая современниковъ и потомство къ *великому зрѣлищу* Казани, обновляемой во имя Христа Спасителя, осѣняемой хоругвями, украшаемой церквами Православія, оживленной (послѣ ужасовъ кровопролитія, послѣ безмолвія смерти) присутствіемъ многочисленнаго, радостнаго войска, среди свѣжихъ трофеевъ, но уже въ глубокой мирной тишинѣ ликующаго на стогнахъ, площадяхъ, въ садахъ, и юнаго Царя сидящаго на славно-завоеванномъ престолѣ, въ блестящемъ кругу Вельможъ и Полководцевъ, у коихъ была только одна мысль, одно чувство: *мы заслужили благодарность отечества!* — Лѣтописцы сказываютъ, что небо благопріятствовало торжеству побѣды; что время стояло ясное, теплое, и Россіяне, осаждавъ Казань въ мрачную, дождливую осень, вступили въ нее какъ бы весною.

Зрѣлище Казани.

6 Октября Духовникъ Государевъ съ Іереями Свіяжскими освятилъ храмъ Благовѣщенія ([350]). Въ слѣдующіе дни Іоаннъ

занимался учрежденіемъ Правительства въ городѣ и въ областяхъ; объявилъ Князя Александра Горбатаго Шуйскаго Казанскимъ Намѣстникомъ, а Князя Василія Серебрянаго его товарищемъ; далъ имъ писменное наставленіе, 1500 Дѣтей Боярскихъ, 3000 Стрѣльцовъ со многими Козаками, и 11 Октября изготовился къ отъѣзду, хотя благоразумные Вельможи совѣтовали ему остаться тамъ до весны со всѣмъ войскомъ, чтобы довершить покореніе земли, гдѣ обитало пять народовъ ([351]): Мордва, Чуваши, Вотяки (въ Арской области), Черемисы и Башкирцы (вверхъ по Камѣ). Еще многіе изъ ихъ Улусовъ не признавали нашей власти; къ нимъ ушли нѣкоторые изъ злѣйшихъ Казанцевъ, и легко было предузнать опасныя того слѣдствія. Въ станѣ и въ Свіяжскѣ находилось довольно запасовъ для прокормленія войска. Но Іоаннъ, нетерпѣливо желая видѣть супругу и явить себя Москвѣ во славѣ, отвергнулъ совѣтъ мудрѣйшихъ, чтобы исполнить волю сердца, ободряемую братьями Царицы ([352]) и другими сановниками, которые также хотѣли скорѣе отдохнуть на лаврахъ. Отпѣвъ молебенъ въ церкви Благовѣщенія и поручивъ храненіе новой страны своей Іисусу, Дѣвѣ Маріи, Россійскимъ Угодникамъ Божіимъ, Царь выѣхалъ изъ Казани, ночевалъ на берегу Волги, противъ Гостинаго острова, и 12 Октября съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ Боярами и съ пѣхотными дружинами отплылъ въ ладіяхъ къ Свіяжску. Князь Михайло Воротынскій повелъ конницу берегомъ къ Василю городу, путемъ уже безопаснымъ, хотя и труднымъ ([353]).

Учрежденіе Правительства.

Совѣтъ Вельможъ

Возвратный путь Государя въ Москву.

Пробывъ только одинъ день въ Свіяжскѣ, и назначивъ Князя Петра Шуйскаго Правителемъ сей области, Іоаннъ 14 Октября подъ Вязовыми горами сѣлъ на суда. Въ Нижнемъ, на берегу Волги, встрѣтили его всѣ граждане со крестами, и преклонивъ колѣна, обливались слезами благодарности за вѣчное избавленіе ихъ отъ ужасныхъ набѣговъ Казанскихъ; славили побѣдителя, громогласно, съ душевнымъ восхищеніемъ, такъ, что сей *благодарный плачь*, заглушая пѣніе Священниковъ, принудилъ ихъ умолкнуть ([354]). Тутъ же Послы отъ Царицы, Князя Юрія, Митрополита, *здрав-*

ствовали Государю на Богомъ данной ему отчинѣ, Царствѣ Казанскомъ ([355]). Собравъ въ Нижнемъ все воинство; снова изъявивъ признательность своимъ усерднымъ сподвижникамъ; сказавъ, что разстается съ ними до перваго случая обнажить со славою мечь за отечество, онъ уволилъ ихъ въ домы; самъ поѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Балахну въ Владиміръ, и въ Судогдѣ встрѣтилъ Боярина, Василія Юрьевича Траханіота, который скакалъ къ нему отъ Анастасіи съ вѣстію о рожденіи сына, Царевича Димитрія. Государь въ радости спрыгнулъ съ коня, обнялъ, цѣловалъ Траханіота; благодарилъ Небо, плакалъ, и не зная, какъ наградить счастливаго вѣстника, отдалъ ему съ плеча одежду Царскую и коня изъ-подъ себя ([356]). Іоаннъ имѣлъ уже двухъ дочерей, Анну и Марію, изъ коихъ первая скончалась одиннадцати мѣсяцевъ ([357]):

Рожденіе Царевича.

рожденіе наслѣдника было тайнымъ желаніемъ его сердца. Онъ послалъ шурина, Никиту Романовича, къ Анастасіи съ нѣжными привѣтствіями; останавливался въ Владимірѣ, Суздалѣ, единственно для того, чтобы молиться въ храмахъ, изъявлять чувствительность къ любви жителей, отовсюду стекавшихся видѣть лице его, свѣтлое радостію ([358]); заѣхалъ въ славную Троицкую Обитель Св. Сергія, знаменовался у гроба его, вкусилъ хлѣба съ Иноками, и 28 Октября ночевалъ въ селѣ Тайнинскомъ, гдѣ ждали его братъ, Князь Юрій, и нѣкоторые Бояре съ поздравленіемъ; а на другой

Встрѣча Іоанна.

день, рано, приближаясь къ любезной ему столицѣ, увидѣлъ на берегу Яузы ([359]) безчисленное множество народа, такъ, что на пространствѣ шести верстъ, отъ рѣки до посада, оставался только самый тѣсный путь для Государя и дружины его. Сею улицею, между тысячами Московскихъ гражданъ, ѣхалъ Іоаннъ, кланяясь на обѣ стороны; а народъ, цѣлуя ноги, руки его, восклицалъ непрестанно: „многая лѣта Царю „благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю Хри„стіанъ!“ Тамъ, гдѣ жители Московскіе приняли нѣкогда Владимірскій образъ Богоматери, несущій спасеніе граду въ нашествіе Тамерлана — гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій — тамъ Митрополитъ, Епископы, Духовенство съ сею иконою, старцы

Бояре, Князь Михайло Ивановичь Булгаковъ ([360]), Иванъ Григорьевичь Морозовъ, слуги отца и дѣда его, со всѣми чиноначальниками стояли подъ церковными хоругвями ([361]). Іоаннъ сошелъ съ коня, приложился къ Образу, и благословенный Святителями, сказалъ: „Соборъ Духовенства Право-„славнаго! Отче Митрополитъ и Владыки! я молилъ васъ „быть ревностными ходатаями предъ Всевышнимъ за Царя и „Царство, да отпустятся мнѣ грѣхи юности, да устрою землю, „да буду щитомъ ея въ нашествія варваровъ; совѣтовался съ „вами о Казанскихъ измѣнахъ, о средствахъ прекратить оныя, „погасить огнь въ нашихъ селахъ, унять текущую кровь „Россіянъ, снять цѣпи съ Христіанскихъ плѣнниковъ, вы-„вести ихъ изъ темницы, возвратить отечеству и Церкви. „Дѣдъ мой, отецъ, и мы посылали Воеводъ, но безъ успѣха. „Наконецъ, исполняя совѣтъ вашъ, я самъ выступилъ въ „поле. Тогда явился другой непріятель, Ханъ Крымскій, въ „предѣлахъ Россіи, чтобы въ наше отсутствіе истребить Хри-„стіанство. Вспомнивъ слово Евангельское: *бдите и моли-„теся, да не внидите въ напасть!* вы, достойные Свя-„тители Церкви, молились — и Богъ услышалъ васъ, и помогъ „намъ — и Ханъ, гонимый единственно гнѣвомъ Небеснымъ, „бѣжалъ малодушно!.. Ободренные явнымъ дѣйствіемъ вашей „молитвы, мы подвиглись на Казань, благополучно достигли „цѣли, и милостію Божіею, мужествомъ Князя Владиміра „Андреевича, нашихъ Бояръ, Воеводъ и всего воинства, сей „градъ многолюдный палъ предъ нами: судомъ Господнимъ „въ единый часъ изгибли невѣрные *безъ вѣсти*, Царь ихъ „взятъ въ плѣнъ, исчезла прелесть Магометова, на ея мѣстѣ „водруженъ святый крестъ; области Арская и Луговая пла-„тятъ дань Россіи; Воеводы Московскіе управляютъ землею; „а мы, во здравіи и веселіи, пришли сюда къ образу Бого-„матери, къ мощамъ великихъ Угодниковъ, къ вашей Свя-„тынѣ, въ свою любезную отчизну — и за сіе Небесное бла-„годѣяніе, вами испрошенное, тебѣ, отцу своему, и всему „Освященному Собору, мы съ Княземъ Владиміромъ Андре-„евичемъ и со всѣмъ воинствомъ въ умиленіи сердца кла-

Рѣчь Государева къ Духовенству.

„няемся“ ([362]). Тутъ Государь, Князь Владиміръ и вся дружина воинская поклонились до земли. Іоаннъ продолжалъ: „Молю васъ и нынѣ, да ревностнымъ ходатайствомъ у пре„стола Божія и мудрыми своими наставленіями способствуете „мнѣ утвердить законъ, правду, благіе нравы внутри Госу„дарства; да цвѣтетъ отечество подъ сѣнію мира въ добро„дѣтели; да цвѣтетъ въ немъ Христіанство; да познаютъ „Бога истиннаго невѣрные, новые подданные Россіи, и вмѣстѣ „съ нами да славятъ Святую Троицу во вѣки вѣковъ. „Аминь!“

Отвѣтъ Митрополитовъ.

Митрополитъ отвѣтствовалъ: „Царю благочестивый! мы, „твои богомольцы, удивленные избыткомъ Небесной къ намъ „милости, что речемъ предъ Господомъ? развѣ токмо воскли„кнемъ: *дивенъ Богъ творяй чудеса*!.. Какая побѣда! какая „слава для тебя и для всѣхъ твоихъ свѣтлыхъ сподвижни„ковъ! Что мы были? и что нынѣ? Вѣроломные, лютые Ка„занцы ужасали Россію, жадно пили кровь Христіанъ, увле„кали ихъ въ неволю, оскверняли, разоряли святыя церкви. „Терзаемый бѣдствіемъ отечества, ты, Царь великодушный, „возложивъ *неуклонную* надежду на Бога Вседержителя, „произнесъ обѣтъ спасти насъ; ополчился съ вѣрою; шелъ „на труды и на смерть; *страдалъ до крови*; предалъ свою „душу и тѣло за Церковь, за отечество — и благодать Не„бесная возсіяла на Тебѣ, якоже на древнихъ Царяхъ, угод„ныхъ Господу: на Константинѣ Великомъ, Св. Владиміре, „Димитріи Донскомъ, Александрѣ Невскомъ. Ты сравнялся „съ ними — и кто превзошелъ тебя? Сей царствующій градъ „Казанскій, гдѣ гнѣздился змій какъ въ глубокой норѣ своей, „уязвляя, поядая насъ — сей градъ, столь знаменитый и „столь ужасный, лежитъ бездушный у ногъ твоихъ; ты рас„топталъ главу змія, освободилъ тысячи Христіанъ плѣнен„ныхъ, знаменіями истинной Вѣры освятилъ скверну Маго„метову — навѣки, навѣки успокоилъ Россію! Сіе дѣло Бо„жіе, но чрезъ тебя совершенное! ибо ты помнилъ слово Еван„гельское: *рабе благій! въ малѣ былъ еси вѣренъ: надъ „многими тя поставлю!* Веселися, о Царь любезный Богу

„и отечеству! Даровавъ побѣду, Всевышній даровалъ тебѣ и „вожделѣннаго, первороднаго сына! Живи и здравствуй съ „добродѣтельною Царицею Анастасіею, съ юнымъ Царевичемъ „Димитріемъ, съ своими братьями, Боярами и со всѣмъ пра„вославнымъ воинствомъ въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ „Москвѣ и на всѣхъ своихъ Царствахъ, въ сей годъ и въ „предъидущія многія лѣта. А мы тебѣ, Государю благоче„стивому, за твои труды и подвиги великіе со всѣми Свя„тителями, со всѣми православными Христіанами кланяемся“. Митрополитъ, Духовенство, сановники и народъ пали ницъ предъ Іоанномъ; слезы текли изъ глазъ; благословенія раздавались, долго и непрерывно.

Тутъ Государь снялъ съ себя воинскую одежду, возложилъ на плеча порфиру, на выю и на перси крестъ Животворящій, на главу вѣнецъ Мономаховъ, и пошелъ за святыми иконами въ Кремль; слушалъ молебенъ въ храмѣ Успенія; съ любовію и благодарностію поклонился мощамъ Россійскихъ Угодниковъ Божіихъ, гробамъ своихъ предковъ; обходилъ всѣ храмы знаменитые, и спѣшилъ наконецъ во дворецъ. Царица еще не могла встрѣтить его: лежала на постелѣ; но увидѣвъ супруга, забыла слабость и болѣзнь: въ восторгѣ упала къ ногамъ Державнаго Героя, который, обнимая Анастасію и сына, вкусилъ тогда всю полноту счастія, даннаго въ удѣлъ человѣчеству.

Москва и Россія были въ неописанномъ волненіи радости. Вездѣ въ отверстыхъ храмахъ благодарили Небо и Царя; отовсюду спѣшили усердные подданные видѣть лице Іоанна; говорили единственно о великомъ дѣлѣ его, о преодолѣнныхъ трудностяхъ похода, усиліяхъ, хитростяхъ осады; о злобномъ ожесточеніи Казанцевъ, о блистательномъ мужествѣ Россіянъ, и возвышались сердцемъ, повторяя: „мы завоевали Царство! что скажутъ въ свѣтѣ“ ([363])?

Пиръ во дворцѣ и дары Іоанновы.

Нѣсколько дней посвятивъ счастію семейственному, Іоаннъ, Ноября 8, далъ торжественный обѣдъ, въ Большой Грановитой палатѣ, Митрополиту, Епископамъ, Архимандритамъ, Игуменамъ, Князьямъ Юрію Васильевичу и Владиміру Андрее-

вичу, всѣмъ Боярамъ, всѣмъ Воеводамъ, которые мужествовали подъ Казанью. „Никогда, говорятъ Лѣтописцы, не видали „мы такого великолѣпія, празднества, веселія во дворцѣ Мо„сковскомъ, ни такой щедрости“. Іоаннъ дарилъ всѣхъ, отъ Митрополита до простаго воина, ознаменованнаго или славною раною, или замѣченнаго въ спискѣ храбрыхъ; Князя Владиміра Андреевича жаловалъ шубами, златыми Фряжскими кубками и ковшами; Бояръ, Воеводъ, Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ и всѣхъ воиновъ по достоянію одеждами съ своего плеча, бархатами, соболями, кубками, конями, доспѣхами или деньгами; три дни пировалъ съ своими знаменитѣйшими подданными, и три дни сыпалъ дары, коихъ по счету, сдѣланному въ казначействѣ, вышло на сорокъ-восемь тысячь рублей (около милліона нынѣшнихъ), кромѣ богатыхъ отчинъ и помѣстьевъ, разданныхъ тогда воинскимъ и Придворнымъ чиновникамъ ([364]).

Чтобы ознаменовать взятіе Казани достойнымъ памятникомъ для будущихъ столѣтій, Государь заложилъ великолѣпный храмъ Покрова Богоматери, у воротъ Флоровскихъ или Спасскихъ, о девяти куполахъ: онъ есть донынѣ лучшее произведеніе такъ называемой Готической Архитектуры на нашей древней столицѣ ([365]).

Сей Монархъ, озаренный славою, до восторга любимый отечествомъ, завоеватель враждебнаго Царства, умиритель своего, великодушный во всѣхъ чувствахъ, во всѣхъ намѣреніяхъ, мудрый Правитель, Законодатель, имѣлъ только 22 года отъ рожденія: явленіе рѣдкое въ Исторіи Государствъ! Казалось, что Богъ хотѣлъ въ Іоаннѣ удивить Россію и человѣчество примѣромъ какого-то совершенства, великости и счастія на тронѣ... Но здѣсь восходитъ первое облако надъ лучезарною главою юнаго Вѣнценосца.

ГЛАВА V.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Г. 1552—1560.

Крещеніе Царевича Димитрія и двухъ Царей Казанскихъ. Язва. Мятежи въ землѣ Казанской. Болѣзнь Царя. Путешествіе Іоанново въ Кирилловъ монастырь. Смерть Царевича. Важная бесѣда Іоаннова съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ. Рожденіе Царевича Іоанна. Бѣгство Князя Ростовскаго. Ересь. Усмиреніе мятежей въ Казанской землѣ. Учрежденіе Епархіи Казанской. Покореніе Царства Астраханскаго. Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское. Подданство Черкесовъ. Дружба съ Ногаями. Дань Сибирская. Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію. Посолъ въ Англію. Дѣла Крымскія. Письмо Солиманово. Впаденіе Крымцевъ. Война Шведская. Сношенія съ Литвою. Нападеніе Дьяка Ржевскаго на Исламъ-Кирмень. Князь Вишневецкій вступаетъ въ службу къ Царю и беретъ Хортицу. Завоеваніе Темрюка и Тамана. Моръ въ Ногайскихъ и Крымскихъ Улусахъ. Усердіе Вишневецкаго. Предложеніе союза Литвѣ. Дѣла Ливонскія. Важный замыселъ, приписываемый Іоанну. Состояніе Ливоніи. Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска. Начало войны Ливонской. Взятіе Нарвы. Завоеваніе Нейшлоса, Адежа, Нейгауза. Великодушіе Дерптскаго Бургомистра. Бѣгство Магистра. Новый Глава Ордена. Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ. Кетлеръ беретъ Рингенъ. Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію. За Ливонію Ходатайствуютъ Короли Польскій, Шведскій, Датскій. Іоаннъ даетъ перемиріе Ливоніи. Нашествіе Крымцевъ. Впаденіе Россіянъ въ Тавриду. Союзъ Ливоніи съ Августомъ Магистръ нарушаетъ перемиріе. Славная защита Лаиса. Угрозы Августовы. Гонецъ отъ Императора. Новое разореніе Ливоніи. Взятіе Маріенбурга. Побѣды К. Курбскаго. Кончина Царицы Анастасіи.

Какъ скоро Анастасія могла встать съ постели, Государь отправился съ нею и съ сыномъ въ Обитель Троицы, гдѣ Архіепископъ Ростовскій, Никандръ, крестилъ Димитрія у мощей Св. Сергія ([366]).—Насыщенный мірскою славою, Іоаннъ заключилъ торжество государственное Христіанскимъ: два

г. 1552. Крещеніе Царевича Димитрія.

Царя Казанскіе, Утемишъ-Гирей и Едигеръ, пріяли Вѣру
г. 1553. Спасителя. Перваго, еще младенца, крестилъ Митрополитъ въ
Крещеніе двухъ Царей Казанскихъ. Чудовѣ монастырѣ и нарекъ Александромъ: Государь взялъ его къ себѣ во дворецъ и велѣлъ учить грамотѣ, Закону и добродѣтели ([367]). Едигеръ самъ изъявилъ ревностное желаніе озариться свѣтомъ истины, и на вопросы Митрополита: „не „нужда ли, не страхъ ли, не мірская ли польза внушаетъ „ему сію мысль?“ отвѣтствовалъ рѣшительно: „нѣтъ! люблю
26 Февраля. „Іисуса и ненавижу Магомета!“ Священный обрядъ совершился на берегу Москвы-рѣки, въ присутствіи Государя, Бояръ и народа. Митрополитъ былъ воспріемникомъ отъ купѣли. Едигеръ, названный Симеономъ, удержалъ имя Царя; жилъ въ Кремлѣ, въ особенномъ большомъ домѣ; имѣлъ Боярина, чиновниковъ, множество слугъ, и женился на дочери знатнаго сановника, Андрея Кутузова, Маріи ([368]); пользовался всегда милостію Государя и доказывалъ искреннюю любовь къ Россіи, забывъ, какъ смутную мечту, и прежнее свое Царство и прежнюю Вѣру.

Послѣ многихъ неописанно-сладостныхъ чувствъ душа Іоаннова уже вкушала тогда горесть. Смертоносная язва, которая подъ именемъ *желѣзы* столь часто опустошала Россію въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ, снова открылась во Псковѣ, гдѣ съ Октября 1552 до осени 1553 года было погребено 25,000 тѣлъ въ скудельницахъ, кромѣ множества схороненныхъ тайно въ лѣсу и въ оврагахъ ([369]). Узнавъ о семъ, Новогородцы немедленно выгнали Псковскихъ купцевъ, объявивъ, что если кто-нибудь изъ нихъ пріѣдетъ къ нимъ, то будетъ сожженъ съ своимъ имѣніемъ. Осторожность и строгость не спасли Новагорода: язва въ Октябрѣ же мѣсяцѣ начала свирѣпствовать и тамъ и во всѣхъ окрестностяхъ. Полмилліона людей было ея жертвою; въ числѣ ихъ и Архіепископъ Серапіонъ, который не берегъ себя, утѣшая несчастныхъ. На его опасное мѣсто Митрополитъ поставилъ Монаха Пимена Чернаго изъ Андреяновской Пустыни; вмѣстѣ съ Государемъ торжественно молился, святилъ воду — и Пименъ, 6 Декабря съ умиленіемъ отслуживъ первую обѣдню

въ Софійскомъ храмѣ, какъ бы притупилъ жало язвы: она сдѣлалась менѣе смертоносною, по крайней мѣрѣ въ Новѣгородѣ.

Мятежи въ землѣ Казанской.

Весьма оскорбился Государь и печальными вѣстями Казанскими, увидѣвъ, что онъ еще не все совершилъ для успокоенія Россіи. Луговые и Горные жители убивали Московскихъ купцевъ и людей Боярскихъ на Волгѣ ([370]): злодѣевъ нашли и казнили 74 человѣка; но скоро вспыхнулъ бунтъ: Вотяки и Луговая Черемиса не хотѣли платить дани, вооружились, умертвили нашихъ чиновниковъ, стали на высокой горѣ, у засѣки; разбили Стрѣльцовъ и Казаковъ, посланныхъ усмирить ихъ: 800 Россіянъ легло на мѣстѣ. Въ семидесяти верстахъ отъ Казани, на рѣкѣ Мешѣ, мятежники основали земляную крѣпость и непрестанно безпокоили Горную Сторону набѣгами. Воевода, Борисъ Салтыковъ, зимою выступивъ противъ нихъ изъ Свіяжска съ отрядомъ пѣхоты и конницы, тонулъ въ глубокихъ снѣгахъ: непріятель катясь на лыжахъ, окружилъ его со всѣхъ сторонъ; въ долговременной, безпорядочной битвѣ Россіяне падали отъ усталости и потеряли до пяти сотъ человѣкъ. Самъ Воевода былъ взятъ въ плѣнъ и зарѣзанъ варварами; не многіе возвратились въ Свіяжскъ, и бунтовщики, гордяся побѣдами, думали, что господство Россіянъ уже кончилось въ странѣ ихъ.

Іоаннъ вспомнилъ тогда мудрый совѣтъ опытныхъ Вельможъ не оставлять Казани до совершеннаго покоренія всѣхъ ея дикихъ народовъ ([371]). Унынie при Дворѣ было столь велико, что нѣкоторые Члены Царской Думы предлагали навсегда покинуть сію бѣдственную для насъ землю и вывести войско оттуда ([372]). Но Государь изъявилъ справедливое презрѣніе къ ихъ малодушію; хотѣлъ исправить свою ошибку, и вдругъ занемогъ сильною горячкою, такъ, что Дворъ, Москва, Россія въ одно время свѣдали о болѣзни его и безнадежности къ выздоровленію. Всѣ ужаснулись, отъ Вельможи до земледѣльца; мысленно искали вины своей предъ Богомъ, и говорили: „грѣхи наши должны быть безмѣрны, когда Небо отнимаетъ у Россіи такого Самодержца“ ([373])! Народъ толпился въ Кремлѣ; смотрѣли другъ другу въ глаза и боялись

Болѣзнь Царя.

спрашивать; вездѣ блѣдныя, слезами орошенныя лица—а во дворцѣ отчаяніе, смятеніе неописанное, тайный шопотъ между Боярами, которые думали, что въ семъ бѣдственномъ случаѣ имъ должно не стенать и не плакать, но великодушно устроить
Марта 11. судьбу Государства. Представилось зрѣлище разительное. Іоаннъ былъ въ памяти. Дьякъ Царскій, Михайловъ, приступивъ къ одру, съ твердостію сказалъ болящему, что ему время совершить духовную. Не смотря на цвѣтущую юность, въ полнотѣ жизни и здравія, Іоаннъ часто говаривалъ о томъ съ людьми ближними ([374]): не устрашился, и спокойно велѣлъ писать завѣщаніе, объявивъ сына, младенца Димитрія, своимъ преемникомъ, единственнымъ Государемъ Россіи. Бумагу написали; хотѣли утвердить ее присягою всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ, и собрали ихъ въ Царской столовой комнатѣ. Тутъ начался споръ, шумъ, мятежъ: одни требовали, другіе не давали присяги, и въ числѣ послѣднихъ Князь Владиміръ Андреевичь, который съ гнѣвомъ сказалъ Вельможѣ Воротынскому, укоряющему его въ ослушаніи: „смѣешь ли браниться „со мною?“ *Смѣю и драться*, отвѣтствовалъ Воротынскій, *по долгу усерднаго слуги моихъ и твоихъ Государей, Іоанна и Димитрія; не я, но они повелѣваютъ тебѣ исполнить обязанность вѣрнаго Россіянина.* Іоаннъ позвалъ ослушныхъ Бояръ и спросилъ у нихъ: „Кого же ду„маете избрать въ Цари, отказываясь цѣловать крестъ на „имя моего сына? Развѣ забыли вы данную вами клятву слу„жить единственно мнѣ и дѣтямъ моимъ?... Не имѣю силъ „говорить много,“ примолвилъ онъ слабымъ голосомъ: „Ди„митрій и въ пеленахъ есть для васъ Самодержецъ законный; „но если не имѣете совѣсти, то будете отвѣтствовать Богу“. На сіе Бояринъ Князь Иванъ Михайловичь Шуйскій сказалъ ему, что они не цѣловали креста, ибо не видали Государя предъ собою; а Ѳедоръ Адашевъ, отецъ любимца Іоаннова, самомъ Окольничій, изъяснился откровеннѣе такими словами: „Тебѣ, Государю, и сыну твоему мы усердствуемъ повино„ваться, но не Захарьинымъ-Юрьевымъ, которые безъ сом„нѣнія будутъ властвовать въ Россіи именемъ младенца без-

„словеснаго. Вотъ что страшитъ насъ! А мы, до твоего воз-„раста, уже пспили всю чашу бѣдствій отъ Боярскаго прав-„ленія“. Іоаннъ безмолвствовалъ въ изнеможеніи. Самодержецъ чувствовалъ себя простымъ слабымъ смертнымъ у могилы: его любили, оплакивали, но уже не слушались, не берегли: забывали священный долгъ покоить умирающаго; шумѣли, кричали надъ самымъ одромъ безгласно-лежащаго Іоанна—и разошлися.

Чего же хотѣли сіи дерзкіе сановники, можетъ быть дѣйствительно одушевленные любовію къ общему благу, дѣйствительно устрашенные мыслію о гибельныхъ для отечества смутахъ Боярскихъ, которыя снова могли водвориться въ Правительствующей Думѣ, къ ужасу Россіи, въ малолѣтство Димитрія? Они хотѣли возложить вѣнецъ на главу брата Іоаннова — не Юрія: ибо сей несчастный Князь, обиженный Природою, не имѣлъ ни разсудка, ни памяти ([375]) — но Владиміра Андреевича, одареннаго многими блестящими свойствами: умомъ любопытнымъ, острымъ, дѣятельнымъ, мужествомъ и твердостію. Предполагая самое чистое, благороднѣйшее побужденіе въ сердцахъ Бояръ, Лѣтописецъ справедливо осуждаетъ ихъ замыселъ самовольно испровергнуть наслѣдственный уставъ Государства, со временъ Димитрія Донскаго утверждаемый торжественною присягою, основанный на общемъ благѣ, плодъ долговременныхъ, старыхъ опытовъ и причину новаго могущества Россіи. Всѣ человѣческіе законы имѣютъ свои опасности, неудобства, иногда вредныя слѣдствія; но бываютъ душею порядка, священны для благоразумныхъ, нравственныхъ людей, и служатъ оплотомъ, твердынею Державъ. Предвидѣніе ослушныхъ Бояръ могло и не исполниться: но если бы малолѣтство Царя и произвело временныя бѣдствія для Россіи, то лучше было сносить оныя, нежели нарушеніемъ главнаго устава государственнаго ввергнуть отечество въ бездну всегдашняго мятежа неизвѣстностію наслѣдственнаго права, столь важнаго въ Монархіяхъ.

Къ счастію, другіе Бояре остались вѣрными совѣсти и закону. Въ тотъ же вечеръ Князья Иванъ Ѳеодоровичь Мстиславскій, Владиміръ Ивановичь Воротынскій, Дмитрій Па-

лецкій, Иванъ Васильевичь Шереметевъ, Михайло Яковлевичь Морозовъ, Захарьины-Юрьевы, Дьякъ Михайловъ присягнули Царевичу; также и юный другъ Государевъ, Алексѣй Адашевъ (376). Между тѣмъ донесли Іоанну, что Князья Петръ Щенятевъ, Иванъ Пронскій, Симеонъ Ростовскій, Дмитрій Нѣмый-Оболенскій въ дворцѣ и на площади славятъ Князя Владиміра Андреевича, говоря: „лучше служить старому, нежели малому и раболѣпствовать Захарьинымъ“ (377). Истощая послѣднія силы свои, Государь хотѣлъ видѣть Князя Владиміра и такъ называемою *цѣловальною записью* обязать его въ вѣрности: сей Князь торжественно отрекся отъ присяги. Съ удивительною кротостію Іоаннъ сказалъ ему: „Вижу твое „намѣреніе: бойся Всевышняго!“ а Боярамъ, давшимъ клятву: „Я слабѣю; оставьте меня и дѣйствуйте по долгу чести и совѣсти“. Они съ новою ревностію начали убѣждать всѣхъ Думныхъ Совѣтниковъ исполнить волю Государеву. Имъ отвѣтствовали: „Знаемъ, чего вы желаете: быть господами; но „мы не сдѣлаемъ по вашему“. Называли другъ друга измѣнниками, властолюбцами; гнѣвъ, злоба кипѣли въ сердцахъ, и каждое слово съ обѣихъ сторонъ было угрозою.

Въ часы сего ужаснаго смятенія Князь Владиміръ Андреевичь и мать его, Евфросинія, собирали у себя въ домѣ Дѣтей Боярскихъ и раздавали имъ деньги. Народъ изъявлялъ негодованіе. Благоразумные Вельможи говорили Князю Владиміру, что онъ безразсудно ругается надъ общею скорбію, какъ бы празднуя болѣзнь Царя; что не время жаловать людей, когда отечество въ слезахъ и въ страхѣ. Князь и мать его отвѣчали словами колкими, съ досадою; а Бояре, окружающіе Государя, уже не хотѣли пускать къ нему сего, явно злонамѣреннаго брата. Тутъ выступилъ на позорище чрезвычайный мужъ Сильвестръ, доселѣ главный совѣтникъ Іоанновъ, ко благу Россіи, но къ тайному неудовольствію многихъ, которые видѣли, что простый Іерей управляетъ и Церковію и Думою; ибо (по словамъ Лѣтописца) ему недоставало только сѣдалища Царскаго и Святительскаго: онъ указывалъ и Вельможамъ и Митрополиту, и судіямъ и Воеводамъ (378); мыслилъ, а

Царь дѣлалъ. Сія власть, не будучи беззаконіемъ и происходя единственно отъ справедливой довѣренности Государевой къ мудрому совѣтнику, могла однакожь измѣнить чистоту его первыхъ намѣреній и побужденій; могла родить въ немъ любовь къ господству и желаніе утвердить оное навсегда: искушеніе опасное для добродѣтели! Всѣми уважаемый, не всѣми любимый, Сильвестръ терялъ съ Іоанномъ политическое бытіе свое, и соглашая личное властолюбіе съ пользою государственною, *можетъ быть*, тайно доброхотствовалъ сторонѣ Князя Владиміра Андреевича, связаннаго съ нимъ дружбою. По крайней мѣрѣ, видя остервененіе ближнихъ Іоанновыхъ противъ сего Князя, онъ вступился за него и говорилъ съ жаромъ: „кто „дерзаетъ удалять брата отъ брата и злословить невиннаго, „желающаго лить слезы надъ болящимъ?“ Захарьины и другіе отвѣтствовали, что они исполняютъ присягу, служатъ Іоанну, Димитрію, и не терпятъ измѣнниковъ. Сильвестръ оскорбился и навлекъ на себя подозрѣніе.

Въ слѣдующій день Государь вторично созвалъ Вельможъ и сказалъ имъ: „Въ послѣдній разъ требую отъ васъ присяги. Цѣлуйте крестъ предъ моими ближними Боярами, Князь„ями Мстиславскимъ и Воротынскимъ: я не въ силахъ быть „того свидѣтелемъ. А вы, уже давшіе клятву умереть за меня „и за сына моего, вспомните оную, когда меня не будетъ; не „допустите вѣроломныхъ извести Царевича: спасите его; бѣгите „съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ укажетъ вамъ путь!... „А вы, Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно щадить вамъ „мятежныхъ Бояръ: они не пощадятъ васъ; вы будете *пер„выми мертвецами*. И такъ явите мужество; умрите вели„кодушно за моего сына и за мать его; не дайте жены моей „на поруганіе измѣнникамъ!“ Сіи слова произвели сильное дѣйствіе въ сердцѣ Бояръ; они содрогнулись, и безмолвствуя вышли въ переднюю комнату, гдѣ Дьякъ Иванъ Михайловъ держалъ крестъ, а Князь Владиміръ Воротынскій стоялъ подлѣ него. Всѣ присягали въ тишинѣ и съ видомъ умиленія, моля Всевышняго, да спасетъ Іоанна, или да будетъ сынъ его подобенъ ему для счастія Россіи! Одинъ Князь Иванъ Пронскій-

Турунтай, взглянувъ на Воротынскаго, сказалъ ему: „отецъ „твой и ты самъ былъ первымъ измѣнникомъ по кончинѣ „Великаго Князя Василія; а теперь приводишь насъ къ свя„тому кресту!“ Воротынскій отвѣчалъ ему спокойно: „да, я „измѣнникъ, а требую отъ тебя клятвы быть вѣрнымъ Госу„дарю нашему и сыну его; ты праведенъ, а не хочешь дать ее!“ Турунтай замѣшался и присягнулъ.

Но сей священный обрядъ не всѣхъ утвердилъ въ вѣрности. Князь Дмитрій Палецкій, сватъ Государевъ, тесть Юрія, тогда же послалъ зятя своего, Василья Бороздина, къ Князю Владиміру Андреевичу и къ матери его, сказать имъ, что если они дадутъ Юрію Удѣлъ, назначенный ему въ духовномъ завѣщаніи Великаго Князя Василія, то онъ (Палецкій) готовъ, вмѣстѣ съ другими, помогать имъ и возвести ихъ на престолъ ([379])! Еще двое изъ Вельможъ оставались въ подозрѣніи: Князь Дмитрій Курлятевъ, другъ Алексѣя Адашева, и Казначей Никита Фуниковъ; они не были во дворцѣ за болѣзнію, но, по увѣренію доносителей, имѣли тайное сношеніе съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Курлятевъ на третій день, когда уже все затихло, велѣлъ нести себя во дворецъ и присягнулъ Димитрію: Фуниковъ также, но послѣдній. Самъ Князь Владиміръ Андреевичь обязался клятвенною грамотою *не думать о Царствѣ* и въ случаѣ Іоанновой кончины повиноваться Димитрію какъ своему законному Государю ([380]); а мать Владимірова долго не хотѣла приложить Княжеской печати къ сей грамотѣ; наконецъ исполнила рѣшительное требованіе Бояръ, сказавъ: „что значитъ присяга *невольная?*“

Сіи два дни смятенія и тревоги довели слабость болящаго до крайней степени; онъ казался въ усыпленіи, которое могло быть преддверіемъ смерти. Но дѣйствія Природы неизъяснимы: чрезвычайное напряженіе силъ иногда губитъ, иногда спасаетъ въ жестокомъ недугѣ. Въ какомъ волненіи была душа Іоаннова? Жизнь мила въ юности: его жизнь украшалась еще славою и всѣми лестными надеждами вѣнценосной добродѣтели. Въ кипѣніи силъ и чувствительности касаться гроба, падать съ престола въ могилу, видѣть страшное измѣненіе въ лицахъ: въ безмолвныхъ

дотолѣ подданныхъ, въ усердныхъ любимцахъ непослушаніе, строптивость; Государю самовластному уже зависѣть отъ тѣхъ, коихъ судьба зависѣла прежде отъ его слова; смиренно молить ихъ, да спасутъ, хотя въ изгнаніи, жизнь и честь его семейства! Іоаннъ перенесъ ужасъ такихъ минутъ; огнь души усилилъ дѣятельность Природы, и болящій выздоровѣлъ, къ радости всѣхъ и къ безпокойству нѣкоторыхъ. Хотя Князь Владиміръ Андреевичь и единомышленники его исполнили наконецъ волю Іоаннову и присягнули Димитрію; но могъ ли Самодержецъ забыть мятежъ ихъ и муку души своей, ими растерзанной въ минуты его боренія съ ужасами смерти?...

Что жь сдѣлалъ Іоаннъ ([381])? всталъ съ одра исполненный милости ко всѣмъ Боярамъ, благоволенія и довѣренности къ прежнимъ друзьямъ и совѣтникамъ; далъ санъ Боярскій отцу Адашева, который смѣлѣе другихъ опровергалъ Царское завѣщаніе ([382]); честилъ, ласкалъ Князя Владиміра Андреевича; однимъ словомъ, не хотѣлъ помнить, что случилось въ болѣзнь его, и казался только признательнымъ къ Богу за свое чудесное исцѣленіе!

Токова была наружность; но въ сердцѣ осталась рана опасная. Іоанну внушали, что не только Сильвестръ, но и юный Адашевъ тайно держалъ сторону Князя Владиміра ([383]). Не сомнѣваясь въ ихъ усердіи ко благу Россіи, онъ началъ сомнѣваться въ ихъ личной привязанности къ нему; *уважая* того и другаго, простылъ къ нимъ въ *любви;* обязанный имъ главными успѣхами своего царствованія, страшился быть неблагодарнымъ, и соблюдалъ единственно пристойность; шесть лѣтъ усердно служивъ добродѣтели и вкусивъ всю ея сладость, не хотѣлъ измѣнить ей, не мстилъ никому явно, но съ усиліемъ, которое могло ослабѣть въ продолженіе времени. Всего хуже было то, что супруга Іоаннова, дотолѣ согласно съ Адашевымъ и Сильвестромъ питавъ въ немъ любовь къ святой нравственности, отдѣлилась отъ нихъ тайною непріязнію ([384]). думая, что они имѣли намѣреніе пожертвовать ею, сыномъ ея и братьями выгодамъ своего особеннаго честолюбія. Анастасія способствовала, какъ вѣроятно, остудѣ Іоаннова сердца

къ друзьямъ. Съ сего времени онъ непріятнымъ образомъ почувствовалъ свою отъ нихъ зависимость ([385]), и находилъ иногда удовольствіе не соглашаться съ ними, дѣлать по-своему: въ чемъ, какъ пишутъ, еще болѣе утвердило Царя слѣдующее происшествіе.

Путешествіе Іоаннове въ Кириллову монастырь.

Исполняя обѣтъ, данный имъ въ болѣзни, Іоаннъ объявилъ намѣреніе ѣхать въ монастырь Св. Кирилла Бѣлозерскаго вмѣстѣ съ Царицею и сыномъ. Сіе отдаленное путешествіе казалось нѣкоторымъ изъ его ближнихъ совѣтниковъ неблагоразумнымъ: представляли ему, что онъ еще не совсѣмъ укрѣпился въ силахъ; что дорога можетъ быть вредна и для младенца Димитрія; что важныя дѣла, въ особенности бунты Казанскіе, требуютъ его присутствія въ столицѣ. Государь не
Мая. слушалъ сихъ представленій и поѣхалъ сперва въ Обитель Св. Сергія. Тамъ, въ старости, тишинѣ и молитвѣ жилъ славный Максимъ Грекъ, сосланный въ Тверь Великимъ Княземъ Василіемъ ([386]), но освобожденный Іоанномъ какъ невинный страдалецъ. Царь посѣтилъ келлію сего добродѣтельнаго мужа, который бесѣдуя съ нимъ, началъ говорить объ его путешествіи. „Государь!“ сказалъ Максимъ, вѣроятно по внушенію Іоанновыхъ совѣтниковъ: „пристойно ли тебѣ ски„таться по дальнимъ монастырямъ съ юною супругою и съ „младенцемъ? Обѣты неблагоразумные угодны ли Богу? Вездѣ„сущаго не должно искать только въ пустыняхъ: весь міръ испол„ненъ Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность „къ Небесной благости, то благотвори на престолѣ. Завоеваніе „Казанскаго Царства, счастливое для Россіи, было гибелію „для многихъ Христіанъ; вдовы, сироты, матери избіенныхъ „льютъ слезы: утѣшь ихъ своею милостію. Вотъ дѣло Цар„ское“ ([387])! Іоаннъ не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія. Тогда „Максимъ, какъ увѣряютъ, велѣлъ сказать ему чрезъ Алексѣя Адашева и Князя Курбскаго, что Царевичь Димитрій будетъ жертвою его упрямства. Іоаннъ не испугался пророчества: поѣхалъ въ Дмитровъ, въ Пѣсношскій Николаевскій монастырь,
Іюнь. Смерть Царе- оттуда на судахъ рѣками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною въ Обитель Св. Кирилла, и возвратился чрезъ Ярославль и

Ростовъ въ Москву безъ сына: предсказаніе Максимово сбылося: Димитрій скончался въ дорогѣ (388). — Но важнѣйшимъ объ- стоятельствомъ сего, такъ называемаго *Кирилловскаго пъзда* было Іоанново свиданіе въ монастырѣ Пѣсношскомъ, на берегу Яхромы, съ бывшимъ Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда особенною милостію Великаго Князя Василія, но въ Боярское правленіе лишился Епархіи за свое лукавство и жестокосердіе (389). Маститая старость не смягчила въ немъ души: склоняясь къ могилѣ, онъ еще питалъ мірскія страсти въ груди, злобу, ненависть къ Боярамъ. Іоаннъ желалъ лично узнать человѣка, заслужившаго довѣренность его родителя; говорилъ съ нимъ о временахъ Василія и требовалъ у него совѣта, какъ лучше править Государствомъ. Вассіанъ отвѣтствовалъ ему на ухо: „Если хочешь „быть истиннымъ Самодержцемъ, то не имѣй совѣтниковъ му„дрѣе себя; держись правила, что ты долженъ учить, а не „учиться — повелѣвать, а не слушаться. Тогда будешь твердъ „на Царствѣ и грозою Вельможъ. Совѣтникъ мудрѣйшій Го„сударя неминуемо овладѣетъ имъ“. Сіи ядовитыя слова проникли во глубину Іоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ Вассіанову руку, онъ съ живостію сказалъ: *самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта*!... „Нѣтъ, Государь! могли бы мы возразить ему: нѣтъ! совѣтъ, тебѣ данный, внушенъ духомъ лжи, а не истины. Царь долженъ не властвовать только, но властвовать благодѣтельно: его мудрость, какъ человѣческая, имѣетъ нужду въ пособіи другихъ умовъ, и тѣмъ превосходнѣе въ глазахъ народа, чѣмъ мудрѣе совѣтники, имъ выбираемые. Монархъ, опасаясь *умныхъ*, впадетъ въ руки *хитрыхъ*, которые въ угодность ему притворятся даже глупцами; не плѣняя въ немъ разума, плѣнятъ страсть, и поведутъ его къ своей цѣли. Царя должны опасаться не мудрыхъ, а коварныхъ или безсмысленныхъ совѣтниковъ“. Съ такими или подобными разсужденіями описываетъ Князь Курбскій злую бесѣду старца Вассіана, которая, по его увѣренію, растлила душу юнаго Монарха.

Но еще долгое время онъ не перемѣнялся *явно:* чтилъ мужей добролюбивыхъ, съ уваженіемъ слушалъ наставленія

вича Димитрія.

Важная бесѣда Іоанна съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ.

Сильвестровы, ласкалъ Адашева, и далъ ему санъ Окольничаго ([390]), употребляя его, вмѣстѣ съ Дьякомъ Михайловымъ, въ важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней Политики. Чрезъ девять мѣсяцевъ утѣшенный рожденіемъ втораго сына, Іоанна ([391]), Государь въ новомъ, тогда написанномъ завѣщаніи показалъ величайшую довѣренность къ брату, Князю Владиміру Андреевичу: объявилъ его, въ случаѣ своей смерти, не только опекуномъ юнаго Царя, не только Государственнымъ Правителемъ, но и наслѣдникомъ Трона, если Царевичь Іоаннъ скончается въ малолѣтствѣ; а Князь Владиміръ далъ клятву быть вѣрнымъ совѣсти и долгу, не щадить ни самой матери, Княгини Евфросиніи, если бы она замыслила какое зло противъ Анастасіи или сына ея; не знать ни мести, ни пристрастія въ дѣлахъ государственныхъ, не вершить оныхъ безъ вѣдома Царицы, Митрополита, Думныхъ Совѣтниковъ, и не держать у себя въ Московскомъ домѣ болѣе ста воиновъ ([392]).—Въ самыхъ справедливыхъ наказаніяхъ Государь, какъ и прежде, слѣдовалъ движеніямъ милосердія; на примѣръ: Князь Симеонъ Ростовскій, знатный Вельможа, оказавъ себя въ болѣзнь Государя противникомъ его воли, не могъ быть спокоенъ духомъ; не вѣрилъ наружной тихости Іоанновой, мучился страхомъ, вздумалъ бѣжать въ Литву съ братьями и племянниками; сносился съ Королемъ Августомъ, съ Литовскими Думными Панами, открывалъ имъ государственныя тайны, давалъ вредные для насъ совѣты, чернилъ Царя и Россію. Онъ послалъ къ Королю своего ближняго, Князя Никиту Лобанова-Ростовскаго: его остановили въ Торопцѣ, допросили, узнали измѣну; и Князь Симеонъ, взятый подъ стражу, самъ во всемъ признался, извиняясь скудостію и малоумiемъ. Бояре единогласно осудили преступника на смертную казнь; но Государь, внявъ моленію Духовенства, смягчилъ рѣшеніе суда: Князя Симеона *выставили на позоръ* и заточили на Бѣлоозеро ([393]).—Въ дѣлѣ инаго рода оказалось также милосердіе Іоанново. Донесли Государю, что возникаетъ опасная ересь въ Москвѣ; что нѣкто Матвѣй Башкинъ проповѣдуетъ ученіе совсѣмъ не-Христіанское, отвергаетъ таинства нашей Вѣры,

Рождение Царевича Іоанна.

Бѣгство Князя Ростовскаго.

Ересь.

Божественность Христа, дѣянія Соборовъ и святость Угодниковъ Божіихъ. Его взяли въ допросъ: онъ заперся, называя себя истиннымъ Христіаниномъ; но посаженный въ темницу, началъ тосковать, открылъ ересь свою ревностнымъ Инокамъ Іосифовскаго монастыря, Герасиму и Филоѳею; самъ описалъ ее, именовалъ единомышленниковъ, Ивана и Григорья Борисовыхъ, Монаха Бѣлобаева и другихъ; сказалъ, что развратителями его были Католики, Аптекарь Матвѣй Литвинъ и Андрей Хотѣевъ; что какіе-то Заволжскіе Старцы въ искренней бесѣдѣ съ нимъ объявили ему такое же мнѣніе о Христѣ и Святыхъ; что будто бы Рязанскій Епископъ Кассіанъ благопріятствовалъ ихъ заблужденію, и проч. ([394]). Царь и Митрополитъ, Соборомъ уличивъ еретиковъ, не хотѣли употребить жестокой казни: осудили ихъ единственно на заточеніе, да не сѣютъ соблазна между людьми; а Епископа Кассіана, разбитаго параличемъ, отставили.

Доказавъ, что болѣзнь и горестныя ея слѣдствія не ожесточили его сердца—что онъ умѣетъ быть выше обыкновенныхъ страстей человѣческихъ и забывать личныя, самыя чувствительныя оскорбленія—Іоаннъ съ прежнею ревностію занялся дѣлами государственными, изъ коихъ главнымъ было тогда усмиреніе завоеваннаго имъ Царства. Онъ послалъ Данила Адашева, брата Алексѣева, съ Дѣтьми Боярскими и съ Вятчанами на Каму ([395]); а знаменитыхъ доблестію Воеводъ, Князя Симеона Микулинскаго, Ивана Шереметева и Князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Казань со многими полками. Они выступили зимою, въ самые жестокіе морозы; воевали цѣлый мѣсяцъ въ окрестностяхъ Камы и Меши; разорили тамъ новую крѣпость, сдѣланную мятежниками; ходили за Анитъ, Уржумъ, до самыхъ Вятскихъ и Башкирскихъ предѣловъ; сражались ежедневно, въ дикихъ лѣсахъ, въ снѣжныхъ пустыняхъ; убили 10,000 непріятелей и двухъ злѣйшихъ враговъ Россіи, Князя Янчуру Измаильтянина и богатыря Черемисскаго Алеку; взяли въ плѣнъ 6000 Татаръ, а женъ и дѣтей 15,000. Князья Иванъ Мстиславскій и Михайло Васильевичь Глинскій воевали Луговую Черемису, за-

г. 1553 1557.

Усмиреніе мятежей въ Казанской землѣ.

хватили 1600 именитыхъ людей, Князей, Мурзъ, чиновниковъ Татарскихъ, и всѣхъ умертвили ([396]). Воеводы и сановники, дѣйствуя ревностно, неутомимо, получили отъ Государя *золотыя медали*, лестную награду сего времени: ими витязи украшали грудь свою вмѣсто нынѣшнихъ крестовъ Орденскихъ ([397]).—Еще бунтъ не угасалъ; еще бѣглецы Казанскіе укрывались въ ближнихъ и дальнихъ мѣстахъ, вездѣ волнуя народъ; грабили, убивали нашихъ купцевъ и рыболововъ на Волгѣ; строили крѣпости; хотѣли возстановить свое Царство. Одинъ изъ Луговыхъ Сотниковъ, Мамичь Бердей, призвавъ какого-то Ногайскаго Князя, далъ ему имя Царя, но самъ умертвилъ его какъ неспособнаго и малодушнаго: отрубивъ ему голову, взоткнулъ ее на высокое дерево и сказалъ: „Мы „взяли тебя на Царство для войны и побѣды; а ты съ своею „дружиною умѣлъ только объѣдать насъ! Теперь да царствуетъ голова твоя на высокомъ престолѣ“ ([398])! Сего опаснаго мятежника Горные жители заманили въ сѣти: дружелюбно звали къ себѣ на пиръ, схватили и отослали въ Москву: за что Государь облегчилъ ихъ въ налогахъ. Нѣсколько разъ земля Арская присягала и снова измѣняла: Луговая же долѣе всѣхъ упорствовала въ мятежѣ. Россіяне пять лѣтъ не опускали меча: жгли и рѣзали. Безъ пощады губя вѣроломныхъ, Іоаннъ награждалъ вѣрныхъ: многіе Казанцы добровольно крестились; другіе, не оставляя Закона отцевъ своихъ, вмѣстѣ съ первыми служили Россіи. Имъ давали землю, пашню, луга и все нужное для хозяйства. Наконецъ усилія бунтовщиковъ ослабѣли; вожди ихъ погибли всѣ безъ исключенія, крѣпости были разрушены, другія (Чебоксары, Лаишевъ) вновь построены нами и заняты Стрѣльцами. Вотяки, Черемисы, самые отдаленные Башкирцы приносили дань, требуя милосердія. Весною въ 1557 году Іоаннъ въ сію несчастную землю, наполненную пепломъ и могилами, послалъ Стряпчаго, Семена Ярцова, съ объявленіемъ, что ужасы ратные миновались, и что народы ея могутъ благоденствовать въ тишинѣ какъ вѣрные подданные Бѣлаго Царя. Онъ милостиво принялъ въ Москвѣ ихъ Старѣйшинъ и далъ имъ жалованныя грамоты.

Съ того времени Казань сдѣлалась мирною собственностію Россіи, сохраняя имя Царства въ титулѣ нашихъ Монарховъ. Іоаннъ въ 1553 году Соборомъ Духовенства уставилъ для ея новыхъ Христіанъ особенную Епархію; далъ ей Архіепископа, уступающаго въ старѣйшинствѣ одному Новогородскому Владыкѣ; подчинилъ его духовному вѣдомству Свіяжскъ, Васильгородъ и Вятку; опредѣлилъ въ жалованье на церковные расходы десятину изъ доходовъ Казанскихъ ([399]). Первымъ Святителемъ былъ тамъ Гурій, Игуменъ Селижарова монастыря. Съ какою ревностію сей добродѣтельный мужъ, причисленный нашею Церковію къ лику Угодниковъ Божіихъ, насаждалъ въ своей паствѣ Вѣру Спасителеву, средствами истинно Христіанскими, ученіемъ любви и кротости: съ такимъ усердіемъ Намѣстникъ Государевъ, Князь Петръ Ивановичь Шуйскій, образовалъ сей новый край въ гражданскомъ порядкѣ, изглаждая слѣды опустошеній, водворяя спокойствіе, оживляя торговлю и земледѣліе. Села Царскія и Княжескія были отданы Архіепископу, монастырямъ и Дѣтямъ Боярскимъ ([400]).

Учрежденіе Епархіи Казанской.

Совершилось и другое, менѣе трудное, но также славное завоеваніе. Издревле, еще до начала Державы Россійской, при устьѣ Волги существовалъ городъ Козарскій, знаменитый торговлею, Атель или Балангіаръ ([401]): въ XIII вѣкѣ онъ принадлежалъ Аланамъ, именуемый Сумеркентомъ ([402]), а въ нашихъ лѣтописяхъ сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ *Астороканя*, будучи владѣніемъ Золотой Орды, и со времени ея паденія столицею особенныхъ Хановъ, единоплеменныхъ съ Ногайскими Князьями. Тѣснимые Черкесами, Крымцами, сіи Ханы слабые, невоинственные, искали всегда нашего союза, и послѣдній изъ нихъ, Ямгурчей, хотѣлъ даже, какъ мы видѣли ([403]), быть данникомъ Іоанновымъ, но, обольщенный покровительствомъ Султана, обманулъ Государя: присталъ къ Девлетъ-Гирею и къ Юсуфу, Ногайскому Князю, отцу Сююнбекину, который возненавидѣлъ Россію за плѣнъ его дочери и внука, сверженнаго нами съ престола Казанскаго. Посла Московскаго обезчестили въ Астрахани и держали въ неволѣ ([404]): Государь воспользовался симъ случаемъ, чтобы.

Покореніе Царства Астраханскаго.

по мнѣнію тогдашнихъ *книжниковъ*, возвратить Россіи ея древнее достояніе, гдѣ будто бы княжилъ нѣкогда сынъ Св. Владиміра, Мстиславъ: ибо они считали *Астрахань* древнимъ *Тмутороканемъ*, основываясь на сходствѣ имени ([405]). Мурзы Ногайскіе, Исмаилъ и другіе, непріятели Юсуфовы, утверждали Іоанна въ семъ намѣреніи: молили его, чтобы онъ далъ Астрахань изгнаннику Дербышу, ихъ родственнику, бывшему тамъ Царемъ прежде Ямгурчея, и хотѣли помогать намъ всѣми силами ([406]). Государь, призвавъ Дербыша изъ Ногайскихъ Улусовъ, весною въ 1554 году послалъ съ нимъ на судахъ войско, не многочисленное, но отборное: оно состояло изъ Царскихъ Дворянъ, Жильцовъ, лучшихъ Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ, Козаковъ, Вятчанъ. Предводителями были Князь Юрій Ивановичь Пронскій-Шемякинъ и Постельничій Игнатій Вешняковъ, мужъ отлично храбрый ([407]). 29 Іюня, достигнувъ Переволоки, Шемякинъ отрядилъ впередъ Князя Александра Вяземскаго, который близъ Чернаго острова встрѣтилъ и побилъ нѣсколько сотъ Астраханцевъ, высланныхъ развѣдать о нашей силѣ. Узнали отъ плѣнниковъ, что Ямгурчей стоитъ пять верстъ ниже города, а Татары засѣли на островахъ, въ своихъ Улусахъ. Россіяне плыли мимо столицы Батыевой, Сарая, гдѣ 200 лѣтъ Государи наши унижались предъ Ханами Золотой Орды; но тамъ были уже одни развалины! Видѣть, во время славы, памятники минувшаго стыда легче, нежели во время уничиженія видѣть памятники минувшей славы!... Въ сей нѣкогда ужасной странѣ, *полной мечей и копій*, обитала тогда безоружная, мирная робость: все бѣжало—и граждане и Царь. Шемякинъ 2 Іюля вступилъ въ безлюдную Астрахань; а Князь Вяземскій нашелъ въ Ямгурчеевомъ станѣ не мало кинутыхъ пушекъ и пищалей. Гнались за бѣгущими во всѣ стороны, до Бѣлаго озера и Тюмени: однихъ убивали, другихъ вели въ городъ, чтобы дать подданныхъ Дербышу, объявленному Царемъ въ пустынной столицѣ. Ямгурчей съ двадцатью воинами ускакалъ въ Азовъ. Настигли только женъ и дочерей его ([408]); также многихъ знатныхъ чиновниковъ, которые всѣ хотѣли служить Дербышу и зави-

сѣть отъ Россіи, требуя единственно жизни и свободы личной. Ихъ представили новому Царю: онъ велѣлъ имъ жить въ городѣ, распустивъ народъ по Улусамъ. Князей и Мурзъ собралося пять сотъ, а простыхъ людей десять тысячь. Они вмѣстѣ съ Дербышемъ клялися въ томъ, чтобы повиноваться Іоанну какъ верховному своему Властителю, присылать ему 40 тысячь алтынъ и 3 тысячи рыбъ, какъ ежегодную дань, а въ случаѣ Дербышевой смерти нигдѣ не искать себѣ Царя, но ждать, кого Іоаннъ или наслѣдники его пожалуютъ имъ въ Правители. Въ клятвенной грамотѣ, скрѣпленной печатями, сказано было, что Россіяне могутъ свободно ловить рыбу отъ Казани до моря, вмѣстѣ съ Астраханцами, *безданно* и *безъявочно*.— Учредивъ порядокъ въ землѣ, оставивъ у Дербыша Козаковъ (съ Дворяниномъ Тургеневымъ) для его безопасности и для присмотра за нимъ, Князь Шемякинъ и Вешняковъ возвратились въ Москву съ пятью взятыми въ плѣнъ Царицами и съ великимъ числомъ освобожденныхъ Россіянъ, бывшихъ невольниками въ Астраханскихъ Улусахъ.

Вѣсть о семъ счастливомъ успѣхѣ Государь получилъ 29 Августа, въ день своего рожденія, празднуя его въ селѣ Коломенскомъ съ Митрополитомъ и со всѣмъ Дворомъ ([409]): изъявилъ живѣйшую радость; уставилъ церковное молебствіе; милостиво наградилъ Воеводъ; встрѣтилъ плѣнныхъ Царицъ съ великою честію и въ удовольствіе Дербышу отпустилъ назадъ въ Астрахань, кромѣ младшей изъ нихъ, которая на пути родила сына и вмѣстѣ съ нимъ крестилась въ Москвѣ: сына назвали *Царевичемъ Петромъ*, а мать Іуліаніею, и Государь женилъ на ней своего именитаго Дворянина, Захарію Плещеева ([410]). — Не долго Астрахань была еще особеннымъ Царствомъ: скоро вѣроломство Дербыша доказало необходимость учредить въ ней Россійское правительство: ибо нѣтъ надежной средины между независимостію и совершеннымъ подданствомъ Державы. Мужествомъ нашихъ Козаковъ отразивъ изгнанника Ямгурчея, хотѣвшаго завоевать Астрахань съ помощію Крымцевъ и сыновей Ногайскаго Князя Юсуфа, Дербышъ замыслилъ измѣну: не смотря на то, что Государь сни-

сходительно уступилъ его народу всю дань перваго года, онъ тайно сносился съ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, взявъ къ себѣ Царевича Крымскаго Казбулата въ должность Калги (411). Голова Стрѣлецкій, Иванъ Черемисиновъ, съ новою воинскою дружиною былъ посланъ обличить и наказать измѣнника. Дербышъ снялъ съ себя личину, вывелъ всѣхъ жителей изъ города, соединился съ толпами Ногайскими, Крымскими, и дерзко началъ войну, ободренный малочисленностію Россіянъ. Но у насъ былъ искренній, ревностный другъ: Князь Ногайскій Исмаилъ, своимъ ходатайствомъ доставивъ престолъ сему неблагодарному, помогъ Черемисинову — и Дербышъ, разбитый на голову (въ 1557 году), по слѣдамъ Ямгурчея бѣжалъ въ Азовъ (412). Тогда всѣ жители, удостовѣренные въ безопасности, возвратились въ городъ и въ окрестные Улусы, дали присягу Россіи, и не думали уже измѣнять, довольные своимъ жребіемъ подъ властію великой Державы, которой сила могла быть имъ защитою отъ Тавриды и Ногаевъ. Черемисиновъ утвердилъ за ними прежнюю собственность: острова, пашни; обложилъ всѣхъ данію легкою, наблюдалъ справедливость, пріобрѣлъ общую любовь и довѣренность; однимъ словомъ, устроилъ все наилучшимъ образомъ для пользы жителей и Россіи.

Съ того времени Государь въ подписи своихъ грамотъ началъ означать лѣта Казанскаго и Астраханскаго завоеваній (413), коихъ эпоха есть безъ сомнѣнія самая блестящая въ нашей Исторіи среднихъ вѣковъ. Громкое имя *покорителя Царствъ* дало Іоанну, въ глазахъ Россіянъ-современниковъ, безпримѣрное величіе и возвысило ихъ государственное достоинство, плѣняя честолюбіе, питая гордость народную, удивительную для иноземцевъ, которые не понимали ея причины, ибо видѣли только гражданскіе недостатки наши въ сравненіи съ другими Европейскими народами, и не сравнивали Россіи Василія Темнаго съ Россіею Іоанна IV: первый имѣлъ только 1500 воиновъ для ея защиты (414), а вторый взялъ чуждое Царство отрядомъ легкаго войска, не трогая своихъ главныхъ полковъ. Между сими происшествіями ми-

нуло едва столѣтіе, и народъ могъ естественно возгордиться столь быстрыми шагами къ величію. Не только иноземцы, но и мы сами не оцѣнимъ справедливо государственныхъ успѣховъ древней Россіи, если не вникнемъ въ обстоятельства тѣхъ временъ, не поставимъ себя на мѣстѣ предковъ и не будемъ смотрѣть ихъ глазами на вещи и дѣянія, безъ обманчиваго соображенія съ новѣйшими временами, когда все измѣнилось, умножились средства, прозябли сѣмена и насажденія. Великія усилія раждаютъ великое: а въ твореніяхъ государственныхъ начало едва ли не труднѣе совершенія.

Кромѣ славы и блеска, Россія, примкнувъ свои владѣнія къ морю Каспійскому, открыла для себя новые источники богатства и силы; ея торговля и политическое вліяніе распространились. Звукъ оружія изгналъ чужеземныхъ купцевъ изъ Астрахани: спокойствіе и тишина возвратили ихъ. Они пріѣхали изъ Шамахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы, Сарайчика, со всякими товарами, весьма охотно платя въ Государеву казну уставленную пошлину. *Цари* Хивинскій и Бухарскій прислали своихъ знатныхъ людей въ Москву съ дарами, желая благоволенія Іоаннова и свободной торговли въ Россіи ([415]). Земля Шавкалская, Тюменская, Грузинская хотѣли быть въ нашемъ подданствѣ. Князья Черкесскіе, присягнувъ Государю въ вѣрности, требовали, чтобы онъ помогъ имъ воевать Султанскія владѣнія и Тавриду ([416]). Іоаннъ отвѣтствовалъ, что Султанъ въ мирѣ съ Россіею, но что мы всѣми силами будемъ оборонять ихъ отъ Хана Дивлетъ Гирея. Вѣра Спасителева, насажденная между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ въ самыя древнія времена Имперіи Византійской, еще не совсѣмъ угасла въ сихъ странахъ; оставались ея темныя преданія и нѣкоторые обряды ([417]): извѣстность и могущество Россіи оживили тамъ память Христіанства и любовь къ оному. Князья крестили дѣтей своихъ въ Москвѣ, отдавали ихъ на воспитаніе Царю,—нѣкоторые сами крестились. Сынъ Князя Сибока, Кудадекъ-Александръ, и Темрюковъ, Салтанукъ-Михаилъ, учились грамотѣ во дворцѣ Кремлевскомъ вмѣстѣ съ Сююнбекинымъ сыномъ.—Признательный къ усер-

Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское. Подданство Черкесовъ.

Дружба съ Ногаями.

дію союзныхъ съ нами Ногаевъ, Государь позволилъ имъ кочевать въ зимнее время близъ самой Астрахани: они мирно и спокойно въ ней торговали. Князь Исмаилъ, убивъ своего брата, Юсуфа, писалъ къ Іоанну изъ городка Сарайчика ([418]): „Врага твоего уже нѣтъ на свѣтѣ; племянники и дѣти мои „единодушно *дали мнѣ поводы уздъ своихъ:* я властвую „надо всѣми Улусами“. Онъ совѣтовалъ Россіянамъ основать крѣпость на Переволокѣ, а другую на Иргизѣ (въ нынѣшней Саратовской Губерніи), гдѣ скитались нѣкоторые бѣглые Ногайскіе Мурзы, не хотѣвшіе ему повиноваться и быть намъ друзьями. Утверждая пріязнь дарами и ласками, Государь однакожъ не дозволялъ Исмаилу въ шертныхъ грамотахъ называться ни *отцемъ* его, ни *братомъ*, считая то унизительнымъ для Россійскаго Монарха ([419]).

Слухъ о нашихъ завоеваніяхъ проникъ и въ отдаленную Сибирь, коей имя, означая тогда единственно среднюю часть нынѣшней Тобольской Губерніи, было давно извѣстно въ Москвѣ отъ нашихъ Югорскихъ и Пермскихъ данниковъ. Тамъ господствовали Князья Могольскіе, потомки Батыева брата Сибана или Шибана ([420]). Вѣроятно, что они и прежде имѣли сношенія съ Россіею, и даже признавали себя въ нѣкоторой зависимости отъ сильнаго ея Царя: Іоаннъ уже въ 1554 году именовался въ грамотахъ Властителемъ Сибири ([421]); но лѣтописи молчатъ о томъ до 1555 года: въ сіе время Князь Сибирскій, Едигеръ, прислалъ двухъ чиновниковъ въ Москву поздравить Государя со взятіемъ Казани и Астрахани ([422]). Дѣло шло не объ одной учтивости: Едигеръ вызвался платить дань Россіи, съ условіемъ, чтобы мы утвердили спокойствіе и безопасность его земли. Государь увѣрилъ Пословъ въ своей милости, взялъ съ нихъ клятву въ вѣрности и далъ имъ *жалованную грамоту*. Они сказали, что въ Сибири 30,700 жителей: Едигеръ хотѣлъ съ каждаго человѣка давать намъ ежегодно по соболю и бѣлкѣ. Сынъ Боярскій, Дмитрій Куровъ, поѣхалъ въ Сибирь, чтобы обязать присягою Князя и народъ; возвратился въ концѣ 1556 года съ новымъ Посломъ Едигеровымъ, и, вмѣсто обѣщанныхъ *трид-*

Дань Сибирская.

цати тысячь, привезъ только 700 соболей. Едигеръ писалъ, что земля его, разоренная Шибанскимъ Царевичемъ, не можетъ дать болѣе; но Куровъ говорилъ противное, и Царь велѣлъ заключить Посла Сибирскаго. Наконецъ, въ 1558 году, Едигеръ доставилъ въ Москву дань полную, съ увѣреніемъ, что будетъ впредь исправнымъ плательщикомъ ([423]). —Такимъ образомъ Россія открыла себѣ путь къ неизмѣримымъ пріобрѣтеніямъ на Сѣверѣ Азіи, неизвѣстномъ дотолѣ ни Историкамъ, ни Географамъ образованной Европы.

Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію

Сіе достопамятное время Іоаннова царствованія прославилось еще тѣснымъ союзомъ Россіи съ одною изъ знаменитѣйшихъ Державъ Европейскихъ, которая была внѣ ея политическаго горизонта, едва знала объ ней по слуху, и вдругъ, нечаянно, нашла доступъ къ самымъ отдаленнымъ, всѣхъ менѣе извѣстнымъ странамъ Государства Іоаннова, чтобы съ великою выгодою для себя дать намъ новыя средства обогащенія, новые способы гражданскаго образованія. Еще Англія не была тогда первостепенною морскою Державою, но уже стремилась къ сей цѣли, соревнуя Испаніи, Португалліи, Венеціи и Генуѣ; хотѣла проложить путь въ Китай, въ Индію Ледовитымъ моремъ, и весною въ 1553 году, въ царствованіе юнаго Эдуарда VI, послала три корабля въ Океанъ Сѣверный. Начальниками ихъ были Гугъ Виллоби и Капитанъ Ченселеръ. Разлученные бурею, сіи корабли уже не могли соединиться; два изъ нихъ погибли у береговъ Россійской Лапландіи, въ пристани Арцинѣ, гдѣ Гугъ Виллоби замерзъ со всѣми людьми своими: зимою, въ 1554 году, рыбаки Лапландскіе нашли его мертваго, сидящаго въ шалашѣ за своимъ Журналомъ ([424]). Но Капитанъ Ченселеръ благополучно доплылъ до Бѣлаго моря; 24 Августа, 1553 года, вошелъ въ Двинскій заливъ и присталъ къ берегу, гдѣ былъ тогда монастырь Св. Николая, и гдѣ послѣ основанъ городъ Архангельскъ. Англичане увидѣли людей, изумленныхъ явленіемъ большаго корабля; свѣдали отъ нихъ, что сей берегъ есть Россійскій; сказали, что имѣютъ отъ Короля Англійскаго письмо къ Царю и желаютъ завести съ нами торговлю ([425]). Давъ

имъ съѣстные припасы, начальники Двинской земли немедленно отправили гонца къ Іоанну, который тотчасъ понялъ важность сего случая, благопріятнаго для успѣховъ нашей торговли,—велѣлъ Ченселеру быть въ Москву и доставилъ ему всѣ возможныя удобности въ пути. Представленные Государю, Англичане съ удивленіемъ видѣли, по ихъ словамъ, *безпримѣрное* велелѣпіе его Двора: ряды красивыхъ чиновниковъ, кругъ сановитыхъ Бояръ въ златыхъ одеждахъ, блестящій тронъ, и на немъ юнаго Самодержца въ блистательной коронѣ, окруженнаго величіемъ и безмолвіемъ ([426]). Ченселеръ подалъ слѣдующую грамоту Эдуардову, писанную на разныхъ языкахъ *ко всѣмъ Сѣвернымъ и Восточнымъ* Государямъ:

„Эдуардъ VI вамъ, Цари, Князья, Властители, судіи „земли, во всѣхъ странахъ подъ солнцемъ, желаетъ мира, „спокойствія, чести, вамъ и странамъ вашимъ! Господь все„могущій даровалъ человѣку сердце дружелюбное, да благо„творитъ ближнимъ и въ особенности странникамъ, которые, „пріѣзжая къ намъ изъ мѣстъ отдаленныхъ, ясно доказы„ваютъ тѣмъ превосходную любовь свою къ братскому обще„житію. Такъ думали отцы наши, всегда гостепріимные, всегда „ласковые къ иноземцамъ, требующимъ покровительства. Всѣ „люди имѣютъ право на гостепріимство, но еще болѣе купцы, „презирая опасности и труды, оставляя за собою моря и пу„стыни, для того, чтобы благословенными плодами земли своей „обогатить страны дальнія и взаимно обогатиться ихъ произ„веденіями: ибо Господь вселенныя разсѣялъ дары Его благо„сти, чтобы народы имѣли нужду другъ въ другѣ, и чтобы „взаимными услугами утверждалась пріязнь между людьми. „Съ симъ намѣреніемъ нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ „предпріяли дальнее путешествіе моремъ, и требовали отъ насъ „согласія. Исполняя ихъ желаніе, мы позволили мужу достой„ному, Гугу Виллоби, и товарищамъ его, нашимъ вѣрнымъ „слугамъ, ѣхать въ страны, донынѣ неизвѣстныя, и мѣняться „съ ними избыткомъ: брать, чего не имѣемъ, и давать, чѣмъ „изобилуемъ, для обоюдной пользы и дружества. И такъ мо„лимъ васъ, Цари, Князья, Властители, чтобы вы свободно

„пропустили сихъ людей чрезъ свои земли: ибо они не кос-
„нутся ничего безъ вашего дозволенія. Не забудьте человѣ-
„чества. Великодушно помогите имъ въ нуждѣ, и пріимите
„отъ нихъ, чѣмъ могутъ вознаградить васъ. Поступите съ
„ними, какъ хотите, чтобы мы поступили съ вашими слу-
„гами, если они когда-нибудь къ намъ заѣдутъ. А мы кля-
„немся Богомъ, Господомъ всего сущаго на небесахъ, на землѣ
„и въ морѣ, клянемся жизнію и благомъ нашего Царства, что
„всякаго изъ вашихъ подданныхъ встрѣтимъ какъ единоплe-
„менника и друга, изъ благодарности за любовь, которую ока-
„жете нашимъ. За симъ молимъ Бога Вседержителя, да спо-
„добитъ васъ земнаго долголѣтія и мира вѣчнаго. Дано въ
„Лондонѣ, нашей столицѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 5517,
„Царствованія нашего въ 7“ ([427]).

Англичане, принятые милостиво, обѣдали у Государя въ Золотой Палатѣ, и съ новымъ изумленіемъ видѣли пышность Царскую. Гости, числомъ болѣе ста, ѣли и пили изъ золотыхъ сосудовъ; одежда ста-пятидесяти слугъ также сіяла золотомъ ([428]). — Послѣ сего Ченселеръ имѣлъ переговоры съ Боярами, и былъ весьма доволенъ ими. Его немедленно отпустили назадъ (въ Февралѣ 1554 года) съ отвѣтомъ Іоанновымъ. Царь писалъ къ Эдуарду, что онъ, искренно желая быть съ нимъ въ дружбѣ, согласно съ ученіемъ Вѣры Христіанской, съ правилами истинной науки государственной и съ лучшимъ его разумѣніемъ, готовъ сдѣлать все ему угодное; что, принявъ ласково Ченселера, также же приметъ и Гуга Виллоби, если сей послѣдній будетъ у насъ; что дружба, защита, свобода и безопасность ожидаютъ Англійскихъ Пословъ и купцевъ въ Россіи ([429]). — Эдуарда не стало: Марія царствовала въ Англіи, и Ченселеръ, вручивъ ей Іоаннову грамоту съ Нѣмецкимъ переводомъ, произвелъ своими вѣстями живѣйшую радость въ Лондонѣ. Всѣ говорили о Россіи какъ о *вновь открытой* землѣ; хотѣли знать ея любопытную Исторію, Географію, и немедленно составилось общество купцевъ для торговли съ нею. Въ 1555 году Ченселеръ вторично отправился къ намъ на двухъ корабляхъ съ повѣрен-

ными сего общества, Греемъ и Киллингвортомъ ([430]), чтобы заключить торжественный договоръ съ Царемъ, коему Марія и супругъ ея, Филиппъ, письменно изъявили благодарность въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Іоаннъ съ новою милостію принялъ Ченселера и его товарищей въ Москвѣ; обѣдая съ ними, обыкновенно сажалъ ихъ передъ собою; говорилъ ласково, и называлъ Королеву Марію любезнѣйшею сестрою. Учредили особенный Совѣтъ для разсмотрѣнія правъ и вольностей, коихъ требовали Англичане: въ немъ присутствовали и купцы Московскіе. Положили, что главная мѣна товаровъ будетъ въ Колмогорахъ, осенью и зимою; что цѣны остаются произвольными, но что всякіе обманы въ куплѣ судятся какъ уголовное преступленіе. Іоаннъ далъ наконецъ торговую жалованную грамоту Англичанамъ, уставивъ въ ней, что они могутъ свободно купечествовать во всѣхъ городахъ Россіи, безъ всякаго стѣсненія, и не платя никакой пошлины — вездѣ жить, имѣть домы, лавки — нанимать слугъ, работниковъ и брать съ нихъ присягу въ вѣрности; что за всякую вину отвѣтствуетъ только виновный, а не общество; что Государь, какъ законный судія, имѣетъ право отнять у преступника честь и жизнь, но не касается имѣнія; что они изберутъ Старѣйшину для разбора ссоръ и тяжбъ между ими; что Намѣстники Государевы обязаны дѣятельно помогать ему въ случаѣ нужды для усмиренія ослушныхъ и давать орудія казни; что не льзя взять Англичанина подъ стражу, если Старѣйшина объявитъ себя его порукою; что Правительство немедленно удовлетворяетъ ихъ жалобамъ на Россіянъ и строго казнитъ обидчиковъ ([431]). — Главными изъ товаровъ, привезенныхъ Англичанами въ Россію, были сукна и сахаръ. Купцы наши предлагали имъ 12 рублей (или гиней) за половинку сукна и 4 алтына (или шиллинга) за фунтъ сахару; но сія цѣна казалась для нихъ низкою ([432]).

Съ того времени пристань Св. Николая — гдѣ, кромѣ бѣднаго, уединеннаго монастыря, было пять или шесть домиковъ — оживилась и сдѣлалась важнымъ торговымъ мѣстомъ. Англичане построили тамъ особенный, красивый домъ, а въ

Колмогорахъ нѣсколько обширныхъ дворовъ для складки товаровъ. Имъ дали землю, огороды, луга.—Между тѣмъ, надѣясь открытъ путь чрезъ Ледовитое море въ Китай, Капитанъ ихъ, Стефанъ Борро, отъ устья Двины доходилъ до Новой Земли и Вайгача, но устрашенный бурями и ледяными громадами, въ исходѣ Августа мѣсяца возвратился въ Колмогоры.

Въ 1556 году Ченселеръ отплылъ въ Англію съ четырмя, богато нагруженными кораблями и съ Посланникомъ Государевымъ, Іосифомъ Непѣею Вологжаниномъ ([433]). Счастіе, дотолѣ всегда благопріятное сему искусному мореплавателю, измѣнило ему: буря разсѣяла его корабли; только одинъ изъ нихъ вошелъ въ пристань Лондонскую. Самъ Ченселеръ утонулъ близъ Шотландскихъ береговъ; спасли только Посланника Іоаннова, который, лишась всего, былъ осыпанъ въ Лондонѣ дарами и ласками. Знатные сановники государственные и стосорокъ купцевъ со множествомъ слугъ, всѣ на прекрасныхъ лошадяхъ, въ богатой одеждѣ, выѣхали къ нему на встрѣчу. Онъ сѣлъ на коня, великолѣпно украшеннаго, и окруженный Старѣйшинами купечества, въѣхалъ въ городъ. Любопытные жители Лондонскіе тѣснились въ улицахъ, привѣтствуя Посланника громкими восклицаніями. Ему отвели одинъ изъ лучшихъ домовъ, гдѣ богатство уборовъ отвѣчало роскоши ежедневнаго угощенія; угадывали, предупреждали всякое желаніе гостя; то звали его на пиры, то водили обозрѣвать всѣ достопамятности Лондона, дворцы, храмъ Св. Павла, Вестминстеръ, крѣпость, ратушу. Принятый Маріею съ отмѣннымъ благоволеніемъ, Непѣя въ торжественный день Ордена Подвязки сидѣлъ въ церкви на возвышенномъ мѣстѣ близъ Королевы. Нигдѣ не оказывалось такой чести Русскому имени. Сей незнатный, но достойный представитель Іоаннова лица умѣлъ заслужить весьма лестный отзывъ Англійскихъ Министровъ: они донесли Королевѣ, что его умъ въ дѣлахъ равняется съ его благородною важностію въ поступкахъ ([434]). Вмѣстѣ съ грамотою Царскою вручивъ Маріи и Филиппу нѣсколько соболей, Непѣя сказалъ, что богатѣйшіе дары Іоанновы во время Ченселерова кораблекрушенія были расхи-

Посолъ въ Англію.

щены Шотландцами. Королева послала къ Царю самыя лучшія произведенія Англійскихъ суконныхъ фабрикъ, блестящій доспѣхъ, льва и львицу ([435]); а Старѣйшины Россійскаго торговаго общества, въ послѣдній разъ великолѣпно угостивъ Непѣю въ залѣ Лондонскихъ суконниковъ, объявили, что не Дворъ, не Казна, но ихъ общество взяло на себя всѣ издержки, коихъ требовало его пребываніе въ Англіи, и что они сдѣлали то съ живѣйшимъ удовольствіемъ, въ знакъ своей добросердечной, ревностной, *нѣжной* дружбы къ нему и къ Россіи ([436]). Онъ получилъ отъ нихъ въ даръ золотую цѣпь во сто фунтовъ Стерлинговъ и пять драгоцѣнныхъ сосудовъ; возвратился на Англійскомъ кораблѣ въ Сентябрѣ 1557 года и привезъ въ Москву ремесленниковъ, рудокоповъ и Медиковъ, въ числѣ коихъ былъ искусный Докторъ Стендишъ. Такъ Россія пользовалась всякимъ случаемъ заимствовать отъ иноземцевъ нужнѣйшее для ея гражданскаго образованія.

Съ удовольствіемъ читая ласковыя письма Маріи и Филиппа, которые именовали его въ оныхъ *великимъ Императоромъ*; слыша отъ Непѣи, сколько чести и пріязни оказали ему въ Лондонѣ и Дворъ и народъ, Іоаннъ обходился съ Англичанами какъ съ любезнѣйшими гостями Россіи; велѣлъ отвести имъ домы во всѣхъ торговыхъ городахъ, въ Вологдѣ, въ Москвѣ, и лично привѣтствовалъ ихъ столь милостиво, что они не могли безъ чувства живѣйшей благодарности писать о томъ къ своимъ Лондонскимъ знакомцамъ. Главный начальникъ Англійскихъ кораблей, прибывшихъ въ 1557 году къ устью Двины, Антоній Дженкисонъ, ѣздилъ изъ Москвы въ Астрахань, чтобы завести торговлю съ Персіею: изъявляя совершенную довѣренность къ видамъ Лондонскаго купечества, Государь обѣщалъ доставить оному всѣ способы для сего дальняго перевоза товаровъ. — Однимъ словомъ, связь наша съ Британіею, основываясь на взаимныхъ выгодахъ безъ всякаго опаснаго совмѣстничества въ Политикѣ, имѣла какой-то особенный характеръ искренности и дружелюбія, служила доказательствомъ мудрости Царя и придала новый блескъ его царствованію. — Открытіемъ Англичанъ немедленно восполь-

зовались и другіе купцы Европейскіе: изъ Голландіи, изъ Брабанта начали приходить корабли къ сѣвернымъ берегамъ Россіи и торговать съ нею въ Корельскомъ устьѣ: что продолжалось отъ 1555 до 1557 года ([437]).

Сіи достопамятныя происшествія были не единственнымъ предметомъ Іоанновой дѣятельности. Усмиряя Казань, покоряя Астрахань, возлагая дань на Сибирь, распространяя власть свою до Персіи, а торговлю до Самарканда, Шельды и Темзы, Россія воевала и съ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, и съ Швеціею, и съ Ливоніею, неусыпно наблюдая Литву.

Совершенное паденіе Казанскаго Царства приводило въ ужасъ Таврриду: Девлетъ-Гирей, кипя злобою, хотѣлъ бы поглотить Россію; но чувствовалъ нашу силу, ждалъ времени, манилъ Іоанна мирными обѣщаніями и грозилъ нападеніемъ. Въ 1553 году Царь стоялъ съ полками въ Коломнѣ, ожидая Хана ([438]); но Ханъ прислалъ въ Москву грамоту шертную: соглашаясь быть намъ другомъ, онъ требовалъ богатыхъ даровъ, и называлъ Іоанна только Великимъ Княземъ. Государь писалъ ему въ отвѣтъ, что мы *не покупаемъ дружбы*, и скромно извѣстилъ его о взятіи Астрахани. Тогда нѣкоторые изъ Думныхъ Совѣтниковъ предлагали Государю довершить великое дѣло славы, безопасности, благоденствія нашего завоеваніемъ послѣдняго Царства Батыева ([439]); и если бы онъ исполнилъ ихъ совѣтъ, то предупредилъ бы двумя вѣками знаменитое дѣло Екатерины Второй: ибо вѣроятно, что Крымъ не могъ бы противиться усиліямъ Россіи, которая уже стояла пятою на двухъ, лежащихъ предъ нею Царствахъ, и смотрѣла на третіе какъ на лестную добычу: двѣсти тысячь побѣдителей ([440]) готовы были ударить на гнѣздо хищниковъ, способныхъ болѣе къ разбоямъ, нежели къ войнѣ оборонительной. Есть время для завоеваній: оно проходитъ, и долго не возвращается. Но сія мысль казалась еще дерзкою: путь къ Крыму еще ни былъ знакомъ войску; степи, даль, трудность продовольствія устрашали. Сверхъ того Іоаннъ опасался раздражить Султана, верховнаго Властителя Тавриды, съ коимъ мы находились въ дружественныхъ сношеніяхъ: возбуждая противъ

Крымскія.

Письмо Соли-маново.

насъ Князей Ногайскихъ ([441]), онъ таилъ свою непріязнь и въ знакъ уваженія писалъ *золотыми буквами* къ Іоанну, именовалъ его *Царемъ счастливымъ и Правителемъ мудрымъ*; напоминалъ ему о *старой любви*, и присылалъ въ Москву купцевъ за товарами ([442]). Еще и другая мысль склоняла Государя щадить Таврриду: онъ надѣялся, подобно своему дѣду, употреблять ея Хановъ въ орудіе нашей Политики, чтобы вредить или угрожать Литвѣ. Уже опыты доказывали надежность сего орудія; но мы хотѣли новыхъ опытовъ, чтобы удостовѣриться въ необходимости истребленія варваровъ, и оставили въ ихъ рукѣ огнь и мечь на Россію!

Видя ложь, обманы Девлетъ-Гирея, и свѣдавъ, что онъ идетъ воевать землю Пятигорскихъ Черкесовъ, нашихъ друзей, Государь (въ Іюнѣ 1555 года) послалъ Воеводу Ивана Шереметева изъ Бѣлева Муравскою дорогою съ тринадцатью тысячами Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ и Козаковъ въ Мамаевы Луга, къ Перекопи, чтобы отогнать стада Ханскія ([443]). Но Девлетъ-Гирей отъ Изюмскаго Кургана своротилъ влѣво, и вдругъ устремился къ предѣламъ Россіи, имѣя тысячь шестьдесятъ войска. Шереметевъ, находясь близъ Святыхъ Горъ и Донца, открылъ сіе движеніе непріятеля, увѣдомилъ Государя и пошелъ въ слѣдъ за Ханомъ, къ Тулѣ. Самъ Іоаннъ немедленно выступилъ изъ Москвы съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, Царемъ Казанскимъ Симеономъ, со всѣми Воеводами и Дѣтьми Боярскими; уже не хотѣлъ, какъ бывало въ старину, ждать Крымцевъ на Окѣ, но спѣшилъ встрѣтить ихъ далѣе въ полѣ. Девлетъ-Гирей былъ между двумя войсками и не зналъ того. Нескромность Дьяковъ Государевыхъ спасла его отъ гибели: они писали изъ Москвы къ Намѣстникамъ Украинскимъ, что Ханъ въ сѣтяхъ; что спереди Царь, сзади Шереметевъ въ одно время стиснутъ, истребятъ непріятеля. Намѣстники разгласили счастливую вѣсть, которая дошла и до Хана, чрезъ жителей, захваченныхъ Крымцами ([444]). Въ ужасѣ онъ рѣшился бѣжать. Между тѣмъ мужественный, дѣятельный Шереметевъ взялъ обозъ Девлетъ-Гиреевъ, 60,000 коней, 200 аргамаковъ, 180 вельблюдовъ; отправилъ сію

Нападеніе Крымцевъ.

добычу во Мценскъ, въ Рязань; остался только съ семью тысячами воиновъ; въ 150 верстахъ отъ Тулы, на Судбищахъ, встрѣтилъ всю непріятельскую силу и не уклонился отъ битвы: сломилъ передовый полкъ, отнялъ знамя Ширинскихъ Князей и ночевалъ на мѣстѣ сраженія. Къ Хану привели двухъ плѣнниковъ ([544]); ихъ пытали; одинъ молчалъ, а другой не вынесъ мукъ и сказалъ ему о маломъ числѣ Россіянъ. Опасаясь нашего главнаго войска, но стыдясь уступить побѣду горсти отважныхъ витязей, Девлетъ-Гирей утромъ возобновилъ нападеніе всѣми полками. Бились часовъ восемь, и Россіяне нѣсколько разъ видѣли тылъ непріятеля; одни янычары Султановы стояли крѣпко, берегли Хана и снарядъ огнестрѣльный. Къ несчастію, Герой Шереметевъ былъ раненъ: другіе Воеводы не имѣли его духа; усилія наши ослабѣли, а непріятель удвоилъ свои. Россіяне смѣшались; искали спасенія въ бѣгствѣ. Тутъ мужественные чиновники, Алексѣй Басмановъ и Стефанъ Сидоровъ, ударили въ бубны, затрубили въ трубы, остановили бѣгущихъ, и засѣли съ двумя тысячами въ буеракѣ: Ханъ трижды приступалъ, не могъ одолѣть ихъ, и боясь терять время, на закатѣ солнца ушелъ въ степи.

Государь приближался къ Тулѣ, когда донесли ему, что Шереметевъ разбитъ, и что Ханъ будто бы идетъ къ Москвѣ съ несмѣтною силою. Люди боязливые совѣтовали Царю итти назадъ за Оку, а смѣлые впередъ: онъ послушался смѣлыхъ и вступилъ въ Тулу, куда прибыли Шереметевъ, Басмановъ, Сидоровъ съ остаткомъ своихъ воиновъ. Узнавъ, что Ханъ спѣшитъ къ предѣламъ Тавриды, и что нельзя догнать его, Іоаннъ возвратился въ Москву. Онъ милостиво наградилъ всѣхъ усердныхъ сподвижниковъ Шереметева, не побѣдителей, но ознаменованныхъ славою отчаянной битвы. Многіе изъ нихъ умерли отъ ранъ, и въ томъ числѣ храбрый Воевода Сидоровъ, уязвленный пулею и копьемъ: отслуживъ Царю, онъ скинулъ съ себя обагренный кровію доспѣхъ и скончался въ мантіи Схимника ([446]).

Война Шведская.

Въ сіе время Іоаннъ долженъ былъ обратить вниманіе на Швецію. Густавъ Ваза, съ безпокойствомъ видя возрастающее

могущество Россіи, старался тайно вредить ей: сносился съ Королемъ Польскимъ, съ Ливоніею, съ Герцогомъ Прусскимъ, съ Даніею, чтобъ общимъ усиліемъ Сѣверныхъ Державъ противиться опасному Іоаннову властолюбію; и встревоженный нашею выгодною торговлею съ Англичанами, убѣждалъ Королеву Марію запретить оную, какъ несогласную съ благосостояніемъ Швеціи и дающую новыя средства избытка, новую силу естественнымъ врагамъ ея ([447]). Не смотря на то, ни Густавъ, ни Царь не хотѣлъ кровопролитія: первый чувствовалъ слабость свою, а послѣдній не имѣлъ никакихъ видовъ на завоеванія въ Швеціи. Но споры о неясныхъ границахъ произвели войну. Ссылаясь на старый договоръ Короля Магнуса съ Новогородцами ([448]), Россіяне считали рѣки Саю и Сестрь предѣломъ обѣихъ Державъ: Шведы выходили за сей рубежъ; ловили рыбу, косили сѣно, пахали землю въ нашихъ владѣніяхъ; именовали Сестрію совсѣмъ иную рѣку, и не слушали никакихъ возраженій ([449]). Россіяне жгли ихъ нивы, а Шведы жгли наши села, умертвивъ нѣсколько Боярскихъ Дѣтей и посадивъ одного изъ нихъ на колъ; отняли у насъ также нѣсколько погостовъ въ Лапландіи и хотѣли разорить тамъ уединенный монастырь Св. Николая на Печенгѣ, противъ *Варгава* ([450]). Новогородскій Намѣстникъ, Князь Димитрій Палецкій, отправилъ къ Королю Густаву сановника Никиту Кузмина: его задержали въ Стокгольмѣ какъ лазутчика по ложному донесенію Выборгскаго начальника ([451]), и Густавъ не далъ отвѣта Князю Палецкому, желая объясниться письменно съ самимъ Царемъ. Жители Новогородской области вооруженною рукою заняли нѣкоторыя спорныя мѣста: Шведы побили ихъ на голову. Еще съ обѣихъ сторонъ предлагали дружелюбно изслѣдовать взаимныя неудовольствія; назначили время и мѣсто для съѣзда повѣренныхъ: Шведскіе не явились. Государь велѣлъ Князю Ногтеву и Воеводамъ Новогородскимъ защитить границу: а Густавъ, опасаясь нападенія, самъ прибылъ въ Финляндію единственно для обороны. Но Адмиралъ его, Іоаннъ Багге, пылая ревностію отличить себя подвигомъ славы, убѣждалъ Короля предупредить насъ; отвѣтствовалъ

ему за успѣхъ; донесъ, что слухъ носится о внезапной кончинѣ Царя; что Россія въ смятеніи; что онъ надѣется собрать двадцать тысячь воиновъ и проникнуть съ ними въ средину ея владѣній (452). Старецъ Густавъ, имъ обольщенный, согласился дѣйствовать наступательно; а Багге немедленно осадилъ Нотебургъ, или Орѣшекъ, съ конницею, пѣхотою со многими вооруженными судами: громилъ стѣны изъ пушекъ и жегъ наши селенія. Россіяне взяли мѣры: крѣпость оборонялась сильно; съ одной стороны Князь Ногтевъ, съ другой Дворецкій Симеонъ Шереметевъ тѣснили непріятеля, разбивали его отряды, хватали кормовщиковъ, брали суда. Настала осень, и Багге, потерявъ не мало людей въ теченіе мѣсяца, возвратился въ Финляндію, хвалясь единственно тѣмъ, что Россіяне не могли преградить ему пути, и что онъ вездѣ мужественно отражалъ ихъ.

Зимою собралося многочисленное войско въ Новѣгородѣ; а Царь оказывалъ еще миролюбіе: Воеводы Московскіе писали къ Королю, что онъ, безсовѣстно нарушивъ перемиріе, будетъ виновникомъ ужаснаго кровопролитія, если въ теченіе двухъ недѣль самъ не выѣдетъ къ нимъ на границу или не пришлетъ Вельможъ для разсмотрѣнія обоюдныхъ неудовольствій и для казни обидчиковъ. Вмѣсто Густава отвѣтствовали Выборгскіе чиновники, что Адмиралъ Багге началъ войну безъ Королевскаго повелѣнія; что Шведы, доказавъ Россіянамъ свое мужество, готовы возобновить старую дружбу съ ними. Но сей отвѣтъ казался неудовлетворительнымъ: Воеводы, Князья Петръ Щенятевъ и Дмитрій Палецкій, съ Астраханскимъ Царевичемъ Кайбулою вступили въ Финляндію: взяли въ оставленномъ Шведами городкѣ Киженѣ семь пушекъ, сожгли его, и за пять верстъ отъ Выборга встрѣтили непріятеля, который, смявъ ихъ передовые отряды, расположился на горѣ. Мѣсто давало ему выгоду: Іоанновы искусные Воеводы обошли его, напали съ тылу,—рѣшили побѣду и плѣнили знатнѣйшихъ сановниковъ Королевскихъ (453), Шведы заключились въ Выборгѣ: три дни стрѣлявъ по городу, Россіяне не могли сбить крѣпкихъ стѣнъ; опустошили берега

Воксы, разорили Нейшлотъ, и вывели множество плѣнниковъ. Лѣтописецъ говоритъ, что они продавали человѣка за гривну, а дѣвку за пять алтынъ.—Іоаннъ былъ доволенъ Воеводами; послалъ въ даръ Ногайскому Князю Исмаилу нѣсколько Шведскихъ доспѣховъ и писалъ къ нему: „Вотъ новые трофеи „Россіи! Король *Нѣмецкій сгрубилъ* намъ: мы побили его „людей, взяли города, истребили селенія (454). Такъ казнимъ „враговъ: будь намъ другомъ!“

Густавъ, отъ самой юности примѣръ благоразумія между Вѣнценосцами, ибо умѣлъ быть Героемъ безъ воинскаго славолюбія, и великодушно избавивъ отечество отъ иноземнаго тирана, хотѣлъ всегда мира, тишины, благоденствія—Густавъ на старости могъ винить себя въ ошибкѣ легкомыслія: видѣлъ, что Швеція безъ союзниковъ не въ силахъ бороться съ Россіею, и прислалъ сановника Канута въ Москву. Онъ писалъ къ Іоанну учтиво, дружелюбно, требуя мира, обвиняя бывшаго Новогородскаго Намѣстника, Князя Палецкаго (тогда смѣненнаго), и доказывая, что не Шведы, а Россіяне начали войну (455). Канутъ представилъ дары Густавовы: десять *Шведскихъ лисицъ*, и хотя былъ Посланникомъ недруга, однакожь имѣлъ честь обѣдать съ Государемъ, ибо сей недругъ уже просилъ мира (456). Отвѣтствуя Густаву, Царь не соглашался съ нимъ въ причинахъ войны, но соглашался въ желаніи прекратить ее. „Твои люди“—писалъ онъ—„сдѣлали „ужасныя неистовства въ Корельской землѣ нашей: не только „жгли, убивали, но и ругались надъ церквами, снимали кресты, „колокола, иконы. Жители Новогородскіе требовали отъ меня „*большихъ полковъ*, Московскихъ, Татарскихъ, Черемисскихъ „и другихъ; Воеводы мои пылали нетерпѣніемъ итти къ „Абову, къ Стокгольму: мы удержали ихъ, ибо не любимъ „кровопролитія. Все зло произошло отъ того, что ты по своей „гордости не хотѣлъ сноситься съ Новогородскими Намѣстниками, знаменитыми Боярами Великаго Царства. Если не „знаешь, каковъ Новгородъ, то спроси у своихъ купцевъ: „они скажутъ тебѣ, что его пригороды болѣе твоего Стокгольма (457). Оставь надменность, и будемъ друзьями“. Гу-

ставъ оставилъ ее: Послы его, Совѣтникъ Государственный Стенъ Эриксонъ, Архіепископъ Упсальскій Лаврентій, Епископъ Абовскій Михаилъ Агрикола, и Королевскій Печатникъ Олофъ Ларсонъ въ Февралѣ 1557 года пріѣхали въ Москву на 150 подводахъ, жили на Дворѣ Литовскомъ какъ бы г. 1557. въ заключеніи, не могли никого видѣть кромѣ Царскихъ чиновниковъ, поднесли Іоанну серебряный кубокъ съ часами (458), обѣдали у него въ Грановитой Палатѣ и должны были принять всѣ условія, имъ объявленныя. О рубежѣ не спорили: возобновили старый; но Послы долго требовали, чтобы мы освободили безденежно всѣхъ плѣнниковъ Шведскихъ, и чтобы Король имѣлъ дѣло единственно съ Царемъ. Бояре отвѣчали: 1) „Вы, какъ виновные, обязаны безъ выкупа „отпустить Россіянъ, купцевъ и другихъ, вами захваченныхъ; „а мы, какъ правые, дозволяемъ вамъ выкупить Шведскихъ „плѣнниковъ, у кого ихъ найдете, если они не приняли нашей „Вѣры. 2) Не безчестіе, а честь Королю имѣть дѣло съ „Новогородскими Намѣстниками. Знаете ли, кто они? Дѣти „или внучата Государей Литовскихъ, Казанскихъ или Рос„сійскихъ (459). Нынѣшній Намѣстникъ, Князь Глинскій, „есть племянникъ Михаила Львовича Глинскаго, столь зна„менитаго и славнаго въ земляхъ Нѣмецкихъ. Скажемъ вамъ „также *не въ укоръ*, но единственно *въ разсудъ:* кто Госу„дарь вашъ? Вѣнценосецъ, правда; но давно ли еще торго„валъ волами? И въ самомъ великомъ Монархѣ смиреніе „лучше надменности“. Послы уступили: за то Бояре, желая изъявить снисхожденіе, согласились не именовать Короля въ договорѣ клятвопреступникомъ! Написали въ Москвѣ перемирную грамоту на сорокъ лѣтъ и велѣли Новогородскимъ Намѣстникамъ скрѣпить ее своими печатями (460). Между тѣмъ Посламъ оказывалась честь, какой ни отецъ, ни дѣдъ Іоанновъ никогда не оказывалъ Шведскимъ: ихъ встрѣчали и провожали во дворцѣ знатные сановники (461); угощали *на золотѣ*, пышно и великолѣпно. Вмѣсто дара Государь прислалъ къ нимъ двадцать освобожденныхъ Финляндскихъ плѣнниковъ (462). Историкъ Швеціи разсказываетъ, что Іо-

аннъ желалъ слышать богословское прѣніе Архіепископа Упсальскаго съ нашимъ Митрополитомъ: выбрали для того Греческій языкъ; но переводчикъ, не разумѣя смысла важнѣйшихъ словъ, толковалъ оныя столь нелѣпо, что Государь велѣлъ прекратить сей разговоръ, въ знакъ благоволенія надѣвъ золотую цѣпь на грудь Архіепископа ([463]).

Въ сей кратковременной Шведской войнѣ Король Августъ и Магистръ Лизонскій естественно доброжелательствовали Густаву; обѣщались и помогать ему, но оставались спокойными зрителями. Первый только ходатайствовалъ за него въ Москвѣ, убѣждая Іоанна не тѣснить Швеціи, которая могла бы вмѣстѣ съ Польшею дѣйствовать противъ невѣрныхъ ([464]). „Я не „тѣсню никого,“ писалъ Государь въ отвѣтъ Августу: „имѣю „Царство обширное, которое отъ временъ Рюрика до моего „непрестанно увеличивается; завоеванія не льстятъ меня, но „стою за честь“. Возобновивъ перемиріе съ Литвою до 1562 года ([465]), Іоаннъ соглашался заключить и вѣчный миръ съ нею, если Августъ признаетъ его Царемъ; но Король упрямился, отвѣтствуя, что не любитъ новостей; что сей титулъ принадлежитъ одному Нѣмецкому Императору и Султану. Бояре наши явили его Посламъ грамоты Папы Климента, Императора Максимиліана, Султановы, Государей Испанскаго, Шведскаго, Датскаго, которые именовали еще дѣда, отца Іоаннова Царемъ; явили и новѣйшую грамоту Королевы Англійской: ничто не убѣдило Августа. Казалось, что онъ страшился титула болѣе, нежели силы Государя Россійскаго. Іоаннъ торжественно увѣдомилъ его о завоеваніи Астрахани: Король изъявилъ ему благодарность, и писалъ, что радуется его побѣдамъ надъ невѣрными! Такое увѣреніе было одною учтивостію; но разбои Хана Девлетъ-Гирея, не щадившаго и Литвы, могли бы склонить сіи два Государства къ искреннему союзу, если бы не встрѣтились новыя, важныя противности въ ихъ выгодахъ.

Смотрѣніе съ Литвою.

Послѣднее впаденіе въ наши предѣлы дорого стоило Хану, который лишился не только обоза, но и знатной части войска въ битвѣ съ Шереметевымъ ([466]). Не смотря на то,

онъ хвалился побѣдою и снова ополчался. Козаки подъ начальствомъ Дьяка Ржевскаго стерегли его между Днѣпромъ и Дономъ ([467]): они извѣстили Государя (въ Маѣ 1556), что Ханъ расположился станомъ у Конскихъ Водъ и мѣтитъ на Тулу или Козельскъ. Въ нѣсколько дней собралося войско: Царь осмотрѣлъ его въ Серпуховѣ и хотѣлъ встрѣтить непріятеля за Тулою ([468]): но узналъ, что вся опасность миновалась. Смѣлый Дьякъ Ржевскій, приманивъ къ себѣ триста Малороссійскихъ Литовскихъ Козаковъ съ Атаманами Млынскимъ и Есковичемъ, ударилъ на Исламъ-Кирмень, на Очаковъ; шесть дней бился съ Ханскимъ Калгою ([469]), умертвилъ множество Крымцевъ и Турковъ, отогналъ ихъ табуны, вышелъ съ добычею и принудилъ Девлетъ-Гирея спѣшить назадъ для защиты Крыма, гдѣ, сверхъ того, свирѣпствовали смертоносныя болѣзни. Въ сіе же время, къ удовольствію Государя, предложилъ ему свои услуги одинъ изъ знатнѣйшихъ Князей Литовскихъ, потомковъ Св. Владиміра: Дмитрій Вишневецкій, мужъ ума пылкаго, отважный, искусный въ ратномъ дѣлѣ. Бывъ любимымъ вождемъ Днѣпровскихъ Козаковъ и начальникомъ Канева, онъ скучалъ мирною системою Августа; хотѣлъ подвиговъ, опасностей, и прельщенный славою нашихъ завоеваній, воскипѣлъ ревностію мужествовать подъ знаменами своего древняго отечества, коему Провидѣніе явно указывало путь къ необыкновенному величію. Вишневецкій стыдился предстать Іоанну въ видѣ бѣглеца: вышелъ изъ Литвы со многими усердными Козаками, занялъ островъ Хортицу близъ Днѣпровскаго устья, противъ Конскихъ Водъ ([470]); сдѣлалъ крѣпость, и писалъ къ Государю, что не требуетъ у него войска: требуетъ единственно чести именоваться Россіяниномъ, и запретъ Хана въ Тавридѣ, какъ въ вертепѣ. Обнадеженный Іоанномъ въ милости, сей удалецъ сжегъ Исламъ-Кирмень, вывезъ оттуда пушки въ свою Хортицкую крѣпость, и славно отразилъ всѣ нападенія Хана, который 24 дни безъ успѣха приступалъ къ его острову. Съ другой стороны Черкесскіе Князья именемъ Россіи овладѣли двумя городками Азовскими, Темрюкомъ и Таманомъ, гдѣ было

Нападеніе Дьяка Ржевскаго на Исламъ-Кирмень.

Князь Вишневецкій вступаетъ въ службу къ Царю, и беретъ Хортицу.

Завоеваніе Темрюка и Тамана.

наше древнее Тмутороканское Княженіе ([471]). Девлетъ-Гирей трепеталъ; думалъ, что Ржевскій, Вишневецкій и Князья Черкесскіе составляютъ только передовый отрядъ нашего главнаго войска; ждалъ самого Іоанна, просилъ у него мира, и въ отчаяніи писалъ къ Султану, что все погибло, если онъ не спасетъ Крыма. Никогда — говоритъ современный Историкъ ([472]) — не бывало для Россіи удобнѣйшаго случая истребить остатки Моголовъ, явно караемыхъ тогда гнѣвомъ Божіимъ. Улусы Ногайскіе, прежде многолюдные, богатые, опустѣли въ жестокую зиму 1557 года; скотъ и люди гибли въ степяхъ отъ несноснаго холода. Нѣкоторые Мурзы искали убѣжища въ Тавридѣ, и нашли въ ней язву съ голодомъ, произведеннымъ чрезвычайною засухою. Едва ли 10,000 исправныхъ конныхъ воиновъ оставалось у Хана; еще менѣе въ Ногаяхъ. Къ симъ бѣдствіямъ присоединялось междоусобіе. Въ Ногайской Ордѣ Улусы возставали на Улусы. Въ Тавридѣ Вельможи хотѣли убить Девлетъ-Гирея, чтобы объявить Царемъ Тохтамыша, жившаго у нихъ Астраханскаго Царевича, брата Шигъ-Алеева. Заговоръ открылся: Тохтамышъ бѣжалъ въ Россію, и могъ основательно извѣстить Государя о слабости Крыма ([473]).

Моръ въ Ногайскихъ и Крымскихъ Улусахъ.

Но мы — по мнѣнію Историка, знаменитаго Курбскаго — не слѣдовали указанію перста Божія, и дали оправиться невѣрнымъ. Вишневецкій не удержался на Хортицѣ, когда явились многочисленныя дружины Турецкія и Волошскія, присланныя къ Девлетъ-Гирею Султаномъ: истощивъ силы и запасы, оставилъ свою крѣпость, удалился къ предѣламъ Литовскимъ, и занявъ Черкасы, Каневъ, гдѣ жители любили его, написалъ къ Іоанну, что, будучи снова готовъ итти на Хана, можетъ оказать Россіи еще важнѣйшую услугу покореніемъ ея скипетру всѣхъ южныхъ областей Днѣпровскихъ. Предложеніе было лестно; но Государь не хотѣлъ нарушить утвержденнаго съ Литвою перемирія: велѣлъ возвратить Черкасы и Каневъ Августу, призвалъ Вишневецкаго въ Москву и далъ ему въ помѣстье городъ Бѣлевъ со многими богатыми волостями, чтобы имѣть въ немъ страшилище какъ для Хана,

Усердіе Вишневецкаго

такъ и для Короля Польскаго ([474]). — Между тѣмъ Девлетъ-Гирей отдохнулъ. Хотя онъ все еще изъявлялъ желаніе быть
въ мирѣ съ Россіею; хотя съ честію отпустилъ нашего Посла г. 1558.
Загряжскаго, державъ его у себя пять лѣтъ какъ плѣнника; доставилъ и союзную грамоту Іоанну, обязываясь, въ знакъ искренней къ намъ дружбы, воевать Литву: однакожь предлагалъ условія гордыя и требовалъ *дани*, какую присылалъ къ нему Сигизмундъ и Августъ ([475]). „Для тебя“ — говорилъ Девлетъ-Гирей — „разрываю союзъ съ Литвою: слѣдственно ты долженъ вознаградить меня“. Сыновья его дѣйствительно грабили тогда въ Волыніи и въ Подоліи, къ изумленію Августа, считавшаго себя ихъ другомъ. Они искали легкой добычи и находили ее въ сихъ плодоносныхъ областяхъ, гдѣ Королевскіе Паны гордо хвалились мужествомъ на пирахъ и малодушно бѣгали отъ разбойниковъ, не умѣя оберегать земли ([476]). Узнавъ о томъ, Государь созвалъ Бояръ: всѣ думали, что требованіе вѣроломнаго Девлетъ-Гирея не достойно вниманія; что надобно воспользоваться симъ случаемъ и предложить Августу союзъ противъ Хана. Снова послали Князя Вишневецкаго на Днѣпръ; дали ему 5000 Жильцовъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ и Козаковъ; велѣли имъ соединиться съ Князьями Черкесскими и вмѣстѣ воевать Тавриду ([477]); а къ Королю написалъ Іоаннъ, что онъ беретъ живѣйшее участіе въ бѣдствіи, претерпѣнномъ Литвою отъ гибельнаго набѣга Крымцевъ; что время имъ обоимъ вразумиться въ истинную пользу ихъ Державъ и общими силами сокрушить злодѣевъ, живущихъ обманами и грабежемъ; что Россія готова Предложеніе союза Литвѣ.
помогать ему въ томъ усердно всѣми данными ей отъ Бога средствами. Сіе предложеніе столь радостно удивило Короля, Вельможъ, народъ, связанный съ нами узами единокровія и Вѣры, что Посланника Московскаго носили на рукахъ въ Литвѣ, какъ вѣстника тишины и благоденствія для ея гражданъ, которые всегда ужасались войны съ Россіею. Чествли его при Дворѣ, въ знатныхъ домахъ; славили умъ, великодушіе Іоанна. Августъ въ знакъ искренней любви освободилъ нѣсколько старыхъ плѣнниковъ Московскихъ и прислалъ своего

Конюшаго Виленскаго, Яна Волчкова, изъявить живѣйшую благодарность Государю, обѣщаясь немедленно выслать и знатнѣйшихъ Вельможъ въ Москву для заключенія мира вѣчнаго и союза. Съ обѣихъ сторонъ говорили съ жаромъ о Христіанскомъ братствѣ; воспоминали судьбу Греціи, жертвы бывшаго между Европейскими Державами несогласія; хотѣли вмѣстѣ унять Хана и противиться Туркамъ ([478]). — Сіе обоюдное доброе расположеніе исчезло какъ мечта: дѣла снова запутались, и древняя взаимная ненависть, между нами и Литвою, воспрянула.

Дѣла Ливоніи.

Виною тому была Ливонія. Съ 1503 года мы не имѣли съ нею ни войны, ни твердаго мира; возобновляли только перемиріе и довольствовались единственно купеческими связями. Съ ревностію предпріявъ возвеличить Россію не только побѣдами, но и внутреннимъ гражданскимъ образованіемъ, дающимъ новыя силы Государству, Іоаннъ съ досадою видѣлъ недоброжелательство Ливонскаго Ордена, который заграждалъ путь въ Москву не только людямъ искуснымъ въ художествахъ и въ ратномъ дѣлѣ, но вообще и всѣмъ иноземцамъ. „Уже Рос„сія такъ опасна“ — писали чиновники Орденскіе къ Импе„ратору — „что всѣ Христіанскіе сосѣдственные Государи укло„няютъ главу предъ ея Вѣнценосцемъ, юнымъ, дѣятельнымъ, „властолюбивымъ, и молятъ его о мирѣ ([479]). Благоразумно „ли будетъ умножать силы природнаго врага нашего сообще„ніемъ ему искусствъ и снарядовъ воинскихъ? Если откроемъ „свободный путь въ Москву для ремесленниковъ и художни„ковъ, то подъ симъ именемъ устремится туда множество „людей, принадлежащихъ къ злымъ Сектамъ Анабаптистовъ, „Сакраментистовъ и другихъ, гонимыхъ въ Нѣмецкой землѣ: „они будутъ самыми ревностными слугами Царя. Нѣтъ со„мнѣнія, что онъ замышляетъ овладѣть Ливоніею и Балтій„скимъ моремъ, дабы тѣмъ удобнѣе покорить всѣ окрестныя „земли: Литву, Польшу, Пруссію, Швецію“. По крайней мѣрѣ Іоаннъ не хотѣлъ терпѣть, чтобы Ливонцы препятствовали ему въ исполненіи благодѣтельныхъ для Россіи намѣреній, и готовилъ месть. Въ 1554 году Послы Магистра Генрика

Важный замѣчаніе приписываемый Іоанну.

Фонъ-Галена. Архіепископа Рижскаго и Епископа Дерптскаго молили его возобновить перемиріе еще на 15 лѣтъ. Онъ соглашался, съ условіемъ, чтобы область Юрьевская или Дерптская платила ему ежегодно искони-уставленную дань. Нѣмцы изъявили удивленіе: имъ показали Плеттенбергову договорную грамоту, писанную въ 1503 году, гдѣ именно упоминалось о сей дани, забытой въ теченіе пятидесяти лѣтъ ([480]). Ихъ возраженій не слушали. Именемъ Государевымъ Адашевъ сказалъ: „или такъ, или нѣтъ вамъ перемирія!“ Они уступили, и Дерптъ обязался грамотою, за ручательствомъ Магистра, не только впредь давать намъ ежегодно по Нѣмецкой маркѣ съ каждаго человѣка въ его области, но и за минувшія 50 лѣтъ представить въ три года всю недоимку. Магистръ клялся не быть въ союзѣ съ Королемъ Польскимъ и возстановить наши древнія церкви, вмѣстѣ съ Католическими опустошенныя Фанатиками новаго Лютеранскаго Исповѣданія въ Дерптѣ, Ревелѣ и Ригѣ: за что еще отецъ Іоанновъ грозилъ местію Ливонцамъ, сказавъ: „я не Папа и не Императоръ, которые не „умѣютъ защитить своихъ храмовъ“ ([481]). Торговлю объявили свободною, по волѣ Іоанна, которому жаловалась Ганза, что Правительство Рижское, Ревельское, Дерптское запрещаетъ ея купцамъ ввозить къ намъ металлы, оружіе, доспѣхи, и хочетъ, чтобы Нѣмцы покупали наше сало и воскъ въ Ливоніи ([482]). Только въ одномъ устоялъ Магистръ: онъ не далъ слова пропускать иноземцевъ въ Россію: обстоятельство важное, которое дѣлало миръ весьма ненадежнымъ.

Съ сею грамотою, написанною въ Москвѣ и скрѣпленною печатями Ливонскихъ Пословъ, отправился въ Дерптъ Іоанновъ чиновникъ, Келарь Терпигоревъ, чтобы, согласно съ обычаемъ, Епископъ и Старѣйшины утвердили оную своею клятвою и печатями. Но Епископъ, Бургомистръ и Совѣтники ихъ ужаснулись быть данниками Россіи; угощая Терпигорева, тайно разсуждали между собою; винили Пословъ Ливонскихъ въ легкомысліи, въ преступленіи данной имъ власти, и не знали, что дѣлать. Минуло нѣсколько дней: чиновникъ Московскій требовалъ присяги, не хотѣлъ ждать и грозился уѣхать. Тогда

Епископскій Канцлеръ, тонкій Политикъ, предложилъ Совѣту обмануть Іоанна. „Царь силенъ оружіемъ, а не хитръ умомъ“, сказалъ онъ: „чтобы не раздражить его, утвердимъ договоръ, „но объявимъ, что не можемъ вступить ни въ какое обяза„тельство безъ согласія Императора Римскаго, нашего закон„наго покровителя; отнесемся къ нему, будемъ ждать, мед„лить — а тамъ, что Богъ дастъ» ([483])! Сіе мнѣніе одержало верхъ: присягнули и возвратили грамоту Послу Іоаннову, съ оговоркою, что она не имѣетъ полной силы безъ утвержденія Императорскаго. „Царю моему нѣтъ дѣла до Императора!“ сказалъ Посолъ: „дайте мнѣ только бумагу; дадите и серебро“. Велѣвъ Дьяку завернуть грамоту въ шелковую ткань, онъ примолвилъ съ усмѣшкою: „береги: это важная вещь ([484])!“ — Терпигоревъ донесъ Государю, что обрядъ исполненъ, но что Нѣмцы замышляютъ обманъ.

Іоаннъ молчалъ; но съ сего времени уже писался въ грамотахъ *Государемъ Ливонскія земли* ([485]). Въ Февралѣ 1557 года снова явились въ Москвѣ Послы Магистровы и Дерптскаго Епископа. Узнавъ, что они пріѣхали не съ деньгами, а съ пустыми словами, и желаютъ доказывать Боярамъ несправедливость нашего требованія, Царь велѣлъ имъ ѣхать назадъ, съ отвѣтомъ: „Вы свободно и клятвенно обязались „платить намъ дань; дѣло рѣшено. Если не хотите испол„нить обѣта, то мы найдемъ способъ взять свое“ ([486]). Онъ запретилъ купцамъ Новогородскимъ и Псковскимъ ѣздить въ Ливонію, объявивъ, что Нѣмцы могутъ торговать у насъ спокойно; послалъ Окольничаго, Князя Шастунова, заложить городъ съ пристанью въ самомъ устьѣ Наровы ([487]), желая имѣть моремъ вѣрное, безопасное сообщеніе съ Германіею, и началъ готовиться къ войнѣ, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, обѣщала намъ дешевые успѣхи и легкое завоеваніе. Ливонія и въ лучшее, славнѣйшее для Ордена время, при самомъ великомъ мужѣ Плеттенбергѣ видѣла невозможность счастливо воевать съ Россіею: Орденъ, лишенный опоры Нѣмецкаго, сдѣлался еще слабѣе, и пятидесятилѣтній миръ, обогативъ землю, умноживъ пріятности жизни, роскошь, нѣгу,

Состояніе Ливоніи.

совершенно отучилъ Рыцарей отъ суровой воинской дѣятельности: они въ великолѣпныхъ замкахъ своихъ жили единственно для чувственныхъ наслажденій и низкихъ страстей (какъ увѣряютъ современные Лѣтописцы): пили, веселились, забывъ древнее происхожденіе ихъ братства, вину и цѣль онаго; гнушались не пороками, а скудостію; безстыдно нарушая святые уставы нравственности, стыдились только уступать другъ другу въ пышности, не имѣть драгоцѣнныхъ одеждъ, множества слугъ, богато убранныхъ коней и прекрасныхъ любовницъ. Тунеядство, пиры, охота были главнымъ дѣломъ знатныхъ людей въ семъ, по выраженію Историка, *земномъ раю* (488); а какъ жили Орденскіе, Духовные сановники, такъ и дворяне свѣтскіе, и купцы, и мѣщане въ своемъ избыткѣ; одни земледѣльцы трудились въ потѣ лица, обременяемые налогами алчнаго корыстолюбія, но отличались не лучшими нравами, а грубѣйшими пороками въ безсмысліи невѣжества и въ гибельной заразѣ пьянства. Многосложное, раздѣленное Правительство было слабо до крайности: пять Епископовъ, Магистръ, Орденскій Маршалъ, восемь Комендоровъ и восемь *Фохтовъ* владѣли землею; каждый имѣлъ свои города, волости, уставы и права; каждый думалъ о частныхъ выгодахъ, мало заботясь о пользѣ общей. Введеніе Лютеранскаго Исповѣданія, принятаго городами, свѣтскимъ Дворянствомъ, даже многими Рыцарями, еще болѣе замѣшало Ливонію: волнуемый усердіемъ къ новой Вѣрѣ, народъ мятежничалъ, опустошалъ Латинскія церкви, монастыри (489); Властители, отчасти за Вѣру, отчасти за корысть, возставали другъ на друга. Такъ преемникъ Магистра Фонъ Галена, Фирстенбергъ, свергнулъ и заключилъ Архіепископа Рижскаго, Маркграфа Вильгельма (послѣ освобожденнаго угрозами Короля Августа). Для храненія самой внутренней тишины нанимая воиновъ въ Германіи, миролюбивый Орденъ не думалъ о способахъ противиться сильному врагу внѣшнему; не имѣя собственной рати, не имѣлъ и денегъ: Магистры, сановники богатѣли, а казна скудѣла, изводимая для ихъ удовольствій и пышности; они считали достояніе Орденское своимъ, а свое

не Орденскимъ. Однимъ словомъ, избытокъ земли, слабость Правленія и нѣга гражданъ манили завоевателя.

Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска.

Россія же была могущественнѣе прежняго. Кромѣ славы громкихъ завоеваній, мы пріобрѣли новыя вещественныя силы: усмиренные народы Казанскіе давали намъ ратниковъ; Князья Черкесскіе пріѣзжали служить Царю со многолюдными конными дружинами. Но всего важнѣе было тогда новое, лучшее образованіе нашего войска, почти удвоившее силу онаго. Сіе знаменитое дѣло Іоаннова царствованія совершилось въ 1556 году, когда еще лилася кровь на берегахъ Волги, когда мы воевали съ Швеціею и ждали впаденія Крымцевъ: учрежденіе равно достопамятное въ воинскомъ и гражданскомъ законодательствѣ Россіи. Отъ временъ Іоанна III чиновники Великокняжескіе и Дѣти Боярскіе награждались землями, но не всѣ: другимъ давали судное право въ городахъ и волостяхъ, чтобы они, въ званіи Намѣстниковъ, жили судными оброками и пошлинами, храня устройство, справедливость и безопасность общую. Многіе честно исполняли свой долгъ; многіе думали единственно о корысти: тѣснили и грабили жителей. Непрестанныя жалобы доходили до Государя: смѣняя чиновниковъ, ихъ судили, и слѣдствіемъ было то, что самые невинные разорялись отъ тяжбъ и ябеды ([490]). Чтобы искоренить зло, Іоаннъ *отмѣнилъ судные платежи*, указавъ безденежно рѣшить тяжбы избираемымъ Старостамъ и Сотскимъ, а вмѣсто сей пошлины наложилъ общую дань на города и волости, на промыслы и земли, собираемую въ казну Царскими Дьяками; чиновниковъ же и Боярскихъ Дѣтей всѣхъ безъ исключенія уравнялъ или денежнымъ жалованьемъ или помѣстьями, сообразно съ ихъ достоинствомъ и заслугами; отнялъ у нѣкоторыхъ *лишнюю* землю и далъ неимущимъ, уставивъ службу не только съ помѣстьевъ, но и съ вотчинъ Боярскихъ, такъ что владѣлецъ ста четвертей *угожей* земли долженъ былъ итти въ походъ на конѣ и въ доспѣхѣ, или вмѣсто себя выслать человѣка, или внести уложенную за то цѣну въ казну. Желая пріохотить людей къ службѣ, Іоаннъ назначилъ *всѣмъ* денежное жалованье во время похода и

двойное Боярскимъ Дѣтямъ, которые выставляли лишнихъ ратниковъ сверхъ опредѣленнаго закономъ числа. Такимъ образомъ, измѣривъ земли, узнали нашу силу воинскую; доставивъ ратнымъ людямъ способъ жить безъ нужды въ мирное время и содержать себя въ походахъ, могли требовать отъ нихъ лучшей исправности и строже наказывать лѣнивыхъ, избѣгавшихъ службы. Съ сего времени, какъ говорятъ Лѣтописцы, число воиновъ нашихъ несравненно умножилось ([491]). Имѣвъ подъ Казанью 150,000, Іоаннъ чрезъ нѣсколько лѣтъ могъ выводить въ поле уже *до трехъ сотъ тысячь* ([492]) всадниковъ и пѣшихъ. Послѣдніе, именуемые *Стрѣльцами* и вооруженные пищалями, избирались изъ волостныхъ сельскихъ людей, составляли *безсмѣнную рать*, жили обыкновенно въ городахъ, и были преимущественно употребляемы для осады крѣпостей: учрежденіе приписываемое Іоанну, по крайней мѣрѣ имъ усовершенное ([493]). Хотя оно еще не могло вдругъ измѣнить нашего древняго, Азіатскаго образа войны, но уже сближало его съ Европейскимъ; давало болѣе твердости, болѣе устройства ополченіямъ. — Прибавимъ къ сему неутомимость Россіянъ, ихъ физическую окрѣплость въ трудахъ, навыкъ сносить недостатокъ, холодъ въ зимнихъ походахъ, — вообще опытность ратную; прибавимъ наконецъ необъятную нравственную силу Государства Самодержавнаго, движимаго единою мыслію, единымъ словомъ Вѣнценосца юнаго, бодраго, который, по сказанію нашихъ и чужеземныхъ современниковъ, *жилъ только для подвиговъ войны и Вѣры* ([494]). Чего могли ожидать Ливонцы, имѣя дѣло съ такимъ непріятелемъ?—погибели.

Всякое бореніе слабаго съ сильнымъ, возбуждая въ сердцахъ естественную жалость, склоняетъ насъ искать справедливости на сторонѣ перваго: но и Россійскіе и Ливонскіе Историки ([495]) винятъ Орденъ въ томъ, что онъ своимъ явнымъ недоброжелательствомъ, коварствомъ, обманами раздражилъ Іоанна, дѣйствуя по извинительному чувству нелюбви къ сосѣду опасному, но дѣйствуя неблагоразумно. Истинная Политика велитъ быть другомъ, ежели нѣтъ силъ быть вра-

гомъ; прямодушіе можетъ иногда усовѣстить и властолюбца, отнимая у него предлогъ законной мести: ибо не легко наглымъ образомъ топтать уставы нравственности, и самая коварная или дерзкая Политика должна закрываться ея личиною. Іоаннъ, начиная войну Ливонскую, могъ тайно дѣйствовать по властолюбію, раждаемому или питаемому блестящими успѣхами; однакожь могъ искренно увѣрять себя и другихъ въ своей справедливости, обязанный сею выгодою худому расчету Ливонскихъ Властителей, которые, зная физическую силу Россіянъ, надѣялись ихъ проводить хитростію, Посольствами, учтивыми словами, льстивыми обѣщаніями, и навлекли на себя ужасное двадцати-пятилѣтнее бѣдствіе, въ коемъ, среди развалинъ и могилъ, палъ ветхій Орденъ какъ утлое дерево.

Свѣдавъ о нашемъ вооруженіи, Магистръ Фирстенбергъ и Дерптскій Епископъ требовали отъ Царя *опасной грамоты* для проѣзда въ Москву ихъ новыхъ Пословъ. Іоаннъ далъ грамоту; но гонцы Нѣмецкіе видѣли у насъ вездѣ страшныя приготовленія къ войнѣ: обозы съ ратными запасами шли къ предѣламъ Ливоніи; вездѣ наводили мосты, учреждали станы, ямы, гостинницы по дорогѣ ([496]) — и въ исходѣ осени 1557 года уже сорокъ тысячь воиновъ стояло на границѣ подъ начальствомъ Шигъ-Алея, Бояръ Глинскаго, Данила Романовича, Ивана Шереметева, Князей Серебряныхъ, Андрея Курбскаго и другихъ знатныхъ сановниковъ ([497]). Кромѣ Россіянъ, въ семъ войскѣ были Татары, Черемисы, Мордва, Пятигорскіе Черкесы. Ждали только слова Государева, а Государь ждалъ Пословъ Ливонскихъ: они пріѣхали съ богатыми дарами и съ краснорѣчіемъ ([498]). Іоаннъ не хотѣлъ ни того, ни другаго. Алексѣй Адашевъ и Дьякъ Иванъ Михайловъ, указывая имъ на договорную хартію, требовали дани. Согласились наконецъ, чтобы Дерптъ, вмѣсто поголовной, ежегодно присылалъ намъ тысячу Венгерскихъ золотыхъ, а Ливонія заплатила 45,000 ефимковъ за воинскія издержки. Написали договоръ; оставалось исполнить его: но Послы объявили, что съ ними нѣтъ денегъ. Тогда Государь, какъ пишутъ, при-

гласилъ ихъ обѣдать во дворцѣ и велѣлъ имъ подать только *пустыя* блюда ([499]): они встали изъ-за стола голодные и поѣхали назадъ ни съ чѣмъ; а за ними войско наше, среди холодной, снѣжной зимы, 22 Генваря, съ огнемъ и мечемъ вступило въ Ливонію. Не смотря на то, что угрозы Іоанновы были ясны и приготовленія къ войнѣ давно извѣстны, Ливонскіе Властители изумились, пируя въ сіе время на пышной свадьбѣ какого-то знатнаго Ревельскаго чиновника ([500]). Россіяне дѣлали, что хотѣли въ землѣ, оставляя Нѣмцевъ сидѣть покойно въ городахъ укрѣпленныхъ. Князья Барбашинъ, Рѣпнинъ, Данило Ѳедоровичь Адашевъ громили Южную Ливонію на пространствѣ двухъ сотъ верстъ; выжгли посады Нейгауза, Киремпе, Маріенбурга, Курслава, Ульцена ([501]), и соединились подъ Дерптомъ съ главными Воеводами, которые взяли Алтентурнъ и также на пути своемъ все обратили въ пепелъ. Нѣмцы осмѣлились сдѣлать вылазку изъ Дерпта, конные и пѣшіе, въ числѣ пяти сотъ: ихъ побили на голову ([502]). Простоявъ три дни въ виду сей важной крѣпости, Воеводы пошли къ Финскому Заливу,—другіе къ рѣкѣ Аа; еще разбили Нѣмцевъ близъ Везенберга; сожгли предмѣстіе Фалькенау, Конготы, Ланса, Пиркеля ([503]); были только въ пятидесяти верстахъ отъ Риги, въ тридцати отъ Ревеля, и въ концѣ Февраля возвратились въ Иванюгороду съ толпами плѣнниковъ, съ обозами богатой добычи, умертвивъ множество людей. Нѣмецкіе Историки говорятъ съ ужасомъ о свирѣпости Россіянъ, жалуясь въ особенности на шайки такъ называемыхъ *охотниковъ*, Новогородскихъ и Псковскихъ, которые, видя Ливонію беззащитною, вездѣ опустошали ея селенія, жестокостію превосходя самыхъ Татаръ и Черкесовъ, бывшихъ въ семъ войскѣ ([504]). Россіяне, посланные не для завоеванія, а единственно для разоренія земли, думали, что они исполняютъ долгъ свой, дѣлая ей какъ можно болѣе зла; и главный Полководецъ, Князь Михайло Глинскій, столько любилъ корысть, что грабилъ даже въ области Псковской, надѣясь на родственную милость Государеву, но ошибся: изъявивъ благоволеніе всѣмъ другимъ Воеводамъ, Іоаннъ въ справедливомъ

г. 1558. Начало войны Ливонской.

гнѣвѣ велѣлъ доправить съ него все, беззаконно взятое имъ въ походѣ ([505]).

Совершивъ *казнь*, Воеводы Московскіе написали къ Магистру, что Нѣмцы должны единственно винить самихъ себя, дерзнувъ играть святостію договоровъ; что если они хотятъ *исправиться*, то могутъ еще умилостивить Іоанна смиреніемъ; что Царь Шигъ-Алей и Бояре готовы за нихъ ходатайствовать, изъ жалости къ бѣдной землѣ, дымящейся кровію. Ливонія дѣйствительно была въ жалостномъ состояніи: несчастные земледѣльцы, избѣжавшіе меча и плѣна, не могли помѣститься въ городахъ, умирали отъ изнуренія силъ и холода среди лѣсовъ, на кладбищахъ; вездѣ вопль народный требовалъ защиты или мира отъ Правителей, которые, на Сеймѣ въ Венденѣ долго разсуждавъ о лучшихъ мѣрахъ для ихъ спасенія, то гордо хваляся славою, мужествомъ предковъ, то съ ужасомъ воображая могущество Царя, рѣшились вновь отправить Посольство въ Москву. Шигъ-Алей — коего одни изъ Ливонскихъ Историковъ именуютъ свирѣпымъ кровопійцею, а другіе весьма умнымъ, скромнымъ человѣкомъ ([506]) — взялся склонять Іоанна къ миру, дѣйствуя конечно по данному ему отъ Государя наказу. Но Судьба хотѣла, чтобы Орденъ былъ жертвою неразумія своихъ чиновниковъ, и чтобы сильный Іоаннъ, терзая слабую Ливонію, казался правымъ.

Ожидая Магистровыхъ Пословъ, Государь велѣлъ прекратить всѣ воинскія дѣйствія до 24 Апрѣля ([507]). Насталъ Великій постъ: благочестивые Россіяне спокойно говѣли и молились въ Иванѣгородѣ, отдѣляемомъ рѣкою отъ Нарвы, гдѣ Нѣмцы, новые Лютеране, презирая уставы древней Вѣры, не считали за грѣхъ пировать въ сіе время, и вдругъ, разгоряченные виномъ ([508]), начали стрѣлять въ Иваньгородъ. Тамошніе Воеводы, Князь Куракинъ и Бутурлинъ, извѣстили о томъ Государя, который велѣлъ имъ обороняться, и послалъ Князя Темкина, стоявшаго въ Изборскѣ, воевать ближайшіе предѣлы Ливоніи, чтобы наказать Нѣмцевъ за ихъ вѣроломство. Темкинъ выжегъ села въ окрестностяхъ Валка; разбилъ отрядъ непріятельскій, взялъ четыре пушки, и возвратился.

Еще главная рать Московская не трогалась; но изъ Нарвы безпрестанно летали ядра въ Иваньгородъ и били жителей; а Нѣмцы Нарвскіе, какъ бы въ насмѣшку, приказывали къ Іоанновымъ Воеводамъ: „не мы, но Фохтъ Орденскій стрѣ„ляетъ; не можемъ унять его“ (509). Тогда Воеводы сами открыли сильную пальбу: ядра *огненныя* и каменныя осыпали Нарву въ теченіе недѣли; люди гибли; домы пылали, разрушались — и Нѣмцы, въ ужасѣ забывъ гордость, требовали пощады. Бургомистры, Ратманы выѣхали къ Воеводамъ; объявили, что ни въ чемъ не противятся Іоанновой волѣ; умолили ихъ прекратить стрѣльбу; дали заложниковъ и послали въ Москву Депутатовъ, Іоакима Крумгаузена и Арнта Фонъ-Дедена. Когда сіи Депутаты явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, Окольничій Адашевъ и Дьякъ Михайловъ вышли къ нимъ отъ Государя и спросили, чего хотятъ они? *Быть, какъ мы были*, отвѣтствовалъ умный Крумгаузенъ: *не перемѣнять нашихъ законовъ; остаться городомъ Ливонскимъ; удовлетворить всѣмъ инымъ требованіямъ Царя милостиваго.* „Нѣтъ!“ сказалъ Адашевъ: „мы не смѣемъ донести ему о такихъ „условіяхъ. Вы дерзко нарушили перемиріе, стрѣляли въ Рос„сіянъ, и видя гибель надъ собою, объявили, что готовы „исполнить волю Царя; а Царю угодно, чтобы вы немедленно „прислали въ Москву своего Орденскаго Властителя (Фохта „Шнелленберга) и сдали намъ городъ: за что Іоаннъ мило„стиво обѣщаетъ не выводить васъ изъ домовъ; не касаться „ни лицъ, ни собственности, ни древнихъ вашихъ обычаевъ; „блюсти общее благоденствіе и свободу торговли; однимъ сло„вомъ, владѣть Нарвою, какъ владѣли ею сановники Орден„скіе. Такъ, и не иначе!“ Депутаты, заплакавъ, присягнули Россіи за себя и за всѣхъ согражданъ; были представлены Государю и получили отъ него жалованную грамоту. Велѣвъ увѣдомить о томъ Нарвское Правительство, Іоаннъ писалъ къ Воеводамъ, чтобы они берегли сей городъ, какъ Россійскій, отъ Магистра.

Но все перемѣнилось въ Нарвѣ: ея легкомысленные граждане, узнавъ, что Магистръ шлетъ къ нимъ 1000 воиновъ

съ Коммандоромъ Ревельскимъ, ободрились, забыли страхъ и послали сказать нашему главному Воеводѣ, что Депутаты ихъ не имѣли власти предать отечество Царю Московскому ([510]); а Коммандоръ, думая воспользоваться нечаянностію, хотѣлъ схватить Россійскую стражу за Рѣкою Наровою: ударилъ — и бѣжалъ отъ первыхъ выстрѣловъ ([511]). Вѣсть о новомъ вѣроломствѣ Нѣмцевъ дошла до Москвы почти въ одно время съ другою, радостною, совершенно неожидаемою: съ вѣстію, что Нарва уже взята Россіянами!

Взятіе Нарвы.

Сіе происшествіе ославилось чудомъ. Разсказываютъ, что пьяные Нарвскіе Нѣмцы, увидѣвъ икону Богоматери въ одномъ домѣ, гдѣ живали купцы Псковскіе, бросили ее въ огонь, отъ коего вдругъ сдѣлался пожаръ (11 Мая) съ ужасною бурею. Россіяне изъ-за рѣки увидѣли общее смятеніе въ городѣ, и не слушаясь Воеводъ своихъ, устремились туда: кто плылъ въ лодкѣ, кто на бревнѣ или доскѣ ([512]); выскочили на берегъ и дружно приступили къ Нарвѣ. Воеводы уже не могли быть праздными зрителями, и сами повели къ нимъ остальное войско. Въ нѣсколько минутъ все рѣшилось: Головы Стрѣлецкіе съ Бояриномъ Алексѣемъ Басмановымъ и Даніломъ Адашевымъ (Окольничимъ, мужественнымъ братомъ любимца Государева) вломились въ Русскія ворота, а Иванъ Бутурлинъ въ Колыванскія; въ огнѣ и въ дыму рѣзали устрашенныхъ Нѣмцевъ, вогнали ихъ въ крѣпкій замокъ, называемый Вышегородомъ, и не дали имъ тамъ опомниться: громя его изъ всѣхъ пушекъ, своихъ и взятыхъ въ Нарвѣ, разбивали стѣны, готовили лѣстницы. Между тѣмъ два Коммандора, Феллинскій и Ревельскій, Кетлеръ и Зегегафенъ, съ сильною дружиною, пѣхотою, конницею и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ стояли въ трехъ миляхъ отъ города, видѣли пожаръ, слышали пальбу, и не двигались съ мѣста, разсуждая, что крѣпость, имѣющая каменныя стѣны и желѣзныя ворота, должна безъ нихъ помощи отразить непріятеля. Но къ вечеру замокъ сдался, съ условіемъ, чтобы побѣдители выпустили Фохта-Шнелленберга, Нѣмецкихъ воиновъ и жителей, которые захотятъ удалиться. Вышли знатнѣйшіе только съ женами и

дѣтьми, оставивъ намъ въ добычу все свое имѣніе; другіе отпустили семейства, а сами, вмѣстѣ съ народомъ, присягнули Царю въ вѣрности. Россіяне взяли 230 пушекъ и великое богатство; но, гася пожаръ, усердно и безкорыстно спасали достояніе тѣхъ жителей, которые сдѣлались нашими подданными. — Сіе важное завоеваніе, давъ Россіи знаменитую купеческую пристань, столь обрадовало Іоанна, что онъ съ великою пышностію торжествовалъ его въ Москвѣ и во всемъ Государствѣ; наградилъ Воеводъ и воиновъ; милостиво подтвердилъ жалованную грамоту, данную Крумгаузену и Фонъ-Дедену, не смотря на перемѣну обстоятельствъ; освободилъ всѣхъ Нарвскихъ плѣнниковъ; указалъ отдать собственность всякому, кто изъ вышедшихъ жителей Нарвы захочетъ возвратиться. Архіепископъ Новогородскій долженъ былъ немедленно отправить туда Архимандрита Юрьевскаго и Софійскаго Протоіерея, чтобы освятить мѣсто во имя Спасителя, крестнымъ ходомъ и молебнами *очистить отъ Вѣры Латинской и Лютеровой*, соорудить церковь въ замкѣ, другую въ городѣ, и поставить въ ней ту икону Богоматери, отъ коей загорѣлась Нарва, и которую нашли цѣлую въ пеплѣ ([513]).

Въ сіе время пріѣхали наконецъ Послы Ливонскіе въ Москву, братъ Магистра Фирстенберга, Ѳеодоръ, и другіе чиновники ([514]), не съ данію, но съ моленіемъ, чтобы Государь уступилъ ее землѣ разоренной. „Вся страна Дерптская“ — говорили они Боярамъ — „стенаетъ въ бѣдствіи, и долго не „увидитъ дней счастливыхъ. Съ кого требовать дани? вы уже „взяли ее своимъ оружіемъ, — взяли въ десять разъ болѣе. „Впредь можемъ исправиться, и тогда заплатимъ по договору“. „Государь отвѣтствовалъ чрезъ Адашева: „Послѣ всего, что „случилось, могу ли еще слушать васъ? Кто вѣритъ вѣроломнымъ? Мнѣ остается только искать управы мечемъ. Я завоевалъ Нарву и буду пользоваться своимъ счастіемъ. Однакожь, „не любя кровопролитія, еще предлагаю средство унять его: „пусть Магистръ, Архіепископъ Рижскій, Епископъ Дерптскій „лично ударятъ мнѣ челомъ, заплатятъ дань *со всей Ливоніи*, и впредь повинуются мнѣ какъ Цари Казанскіе, Астра-

„ханскіе и другіе знаменитые Владѣтели: или я силою возьму „Ливонію“ ([515]). Послы ужаснулись, и сказавъ: „видимъ, что „намъ не будетъ здѣсь дѣла“, просили отпуска, который и дали имъ немедленно. Хотя Магистръ и Епископъ Дерптскій, пораженные судьбою Нарвы, уже готовы были заплатить намъ 60,000 ефимковъ; хотя, не безъ усилія, собрали и деньги ([516]): но время прошло: Государь требовалъ уже не дани Юрьевской, а подданства всей земли. Началась иная война, и Россіяне, снова вступивъ въ Ливонію, не довольствовались ея разореніемъ: они хотѣли городовъ и постояннаго владычества надъ нею.

Завоеваніе Нейшлоса, Адежа, Нейгауза.

25 Мая Князь Ѳедоръ Троекуровъ и Данило Адашевъ осадили Нейшлосъ, а 6 Іюня взяли на договоръ. Тамошній Фохтъ вышелъ изъ крѣпости съ немногими людьми и съ пустыми руками, отдавъ все оружіе и достояніе побѣдителямъ. Жители города и всего уѣзда (въ длину на 60, а въ ширину на 40 и 50 верстъ) Латыши и самые Нѣмцы признали себя подданными Россіи, такъ, что берега озера Чудскаго и рѣка Нарова, отъ ея верховья до моря, заключились въ нашихъ владѣніяхъ. Государь, пославъ къ Воеводамъ золотыя медали, велѣлъ исправить тамъ укрѣпленія и соорудить церковь во имя Св. Иларіона: ибо въ день его памяти сдался Нейшлосъ. Жители уѣзда и городка Адежскаго добровольно присягнули Іоанну, вмѣстѣ съ нѣкоторыми сосѣдственными Везенбергскими волостями, и выдали Россіянамъ все казенное имѣніе, пушки, запасы ([517]).

Главная сила, подъ начальствомъ многихъ знатныхъ Воеводъ, Князей Петра Шуйскаго, Василія Серебрянаго, Андрея Курбскаго, шла къ Дерпту ([518]). Прежде надлежало взять Нейгаузъ, городъ весьма крѣпкій, гдѣ не было ни двухъ сотъ воиновъ, но былъ Витязь Орденскій, Укскиль Фонъ-Паденормъ, который, вооруживъ и гражданъ и земледѣльцевъ, около мѣсяца мужественно противился многочисленному войску. Съ симъ Героемъ Нѣмцы, по выраженію нашего Лѣтописца, *сидьли на смерть:* бились отчаянно, неутомимо, и заслужили удивленіе Московскихъ Полководцевъ. Сбивъ стѣны, башни, Россіяне вошли въ городъ:

Укскиль отступилъ въ замокъ съ горстію людей и хотѣлъ умереть въ послѣдней его развалинѣ; но сподвижники объявили ему, что не имѣютъ болѣе силъ—и Воеводы, изъ уваженія къ храбрости, дозволили имъ выйти *съ честію* ([519]). Сей примѣръ доказывалъ, что Ливонія, ограждаемая многими крѣпостями и богатая снарядомъ огнестрѣльнымъ, могла бы весьма затруднить успѣхи Іоаннова оружія, если бы другіе защитники ея, хотя и малочисленные, имѣли духъ Укскиловъ, а граждане добродѣтель Тилеву, одного изъ Бургомистровъ Дерптскихъ, который, въ тогдашнемъ собраніи Земскихъ Чиновъ сильно и трогательно изобразивъ бѣдствіе отечества, сказалъ: „Настало время жертвъ или погибели: „лишимся всего, да спасемъ честь и свободу нашу; принесемъ въ казну свое золото и серебро; не оставимъ у себя „ничего драгоцѣннаго, ни сосуда, ни украшенія; дадимъ „Правительству способъ нанять войско, купить дружбу и «защиту Державъ сосѣдственныхъ!“ Но убѣжденія и слезы великодушнаго мужа не произвели никакого дѣйствія: его слушали и молчали ([520])!

30 Іюня.

Великодушіе Дерптскаго Бургомистра.

Во время осады Нейгауза Магистръ Фирстенбергъ, Коммандоры и самъ Епископъ Дерптскій съ 8000 воиновъ ([521]) неподвижно стояли въ тридцати верстахъ оттуда, за Двиною и вязкими болотами, въ мѣстѣ неприступномъ, и не сдѣлали ничего для спасенія крѣпости; узнавъ же, что она сдалася, зажгли станъ свой и городокъ Киремпе, гдѣ находилось множество всякихъ припасовъ; спѣшили удалиться, бѣжали день и ночь, Магистръ къ Валку, а Епископъ къ Дерпту, гонимые нашими Воеводами, которые за 30 верстъ отъ Дерпта настигли и разбили Епископа, взяли его чиновниковъ въ плѣнъ, весь обозъ и снаряды. Магистръ, избравъ крѣпкое мѣсто близъ Валка, остановился: Воеводы велѣли передовой дружинѣ вступить съ нимъ въ битву, а сами начали обходить его и принудили бѣжать далѣе къ Вендену, такъ скоро и въ такой жаръ, что люди и лошади издыхали отъ усталости. Россіяне истребили весь задній отрядъ Фирстенберговъ, едва не схвативъ знаменитѣйшаго изъ Комман-

Бѣгство Магистра.

доронъ, Готгарда Кетлера, подъ коимъ въ семъ дѣлѣ упала лошадь. Обозъ Магистровъ былъ нашею добычею, и Воеводы, извѣстивъ Государя, что непріятеля уже нѣтъ въ полѣ, обратились къ Дерпту ([522]).

Въ сихъ для Ордена ужасныхъ обстоятельствахъ старецъ Фирстенбергъ сложилъ съ себя достоинство Магистра, и юный Кетлеръ, повинуясь Чинамъ, принялъ его со слезами ([523]). Славясь отличнымъ умомъ и твердостію характера, онъ вселялъ надежду въ другихъ, но самъ имѣлъ весьма слабую, и только изъ великодушія согласился быть — послѣднимъ Магистромъ издыхающаго Ордена! Чтобы употребить всѣ возможныя средства спасенія, Кетлеръ ревностно старался воспламенить хладныя сердца любовію къ отечеству, заклиналъ сановниковъ дѣйствовать единодушно, не жалѣть ни достоянія, ни жизни для блага общаго; собиралъ деньги и людей; требовалъ защиты отъ Императора, Короля Датскаго, Шведскаго, Польскаго; писалъ и къ Царю, моля его о мирѣ: но не видалъ желаемаго успѣха. Раздоръ, взаимныя подозрѣнія Ливонскихъ Властителей мѣшали всѣмъ добрымъ намѣреніямъ Магистра. Хотѣли спасенія, не безъ жертвъ, торжественно доказывая, что богатые люди не обязаны разоряться для онаго ([524]) — и Кетлеръ могъ единственно займомъ наполнить пустую казну Ордена для необходимыхъ, воинскихъ издержекъ. Помощи внѣшней не было. Императоръ Карлъ V, обнимавшій взоромъ своимъ всю Европу, уже оставилъ тогда короны и престолы; какъ вторый Діоклетіанъ удалился отъ міра, столь долго волнуемаго его властолюбіемъ, и хотѣлъ въ пустынѣ удивить людей особеннымъ родомъ славы, рѣдкой, но не менѣе суетной: славы казаться выше земнаго величія. Новый Императоръ Фердинандъ ссорился съ Папою, мирилъ Германію, опасался Турковъ, и только жалѣлъ о бѣдной Ливоніи; другіе Государи довольствовались обѣщаніемъ склонить Іоанна къ миролюбію; а Царь отвѣтствовалъ Кетлеру: „жду тебя въ Москвѣ, и смотря по твоему челобитью, изъявлю милость“ ([525]). Сія *милость* казалась Магистру послѣднимъ изъ возможныхъ бѣдствій для Держав-

Новый Глава Ордена.

наго Ливонскаго Рыцарства: онъ лучше хотѣлъ погибнуть съ честію, нежели съ униженіемъ безполезнымъ.

Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ.

Воеводы Іоанновы не теряли времени: взявъ Киренпе, Курславъ и крѣпкій замокъ Вербекъ на Эмбахѣ ([526]), всѣми силами приступили къ Дерпту, славному богатствомъ жителей и многими общественными, благодѣтельными заведеніями. Кромѣ вооруженныхъ гражданъ, готовыхъ стоять за честь и вольность, двѣ тысячи наемныхъ Нѣмцевъ ([527]) были защитниками сего важнаго, искусно укрѣпленнаго мѣста, подъ главнымъ начальствомъ Епископа, Германа Вейланда, который хвалился болѣе воинскою доблестію, нежели смиренною набожностію Христіанскаго Пастыря. Шесть дней продолжались битвы жестокія и достойныя *мужей Рыцарскихъ*, какъ пишетъ Воевода Курбскій, очевидецъ и правдивый судія дѣлъ ратныхъ. Но превосходная сила одолѣвала: вылазки дорого стоили осажденнымъ, и Россіяне, пользуясь густымъ туманомъ, заперли городъ со всѣхъ сторонъ турами, вели подкопы, ставили бойницы, разрушали стѣны пальбою, предлагая жителямъ самыя выгодныя условія, если они сдадутся. Епископъ не хотѣлъ сперва слышать о переговорахъ : но Магистратъ донесъ ему, что городъ не въ силахъ обороняться долго; что многіе изъ воиновъ и гражданъ пали въ вылазкахъ, или больны, или отъ усталости едва дѣйствуютъ оружіемъ; что пушки непріятельскія, вредя стѣнамъ, бьютъ людей и въ улицахъ. Послали тайныхъ вѣстниковъ къ Магистру: они возвратились благополучно. Магистръ писалъ, что Орденъ нанимаетъ воиновъ и молится о спасеніи Дерпта!

Главный Воевода Іоанновъ, Князь Петръ Ивановичь Шуйскій, былъ, по сказанію современнаго Ливонскаго Историка ([528]), мужъ добролюбивый, честный, благородный душею. Совершивъ подкопы и прокативъ туры къ самымъ стѣнамъ, онъ велѣлъ объявить съ барабаннымъ боемъ, что даетъ жителямъ два дни на размышленіе, а въ третій возьметъ Дерптъ приступомъ; что Іоаннъ торжественно обѣщаетъ имъ милость, свободу Вѣры, цѣлость ихъ древнихъ правъ и законовъ; что всякой можетъ безопасно выѣхать изъ города и безопасно

возвратиться. Тогда Магистратъ и граждане единодушно сказали Епископу: „Мы готовы умереть, готовы обороняться, пока „есть у насъ *блюдо на столѣ и ложка въ рукахъ*, если „упорство наше будетъ достохвальнымъ мужествомъ, а не без„смысленною дерзостію; но благоразумно ли отвергать велико„душныя предложенія Царя, когда въ самомъ дѣлѣ не имѣемъ „силъ ему противиться?“ То же говорили и воины Нѣмецкіе, требуя отпуска и свидѣтельства въ оказанной ими вѣрности; тоже и Священники Римской Вѣры, опасаясь упрямствомъ раздражить непріятеля. Епископъ согласился. Написали слѣдующія условія: „1) Государь даетъ Епископу монастырь „Фалькенау съ принадлежащими къ оному волостями, домъ „и садъ въ Дерптѣ; 2) подъ его вѣдомствомъ будутъ Ду„ховенство и церкви Латинскія съ ихъ достояніемъ; 3) Дво„ряне, желающіе быть подданными Россіи, спокойно владѣютъ „своими замками и землями; 4) Нѣмецкіе ратники выдутъ „изъ города съ оружіемъ и пожитками; 5) въ теченіе двѣ„надцати дней всякой Дерптскій житель воленъ ѣхать, куда „хочетъ; 6) Исповѣданіе Аугсбургское остается главнымъ и „безъ всякихъ перемѣнъ; 7) Магистратъ *Нѣмецкій* всѣмъ „управляетъ, какъ было, не лишаясь ни правъ, ни доходовъ „своихъ; 8) купцы свободно и безъ пошлинъ торгуютъ съ „Германіею и съ Россіею; 9) не выводить никого изъ Дерпт„ской въ Московскія области; 10) кто захочетъ переселиться „въ другую землю, можетъ взять или продать имѣніе; 11) гра„ждане свободны отъ ратнаго постоя; 12) всѣ преступленія, „самыя государственныя, даже оскорбленіе Царскаго Величе„ства, судятся чиновниками Магистрата; 13) новые граждане „присягаютъ Царю и Магистрату“ ([529]). Благоразумный Шуйскій, уполномоченный Іоанномъ, не отвергнулъ ни одной статьи, руководясь не только человѣколюбіемъ, но и Политикою: надлежало милостію, снисхожденіемъ, духомъ умѣренности ослабить ненависть Ливонцевъ къ Россіи, и тѣмъ облегчить для насъ завоеваніе земли ихъ.

Когда уже всѣ условія были одобрены побѣдителемъ, и когда надлежало только скрѣпить оныя печатями, старецъ

Антонъ Тиле, добродѣтельный Бургомистръ Дерптскій, еще выступилъ изъ безмолвнаго круга унылыхъ сановниковъ. „Свѣт-„лѣйшій Князь и Государь!“ сказалъ онъ Епископу: „если „кто-нибудь думаетъ, что Дерптъ можно спасти оружіемъ и „битвою, да явится! Иду съ нимъ, и мы вмѣстѣ положимъ „свои головы за отечество“ (530)! Сія рѣчь, видъ, голосъ старца произвели сильное впечатлѣніе. Епископъ отвѣтствовалъ: „Мужъ достойный! никто изъ насъ не заслуживаетъ имени „малодушнаго: уступаемъ необходимости“,— 18 Іюля Дерптъ сдался. Желая сдѣлать все возможное въ пользу несчастныхъ, Князь Шуйскій поставилъ стражу у воротъ и не велѣлъ пускать Россіянъ въ городъ, чтобы жители спокойно укладывались и выѣзжали; оберегалъ ихъ въ пути; давалъ имъ проводниковъ до мѣстъ безопасныхъ. Епископа отпустили въ Фалькенау съ двумя стами отборныхъ Московскихъ всадниковъ.

Когда все затихло въ городѣ, Депутаты Магистрата вручили Шуйскому ключи отъ крѣпости. Онъ сѣлъ на коня и торжественно вступилъ въ городъ. Впереди ѣхалъ младшій Воевода, держа въ рукѣ знамя мира (531); за нимъ Шуйскій, окруженный Депутатами и Канониками. На улицахъ въ два ряда стояли Государевы Дѣти Боярскіе. Уже народъ не страшился побѣдителей и съ любопытствомъ смотрѣлъ на ихъ мирное, стройное шествіе; самыя жены не прятались. Магистратъ поднесъ Шуйскому золотую чашу (532). Сей умный Князь, изъявивъ благодарность, сказалъ, что „его жилище и слухъ будутъ отверсты для всякаго; что онъ пришелъ казнить злодѣевъ и благотворить добрымъ“ — ласково звалъ къ себѣ обѣдать Дерптскихъ сановниковъ и Старѣйшинъ, далъ имъ въ замкѣ великолѣпный пиръ, и своимъ привѣтливымъ обхожденіемъ заслужилъ любовь общую. – Россіяне взяли въ Дерптѣ 552 пушки, также не мало богатства казеннаго и частнаго, оставленнаго тѣми жителями, которые выѣхали въ Ригу, въ Ревель, въ Феллинъ (533). Государь утвердилъ договоръ заключенный Воеводами; но велѣлъ Епископу Герману и знатнѣйшимъ Дерптскимъ сановникамъ быть въ Москву. Сей бывшій Державный Епископъ, проклинаемый въ отече-

ствѣ за мнимую измѣну, уже не выѣхалъ изъ Россіи и кончилъ дни свои въ горести, слыша, что друзей и слугъ его, обвиняемыхъ въ тайномъ согласіи съ непріятелемъ, пытаютъ, казнятъ въ Ливоніи: чѣмъ Орденскіе Властители хотѣли закрыть свою слабость, увѣряя народъ, что одна измѣна причиною нашихъ выгодъ.

Но сія жестокость не затруднила успѣховъ для могущества, соединеннаго съ благоразуміемъ. Примѣръ Дерпта доказывалъ, что Іоаннъ умѣетъ щадить побѣжденныхъ: Шуйскій писалъ оттуда ко всѣмъ градоначальникамъ Ливонскимъ, требовалъ подданства, обѣщалъ, грозилъ ([534])—и крѣпости Везенбергъ, Пиркель, Лаисъ, Оберпаленъ, Рингенъ или *Тушинъ*, Ацель, сдалися нашимъ Воеводамъ, которые вездѣ мирно выпускали Орденскихъ Властителей, довольствовались присягою жителей и не касались ихъ собственности; но все предавали огню и мечу въ областяхъ непокорныхъ: въ Феллинской, Ревельской, Венденской, Шваненбургской; сожгли посадъ Витгенштейна, гдѣ начальствовалъ юный мужественный Рыцарь, Каспаръ фонъ-Ольденбокъ ([535]); разбили Нѣмцевъ въ полѣ, близъ Вендена и Шваненбурга; плѣнили двухъ знатныхъ чиновниковъ; взяли всего *двадцать* городовъ ([536]), и въ каждомъ оставивъ нужные запасы, охранное войско, въ концѣ Сентября пріѣхали къ Государю. Онъ былъ въ Троицкой Лаврѣ: встрѣтилъ ихъ съ милостію и веселіемъ; обнималъ, славилъ за ревностную службу; вмѣстѣ съ ними молился, благодарилъ Бога, и поѣхалъ въ Александровскую слободу, гдѣ изъ собственныхъ рукъ жаловалъ имъ шубы, кубки, доспѣхи; велѣлъ выбирать любыхъ изъ коней Царскихъ, и сверхъ того далъ богатыя помѣстья, а Дѣтямъ Боярскимъ земли и мастности въ завоеванной Ливоніи, чтобы они тѣмъ усерднѣе берегли оную ([537]).

Новые начальники, присланные туда изъ Москвы, Князья Дмитрій Курлятевъ и Михайло Рѣпнинъ, были менѣе счастливы: хотя завоевали еще городокъ Кавелехтъ, сожгли Верполь и побили Нѣмцевъ въ самомъ предмѣстіи Ревеля ([538]); но Магистръ и Воевода Архіепископа Рижскаго, Фолькерзамъ, собравъ болѣе десяти тысячь ратниковъ ([539]), осадили Рингенъ

въ виду нашихъ полковъ и взяли сію крѣпость, не смотря на мужество ея защитника, Головы Стрѣлецкаго, Русина-Игнатьева, который съ двумя или тремя стами воиновъ держался въ ней около пяти недѣль, отразилъ два приступа, и не имѣлъ уже наконецъ ни фунта пороху (540). Воеводы Іоанновы оправдывались крѣпостію Нѣмецкаго стана, утомленіемъ своей рати, и хвалились побѣдою, одержанною ими надъ братомъ Магистровымъ Іоанномъ Кетлеромъ, коего они плѣнили вмѣстѣ съ двумя стами шестидесятью Нѣмцами между Рингеномъ и Дерптомъ; но Магистръ самъ напалъ на нихъ, стоптalъ дружину Князя Рѣпнина (541), и могъ бы отнять у насъ Дерптъ, гдѣ оставалось мало ратниковъ, а жители знатнѣйшіе тайно звали его къ себѣ. Къ счастію нашему, утружденные Нѣмцы хотѣли отдохновенія. Число ихъ уменьшилось до шести тысячь. Зная, что Полководцы Московскіе ждутъ вспоможенія и любятъ воевать зимою, Магистръ въ исходѣ Октября ушелъ назадъ, безчеловѣчно умертвивъ всѣхъ Россіянъ, взятыхъ имъ въ Рингенѣ (542); а мы снова заняли сей городъ.—Въ то же время непріятель отъ Лужи, Резицы и Валка тревожилъ набѣгами Псковскую область: сжегъ предмѣстіе Краснаго, монастырь Св. Николая близъ Себежа и множество селъ (543).

Кетлеръ беретъ Рингенъ.

Недовольный Курлятевымъ и Рѣпнинымъ, Государь въ Декабрѣ мѣсяцѣ послалъ въ Ливонію мужественныхъ Воеводъ, Князей Симеона Микулинскаго, Василія и Петра Серебряныхъ, Ивана Шереметева, Михайла Морозова, Царевича Тохтамыша, Князей Черкесскихъ и войско сильное (544), чтобы итти прямо къ Ригѣ, опустошить землю, истреблять непріятеля въ полѣ. Готовые начать кровопролитіе, они писали къ Магистру, что отъ него зависитъ война и миръ; что Іоаннъ еще можетъ простить, если Нѣмцы изъявятъ покорность. Отвѣта не было, 17 Генваря Россіяне вступили въ Ливонію: отъ городка Краснаго, захвативъ пространство ста верстъ или болѣе, шли на Маріенбургъ, и близъ Тирсина встрѣтили Нѣмцевъ, коими предводительствовалъ Фелькерзамъ. Тутъ былъ одинъ Князь Василій Серебряный съ своею дружиною. Непріятель оказалъ мужество: знатнѣйшіе витязи Ордена и чиновники Архіепископа

г. 1559. Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію.

Рижскаго стояли въ рядахъ. Храбрый Фелькерзамъ и четыреста Нѣмцевъ пали въ битвѣ. Канцлеръ Архіепископовъ и тридцать лучшихъ Дворянъ находились въ числѣ плѣнниковъ (545); остальные разсѣялись, и Князь Серебряный открылъ безопасный путь войску до самаго моря. Зима была жестокая. Не занимаясь осадою большихъ крѣпостей, Вендена, Риги, Воеводы подступали единственно къ маленькимъ городкамъ. Нѣмцы уходили изъ нихъ. Одинъ Шмильтенъ не сдавался: Козаки наши разбили ломами каменную стѣну его и долго рѣзались въ улицахъ съ отчаяннымъ непріятелемъ (546). Россіяне брали пушки, колокола, запасы; предавали огню все, чего не могли взять съ собою; истребили такимъ образомъ одиннадцать городовъ; три дни стояли подъ Ригою, сожгли множество кораблей въ устьѣ Двины, опустошили ея берега, приморскую землю, Курляндію до Пруссіи и Литвы; обогатились добычею, и съ несмѣтнымъ числомъ плѣнниковъ вышли, 17 Февраля, къ Опочкѣ, извѣстивъ Іоанна, что рать его цѣла, а Ливонія въ пеплѣ!

За Ливонію ходатайствуютъ Короли Польскій, Шведскій и Датскій.

Наконецъ явились ходатаи за сію несчастную землю. Мы оставили Короля Августа готоваго къ твердому миру и союзу съ Россіею противъ Хана (547): для чего въ Мартѣ 1559 года прибыли въ Москву Послы Литовскіе. Начали говорить о мирѣ: Іоаннъ хотѣлъ, чтобы обѣ Державы владѣли безспорно, чѣмъ владѣютъ; но Августъ въ первомъ словѣ требовалъ Смоленска! Сего мало: онъ предписывалъ намъ не воевать Ливоніи, будто бы отданной ему Императоромъ и Германскими Чинами! Іоаннъ велѣлъ Посламъ ѣхать назадъ, сказавъ: „Вижу, что Король перемѣнилъ свои мысли: да будетъ, „какъ ему угодно! Ливонцы суть древніе данники Россіи, а „не ваши: я наказываю ихъ за невѣрность, обманы, *торговыя „вины* и разореніе церквей“. Послы уѣхали. Государь не согласился заключить и новаго перемирія съ Литвою; обѣщался только не нарушать стараго (до 1562 года), если Король будетъ давать лучшую управу Россіянамъ, обижаемымъ его подданными (548).—Однимъ словомъ, ясно было, что война Ливонская произведетъ Литовскую. Августъ думалъ не о томъ,

чтобы великодушно спасти ветхій, слабый Орденъ, но чтобы не отдать его богатыхъ владѣній Іоанну, а взять себѣ, если можно. Желаніе весьма естественное въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Ордена, Литвы и Россіи — весьма согласное съ благоразуміемъ Политики, которая осудила бы безпечность сего Монарха, если бы онъ не употребилъ всѣхъ способовъ исторгнуть Ливонію изъ рукъ Царя. Надлежало только имѣть рѣшительность и твердость: чего не доставало Августу. Онъ шелъ на войну, и хотѣлъ удалить ее; смѣло воображалъ оную впереди, ужасаясь мысли обнажить мечь немедленно.

Гораздо болѣе равнодушія, гораздо менѣе ревности оказывалъ другой заступникъ Ордена: старецъ Густавъ Ваза. Тщетно хотѣвъ противиться властолюбію Россіи соединенными силами Державъ Сѣверныхъ — видѣвъ, что Августъ и Магистръ не думали помогать ему въ войнѣ съ Іоанномъ, ограничиваясь единственно пустыми увѣреніями въ доброжелательствѣ — Густавъ писалъ къ Царю: „Не указываю тебѣ въ дѣлахъ „твоихъ; не требую, но только въ угодность Императору „Фердинанду молю тебя, какъ великодушнаго сосѣда, даро„вать миръ Ливоніи, изъ жалости къ человѣчеству и для „общей пользы Христіанства. Я самъ не могу хвалиться „искреннимъ дружествомъ и честностію Ливонцевъ: знаю ихъ „по опыту! Если хочешь, то напишу къ нимъ, что они „должны пасть къ ногамъ твоимъ съ раскаяніемъ и смире„ніемъ ([549]). Уймешь ли кровопролитіе, или нѣтъ, во всякомъ „случаѣ буду свято хранить заключенный договоръ съ Россіею „и чтить высоко твою дружбу“. Іоаннъ благодарилъ Густава за доброе расположеніе; изъяснялъ причину войны, и сказалъ: „если не имѣешь особеннаго желанія вступаться въ дѣла Ли„воніи, то нѣтъ тебѣ нужды писать къ Магистру: я самъ „найду способъ образумить его“.

Третьимъ ходатаемъ былъ Король Датскій, Фридерикъ II. Эстонія, какъ извѣстно, принадлежала нѣкогда его предкамъ ([550]). Тѣснимая Іоанномъ, и видя, что Орденъ не можетъ спасти ее, сія земля искала защиты отца Фридериковаи Христіана III: Ревель, вся Гаррія и Вирландія изъявил,

ему желаніе быть снова у него въ подданствѣ. Но Христіанъ, уже старый и близкій къ концу, отвѣчалъ равнодушно: „Мнѣ „трудно править и своими землями: благоразумно ли искать „еще новыхъ и за нихъ сражаться?“ Однакожь далъ Эстоніи нѣсколько тысячь гульденовъ, нѣсколько пушекъ, и назначилъ Посольство въ Москву; между тѣмъ умеръ ([551]). Имѣя болѣе властолюбія и дѣятельности, сынъ его желалъ возвратить Даніи сію немаловажную область: писалъ къ Магистру, къ Епископу Ревельскому, къ Дворянству Эстонскому; обѣщалъ имъ не только ходатайство, но и войско въ случаѣ нужды; далъ Посламъ своимъ наставленіе и велѣлъ имъ спѣшить въ Москву. Уже болѣе сорока лѣтъ мы не имѣли никакого сношенія съ симъ Королевствомъ: Фридерикъ I и Христіанъ III считали безполезнымъ союзъ Россіи, столь уважаемый Христіаномъ II, другомъ Василія Іоанновича. Самыя торговыя связи прервалися между Копенгагеномъ и Новымгородомъ. Увѣдомивъ Іоанна, какъ *добраго, любезнаго сосѣда* о своемъ восшествіи на престолъ, изъявивъ ревностное желаніе быть ему другомъ и возстановить торговлю съ нами, уничтоженную *смутными обстоятельствами минувшихъ временъ*, Фридерикъ убѣдительно просилъ, чтобы онъ не тревожилъ Эстоніи, издревле области Датской, *только на время порученной Магистру*, и чтобы, благосклонно уваживъ безкорыстное его (Фридериково) ходатайство, даровалъ миръ и самому Ордену ([552]). Адашевъ именемъ Царя сказалъ Посламъ: „Мы со вниманіемъ „слушали ваши рѣчи; читали грамоты писанныя Государями „Россійскими къ Датскимъ и Датскими къ Россійскимъ; ви„дѣли ихъ любовь взаимную; видѣли, что подданные обѣихъ „Державъ свободно и выгодно торговали другъ съ другомъ. „Если Король желаетъ возобновить сію счастливую дружбу, „то и мы искренно расположены къ оной. Но удивляемся, „что онъ находитъ Датскія владѣнія въ той землѣ, которая „уже шесть сотъ лѣтъ принадлежитъ Россіи. Великій Князь „Георгій Владиміровичь, именуемый Ярославомъ, завоевалъ „Ливонію, основалъ городъ Юрьевъ, построилъ тамъ церкви „Греческія, обложилъ всю землю данію—и съ того времени

Іоаннъ даетъ Перемиріе Ливоніи.

„она не бывала достояніемъ иныхъ Государей. Знаю, что ея „жители безъ вѣдома Россіи взяли-было къ себѣ двухъ Ко„ролевичей Датскихъ; но предки мои казнили ихъ за сію „вину огнемъ и мечемъ, а Королевичей выслали; казнили и „вторично, свѣдавъ, что Ливонцы тайно признали надъ собою „мнимую власть Римскаго Цесаря. Если Фридерикъ не знаетъ „сего, то мы велимъ явить вамъ древніе договоры Ордена „съ Намѣстниками Новогородскими: читайте и разумѣйте „истину сказаннаго нами!... Было время, когда мы, сирот„ствуя во младенчествѣ, не могли защитить правъ своихъ: „враги ликовали, тѣснили, губили Россію. Тогда и Магистръ „и Епископы Ливонскіе не захотѣли платить намъ дани: „брали ее съ земледѣльцевъ, съ городовъ, но для себя“... Описавъ вины ихъ, Государь продолжалъ: „И такъ да не „вступается Фридерикъ въ Эстонію. Его земля Данія и Нор„вегія, а другихъ не вѣдаемъ. Когда же хочетъ добра Ли„воніи, да совѣтуетъ ея Магистру и Епископамъ лично „явиться въ Москвѣ предъ нами: тогда, изъ особеннаго ува„женія къ Королю, дадимъ имъ миръ согласный съ честію „и пользою Россіи. Назначаемъ срокъ: шесть мѣсяцевъ Ли„воніа можетъ быть спокойна!“ Посламъ вручили *опасную грамоту* на имя Властителей Ливонскихъ, въ коей было сказано, что Царь *жалуетъ* перемиріе Ордену отъ Мая до Ноября 1559 года, и чтобъ Магистръ *или* самъ ударилъ ему челомъ въ Москвѣ, *или*, вмѣсто себя, прислалъ *знатнѣйшихъ людей* для вѣчнаго мирнаго постановленія ([553]). Симъ отдохновеніемъ Ливонія обязана была въ самомъ дѣлѣ не ходатайству Короля Фридерика, но услугамъ другаго, не исканнаго ею благопріятеля: Хана Девлетъ-Гирея. Іоаннъ долженствовалъ унять Крымцевъ, и чтобы не раздѣлять силъ, далъ на время покой Ордену, въ удостовѣреніи, что Россія всегда можетъ управиться съ симъ слабымъ непріятелемъ.

Князь Дмитрій Вишневецкій, въ 1558 году посланный воевать Тавриду ([554]), доходилъ до устья Днѣпра, не встрѣтивъ ни одного Татарина въ полѣ: Девлетъ-Гирей со всѣми Улусами сидѣлъ внутри полуострова, ожидая Россіянъ. Вишне-

вецкій возвратился въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ мужественнаго Дьяка Ржевскаго съ Козаками. Между тѣмъ Ханъ, желая узнать, что дѣлается въ землѣ Казанской, посылалъ къ берегамъ Волги легкіе отряды, истребляемые Горными жителями и Козаками ([555]). Долго не смѣлъ онъ предпріять ничего важнаго, но услышавъ о войнѣ Ливонской, и повѣривъ ложной вѣсти, что всѣ наши силы заняты ею — что Россія беззащитна, и самъ Іоаннъ борется съ непріятелемъ страшнымъ на отдаленныхъ берегахъ моря Бальтійскаго ([556]) — Девлетъ-Гирей ободрился, приманилъ къ себѣ многихъ Ногаевъ ([557]), и собравъ, какъ пишутъ, до ста тысячь всадниковъ, зимою (въ Декабрѣ 1558 года) велѣлъ сыну своему, Магметъ-Гирею, итти къ Рязани, Улану Магмету къ Тулѣ, Ногаямъ и Князьямъ Ширинскимъ къ Коширѣ. Сіе войско уже достигло рѣки Мечи ([558]): тутъ плѣнники сказали Царевичу, что Іоаннъ въ Москвѣ, и что въ Ливоніи только малая часть нашей рати. Онъ изумился; спросилъ: гдѣ смѣлый Князь Вишневецкій? гдѣ храбрый Иванъ Шереметевъ? и свѣдавъ, что первый въ Бѣлевѣ, а послѣдній въ Рязани, и что Князь Михайло Воротынскій стоитъ въ Тулѣ съ полками сильными, Магметъ-Гирей не дерзнулъ итти далѣе: гонимый однимъ страхомъ, бѣжалъ назадъ и поморилъ не только лошадей, но и всадниковъ. Князь Воротынскій шелъ за нимъ до Оскола по трупамъ и не могъ его настигнуть; а Донскіе Козаки, пользуясь отсутствіемъ Крымскаго войска, близъ Перекопи разбили Улусы Ногаевъ, ушедшихъ отъ своего Князя, Ислама, къ Девлетъ-Гирею, и взяли 15,000, коней.

Нашествіе Крымцевъ

Чтобы Ханъ не имѣлъ времени образумиться, Іоаннъ приказалъ Князю Вишневецкому съ пятью тысячами легкихъ воиновъ итти на Донъ, построить суда, плыть къ Азову и съ сей стороны тревожить нападеніями Тавриду ([559]). Тогда же извѣстный мужествомъ Окольничій Данило Адашевъ выступилъ изъ Москвы къ Днѣпру съ дружиною Дѣтей Боярскихъ, съ Козаками и Стрѣльцами для нанесенія чувствительнѣйшаго удара непріятелю, смотря по обстоятельствамъ. Успѣхи Вишневецкаго были маловажны: онъ истребилъ нѣсколько сотъ

Крымцевъ, хотѣвшихъ снова пробраться къ Казани; но юный, достойный братъ любимца Государева, Данило Адашевъ, искусствомъ и смѣлостію заслужилъ удивленіе современниковъ. Съ осмью тысячами воиновъ ([560]) онъ сѣлъ близъ Кременчуга на ладіи, имъ самимъ построенныя въ сихъ, тогда ненаселенныхъ мѣстахъ, спустился къ устью Днѣпра, взялъ два корабля на морѣ и присталъ къ Тавридѣ ([561]). Сдѣлалась неописанная тревога во всѣхъ Улусахъ; кричали: „Русскіе! Рус„скіе! и Царь съ ними!“ уходили въ горы, прятались въ дебряхъ. Ханъ трепеталъ въ ужасѣ, звалъ воиновъ, видѣлъ только бѣглецовъ — и болѣе двухъ недѣль Адашевъ на свободѣ громилъ западную часть полуострова, жегъ Юрты, хваталъ стада и людей, освобождая Россійскихъ и Литовскихъ невольниковъ. Наполнивъ ладіи добычею, онъ съ торжествомъ возвратился къ Очакову. Въ числѣ плѣнниковъ, взятыхъ на корабляхъ и въ Улусахъ, находились Турки: Адашевъ послалъ ихъ къ Пашамъ Очаковскимъ, велѣвъ имъ сказать, что Царь воевалъ землю своего злодѣя, Девлетъ-Гирея, а не Султана, коему всегда хочетъ быть другомъ. Паши сами выѣхали къ нему съ дарами, славя его мужество и добрую пріязнь Іоаннову къ Солиману. Между тѣмъ Ханъ опомнился: узналъ о малыхъ силахъ непріятеля, и гнался берегомъ за Адашевымъ, который медленно плылъ вверхъ Днѣпра, стрѣлялъ въ Татаръ, миновалъ пороги и сталъ у Монастырскаго острова, готовый къ битвѣ; но Девлетъ-Гирей, опасаясь новаго стыда, съ малодушною злобою обратился назадъ.

Владѣніе Россіянъ въ Таврид.

Вѣсть о семъ счастливомъ подвигѣ младаго витязя, привезенная въ Москву Княземъ Ѳедоромъ Хворостинымъ, его сподвижникомъ, не только Государю, но и всему народу сдѣлала величайшее удовольствіе. Митрополитъ служилъ благодарственный молебенъ. Читали торжественно донесеніе Адашева; радовались, что онъ проложилъ намъ путь въ нѣдра сего *темнаго* Царства, гдѣ дотолѣ *сабля Русская еще не обагрялась кровію невѣрныхъ* ([562]); воспоминали, что тамъ цвѣло нѣкогда Христіанство и Св. Владиміръ узналъ Бога истиннаго; думали, что Іоанну остается пожелать, и Крестъ снова

возсіялъ на берегахъ Салгира. Уже Государь хотѣлъ перемѣнить нашу древнюю, робкую систему войны противъ сихъ неутомимыхъ разбойниковъ и дѣйствовать наступательно (563): пославъ золотыя медали Адашеву и его товарищамъ, велѣлъ имъ быть къ себѣ для совѣта; но война Ливонская опять запылала сильнѣе прежняго и спасла Тавриду. Іоаннъ оставилъ только Ногаямъ и Козакамъ тревожить Хана (564), и писалъ къ нему въ отвѣтъ на его новыя мирныя предложенія: „Ви„дишь, что война съ Россіею уже не есть чистая прибыль. „Мы узнали путь въ твою землю и степями и моремъ. Не „говори *безлѣпицы* и докажи опытомъ свое искреннее миро„любіе: тогда будемъ друзьями“ (565). — Кромѣ Ногаевъ, послушныхъ Князю Исламу, вѣрному союзнику Россіи, и Донскихъ Козаковъ, Царь имѣлъ на Югѣ усердныхъ слугъ въ Князьяхъ Черкесскихъ: они требовали отъ насъ Полководца, чтобы воевать Тавриду, и Церковныхъ Пастырей, чтобы просвѣтить всю ихъ землю ученіемъ Евангельскимъ. То и другое желаніе было немедленно исполнено: Государь послалъ къ нимъ бодраго Вишневецкаго и многихъ Священниковъ, которые, въ дебряхъ и на скатахъ горъ Кавказскихъ основавъ церкви, обновили тамъ древнее Христіанство (566).

Давъ какъ бы изъ милости перемиріе Ордену, Государь не думалъ, чтобы Ливонцы нарушили оное: вывелъ большую часть войска изъ Эстоніи и ждалъ вѣстей отъ Магистра. Но Кетлеръ молчалъ; увѣренный, что надобно или побѣдить Россіянъ или принадлежать Россіянамъ, онъ рѣшился ѣхать не въ Москву, а въ Краковъ, чтобы склонить Августа къ дѣятельному, ревностному участію въ сей войнѣ, на какихъ бы то ни было условіяхъ, и даже съ опасностію для самой независимости Ордена: ибо Ливонцы въ крайности хотѣли лучше зависѣть отъ Польши, нежели отъ Россіи, издревле имъ ненавистной. Еще достоинство Орденскаго Магистра не упало въ общемъ мнѣніи: юный Кетлеръ, одаренный пріятною наружностію, умомъ, краснорѣчіемъ, благородными душевными свойствами, представалъ Августу съ смиренномъ величіи, окруженный многими знатными сановниками; сильно изобразилъ бѣдствіе Ливоніи, опасности самой Польши.

страшные замыслы Іоанновы ([567]); доказывалъ необходимость войны для Короля и вѣроятность побѣды, не уменьшая многочисленности Россіянъ, но говоря съ презрѣніемъ о нашемъ искусствѣ ратномъ. Августъ желалъ знать мнѣніе Сейма: Вельможи Польскіе, тронутые краснорѣчіемъ Магистра, хотѣли немедленно обнажить мечь; а Литовскіе, лучше зная силу Россіи, совѣтовали употребить прежде всѣ иные способы для защиты Ордена: убѣдительное ходатайство, настоятельныя требованія, угрозы, подкрѣпляемыя вооруженіемъ ([568]). Наконецъ подписали договоръ. Магистръ и Рижскій Архіепископъ отдали Королю *въ залогъ* крѣпости Маріенгаузенъ, Лубанъ, Ашератъ, Дюнебургъ, Розитенъ, Луценъ, съ условіемъ заплатить ему семь сотъ тысячь гульденовъ по окончаніи войны; а Король обязался стоять всѣми силами за Ливонію, возстановить цѣлость ея владѣній и братски раздѣлить съ Орденомъ будущія завоеванія въ Россіи ([569]). Союзъ Ливоніи съ Августомъ.

Съ сею хартіею Кетлеръ возвратился въ Ливонію какъ съ трофеемъ: ободрилъ чиновниковъ и гражданъ; ручался за вѣрность Короля и за успѣхъ; требовалъ только усердія и великодушія отъ истинныхъ сыновъ отечества. Надежда блеснула въ сердцахъ. Увѣряли себя въ могуществѣ Литвы; воспоминали славную для нее битву Днѣпровскую ([570]); искали между извѣстными Воеводами Августовыми новыхъ Константиновъ Острожскихъ. „Мы должны указать имъ путь къ побѣдѣ“, говорилъ Кетлеръ: „кто требуетъ содѣйствія, долженъ „дѣйствовать; первые обнаживъ мечь, увлечемъ друзей за „собою въ поле“. Герцогъ Мекленбургскій, Христофъ, Коадъюторъ Рижскаго Архіепископа, привелъ изъ Германіи новую дружину наемниковъ. Сеймъ Имперскій обѣщалъ Кетлеру сто тысячь золотыхъ. Герцогъ Прусскій, Ревельскій Магистръ и нѣкоторые усердные граждане ссудили его знатною суммою денегъ: такъ одинъ Рижскій лавошникъ далъ ему тридцать тысячь марокъ подъ росписку ([571]). Богатѣйшіе выходцы Дерптскіе хотѣли бѣжать въ Германію съ своимъ имѣніемъ: у нихъ взяли серебро и золото въ казну Орденскую. Симъ способомъ Магистръ удвоилъ число воиновъ, и зная, что Россіянъ мало

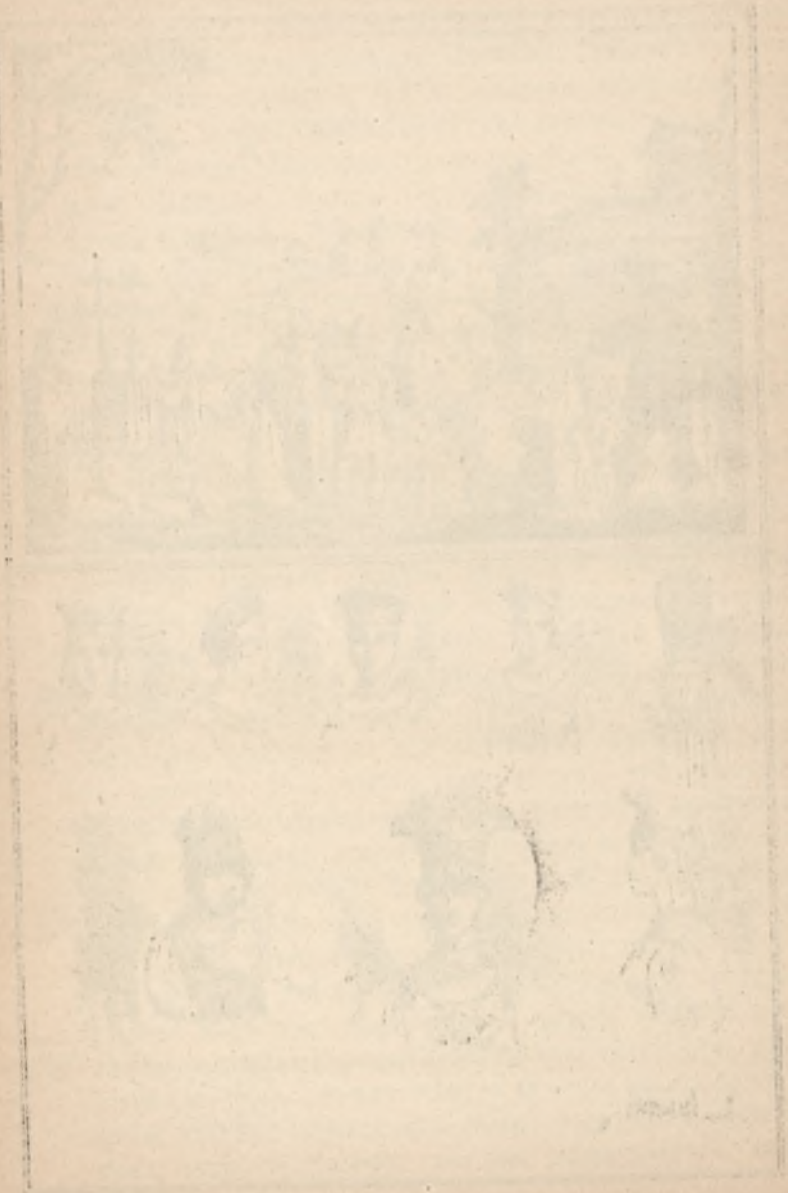
Магистръ нарушаетъ перемиріе.

въ Ливоніи, выступилъ изъ Вендена, за мѣсяцъ до назначеннаго въ перемирной грамотѣ срока, осенью, въ ужасную грязь; нечаянно явился близъ Дерпта и на голову разбилъ неосторожнаго Воеводу Захарію Плещеева, положивъ на мѣстѣ болѣе тысячи Россіянъ ([572]). Сіе нападеніе справедливо казалось Іоанну новымъ вѣроломствомъ: онъ поручилъ месть своимъ знаменитѣйшимъ Воеводамъ, Князьямъ Ивану Мстиславскому, Петру Шуйскому, Василію Серебряному, которые съ лучшими Дѣтьми Боярскими, Московскими и Новогородскими, спѣшили спасти завоеванную нами часть Ливоніи. Худыя дороги препятствовали скорому походу, и непріятель могъ бы имѣть важные успѣхи въ землѣ, гдѣ всѣ жители были на его сторонѣ, готовые свергнуть иго Россіянъ; но умъ и мужество двухъ нашихъ сановниковъ обратили въ ничто побѣду Магистрову.

Кетлеръ немедленно приступилъ къ Дерпту. Тамошній Воевода, Бояринъ Князь Андрей Кавтыревъ-Ростовскій, успѣлъ взять мѣры: заключилъ опасныхъ гражданъ въ ратушѣ ([573]); встрѣтилъ Нѣмцевъ сильною пальбою и сдѣлалъ удачную вылазку. Магистръ десять дней стоялъ въ верстѣ отъ города, стрѣляя изъ пушекъ безъ всякаго вреда для осажденныхъ. Морозы, вьюги, худая пища произвели ропотъ въ его станѣ. Наемные Германскіе воины не любили трудовъ. Кетлеръ долженъ былъ рѣшиться на долговременную, зимнюю осаду, или на приступъ: то и другое казалось ему неблагоразумiемъ. Крѣпкія стѣны охранялись многими бойницами, сильною дружиною и Воеводою искуснымъ; граждане не могли имѣть сношенія съ осаждающими и способствовать имъ въ успѣхѣ; а число Россіянъ въ полѣ ежедневно умножалось: они заходили въ тылъ къ Нѣмцамъ, показывая намѣреніе окружить ихъ ([574]). Принужденный удалиться отъ Дерпта, Магистръ хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Лаисъ, гдѣ находилось четыреста воиновъ съ неустрашимымъ Головою Стрѣлецкимъ, Кошкаровымъ. Нѣмцы поставили туры, разбили стѣну и не могли вломиться въ крѣпость: Россіяне изумили ихъ своимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ, такъ что Кетлеръ, два дни приступавъ съ жаромъ,

Славная защита Лаиса.

Народныя сцены и типы XVI—XVII вѣка, по наброску иноземныхъ путешественниковъ.—Древніе головные уборы русскихъ женщинъ.



ушелъ назадъ къ Вендену какъ побѣжденный, и знатнымъ урономъ въ людяхъ, а еще болѣе унынiемъ воиновъ надолго лишилъ себя способа предпрiять что-нибудь важное. Сiя удивительная защита Лаиса есть одно изъ самыхъ блестящихъ дѣяній воинской Исторiи древнихъ и новыхъ временъ, если не число дѣйствующихъ, а доблесть ихъ опредѣляетъ цѣну подвиговъ. Князь Андрей Ростовскiй прислалъ самого Кашкарова съ донесенiемъ о бѣгствѣ Нѣмцевъ. Государь изъявилъ живѣйшую благодарность тому и другому за спасенiе ввѣренныхъ имъ городовъ, нашей чести и славы ратной. г. 156

Вѣроятно, что Магистръ, съ такимъ усилiемъ и спѣхомъ возобновивъ кровопролитiе, ждалъ отъ Августа, по уговору съ нимъ, какого нибудь движенiя противъ Россiи: Король дѣйствительно готовилъ войско, но только готовилъ, и прислалъ въ Москву Секретаря своего, Володковича, съ грамотою, въ коей рѣшительно требовалъ, чтобы Iоаннъ вывелъ войско изъ Ливонiи и возвратилъ всѣ взятые имъ города: „иначе (писалъ онъ) я долженъ буду оружiемъ защитить мою собственность: „ибо Магистръ торжественно назвалъ себя присяжникомъ Ве„ликаго Герцогства Литовскаго. Мнимыя права Россiи на „Ливонiю суть новый вымыселъ: ни отецъ, ни дѣдъ твой, „ни ты самъ донынѣ не объявлялъ ихъ“ (575). Володковичь словесно убѣждалъ Бояръ Московскихъ способствовать миру, открывая имъ за тайну, что Польскiе Вельможи готовы свергнуть Короля, если онъ не вступится за Ливонiю. Iоаннъ, велѣвъ показать ему договорную Магистрову грамоту о Дерптской дани, сказалъ: „вотъ наше право!“ и, по совѣту Бояръ, отвѣчалъ Августу: „Не только Богу и всѣмъ Государямъ, „но и *самому народу* извѣстно, кому принадлежитъ Ливонiя. „Она, съ вѣдома и согласiя нашего, избирая себѣ Нѣмецкихъ „Магистровъ и *мужей духовныхъ*, всегда платила дань Рос„сiи. Твои требованiя смѣшны и непристойны. Знаю, что „Магистръ ѣздилъ въ Литву и беззаконно отдалъ тебѣ нѣ„которыя крѣпости: если хочешь мира, то выведи оттуда „всѣхъ своихъ начальниковъ и не вступайся за измѣнниковъ, „коихъ судьба должна зависѣть отъ нашего милосердiя. Вспомни, Угрозы Августовы.

„что честь обязываетъ Государей и дѣлать и говорить правду. „Искренно хотѣвъ быть въ союзѣ съ тобою противъ невѣр„ныхъ, не отказываюсь и теперь заключить его. *Жду* отъ „тебя Пословъ и благоразумнѣйшихъ предложеній“ (576). Іоаннъ *ждалъ* войны. Оставалось только знать, кому начать ее?

Гонецъ отъ Императора.

Тогда же пріѣхалъ въ Москву гонецъ изъ Вѣны отъ Цесаря Фердинанда, который, не имѣвъ дотолѣ сношенія съ Россіею, писалъ къ Іоанну, что желаетъ его дружбы и проситъ не воевать Ливоніи, Имперской области. Письмо было учтиво и ласково; но Государь сухо отвѣтствовалъ Фердинанду, что „если онъ, подобно Максимиліану и Карлу V, дѣйствительно хочетъ дружества Россіи, то долженъ объясниться съ нимъ чрезъ Пословъ, людей именитыхъ: ибо съ гонцами не разсуждаютъ о дѣлахъ важныхъ“ (577) — и не сказалъ болѣе ни слова, хотя Императоръ, какъ законный покровитель Ордена, справедливѣе Литвы и Даніи могъ за него вступиться.

Нов в разореніе Ливоніи.

Между тѣмъ Ливонія пылала. Россіяне въ слѣдъ за бѣгущимъ Кетлеромъ устремились изъ Дерпта съ огнемъ и мечемъ казнить вѣроломство; подступили къ Тарвасту, гдѣ находился старый Магистръ Фирстенбергъ, стоптали его въ сдѣланной имъ вылазкѣ, сожгли предмѣстіе и побили Нѣмцевъ у Феллина (578); а главные Воеводы Московскіе, Князья Мстиславскій, Шуйскій, Серебряный, разгромили всю землю отъ Псковскаго озера до Рижскаго Залива, въ уѣздахъ Венденскомъ, Вольмарскомъ, гдѣ еще многія мѣста оставались цѣлы до сего новаго и для бѣдныхъ жителей нечаяннаго впаденія. Напрасно искавъ Магистра и битвы въ полѣ, Воеводы пришли къ *Алысту* или Маріенбургу. Сей городокъ былъ тогда однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Ливоніи; стоялъ на островѣ среди большаго озера и казался недоступнымъ въ лѣтнее время: зима проложила къ нему путь, и Россіяне, подкативъ тяжелый снарядъ огнестрѣльный (коимъ управлялъ Бояринъ Михайло Морозовъ, славный Казанскою осадою), въ нѣсколько часовъ разбили до основанія стѣну. Нѣмцы благоразумно сдалися; но Глава ихъ, Коммандоръ Зибургъ, умеръ

Взятіе Маріенбурга.

за то въ Кирхгольмской темницѣ: ибо Магистръ хотѣлъ, чтобы Орденскіе сановники защищали крѣпости подобно Укскилю и Кошкарову ([579]). Воеводы, исправивъ стѣны, оставили въ Маріенбургѣ сильную дружину, возвратились во Псковъ, и получили отъ Государя золотыя медали.—Весною Россіяне опять ходили изъ Дерпта въ Эстонію; выманили Нѣмцовъ изъ Верпеля и засадою истребили всѣхъ до одного человѣка; а такъ называемые *сторонщики* Псковскіе, или вольница, уже не находя ничего въ Ливонскихъ селахъ, искали земледѣльцевъ въ лѣсахъ, и толпами гнали ихъ для продажи въ Россію ([580]).

Но Іоаннъ, предвидя неминуемую войну Литовскую, хотѣлъ какъ можно скорѣе управиться съ Орденомъ, и еще въ концѣ зимы послалъ новую рать къ Дерпту съ Княземъ Андреемъ Курбскимъ. Желая изъявить ему особенную довѣренность, онъ призвалъ его къ себѣ въ спальню; исчислилъ всѣ знаменитыя дѣла сего храбраго мужа, и сказалъ: „Мнѣ должно „или самому ѣхать въ Ливонію, или вмѣсто себя послать Вое„воду опытнаго, бодраго, смѣлаго съ благоразумiемъ: избираю „тебя, моего *любимаго!* Иди и побѣждай“ ([581])! Іоаннъ умѣлъ плѣнять своихъ ревностныхъ слугъ: Курбскій въ восторгѣ цѣловалъ руку Державнаго. Юный Государь обѣщалъ неизмѣнную милость, юный Боярин усердіе до конца жизни: оба не сдержали слова, къ несчастію своему и Россіи!... Помощникомъ Курбскаго былъ славный Данило Адашевъ. Они въ исходѣ Мая выступили изъ Дерпта къ *Бѣлому Камню* или Виттенштейну; взяли крѣпкій замокъ Епископа Ревельскаго, Фегефееръ ([582]); опустошили богатѣйшую область Коскульскую, гдѣ находилось множество прекрасныхъ усадебъ Рыцарскихъ, схватили отрядъ Нѣмецкій подъ самымъ Виттенштейномъ, и свѣдавъ отъ плѣнниковъ, что бывшій Магистръ Фирстенбергъ съ девятью полками, конными и пѣхотными, стоитъ въ осьми миляхъ отъ города, за вязкими болотами, рѣшились итти на него съ пятью тысячами легкихъ, отборныхъ воиновъ, пославъ въ Дерптъ обозы съ добычею. Цѣлый день Россіяне вязли въ болотахъ, и если бы Фир-

Побѣды Князя Курбскаго.

стенбергъ ударилъ въ сіе время, то съ меньшимъ числомъ истребилъ бы ихъ совершенно; но онъ ждалъ непріятеля на гладкомъ широкомъ полѣ, въ десяти верстахъ оттуда. Солнце садилось. Россіяне дали отдохнуть конямъ; шли тихо, въ лунную, самую яснѣйшую ночь, какая бываетъ лѣтомъ только въ мѣстахъ приморскихъ; увидѣли Нѣмцевъ готовыхъ къ бою, и сразились въ самую полночь. Около двухъ часовъ продолжалась сильная пальба; наши имѣли ту выгоду, что стояли лицемъ къ огнямъ непріятельскимъ и лучше могли цѣлить. Курбскій оставилъ назади запасное войско: оно приспѣло: Россіяне устремились впередъ, сломили, гнали Нѣмцевъ верстъ шесть, до глубокой рѣки, гдѣ мостъ обрушился подъ бѣгущими. Фирстенбергъ спасся съ немногими: одни утонули, другіе пали отъ меча или сдалися. Курбскій на восходѣ солнца возвратился къ Магистрову стану; взялъ весь его обозъ, и привелъ въ Дерптъ сто семдесятъ чиновныхъ плѣнниковъ.— Сей Воевода въ два мѣсяца одержалъ еще шесть или семь побѣдъ: важнѣйшею была Феллинская. Фирстенбергъ охранялъ сію крѣпость: видя нѣсколько сотъ Татарскихъ всадниковъ передъ стѣнами, онъ выѣхалъ съ дружиною, попался въ засаду, и едва ускакалъ на борзомъ конѣ, оставивъ многихъ Рыцарей на мѣстѣ битвы ([583]).

Но въ то время, какъ сильная рука Іоаннова давила слабую Ливонію, Небо готовило ужасную перемѣну въ судьбѣ его и Россіи.

Тринадцать лѣтъ онъ наслаждался полнымъ счастіемъ семейственнымъ, основаннымъ на любви къ супругѣ нѣжной и добродѣтельной. Анастасія еще родила сына, Ѳеодора, и дочь Евдокію ([584]); цвѣла юностію и здравіемъ: но въ Іюлѣ 1560 года занемогла тяжкою болѣзнію, умноженною испугомъ ([585]). Въ сухое время, при сильномъ вѣтрѣ, загорѣлся Арбатъ; тучи дыма съ пылающими головнями неслися къ Кремлю. Государь вывезъ больную Анастасію въ село Коломенское; самъ тушилъ огонь, подвергаясь величайшей опасности: стоялъ противъ вѣтра, осыпаемый искрами, и своею неустрашимостію возбудилъ такое рвеніе въ знатныхъ чинов-

никахъ, что Дворяне и Бояре кидались въ пламя, ломали здавія, носили воду, лазили по кровлямъ. Сей пожаръ нѣсколько разъ возобновлялся и стоилъ битвы: многіе люди лишились жизни или остались изувѣченными ([586]). Царицѣ отъ страха и безпокойства сдѣлалось хуже. Искусство Медиковъ не имѣло успѣха, и, къ отчаянію супруга, Анастасія 7 Августа, въ пятомъ часу дня, преставилась... Никогда общая горесть не изображалась умилительнѣе и сильнѣе! Не Дворъ одинъ, а вся Москва погребала свою *первую*, любезнѣйшую Царицу. Когда несли тѣло въ Дѣвичій Вознесенскій монастырь, народъ не давалъ пути ни Духовенству, ни Вельможамъ, тѣснясь на улицахъ ко гробу. Всѣ плакали, и всѣхъ неутѣшнѣе бѣдные, нищіе, называя Анастасію именемъ матери. Имъ хотѣли раздавать обыкновенную въ такихъ случаяхъ милостыню: они не принимали, чуждаясь всякой отрады въ сей день печали ([587]). Іоаннъ шелъ за гробомъ; братья: Князья Юрій, Владиміръ Андреевичь и юный Царь Казанскій, Александръ, вели его подъ руки. Онъ стеналъ и рвался: одинъ Митрополитъ, самъ обливаясь слезами, дерзалъ напоминать ему о твердости Христіанина.... Но еще не знали, что Анастасія унесла съ собою въ могилу!

Кончина Царицы Анастасіи.

Здѣсь конецъ счастливыхъ дней Іоанна и Россіи: ибо онъ лишился не только супруги, но и добродѣтели, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

КОНЕЦЪ ОСЬМОГО ТОМА.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ,

приложенныхъ къ восьмому тому

„ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО".

стр.

Рисунокъ I. Боярскія одежды въ XVI и XVII вѣкахъ. Слѣва: молодой боярин въ богатомъ кафтанѣ и въ *горлатной* собольей шапкѣ. Рядомъ съ нимъ боярыня, въ домашнемъ богатомъ платьѣ, въ тѣлогрѣи и высокой *кикѣ*, окинутой фатою. Далѣе, по срединѣ: старый боярин, также въ высокой боярской шапкѣ и въ ферези съ высокимъ *козыремъ* (стоячимъ воротникомъ); у него въ рукахъ трость. — На право: двое знатныхъ людей (можетъ быть, окольничіе или думные дворяне?) въ кафтанахъ, поверхъ которыхъ надѣты *охабни* съ разрѣзными, откидными рукавами; къ охабнямъ пристегнуты козыри съ отложнымъ воротникомъ. Головной уборъ ихъ состоитъ изъ обычныхъ мягкихъ бархатныхъ колпаковъ, отороченныхъ мѣхомъ. Одинъ изъ этихъ знатныхъ людей держитъ въ рукахъ грамоту съ вислою печатью . . . . . 34— 35

Рисунокъ II. Посольскій дворъ въ Москвѣ—мѣсто жительства иноземныхъ пословъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Эта затѣйливая постройка воздвигнутая въ Китай-городѣ для помѣщенія иноземныхъ посольствъ, воспроизведена нами по современному рисунку одного изъ иноземцевъ, посѣтившихъ Россію при Василіи III. Постройки, входящія въ составъ этого обширнаго зданія окружаютъ обширный дворъ. На немъ иноземцы отвели особое мѣсто для игры въ кегли и шары . . . . . 88— 89

Рисунокъ III. 1) *Храмъ Покрова Богородицы, нынѣ именуемый Василіемъ Блаженнымъ.* Этотъ дивный храмъ, воздвигнутый царемъ Іоанномъ IV въ память взятія Казани, сохранился въ Москвѣ и донынѣ, во всемъ своемъ величіи. Онъ стоитъ на Красной площади, на возвышеніи, надъ спускомъ къ Москвѣ рѣкѣ, близъ Спасскихъ воротъ. Нынѣшнее общенародное названіе его явилось оттого, что близъ этого храма былъ погребенъ весьма чтимый народомъ юродивый Василій Блаженный . . . 116—117

2) Деревянная церковь Вознесенія въ Торжкѣ, построенная при царѣ Іоаннѣ IV, сохранена и до настоящаго времени. Недавно она была возобновлена и мѣстные жители праздновали ея 300 лѣтіе. . . . . —

Рисунокъ IV. Народныя сцены и типы XVI—XVII вѣковъ, по наброску иноземныхъ путешественниковъ. 1) Верхняя картина изображаетъ сельскую церковь, изъ которой движется крестный ходъ. 2) Нижняя картина изображаетъ древне-русскіе женскіе головные уборы, въ томъ видѣ, въ какомъ они еще сохранились въ нашихъ музеяхъ и во многихъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи. . . . . 190—191

ПРИМѢЧАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

(1) Въ *Синод. Лът.* No 351, л. 117: «Приказываетъ (Василій) Еленѣ «скипетръ Великія Руси до возмуженія сына: вѣдаше бо ея боголюбиву «и милостиву, тиху и праведливу, мудру и мужественну, и всякого Царь- «скаго разума исполнено сердце ея, яко всѣмъ уподобися Великой Еленѣ «Руской». Сія лѣтопись и *Царственная Книга* суть главные источники для описанія первыхъ временъ Іоанновыхъ.

(2) См. въ *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XX, 27, *Списокъ Бояръ*, гдѣ сказано: «при Вел. Князѣ Иванѣ Васильевичѣ Бояре отца его: Князь Василій «Васильевичь Шуйскій, К. Борисъ Ивановичь Горбатой, К. Никита Ва- «сильевичь Хромой-Оболенской, Иванъ Никитичь Бутурлинъ, Михайло «Семеновичь Воронцовъ, К. Иванъ Щетина Ивановичь Оболенскій, К. «Дмитрій Ѳедоровичь Бѣльской, Михайло Юрьевичь Захарьинъ, К. Иванъ «Ѳед. Бѣльской, К. Иванъ Данил. Пеньковъ, К. Мих. Ив. Кубенской, К. «Ѳедоръ Ив. Одоевской, К. Иванъ Ивановичь Барбашинъ, К. Ив. Вас. «Шуйской, К. Вас. Андр. Микулинской, Ив. Григ. Морозовъ, Конюшій «К. Иванъ Ѳедоровичь Овчина Телепневъ-Оболенскій, К. Иванъ Андр. «Катыревъ-Ростовской, Вас. Григ. Морозовъ, К. Романъ Ив. Одоевской».

Князь Щербатовъ въ своей Исторіи напрасно *угадываетъ*, кто именно засѣдалъ въ Государственномъ Совѣтѣ при Еленѣ: санъ Боярина означалъ Великокняжескаго Совѣтника.

Князь Борисъ Горбатый былъ Намѣстникомъ въ Новѣгородѣ, К. Михайло Кубенскій во Псковѣ, Князь Барбашинъ въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, и проч.

(3) См. Т. VII, стр. 169.

(4) См. Гербершт. R. M. Com. стр. 80.

(5) На примѣръ, во всѣхъ бумагахъ дѣлъ внутреннихъ писали: «по- «велѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго Вел. Князя Государя Ивана «Васильевича всея Руси и его матери, благочестивой Царицы, Великой «Государыни Елены;» или: «Князь Великій и мати его Вел. Княгиня, по- «совѣтовавъ о томъ съ Боляры, повелѣли», и проч. (см. Синод. Лѣт. No 351, л. 126 па об. и 143); въ дѣлахъ же иностранныхъ совсѣмъ не упоминается о Еленѣ.

(6) См. *Царствен. Кн.* 35, и *Псков. Лът.* Гр. Толстаго, гдѣ сказано: «и начаша Государя ставити, К. Ивана Васильевича, на Великое Кня- «женіе въ Соборной церкви: Митрополитъ Данило... благослови его кре- «стомъ, и нача ему высочайшимъ гласомъ глаголати: Богъ, Государь, «благословляетъ тебя, Князь Великій, Владимірскій, Московскій, Новго- «родскій, Псковскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Болгарскій, Смолен-

«скій, и иныхъ земель многихъ Царь и Государь всеа Русіи! Добръ «здоровъ буди на Вел. Княженіи отца своего! И начаша ему пѣти «многолѣтіе, и придоша къ нему Князи и Бояре, и понесоша ему «дары многи».

(7) См. *Синод. Лът.* No 351. К. Горбатый названъ братомъ Шуйскаго. О прежнемъ бѣгствѣ К. Андрея сказано: «Князь Великій посы-«лалъ по него и по брата его, К. Ивана: оба бо тогда отъѣзжали. «Князь же Юрій вскорѣ ихъ отда... Князь же Великій велѣлъ ихъ «оковавши разослати по городомъ. Послѣ же Великая Княгиня ихъ по-«жаловала выпустила; а больше Митрополитъ и Бояре объ нихъ печа-«ловались», и проч.

(8) См. *Царствен. Кн.*

(9) Увидимъ, что К. Андрей Шуйскій былъ освобожденъ по кончинѣ Правительницы. Въ Послужномъ Спискѣ тогдашнихъ чиновниковъ (см. *Древ. Рос. Вивліов.* XX, 28) наименованъ онъ въ числѣ новыхъ Бояръ Іоаннова времени подъ г. 1535; но здѣсь ошибка: въ лѣтописи сказано, что К. Андрей уже въ 1538 году получилъ сіе достоинство (см. *Синод. Лът.* No 351, л. 195 на об.).

(10) Въ *Синод. Лът.* No 351: «Діяволъ вложи имъ мысль сію, вѣ-«дяще бо, аще не поиманъ будетъ Князь Юрьи, не тако воля его со-«вершитца въ грабленіи и во убійствахъ».

(11) Отецъ Бѣльскихъ выѣхалъ изъ Литвы. К. Симеонъ и Лятцкій съ сыномъ бѣжали въ Августѣ.

(12) См. Герберштейна. R. M. Com. 80, *Царствен. Кн.* 38 и *Синод. Лът.* 128 и 178, гдѣ сказано: «Сент. 15 преставись К. Мих. Льв. Глинской «въ нужѣ, поиманъ бысть по слову наносному отъ лихихъ людей... и «положенъ бысть за Неглинною, за Ямскимъ дворомъ.... а послѣ къ «Троицѣ отвезенъ того жъ мѣс. 16». — Сочинитель *Ядра Рос. Исторіи* говоритъ, что Глинскаго ослѣпили и замучили по совѣту К. Ивана Телепнева-Овчины.

(13) См. *Послужный Списокъ Бояръ* въ *Древ. Рос. Вивліов.* XX, 30.

(14) См. *Дѣла Крым.* No 8, л. 20. Нашъ посланникъ долженъ былъ сказать Хану: «Нынѣ съ Божіею волею Князь Великій Иванъ учинился «Государемъ, а у него братъ Великого Князя Андрей Ивановичь».

(15) Въ *Синод. Лът.* No 351, л. 176 на об.: «Авг. 7 въ Четвергъ, «въ третій часъ дни, преставись К. Юрій Ивановичь *страдальческою «смертію, гладною нужею*».

(16) См. *Синод. Лът.* л. 182—186 и *Царствен. Кн.* 67. Андрея звали въ Москву будто бы для того, чтобы узнать его мнѣніе о войнѣ Казанской. Въ сіе время Сафа-Гирей подступалъ къ Мурому (см. ниже). «И «Ѳеофилъ сказалъ про Андрея, что болѣзнь его легка; сказываетъ на «стегнѣ болячка, а лежитъ на постелѣ... Князь же Великій и его мати «послаша ко К. Андрею... и сказали тѣ посланники, что люди у него «прибылые есть, которые не всегда у него живутъ, а говорити не смѣ-«ютъ... Послалъ К. Андрей на Москву Боярина своего, К. Ѳедора Дм. «Пронскаго... а сынъ Боярской Княжь Андреевъ, К. Василей, Княжь «Ѳедоровъ сынъ Голубого, Ростовскихъ Князей, изъ Старицы прислалъ «тайно ночью къ К. Ив. Ѳед. Овчинѣ человѣка Еремку съ тѣмъ, что К. «Андрею на утро бѣжати... и Князь Великій и мати его послали за К. «Андреемъ Владыку Досиѳея, да Архим. Симонов. Филоѳея, да отца его «духовнаго, Протопопа Спасскаго, Симеона; а велѣли дати слово К. Ан-«дрею, что у нихъ лиха въ мысли нѣтъ... А нѣчто не повѣритъ и побѣ-«житъ, того для послали за К. Андреемъ Бояръ Князей Оболенскихъ со «многими людьми, а велѣли стоять на Волоцѣ. А Боярина Княжь Ан-

«дреева, К. Ѳедора Пронскаго, поймати (на дорогѣ) и на Москву при«везти... И какъ его имали, ушелъ Княжь Андреевъ Сынъ Боярской, «Судокъ Дм. Сатинъ, и сказалъ К. Андрею... И приходилъ съ Волока «въ Старицу Княжь Андреевъ же Сынъ Боярской, Яковъ Веригинъ, а «сказалъ, что пріѣхали К. Никита, да К. Ив. Овчина, а ѣдутъ тебя «имати... И К. Андрей побѣжалъ Мая 2... и изъ Бернова побѣжалъ отъ «К. Андрея К. Василей Ѳед. Голубого, да сказалъ Вел. Князю и его «матери... И К. Андрей изъ Новоторжскаго уѣзда за рубежъ не поѣ«халъ, а пошелъ къ Новугороду... Велѣли Князю Никитѣ Оболенскому «крѣпити Новгородъ и людей къ цѣлованію привести, да противъ К. «Андрея стояти и посаду ему жечи не дати... Архіепископъ Макарій «(см. *Архив. Ростов. Лѣт.*) въ Новѣгородѣ по вся дни молебная совер«шая, а Намѣстникъ К. Дмитрій Горбатой и Дьяки повелѣша градъ ста«вити на Торговой сторонѣ, и поставиша въ 5 дней; и противъ К. Ан«дрея послаша Воеводу Бутурлина... А К. Андрей отъ Заячьского яму «своротилъ влѣво, къ Тюхоли, отъ яму верстъ съ пять... Княгиню Ан«дрееву посадили на Берсеневѣ дворѣ... а Боляръ его, К. Ѳедора Прон«скаго, К. Ив. Андр. Пенинского-Оболенскаго, Дворецкаго К. Юрья «Андр. меньшаго Пенинскаго, Конюшаго К. Бориса Ив. Палецкаго, Кня«зей и Дѣтей Боярскихъ, которые у него въ избѣ были и его думу вѣ«дали, Ивана Умного Иванова сына Лобанова Колычева, да шурина «Княжь Андреева, К. Ив Андр. Хованскаго, велѣли пытати и казнити «торговою казнію, и въ наугольную стрѣльницу посажати; и К. Прон«скаго въ той нужи не стало... и Дѣтей Боярскихъ, Андрея Пупкова, «да Гаврила Волод. Колычевыхъ съ товарищи 30 человѣкъ, велѣли бити «кнутіемъ на Москвѣ и повѣсити по Новог. дорогѣ не вмѣстѣ, и до Но«вагорода».

Въ Синод. Лѣт. въ листъ, подъ No 318, сказано: «Князь Великій «Иванъ Вас. и мать его начаша помышляти, какъ бы имъ К. Андрея «изъимати, и послаша къ нему К. Бориса Щенина-Оболенскаго, и пове«лѣша ему отъ собя послати на Коломну Воеводу своего, К. Юрья Ондр. «Оболенскаго, а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ многихъ, Старичанъ и Оле«ксинцовъ, и Вереичь, и Вышегородцовъ — и посла... И яша К. Ѳедора «Проньскаго въ селѣ въ Павловскомъ на Истрѣ за 30 поприщъ отъ Мо«сквы, и посадиша въ нутрѣ города на Княжь Ондреевѣ дворѣ Ивано«вича... И бысть К. Андрею третій станъ на Цнѣ, проѣхавъ Волочокъ «Вышній, и побѣгоша отъ него Дѣти Боярскіе, два Валуевыхъ, да Бекеѣтовъ, да Вешнякъ; и Ондрея Валуева ухватиша и приведоша ко Князю, «и повелѣ ближнему своему Дворянину Кашѣ блюсти его крѣпко; а Каша «повелѣ людемъ своимъ связати ему руцѣ и нозѣ, и вергоша его въ «озерко въ одной срачицѣ, а главу ему выставиша на берегъ, дабы онъ «не залился, и пыташа, много ли ихъ въ думѣ было? и онъ сказа на «многихъ... Князь же Андрей то слышавъ, и повелѣ закрыти, понеже не «всѣхъ тѣхъ перевѣшати. Слышавъ то Воевода К. Андреевъ, К. Юрьи «Оболенской, въ Коломнѣ, и нача Богу молиться, и утаясь Воеводъ Ве«ликаго Князя, поѣха съ Коломны, и Волгу лѣзе подъ Дегулинымъ, и «повелѣ суды перевозные просѣчи, и наѣха своего Князя на рѣчкѣ на «Березнѣ, мало не доѣхавъ Ѣдрого яму, и радъ бысть ему Князь... И «пріидоша на него въ Тюхолехъ К. Иванъ Ѳед. Овчина, да К. Романъ «Ив. Одоевской, да К. Дм. Ив. Оболенской Шкурлетевъ, да К. Вас. Ѳед. «Оболенской-Лопатинъ, да Окольничей Дм. Данил. Слѣпой, и начаша на«ступати на заднихъ сторожовъ. Княжь же Андрей восхотѣ битися, и «Воеводы Московскіе начаша посылати къ нему, чтобы крови не про«лилъ, а Государь и мать его отпустятъ тебя на твою отчину невредимо

«и Бояръ твоихъ. И не успѣша дѣла въ словѣ положити, понеже приспѣ «вечеръ. И съ того стану отъ К. Андрея побѣжалъ К. Константинъ Өед. «Проньской, да шугъ его Гаврила, да Ключникъ. И на завтра Воеводы «даша клятву К. Андрею... и бывшю К. Андрею близь Москвы у Св. «Николы на Хынскѣ, и нѣхто отъ его *Столпниковъ*, К. Иванъ Шахъ «Чернятинской, нача совѣтовати съ Столпники, дабы ему сложити съ «собя К. Андрею цѣлованье, убоявся поиманья, и не добыша собѣ по- «борника никого же. Бысть же у посаду у Москвы, противъ Хлынова, «и нача складывати съ собя крестное цѣлованье Ивану Ивановичу Ко- «лычову Умному, чтобы Князю сказалъ. Иванъ же въ томъ ему словѣ отре- «чесь». Въ Архивѣ Иностр. Кол. сохранились нѣкоторыя бумаги о дѣлѣ Князя Андрея. Выписываемъ изъ нихъ слѣдующее: «К. Андрей Ива- «новичь велѣлъ тобѣ, Государыни своей (Еленѣ), челомъ ударити... Насъ «по грѣхомъ отъ осени немочь постигла великая... и Государь приказалъ «къ намъ съ великимъ запрещеньемъ, чтобы намъ у него однолично быти... «а прежъ сего того не бывало, чтобъ насъ къ вамъ Государемъ на но- «силахъ волочили; и язъ своею болѣзнью и бѣдою съ кручины отбылъ «ума и мысли... И вы бъ, Государи, показали милость, огрѣли сердце и «животъ холопу своему своимъ жалованьемъ». Митрополитъ Даніилъ ве- лѣлъ Епископу Досиѳею говорить такъ предъ Княземъ Андреемъ: «Ты «хочешь оставити благословенье отца своего и гробы родителей и святое «отечество... и се ты, чадо непослушное самъ на себе налагаешь тягость «церковную и юзу вѣчную. Не буди на тебѣ милости Божія... да будеши «проклятъ». Въ *Синод. Лът.* No 351, л. 191: «Декабря 10 въ 7 часу «ночи преставися К. Андрей Ивановичь въ нужѣ страдальческою смертію «въ полатѣ на дворцѣ у Рожества Ивана Предтечи».

(17) См. *Синод. Лът.* No 351, л. 138 на об. и 181. Первые, Финляндскіе послы пріѣхали въ Москву 16 Генваря въ 1535 г. и названы Гутманъ Лавровъ, Матіяшь Лавровъ (у Далина Гудмундъ Ларсонъ, Матсъ Ларсонъ) и Олбрехъ Овкимовъ; а вторые, Шведскіе, пріѣхавшіе 25 Февр. 1537, Кнутъ Андрей съ товарищи. Договоръ ихъ съ Новогород. Намѣстниками, подписанный 25 Марта, хранится въ Архивѣ Иностран. Коллегіи. Далинъ пишетъ (III, гл. 5), что Густавъ не утвердилъ договора, заключеннаго первыми Послами.

(18) См. сію грамоту въ Архивѣ Иностран. Коллегіи No 3 между Лифляндскими. Со стороны Псковитянъ были при договорѣ Старосты Богданъ Ковыринъ, Назаръ Глазатой, Андрей Анкудиновъ; отъ Магистра же Иванъ Лоденъ и Ѳедоръ Корфъ. О границѣ сказано: «по Норовѣ «рѣкѣ стержнемъ». О торговлѣ: «Горою и водою путь чистъ... А корчмы «Нѣмцомъ во Псковской земли не продавати, а цѣны товаровъ у Нѣ- «мецкихъ гостей Псковичемъ не уставливати и гостинцовъ не имати; а «воску у Псковскихъ гостей Нѣмцомъ не колупяти, опричь того, что «уколупивъ не много на опытъ, да ему жь отдати назадъ... А выше «десяти рублевъ будетъ каково дѣло, ино въ тѣхъ Нѣмецкихъ городѣхъ «Псковитина съ Нѣмчиномъ не судити, а дати Псковитина на поруку, «да о томъ сослатися съ Намѣстники Великаго Государя». См. *Синод. Лът.* л. 142. Тамъ сказано, что Послы Ливонскіе пріѣхали въ Москву 16 Марта 1535: а въ грамотѣ, что перемиріе заключается отъ 1 Октября 1534.

(19) См. *Синод. Лът.* л. 124, 129, 131, 154. Прежде Тимоѳея Васильевича Заболоцкаго ѣздилъ въ Молдавію Посланникъ Иванъ Прокудинъ.

(20) См. Кантемирову Исторію Оттом. Имперіи.

(21) См. *Синод. Лът.* л. 193. Грекъ Андреянъ пріѣхалъ 6 Марта вмѣстѣ съ Монахами Синайской горы, у которыхъ было письмо отъ Цареградскаго Патріарха къ Вел. Князю.

(22) Вел. Князь въ Окт. 1536 году послалъ въ Астрахань Сына Боярскаго, Ѳед. Быкова: онъ возвратился 30 Августа 1537 съ Царскимъ Посломъ, К. Ишимою, который 17 Окт. выѣхалъ изъ Москвы съ Боярск. Сыномъ Ив. Клушинымъ. Ногайскіе Татары Мамаевы ограбили ихъ въ степи. Узнавъ, что сдѣлалось въ Астрахани, Бояре велѣли Клушину возвратиться, а К. Ишиму отправили туда Волгою.

(23) См. Дѣла Ногайскія, No 2, л. 7, 9, 18, 67, 103. Ногайскіе Послы были въ Москвѣ въ 1534, 1536 и 1537 годахъ. Иногда на возвратномъ пути, они грабили въ Россіи. Отъ насъ также ѣздили посланники въ Ногаи.

(24) См. Дѣла Польскія No 2, 167—169. Въ Переписной Архивской Книгѣ No 1, л. 257 на об. обозначено, что еще въ 1531 году были посыланы Мешко Ивашнинъ и Булгаковъ къ Венгерскому Королю Фердинанду.

(25) Въ Генв. 1534 поѣхалъ Сынъ Бояр., Тимоѳей Заболоцкій, къ Сигизмунду съ извѣстіемъ о кончинѣ Василія, и возвратился 22 Іюля. См. Дѣла Польскія No 2, стр. 154. — Въ Іюлѣ Великокняжескій Посолъ, Ѳедоръ Ив. Беззубцевъ, взялъ присягу въ Казани съ Царя и народа.

(26) 8 Мая. Плѣнниковъ взяли только 53.

(27) Бѣльскому далъ Король Зизморы, Стоклиски и Кормялово, а Лятцкому съ сыномъ Высокій Дворъ и Колудокъ въ Троцкомъ Воеводствѣ (См. Стриковскаго).

(28) См. *Царствен. Кн.* 38—40, *Синод. Лът.* л. 132—134, и *Архив. Лът.* л. 10—11.

(29) См. Архив. *Псков. Лът.* — Въ Архив. *Ростов. Лът.*: «многихъ «по своей Вѣрѣ православнѣй отпущали, а Церкви православные вельми «честно велѣли держати воинству», и проч.

(30) *Царствен. Кн.* 40, *Синод. Лът.* л. 135—137, и Дѣла Крымскія No 8, л. 130. Въ *Псков. Лът.* Гр. Толстаго сказано, что въ войскѣ Московскомъ находилися Татары съ Царемъ своимъ, лыжники и Мордвичи Рязанскіе; что онъ на обратномъ пути шелъ черезъ область Псковскую и весьма отяготилъ землю поборами. Сей Царь долженъ быть Шигъ-Алей; но еще Василій сослалъ его на Бѣлоозеро. Здѣсь Лѣтописецъ повидимому ошибся, равно какъ и въ томъ, что будто бы Алея заточили въ 1534 году. Онъ пишетъ: «Въ лѣто 7042, въ Великій постъ, засадиша «на Москвѣ Царя Шигъ-Алея и послаша его на Бѣлоозеро, а людей его «по городомъ разведоша, во Тверь и въ Новгородъ и во Псковъ съ женами «и съ дѣтьми; и приведоша ихъ во Псковъ и нарядиша имъ избы на Ямскомъ «дворѣ у Трупѣховскихъ воротъ; а Дьяка Колтырю Ракова свелъ Князь «Вел. на Москву, и бысть Псковичемъ «радость; а онъ многія пошлины «уставилъ, а нога у него крива... Мѣсяца Іюня (1535) посадиша Татаръ «Царя Шигъ-Алея людей 73 въ тюрму въ среднемъ городѣ подъ Бурков- «скимъ костромъ на смерть, и малыхъ дѣтокъ 7, и ти изомроша, и выкидаша «ихъ вонъ, а 8 живы осташася, ни поены, ни кормлены, а тѣхъ прибиша, «а Катуней посадиша въ иную тюрму... И Владыка Макарій (въ 1536 г.) «упроси у Вел. Князя на свое бремя Татаръ Шигъ-Алея женъ, кои сидѣли «въ тюрмахъ въ Новѣгородѣ и во Псковѣ, и подаваше ихъ Священникомъ «и повелѣ ихъ крестити, и бысть радость велія въ людехъ, и начаша ихъ «Священники давати замужъ, а онѣ къ Вѣрѣ Хр. добры быша». Въ Новѣгородѣ умерло Шигъ-Алеевыхъ Татаръ въ темницѣ болѣе 80. Одинъ изъ нихъ, Осанъ, крестился, и былъ названъ Михаиломъ (см. Архив. *Ро-*

стов. Лът.): а женъ Татарскихъ крестилось тамъ 43, дѣтей 36, во Псковѣ женъ и дѣтей 51, въ Орѣшкѣ 12, въ Корелѣ 30.

(31) См. *Синод. Лът.* л. 129 на об.

(32) Генв. 8, 1534 г., отправился къ Хану Посланникъ Иванъ Челищевъ; Іюня 22 Исламъ увѣдомилъ Вел. Князя о своемъ воцареніи. Вторымъ нашимъ Посланникомъ въ Тавридѣ былъ Ѳедоръ Логиновъ; а Князь Мезецкій *съ большою казною* поѣхалъ туда въ началѣ 1535 году. Исламовъ Посланникъ Будалый Мурза, на возвратномъ пути, въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ поссорился въ корчмѣ съ людьми Намѣстника, К. Ивана Барбашина, и былъ раненъ ими въ дракѣ: Правительство наше выдало ему сихъ людей головою. Исламовъ посолъ, К. Темешь, подалъ грамоты самому Іоанну 24 Генв. Для истребованія отъ Хана новой шертной грамоты ѣздилъ къ нему Данило Загряской (см. Дѣла Крымскія No 8, л. 3—203).

(33) См. *Синод. Лът.* л. 144—147. Вторымъ начальникомъ Московской рати былъ К. Данило Дмитріевичь Пронскій. Въ числѣ другихъ Воеводъ именуются К. Ѳедоръ Курбскій, К. Василій Охлябининъ, К. Троекуровъ, и проч. Въ *Псков. Лът.* Гр. Толстаго: «Псковичи нарядиша «500 пищальниковъ и 3000 коней въ телегахъ и человѣка на кони, и «3000 *четвертей* овсяной засны толокно, 3000 полтей свинины, 3000 *чет-* «*вертей* солоду, 360 четвертей гороху, 360 сѣмени конопляного, а на Мос- «кву послаша пищальниковъ 400—все то одного году. А Новгородцы по- «сохи много послаша Себежа новаго дѣлати, 60 верстъ отъ Опочки, въ «Петровъ день, а кончанъ бысть Іюля 25; затвориша его иосвящаша цер- «кви Усѣкновеніе Главы Св. Іоанна, да придѣлъ Св. Николы, да другой «Царя Константина; а Священниковъ *трей* послали изо Искова». Въ Ар- «хив. *Ростов. Лът.*: «И градъ поставили на Себежѣ, а Князь Великій при- «казалъ Архіепископу Макарію Священниковъ Соборныхъ туда послати, а самому имя граду нарещи, и Макарій имя нарекъ *Иваньгородъ на Себежѣ*».

(34) См. Дѣла Крымскія, л. 209, 227.

(35) *Синод. Лът.* л. 147—150. Въ *Псков. Лът.* Г. Толстаго сказано о числѣ Татаръ. Воеводы Московскіе посылали за Оку три отряда выгнать ихъ изъ Рязанскихъ предѣловъ.

(36) См. *Синод. Лът.* Въ *Царствен. Кн.* сказано, что Щенинъ *встрѣтилъ* непріятелей и сдалъ имъ городъ.

(37) См. *Синод. Лът.* л. 150—152. О подкопѣ сказано: «наставиша «въ яму подъ стѣною множество бочекъ съ пушечнымъ зеліемъ, и по- «зажгоша тамо свѣчи, и догорѣша свѣчи до земля, и гряну аки громъ;» а въ *Псков. Лът.* Г. Толстаго: «подкопашася подъ стѣну 200 сажень, и «подкатиша норами бочки съ зельями и зажгоша съ устья, и тресиуше «зеліе, и вынесе 4 прясла стѣны и стрѣльницу». Въ Архив. *Ростов. Лът.* прибавлено, что у Литовцевъ было два *чародѣя*, и что Воеводы Стародубскіе сказали дружинѣ: «братіе! аще не нынѣ умремъ, умремъ «убо всяко, но постраждемъ за Святую Вѣру». — Въ Почепѣ Воеводою былъ К. Юрій Вас. Ушатый: его за болѣзнію отвезли въ Москву. Ѳедоръ Сукинъ названъ *Осадчикомъ*. Литовцы, оставивъ Стародубъ, шли мимо Почепа, гдѣ бродило, среди дымящихся развалинъ, нѣсколько бѣдныхъ людей, которыхъ они заставили присягнуть Королю Сигизмунду.

(38) Здѣсь сія Царевна именуется *Ковгоршадь*, а прежде названа была *Горшадною*. Далѣе: «Октября въ 4 пріѣхалъ Ѳетко Дѣвочкинъ Но- «вогородецъ, а посланъ былъ въ Казань съ Ѳед. Беззубцовымъ, а ска- «залъ, что Князи Казанскіе, выпустивъ Еналѣя Царя изъ Казани, на «рѣчкѣ Казани велѣли его убити Сент. 25». Въ дѣлахъ Крымскихъ сказано (No 8, л. 267 на об.): «и сталъ Яналей молодостью ѣздити не по

«прегожимъ мѣстомъ, и въ Казани лихихъ людей много, люди съѣзжіе, «и они Царя убили..., и прочь поѣхали въ Азторокань и въ иные мѣста; «а другіе побоялися, да взяли Царевича изъ Крыма Сафа-Гирея». А въ *Казан. Лѣтописи* сказано, что Еналей убитъ спящій. О женитьбѣ Сафа-Гиреевой см. Дѣла Ногайскія, No 3, л. 110 на об.

(39) «25 Окт. пріѣхали на Москву Казаки, Городецкіе Татарове, а «убили на Волгѣ 100 человѣкъ ихъ, а сказывали, что Казанскіе Князи, «Шабалъ Епанчинъ, да братъ его Шабалатъ, да Карамышъ съ братомъ «Евлушемъ, Хурсуловы братья, и съ ними Князей и Мурзъ и Казаковъ «съ 60 человѣкъ изъ Казани вышло, и къ нимъ на островъ изъ судовъ «выходили», и проч.

(40) За Шигъ-Алеемъ посылали К. Никиту Туренина. Онъ пріѣхалъ въ Москву 12 Дек.

(41) «Князь Великій велѣлъ Царю встати и звалъ къ себѣ карашеватись и сѣсти съ правые руки на другой лавкѣ».

(42) «Княжъ Ѳедорова Княгини Мих. Мстиславскаго Княгиня Анастасія, да Елена Иванова жена Андреевича, да Аграфена Васильевская жена Андреевича» (Челяднины) «и иные многіе».

(43) «К. В. Василей Ивановичь вскормилъ меня какъ щеня... Хощу «умерети яко же братъ мой, чтобы и мнѣ тотъ *миньятъ* (пятно) съ себя «свести».

(44) «Велѣла (Елена) встрѣтити ее у саней Огрофенѣ Ивановской «женѣ Волынскаго, да съ нею молодымъ боярынямъ, и какъ Царица «взошла середи лѣсницы, и туто встрѣтила ее Боярыня Огрофена Васильевская жена также съ молодыми Боярынями... И Князь Великій «вошелъ въ полату, и Царица востала, и Князь Вел. молвилъ Царицѣ: «*Табунъ Салмъ*, и съ нею карашевался, и сѣлъ у Царицы съ правой «руки, а Бояре по обѣ стороны; а у Вел. Княгини были Княгиня Анастасія (Мстиславская), Боярыни Елена да Огрофена (Челяднины); да «Огрофена, жена Волынскаго, и иныя». За столомъ Царица сидѣла у Елены на правой сторонѣ въ углу, а на лѣвой Княгиня Мстиславская, Боярыни Челяднины и другія; на скамьѣ Княгиня Марѳа Бѣльская, Волынская и другія. У Елены былъ Кравчимъ Иванъ Ивановичь Челяднинъ.

(45) Въ *Царствен. Кн.* стр. 54: «Елена посовѣтовала съ Бояры, что «пригоже ли у нее быти Царю, зане же еще Вел. Государь младъ, а «положеніе Царскаго скипетра и державы на ней», и проч.

(46) «Окт. 24 пріѣхалъ изъ Казани Данизко Смагинъ... а сказалъ, «что Царица Сафа-Гиреева, а Мамаева дочь, изъ Нагай въ Казань пріѣхала, а ѣздилъ по нее Табай Князь, да съ ней не пріѣхалъ въ Казань, «а того вѣдома нѣтъ, гдѣ ся дѣлъ».

(47) «Пришли къ Сурѣ» (Гундоровъ и Замыцкій) «и нашли на Смыгу «Татаръ... и возвратились: а Татарове пришедъ на Нижегородскіе мѣста «нощію на сонные люди, Дек. 24, повоевавъ да и прочь пошли; а Вое«воды изъ Нижн. Новагорода за ними, а чаяли, что Татарове придутъ «къ Мещерскымъ Воеводамъ, а они иззади, а К. Сем. Гундоровъ и Вас. «Замыцкой ушли въ Мещеру, и Князь Великій и мати его велѣли Ни«жегород. Воеводамъ воротитись... Генваря 6 приходили Татарове на «Балахну... и бѣглыхъ людей на Волгѣ много посѣкли... и съ полономъ «пошли... и учинилася вѣсть Воеводамъ Муромскимъ и Новогородцкимъ, «и К. Ѳедоръ Мстиславской и Нижегород. Воеводы вышли, и загонщики «Татаръ 50 человѣкъ убили. и Татарь дойдоша на становищехъ, и дѣла «не дѣлали, что ночь пришла»,—и проч. Въ Генварѣ же разбили Татаръ въ Коряковѣ.

(48) *Синод. Лът.* л. 169. Въ церкви были придѣлы Богоматери, Покрова и Св. Сергія. Въ *Псков. Лът.* Г. Толстаго: «не мы ихъ (Литовцевъ) побили, но Богъ ихъ побилъ, овыхъ избиша народомъ городовымъ, а иные во озерѣ истопоша, а иныхъ подъ стѣной побиша аки свиней, и Ририка Воеводу убиша Лятцкого». Въ Архив. *Ростов. Лът.* прибавлено, что и два чародѣя, бывшіе съ Литовцами подъ Стародубомъ, утонули въ озерѣ.

(49) *Синод. Лът.*, л. 170—172. Починъ возобновленъ въ Окт. 1535, а Стародубъ весною въ 1536 г. Воевода К. Ив. Вас. Горенскій ходилъ оттуда къ Любечу, сжегъ его острогъ, убилъ, плѣнилъ множество людей подъ городомъ и въ разныхъ областяхъ Литовскихъ.—К. Иванъ Барбашинъ, 19 Апрѣля, основавъ новую крѣпость Велижъ на старомъ городищѣ и докончавъ ее въ Іюлѣ, сжегъ Витебскій посадъ, и проч. — Въ *Псков. Лът.* Г. Толстаго: «Тоя же весны поставиша новый городъ на «Заволочьѣ озеро, а островъ Груда, и начаша звать его по озеру городъ «Заволочье, и церкви поставиша Покровъ, а придѣлы Іоанна Усѣкновеніе Главы, да Георгія Великого, и присудъ съ дворецъ и Намѣстниковъ дву, и посажанъ свели на Заволочье». Въ *Царствен. Кн.* 59: «велѣлъ Вел. Кн. поставити во Ржев. Уѣздѣ градъ землянъ Заволочье, и «дворы Ржевскіе велѣлъ перевезти».

(50) Дѣла Крымск. No 8, л. 246. Сіе было въ концѣ зимы 1536.

(51) *Синод. Лът.*, л. 172. Тутъ были и Азовскіе Татары.

(52) См. Дѣла Крым. No 8, л. 201—305. Послѣ Темеша Исламъ присылалъ еще въ Москву Князя Бачака для возобновленія союза.

(53) Въ *Синод. Лът.* л. 147: «а Лятцково велѣлъ Краль за сторожи «держати».

(54) См. Дѣла Польск. No 2, стр. 155—159.

(55) Послы Литовскіе пріѣхали 14 Генв., а выѣхали изъ Москвы 18 Февраля. Секретарь ихъ, Венцлавъ Николаевичь, былъ, по сказанію Лѣтописца, *Всемірскаго Закона* (*Синод. Лът.* л. 179 на об.). Кромѣ Себежа и Заволочья Россія взяла волость Долійскую съ селами Чечерскими и Крычевскими, Залѣсье, Бабичи, Свѣтиловичи, Голодно, Скарбовичи и Липечи. Подлинная перемирная грамота находится въ Архивѣ подъ No 11.

(56) Дѣла Польск. No 2, стр. 166—169.

(57) Дѣла Крым. No 8, л. 308, 317 и 318 на об. Исламъ пишетъ: «Салтанъ говорилъ: коли только Исламъ умеръ» (ибо въ Константинополѣ разнесся ложный слухъ о его смерти) «ино-де и вся земля нечестивыхъ «моя ся учинила; а коли будетъ Московскоа земля моа, а нечестивыхъ «земля Литовскоа, толды ужь у меня въ рукахъ».

(58) Дѣла Крым. No 8, 318—331. Объ угрозахъ Симеона Бѣльскаго Великій Князь писалъ къ Исламу: «Нашъ холопъ Бѣльской, позабывъ «Бога и наше жалованье и свою душу, неподобные рѣчи говоритъ: мы «того холопа рѣчи ни во что вмѣняемъ; а кто ся на насъ подвигнетъ и «похочетъ намъ недружбу дѣлати, и мы съ Божьею волею противъ сво«ихъ недруговъ можемъ стояти и дѣла своего беречи».

(59) См. Дѣла Ногайск. No 2, л. 185, 186.

(60) Узнавъ о мирѣ Саипъ-Гирея съ Исламомъ, Бояре посылали къ первому гонца съ грамотою и съ дарами, а послѣ и знатнаго чиновника Никиту Мяснаго. Саипъ также писалъ къ намъ дружелюбно (см. Дѣла Крым. No 8, л. 214, 344, 374).

(61) См. тамъ же, л. 416, 425, 473, 478.

(62) «Того жь мѣсяца 23 (Іюня 1536) прислалъ Мурза Галдей Горо«децкой, что посылалъ ихъ Князь Великій на Волгу 500 человѣкъ беречи

«въ Казань и изъ Казани въ иные Орды посылокъ. и пошелъ изъ Ка-«зани въ иные Орды Уланъ Тебенекъ со многими людми, и Казаки наши «ихъ побили, а Тебенека и 14 человѣкъ поимали... Того жь лѣта прихо-«дили Татарове на Костромскіе мѣста и на Галичьскіе, и Князь Ве-«ликій послалъ Воеводъ Мих. Сабурова, да К. Петра Нестрого Княжь «Вас. сына Засѣкина, и Воеводы, не собрався съ людьми, поскорили «наѣхати на Татаръ, и они по грѣхомъ разгонили ихъ, и К. Петра, да «Меншика Полева убили... Учали вѣсти приходить, что Сафа-Гирей «сбираетца съ Казанцы и съ Крымцы и съ Ногаи на Костромскіе мѣста. «и Великій Князь послалъ Воеводъ въ Володимеръ и въ Мещеру. Царь «же Казанской, яко змій вынырнувъ изъ хвростія, приде безвѣстно «Генваря въ 15 подъ Муромъ... Изъ пушекъ и изъ пищалей изъ града «биша ихъ много... Царь же слышавъ, что Воеводы изъ Володимеря и «изъ Мещеры идутъ къ Мурому, и пошелъ прочь», и проч.

(63) См. Дѣла Крым. No 8, л. 480.

(64) См. *Никон. Лѣт.* стр. 2, *Синод. Лѣт.* л. 127 и 144. Въ *Ростов. Лѣт.*: «поставиша градъ около посада, сплетаху тонкій лѣсъ около боль-«шаго древія и внутрь насыпаху землю и крѣпко утвержаху, и приве-«доша къ каменной стѣнѣ, и на версѣ устроиша градъ по обычаю и на «рекоша *Китай*». Сію деревянную стѣну разобрали, когда начали строить каменную.—Въ Синод. Лѣт. No 365: «Вел. Князь велѣлъ городъ Китай «дѣлати и торги всѣ ввести въ городъ, отъ Никольскихъ воротъ по Неглинѣ «вверхъ къ Троицѣ, гдѣ ся поля били, да по Ивановъ Дворъ Челяднина, «да по Коневой площадкѣ на Васильевской лугъ къ Кузма Демьяну на «Вострой Конецъ, да вверхъ по Москвѣ рѣкѣ къ Свибловѣ стрѣльницѣ».

(65) См. Олеарія. *Китаемъ* назывались многіе изъ Татарскихъ чи-новниковъ, и даже Андрей Боголюбскій во младенчествѣ своемъ, какъ сказано въ *Синопсисѣ*.

(66) Городъ въ Мещерѣ на Мокшѣ строили отъ 17 Дек. 1535 до 27 Марта 1536, Буйгородъ на Корегѣ въ томъ же году, Балахну отъ 20 Іюля до Октября въ томъ же году, Пронскъ также. Въ лѣтописяхъ сказано, что сами жители Мещерскіе и волостей Костромскихъ требовали основанія двухъ первыхъ городовъ.—Владиміръ горѣлъ 13 Апр. 1536. Часть стѣны обратилась въ пепелъ. Изъ Соборной церкви вынесли иконы, сосуды и книги; половина ея кровли сгорѣла. Для строенія по-сылали туда изъ Москвы Истому Курчева.—Пожаръ въ Ярославлѣ былъ 9 Іюля 1536, а въ Твери два раза лѣтомъ, въ Іюнѣ и 22 Іюля 1537. Не осталось ни одного двора. Въ Соборной Тверской церкви сгорѣли всѣ древнія иконы и книги. Епископа Акакія (какъ сказано въ Архив. *Ростов. Лѣт.*) едва *умчали* изъ города *промежъ двухъ коней*.... Темни-ковъ перенесенъ на другое мѣсто въ 1536 году; строили его отъ 29 Марта до 2 Августа. Устюгъ окруженъ стѣною деревянною и Вологда распро-странена въ томъ же году, подъ надзираніемъ Московскихъ чиновни-ковъ, Данила Загрязскаго и Ивана Боброва.—Въ Новѣгородѣ на Со-фійской сторонѣ сдѣлали деревянную стѣну въ Іюлѣ 1534 на счетъ од-нихъ городскихъ жителей.—Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 611: «Тое жь «зимы (г. 1535) въ Великій постъ выѣхали изъ Литвы на Государево «слово триста семей съ женами и съ дѣтьми». Тамъ же, л. 610: «Государь «и мати его повелѣли Владыкѣ Макарію въ ту мзду» (на выкупъ плѣн-ныхъ) «самому вкупну быти по обежному щету въ своей Архіепископіи «со всѣхъ монастырей... и Макарій скоро подвигся и повелѣ собрати «700 рублевъ, и посла къ Государю своего Князя Мих. Өед. Оболен-«скаго, да Дьяка своего Одинца Ноября 22». О поѣздкѣ Макарія въ Москву въ Дек. 1534 см. тамъ же.

(67) Въ *Синод. Лът.*, л. 143: «Князь Великій и мати его, видѣвъ «неправду въ людехъ, денегъ умножись поддѣльныхъ и рѣзаныхъ, и вос- «хотѣ то лукавство вывести, и повелѣ дѣлати деньги новые, изъ гри- «венки по три рубли, а старые и поддѣльные и рѣзаные передѣлывати, «а поддѣльнымъ и рѣзанымъ не ходити; а въ старыхъ въ деньгахъ въ «добрыхъ, въ Новогородкахъ и въ Московкахъ, въ гривенкѣ полтретья «рубля съ гривною; и Великая Княгиня велѣла прибавити въ гривенку «новыхъ денегъ, чтобъ было людемъ не великой убытокъ отъ лихихъ «денегъ... и впредь не велѣла лихимъ деньгамъ ходити; а поддѣльщиковъ «и обрѣзчиковъ велѣла обыскивати и казнити». Въ Архив. *Ростов. Лът.*: «Повелѣ Вел. Князь дѣлати новые деньги на свое имя безъ всякаго «примѣса изъ гривенки изъ *каловые* 300 денегъ Новогородскихъ, а въ «Московское число три рубля ровно; а по указу отца его изъ гривенки «дѣлали 250 денегъ Новогородскихъ, а въ Московское число полтретья «рубли съ гривною. А при Вел. Князѣ Василіи Іоанновичѣ бысть знамя «на деньгахъ Князь Великій на конѣ, а имѣя мечь въ руцѣ; а К. В. «Іоаннъ Вас. учини знамя на деньгахъ Князь Великій на конѣ, а имѣя «копіе въ руцѣ, и оттолѣ прозвашася деньги *копейные*... Безумніи въ «толико безуміе пришедше, яко половину у всякой деньги отрѣзати, и «гривенку доспѣти въ 500 денегъ и больши... и того ради въ людехъ «клятвы и злыхъ словесъ безъ числа наполнися... инїи вмалѣ обогатѣша, «а вскорѣ погибоша; многи напрасными и безгодными смертьми изо- «мроша... И начаша (въ Новѣгородѣ) дѣлати новые деньги Іюня въ 20; «а во дворѣ денежномъ велѣлъ Князь Великій смотрѣти накрѣпко масте- «ровъ своему гостю Московскому Богдану Семенову сыну Курюкова съ «товарищи». Въ Синод. Лѣт. No 365: «Въ лѣто 7042 Сент. на Москвѣ «казнили многихъ людей въ деньгахъ, Москвичь и Смольнянъ, и Костро- «мичь, и Вологжанъ, и Ярославцовъ, и иныхъ многихъ городовъ Москов- «скихъ, а казнь была, олово лили въ ротъ, да руки сѣкли».

(68) Гербершт. R. M. Com. 80, и Одерборн. Ioannis Bas Vita, стр. 251, 252, въ Rer. Moscov. Auct.

(69) Въ 1536 г., 20 Іюня, Елена съ двумя сыновьями, съ Боярами К. Ив. Вас. Пеньковымъ, Конюшимъ Телепневымъ, съ Дворецкимъ К. Ив. Ив. Кубенскимъ и со многими иными ѣздила къ Троицѣ и возвратилась 22 Іюня; туда же 21 Іюня и 29 Сент. въ 1537 году; а въ 1538, Генв. 24, въ Можайскъ, поклониться тамъ образу Св. Николая.

(70) R. M. Com. 80: ipsam (Елену) quoque ita saevientem, veneno sublatam, и проч.

(71) *Синод. Лът.* л. 194.

Въ лѣтописяхъ Еленина времени находятся еще слѣдующія извѣстія:

24 Окт. или Дек. 1533: «во градѣ Москвѣ видѣша мнози людіе «звѣзды по небеси протягахуся яко же верви, и летяху съ Востока на «зимній Западъ».

Въ 1534 году, въ Февр. «отъ иконы Св. Варвары бысть чюдотворе- «ніе, слѣпіи прозираху (и проч.), еже бѣ за торгомъ у Панскаго двора; «а преже сего чюдотворенія быша въ тайнѣ, а нынѣ явлена и видима... «На Покровъ бысть вражіимъ навожденіемъ страхованіе велико въ Ше- «лонской (Новогородской) Пятинѣ въ 5 погостѣхъ, въ Косицкомъ, въ «Передольскомъ, во Фроловскомъ, въ Петровскомъ, въ Городенскомъ; «начаша люди бѣгати никимъ гоними, а мнѣша вси, яко иноплеменницы «на нихъ идутъ; и много шкоты учинилося, и 15 человѣкъ безъ вѣсти «погибе». См. Архив. *Ростов. Лът.*

Г. 1535. «Бысть того лѣта, купили четвертку (въ Новѣгородѣ) по «2 деньги Новогородскую ржи, а коробью ржи по 7 денегъ... Посылалъ

«Архіеп. Макарій преждеписаннаго Инока Илію въ тѣ же мѣста и по-«велѣ въ Чюдской земли разоряти ихъ обычаи, и женамъ ихъ власовъ «не постригати, и ризъ яко мертвечьихъ на главахъ и на рамѣхъ не «носить, и кудесы своя прокляти: таковъ бѣ обычай злый въ Чюди и «въ Пжерѣ и по всей Корельской земли... Апр. 11 основана бысть цер-«ковь кам. Св. Георгія на Хутыни, и совершиша ю въ два лѣта о еди-«номъ версѣ, но вельми чудно, яко таковы нѣсть въ Новогородской «земли: окольная стѣна имѣя угловъ 8, а двери 5, при Игуменѣ Ѳеодо-«сіи; а прежде была церковь не на томъ мѣстѣ, кругла яко столпъ и не «широка, толико сажени единыя со олтаремъ внутри... А строитель «церкви Игуменъ Ѳеодосій, иже взятъ бысть изъ Іосифова монастыря: «а мастеры Тверскія земли: большему имя Ермола; а отъ дѣла дано «полсемдесятъ рублевъ, а весь запасъ и нарядъ домовой» (см. тамъ же).

Г. 1536. «Преложена бысть Псалтирь Толковая отъ Римскаго пи-«санія и рѣчей на Руское писаніе и на Рускую рѣчь въ Вел. Новѣго-«родѣ, повелѣніемъ Владыки Макарія, и совершенія достиже Окт. въ 15, «въ ней же и толковниковъ 6: Бруно Епископъ Гербипонскій, Іеронимъ «Пресвитеръ старѣйшій Великія Церкви Римскія, и Августинъ отъ Ав-«рикіи, Григорій Великій, Беда Пресвитеръ, и Кассіодоръ; преложи Ди-«митрій, зовомый Толмачь, во старости маститѣ; аще и Схоластика себе «нарекъ, но Раввуни своему отъ всея души послужи Макарію, и ветхая «понови и наполни во истинну мѣру натканну и потрясну». (См. сей *Исторіи* Т. VII, примѣч. 340)... «Тое же весны прислалъ Князь Вели-«кій въ Новгородъ своего сына Болярскаго и конюха Бунду, да Подъ-«ячаго Ивана, и повелѣ пожни у всѣхъ монастырей отняти около всего «града и у церквей, и давати ихъ въ *бразду*, что которая пожня стоитъ, «тѣмъ же монастыремъ и церковникомъ; а се учинилося по оклеветанію «нѣкоего безумна человѣка». (См. Архив. *Ростов. Лит.*). — «Обложили «церк. кам. Бориса и Глѣба на старомъ мѣстѣ въ Плотинскомъ Концѣ «Мая въ 14, а старую разрушиша, а основанія съ земли не двигнуша, «и совершиша ю о 5 версѣхъ въ 5 мѣсяцъ; а мастеровъ большихъ 20 «человѣкъ, и даша имъ 50 рублевъ и три; а строена двѣма улицы, За-«польскою и Конюховою... Іюня 13 основана церк. кам. Похвала Бого-«родицы на старомъ мѣстѣ о трехъ версѣхъ, повелѣніемъ Боголюбиваго «человѣка Аѳанасія Филиппова Новогородца съ Лубяницы; а мастеръ «Новогородецъ: имя ему Игнатій *Сррсреея*. Тое же осени поставили «мостъ новой въ Неревской Конецъ ко Свв. 40 Мученикомъ. Ноября 27, «въ первомъ часу ночи, бысть знаменіе въ лунѣ, и ста яко кровава, а «свѣтлаго мѣста яко меньше пятыя части» (см. тамъ же). Г. 1537: «Ар-«хіеп. Макарій ко Пасцѣ у Церкви Св. Софіи обложи сребромъ боль-«шой Дейсусъ 13 иконъ и украси златомъ.—Тое же весны прислалъ съ «Москвы въ Новгородъ Сынъ Болярской, храбръ воинъ, Вас. Мих. Туч-«ковъ, на собраніе воинскаго чину: и слыша Владыка Макарій, яко «издѣтска сей Василій навыкъ Св. Писанія, и нача его благословляти «на духовное дѣло: тайну Цареву, чадо, храни, а дѣла Божіи ясно на-«пиши и чудеса Михаила блаженнаго, нарицаемаго Саллоса, жившаго «у Св. Троицы на Клопки: прежде бо написана быша, но вельми про-«сто: понеже бо тогда человѣцы въ Новѣгородѣ еще быша не искусни «въ писаніи. Сей же Василій ветхая попови и вельми чудно изложи, «храбрый воинъ, свѣтлое око, и всегда во Царскихъ домѣхъ живый, и «мягкая нося, и подружіе законно имѣя, а велика разума сподобися. «Нача и соверши лѣта 7045, а мѣсяца и дній не вѣмъ: толико въ то «время садове плодоносніи вельми цвѣтоша, и всякій овощь на торжищи «продаяху, и только едино гроздіе еще отъ Святителя благословенія не

«пріятъ... Тоя же осени поставили мостъ въ Новѣгородѣ на городняхъ «въ Гончарской Конець ко Образу Святому.—Окт. въ 21 освящена цер«ковь Срѣтеніе *теплая* на Дворищѣ; а се *начальная* церковь *теплая* въ «Новѣгородѣ, опрично того, что у Архіепископа во дворѣ и въ обите«лехъ» (см. тамъ же).—Г. 1538. «Во Славенскомъ Концѣ въ Новѣгородѣ, «Авг. въ 8, на Павловѣ улицѣ, въ берегу у трубника Тимохи жена роди «младенца женскъ полъ о дву главахъ, да о дву рукахъ, да о четырехъ «ногахъ, а станъ единъ, путь единъ, а дѣтородныя уды двои женска «полу; а родился мертвъ».

(72) См. Т. VI, стр. 125.

(73) См. Послужный Списокъ Бояръ въ *Рос. Вивліов.* XX, 27.

(74) Въ *Синод. Лът.*: «Апрѣля 9 поиманъ К. Иванъ Өед. Овчина-«Телепневъ-Оболенской Боярскимъ совѣтомъ К. Василья Шуйскаго и «брата его и иныхъ, за то, что его Государь въ приближеньи дръжалъ».

(75) Въ *Синод. Лът.*: «Пожаловалъ ихъ (Государь) Боярствомъ». Въ Послужномъ Спискѣ (*Рос. Вивліов.* XX, 28) Андрей Шуйскій именованъ Бояриномъ въ 1535 году; но лѣтосчисленіе сего Списка весьма недостовѣрно: на примѣръ, смерть Конюшаго Телепнева, Еленина любимца, означена въ немъ послѣ смерти К. Василія Шуйскаго и К. Ивана Бѣльскаго, убитаго еще будто бы въ 1539 году: а онъ жилъ и господствовалъ до 1542 году.

(76) Свадьба была Іюня 6. К. Василій Шуйскій пожалованъ въ Бояре въ 1506 году (см. Списокъ Бояръ).

(77) См. Т. VII, стр. 113.

(78) 21 Октября: см. *Царствен. Кн.* 75, и *Синод. Лът.* No 351.

(79) По *Никон. Лът.* К. Василій умеръ въ Октябрѣ же 1538 году: слѣдственно тотчасъ по сверженіи Бѣльскаго.

(80) 2 Февраля. Тогда былъ въ Москвѣ Архіепископъ Новогородскій, Макарій. 6 Февраля возвели Іоасафа на Дворъ Митрополичій, а 9 посвятили.—Запись, которою Даніилъ отрекается отъ своего сана, находится въ одной исторической рукописи, принадлежащей Г. Строеву: онъ по своей благосклонности сообщилъ мнѣ ее. Въ заглавіи: «Сей отписи *«просили у бывшаго* Митрополита Данила». Слѣдуетъ грамота: «Се язъ «смиренный Данилъ Митр. всея Руси, пребывшу ми въ Митрополіи на «Москвѣ время довольно, и тако не по колицѣхъ лѣтѣхъ едва въ себѣ «бывшу ми, разсмотрихъ разумѣніа своя немощна къ таковому дѣлу, и «мысль свою погрѣшителну, и недостаточна себѣ разумѣхъ въ таковыхъ «Святительскихъ начинаніяхъ, отрекохся Митрополіи и всего Архіерей«ского дѣйства отступихъ, и молихъ всего Осв. Събора, Архіеп. Макарія «Вел. Нов. и Пскова, и всѣхъ о Христѣ Епископьскій Съборъ, да про«стятъ ми отпустити мя и не позазрятъ моему отступленію отъ Свяги«тельства, и молятъ Государя, В. К., отпустити мя въ молчалное житье; «и тако по моей мысли вся съвръшишась, и нынѣ отхожу отъ Митро«поліи и отрекаюсь всего Архіер. именованіа, и оставляю Государю, В. «К., миръ и благословеніе, такожь и Господѣ своей Архіепископомъ и «всѣмъ еже о Христѣ братіи моей Епископомъ оставляю миръ и благо«словеніе, и требую молитвъ ихъ яже о мнѣ: послѣди же и того благо«словляю и прощаю, его же изберетъ себѣ Богъ Пастыря Митрополита «своей Церкви въ мое мѣсто предстателя, да о всемъ славится Богъ въ «Троици пѣваемый».—Между рукописями Новогород. Софійской библіотеки находится нѣсколько нравоучительныхъ посланій, писанныхъ сверженнымъ Митроп. Даніиломъ къ разнымъ лицамъ и къ Царю Іоанну Вас. См. *Исторію Рос. Іерархіи* II, XXVIII.

(81) Самъ Іоаннъ въ отвѣтной грамотѣ къ К. Курбскому пишетъ: «Отъ юности единое воспомяну: намъ бо въ юности дѣтства играюще, а «К. Ив. Вас. Шуйской сѣдитъ на лавѣ, локтемъ опершися отца нашего «о постелю, ногу положивъ къ намъ... И таковой гордыни кто можетъ «понести?... А казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поимаша, «и въ той нашей казнѣ исковаша себѣ сосуди златы и сребрены, и имена «на нихъ родителей своихъ подписаша; а всѣмъ людемъ вѣдомо, при «матери нашей у Князя Ив. Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на «куницахъ, да и тѣ ветхи: коли бы то ихъ было старина, ино лучше бы «шуба перемѣнити».—Въ *Псков. Лът.* Г. Толстаго: «быша Намѣстники «на Псковѣ свѣрѣпи аки лвове и люди ихъ аки звѣріе дивіи до Крест-«янъ», и проч. См. также Архив. *Псков. Лът.*

(82) См. Дѣла Крымскія, No 8, л. 490—492: «Государьского обычая «не держалъ отецъ твой какъ неискусный народъ, занеже никоторой Го-«сударь такъ не дѣлывалъ... Нашихъ людей у себя побилъ... и опослѣ «того, уже два года тому, посылалъ есмя въ Казань съ Керейчею своего «Кадыя, и твои люди на дорозѣ ихъ переимавъ, да къ тебѣ привели, и «мати твоя ихъ велѣла побити... Болѣ ста тысячь рати у меня есть; и «возьму шедъ изъ твоей земли по одной головѣ, сколько твоей землѣ «убытка будетъ и сколько моей казнѣ прибытка?... Чаешь меня, какъ предніе наши были; а се иду... и ты буди готовъ; язъ схоронясь нейду... «Твою землю возьму; а ты захочешь мнѣ лихо чинити, на мою тебѣ «землю нейти... Съ великимъ Царемъ Магмедемъ, съ упокойникомъ съ «дѣдомъ нашимъ, изъ Суждаля прадѣдъ твой Василій бился съ нимъ, да «и въ руки ему попалъ... А онъ его простилъ... и Москву ему опять «отдалъ», и проч.

(83) Окольничій Степанъ Ивановичь Злобинъ отправился Посломъ къ Хану въ 1538 году.

(84) См. *Архив. Лът.*, л. 51, и Дѣла Крымскія No 8, л. 514 на об. Кромѣ гонцевъ и Посланниковъ съ обѣихъ сторонъ, осенью 1538 году ѣздилъ изъ Москвы въ Казань Посолъ Игнатій Ивановичь Яхонтовъ; но Царь требовалъ еще знатнѣйшаго, и не отправлялъ своего Посла къ намъ будто бы для того, что носился слухъ о походѣ Россіянъ къ Казани (см. *Синод. Лът.* л. 195—210).

(85) См. *Казан. Лът.*

(86) Дѣла Крым. No 8, л. 617: «наши люди его людей чернымъ во-«лосомъ не двинули для твоего слова».

(87) См. Дѣла Крым. No 8, л. 580—650. Ханскій Посолъ Сулемша привезъ шертную грамоту въ Москву весною 1539 года; но Бояре требовали перемѣны нѣкоторыхъ словъ, и Ханъ на то согласился.

(88) *Синод. Лът.* л. 209 и 213. Иминя, грабившаго Ростовскую волость, встрѣтилъ Рязанскій Воевода, К. Сем. Ив. Микулинскій, взялъ нѣсколько плѣнниковъ и прислалъ въ Москву, въ Окт. 1539.

(89) Ѳедоръ Григор. Адашевъ поѣхалъ въ Царьградъ 26 Дек. 1538, а возвратился въ Ноябрѣ 1539. — Шарапъ Замыцкій отправился изъ Новагорода въ Швецію 7 Сент. 1538, а возвратился 12 Іюля 1539 съ Шведскимъ Посланникомъ Нилусомъ. — Посолъ Ганзы, Яковъ, прибылъ въ Москву 27 Февраля 1540. О сихъ и другихъ посольствахъ см. въ *Синод. Лът.* л. 200—222.

(90) Тамъ же, л. 215: «К. Ив. Вас. Шуйской на Митрополита и на «Бояръ учалъ гнѣвъ держати, и къ Вел. Князю не ѣздити, ни съ Бояры «совѣтовати», и проч.

(91) Въ Архив. *Псков. Лът.* г. 1541: «Князь Великой пожаловалъ «свою отчину Псковъ, далъ грамоту судити и пытати и казнити Пско-

«вичамъ разбойниковъ и лихихъ людей; и бысть Псковичамъ въ радость, «а злыя люди разбѣгошася, и бысть тишина». Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: «Лихихъ людей обыскивати самымъ Крестьяномъ по крестному «цѣлованію, и ихъ казнити смертною казнію, а не водя къ Намѣстни«комъ и къ ихъ Тивуномъ... И начаша Цѣловальники и (отцкіе судити «на Княжи Дворѣ въ судницѣ надъ Великою рѣкою... а К. Андрея Шуй«ского Князь Великой къ себѣ свелъ».

(92) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 221 и 231. К. Владиміръ освобожденъ въ Дек. 1540.

(93) См. Т. VI, г. 1491.

(94) *Синод. Лѣт.* No 351, л. 221: «А съ Углечского со Княжь Ондре«ева сына Васильевича, со Князя Дмитрея, тягость сняти», и проч.

(95) См. *Родослов. Кн.* I, 23.

(96) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 223: въ Маѣ 1541.

(97) Тамъ же, л. 220. Съ нимъ были и Крымцы и Ногаи. Онъ стоялъ два дни подъ Муромомъ. — Въ ветхомъ Синод. Лѣт. подъ No 365 прабавлено слѣдующее: «Въ лѣто 7048 приходили Татарове Казанскіи «къ Мурому и къ Костромѣ, и учинися бой пониже Костромы у Пят«ницы Св. на Плесѣ, и убили туто 4 Воеводъ Большихъ: К. Ѳедора «Курпьского, да К. Бориса Сисеева, да К. Ондрея Тулупова, да К. Ни«киту Засѣкина, и иныхъ Дѣтей Боярскихъ много; и сами Татарове по«бѣгоша; и придоша на нихъ Царь Шигъ-Алей, да К. Ѳедоръ Мих. «Мстиславской, и побиша Татаръ, а иные по лѣсомъ разбѣгошася и отъ «мраза измроша; а полонъ Вел. Князя отполониша весь». Это случилось за годъ до нашествія Сафа-Гиреева.

(98) См. *Царственную Кн.* 78.

(99) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 225—230, и *Царствен. Кн.* 78 - 96. Съ Ханомъ были и Бѣлогородцы, т. е. жители Акермана. Выписываемъ нѣкоторыя подробности: «Прибѣжали изъ Крыма два полоняника, а ска«зали Вел. Князю, что пріѣхалъ передъ ними съ Москвы Царевъ чело«вѣкъ, а сказалъ Царю, что К. Вел. Воеводъ своихъ послалъ къ Казани... «Пріѣхалъ къ Вел. Князю Станичникъ Толмачь Гавриловъ, что посы«лалъ его К. Петръ Ив. Кашинъ къ Св. Горамъ, и они наѣхали вверхъ «Донца Сѣверскаго люди многіе Крымскіе, и гоняли за ними день цѣлъ, «а идутъ тихо, съ тою примѣтою, чаяти Царь идетъ; и Іюля 21 прислалъ «къ Вел. Князю Воевода К. Семенъ Ив. Микулинской грамоту, а пи«салъ, что идетъ Царь и сынъ его, и Бака Князь Нагайскій... и повелѣ «Царь кликати въ Ордѣ, которые люди съ нимъ не поспѣютъ, и тѣ бы «его доѣзжали въ Кламкилиминѣ городкѣ».—Розрядъ Воеводамъ: «Въ боль«шомъ полку К. Дм. Ѳед. Бѣльской, К. Ив. Михайловичь Шуйской, «Мих. Ив. Кубенскій; въ передовомъ К. Ив. Ив. Турунтай-Пронской, «да К. Вас. Ѳед. Охлябининъ; въ правой рукѣ К. Иванъ Вас. Шемяка«Пронской, да Сем. Сем. Беззубцовъ; въ лѣвой К. Ив. Мих. Троекуровъ, «да К. Вас. Сем. Мезецкой; въ сторожевомъ К. Юрьи Ив. Темкинъ«Ростовской, да К. Вас. Вас. Чулокъ-Ушатой.... А Царевича Шибан«скаго, да Боярина К. Юрья Мих. Булгакова Князь Вел. отпустилъ «съ Москвы, а съ ними Двора своего многихъ людей, и велѣлъ стояти «на Похрѣ».

(100) «А 9 Татариновъ Н. Глѣбовъ живыхъ къ Вел. Князю при«слалъ.... и Князь Вел. Царевичу Шигалею и К. Юрью Булгакову съ «Похры велѣлъ итти на берегъ же Оки; а на Похру отпустилъ К. Вас. «Мих. Щенятева, да Конюшего своего, Ив. Ив. Челяднина, а съ ними «Двора своего многихъ людей... А изъ Володимеря велѣлъ Дворяномъ «своимъ итти на берегъ же Оки».

(101) Въ *Никон. Лѣт.*: «О Пречистая! покажи милость... Помило«вала еси прадѣда нашего отъ безбожнаго Темиръ-Аксака: и нынѣ пошли «милость, да не рекутъ погании: гдѣ есть Богъ ихъ?... Остался есмы «отъ пазухи отца своего и отъ чреслъ матери своея млады; ни откуду «себѣ на земли утѣхи не имѣемъ: и нынѣ приде на насъ великая натуга... «Не остави насъ во время скорби нашея», и проч.

(102) См. Т. V, стр. 196.

(103) «И у посада по улицамъ надолбы дѣлати». Въ Синод. Лѣт.: «по вспольскимъ рѣшоткамъ надолобы подѣлати... и людемъ животы во«зити въ городъ, и всякій запасъ».

(104) Въ Розрядахъ сего времени весьма часто находимъ, что Воеводы отказывались служить подъ начальствомъ другихъ.

(105) См. *Никон. Лѣт.* 25.

(106) То есть, для поминовенія въ церквахъ.

(107) «Азъ столько многихъ людей и нарядныхъ, ни *Кутарниковъ*, «ни *Аргамачниковъ* не видалъ въ одномъ мѣстѣ.. И у Турокъ многіе «пушки разбиша... А еще не всѣ пришли: съ Угры Воеводы К. Романъ «Ив. Одоевской, да Ив. Петровичь со многими людьми еще не пришли «на берегъ».

(108) Въ *Царствен. Кн.*: «Правнукъ Остѣевъ, родъ Свибловъ». Вторымъ начальникомъ былъ Александръ Кобляковъ, изъ Рязанскихъ Бояръ.

(109) «Пріѣхали отъ Воеводъ Андрей Вас. Овцынъ, да Ив. Сем. «Нащекинъ съ товарищи 7 человѣкъ съ вѣстію, чтобы сидѣли въ городѣ «крѣпко... И въ то время городской человѣкъ попался въ руки Царе«вымъ сторожамъ, и сказалъ, что въ городѣ радость... и сторожи Царевы «сказали, что тѣхъ людей и сами видѣли, коли въ городъ ѣхали». См. *Царствен. Кн.*

(110) Въ Синод. Лѣт. No 351: «А Царевичь Иминь-Гирей отъ отца «своего отворотилъ со многими людми на Одоевскіе мѣста, и К. Воло«димеръ Ив. Воротынской съ своею братьею изъ Одоева вышедъ, мно«гихъ Татаръ побилъ, а 45 человѣкъ живыхъ на Москву прислалъ».

(111) «Государь Боярь и Воеводъ пожаловалъ великимъ своимъ жа«лованьемъ, шубами и кубки».

(112) Въ *Царствен. Кн.*: «А Новогородцы всѣ городомъ» (за Шуйскаго).

(113) Съ ними былъ еще Иванъ Большой Шереметевъ.

(114) Новогородцевъ, какъ прибавлено въ *Царствен. Кн.* См. также Синод. Лѣт. No 351.

(115) «И пѣти у Крестовъ заставили».

(116) «А на весну, Мая мѣсяца, послаша Бояре на Бѣлоозеро, «К. Ивана Бѣльскаго убити въ тюрмѣ, Петрока Ярцова сына Зайцова, «да Митьку Иванова сына Клобукова, да Ивашку Елизарова сына «Сергѣева: они же, ѣхавъ тайно безъ Великого Князя вѣдома, Боярскимъ самовольствомъ К. Ивана Бѣльскаго убили».

(117) Курбскій пишетъ: «Убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго «Стратига и великороднаго, иже былъ роду Княжатъ Литовскихъ, име«немъ Князь Иванъ Бѣльскій, иже не токмо былъ мужественъ, но и «въ разумѣ многъ и въ Священныхъ писаніяхъ искусенъ».

(118) При Государѣ Василіи Іоанновичѣ, въ 1524 и 1530 году.

(119) См. выше, г. 1541.

(120) 19 Марта на посвященіи были Досиѳей Архіеп. Ростовскій, Ѳерафонтъ Еп. Суздальскій, Гурій Смоленскій, Іона Рязанскій, Акакій Тверскій, Вассіанъ Коломенскій, Досиѳей Сарскій, Алексій Вологодскій.

(121) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «и паки Намѣстники премогоша; а «то было добро вельми по всей земли».

(122) Въ перемирной грамотѣ 1537 г. было сказано: «Въ тѣ перо-«мирныя лѣта слати обѣимъ сторонамъ между себя Великихъ Пословъ «для заключенія вѣчнаго мира». Князь Иванъ Бѣльскій въ 1541 г. послалъ въ Литву Ѳедора Загряжскаго напомнить о томъ Сигизмунду. Король лежалъ больной: Загряжскій не хотѣлъ отнестись къ его сыну, Августу. Въ Мартѣ 1542 г. прибыли въ Москву Королевскіе Послы, Янъ Юрьевичъ Глѣбовичъ, Воевода Полоцкій, Никодимъ Яновичъ Цѣхановецкій, Староста Мельницкій, и Писарь Николай Андрушевичъ. Договоръ заключенъ 21 Марта. См. Дѣла Польскія No 3, стр. 1—63.

(123) Дьякъ читалъ Русскую перемирную грамоту. Послы стояли близъ Государя. Секретаръ ихъ читалъ Литовскую. Ту и другую положили на блюдо: Русскую сверху; а на нихъ *Воздвизальный крестъ*. Государь всталъ и поцѣловалъ крестъ: Послы также. Имъ вручили грамоту, и самъ Вел. Князь подчивалъ ихъ вишневымъ медомъ.—28 Іюня Боринъ Вас. Григорьевичъ Морозовъ, Дворецкой Ѳедоръ Семен. Воронцовъ и Дьякъ Ѳед. Моклоковъ отправились въ Литву для размѣны грамотъ.—Сигизмундъ сказалъ имъ, что онъ еще для Василія Іоанновича снялъ цѣпи съ нашихъ плѣнниковъ, которые вообще не терпятъ никакой нужды.

(124) Дѣла Польскія No 3, стр. 193—217.

(125) К. А. В. Кашинъ пріѣхалъ въ Москву 24 Іюля. Онъ долженъ былъ выкупить себя и заплатить Хану 500 рублей.—Иминь нападалъ на Сѣверскія области въ Мартѣ 1542, а Мурзы на Рязанскія въ Августѣ. К. Петръ Дан. Пронской и К. Юрій Ив. Дѣевъ прогнали ихъ за Донъ и побили на Куликовѣ полѣ. Въ Мартѣ 1543 Ханъ снова писалъ къ В. К. о мирѣ.

(126) Здѣсь въ *Царствен. Кн.* описывается впаденіе Ногайскихъ Мурзъ; но это ошибка: сіе впаденіе принадлежитъ къ 1550 году.

(127) *Синод. Лът.* No 351, л. 234, 236, 237, 239 на об., и *Царствен. Кн.* 104. «И та» (Ковгоршадъ или Горшадна Царевна) «сестра «Магметъ-Амиия, иже грамотѣ Татарской научена бысть и волхвованія «навыче, сказываше въ Казани Посланникомъ Вел. Кн.: *отнынѣ почти «на десяти лѣтѣхъ Татарове Казанстіи не возмогутъ противиться «Вел. Князю*... И сами Татарове сказываху, яко видяху многа дивнаа «знаменія, еще живу сущу Сафа-Гирею».

(128) *Синод. Лът.* л. 236 на об.: «Іюля 8 пришелъ Посланникъ изъ «Астрахани Ѳедоръ Невѣжинъ, а сказалъ, что идетъ служити къ Вел. Князю Царевичь Астараханскій «Едигеръ, а остался у Шигъ-Алея въ Касимовѣ». Черезъ недѣлю Царевичь пріѣхалъ въ Москву.

(129) *Синод. Лът.* л. 239 на об.: «Ноября 6 пріидоша на Москву «Послы отъ Воеводы отъ Ивана Петрова сына Стефановича, Крестов-«лодовичь Перколагъ, да Петръ Корковичь Логоѳитъ, да Писарь Иванъ «Стефановъ... что его» (Воеводу) «выгналъ Салтанъ, и Воевода хотѣлъ «ѣхати на Москву, ино было не мощно проѣхати: Турецкой и Крымской «его землю плѣнили, а съ Королемъ также ратенъ; и онъ ѣхалъ въ «Угорьскую землю, и ходилъ къ Салтану бити челомъ, и Салтанъ отдалъ «ему двѣ части Малдовскіе земли, а съ третьей взялъ окупа 300 тысячь» (въ другихъ лѣтописяхъ: 30,000) «золотыхъ черленыхъ опричь дани». Въ Февр. 1543 Государь отпустилъ ихъ назадъ и послалъ съ деньгами къ Воеводѣ Семена Батюшкова.

(130) Если вѣрить *Послужному списку Бояръ*, то К. Иванъ Вас. Шуйскій умеръ въ 1546 году. Въ 1542 году, при возобновленіи перемирія съ Литвою, онъ сидѣлъ на *второмъ* мѣстѣ подлѣ Государя (а на первомъ К. Димитрій Бѣльскій); но съ сего времени нигдѣ не находимъ его имени, ни въ дѣлахъ Министерскихъ, ни въ Розрядахъ.

(131) Братъ Боярина Михайла Семеновича, который былъ любимцемъ В. К. Василія Іоанновича.

(132) *Царствен. Кн.:* «Сент. 9 взволновашася Бояре въ «столовой «избѣ у Вел. Князя на совѣтѣ.... и биша его» (Воронцова) «по лани «тамъ, и платіе на немъ ободраша, и хотѣша его убити... и посла къ «нимъ Государь Митрополита и Ивана и Вас. Григорьевичевъ Поплевиныхъ-Морозовыхъ.... Они же» (Шуйскіе и другіе) «ведоша его (Во«ронцова) съ Вел. Государя сѣней, съ великимъ срамомъ біюще и «пхающе на площадь, и отслаша его за Неглинну на Ивановъ дворъ «Зайцова», и проч.

(133) Курбскій пишетъ: «Питаша его (Іоанна) гордые Бояре на «свою и дѣтей своихъ бѣду, рѣтящеся другъ предъ другомъ, ласкающе «и угождающе ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи. Егда же «началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять, началъ пер«вѣе безсловесныхъ крови проливати, съ высокихъ крылецъ мечуще, або «съ теремовъ; а пѣстуномъ ласкающимъ, попущающе сіе и хваляще. «Егда уже приходящу къ пятому-надесять лѣту, тогда началъ человѣ«ковъ уроняти, и собравши юныхъ около себе дѣтей и сродныхъ оныхъ «предреченныхъ Синклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на «конехъ съ ними ѣздити и всенародно мужей, старцевъ и женъ топтати «и бити скачуще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ.... Ласкателемъ же «таковое на свою бѣду восхваляющимъ: о! *храбръ*, глаголюще, *будетъ «сей Царь и мужественъ!*»

(134) Курбскій называетъ Михайла Васильевича Глинскаго *всему злу начальникомъ*. Народъ, какъ увидимъ послѣ, ненавидѣлъ К. Юрья Глинскаго, пожалованнаго въ 1540 году изъ Кравчихъ въ Бояре.

(135) *Царствен. Кн.* 114: «влекуще къ тюрмамъ, противъ воротъ «Ризъ Положенія въ градѣ».

(136) См. Синод. Лѣт. No 50, л. 415, бывшій въ рукахъ К. Щербатова.

(137) *Царствен. Кн.* 114.

(138) 16 Дек. 1544. Мать его была дочь К. Андрея Васильевича Углицкаго, брата Іоанна III: см. *Родослов. Кн.* I, 123.

(139) Курбскій: «мужъ зѣло разумный и тихій, въ совершенныхъ «уже лѣтѣхъ».

(140) Т. VI, г. 1491.

(141) 3 Сент. 1545. Въ *Царствен. Кн.* 119: «урѣзаша языка ему у «тюремъ за его вину, за невѣжливые слова».

(142) Сынъ Ивана Васильевича Шуйскаго. Это было въ Окт. 1545: въ Декабрѣ сняли съ нихъ опалу.

(143) 30 Дек. 1544. Воеводы тамъ были К. Петръ Щенятевъ, К. Конст. Шкурлятевъ и Мих. Воротынской.

(144) Отъ 6 Мая до Августа 1546.

(145) Въ *Царствен. Кн.:* «и Государя не пропустили тѣмъ же «мѣстомъ къ своему стану проѣхати, но объѣха инымъ мѣстомъ».

(146) Казнь была Іюля 21. Въ *Синод. Лът.* No 351: по «Дьяволю «дѣйству оклеветалъ ложными словесы Вел. Князя Бояръ Василей Григорьевъ сынъ Захарова Гнилевской». См. также *Царствен. Кн.* 124. Тогда же Ивана Петровича Ѳедорова сослали на Бѣлоозеро, а Ив. Воронцова заключили. Курбскій (см. ниже) въ числѣ казненныхъ и убитыхъ, Царскимъ именемъ, около сего времени называетъ еще Ѳедора Невѣжу, *богатаго землянина*, и трехъ знатныхъ юношей: К. Михайла Трубецкаго (Богданова сына), К. Ив. Дорогобужскаго и К. Ѳед. Ив. Овчину.

(147) 22 Марта 1545 пріѣхалъ въ Москву отъ Сигизмунда-Августа посланникъ Янъ Комаевскій. Лѣтописцы наши говорятъ здѣсь о кончинѣ отца Августова, Сигизмунда; но онъ жилъ еще около трехъ лѣтъ.

(148) *Царствен. Кн.* 116: «Апрѣля (1545) послалъ Князь Вел. Воеводъ своихъ, К. Сем. Ив. Пункова, а въ передовомъ полку Ив. Вас. Шереметева, а въ сторожевомъ К. Дав. Палецкаго, въ Казани легкимъ дѣломъ въ струзѣхъ; а съ Вятки К. Вас. Сем. Серебреново... А во Свіягу посылали Воеводы отъ себя Дѣтей Боярскихъ; и тамо многихъ Казанцевъ побили и Тевекелева сына Княжь Муртозу Мурзу поимали и иныхъ дѣтей его побили... А Внучко Львовъ съ Пермячи не поспѣлъ, а пришелъ въ судѣхъ опослѣ, и Казанскіе люди его побили и самого убили. И Государь Воеводъ и Дѣтей Боярскихъ жаловалъ, кто о чемъ билъ челомъ».

(149) «Многіе поѣхали къ Вел. Князю, и иные по инымъ землямъ... Іюля 29 прислали къ Вел. Князю изъ Казани Кадышъ Князь, да Чура «Нарыковъ, сына Боярскаго Галичанина Ваську Бортева, чтобы послалъ «къ Казани рать... И въ Володимерѣ Генв. 17 (1546) пріѣхалъ къ Вел. «Князю изъ Казани отъ Посла отъ Игнатія Яхонтова Рудакъ Булатовъ «съ грамотою, а Казанцы прислали Гаметъ-Шиха, Абеюрганъ, Сеитъ и «Кадышъ и Чюра, что Сафа-Гирея согнали... и пожаловалъ бы на Ка«зань Царя Шигъ-Алея...» (По дѣламъ Ногайскимъ No 4, л. 43, извѣстно, что Сафа-Гирей возвратился-было къ Казани съ толпою Астраханцевъ и хотѣлъ силою войти въ городъ, но отраженный жителями, ушелъ къ своему тестю, Юсуфу, Ногайскому Князю. О семъ упоминаетъ и *Казан. Лът.;* но говоритъ несправедливо, что Сафа-Гирей подступалъ къ Казани съ Юсуфомъ). Далѣе: «и Князь Вел. послалъ въ Казань Астафья «Андреева къ правдѣ ихъ привести... Марта 15 Астафій изъ Казани «пріѣхалъ, а Сеитъ и Уланы прислали и вся земля своихъ Пословъ, «Уразлыя Князя, да Андрычей Афыза, и Апр. 7 Князь Вел. Шигъ«Алея на Казань отпустилъ, а съ нимъ К. Дм. Өед. Бѣльскаго, да К. «Дм. Өед. Палецкого, да Дьяка Постника Губина посадити его на Цар«ство... и посадили Іюня 13 и пріѣхали къ Вел. Князю на Коломну; а «Шигъ-Алей прислалъ отъ себя бити челомъ на Царствѣ Вел. Князю «Чапкина Мурзу; а Игнатія Яхонтова съ товарищи отпустилъ, и Боль«шихъ Пословъ прислалъ, Алабердей Улана, да Тевекеля Князя».

(150) См. *Казан. Лът.* Онъ пишетъ, что Казанцы, встрѣтивъ Шигъ-Алея не съ дарами, а съ оружіемъ, тогда же побили многихъ изъ его Князей и Мурзъ, а другихъ заключили въ темницу; что Бѣльскій, имѣя при себѣ 1000 воиновъ остался въ Казани, и жилъ за городомъ, будучи подозрѣваемъ въ измѣнѣ; что Іоаннъ, узнавъ отъ Шигъ-Алея о тайной связи нѣкоторыхъ Вельможъ Московскихъ съ Казанскими мятежниками, осудилъ трехъ Бояръ на смерть; что одинъ изъ виновныхъ самъ отравилъ себя ядомъ, а другіе разбѣжались. Это противно сказанію другихъ, достовѣрнѣйшихъ Лѣтописцевъ.

(151) См. *Казан. Лът.* Въ *Царствен. Кн.:* «И какъ вѣсть пришла «къ Государю, что Шихъ-Алей съ Казани збѣжалъ, а не вѣдомо, на ко«торыя мѣста, и Государь послалъ Царя стрѣчати на поле Льва Андр. «Салтыкова, а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ и Татаръ, а на Вятку Алексѣя «Дан. Басманова; и Левъ Царя встрѣтилъ на полѣ; а Шигъ-Алей какъ «збѣжалъ Волгою въ судѣхъ, поймалъ кони у Городецкихъ Татаръ и по«слалъ къ Великому Князю своего Дворянина съ грамотою.. а шелъ «чрезъ поле въ городъ, и пришелъ на Украйну Авг. 15.... Сафа-Гирей «въ Казани убилъ Чюру Князя, Баубека, Кадыша и иныхъ». *Казан. Лът.* говоритъ, что Шигъ-Алей долженъ былъ въ какомъ-то мѣстѣ ждать вѣрнаго Князя Чуры, но оставилъ его.

(152) *Царствен. Кн.:* «Декабря 6 (1546) прислали Горняя Черемиса, «Туга съ товарищи, дву Черемисиновъ бити челомъ», и проч.

(153) Въ 1544 г., 3 Марта, Іоаннъ съ братомъ ѣздилъ въ Колязинъ монастырь къ Св. Макарію, а оттуда въ Заболотье на медвѣжью охоту и къ Троицѣ; а Маія 21 въ 1545 году съ братомъ Юрьемъ и съ К. Владиміромъ Андреевичемъ въ Троицкій монастырь и въ Переславль, откуда, отпустивъ Князей Юрія и Владиміра въ Москву, поѣхалъ въ Ростовъ, Ярославль, на Бѣлоозеро въ Кирилловъ монастырь, Ѳерафонтовъ, Вологодской Спасовъ на Прилукѣ, Корниловъ, Павловъ, къ Борису и Глѣбу на Устью; 15 Сент. опять къ Троицѣ, въ Слободу (Александровскую) и въ Можайскъ на охоту; 27 Дек. въ Воры для звѣриной лозли и въ Владиміръ; 15 Сент. въ 1546 году къ Троицѣ, въ село Воробьево, Денисьево, Починки, на богомолье въ Можайскъ къ Св. Николаю, Волокъ, Ржевъ, Тверь, Новгородъ и Псковъ.—Въ Архив. *Псков. Лът:* «К. В. Иванъ Васильевичь, да братъ его К. Георгій быша въ Новѣго«родѣ и во Псковѣ Дек. 28: одну ночь ночевалъ, а на другую на Воро«ночи былъ, а третью въ Печорахъ, и паки во Псковѣ, и поѣде къ Москвѣ, «съ собою вземъ К. Володимера Андреевича: а Князь Юрій, братъ его, «оста, и той, бывъ не много, поѣде къ Москвѣ, а не управивъ своей «отчины ничего; а Князь Великій все гонялъ на мскахъ (нщакахъ), а «Христіаномъ много протори учинилъ».

Въ одномъ лѣтописцѣ нашелъ я слѣдующее сказаніе, похожее на сказку: «Какъ пріѣхалъ Великій Князь Иванъ Васильевичь съ Москвы «въ Новгородъ, и невѣдомо, какъ увѣда казну древнюю, сокровенну въ «стѣнѣ Создателемъ Св. Софеи, Княземъ Владиміромъ *Великимъ*» (нѣтъ, внукомъ Св. Владиміра), «и невѣдомо бысть о семъ никѣмъ, ниже слу«хомъ, ниже писаніемъ; и тогда пріѣхавъ нощію и начатъ пытати про «казну Ключаря Софейскаго и пономари, и много мучивъ я не допы«тався, понеже не вѣдаху; и пріиде самъ Князь Вел. на всходъ, гдѣ вос«хождаху на церковныя полати и на самомъ всходѣ, на правой сторонѣ, «повелѣ стѣну ломати, и просыпася веліе сокровище, древнія слитки въ «гривну и въ полтину и въ рубль, и насыпавъ возы, посла къ Москвѣ».

ВЫПИСКА ИЗЪ ЛѢТОПИСЕЙ СЕГО ВРЕМЕНИ:

«Февр. 3 (1540) принесены изо Ржевы на Москву двѣ иконы чу«дотворныя, образъ Пречистыя и крестъ честный; срѣтоша со кресты Ми«трополитъ и Князь Великій съ Бояры и съ народомъ близъ Новаго мо«настыря Митрополича, и повелѣ Вел. Князь на томъ мѣстѣ церковь по«ставити во имя Пречистыя. Іюня 1 поставленъ Макаріемъ Митрополи«томъ Архіепископъ Ѳеодосій Великому Новугороду и Пскову, Игуменъ «съ Хутыни.—Остави Епископію Васіанъ Коломенскій» (въ Іюнѣ 1542). «Іюля 2 поставленъ Макаріемъ Митрополитомъ Епископъ на Коломну «Ѳеодосій, Архим. отъ Спаса Новаго съ Москвы. Преставися (въ Авгу«стѣ) Архіеп. Ростов. Досиѳей и положенъ въ Ростовѣ.—Февр. 25 (1543) «поставленъ Архіеп. Ростову и Ярославлю Алексѣй, Троицкій Игуменъ «Сергіева монастыря. Тоя же зимы преставися Еписк. Ѳерапонтъ Суз«дальскій, и положенъ въ Суздалѣ. Додѣлаша (въ Сент.) церковь Воскре«сеніе на площади возлѣ Иванъ Святый подъ колоколы, а заложена по«велѣніемъ Вел. Князя Василья Ивановича въ л. 7040 (1532), а мастеръ «почалъ дѣлати и совершилъ безъ лѣствицы Петрокъ Малой Фрязинъ, а «лѣствицу и двери придѣлаша въ л. 7060 (1552) мастеры Московскіе, и «во 63 лѣто Царь и Митрополитъ въ ту же церковь принесли Рожество «Христово отъ Мстиславского двора и Соборъ уставили. Тоя же осени «бысть дожди веліи и вода велика, и ледъ пройде аки къ веснѣ».—

21 Ноября 1543 г. построили въ Новѣгородѣ восемь казенныхъ корчемныхъ дворовъ.—«Генв. 22 (1544) згорѣша избы Митрополичьи на Ми«тропол. дворѣ, а Митрополитъ ѣздилъ тогда въ Можаескъ и въ Пафну«тіевъ монастырь. Преставися Еписк. Крутицкій Досиѳей (въ Февралѣ). «Поставленъ въ Суждаль Епископъ Іона Собина, Архим. Чудовскій, «Февр. 21, и Епископъ на Крушицу Сава, Архим. Симоновскій». Былъ дорогъ хлѣбъ: *четверка* ржи стоила въ Новѣгородѣ около гривны Московской Въ 1545 г. была въ Новѣгородѣ дорога бумага: книжная десть стоила два алтына.

(154) См. *Царствен. Кн.*

(155) «Какъ наши прародители, Цари и Великіе Князи, и сродничь «нашъ, Вел. Князь Владимеръ Всеволодичъ Мономахъ».

(156) См. сей *Исторіи* Т. II, г. 1116—1123.

(157) См. тамъ же, примѣч. 220.

(158) «И покрывъ златою паволокою, на ней же саженъ крестъ би«серомъ и многоцѣннымъ каменіемъ, дасть Протопопу Ѳеодору; онъ же «пріемлетъ со страхомъ и поставляетъ у себя наверхъ главы... И пол«часа спустя, вышелъ Князь Великій изъ брусеныя, изъ столовыя избы, «и пошелъ къ Пречистой».

(159) «А Митрополитъ стоялъ на крылосѣ у своего мѣста во всемъ «Святительскомъ сану, и велѣлъ Архидіакону начати молебенъ Богоро«дицѣ и Чудотворцу Петру».—Не повторяемъ здѣсь того, что уже говорили мы въ описаніи Димитріева вѣнчанія.

(160) «И противъ Архангела осыпаша его, и на средней лѣствицѣ».

(161) Только въ одной новѣйшей рукописной *Степен. Книгѣ* упоминается здѣсь о муропомазаніи. Подробное описаніе Царскаго вѣнчанія (въ Синод. Библіот. № 355) составлено въ 1642 году. Тамъ находимъ муропомазаніе, причащеніе, нѣкоторыя новыя молитвы и поученіе Царю отъ Патріарха. Въ описаніи Царской утвари Михаила Ѳеодоровича уже говорится о *скипетрѣ* и *яблокѣ* или державѣ (см. *Никон. Лѣт.* VIII, 206).

(162) Въ Архив. *Псков. Лѣт.:* «и восхотѣ Царство устроити на «Москвѣ, и яко же написано въ Апокалипсисѣ: пять бо Царевъ минуло, «а шестой есть, но не убо бѣ пришелъ». Въ Апокалипсисѣ сказано, что пять Царей пало, одинъ (шестый) есть, а другой (седьмый) еще не пришелъ.

(163) Въ рукописной *Степен. Книгѣ* Латухина: «Удивишася вси «врази Россійской земли, невѣрніи, поганіи Царіе и нечестивіи Крали... «и послы своя съ великими дарами къ нему присылаху... Паче же Ве«ликій Салтанъ Турецкій похвальная словеса восписа ему», и проч. Грамота Патріарха Іоасафа находится между Греческими дѣлами въ Архивѣ, № 1, л. 175. Іоасафъ пишетъ: «Понеже убо наше смиреніе вѣрно увѣ«дахомъ не точію преданіемъ многихъ достовѣрныхъ мужей, но и писа«ніемъ и сказаніемъ Лѣтописца, яко нынѣшній наставшій Царь Москов«скій Іоаннъ отъ роду своего и крови Царскіе ведется, иже отъ тоя «приснопамятныя Царицы и Владычицы Госпожи *Анны* сестры Само«дерьжца и Царя Багрянороднаго *Мономаха*, *въ шестыхъ же* отъ благо«чест. Царя Констянтина, и съ тогдашнимъ Патріархомъ и со Священ. «Архіереи Собора Костянтинаграда послаша Митрополита Ефесского и «Антіохійского изрядноначальнѣйшего Епарха и вѣнчаша благочест. Вел. «Князя Владимера на Царство, и дароваша его тогда Царьскимъ вѣн«цемъ на главу его, и діадимою украшенною бисеромъ и инымъ Царь«скимъ знаменіемъ... и Преосвящ. Митрополитъ Московскій и всея Ве«ликія Россіи Господинъ Макарей вѣнчалъ Благочест. Князя на Царство «закономъ; и мы же единымъ образомъ уложихомъ, и благословили его... «и собраша Митрополитовъ и Епископовъ содѣйствомъ и благодатію Св.

«Духа, еже быти и зватися ему Царемъ, законно и благочестно вѣнчан-«ному вкупѣ и отъ насъ и отъ нашея Церкви», и проч. Если Патріархъ говоритъ объ *Аннѣ* супругѣ Владиміра Святаго, то братъ ея Константинъ не именовался *Мономахомъ*.

Курбскій пишетъ: «Посла Царь Ѳеодорита (инока) Соловецкаго къ «Патріарху Константинограда просити о Царскомъ вѣнчаніи, и ходи «вяще года, и принесе отъ Патріарха благословеніе, и книгу Царскаго «вѣнчанія присла Патріархъ съ Митрополитомъ своимъ и Михаиломъ «Протопсальтомъ Пресвитеромъ. Царь же подарова Ѳеодорита тремя сты «серебреными и шубою соболей подъ аксамитомъ; онъ же взя точію «25 сребреники».

(164) Въ Архив. *Псков. Лът.*: «поя Княгиню Настасью у *вдовы* у «Романовскія Юрьевича».

См. Собран. Госуд. Грамотъ, Т. II, стр. 43. Въ Новгородъ для выбора невѣстъ былъ посланъ Окольничій И. Д. Шеинъ, а въ Вязьму Князь И. С. Мезецкій и Дворцовый Дьякъ Гаврило Щенокъ, съ слѣдующими грамотами: «Велѣлъ есми (Царь) смотрити у васъ дочерей «дѣвокъ, намъ невѣсты... а которой дочь дѣвку у себя утаить, и тому «быть въ великой опалѣ и въ казни». Въ грамотѣ къ жителямъ Вязмы и Дорогобужа сказано: «Вы дочерей своихъ не везете, а нашихъ гра «мотъ не слушаете—и вы то чините не гораздо». и проч.

Описаніе сей Іоанновой свадьбы см. въ *Рос. Вівліов*, XIII, 29. Тамъ сказано: «На первый день въ большомъ мѣстѣ сидѣлъ за столомъ братъ «В. К., К. Юрій Вас., а въ материно мѣсто была Княгиня Ьфросинья, «а въ Тысяцкихъ К. Володимеръ Андр». (сынъ ея); «а въ дружкахъ съ «В. К. сторону Бояринъ К. Дм. Ѳед. Бѣльской съ женою, да Бояринъ «Ив. Мих. Юрьева съ женою; а съ Вел. Княгини сторону Бояр. К. Ив. «Ив. Пронской съ женою, да быть было Вас. Мих. Тючкову, и не былъ «за тѣмъ, что убился съ коня, а была жена его, а въ его мѣсто дружка «Мих. Яков. Морозовъ; а въ свахахъ Ѳедорова жена Михайловича На-«гова Авдотъя... Въ казнѣ Вел. Княгини были и въ хоромахъ сидѣли у «платья Дьяки Сукинъ и Захаровъ; а къ вѣнчанью шелъ за саньми Су-«кинъ же; а у завтраковъ во всѣ три дни былъ онъ же, и свадебные «списки были у него же. А на В. Князя мѣстѣ сидѣлъ К. Дмитріевъ «сынъ Бѣльскаго Иванъ; а у мѣста съ чарками стоялъ Дьякъ Боканъ, и «какъ голову чесали, да вѣнецъ держалъ онъ же... А у постели былъ Боринъ «К. Юр. Вас. Глинской, а Боярыни Княгиня В. В. Шуйскова, да Кня-«гиня Юрьева, Вас. Глинскова, Ксенія... А К. Ив. Ѳед. Мстиславской, «да Никита Ром. Юрьевъ спали у постели... а постелю слалъ Бояринъ «Ю. В. Глинской, а съ нимъ *Алексѣй* да *Данило* Ѳедорова дѣти *Адашева*... «а мыльню топилъ Ив. Як. Чеботовъ; а у воды были Казариновъ и два «Подъячихъ; а у платья Окольничей Мансуровъ, да Дьякъ Никита *Фу-«никовъ;* а колпакъ держалъ К. Ю. Шемякинъ. А въ мыльнѣ мылись съ «В. К. Бояринъ К. Ю. В. Глинской... Спальники и мовники К. Ив. Ѳед. «Мстиславской, да К. Ю. Шемякинъ, да Никита Ром., да *Алексѣй Ада-«шевъ;* а съ платьемъ бѣлымъ и съ поясы ходилъ къ мыльнѣ Постель-«ничей Мансуровъ... А ѣздилъ около подклѣта Бояринъ и Конюшей Мих. «В. Глинской... а вино несъ къ церкви въ скляницѣ Дворецкой Хабаровъ». Далѣе сказано, кто несъ свѣчи, фонарь, короваи, зголовья, коверъ, скамьи; кто слалъ камки и положилъ *миндеръ* подъ ноги новобрачнымъ.

Въ родословныхъ Книгахъ сказано, что Андрей Ивановичъ Кобыла имѣлъ брата Ѳедора Шевлягу; что у Андрея былъ сынъ Ѳедоръ Кошка, у Ѳедора Иванъ, у Ивана Захарія, у Захаріи Юрій, у Юрія Романъ, у Романа Данило, Долматъ и Никита. Сестра Анастасіи, Анна, была супру-

гою Князя Сицкаго. — Новѣйшіе повѣствователи увѣряютъ, что отецъ Андреевъ былъ Князь Прусской, одинъ изъ потомковъ перваго Царя Латышскаго, Видвуша; что сей Князь, выѣхавъ къ намъ съ двумя сыновьями, крестился въ 1287 году и былъ названъ Іоанномъ. См. объ Андреѣ Кобылѣ сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 365.

(165) Въ лѣтописяхъ именно сказано, что *предобрая* Анастасія *наставляла* и *приводила Іоанна на всякія добродѣтели*. Рѣчь Митр. Макарія къ новобрачнымъ, Царю и Царицѣ, напечатана въ *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 227. Онъ велитъ имъ посѣщать церкви и темницы, любить родныхъ, чтить Духовенство, жаловать Бояръ и народъ, не слушать клеветниковъ, праздновать Воскресеніе и другіе святые дни, наблюдать посты, *совокупляться* только *въ благополучное время*, и проч.

(166) Въ *Царствен. Кн.* 142: «Въ тѣ поры Глинскіе у Государя въ «приближеніи и въ жалованіи (были), а отъ людей ихъ чернымъ людемъ «насильство и грабежъ: они же ихъ отъ того не унимаху».

(167) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Въ лѣто 7055 (1547) въ Петровъ «постъ Псковичи послаша 70 человѣкъ на Москву жаловатися на На«мѣстника на Турунтая, и оны жалобщики били челомъ Государю на «сельцѣ на Островкѣ, и Государь опалился на Псковичь сихъ... безче«ствовалъ обливаючи виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да «свѣчю зажигалъ, и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ по земли: и въ ту «пору на Москвѣ колоколъ благовѣстникъ напрасно отпаде, и Государь «поѣде къ Москвѣ, а жалобщиковъ не истеря». Въ *Царствен. Кн.*: «Іюня «3 начаша благовѣстити Вечерню, и отломишася уши у колокола у бла«говѣстника, и паде съ деревянные колокольницы, а не разбися».

(168) См. Курбскаго.

(169) На примѣръ, въ государствованіе Донскаго и Темнаго.

(170) «Загорѣся лавка въ *Москотинномъ* (нынѣ Москотильномъ) «ряду... Сгорѣша церкви и монастырь Богоявленской и Ильинской... У «рѣки у Москвы въ стрѣльницѣ загорѣшесь зеліе пушечное», и проч.

(171) «Загорѣся за Яузою на Болвановьѣ... и церковь Спасъ въ Чи«гасовѣ монастырѣ; подпись тоя чудна была Діонисія иконописца — и «Лыщиково погорѣ по Яузу».

(172) См. *Стоглавъ*.

(173) «Загорѣся Воздвиженіе на Арбатской улицѣ на островѣ... и «промчеся огнь и до восполія Неглинною, и Черторіе погорѣ до Семгин«ского сельца, возлѣ рѣку Москву, и до Ѳедора Св. на Арбатской; и «обратися буря на градъ большой, загорѣся у Соборныя церкви верхъ, «и на Царскомъ дворѣ кровли и избы древяныя, и полаты, украшенныя «златомъ, и казенной дворъ съ Царскою казною, и церковь на Царскомъ «дворѣ у Царскія казны, Благовѣщеніе златоверхая, Дейсусъ Андреева «письма Рублева златомъ обложенъ и образы многоцѣнныя Греческаго «письма прародителей его... и оружничая палата вся погорѣ, и постель«ная съ казною, и въ погребѣхъ на Царскомъ дворѣ подъ полатами, вы«горѣ все древяное въ нихъ, и конюшня Царская... и дворъ Митропо«личь... И пойде Митрополитъ изъ церкви, и несъ на собѣ Пречистую «Петрова Чудотворцова письма, а Протопопъ Гурій несъ за нимъ *пра«вила*» (Въ Латухин. *Степен. Кн.* сказано, что они привезены Митрополитомъ Кипріаномъ)... «и съ нимъ шелъ Татищевъ, Княжь Владиміровъ «Ясельничей, да Священникъ Соборной Пречистенской Жижелевъ Иванъ, «и тѣ оба сгорѣли на площади... а Протопопъ Гурій пробылъ на тайникѣ... «Едины мощи Св. Алексія сохранены быша, а Старцовъ (въ Чудовѣ) «сгорѣша по погребомъ и по полатамъ 18, а слугъ 8; а въ Вознесенскомъ «10 Старецъ: токмо единъ образъ Пречистыя Протопопъ вынесъ... А въ

«другомъ градѣ (Китаѣ) двѣ церкви Богъ сохранилъ, на рвѣ Рожество «Христово, да Рожество Пречистыя, да на Никольскомъ крестцѣ лавокъ «съ десять... А за городомъ большой посадъ сгорѣ возлѣ Неглинну, пу- «шечной дворъ... и Рожественская улица и монастырь Рожественской до «Николы до Драчевскаго монастыря, а по Устрѣтенской до Стефана Св., «а по Ильинской, до Флора Св. въ Мясницкѣхъ, а Покровскою по Васи- «лій Св., а Варварскою всѣ Святые, и Св. Пятница, и Рожество Пречи- «стыя, и Никола Подкопаевъ, и Флоръ Св. у конюшни, и конюшня Вел. «Князя, и по Воронцовской дворъ и по Илію подъ Сосенки; а Великою «улицею возлѣ Москвы рѣки, и Никола Кошелевъ и Андрей Св., и Воз- «движеніе у рѣки Москвы, и Козьма и Даміанъ, и Кулишка вся, и возлѣ «Яузу по Воронцовской садъ, и по законюшни по Смолину улицу. А отъ «города за рвомъ на площадкѣ отъ Преображенія не горѣша дворы до «Всѣхъ Святыхъ по Варварскую улицу на Кулишкѣ, а позадь погорѣша «всѣ дворы», и проч. Въ Латухин. *Степен. Кн.:* «Василій юродивый (на «канунѣ пожара) пріиде въ монастырь Воздвиженія, иже зовется на «Островѣ, и ста предъ церковію, къ ней же умильно зря, и умно молитву «творя, и плакашеся неутѣшно. Людіе, видяще его, дивляхуся... Желѣзо «яко олово разливашеся и мѣдь яко вода растаяваше».

(174) См. *Царствен. Кн.* 142. Самъ Царь Іоаннъ въ грамотѣ къ К. Андрею Курбскому пишетъ: «Множество народа, воскричавъ Іудейскимъ «обычаемъ, пріидоша Соборныя церкви въ предѣлъ Св. Великомученика «Димитрія Селунскаго, и изымавъ Боярина нашего, К. Юрья Вас. Глин- «скаго, безчеловѣчнѣ выволокли въ Соборную церковь и убиша безвинно «въ церкви противъ Митрополича мѣста, и кровію его помостъ церков- «ный окровивше».

(175) «Много же и Дѣтей Боярскихъ незнакомыхъ побиша изъ Сѣ- «веры, называючи ихъ Глинского людьми».

(176) См. Курбскаго.

(177) Курбскій: «И аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему, не «вѣмъ, аще истинные, или токмо ужасновеніе пущающе буйства его «ради и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ умыслилъ было себѣ сіе, «яко многажды и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати мечтатель- «ными страхи».

(178) См. Курбскаго и *Стоглавъ*, гдѣ самъ Іоаннъ говоритъ о тогдашнемъ своемъ исправленіи.

(179) Курбскій: «Съ нимъ же (Сильвестромъ) соединяется въ обще- «піе единъ благородный тогда юноша къ доброму и полезному обществу, «именемъ Алексѣй Адашевъ: Цареви же той Алексѣй въ то время зѣло «любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ *общей вещи* зѣло полезенъ, и отчасти «въ нѣкоторыхъ нравѣхъ Ангеломъ подобенъ; и аще бы все по ряду «изъявилъ о немъ, воистину вѣрѣ не подобно было бы предъ грубыми «и мірскими людьми».

(180) «Приходиша многіе люди чернь скопомъ къ Государю, глаго- «люще нелѣпая, что будто Государь хоронитъ у себя Княгиню Анну и «К. Михайла». Левекъ вообразилъ, что подъ словомъ *черн* разумѣются Монахи, и пишетъ: Le Clerge eut l'audace d'aller trouver le Tsar, de le prier ou plutot de lui ordonner de livrer Anne et celui de ses fils qui vivoit encore. Вотъ не маловажная ошибка! Слѣдуетъ и другая. Лѣто- писецъ говоритъ о черни: «оныхъ же мнози разбѣгошася»; а Левекъ: «Elle (la famille de Glinsky) fut obligée de fuir et de se disperser. C'est peut etre la seule fois qu'on puisse accuser Ivan de foibles e». *Обвинять въ слабости* того, кто велѣлъ немедленно казнить мятежниковъ!

(181) См. Курбскаго. Самъ Іоаннъ говоритъ Московскому Собору 1551 году, описавъ бѣдствіе пожара: «Отъ сего убо вниде страхъ въ «душу мою... и припадохъ ко твоему Первосвятительству и ко всѣмъ, «еже съ тобою Святителемъ, съ истиннымъ покаяніемъ прося прощенія, «еже злѣ содѣяхъ; и Божія ради великія милости получихъ отъ васъ «миръ и благословеніе и прощеніе».

(182) Сія любопытная рѣчь находится въ Архив. *Степен. Книгъ* Хрущова. Выписываемъ оную отъ слова до слова: «Повелѣ (Іоаннъ) «собрати свое Государство изъ городовъ всякаго чина, и въ день Не«дѣльный изыде со кресты на лобное мѣсто, и совершивъ молебная, нача «рѣчь говорити къ Митрополиту: *Молю тя, Св. Владыко, да будеши по«мощникъ намъ и любви поборникъ. Вѣмъ, блага дѣла и любви желатель «еси. Азъ, Владыко, и самъ ты вѣси, яко азъ остался отца своего четы«рехъ лѣтъ; а матери своей осми лѣтъ. Родители о мнѣ не брегоша, а «сильніи мои Бояре и Вельможи о мнѣ не радѣша и самовластни быша, «и сами себѣ саны и чести похитиша моимъ именемъ, имъ же нѣсть воз«браняющаго, и во многіе корысти и въ хищенія и въ обиды упражняхуся. «Азъ же яко глухъ, и не слышахъ, и не имый во устѣхъ своихъ обличенія «юности ради моея и пустоты. Они же властвоваху... О неправедніи «лихоимцы и хищницы и неправедный судъ по себѣ творяще! что нынѣ «намъ отвѣтъ даете, иже многія слезы на ся воздвигосте? Азъ же чистъ «отъ крове сея. Ожидайте воздаянія своего.* И всѣмъ поклонися на всѣ «страны, и глагола: *Людіе Божіи, и намъ дарованіи Богомъ! молю «вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Нынѣ вашихъ обидъ и разореній «и налогъ исправити невозможно замедленія ради юности моея и пустоты «и безпомощства, и неправдъ ради Бояръ моихъ и властей, и бесчудства «неправеднаго и лихоимання, и сребролюбія. Молю васъ, оставите другъ «другу вражды и тяготы свои, развѣ елико чего большаго дѣля не вмѣстно; «и въ томъ и въ иныхъ вновь я вамъ, елико вмѣстно намъ, самъ буду судія «и оборона, и неправды разорятн, и хищенія возвращати».* Въ сей *Степен. Кн.* сказано, что Іоанну было тогда 20 лѣтъ: не 20, а 17, если онъ говорилъ эту рѣчь скоро послѣ бывшаго пожара.

(183) Въ *Столавѣ* пишетъ Іоаннъ: «*Въ предидущее лѣто* былъ есми «вамъ (Святителямъ) челомъ и съ Боляры своими о своемъ согрѣшеніи» (см. выше, примѣч. 181), «а Боляре также: и вы насъ въ нашихъ ви«нахъ благословили и простили; а язъ по вашему прощенію и благосло«венію Боляръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и «простилъ; да имъ же заповѣдалъ со всѣми Христіаны Царствія своего «въ прежнихъ во всякихъ дѣлѣхъ помиритись на срокъ; и Боляре мои «всѣ и приказныя люди и кормлейщики со всѣми землями помирилися «во всякихъ дѣлѣхъ. Да благословилися есьмы у васъ *тогда же* Судеб«никъ исправити по старинѣ». Судебникъ уже былъ написанъ въ 1550 году: слѣдственно прощеніе Бояръ и всеобщій миръ относятся не къ сему году, а къ прошедшимъ.

(184) Въ Архив. *Степен. Кн.* Хрущова: «Въ той день *пожаловалъ «въ Окольничіе* Адашева, и говорилъ рѣчь ему: «Алексіе! взялъ я тебя «отъ нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей, слышахъ о твоихъ добрыхъ «дѣлахъ, и нынѣ взыскахъ тебе выше мѣры твоея, ради помощи души «моей; хотя и твоего желанія на сіе нѣтъ, но обаче азъ возжелахъ не «токмо тебе, но и иныхъ такихъ, ктобъ печаль мою утолилъ и на люди «моя, Богомъ врученныя намъ, призрѣлъ. Вручаю тебѣ челобитныя пріи«мати у бѣдныхъ и обидимыхъ, и назирати ихъ съ разсмотрѣніемъ. Да «не убоишися сильныхъ и славныхъ, восхитившихъ чести на ся, и «своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ погубляющихъ; ни (вѣрити)

«бѣднаго слезамъ ложнымъ и клеветающимъ напрасно на богатыхъ, хо-
«тящимъ ложными слезами неправедно оболгати и правыми быти; но
«ся» (долженъ ты) «испытно разсмотряти и къ намъ истину приносити
«бояся суда Божія.—И избра судей правдивыхъ отъ Боляръ и отъ Вель-
«можъ, и глагола имъ ту рѣчь съ прещеніемъ; и оттолѣ нача и самъ
«судити многіе суды и разыскивати праведно». Алексѣй Адашевъ по
списку Бояръ и чиновниковъ Двора (см. Древ. *Рос. Вивліоѳ.* XX, 40)
былъ пожалованъ въ Окольничіе уже въ 1555 году.

(185) См. Курбскаго.

(186) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Тогда бо и къ Опочки послалъ Князь
«Великой Воеводу съ 2000 вой Салтана ради Сукиныхъ: той бо Салтанъ
«пошлинникъ много сотворилъ зла, и Опочане изымавъ въ крѣпость по-
«садили». Сіе случилось послѣ 1547 и прежде 1551 года. См. также
Курбскаго.—Въ библіотекѣ Волоколамскаго монастыря, въ книгѣ подъ
No 666, л. 164, находится списокъ грамоты Новогород. Архіеп. Ѳеодосія
къ Іоанну, писанной около сего времени. Въ ней сказано: «Бога ради,
«Государь! промысли о своей отчинѣ, о В. Новѣгородѣ! Что ся нынѣ въ
«ней чинитъ? Въ корчмахъ безпрестани души погибаютъ безъ покаянія и
«причастіа, въ домѣхъ и на путехъ, и на торжищехъ убійства и граб-
«леніа во градѣ и по погостомъ: прохода и проѣзду нѣтъ. Кромѣ тобя,
«Государя, того душевнаго вреду и треволненіа внѣшняго уставити не-
«кому. Пишу не яко уча твое остроуміе и благодарную премудрость (ни
«бо лѣпо намъ забыти своея мѣры и на таковыя дерзати), но яко уче-
«никъ учителю, и яко рабъ Государю воспоминаю тобѣ. Далъ ти есть
«Небесный Царь скипетръ земнаго Царствія, да человѣки научиши
«правду хранити. Яко кормчій бдитъ всегда, тако и Царскій многоочи-
«тый твой умъ съдержитъ твердо добраго закона правило, иссушаа крѣпко
«беззаконіа потоки, да корабль всемірныя жизни не погрязнетъ волнами
«смущеніа. Отверзи Царскіа своя уши въ нужи страждущимъ, да обря-
«щеши Божій слухъ собѣ отверзенъ... Солнцу свое дѣло свѣтити лучами
«всю тварь: Царю же добрыя дѣтели», и проч.

(187) См. Курбскаго.

(188) Въ *Царствен. Кн.* 146: «Генв. 6 (1549) Протопопъ Благовѣ-
«щенской Ѳедоръ Барминъ разнеможеся, и пріиде на него страхованіе;
«онъ же опросися въ Чернцы у Государя, а пострижеся у Михайлова Чуда».

(189) Князь Юрій женился 3 Ноября 1547. См. описаніе его свадьбы
«въ *Древ Рос. Вивліоѳ.* XIII, 36. Тамъ сказано: «Приговорилъ Государь
«(Сент. 18) брата своего женити, и ходилъ съ нимъ къ Митрополиту,
«чтобы его благословилъ... И Царь велѣлъ Бояромъ и Княземъ дочери
«привести на Царской дворъ... и дѣвокъ смотрѣли, и полюбилъ К. Юрій
«Княжну Ульяну... Въ Дружкахъ (Царь) велѣлъ быти Боярину Ив. Григ.
«Морозову, да Вас. Сем. Карпову» (а ихъ женамъ и Свахахъ)... «А со
«Княгинину сторону Сем. Ив. Морозову съ женою, да Дворецкому Дол-
«мату Ѳед. Карпову съ женою; а со К. Юрьемъ ѣхать къ вѣнчанью и
«по монастырямъ Боярину К. Мих. Ив. Кубенскому... а ходить передъ
«Княземъ А. Квашнину... а у постели Тверскому Дворецкому Вас. Мих.
«Юрьеву, да Казначею Ѳ. Сукину, а Боярынямъ Романовѣ женѣ Юрье-
«вича, да Даниловѣ женѣ Романовича, да *Алексѣевъ женъ Адашеви*
«*Настасьи*... а спати у постели и ѣздити со Княземъ и въ мыльнѣ
«мытися К. Ив. Ѳед. Мстиславскому, Н. Романовичу Юрьеву, К. Ив.
«Ив. Шемякину, Ив. Петров. Яковлеву... а у коня и кругъ сѣнника
«ѣздити Ив. Колычеву, а колпакъ держати Ив. П. Яковлеву... Да велѣлъ
«Царь нарядити середнюю палату, образы Богородицы поставить на
«всѣхъ сторонахъ, и мѣста нарядить, гдѣ сидѣть Князю и Княгинѣ; да

«положити на нихъ зголовья мѣстныя, да по сороку соболей; а у мѣста «быти Сем. Вас. Яковля, да Ив. Мих. Юрьева; а постелю слати Дво«рецкому Тверскому, да Казначею Ѳ. Сукину, *Алексѣю да Даніилъ Ѳедо«ровымъ дѣтямъ Адашева*, Алексѣю Сатину, да Боярынямъ. А какъ «постелютъ, и Князь готовъ, и Государь пошелъ въ заднюю палату, а «Царицѣ велѣлъ итти въ среднюю, а предъ Царицею Дѣти Боярскіе, да «Попъ съ крестомъ и Св. водою, а за Попомъ съ свѣчами и съ коро«ваями, да свахи со Княжною, а за Княжною Царица... И Царь вшелъ «и сѣлъ возлѣ Царицы, а по К. Юрья послалъ... и его благословилъ, и «Священникъ благословилъ же; и К. Юрій сѣлъ на мѣсто, и голову че«сала Князю и Княгинѣ Царица; а у нее чару держалъ съ виномъ и «гребень Дьякъ... а осыпала Князя и Княгиню Царица и сорокомъ со«больми опахивала Царица, и давала ширинки всему поѣзду. И поси«дѣвъ Царь отпустилъ К. Юрья къ вѣнчанью... а К. Ульяну опослѣ... «Митрополитъ взялъ К. Юрья за руку, да поставилъ противъ Царскихъ «дверей на камкѣ и соболяхъ, да Княгиню рядомъ, да взялъ у нихъ «перстни золоты, да положилъ на Евангеліе... и обручалъ». (Слѣдуетъ «вѣнчаніе и поздравленіе).. «Отъ церкви К. Юрій поѣхалъ къ Царю, а «Княгиня къ Царицѣ... И Царь цѣловался съ нимъ, и Бояре... и К. «Юрій завтракавъ поѣхалъ по монастырямъ... И какъ куры подали» (за свадебнымъ обѣдомъ) «и Царь велѣлъ К. Юрью встати, да итти передъ «собою до палатныхъ дверей, а Княгиню его велъ за руку. К. Юрій «сталъ за порогомъ, а Царь ему говорилъ рѣчь: *Юрій братъ! Божіимъ «велѣніемъ, а нашимъ жалованьемъ велѣлъ тебѣ Богъ женитися, а поняти «жену Княгиню Ульяну, и ты свою жену держи по томъ, какъ Богъ «устроилъ*. Да взявъ его за руку, далъ ему Княгиню.. и во дворѣ ихъ «осыпала Царица (хмѣлемъ). А на-завтрѣе К. Юрій какъ былъ въ «мыльнѣ, и Царь посылалъ къ нему свое жалованье платье, а Княгиню «его шелъ вскрылъ самъ; а какъ Князь Юрій пришелъ къ Царю, и Ца«рица велѣла ставити передъ него овощи, и подавала вино... И того «дня Царь ѣлъ у К. Юрья съ Царицею; а послѣ стола К. Юрій про«силъ Царя, чтобъ пожаловалъ, былъ веселъ», и проч.—К. Юрій тогда же переѣхалъ жить во дворецъ.

Въ 1547 г. вошли въ Бояре Дворецкій Ив. Ив. Хабаровъ, Григорій Юрьевичъ Захарьинъ, К. Данило Дмитріевичъ Пронскій, К. Дм. Ѳед. Палецкій, и К. Ѳед. Андр. Куракинъ-Булгаковъ.

(190) На его мѣсто былъ пожалованъ К. Вас. Вас. Чулокъ-Ушатой, а въ 1550 году Бояринъ Ив. Петр. Ѳедоровъ.

(191) Глинскій съ Турунтаемъ бѣжалъ 5 Ноября 1548. «И К. Петръ «Ив. Шуйской (съ Дворянами) дошелъ ихъ во Ржевскихъ мѣстѣхъ, въ «непроходимыхъ тѣснотахъ. Они же, послышавъ за собою погоню, и «узнаша, что имъ уйти невозможно изъ тѣхъ тѣснотъ, и они возврати«шась ко Царю, и хотѣша въѣхати въ городъ тайно на Москву и бити «челомъ Царю, что они не бѣгали, и поѣхали были молитися Пречистой «въ Оковецъ; и К. Ив. Турунтая изымаша въ Завтреню у новаго города «въ воротѣхъ Неглименскихъ, а онъ хотѣлъ войти въ городъ съ Попы; «а К. Михайла изымалъ К. Петръ Шуйской на посадѣ во дворѣ у Воз«несенія, у хорошія колокольницы за Неглинною на Никитской улицѣ «11 Ноября».

(192) Со временъ Донскаго.

(193) «Мая 18 (г. 1550) Царь и Вел. Князь пожаловалъ Князя Вла«димера Андреевича женилъ, взялъ за него дщерь Александрову Нагово «Евдокею; а свадьба была у Царя на дворѣ, и вѣнчалъ ихъ Макарій «Митрополитъ». См. описаніе сей свадьбы въ *Вивліоѳ.* XIII, 46. Тамъ

сказано: «Сент. въ 1 день (1549) приговорилъ Государь женить брата «своего, К. Володимера Андр... и пересмотрѣть у Бояръ и Князей до«черей... а свадьбу отложилъ для своего походу къ Казани... И Маія въ «24 въ Недѣлю смотрѣлъ Царь и К. Володимеръ дѣвокъ, и полюбилъ «дочь Нагова... а свадьбѣ быть въ Недѣлю Маія въ 31» (сіи числа были «Воскресными днями въ 1551 году). Далѣе описываются свадебные обряды, уже извѣстные Читателю.

(194) На примѣръ въ Судебникѣ: «Царь и Вел. Князь *съ своею «братьею* и съ Бояры уложилъ».

(195) См. указъ 1556 г. *о кормленіяхъ и о службѣ*, въ прибавленіяхъ къ Судебнику.

(196) См. въ прибавленіяхъ къ Судебнику указъ 1550 г. о мѣстничествѣ.

(197) См. *Стоглавъ* въ Синод. Библіот. No 524. На Соборѣ были, кромѣ Митрополита, Ѳеодосій Архіеп. Новогородскій, Никандръ Арх. Ростовскій, Трифонъ Еп. Суздальскій, Гурій Смоленскій, Кассіанъ Рязанскій, Акакій Тверскій, Ѳеодосій Коломенскій, Савва Сарскій и Подонскій, Кипріанъ Пермскій.

(198) См. *Стоглавъ* л. 12 и 14 на об. Вотъ слова его: «Навыкохъ ихъ злокозненнымъ обычаямъ, тая же мудрствовати яко же и они; и «отъ того времени какихъ золъ не сотворихомъ предъ Богомъ?»

(199) Тамъ же, л. 12—19.

(200) Вел. Князь Василій Іоанновичь далъ Присяжныхъ Новугороду, а К. Иванъ Бѣльскій Пскову, какъ мы уже сказали выше.

(201) Въ *Стоглавѣ*, л. 22: «По вашему благословенію Судебникъ «исправили и великія заповѣди написали... Да устроилъ по всѣмъ зем«лямъ моего Царствія Старосты и Цѣловальники и Сотскіе и Пятидесят«никовъ по всѣмъ градомъ и по пригородомъ, и по волостемъ и по по«гостомъ, и Дѣтей Боярскихъ, и уставныя грамоты подписалъ. Сей Су«дебникъ предъ вами, и уставныя грамоты прочтете и разсудите, чтобы «было наше дѣло по Бозѣ въ родъ и родъ неподвижимо по вашему бла«гословенію, аще достойно сіе дѣло, на Св. Соборѣ утвердивъ, и подпи«сати Судебникъ и на уставной грамотѣ, которой въ казнѣ быти: *дана «сія соборнѣ*». Въ Судебникѣ, гл. 68: «Въ которыхъ волостяхъ напередъ «сего Старосты и Цѣловальниковъ не было, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ во«лостехъ быти Старостамъ и Цѣловальникамъ.. А безъ Старостъ и безъ «Цѣловальниковъ Намѣстникомъ и Волостелемъ и ихъ Тіуномъ не судити».

(202) Вотъ заглавіе сего устава: *Царскіе вопросы и Соборные отвѣты о многоразличныхъ Церковныхъ чинѣхъ*. Послѣ будемъ говорить объ немъ въ особенной статьѣ.

(203) См. *Древ. Рос. Вивліов.* XIV, 266, грамоту Новогород. Архіеп. Геннадія къ Митрополиту Симону (писанную около 1500 года), гдѣ сказано: «Приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю дати чести Апостолъ, и «онъ не умѣетъ ни ступити... И язъ велю имъ азбуку учити, и онъ по«учився мало, да просится прочь... А моей силы нѣтъ, что ихъ не учивъ «мнѣ ставити», и проч.

(204) Въ концѣ *Стоглава:* «Лѣта 7059, Маія въ 11 день, Царь и «Вел. Князь приговорилъ со отцемъ своимъ съ Макаріемъ Митрополитомъ «и со Архіепископы и Епископы и со всѣмъ Соборомъ, что впредь «Архіепископомъ и Епископомъ и монастыремъ вотчинъ безъ Царева и «Вел. Князя вѣдома и безъ докладу не покупати ни у кого, а Княземъ «и Дѣтемъ Боярскимъ и всякимъ людемъ вотчинъ безъ докладу имъ не «продавати; а кто купитъ или кто продастъ, и у тѣхъ, кто купитъ, деньги «пропали, а у продавца вотчина: а взяти вотчину на Государя Царя

«безденежно».—Въ Глушицкомъ (Вологодскомъ) монастырѣ есть грамота Вел. Князя Іоанна Вас., писанная къ Игумену Ѳеодосію въ 1535 году (слѣдственно еще въ малолѣтство Іоанново), въ коей уже запрещается монастырямъ покупать и брать въ закладъ вотчины безъ вѣдома Государева. См. *Исторію Рос. Іерархіи* III, 712.

(205) См. Preussisches Archiv, von Faber, стр. 6. Іоаннъ Шлиттъ или Шлитте былъ родомъ изъ Гослара.

(206) У Гадебуша (Livl. Jahrbüch. I, 389) умножено сіе число до трехъ сотъ; но по бумагамъ самого Шлитта, хранящимся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ, ихъ было 123 человѣка: 4 Ѳеолога, 4 Медика, 2 Юриста, 4 Аптекаря, 2 Оператора, 8 цырюльниковъ, 8 подлекарей, 1 плавильщикъ, 2 колодезника, 2 мельника, 3 плотника, 12 каменщиковъ, 8 столяровъ, 2 Архитектора, 2 литейщика, 1 стекольщикъ, 1 бумажный мастеръ, 2 рудокопа, 1 человѣкъ искусный въ водоводствѣ, 5 толмачей, 2 слесаря, 2 часовщика, 1 садовникъ для винограда, другой для хмѣля, 1 пивоваръ, 1 денежникъ, 1 пробирщикъ, 2 повара, 1 пирожникъ, 1 солеваръ, 1 карточникъ, 1 ткачь, 4 каретника, 1 скорнякъ, 1 маслобой, 1 горшешникъ, 1 типографщикъ, 2 кузнеца, 1 мѣдникъ, 1 коренщикъ, 1 пѣвецъ, 1 органистъ, 1 шерстобой, 1 сокольникъ, 1 штукатуръ, 1 мастеръ для варенія квасцовъ, другой для варенія сѣры, 4 золотаря, 1 площильщикъ, 1 переплетчикъ, 1 портной.

(207) См. Preuss. Archiv. Шлиттъ, сидя въ заключеніи, уговорилъ одного Доктора Правъ, Іоанна Цегендера, ѣхать отъ него съ письмомъ въ Москву; но сей Докторъ былъ остановленъ въ Ливоніи и сидѣлъ 5 лѣтъ въ темницѣ. Шлиттъ послалъ къ Царю другое донесеніе съ Брауншвейгскимъ купцемъ, Арнольдомъ Пенномъ, который для своей безопасности списалъ оное собственною рукою, а подлинное возвратилъ Шлитту: въѣхавъ благополучно въ Россію, онъ вздумалъ назваться Шлиттомъ и съ великою честію прибылъ въ Москву; но Государь изъявилъ ему гнѣвъ за такой обманъ, и не хотѣлъ вѣрить бумагамъ, писаннымъ не Шлиттовою рукою, однакожь безъ наказанія отпустилъ его назадъ въ Германію. Черезъ полтора года Шлиттъ бѣжалъ изъ Любекской темницы, и въ 1555 году, 5 Марта, писалъ къ Царю изъ Аугсбурга, требуя денегъ и новой вѣрющей грамоты; увѣрялъ, что исполнитъ данное ему порученіе; дѣйствительно старался о томъ на Сеймѣ Аугсбургскомъ, но не имѣлъ успѣха, и послалъ какого-то Іоанна Фоглера, Цюрихскаго уроженца, къ Царю съ кипою бумагъ, относящихся къ образованію Россіи. Фоглеръ уѣхалъ въ Италію, и тамъ заложилъ сіи бумаги. Одинъ изъ его заимодавцевъ, Вентъ Ценге, выкупилъ ихъ, привезъ въ Аугсбургъ, и требовалъ денегъ съ Шлитта; но Шлиттъ скрылся и лѣтомъ въ 1557 году былъ уже въ Москвѣ, куда отправился Вентъ Ценге, который, проѣзжая чрезъ Кенигсбергъ, далъ списокъ со всѣхъ бумагъ Шлиттовыхъ Герцогу Прусскому, Альбрехту. Сей списокъ уцѣлѣлъ въ Кенигсбергскомъ Архивѣ. Шлиттъ предлагаетъ, чтобы Посолъ Россійскій, всегда находясь при особѣ Императора, имѣлъ у себя Доктора и Магистра Богословіи, двухъ Докторовъ Правъ, Гофмейстера, Медика, двухъ Секретарей, нѣсколько другихъ чиновниковъ, Пажей, слугъ, искусныхъ поваровъ; давалъ обѣды, пиры и на все издерживалъ болѣе шестидесяти тысячь талеровъ.

Сей-то Шлиттъ сочинилъ отъ имени Царя Іоанна письмо къ Карлу V, напечатанное въ Materialien zu der Rus. Geschichte, I, 431 — 460, весьма не глупое, отчасти и достопамятное, но содержащее въ себѣ нѣсколько историческихъ ошибокъ; на примѣръ, тамъ сказано, что *предки Іоанновы* посылали на Соборъ въ Констанцію Григорія, Архіепископа Кіевскаго, съ другими пятью Епископами (сіи Епископы были *Литов-*

ские, посыланные Витовтомъ: см. Т. V, примѣч. 242); что Василій, отецъ Іоанновъ, въ 1523 году чрезъ Посланника Димитрія предлагалъ Папѣ соединить Церковь Восточную съ Западною (грубая ложь: см. Т. VII, г. 1526); что Императоръ, Фридерикъ III, былъ женатъ на *Зимбургѣ* (Zimburga), дочери *Московскаго Герцога*, именемъ *Симонита!!* Переведемъ нѣкоторыя мѣста изъ сей длинной *эпистоліи*, писанной совсѣмъ не въ духѣ Русскомъ, и безъ сомнѣнія отверженной Царемъ: «Желая соедине-«нія Вѣръ, мы (Іоаннъ) хотѣли имѣть ученыхъ Богослововъ Нѣмецкихъ, «чтобы они узнали нашъ Законъ, а мы вашъ Латинскій; искали также «Архитекторовъ для строенія крѣпостей, искали пушечниковъ, оружей-«никовъ, дабы съ успѣхомъ отражать невѣрныхъ, Татаръ, Скиѳовъ.. «Дружелюбный отвѣтъ твой (Карла V), изъ Аугсбурга отъ 31 Генв. 1548, «дошелъ до насъ весьма поздно, и то въ спискѣ, отъ зависти и злосло-«вія негодныхъ корыстолюбцевъ, торгующихъ въ Россіи (Ганзейскихъ «купцевъ)... Они будутъ наказаны... Вопреки ихъ клеветамъ, мы издревле «Христіане истинные... Дѣдъ, отецъ мой сколько варварскихъ земель «покорили единственно во славу Христа!.. У насъ вездѣ множество «церквей: въ одномъ Кремлѣ Московскомъ 16, а въ Новѣгородѣ болѣе, «чѣмъ дней въ году, какъ то пишетъ ученый Севастіанъ Мюнстеръ въ «своей Космографіи... Каждой Россіянинъ носитъ крестъ на груди... Для «удобнѣйшаго сношенія съ Имперіею хотимъ имѣть всегдашняго Посла, «Нѣмца, при твоей особѣ, или въ Аугсбургѣ, знаменитѣйшемъ городѣ, «отъ коего до Москвы онъ учредитъ почту; а его, какъ искуснаго въ «дѣлахъ церковныхъ и государственныхъ, мы сдѣлали Кавалеромъ по-«ваго Россійскаго Ордена... Чрезъ Господъ Фугкеровъ, Антонія и Іоанна, «славныхъ богатствомъ въ Европѣ, мы доставимъ 750,000 талеровъ, обѣ-«щанныхъ нами Имперіи для войны съ Турками... Пришлемъ и войско «съ братомъ моимъ, Георгіемъ... Мы одного происхожденія съ Нѣмцами: «ихъ предки жили въ Скиѳіи и Сарматіи; многіе древніе города наши, «рѣки, горы, лѣса, называются Нѣмецкими именами... Для того выписы-«ваемъ ученыхъ не изъ Франціи, не изъ Италіи, а изъ Германіи... Же-«лаемъ имѣть полкъ Нѣмецкій... Дадимъ Имперіи, въ залогъ вѣрности, «25 молодыхъ Князей... Пылаемъ ревностію итти на Царьградъ, до коего, «отъ насъ не далеко», и проч.

(208) См. Гадебуша Livl. Jahrbuch. I, 388.

(209) См. Курбскаго.

(210) Сей походъ былъ въ 1547 и 1548 году: «По леду поступити «невозможно, и многіе люди въ продушинахъ потопоша, занежѳ подъ «водою продушинъ не знати». Царь возвратился въ Москву 7 Марта.

(211) 18 Февраля. Они 7 дней воевали Казанскія окрестности и благополучно вышли. Подъ Казанію убитъ тогда Дворянинъ Григорій Шереметевъ.—Въ *Казан. Лѣт.* названы Предводителями. К. Семенъ Микулинскій и Василій Оболенскій-Серебряный, которые будто бы ходили водою къ Казани, встрѣтили Сафа-Гирея на ловлѣ, побили у него 3000 человѣкъ и могли бы взять Казань: ибо Вельможи ея разъѣхались гулять по деревнямъ. Тамъ же сказано, что Сафа-Гирей послалъ 20,000 воиновъ вслѣдъ за Россіянами, которые, узнавъ о томъ, засѣли въ крѣпкихъ мѣстахъ, и нечаянно напавъ на оплошнаго непріятеля, убили 17,000 человѣкъ, плѣнили 2000, а 1000 прогнали назадъ. Это басня.

(212) Въ Окт. 1548.

(213) См. Дѣла Польскія, No 4, стр. 1—80. Послы уѣхали было 10 Февр., а 13 утвердили перемиріе. Съ грамотою ѣздили отъ насъ въ Литву Бояринъ Мих. Яков. Морозовъ, Дворецкій Рязанскій Петръ Вас. Морозовъ и Дьякъ Карачаровъ.

(214) См. тамъ же, стр. 80 — 195. Споры о пограничныхъ земляхъ продолжались.

(215) Въ Дѣлахъ Крымскихъ, No 9, л. 57: «На недруга своего на «Астраханскаго ходили есмя, и Богъ милосердье Свое учинилъ: взяли «есмя Юртъ его; хотѣли есмя держати, да за тѣмъ покинули, что мѣсто «не добро; и мы того для людей ихъ и Улусовъ ихъ тамъ не оставили: «всѣхъ пригонили къ себѣ. И какъ оттолѣ пошли есмя назадъ въ свою «землю, и заходили есмя на *Кабайтерскые* Черкасы, да и дань есмя на «нихъ положили... А послѣ ходили на *Кайтаки*», и проч.

(216) См. тамъ же, л. 30 на об. и 56 на об.

(217) Тамъ же, л. 51: «Князь Великій приговорилъ своего Посла въ «Крымъ не послати и на КрымскихъОсловъ опалу положити, для того, «что Крымской Царь Подъячаго Ляпуна соромотилъ, носъ и уши зашивали, и обнажа по базару водили, и на гонцѣхъ тридевять поминковъ «напрасно емлетъ, а нынѣ Вел. Князя людей 55 человѣкъ себѣ похолопили». Это было еще въ 1546 году.

(218) Въ *Казан. Лѣт.*: «Сафа-Гирей ньянъ лице свое умывая, и напрасно запенся о умывальный теремецъ, и главою весь о землю разразися и умре того же дни, и приказа Царство меньшей Царицѣ Нагаянынѣ; тріемъ же Царицамъ раздѣли равно имѣніе Царско, и отпустити повелѣ въ отчествія ихъ; онѣ же возвратишася: большая въ Сибирь ко отцу своему, вторая же въ Астрахань ко отцу своему, Астраханскому Царю; третья же въ Крымъ къ братьѣ своей, Княземъ Ширинскимъ: четвертая же бѣ Руская, плѣненна дщи нѣкоего Князя славна, и та по возвращеніи Царя изъ Нагай умре въ Казани». Но въ послѣдствіи увидимъ, что одна изъ женъ Сафа-Гиреевыхъ, кромѣ Сююнбеки, оставалась въ Казани, и вышла за Шигъ-Алея. Въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Казанцы и Крымцы съ общаго согласія объявили Утемишъ-Гирея Царемъ.

(219) Въ *Царствен. Кн.*: «А въ Крымъ послали просити помочи и сверстного Царя, и Царя и Вел. Князя Казаки Урачко съ товарищи «пословъ Казанскихъ побили и ерлыки ихъ поймали и къ Государю при«слали... Іюля 6 прислалъ къ Царю и Вел. Князю изъ Казани Утемишъ«Гирей Царь своего человѣка съ грамотою о миру».

(220) «Большаго полку Воеводѣ Боярину К. Дмитрею Θед. Бѣлскому, «да К. Володимеру Ив. Воротынскому — передоваго полку Воеводѣ К. «Петру Ив. Шуйскому и К. Вас. Θед. Лопатину—правой руки Боярину «К. Александрѣ Борис. Горбатаго, да Дворецкому Углецкому, Князю «Вас. Сем. Серебреного — лѣвой Руки К. Мих. Ив. Воротынскому, да «Бор. Ив. Салтыкову — сторожевому Боярину К. Юрью Ив. Кашину... «А изъ Володимера прислалъ Царь и Вел. Князь по Макарія Митро«полита, и Митрополитъ, да Крутицкій Владыка Сава съ своимъ Собо«ромъ пріѣхали въ Володимеръ... Дек. 20 отпустилъ Царь и Вел. Князь «съ нарядомъ въ Нижній Боярина Вас. Мих. Юрьева, а Шигъ-Алею и «Царевичу Едигерю и Воеводамъ, кои збиралися съ людьми по городомъ, «и тѣмъ велѣли быти въ Нижнемъ Генваря; а самъ пойде изъ Володи«мера Генв. 7, а въ Нижній пришелъ Генв. 18; а изъ Нижнева пошелъ «Генв. 23».

(221) См. Курбскаго. Сей Историкъ ставитъ Іоанна въ примѣръ Государямъ Западнымъ, которые любятъ сидѣть дома играть въ карты; оставляютъ своимъ Полководцамъ сражаться за ихъ честь, а сами только-что забавляются.

(222) *Казан. Лѣт.* говоритъ, что неудача Россіянъ произошла, можетъ быть, отъ искусства Казанскихъ волхвовъ, и что Іоаннъ, восшедши

на Круглую гору, только въ умѣ назначилъ быть тутъ крѣпости, не объявивъ никому своей мысли. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано противное. См. *Никон. Лът.* 70.

(223) Въ *Казан. Лът.*: «Глаголютъ же о томъ Воеводѣ, яко большая измѣна бѣ въ немъ, и сего ради Казанцы, ходяще войною, не «воеваху селъ и градовъ его, но около ихъ обхожаху, и ни единого ку«ряти не взимаху».

(224) См. выше.

(225) Государь выѣхалъ 20 Іюля, а возвратился въ Москву Авг. 23.

(226) «Дек. 26 пришли войною Уразлы Мурза, да Отай Мурза, да «Телякъ Мурза и иные... и Воеводы съ Рязани К. Петръ Мих. Щепя«тевъ, да К. Александръ Воротынской, да отъ Николы Заразскаго К. «Дм. Ив. Пуиковъ сошлись вмѣстѣ, и вездѣ ихъ побивали... и изъ «Елатмы К. Костянтинъ Ив. Курлятевъ, да Семенъ Шереметевъ, да «Степанъ Сидоровъ также, и сошлись вмѣстѣ... и пришли снѣга великіе «и морозы и позябли многіе (Ногаи), а достальныхъ вольные Казаки «Вел. Князя побили до Волги, и пришелъ въ Нагаи Арасланъ Мурза, «да Отай, а всего съ ними пѣшихъ 50».

(227) См. Дѣла Ногайскія, No 3, л. 111, 112, 135 на об. и 158; см также *Никон. Лът.* 72.

(228) Въ *Синод. Лът.* No 351: «поставленіе Новаграда Свіяжскаго. «нареченнаго во Царьское имя *Иванградъ*». Сіе имя исчезло. Въ *Царствен. Кн.*: «Государь призываетъ къ себѣ Діака своего, Ив. Григор «Выродкова, и посылаетъ, а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ на Волгу въ «Углецкой Уѣздъ, въ Ушатыхъ вотчину, церквей и города рубити, и въ «судѣхъ съ Воеводами нанизъ везти». Въ числѣ Казанскихъ Вельможъ, бывшихъ тогда у насъ, именуются Костровъ Князь, *Чапкунъ* и *Бурнашъ*. К. Симеонъ Микулинскій съ Окольничими Владиміромъ Вас. Морозовымъ и Ѳедоромъ Григор. Адашевымъ (отцемъ любимца Государева, Алексѣя) шелъ впереди къ устью Свіяги; ему надлежало быть градоначальникомъ въ Свіяжскѣ. Изъ Мещеры было послано туда 5000 конныхъ и пѣшихъ Козаковъ. Свіяжскъ, какъ сказано, основанъ между Свіягою и Щучьимъ озеромъ.

(229) «А пришелъ (К. Серебряный) на Казанскій посадъ на 1 часу «дни не со всѣми людьми; многіе заблудилися: мгла бо велика тогда быстъ на «Волгѣ». Лѣтописцы разсказываютъ здѣсь о знаменіяхъ, бывшихъ на Свіягѣ рѣкѣ, о чудесномъ колокольномъ звонѣ, о явленіи Св. Сергія, о пророчествахъ и чудесахъ въ Казани. На примѣръ: «Отъ коровы родися «дѣтищь человѣческимъ образомъ, и внезапу премѣнися въ совершенна «мужа вооруженна и глаголаше зрящимъ на него: *повинуйтеся безъ лу«кавства Московскому Государю!*... и абіе невидимъ бысть... Рыболовы «извлекоша мрежу и видѣша въ ней человѣка стара лежаща и глаго«люща къ нимъ: *поспѣшите умолити Московскаго Царя*. Они же хотѣша «убити его; онъ же ввержеся въ рѣку... Во градѣ же Казани имѣяху «многія избы вкопаны въ землю отъ Русскаго стрѣлянія огненнаго, и во «едину вшедшимъ Татаромъ, и видѣша ю теплу и благовонну, яко же «Христіанскую избу, и печь полну хлѣбовъ пшеничныхъ, и во «единой «странѣ постеля вельможска, на ней же лежаше мужъ сѣдъ, и рече: *не «будете противни Москов. Царю*... и абіе невидимъ бысть, ни одръ, ни «хлѣбы, ни благоміе, но смрадъ ощутись», и проч.

(230) «Городъ же, которой сверху привезенъ, на половину тое горы «сталъ, а другую половину тотчасъ здѣлали».

(231) «Шигъ-Алей съ тѣмъ послалъ (въ Москву) Дворецкаго своего «Шабаса Князя Шамова, а Бояре Ивана Шишкина».—Въ *Казан. Лът.*:

«Двѣ бо Черемисы въ Казан. области, а языки ихъ три; четвертый же «варварскій. Едина Черемиса объ сю страну Волги сидитъ по удоліямъ «и словетъ Горная, а другая объ оную Луговая; а всѣ тѣ люди земле- «пашцы и трудники и злолютые ратники. Въ той же странѣ Луговой «есть Черемиса Коктажская и Ветлужская, живутъ въ пустыняхъ лѣсныхъ, «ни сѣютъ, ни орютъ, но ловомъ звѣринымъ и рыбнымъ и войною пи- «таются и живутъ аки дикіе».

(232) «И послалъ Государь съ золотыми къ Воеводамъ Стряпчаго «Игнатія Вешнякова — и Воеводы Горнихъ людей, Князей и Мурзъ, и «Сотныхъ Князей и Десятныхъ, и Чувашу и Черемису, и Мордву, и «*Можаровъ* и *Тархановъ* привели къ правдѣ... Да послали ихъ къ Казани, «а съ ними смотрѣти Петра Турова да Алексѣя Ершева, и Горніе «собрався много да пошли — и перевезли ихъ Казаки подъ Тарлошью «да на Каменномъ перевозѣ, и пошли къ городу Іюня, и пришли на «Арское поле, и вышли къ нимъ всѣ Казанскіе люди и Крымцы, и би- «лися крѣпко, и вывезли на нихъ пушки, и Чуваша и Черемиса дрогнули «и побѣжали; а Казанцы убили у нихъ человѣкъ со сто, и 50 живыхъ «поймали. А Шигъ-Алей и Воеводы ходили въ тѣ поры на Гостинъ «островъ, и за Волгою стояли на Теренъ-Узякѣ; а Горніе люди къ нимъ «прибѣжали, и велѣли ихъ опять за рѣку возить... Горніе же люди ѣздили «къ Государю во все лѣто человѣкъ по пяти сотъ, и онъ жаловалъ Кня- «зей и Мурзъ и Сотныхъ Казаковъ шубами съ бархаты съ золотомъ, «инымъ камчаты и атласныя, а молодымъ однорядки и сукна и шубы «бѣльи».

(233) «И пріѣхали къ Государю служити многіе Князи и Мурзы, и «Государь, ихъ жалуючи, опять отпущалъ во «Свіяжской городъ, а велѣ «ихъ тутъ устраивати».

(234) «И приходили Чуваша Арская съ боемъ на Крымцевъ: *о чемъ-де «не біете челомъ Государю?* на Царевъ дворъ и Кощякъ Уланъ съ това- «рищи съ ними бился, и побили Чувашу». См. еще *Казан. Лът.*

(235) «И Крымцы, пограбя что возможно, побѣжали 300 человѣкъ «Улановъ и Князей, и Азсевъ, и Мурзъ и Казаковъ добрыхъ, опричь «ихъ людей, и прибѣжали на Каму, а тутъ стоятъ Дѣти Боярскіе и «Стрѣльцы—и прибѣжали къ Вяткѣ, а тутъ стоялъ Бахтеяръ Зузинъ съ «Вятчаны да Казаки утаяся, и Крымцы, подѣлавъ тары, па повезлись, «и Вятчаны и Казаки побили ихъ и потопили». Въ *Казан. Лът.* ска- зано, что Государь предлагалъ Кощаку креститься.

(236) «А Казанцы прислали къ Шигъ-Алею и къ Воеводамъ Куль- «шерифъ-Молну, да Тюменскаго Князя Бибарса, да К. Растова, и срокъ «учинили не воевати ихъ 20 дней... и Казанцы послали къ Государю «Енбарса Мурзу, Растова сына, и подали Государю челобитную отъ «земли, Кудайгулъ Уланъ въ головахъ, да Муралей Князь, и вся земля, «Молны и Сеиты, Шихи и Шихзады и Молзады, и Мамы, и Ази, и «Афази, Князи и Уланы, и Мурзы, и Ички дворные и задворные, Ка- «заки и Чуваша, и Черемиса, и Мордва, и Тарханы, и Можары».— Адашевъ пріѣхалъ къ Шигъ-Алею Авг. 6. Далѣе: «Авг. въ 9 къ Царю «Шигъ-Алею и къ Воеводамъ пріѣхали изъ Казани Молна Касымъ, да «Бибарсъ Князь, и иные... и они были во многомъ заперлися, и Царь «имъ велѣлъ итти съ Бояры въ Боярскіе шатры, и дѣлати по Государе- «реву наказу... Бояре же ни во единомъ ихъ лукавствѣ не поступили... «и прислали изъ Казани, что Царя Утемишъ-Гирея и Царицу Сююн- «беку везутъ, и Бояре велѣли бы встрѣтить; и Воеводы послали К. Петра «Сем. Серебренаго съ Дѣтьми Боярскими, и встрѣтилъ ихъ на Казан- «скомъ устьѣ». *Казан. Лът.* баснословитъ, что Алей хотѣлъ тогда же-

ниться на Сююнбекѣ, по что она прислала ему ядъ въ кушаньѣ и въ одеждѣ; что Алей далъ первое собакѣ, и собака издохла; надѣлъ вторую на преступника, и преступникъ упалъ мертвый. Это напоминаетъ Медею. Сююнбека была послѣ женою Алея, какъ увидимъ.

(237) См. *Казан. Лѣт.* Но то не правда, чтобы К. Серебряный-Оболенскій взялъ Царицу въ Казани и вывезъ оттуда всѣ Царскія сокровища. Сей Лѣтописецъ, не всегда достовѣрный, говоритъ: «Москов. «Воевода, К. Василій (Петръ) Серебряный, вшедъ въ Казань съ 3000 «вооруженныхъ и съ 1000 огненныхъ Стрѣльцовъ, ятъ Царицу и со «Царевичемъ яко смирную нѣкую птицу въ полатахъ ея. Аще бы вѣ- «дала изыманіе свое, то сама бы ся убила. Вшедъ же къ ней Воевода «съ Казанскими Вельможами, одѣянъ въ златую одежду, и ста предъ «нею съемши златый шлыкъ, и рече ей слово тихо и честно: поимана «еси, вольная Царица, Великимъ Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ... «Той отъемлетъ Царство твое и предастъ тя въ руцѣ великому и бла- «гочест. Царю Ивану Васильевичу... Она же воспрянувъ отъ мѣста «Царского и ста поддержима подъ руку двѣмя рабынями, и отвѣща: «буди воля Божія и Самодержца Московскаго!... и разразися о полъ... И «хотяху Казанцы Воеводу убити; но не даша имъ властели ихъ и біяша «ихъ шалыгами и ботаги. Воевода же дастъ ей 10 дней пробыть въ по- «латахъ своихъ за крѣпкими стражами; и Цареву казну запечата и на- «полни 12 лодей златомъ и сребромъ... И влѣзши Царица въ мечеть, и «роздра верхнія ризы своя, и паде у гроба Царева, власы своя тер- «зающе и лице свое дерущe». Слѣдуетъ ея плачь, напоминающій Евдо- кіинъ (супруги Донскаго). На примѣръ: «О милый мой Царю! виждь «Царицу свою, ея же любилъ паче всѣхъ: се ведома въ плѣнъ иноязыч- «ными воины и съ любимымъ сыномъ твоимъ... Увы! почто рано зайде «красота твоя отъ очію моею подъ темною землею, оставивъ меня си- «ротою? Увы мнѣ! гдѣ тамо живеши, да пойду и живу съ тобою? Почто «ны остави здѣ? Предаемся въ руцѣ Москов. Царю: мнѣ единой не мо- «гущей противитися силѣ и крѣпости его, и не имѣхъ помогающихъ мнѣ. «Аще бы отъ иного коего Царя плѣнена быхъ была языка нашего и «Вѣры, то шла бы и не тужила. Увы милый мой Царю! отверзи мнѣ «темный свой гробъ, и буди намъ гробъ твой единъ тебѣ и мнѣ Царская «наша ложница и свѣтлая палата!... Пріими юную Царицу свою, да не «насладятся иновѣрцы красоты моея!... Кому печаль мою возвѣщу? «сыну ли? но той еще млечныя пищи требуетъ. Или отцу моему? но той «далече. Казанцамъ ли? но они чрезъ клятву отдаютъ меня. Увы милый «Царю! не отвѣщаеши ничто же. Се при дверяхъ немилостивые воины «стоятъ, и хотятъ мя яко звѣріе дивіи восхитити. Царица быхъ, нынѣ «же горькая плѣнница и раба убогая; за радость и за веселіе слезы «горькія постигоша насъ. Уже плакатися не могу, ослѣпостивъ очима, «и премолче гласъ мой отъ вопля».—Самъ Воевода нашъ, смотря на нее, плакалъ, какъ сказано въ сей лѣтописи. Далѣе: «Царица же, егда пове- «зена бысть къ Москвѣ, горько плакашеся, Волгою ѣдучи, зряще прямо «на Казань и глаголюще: Горе тебѣ, градъ кровавый и унылый! Спаде «вѣнецъ съ главы твоея, и яко вдова являешися, осиротѣвши, и рабъ «еси, а не Государь: прейде бо слава твоя; ты же изнемогши падеся, «яко звѣрь не имущій главы. Не срамъ ти есть: аще бы и Вавилонскія «столпы и Римскія стѣны имѣлъ еси, то никако отъ таковаго Царя «сильнаго устояти не возмоглъ бы еси. Царство Царемъ премудрымъ «самодержится, а не стѣнами и столпами. Царь твой сильный умре, и «Воеводы изнемогоша... Гдѣ нынѣ Царскія твои пирове и веселія? Гдѣ «Улановъ и Князей твоихъ красованіе и величіе? Гдѣ младыхъ женъ и

«красныхъ дѣвицъ ликовъ и пѣсни и плясаніе? Въ тебѣ рѣки медвеныя «(медовыя) и потоцы винныя течаху: нынѣ же людей твоихъ крови про«ливаются и слезъ горячихъ источницы протекаютъ, и не изсякнутъ, и «мечь Русскій не отымется, дондеже въ тебѣ вся люди твоя изгибнутъ. «Увы мнѣ! гдѣ возьму птицу борзолетающую глаголющую языкомъ чело«вѣческимъ, да пошлю къ отцу моему и къ матери, да возвѣститъ слу«чившееся чаду ихъ? Суди Богъ и мсти супостату нашему, злому Шигъ«Алею, не хотящу мя плѣнницу поняти и большею женою имѣти!» и проч. Тутъ же сказано, что Казанцы выдали Алею Сента своего, коему онъ велѣлъ отрубить голову.

Царица только ночевала въ Свіяжскѣ. Бибарсъ Князь и Алимердинъ Азій привезли двухъ сыновей Кощака Улана и другихъ дѣтей знатныхъ Крымцевъ. Сююнбека пріѣхала въ Москву Сент. 5.

(238) «Авг. 13 Шигъ-Алей и Воеводы пріѣхали на Казанское устье «и стали отъ Волги до Бежболды, а вверхъ двѣ версты, а за Казань «внизъ до Царева лугу... И Царь Шигъ-Алей и вся земля Казанская «на томъ Государю правду дали, что имъ въ Горнюю сторону не вступатися, да и въ половину Волги, а ловцемъ ловити по своимъ полови«намъ... И къ правдѣ ходили по сту человѣкъ и по двѣстѣ и по триста... «Авг. 16 Шигъ-Алей поѣхалъ на Царство въ Казань, а съ нимъ 300 «человѣкъ Городецкихъ Князей и Мурзъ и Козаковъ, да 200 Стрѣль«цовъ Царя и Вел. Князя; а жили всѣ у Царя на дворѣ... И того дни «(Авг. 17) Шигъ-Алей отдалъ Бояромъ 2700 плѣнниковъ; а Бояре по«слали къ Государю Данила Θед. Адашева, да Стрѣлецкого Голову Ив. Черемисинова, и пріѣхали въ Москву Авг. 28.»

(239) «Бояре К. Юрій Мих. и Данила Ром. со всѣми людьми сво«ими пошли къ Государю вверхъ Волгою, а К. Дм. Хилковъ черезъ «Горнюю сторону къ Мурому». Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов. сказано, что Государь прислалъ чиновника въ Новгородъ съ вѣстію о покореніи Казани, и что тамъ былъ церковный звонъ во весь день.

(240) «Прислалъ Шигъ-Алей къ Государю гонца, что отпущаетъ «пословъ своихъ Большихъ; а отъ Боярина и отъ Діака Ив. Выродкова «пригонилъ Сынъ Боярской, что Казанцы въ полону не прямятъ... Того жъ «мѣсяца (Сент.) отпустилъ Государь къ Шигъ-Алею Боярина К. Дм. «Θед. Палецкого, да съ нимъ Діака Ив. Клобукова, съ жалованьемъ къ «Царю... И Шигъ-Алей Ив. Ив. Хабарова отпустилъ къ Государю... Окт. «пришли Послы Казан. Карча большой Ширинъ, Муралей К. Булатовъ, «да Шибасъ К. Шамовъ, и говорили, чтобы Государь Горніе стороны «Царю поступился, или бы ясаковъ оттуда придалъ, и пожаловалъ бы «велѣлъ правду учинити землѣ Казанской на томъ, на чемъ земля Го«сударю правду дала... Велѣлъ Государь имъ отвѣтъ учинити Боярину «Ив. Вас. Шереметеву, да Алексѣю Адашеву, что съ Горніе стороны «къ Казани ни одной деньги не отдавывать, а о правдѣ, что Казанцы еще «многой полонъ у себя держатъ, и какъ свободятъ весь, и Государь «тогда правду учинитъ; а вы здѣ побудьте... Того же мѣсяца пріѣхали «Бояринъ Хабаровъ, да Ив. Выродковъ, а сказывали, что Казанцы куютъ «и по ямамъ полонъ сажаютъ, и Шигъ-Алей не добрѣ прямитъ... а ска«зываютъ ему, что Казанскіе Князи ссылаются въ Ногаи».

(241) «Ноября 14 пригонилъ къ Государю изъ Казани Уразымъ «Мурза; а отъ К. Дмитрея Митька Волоховъ, что Князья Казан. Би«барсъ и многіе иные ссылаются на Царя въ Ногаи, и хотѣли убить «его и Боярина К. Дмитрея, и Царь довѣдалъ то и грамоты ссыльныя «у нихъ повыималъ... А убилъ Царь Бибарса съ братіею, Кодыша бо«гатыря, Карамышъ-Улана... Да приказывалъ Шигъ-Алей и К. Дмитрей,

«что Муралей и Костровъ К. ихъ же дума, и чтобы ихъ не отпускать «въ Казань. А Муралей и Костровъ били челомъ, чтобы Государь по«жаловалъ по ихъ жены послалъ».

(242) Въ *Синод. Лът.* No 351: «Дай мнѣ, К. Дмитрей, правду на «томъ, что меня Вел. Князю не убити и къ Городку придати что при«гоже; а язъ здѣсь лихихъ людей еще изведу, да пушки и пищали и «зелiе перепорчю; и Государь приди самъ, да примышляй... Да К. Дми«трея и Алексѣя отпустилъ къ Государю, а у Царя К. Дмитрей оста«вилъ Ив. Черемисинова съ Стрѣльцы... и какъ пріѣхалъ на Свіягу, и «говорили ему Князи, которые живутъ на Свіягѣ, Чапкунъ и Бурнашъ, «что слышатъ отъ земли, что Казанцы весною хотятъ измѣнити Государя«рю, а Шигъ-Алея не любятъ, и Государь бы промышлялъ — а и Гор«нимъ не угонимъ... И Государь послалъ къ Шигъ-Алею Семена Яр«цова, чтобы жилъ брежно отъ Казанцевъ». — Въ Генв. послы Казанскiе предложили Іоанну свергнуть Шигъ-Алея. Въ Февр. поѣхалъ Адашевъ въ Казань.

(243) См. Синод. Лѣт. No 351. Тамъ же сказано, что Адашевъ уговаривалъ Шигъ-Алея остаться въ Казани до весны, но онъ не хотѣлъ того, боясь лишиться жизни; что первый требовалъ отъ него казни злодѣя Касымъ-Молны и другихъ мятежниковъ. Алей выѣхалъ Марта 6, и привезъ въ Свіяжскъ 84 человѣка изъ Вельможъ Казанскихъ.

(244) Они прежде были въ Москвѣ у Государя. Съ ними поѣхалъ въ Казань Ив. Черемисиновъ.

«И на завтрiе пріѣхали въ Свіяжской городъ изъ Казани Куда«гулъ Уланъ, да многiе Молны и Князи, да Ив. Черемисиновъ, и Чап«кунъ и Бурнашъ, и правду Бояромъ дали, и у Бояръ правду взяли, «что имъ жаловати Казанцевъ, какъ въ иныхъ городѣхъ Вел. Князя; да «говорили Бояре, чтобъ Царицу Шигъ-Алееву, *меншицу* Цареву» (то есть, младшую жену; а въ другихъ спискахъ *измѣнщицу*) «прислали... «а Шигъ-Алей объ ней Бояромъ говорилъ... И К. Семенъ послалъ въ «Казань Ив. Черемисинова и толмача Ѳедька Палецкого, да Дѣтей «Боярскихъ къ правдѣ людей приводити и смотрѣти, нѣтъ ли лиха... и Че«ремисиновъ прислалъ къ Бояромъ, что лиха нѣтъ: Царицу отпускаютъ; «а сельскiе люди, давъ правду, по селомъ разѣзжаются; да пришлите и «кошъ свой легкой съ ѣствою, да съ нимъ Козаковъ сто, и они на «Царевѣ дворѣ пригодятся на всякое дѣло... и Бояре отпустили 70 Ко«заковъ, а пищалей 72... и К. Семенъ, да Ив. Вас. Шереметевъ, да «К. Петръ Серебреной съ товарищи поѣхали къ Казани; а въ сторож. «полку К. Ѳедоръ Ромодановской, да Казанцы всѣ, которыхъ Царь «вывелъ... И на Волгѣ у Ирихова острова встрѣтили ихъ Шамся Князь, «да Ханкилдей и иные... и Царицу встрѣтили Бояре на Волгѣ же... а въ «Казань и изъ Казани Дѣти Боярскiе ѣздятъ, а сказываютъ, что всѣ «люди ради, а Черемисиновъ иныхъ еще къ правдѣ приводитъ»...

(245) «И какъ на Бежбольду Воеводы пріѣхали, и поѣхали напе«редъ въ городъ отъ Воеводъ Исламъ Князь, да Кебякъ К., да Алексѣй «Мурза Чюринъ, братъ Нарыкова; а Бояре ихъ не брегли, потому что «всѣ ихъ Князи выручили».—Мы слѣдуемъ достовѣрному Лѣтописцу «Московскому; а Казанскiй многое не такъ разсказываетъ: выписываемъ нѣкоторыя мѣста изъ него:

«Шигъ-Алей» (сдѣлавшись Царемъ въ Казани) «вшедъ въ градъ «бережно, и пристави ко всѣмъ вратомъ своя ратники, и ключи врат«ные повелѣ на всяку нощь Воеводѣ своему приносити; также и двора «его стрежаху по 1000 огненныхъ Стрѣльцовъ въ день, а въ нощь по «3000; Воеводскаго же двора стрежаху по 500 въ день, а въ нощь по

«1000. На котораго Казанца окомъ ярымъ или перстомъ показа, они же «вскорѣ того разсѣкаху на кусы... Бѣгунъ Казанскій, Князь Чапкупъ, «прибѣжа на Русь служити, и Государь дасть ему великъ домъ на Мо«сквѣ. Окаянный же служилъ 5 лѣтъ, и моляшеся, да отпущенъ будетъ «въ Казань... и паки приложися къ Казанцамъ, жены своей послушавъ... «и пойдоша Казанцы къ Воеводамъ и облыгаютъ Шигъ-Алея, яко хо«четъ измѣнити Государю... Воеводы же послаша къ Москвѣ, яко да «изведетъ Государь Шигъ-Алея изъ Казани. Государь же, прочетъ гра«моту, дивися, что нова лесть явися въ немъ на старость его, и отписа «ему, да оставитъ Царство; а на мѣсто его повелѣ быти К. Петру Шуй«скому... Шигъ-Алей же повелѣ Уланамъ и Княземъ проводити себя до «Свіяжского града... и повелѣ врата градная затворити, и поймаша 700 «человѣкъ,» и проч.

(246) «И встрѣтилъ Воеводъ на Булакѣ Ив. Черемисиновъ, да Ку«лалей Князь... И пріѣхали Воеводы къ Царевымъ воротамъ... а ихъ «тутъ встрѣтилъ Кудагулъ Уланъ и иные, а говорятъ: боятся-де люди «побою, а насъ не слушаютъ... И велѣли Воеводы изымати Кудагулъ«Улана и Лимана К. съ сыномъ, Шамсу К., Чуру К. Кадыева, Бого«дана К. Арского, Ханкилдея К., и иныхъ Князей и Козаковъ, да «которыхъ Царь вывелъ, тѣхъ всѣхъ же переимали... И стояли, но«чевавъ, до полдень и ссылалися... и пришли въ Свіяжской городъ «Марта 12».

ВЫПИСКА ИЗЪ ЛѢТОПИСЕЙ СЕГО ВРЕМЕНИ:

Въ 1547 г. 30 Генв. поставленъ Москов. Богоявленскій Игуменъ Кириакъ въ Епископы на Пермь. 30 Іюля, въ 9 часу дня, явилась туча съ зимняго Запада надъ Москвою и шелъ градъ величиною съ лѣсное яблоко. Дек. 20 въ Новѣгородѣ Царь уничтожилъ корчмы: «да«вали по Концамъ и по улицамъ Старостамъ на 30 человѣкъ двѣ бочки «пива, да 6 ведеръ меду, да вина горскаго полтора ведра на разрубъ».— Генв. 13, въ 1548, въ 3 часъ ночи, было въ Москвѣ сѣверное сіяніе: «явишась на набеси многіе лучи на полунощной странѣ аки огненные, «и быша чрезъ всю нощь и до утреней зари. Февр. 9 въ нощи яви«шася лучи на полунощной же странѣ и предъ Заутренею истухоша. «Апрѣля 22 поставленъ бысть Епископъ на Рязань Архимандр. Чудов«скій Михаилъ. Юня 1, въ 14 часъ дни, взошла туча съ зимнего За«паду, и молонья велика, и громъ страшенъ, а загорѣся отъ молніи «верхъ терема Воробьевскаго, и сгорѣ теремъ и всѣ хоромы на Цар«скомъ дворѣ въ Воробьевѣ. Іюня 21 Царь и Вел. Князь пойде пѣшъ «къ Живоначальной Троицѣ и съ своею Царицею и съ братомъ, и «возвратися на Москву 28 Іюня. Сент. 14 пойде пѣше Царица къ «Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, а Царь поѣхалъ туда же 22 Сент.; а «оттуда въ отъѣздъ на свою Царскую потѣху и съ своею Царицею въ «Слободу и въ Дмитровъ, и въ Звенигородъ, и въ Можаескъ, а на Мо«скву пріѣхалъ Окт. 28.—Февр. 25 (г. 1549) въ нощи явися свѣтъ на «полунощной странѣ аки заря предъ восходомъ солнечнымъ и стоя до «утренней зори. Марта 10 поставленъ бысть Епископъ въ Суждаль, «Архим. Симоновскій Трифонъ, а Марта 17 Архіеп. въ Ростовъ, Игу«менъ Троицкій Никандръ». Въ Новѣгородѣ 14 Мая отрыли въ землѣ 12 человѣческихъ тѣлъ, совершенно цѣлыхъ: Царь и Митрополитъ велѣли ихъ похоронить Соборомъ, въ ямѣ за олтаремъ Св. Софіи, въ одномъ гробѣ. «Авг. 10, въ 4 часъ нощи,' родися Царю дщи, Царевна «Анна; и пріѣхалъ Царь въ Новой Дѣвичь Монастырь и обложилъ «храмъ Св. Богоотецъ Іоакима и Анны, и ту слушалъ Всенощную и

«Заутреню, и во утріе церковь священалъ, и дщерь свою крестилъ; а «крестилъ ее Старецъ Андреянъ Андроновы Пустыни, да Старецъ Гена- «дій Сирарайскія Пустыни, а дѣйствовалъ Священническая Игуменъ «Троицкій Серапіонъ Курцовъ. Дек. 30 Государь въ В. Новѣгородѣ «порушилъ ряды и грамоты рядовыя собралъ въ казну.—Авг. (г. 1550) «преставися Царевна Анна, и положена въ Новомъ Дѣвичьемъ мона- «стырѣ. Мѣсяца Сент. позлащенъ бысть верхъ большой у Соборной «церкви Пречистыя. Окт. 26 слитъ большой колоколъ и поставленъ у «Архангела за олтаремъ на древяной колокольницѣ» (въ Москвѣ). Въ *Новог. Лѣт.* Малинов., въ описаніи пожара, сказано, что онъ былъ по Московскимъ часамъ въ третьемъ часу, а по Новогородскимъ въ шестомъ.—Марта 17 (г. 1551) «въ 10 часъ нощи родися Царю дочь, Ца- «ревна Марія, и крещена бысть по Пасцѣ въ Пятокъ. Іюня 14 постав- «ленъ Архіеп. въ Великій Новградъ, Серапіонъ Курцовъ, Игуменъ «Троицкій Сергіева монастыря; а Іюня 18 Епископъ въ Суздаль, Аѳа- «насій, Игуменъ Кириллова монастыря. Мѣсяца Авг. поставленъ на «Пронѣ Михайловъ городъ, а ставили его Воеводы К. Александръ Ив. «Воротынской да Михайло Петр. Головинъ; а какъ ставили городъ, и «учали мѣсто чистить, гдѣ поставити церковь Архангела Михаила, и «тутъ обрѣли, гдѣ олтарю стояти, образъ Арханг. Михаила, древнее «письмо, обложенъ серебромъ, и Царь и Митрополитъ по тотъ образъ «посылали Священниковъ, и встрѣтивъ его честно, и пѣвъ молебны, «отпустили въ храмъ на то мѣсто, гдѣ явился. — Поставленъ (въ 1552 «году). Шатской городъ въ Мещерѣ, а ставилъ его Воевода К. Дм. Сем. «Шестуновъ: былъ для береженья; а дѣлалъ его Борисъ Сукинъ, и «сдѣланъ великъ и хорошъ». 9 Апрѣля пріѣхалъ въ Новгородъ Цареградскій Митрополитъ Ѳеодосій. 8 Мая привезли туда 60 человѣкъ Казанскихъ Татаръ, коихъ должны были содержать Архіепископъ и купцы; ихъ посадили въ три новыя тюрмы.

(247) См. *Царствен. Кн.* 203—205. Снарядъ огнестрѣльный надлежало везти Боярину Михайлу Морозову.

(248) См. Дѣла Польск. No 4, л. 196—204.

(249) См. выше, примѣч. 246.

(250) См. сей *Исторіи* Т. VI, примѣч. 495, и Т. VII, примѣч. 136.

(251) Ногайскій Мурза Белекъ, жалуясь Іоанну на Донскихъ Козаковъ или Черкасовъ, пишетъ: «Бѣлово (Россійскаго) Князя Черкасы «бѣглые холопи были» (см. Дѣла Ногайск. No 4, л. 91). Самъ Царь Іоаннъ Васильевичь, въ сношеніяхъ съ Хапомъ Крымскимъ, говоритъ: «*Нашихъ* Казаковъ въ Дону нѣтъ никого; а живутъ на Дону изъ нашего «Государства *бѣглые* люди». Въ другомъ мѣстѣ: «А которые на Дону живутъ, *давно бѣгая* изъ нашего Государства», и проч. (См. Дѣла Крым. No 15, л. 446—447).

(252) См. сей Исторіи Т. VII, стр. 232.

(253) См. сей Исторіи Т. VII, примѣч. 136.

(254) Князь Ногайскій Юсуфъ въ 1549 году писалъ къ Государю: «Холопи твои, нѣхто Сарыазманъ словетъ, на Дону въ трехъ и четы- «рехъ мѣстѣхъ городы подѣлали». (См. Дѣла Ногайск. No 3, л. 135 на об.). Нашъ Посланникъ, Петръ Тургеневъ, въ 1551 году доносилъ Іоанну изъ Ногайскихъ Улусовъ: «Прислалъ Турецкой Царь къ Исмаилъ «Мирзѣ посла сее весны, съ тѣмъ: въ нашихъ де въ Бусурманскихъ «книгахъ пишетца, что тѣ лѣта пришли, что Русского Царя Ивана «рука надъ Бусурманы высока; уже-де и мнѣ отъ него обида вели- «кая: поле-де все, да и рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ отнялъ, «да и Азовъ городъ пустъ у меня досталъ: поотымалъ всю волю въ

«Азовѣ. Казаки его съ Азова оброкъ емлютъ, и воды изъ Дону пити не «дадутъ... А на Крымѣ мой посаженъ Царь: какъ ему велю, такъ и дѣ«лаетъ». См. Дѣла Ногайск. No 4, л. 39.

(255) Девлетъ-Гирей, по нашимъ Родослов. Книгамъ, былъ сынъ Мубарекъ-Гирея, и внукъ Менгли-Гиреевъ. Дегинъ пишетъ, что Султанъ въ 1551 году посылалъ Рустанъ Пашу свергнуть Саипъ-Гирея за убіеніе Ислама (см. Histoire des Huns, кн. XVIII).

(256) См. Дѣла Ногайск. No 4, л. 39 и 40.

(257) Ногайскій Мурза Белекъ писалъ къ Государю: «Аккобекъ Царь «съ Черкасы въ свойствѣ учинился, и ему братство учинили, и они ему «Юртъ его взявъ дали; и Ямгурчей Царевичь въ свойствѣ учинился, и «ему Юртъ его взявъ дали же». Дѣла Ногайск. No 4, л. 91.

(258) «Пришли ко Царю (въ 1551 г.) Послы изъ Астрахани отъ «Ямгурчея, Ишымъ Князь съ товарищи, и били челомъ, чтобы его Го«сударь пожаловалъ, велѣлъ себѣ служити и съ Юртомъ, и жаловалъ бы «какъ и Шигъ-Алея Царя и иныхъ Царей, которые ему служатъ... Того «же году» (послѣ 1 Сент.) «послалъ Государь въ Астрахань посла своего «Савастьяна видѣти Царевы правды и его землю всю къ правдѣ при«вести... Въ Маѣ (г. 1552) выѣхалъ къ Государю изъ Астрахани Царе«вичь Кайбула, Ахкубековъ сынъ», и проч.

(259) Сперва Горные люди побили Казанцевъ, привели въ Свіяжскъ двухъ взятыхъ ими чиновниковъ и казнили ихъ; но въ Апрѣлѣ Воеводы увѣдомили Государя объ ихъ невѣрности: «Пригонилъ Михалко Шипи«ловъ ко Государю съ грамотами отъ Бояръ изъ Свіяжска, а пишутъ, «что къ нимъ пріѣхалъ Дворецкой Данило Романовичь; что Шигъ-Алея «и со Царицею вверхъ отпустили по Государеву наказу; а Горніе люди «волнуются и ссылаются съ Казанцы... и по Цывили въ городъ на Свіягу «не ѣздятъ».

(260) «Посылали за ними Казаковъ, и Казанцы побили ихъ: убили «70 человѣкъ, да и пищали поймали... а отъ К. Михайла съ Камы ѣхали «Казаки въ судѣхъ на Свіягу по кормъ, Северга съ товарищи, и Казан«скіе люди ихъ побили, а Севергу въ Казань привели, да тамъ убили, «и товарищевъ его 30 человѣкъ... А изъ Казани прибѣжали полоненики, «а сказали, что Казанцы тѣхъ Дѣтей Боярскихъ и Казаковъ и людей «Боярскихъ, которыхъ затворили на миру въ городѣ, побили всѣхъ; а «всѣхъ затворили 180 человѣкъ, и иные изъ нихъ утекли на Свіягу, и «рухлядь Воеводскую по себѣ раздѣлили... А съ Камы отъ Боярина К. «Мих. Вас. Глинскаго пришли грамоты... да привели Янгару Богатыря; «а сказываютъ, что пришелъ изъ Нагай Царевичь Едигеръ Магметъ, «Касымовъ Харевъ сынъ Астроханска Царя; а прислали его Нагайцы «по Казанской ссылкѣ на Царство въ Казань... и Казанцы повели его «мѣстъ искати, гдѣ его перевезти, а Янгура приходилъ на берегъ отвѣ«дывати, и Казаки его изымали; а со Царевичемъ 500 человѣкъ... и Ца«ревичь Каму перевезся тайно и пришелъ въ Казань... На Княжь Ми«хайлову сторожу пришли Казанцы нощію, да побили четырехъ Сыновъ «Боярскихъ, да 17 Стрѣльцовъ».—Сей Едигеръ не тотъ ли самый Ца«ревичь, который прежде былъ въ Москвѣ? См. выше, примѣч. 128.

(261) «Совѣтуетъ Митрополитъ, да принесутся мощи Святыхъ въ «церковь Соборную.... и приходятъ вкупѣ Царь и Святитель въ церковь «Благовѣщенія, еже близу казны Царскія, и вымаютъ мощи изъ ссудовъ «и полагаютъ на блюдо: и несутъ на главахъ въ Соборную церковь и «свершаютъ молебныя службы, и святятъ воду со всѣхъ мощей, и кре«стомъ животворящимъ древомъ... и посылаютъ его (Тимоѳея) въ Нижній «Новгородъ, и велятъ ѣхати вмѣстѣ съ Бояры и нарядомъ Царскимъ,

«и посылаютъ съ ними воды Святые и поученіе (см. оное въ *Царствен. Кн.* стр. 210—217).

Въ сіе время (въ Апр. 1552) Государь далъ въ Москвѣ наказъ чиновникамъ, Андрею Берсеневу и Хозяину Тютину, чтобы они строго наблюдали за точнымъ исполненіемъ правилъ Московскаго Собора 1551 года въ отношеніи ко правамъ Духовенства и мірянъ; чтобы Иноки и Священники не ходили въ корчмы, ни пьяные по улицамъ; чтобы никто не дерзалъ ни срамословить, ни клясться, ни *брить бороды*, ни заниматься волшебствомъ или звѣздочетствомъ: «По Цареву слову Ондрею да Хо«зяину велѣти по торгомъ кликати, чтобы Христіане, отъ мала и до ве«лика, именемъ Божіимъ во лжу не клялись и на кривѣ креста не цѣ«ловали... и матерны бы не лаялись... и бородъ бы не брили и не обсѣ«кали, и усовъ бы не подстригали, и къ волхвомъ бы и къ чародѣемъ и «къ звѣздочетцомъ волхвовати не ходили, и у поль бы» (при судныхъ поединкахъ) «чародѣи не были». Уличенные преступники подвергались *великой опалѣ по градскимъ законамъ и духовной казни по священнымъ правиламъ*. О Монахахъ и Священникахъ сказано: «Безчинниковъ Поповъ «и Діаконовъ и Черницевъ имати, да и заповѣдь на нихъ Царскую имати «по земскому обычаю, якожь и съ простыхъ людей безчинниковъ.... да «отсылаютъ тѣхъ въ монастыри... и ихъ смиряютъ; а Поповъ и Діяко«новъ къ Поповьскымъ Старостамъ... и ихъ исправляютъ; а на которомъ «Черньцѣ невозможно заповѣди доправити, ино взяти заповѣдь на томъ, «кто его напоитъ». См. *Законы В. К. Іоанна Вас. и внука его* стр. 113—115.

(262) Здѣсь въ первый разъ упоминается о семъ почетномъ званіи, которое давалось знаменитѣйшимъ Вельможамъ.

(263) Въ *Царствен. Кн.* 218: «да билъ челомъ Шигъ-Алей Государю «о Царицѣ Сююнбекѣ Сафа-Гиреевской, а прежде Сафа-Гирея была она «за Шигъ-Алеевымъ братомъ въ Казани, за Еналеемъ Царемъ; и Госу«дарь Царицу за него далъ». Отецъ Сююнбеки, Князь Ногайскій Юсуфъ, усильно требовалъ, чтобы Іоаннъ прислалъ ее къ нему и съ сыномъ; но Государь отвѣчалъ, что она сама захотѣла быть супругою Шигъ-Алея (Дѣла Ног. No 4). Генв. 30, 1554 г. Іоаннъ писалъ къ Шигъ-Алею, что Юсуфъ считаетъ дочь свою убитою: «будто бы ты братъ нашъ, по на«шему слову Сююнбекъ Царицу казнилъ, носа ей урѣзалъ, и поруганье «великое учиня, убилъ ее до смерти». Это было вымышлено (см. тамъ же, стр. 240—242).

(264) Въ *Царствен. Кн.* 225: «Царь Шигъ-Алей веліе тѣло имяше, «и не могій скоро на конехъ ѣздити; разумиченъ же Царь преизлише, «но не храбръ сый, и дружинѣ своей не податливъ».

(265) Въ *Царствен. Кн.* 220: «Повелѣваю тебѣ милостыню творити «и въ нашихъ Царскихъ опалахъ разрѣшати и въ темницы заключенны «испущати, да сугубу мзду пріиметъ: азъ за храбрство, а ты за сіи «благая дѣла».

(266) «И любезно припадаетъ къ чудотворному образу Богоматери, «и предастъ въ руцѣ ея градъ и люди.... Приходитъ же и къ мощамъ «Петра Чудотворца и Іоны... Митрополитъ же Государя благословляетъ «крестомъ животворящимъ».

(267) «Пригонилъ изъ Путимля Станичникъ Ивашко отъ Айдара отъ «Волжина».

(268) «И тутъ пріѣхалъ Айдаръ Волжинъ... И другіе вѣстницы уско«ряютъ».

(269) «Пришли не многіе люди, 7000, да поворотили изъ земли».

(270) «А ему приказываетъ не исходити изъ церкви, донде же что «Богъ произведетъ».

(271) «Яко же на потѣху и на ловы».

(272) Бояре его и *Жильцы*, выборомъ Дѣти Боярскіе». Имя происходитъ отъ того, что они *жили* въ столицѣ, при Государѣ, будучи первостепенными воинами.

(273) Въ Архив. *Новогород. Лѣт.* Малинов. сказано, что въ 1551 году привезли въ Новгородъ шурина Царя Крымскаго: «И сидѣлъ здѣсь въ «заточеніи въ желѣзѣхъ въ городѣ въ дѣтинци, въ стѣнѣ каменной подъ «воденными воротами; а прежъ того сидѣлъ въ тюрьмѣ въ деревеной». Въ годѣ можетъ быть ошибка; но въ *Царствен. Книгѣ* и въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Камбирдея убили.

(274) «И пришли къ нимъ Воеводы съ Прони, К. Мих. Рѣпнинъ, а съ Михайлова Ѳедоръ Салтыковъ».

(275) См. *Курбскаго.* Онъ сказываетъ, что ему было тогда 23 года.

(276) «Ханъ телеги пометалъ и вельблюды многіе порѣзалъ, и многіе «живые пометалъ... И повелѣ Государь языковъ пытати... Царь де «(Крымскій) отъ Рѣзани хотѣлъ возвратиться въ Крымъ: Князи же ему «рѣша: аще хощеши срамъ свой покрыти, есть у Вел. Князя градъ «Тула на полѣ, а отъ Коломны за велики крѣпостьми и лѣсы; и ты «учинишь тому, что и въ Литвѣ Брясловлю».

(277) «Послалъ къ Москвѣ Сем. Вас. Яковлева; а на Свіягу возвѣ«стити Воеводамъ милосердіе Божіе Ѳедьку Черемисинова... Іюля 1 Вое«воды съ Тульского дѣла пришли всѣ, и сказали, что Царь Крымскій «пошелъ невозвратнымъ путемъ, верстъ по 60 и по 70 на день, и коней «мечетъ».

(278) Курбскій пишетъ: «Идохомъ отъ Царя по правой рупѣ аки «въ 5 дняхъ конемъ ѣзду; понеже мы заслонихомъ его тѣмъ войскомъ «отъ Заволжскихъ (Ногайскихъ) Татаръ, да не пріидутъ на него безвѣстно».

(279) «Пріѣхалъ къ Государю въ Муромъ съ Свіяги Ив. Вокше«ринъ, а сказывалъ: Бояре ходили на Горнихъ, въ больш. полку К. Се«менъ Микулинскій, въ передовомъ Данило Романовичь, а въ сторожевомъ К. Петръ Серебреной.... и потоптали Горнихъ людей; а на томъ «бою убили К. Александра Жижемскаго».

(280) *Царствен. Кн.* 236—253. Государь прибылъ изъ Коломны въ Владиміръ 8 Іюля, и нашелъ тамъ Архангельскаго Протопопа Тимоѳея, возвратившагося изъ Свіяжска съ доброю вѣстію; Іюля 10 выступилъ изъ Владиміра и 13 пріѣхалъ въ Муромъ, гдѣ чрезъ Боярина Митрополитова получилъ грамоту Макаріеву отъ 13 Іюля.

(281) «И посылаетъ Государь Стольника Ѳедора Ив. Умного по «Шигъ-Алея, и Шигъ-Алей пріѣхалъ въ Муромъ... А рати всей велѣлъ «возитися за рѣку Оку по многимъ перевозомъ... Приказываетъ Госу«дарь во своемъ полку, да урядятъ коемужду сту Дѣтемъ Боярскимъ «голову изъ великихъ отцевъ дѣтей, изячныхъ молодцовъ и искусныхъ... «Воеводы же выбравъ великихъ отцевъ дѣтей и Стольниковъ Государе«выхъ, и Дѣтей Боярскихъ расписаша по нихъ... Тако же и по всѣмъ «полкомъ». *Яртоуломъ* или *Яртоулнымъ полкомъ* назывался *легкій переднійотрядъ передоваго полку.*—«И того дни (Іюля 20) ночевалъ Госу«дарь на лѣсу... а четвертой станъ на полѣ на Иржѣ, а пятой на Автѣ «рѣчкѣ, а шестой на Кевсѣ, а седмой на озерѣ на Икшѣ, а осьмой на «озерѣ не дошедъ Піаны рѣки; и тутъ ко Государю пришелъ изъ Го«родка (Касимова) Акъ Сеитъ Черевсеевъ со всѣми Городецкими Князьми «и Татары; а шелъ Сеитъ на Монсыровъ Уголъ, и Государь велѣлъ ему «ити съ Ярtоуломъ и на Піянѣ подѣлать мосты многіе... А девятой станъ «на Дубровкѣ на озерѣ, а десятой на рѣчкѣ на Медянкѣ... 12 станъ на «Алатырѣ; и тутъ пришелъ Еникей Князь Темниковской со всѣми Тем-

«никовскими Татары и Мордвою; а на Алатырѣ здѣлалъ до Государя «3 мосты. 13 Станъ на рѣкѣ на Большомъ Сарѣ; и тутъ прислали ко Го«сударю Бояре и Воеводы К. Ив. Өед. Мстиславской съ товарищи, что «они пришли вверхъ тое же рѣки... и велѣлъ имъ Государь ити прямо «къ Сурѣ, и возитися выше собя для тѣсноты людемъ, а къ собѣ быти «за Сурою рѣкою на поляхъ... 14 Станъ на Сурѣ подъ Баранчеевымъ «Городищемъ, и на Сурѣ подѣланы были многи мосты».

(282) Въ *Царствен Книгѣ:* «И таковое многое воинство всюду яко «Богомъ уготованну пищу обрѣтаху на поли, убо всякимъ благовоннымъ «овощіемъ довляхуся; отъ животныхъ же лоси яко самозванни на зако«леніе прихождаху; въ рѣкахъ же множество рыбъ ловяху; отъ воздуха «же множество птицъ прилетаху, и во всѣхъ полцѣхъ на землю припа«даху, яко сами дающеся въ руцѣ... Егда же приспѣ постъ, и въ ты дни «не видаху ни птицы, ни лосей... Черемиса же и Мордва вся потребная «приношаху, хлѣбъ и медъ и говяды, ова дарованіемъ, иная же прода«ваху, и мосты дѣлаху». Однакожъ Курбскій жалуется на худую пищу, и говоритъ: «того дни» (по соединеніи съ Іоанномъ) «хлѣба сухаго ная«дохомся со многою сладостію и благодареніемъ».

(283) «Встрѣтили съ Свіяги отъ Воеводъ... и сказали, что К. Петръ «Ив. Шуйской, да Данило Романовичь ходили на достальныхъ Горнихъ «людей... И къ Воеводамъ Государь послалъ, велѣлъ имъ собя встрѣтити «за два дни отъ Свіяжска города вверхъ Свіяги... И перешелъ Суру; и «тутъ пришли къ Государю справа Воеводы его, К. Ив. Мстиславской «съ товарищи; и Государь велѣлъ передовому полку предъ своимъ пол«комъ за Ертоуломъ пойти; а правой рукѣ направѣ у собя, а большему «полку назади своего полку, а за нимъ сторожевому, а лѣвой рукѣ у «собя на лѣвѣ... 16 Станъ на Яклѣ, 17 на Чивлы; и тутъ встрѣтили «многіе Горніе люди, и били челомъ... 18 Станъ на Карлѣ, 19 на Булѣ, «20 на Беѣ. По праздницѣ же Преображенія приде изъ Нижняго Нова«города Протопопъ съ освященною водою къ Царю». Тутъ разсказывается чудо, бывшее въ Нижнемъ.

(284) См. *Курбскаго.* Во второмъ полку былъ и отецъ Алексѣя Адашева, Окольничій Өедоръ Григорьевичь Адашевъ.

(285) Курбскій пишетъ: «А Малвазіи и любимыхъ трунковъ Пан«скихъ не вспоминай. Черемисскій же хлѣбъ сладостнѣе калачей обрѣ«теся: занеже подвизахомся за отечество». — 21 Станъ былъ на Итя«ковѣ полѣ.

(286) См. Курбскаго.

(287) «Авг. 16 велѣлъ Государь возитися за рѣку противъ Свіяж«скаго города, а ставитися на лузѣхъ Яртоуломъ и передовому полку, «правой рукѣ и больш. полку, Авг. 18 пріиде Государь въ Соборную «церковь... и благословляется отъ Протопопа, и поѣде за Волгу; а сто«рожевому полку и лѣвой рукѣ велѣлъ возитися выше собя».

(288) Только въ одномъ Морозовскомъ Лѣтописцѣ Графа Толстаго нашелъ я сіе число Іоаннова войска. Тамъ сказано: «И приказалъ Госу«дарь Бояромъ своимъ, Князю Петру Ивановичу Шуйскому, да К. Ми«хайлу Ивановичу Воротынскому, со всѣми Розрядными Дьяки сочести «свое воинство, и сочтоша во всѣхъ полкахъ, конныхъ и пѣшихъ, сто«пятьдесятъ тысячь».

(289) *Тарасы,* подобно турамъ, насыпались землею, и служили защитою въ осадѣ городовъ.—«И тутъ Государь дневалъ; и пойде на Ка«зань рѣку Авг. 20».

(290) См. *Курбскаго.* — К. Щербатовъ несправедливо пишетъ, что стѣны Казанскія были *каменныя.* Въ лѣтописяхъ сказано: «срубленъ

«бяше весь градъ изъ дубоваго древа; стѣны зѣло широки; въ городни же «межъ стѣнъ набивано иломъ и каменіемъ многимъ» (въ *Царствен. Кн.*: «землею и хрящемъ)».

(291) «Княжъ Усеиновъ сынъ, а съ нимъ 7 Казаковъ».

(292) См. *Курбскаго*. Всѣ косыми буквами напечатанныя слова взяты изъ него, или изъ лѣтописей.

(293) «Япанчу Князя, да Чапкунова племянника, Шунакъ-Мурзу, «да Арьского Князя Явуша послали на засѣку».

(294) *Туръ*, а не *тура*: коробъ, насыпаемый землею.

(295) «Близь Утучевы мизгити» (мечети)... Авг. 23 пойде Государь «къ городу съ Терень-Узека... за большимъ полкомъ; и за собою велѣлъ «итти наряду» (или снаряду, т. е. артиллеріи) «и сторожевому полку и «лѣвой рукѣ».

(296) См. *Курбскаго*.

(297) См. тамъ же. Курбскій такъ описываетъ положеніе города: «Лежитъ въ великой крѣпости; съ Востоку отъ него идетъ Казань рѣка, «а съ Западу Булакъ рѣчка, зѣло тиновата и непроходима, подъ самое «мѣсто (городъ) течетъ и впадаетъ подъ угольную вежу (башню) въ Ка«зань рѣку; а течетъ изъ езера Кабана, которое езеро кончится аки «полверсты отъ мѣста. Какъ переправиться тую нужную рѣчку, тогда «между езеромъ и мѣстомъ лежитъ съ Арскаго поля гора прикрая (кру«тая) и ко восхожденію нужная; а отъ тое рѣки около мѣста ровъ зѣло «глубокій, аже до езера реченнаго Поганова, еже лежитъ подлѣ самую «Казань рѣку: а отъ Казани рѣки гора такъ высока, иже окомъ возрѣти «прикро, на ней же градъ стоитъ и полаты Царскіе и мечети зѣло вы«сокіе мурованные, идѣ же ихъ умершіе Цари клались, числомъ, памя«тами-сь, пять ихъ».

(298) Въ *Царствен. Кн.* 267: «и велѣлъ Государь изъ полку изъ своего Дѣтемъ Боярскимъ пособити Стрѣльцомъ». См. Курбскаго.

(299) Въ *Царствен. Кн.* 270: «въ Среду въ вечерѣ бысть буря «велія», и проч.—Государь ежедневно молился въ храмѣ Св. Сергія.

(300) «И повелѣ Государь большую крѣпость» (укрѣпленія) «дѣлати «противъ Царевыхъ воротъ и Арскихъ, и Аталаковыхъ, и Тюменьскихъ».

(301) «А изъ своего полку посылаетъ Головы на конехъ выборные «съ Дѣтьми Боярскими... а съ ними Боярскихъ людей, всякому Сыну «Боярскому по сту человѣкъ; а велѣлъ имъ быти у К. Михайла пѣ«шимъ... К. Михайло велѣлъ итти къ городу Стрѣлецкимъ Головамъ, «Ивану Черемисинову, Григорью Жолобову, Өед. Дурасову, Дьяку Ржев«скому съ ихъ Стрѣльцами; да Атаманамъ съ Козаками, да Головамъ «съ Боярскими людми, и туры катити; а самъ съ Дѣтьми Боярскими «пойде пѣшь за ними».

(302) Здѣсь разсказываются чудесныя видѣнія Апостоловъ, Св. Николая, Даніила Переславскаго, и проч.—Слово *бойницы* употребилъ я въ смыслѣ *батарей*, какъ оно употреблялось иногда въ старинныхъ книгахъ; обыкновенно же называли такъ отверстія въ городской стѣнѣ или на валу, чрезъ кои дѣйствовали пушки.

(303) «И посылаетъ Государь Окольничаго Петра Вас. Морозова «къ турамъ, и Окольничаго Ив. Мих. Воронцова мѣстъ смотрѣти, гдѣ «стояти болшему полку, и вылазилъ изъ Крымскихъ воротъ Карамышъ «Уланъ—тѣ же ворота быша ему приказаны — хотяще добыти языка», и проч.

(304) «И поставленнаго на сторожѣ Третьяка Лошакова убиша».

(305) Онъ былъ Воеводою Князя Владиміра Андреевича.

(306) Тутъ былъ взятъ въ плѣнъ Мурза, сынъ Князя Шаболота.

(307) «И поставиша туры отъ большихъ туръ, что К. Михайло «ставилъ по Казань рѣку противъ Кабацкихъ воротъ, да Збойливыхъ, «да Крымскихъ, да Елбугиныхъ... и гдѣ нельзѣ туромъ быти, и Госу-«дарь повелѣлъ Дьяку своему, Ив. Выродкову, промежъ туръ тынъ «ставити».

(308) Курбскій: «Великихъ и среднихъ, а и меньшія по полторы «сажени, окромѣ полковыхъ около Царскихъ шатровъ». Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ именуются здѣсь главныя пушки: *Конца*, *Ушатая*, *Змѣй Сверстной*, *Змія Летучая*.

(309) См. *Курбскаго*.

(310) 340 человѣкъ.—«И присла К. Александръ ко Государю Божія «щедроты возвѣстить Голову Царскаго полку и К. Ив. Ив. Кашина». См. Курбскаго.

(311) См. *Курбскаго*. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано: что Государь велѣлъ побить плѣнниковъ.

(312) То же сказали Государю и наши плѣнники, которые нашли способъ уйти къ намъ изъ Казани.

(313) «Государь же повелѣ сторожеваго полку Воеводамъ, К. Вас. «Семеновичу и Семену Вас. испорушить путь ихъ къ водѣ; они же много «покушашася, но не возмогоша: твердо бо землею путь ихъ къ водѣ «утвержденъ... и Государь послалъ Алексѣя Адашева, да съ нимъ Раз-«мысла, и велѣлъ ему на то дѣло учениковъ отрядити... И Бояринъ К. «Василей гласы Татарскіе услышавъ, что съ водою уже чрезъ нихъ ходятъ, и возвѣстилъ Государю».

(314) «Многое же воинство—крестоносныя хоругви, Богомъ подви-«заемы, яко облакомъ носими — скоро устремительно на градныя стѣны «и въ самый градъ скакаху, и яко львы рыкающе, свирѣпо Татары «убиваху и живыхъ плѣняху».

(315) См. *Курбскаго*.

(316) «И пошли другою стороною Воеводы къ Казани.. Война ихъ «была на 150 верстъ, поперегъ, а въ длину и по Каму». См. *Курбскаго*.

(317) См. *Курбскаго*.

(318) Не большой родъ пушекъ: см. *Курбскаго*.

(319) См. *Исторію о Казанск. Царствѣ* неизвѣстнаго сочинителя, стр. 204, и Лызлова I, 145. Но Болгарская земля никогда не принадлежала Россіи.

(320) См. *Курбскаго* и *Царствен. Кн.* 290—292.

(321) «Да въ то же время Зейнешъ Князь со всѣми Ногаи и со «многими Казанцы вылѣзли изъ Збойливыхъ воротъ на туры передоваго «полку Яртоула; но тѣ туры не близъ города. Воеводы же припустиша «ихъ близко, и удариша на нихъ Стрѣльцы изъ пищалей, и Воеводы «нападоша, и гнаша ихъ».

(322) См. *Курбскаго*.

(323) Въ *Царствен. Кн.*: «въ башни утвердишася, и на стѣнахъ «градскихъ, и у Арскихъ воротъ... и сидяще на градѣ два дни и двѣ «нощи, ожидая приступу».

(324) «На Галицкой дорогѣ за Казанію рѣкою велѣлъ быть К. Ив. «Ромодановскому близко Бежболды, да Княжь Володимерову Андреевича «Воеводѣ, Ив. Угримову Заболотцкому; да за Казанію же рѣкою Головѣ «съ Дворяны Царскаго полку Мих. Ив. Воронцову; а вверьхъ по Ка-«зани у Стараго Городища Головѣ Мих. Петр. Головину.

(325) Они же назывались и *Боярскими Людьми*, и были ниже *Дѣтей* Боярскихъ. Въ *Казан. Исторіи* сказано, что при каждомъ конномъ полку было 1000 Стрѣльцовъ съ пищалями, и 700 или 800 Козаковъ,

съ луками и рогатинами; что полки Боярскихъ людей состояли изъ пяти тысячь. А Лызловъ, ссылаясь на Ботера, пишетъ, что Государь для пѣшихъ велѣлъ сдѣлать щиты на кадкахъ и колесахъ изъ досокъ.

(326) «И нача вооружатися, *юмшанъ* на себя класть» (такъ называлась часть латъ, которою закрывалось туловище)... «и ближнимъ своимъ «говоритъ: *звоны, звонъ-де слышу, какъ бы Симонова монастыря звонъ* — и «внятъ, яко быти благодати Божіей».

(327) См. *Царствен. Кн.* 300 — 302, *Исторію Казанскую* 213, и Лызл. I, 163. Слѣдуемъ въ главныхъ обстоятельствахъ *Царствен. Кн.* или Московскому Лѣтописцу, столь вѣрному, что и Курбскій на него ссылается. На примѣръ, въ *Исторіи Казанск.* несправедливо написано, что Государь еще передъ взорваніемъ подкоповъ выѣзжалъ къ войску и стоялъ съ своимъ полкомъ на горѣ противъ Арскихъ воротъ. Тамъ же разсказывается, что въ сіе время пріѣхалъ къ Іоанну Монахъ Троицкой Обители, Адріанъ Ангеловъ, и Священники: «и принесоша Царю нѣкое «пламенное оружіе, крестъ запечатлѣнъ, а въ немъ мощи и образъ видѣ- «нія Св. Сергія, какъ видѣ Богоматерь, и просфиру, и воду Святую, и «отъ Игумена благословеніе; такожде и Дмитріевскій Игуменъ принесе «къ Государю крестъ Киликеевскій».

(328) Въ *Исторіи Казан.*: «Подкопъ бѣ въ дву мѣстѣхъ: единъ подъ «стѣну отъ Поганова озера на углу подъ стрѣльницу, на десной странѣ «Арскихъ воротъ, идѣ же нынѣ Спасскія ворота, храмъ въ нихъ Св. «Кипріяна и Устиніи; а другой подкопъ на углу подъ стрѣльницею же, «отъ Булака стрѣльбище, по лѣвую сторону: то были Ногайскія ворота, «нынѣ же зарушены». Тамъ же сказано, что Государь передъ взорва- ніемъ подкоповъ велѣлъ отвезти наши пушки далѣе отъ сего мѣста.

(329) Въ *Царствен. Кн.*: «И се пріиде нѣкій ближній Царевъ, гла- «гола ему: Государь! время тебѣ ѣхати, яко убо біющимся твоимъ съ «невѣрными, а многіе полки тебя ожидаютъ. Царь же отвѣща: аще до «конца пѣнія дождемъ, да свершенную милость отъ Христа получимъ. «И се вторая вѣсть приде изъ града: великое время Царю ѣхати, да «укрѣпяться воини».

(330) Тамъ же: «И пріѣхалъ Самодержецъ въ полкъ свой и по всѣмъ «странамъ посылаетъ, утверждаетъ воины... и въ той часъ отъ всѣхъ «странъ яко же на крылѣхъ на стѣны градскіе взлетѣли». См. *Курб- скаго.* Онъ пишетъ, что братъ его первый взошелъ на стѣну

(331) Изъ полку Курбскаго легло въ городѣ 98 воиновъ, самыхъ лучшихъ. Сѣча продолжалась часовъ пять.

(332) «Самаго Царя, хотяща и не хотяща, за брозды коня взявъ, «близь хоругви поставиша» (Вельможи).

(333) См. *Курбскаго.* По *Казан. Исторіи* воины Рос. хотѣли убить Едигера, не зная его; но Татары закричали: *не убивайте: се Царь!*

(334) Онъ пишетъ: «хотѣша пробитися прямо противъ моего стану «на шанцы тѣми дирами, идѣ же шесть дѣлъ (пушекъ) великихъ стояло; «и абіе по нихъ ударено изъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ, и воздвигошась оттуду, «и пойдоша внизъ аки 3 перестрѣла лучныхъ, и начаша легчитися... Мы «же добыша себѣ коней отъ своихъ становъ изъ-за рѣки, и заступиша «имъ путь, и обрѣтоша ихъ не перешедшихъ рѣку, и собрашася насъ «около двухъ сотъ коней... Перебредши рѣку, ополчишася, и уже на «тетивахъ стрѣлы имуще, и начаша мало отъ брегу подвигатися, учиня «чело не малое; а за ними всѣмъ идущимъ вкупѣ зѣло густо и долго, «аки два стрѣлянія не малыя лучныхъ по примѣтѣ... Мы же, отпустя «ихъ мало что отъ брегу, удариша на нихъ... Молюся, да не возмнитъ «мя кто безумно самъ себя хваляще; правду глаголю, и духа храбрости,

отъ Бога данной ми, не таю. Къ тому же и коня зѣло быстра и добра «имѣхъ, и всѣхъ первѣе вразихся во весь полкъ Бусурманскій, и памя-«тую то, иже сѣкущесь три разы въ нихъ конь мой оперся, и въ четвер-«тый зѣло раненъ повалися въ срединѣ ихъ со мною; и уже отъ вели-«кихъ ранъ не памятую вяще. Очнувся же потомъ, аки по малѣ годинѣ, «видѣхъ, аки надъ мертвецомъ, плачущихъ двѣма слугамъ моимъ надо «мною и двѣма воиномъ Царскимъ. Азъ же видѣхъ себя обнаженна ле-«жаща, многими ранами учащенна, а животъ цѣлъ: понеже на мнѣ збруйка «была драгоценная зѣло крѣпкая... Послѣди же увѣдахъ, иже тѣ всѣ «благородные, ихъ же уже собралося аки съ триста, яже обѣщались «устремитись вкупѣ со мною, не сразився возвратишася паки сзади она-«го Бусурманскаго полку, и сѣщи начаша наѣзжаючи и топчуще ихъ... «Потомъ, глаголютъ, приспѣвъ мой братъ, и въ самое чело быстро, всѣ-«ми уздами распустя коня, вразися въ нихъ, такъ храбро, иже вѣрѣ не «подобно, яко всѣмъ свидѣтельствовати, аки два крать проѣхавъ посре-«ди ихъ, сѣкуще ихъ и обращающе конемъ посреди ихъ. Егда же въ «третій разъ вразися въ нихъ, поможе ему нѣкій брагородный воинъ. «Всѣмъ же со града зрящимъ и дивящимся, и которые еще не вѣдали «о Царевѣ отданіи, мняще Царя Казанска между ихъ ѣздяща, и такъ «его уранили, иже по пяти стрѣлъ въ ногахъ ему было, кромѣ иныхъ «ранъ... Егда же уже тотъ конь подъ нимъ ураненъ, другаго коня «обрѣлъ у единаго Дворянина, гонивъ паки съ другими воины полкъ «Бусурманскій... Имѣхъ таковаго брата, и храбра и добра нрава, и «зѣло разумна, иже во всемъ войскѣ не обрѣтающеся храбрѣйшій и «лучшій,—аще бы обрѣлся кто и таковый же! Паче же мнѣ превозлю-«бенъ, и во истину имѣлъ бы за него душу положити и животомъ «своимъ здравіе его откупити: понеже умре на другое лѣто отъ тѣхъ «лютыхъ ранъ». Сіе рѣдкое мужество Курбскаго засвидѣтельствовано и другими Лѣтописцами (см. *Царствен. Кн.* 307, и *Архив. Лит.*).

(335) «Царь же посла къ Бежболдѣ Боярина, К. Сем. Микулин-«скаго, да Оружничаго Льва Андр. Салтыкова, и за Казань Боярина «К. Мих. Васильевича Глинскаго, да Боярина, Дворового Воеводу, Ив. «Вас. Шереметева; и тамъ за Казанью были Голова Царск. полку Мих. «Вороной, да Княжь Владимировъ Андреевича Воевода Ив. Угримовъ. «Бояре побили поганыхъ отъ рѣки Казани и до лѣса, и въ лѣсѣ мертвіи «лежаша».

(336) Для нѣкоторыхъ читателей замѣтимъ, что *сѣча* означаетъ битву или сраженіе, а не убіеніе людей уже безоружныхъ.

(337) Въ *Царствен. Кн.*: «а ратныхъ за ихъ измѣны повелѣ Царь «избивать всѣхъ».

(338) См. *Царствен. Кн.*, *Архив. Лит.*, *Казан. Исторію* и Лызлова. Церковь была посвящена Спасу. Узнавъ о совершенномъ взятіи Казани, Государь послалъ туда шурина своего, Данила Романовича.

(339) См. *Казан. Исторію* 242. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Едигеръ тогда же требовалъ крещенія.

(340) Въ *Царствен. Кн.*: «Государь ему (Шигъ-Алею) отвѣща: Царь «Господине! тобѣ, брату нашему, вѣдомо, много есми къ нимъ посылалъ, «чтобы похотѣли покою; а тобѣ жестокость ихъ вѣдома», и проч.

(341) См. *Царствен. Кн.* 312 и Лызлов. 183. «Видѣвъ поганыхъ из-«біенныхъ, восплакася погибели ихъ и рече: аще и нечестивіи, обаче «Богомъ сотворенніи человѣцы».

(342) «Видѣша Животв. крестъ и Царя благочестиваго въ запустѣн-«ной мерзости Казанской. Преже на томъ дворѣ нечестивые Царіе вод-«ворялись, и кровь Христіанская проливалася», и проч.

(343) См. *Исторію Казанск.* 245, *Царствен. Кн.* 313 и Лызлов. 183

(344) «Собрашася къ Царскому стану военачальницы и все воинство обагрени суще кровьми нечестивыхъ; овіи же паче пресвѣтлаго каменія цвѣтущія раны на себѣ имуще. Государь же исшедъ къ нимъ веселымъ образомъ, любовь и милость воинству проявляя, и свѣтлымъ гласомъ рече во услышаніе всѣмъ могущимъ слышати.

«О мужественніи мои воини, Боляре и Воеводы, и вси прочіи страдателіи знаменитіи имене ради Божія и за свое отечество и за насъ! Никто же толикую показа въ нынѣшнихъ временѣхъ храбрость и побѣду, яко же вы, любиміи мною!... Вторые есте Македоняне, и наслѣдователи есте храбрости прародителей вашихъ, показавшихъ пресвѣтлую побѣду съ В. К. Димитріемъ за Дономъ надъ Мамаемъ! За которое ваше преславное мужество достойни есте не точію отъ мене благодаренія, но и отъ Божія десницы воздаянія. Смертную чашу испившіи причестися имутъ первымъ Святымъ Мученикомъ, ихъ же и мы должни есми поминати вѣчно, и предавъ написати имена ихъ въ Соборной Апост. Церкви въ вѣчное поминовеніе; крови же своея источившихъ, живыхъ же сущихъ, такожде и всѣхъ васъ храбрствовавшихъ обѣщаемся пожаловати по достоинству вашему стократно», и проч. Сія рѣчь находится въ *Казан. Лът.* и въ Лызловѣ, I, 184—186.

(345) См. *Царствен. Кн.* 314.

(346) «И посла Государь по всѣмъ Улусомъ жаловальныя грамоты... и прислали люди Арскіе бити челомъ Казаковъ Шемая, да Кубиша... и Царь послалъ къ нимъ Сына Боярского Ник. Казаринова, да Камая Мурзу. А съ Луговой Стороны также Черемиса пріѣхали бити челомъ... Того жь мѣсяца пріѣхалъ Н. Казариновъ, да Камай Мурза, а съ нимъ многіе Арскіе люди... и Царь ихъ пожаловалъ, ясаки на нихъ велѣлъ имати прямые, какъ было при Магмедъ-Аминѣ Царѣ... Тогожь дни Луговые люди изъ Якъ къ Государю пріѣхали... и приказалъ Боярину своему, К. Александру Борисовичу (Горбатому), ихъ къ шерти привести».

(347) «И освяти градъ во имя Святыя Троицы и Богоматери и великихъ Чудотворцевъ».

(348) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 211.

(349) См. сей *Исторіи* Т. VI, стр. 341.

(350) «Окт. 6 свящалъ Государь церковь Благовѣщеніе, и свящалъ Андрей Протопопъ, да съ Свіяги Рожественскій Протопопъ Аѳанасій со Игумены и Священники».

(351) См. *Курбскаго.*

(352) Даниломъ и Никитою Романовичами.

(353) Курбскій пишетъ: «А кони наши всѣ послалъ не тою дорогою доброю, ею же самъ шелъ къ Казани, но возлѣ Волгу, зѣло претрудными стезями, по великимъ горамъ, и того ради погубилъ у всего воинства кони; у кого было 100 або 200 коней, едва два або три вышли».

(354) См. *Царствен. Кн.* 318.

(355) «И тутъ встрѣтилъ его отъ Царицы Бояринъ К. Ѳед. Андр. Булгаковъ, отъ Князь Юрія Окольничей его Володимеръ Вас. Морозовъ, а отъ Митрополита Бояринъ Иванъ Кузминъ, да Елизаръ Соболевъ».

(356) Въ *Морозов. Лът.:* «И отъ великія радости образъ лица его вельми цвѣтяше; тому же Василью Юрьевичу жалуетъ изъ-подъ себя иноходца коня и все платье съ себе, и до послѣднія срачицы».

(357) См. выше, примѣч. 246, г. 1549, 1550 и 1551.

(358) «Изъ Володимера поѣхалъ Государь въ Суздалъ къ Покрову Пречистыя, и тамъ молебная соверша, поѣхалъ на Юрьевъ къ Живоначальной Троицѣ къ Св. Сергію, и встрѣтиша его за градомъ *бывшій*

«*Митрополитъ Іоасафъ* и Игуменъ съ братіею съ кресты... Игумену и «братіи [великіе слова съ челобитьемъ говоритъ за ихъ труды и мо«литвы». Неизвѣстно, когда Іоасафъ, сверженный Шуйскими, возвратился изъ Кириллова монастыря въ Троицкій, гдѣ онъ былъ прежде Игуменомъ.

(359) Гдѣ нынѣ деревня Растокино.

(360) См. выше.

(361) Въ *Казан. Исторіи* несправедливо сказано, что Митрополитъ всѣтилъ Іоанна въ Китаѣ, на Стрѣлецкой улицѣ: см. *Царствен. Кн.* 321.

(362) См. *Царствен. Кн.* 321—328.

(363) Въ *Казан. Исторіи* 256: «бысть же радость великая о тако«вой побѣдѣ не токмо во единомъ Рускомъ Царствѣ, но и во всѣхъ даль«нихъ странахъ; во иновѣрныхъ же странахъ бысть плачь и унынїе и «страхъ».

(364) См. *Царствен. Кн.* 330.

(365) Нынѣ сія церковь именуется *Василіемъ Блаженнымъ:* см. ниже, примѣч. 587, г. 1554 и 1555.

(366) *Царствен. Кн.* 337.

(367) Воспріемникомъ Утемишъ-Гирея былъ Савва, Крутицкій Епископъ, Геев. 8.

(368) *Царствен. Кн.* 334 и *Никон. Лѣт.* 208. Симеонъ женился Ноября 5. См. описаніе его свадьбы въ *Др. Рос. Вивліов.* XIII, 57. Замѣтимъ слѣдующее: «И какъ столъ отошелъ, п Княгиню его (Симео«нову) Царь и Вел. Князь взявъ за руку и пришелъ къ дверямъ столо«выя избы, а Царь (Симеонъ) сталъ за порогомъ; а Царь и Вел. Князь «молвилъ: *Царь Симеонъ! Божіимъ велѣніемъ, а нашимъ жалованіемъ ве«лѣлъ тебѣ Богъ женитися: и ты свою жену держи по Христіанскому «закону*... и далъ ему Княгиню; а велѣлъ ему итти съ нею до саней не «распущаясь... И Царь Симеонъ (въ спальнѣ), вставъ, кушалъ, да ку«шавъ опять легъ... И какъ (на другой день) изъ мыльни вышедъ, да «пошелъ съ Княгинею въ подклѣтъ, да сѣли на постели, да кушавъ, по«слалъ Дружекъ съ кашею ко Царю... А Царь и В. Князь послалъ къ «Ц. Симеону Боярина Морозова, а велѣлъ Княгиню его вскрыти, а Си«меону сказалъ Государево жалованье, городъ Рузу въ вотчину со всѣмъ... «И билъ (Симеонъ) челомъ Государю, чтобы у него того дни хлѣба ѣлъ, «и Государь его жаловалъ, подалъ вина... и Царицѣ Вел. Княгинѣ билъ «челомъ, и Царица велѣла ему сѣсти, да велѣла ставити овощи... А «столъ былъ въ столовой же избѣ, и Симеонова Княгиня тута жь была... «А Ц. Симеонъ передъ Царемъ стоялъ». (Тутъ обѣдали братъ Государевъ, Юрій съ женою, свахи, Боярыни *Сѣнныя*, Дружки, и Вельможи приглашенные на свадьбу)... «А послѣ стола Царь Симеонъ билъ че«ломъ Государю, чтобы Государь пожаловалъ былъ веселъ». (Симеонъ дарилъ Царя, Царицу и другихъ бархатами *Бурскими, алтабасами* и атласами *Венедицкими*, камками золотыми, соболями)... «А Ц. Симеонъ «пошелъ ко Царю и къ Царицѣ съ оловеники бить челомъ, подчивати... «и Царь Ц. Симеона звалъ ѣсть... А за столомъ билъ (Симеонъ) че«ломъ Царю, чтобы Государь завтре ѣлъ хлѣба у него».

(369) См. Архив. *Псков. Лѣт.*, *Новогород. Лѣт.* Малинов. л. 52, и *Царствен. Кн.* 330, 331.

(370) «Дек. въ 21 писали Воеводы изъ Василя города, что на Волгѣ «побиты гонцы и гости и Боярскіе люди съ запасы... И К. Петръ Шуй«скій отпустилъ Бориса Ив. Салтыкова» (прозваніемъ Борозока, выхваляемаго Курбскимъ), «и Борисъ пріѣхалъ на Цивль, да иныхъ повѣ«шалъ, а иныхъ въ Свіяжскѣ, а животы истцомъ... Лек. въ 25 прислалъ

«изъ Казани К. А. Горбатой Никиту Казаринова, что которые Казанцы «хотѣли лихо чинить, Тугаевы дѣти съ товарищи, и Воеводы посылали «Камая Мурзу, да Ник. Казаринова, и ихъ побили, а другихъ въ Ка«зани перевѣшали... И посылали на Арскую и Побережную сторону ясаковъ брать, и собрали... Марта 10 прислали изъ Казани, что Луговые «измѣнили, ясаковъ не дали, и ясатчиковъ побили и прошли на Арскую, «и стали у засѣки; и Воеводы посылали на нихъ Вас. Елизарова, и Ка«заки съ Стрѣльцами порознилися разными дорогами, и Арскіе и Лу«вые убили полчетверта ста Стрѣльцовъ, да полпята ста Казаковъ и «поставили городъ на Мешѣ... и приходили на Горнюю сторону Зеѣетъ «да Сарый богатырь, и К. Петръ Шуйскій отпущалъ на нихъ изъ Сѣяж«ска Воеводу Бор. Ив. Салтыкова, а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ, да Гор«нихъ людей всѣхъ, и Бориса жива взяли, да 36 Сыновъ Боярскихъ «убили, да Боярскихъ людей 50 человѣкъ, да 170 Горнихъ, да живыхъ «взяли 200». См. *Царствен. Кн.* 331—336, и Курбскаго, который пишетъ, что мятежники не хотѣли отдать Салтыкова на выкупъ и черезъ два года умертвили его.

(371) См. выше.

(372) См. Курбскаго. Онъ приписываетъ сію робость внушенію нѣкоторыхъ Монаховъ.

(373) Въ Большомъ Лѣтописцѣ, хранящемся въ Лаврѣ Александро-Невской, No 1: «въ Среду 3 недѣли поста, Марта 11, разбѣлѣся Царь». Въ *Царствен. Кн.* 336: «Грѣхъ ради нашихъ посѣти Богъ немощью на«шего Царя и сбыстся на насъ Евангельское слово: *поразите пастыря, «разыдутся овцы»*, и проч. Тутъ же сказано, что Государь, поѣхавъ къ Троицѣ, велѣлъ Боярамъ *промышлять о Казанскомъ дѣлѣ* и распорядить помѣстья; но что они занимались только послѣднимъ дѣломъ, не думая о первомъ. См. еще *Архив.* и *Никон. Лѣт.*

(374) Въ *Царствен. Кн.* 338: «всегда бо бяше у Государя сіе готово». Тутъ описаны всѣ подробности Іоанновой болѣзни.

(375) См. *Курбскаго.*

(376) «Да которые Дворяне *не были у Государя въ Думѣ*, Алексѣй «Адашевъ да Игнатей Вешняковъ, и тѣхъ Государь привелъ къ цѣло«ванію ввечеру же». Видно, что Захарьины-Юрьевы, какъ ближайшіе къ Царицѣ люди, окружая больнаго, старались удалить Адашева отъ Государя.

(377) «Государю сказывалъ Бояринъ Иванъ Петровичь Ѳедоровъ, «что говорили съ нимъ Бояре К. Петръ Щенятевъ, К. Ив. Пронской, «К. Симеонъ Ростовской: вѣдь-де нами владѣть Захарьинымъ... Сказы«валъ Окольничей Левъ Андр. Салтыковъ, что говорилъ ему, ѣдучи на «площади, К. Дмитрей Ив. Нѣмого: какъ-де служить малому мимо ста«раго?» и проч.

(378) Въ *Царствен. Кн.* 342: «Бысть у Благовѣщенія, иже на сѣ«нехъ (во дворцѣ), нѣкій Священникъ Селивестръ, родомъ Новгородецъ: «бысть же у Государя въ великомъ жалованіи и совѣтѣ въ духовномъ «и въ думномъ, и бысть яко все мога, и вся его послушаху... указываше «бо и Митрополиту... и приказнымъ людемъ и Воеводамъ... и спроста «рещи, всякія дѣла Святительскія и Царскія правяше, и никто же не «смѣяше рещи, ни сотворити не по его велѣнію... Точію имени и образа «и сѣдалища не имѣяше Святительскаго и Царскаго... чтимъ добрѣ всѣми «и владѣяше всѣмъ съ своими совѣтники». Тутъ несправедливо сказано, что Князь Владиміръ Андреевичь былъ его заступленіемъ выпущенъ съ матерью изъ-подъ стражи: тогда еще властвовалъ Князь Иванъ Бѣльскій, а Государь находился во младенчествѣ. См. о Сильвестрѣ выше, стр. 103.

(379) «А за нимъ (Бороздинымъ) бѣ К. Дмитрея Палецкого сестра, «а Васильева сестра родная была за Хованскимъ, а Хованскаго дочь «Княжа Владимірова мать».

(380) См. *Собраніе Государств. Грамотъ*, стр. 460. Сія цѣловальная запись подписана 12 Марта 1553. Болѣзнь Іоаннова именуется въ лѣтописяхъ *огневою*. — Въ лѣтописи Александро-Невской (см. выше, примѣч. 373) сказано: «бысть болѣсть его тяжка зѣло, мало и людей знаяше». Далѣе: «Да почали» (послѣ К. Воротынскаго) «и иные Бояре говорити, «чтобы К. Володимеръ Андр. цѣловалъ крестъ, а не учнетъ цѣловати, и «ему оттудова» (изъ дворца) «не выйти—и цѣловалъ по неволѣ... Посы-«лалъ Государь К. Дм. Ѳед. Палецкого, да Дьяка своего Ивана Михай-«лова ко Княгинѣ» (матери К. Владиміра Андр.) «чтобы велѣла къ той «грамотѣ печать привѣсити, и ходили къ ней трожды, и много рѣчей «бранныхъ говорила. И оттолѣ бысть вражда, а въ Боярѣхъ смута, а «Царству во всемъ скудость».

(381) Здѣсь должны мы замѣтить важную ошибку К. Щербатова: ссылаясь на *Царствен. Книгу*, онъ пишетъ, что Іоаннъ по выздоровленіи своемъ велѣлъ Дьяку Захарову изслѣдовать, по чьему наущенію Бояре не хотѣли *присягать Царевичу Димитрію: казнилъ* Дворецкаго К. Ивана Ивановича Кубенскаго, Ѳедора и Василія Воронцовыхъ, и К. Дмитрія Курлятева, а Боярина Ивана Петровича Ѳедорова сослалъ на Бѣлоозеро». Кубенскаго и Воронцовыхъ казнили еще въ 1546 году (о чемъ мы писали во второй главѣ Іоаннова Царствованія); тогда же сослали и Ѳедорова; а К. Дмитрій Курлятевъ черезъ пять лѣтъ по выздоровленіи Государя воеводствовалъ въ Ливоніи, и умеръ въ 1562 году. Самъ К. Щербатовъ писалъ въ 1546 году о казни первыхъ, по забылъ! Сія ошибка произошла отъ того, что листы въ *Царствен. Кн.* перемѣшаны, и нѣкоторые вдвойнѣ: см. стр. 124 и 346, также стр. 142 и 347. Слова же Щербатова: «сопротивленіе въ требуемой присягѣ Царевичу Димитрію», прибавлены имъ на угадъ; въ *Царствен. Кн.* сказано только: «провѣдати, «по чьему науку бысть сіе сопротивство», то есть, оказанное въ 1546 году Новогородскими воинами: въ слѣдствіе чего Кубенскому и Воронцову отрубили головы.

(382) Ѳедоръ Григорьевичь Адашевъ пожалованъ въ Бояре въ 1553 году.

(383) Самъ Іоаннъ въ посланіи своемъ къ Курбскому пишетъ: «Они «же» (Сильвестръ и Адашевъ) хотѣша тогда воцарити Князя Владиміра, «младенца же нашего подобно Ироду погубити». Курбскій въ отвѣтѣ Царю говоритъ, что это ложь; что они знали неспособность К. Владиміра быть Царемъ.

(384) Въ томъ же письмѣ: «на нашу Царицу Анастасію ненависть «зѣльную воздвигше» (Адашевъ и Сильвестръ). Въ другомъ мѣстѣ: «егда (Анастасія) сопротивъ зла вашего бысть».

(385) Тамъ же: «Попу же Селивестру и Алексѣю не престающе намъ «*утѣсненіе* горчайше творити» (по выздоровленіи Царя).

(386) Въ Хронографѣ Гр. Толстаго, л. 429: «Неповинный (Максимъ) «въ заточеніи бысть во Твери 22 лѣта, а преже въ Іосифовѣ монастырѣ «въ темницѣ, и ту Св. Параклиту Канонъ написа углемъ по стѣнамъ; «благословеніемъ же Макарія Митрополита нача къ церкви ходити и «Святыхъ Таинъ причащатися, и написа исповѣданіе свое, очищая себя «отъ всѣхъ плевелъ еретическихъ — и послѣди Вел. Княземъ Иваномъ «Васильевичемъ, а умоленіемъ Троицкаго Сергіева монастыря Игумена «Артемія, изведенъ бысть изо Твери и повелѣно ему жити въ Троиц. «монастырѣ, и преставися въ лѣто 7064» (1556). См. о Максимѣ Т. VII, стр. 178. Въ библіотекѣ Волоколам. монастыря, въ книгѣ подъ № 666,

есть списокъ грамоты Александрійскаго Патріарха Іоакима къ Царю Іоанну о Максимѣ Грекѣ: тамъ сказано: «Въ Царствѣ тноемъ обрѣтается «нѣкій человѣкъ, учитель вѣры, Инокъ отъ Св. горы Аѳонскіа—имя ему «Максимъ—его же, отъ дѣйства Діавола и злыхъ человѣкъ козней, ввергъ «еси въ темницахъ и узахъ нерѣшимыхъ, и не можетъ ходити и учити «Слову Божію: о немъ бо слышахомъ и писаніа пріяхомъ отъ многыхъ, «якоже неправедно связанъ есть отъ власти твоея... Сицево не творятъ «Царіе достойни, но всѣмъ имѣютъ дверь свою отворену приходящимъ... «Учителя, яко же того убогаго Максима, иже научилъ и пользовалъ мно- «гыхъ Христіанъ въ Царствіи твоемъ и индѣ, нѣсть праведно дръжати «силою... ниже лѣпо есть, да вѣру имеши всякому слову безъ испытаніа. «Сего ради молимъ, до освободишь Инока Максима и даси ему всяку «волю итти, идѣже хощетъ, а наипаче въ постриженіе его... Не оскорби «убо мене о семъ... не престану отъ таковаго прошеніа... лѣта 7053 «(1545), Апр. въ 4».

(387) См. Курбскаго.

(388) Курбскій: «не доѣзжаючи монастыря Кириллова, еще Шексною «плывучи, сынъ ему умре». Въ *Никон. Лѣт.* 202: «поѣхалъ Царь съ бра- «томъ К. Юріемъ Вас. на Пѣсношу къ Николѣ, да тутъ сѣлъ въ суды «на Яхромѣ рѣкѣ, да Яхромою въ Дубну, да былъ у Пречистые въ Мед- «вѣдевѣ пустынѣ; да Дубною въ Волгу, да былъ въ Колязинѣ монастырѣ «у Макарія Чудотворца, да оттолѣ на Угличѣ и у Покрова въ монастырѣ; «а оттолѣ на устье Шексны на Рыбную, да Шексною вверхъ къ Кириллу «Чудотворцу; да въ Кирилловѣ молебная совершилъ, учредивъ братію; «да ѣздилъ въ Ѳерапонтовъ монастырь и по пустынямъ; а Царица была «въ Кирилловѣ; и оттолѣ Царь пойде Шексною внизъ, да и Волгою внизъ «на Романовъ въ Ярославль и въ Ростовъ, и былъ у Чудотворцевъ, да «въ Переславль къ Троицѣ, и пріѣхалъ къ Москвѣ мѣс. Іюня. Того жь «мѣсяца не стало Царевича Дмитрея, назадъ ѣдучи къ Москвѣ, и поло- «жили его въ Архангелѣ въ ногахъ у В. К. Вясилья Ивановича».

(389) Вассіанъ, родомъ изъ Дворянъ, прозваніемъ Топорко или То- порковъ, былъ Епископомъ отъ 1525 до 1542 года.

(390) Въ 1555 году.

(391) Царевичь Іоаннъ родился 28 Марта 1554, и былъ крещенъ 15 Апрѣля въ Чудовѣ монастырѣ у мощей Св. Алексія. Митрополитъ Макарій принялъ его отъ купѣли... «а священная дѣлъ Андрей Прото- «попъ Благовѣщенскій».

(392) *Собраніе Госуд. Грамотъ* стр. 465. Тамъ сказано: «А жити ми «на Москвѣ въ своемъ дворѣ; а держати ми у себя своихъ людей вся- «кихъ сто восмь человѣкъ, а болѣ не держати; а опричь ми того служи- «лыхъ людей своихъ всѣхъ держати въ своей отчинѣ... А безъ Бояръ ми «сына твоего никотораго дѣла не дѣлати, которые Бояре въ твоей, Госу- «даря моего, душевной Грамотѣ писаны, и не сказавъ ми сыну твоему «и его матери никаково дѣла не вершити; какъ ми прикажетъ сынъ твой «и мать его, по тому ми всякіе дѣла вершити... А по грѣхомъ мать моя «учнетъ мя наводити на которое лихо сына твоего, Царевича Ивана, и «на матерь его лихо, или иной которой твой сынъ на Государствѣ бу- «детъ: и мнѣ матери твоей въ томъ ни въ чемъ не слушати, а сказати «ми тѣ ее рѣчи сыну твоему и матери его... А возметъ Богъ и сына тво- «его, Царевича Ивана, а иныхъ дѣтей твоихъ, Государя нашего, не оста- «нетъ же ся: *и мнѣ твой*, Государя своего, *приказъ весь исправити твоей «Царицѣ, В. Княгинѣ Анастасіи, и твоему брату, К. Юрью Васильевичю, по «твоей душевной грамотѣ, какъ еси имъ написалъ*». Іоанново завѣщаніе утратилось; но ясно, что К. Владиміръ по смерти Іоанновыхъ сыновей

долженствовалъ быть Царемъ, клятвенно обязываясь въ такомъ случаѣ отдать Анастасіи и К. Юрью назначенные имъ въ Государевой духовной удѣлы.—Сія *цѣловальная запись* подписана Митрополитомъ Макаріемъ въ Маѣ 1554 года.

(393) «Въ Іюлѣ (1554) побѣжалъ въ Литву К. Никита Сем. сынъ «Лобановъ-Ростовской, и поимали его Дѣти Боярскіе... и сказалъ на «Боярина К. Семена Ростовского... и К. Семенъ сказалъ, что хотѣлъ «бѣжать отъ убожества и малоумства, понеже скудота у него была ра«зума, и въ пустотѣ изѣдающе Царское жалованье и своя домашняя... «И человѣкъ его Семека сказалъ, что онъ съ Послы Литов. ссылался «человѣкомъ своимъ Бакшеемъ, и самъ съ ними дважды видѣлся и пра«дою увѣрился, и думу Царя Посломъ приказывалъ, и за тѣмъ Послы «вѣчнаго миру не здѣлали... и Бакшея къ Королю послалъ. И. К. Семенъ «и самъ сказалъ, что все то отъ малоумства говорилъ; а съ нимъ ѣхать «хотѣли такіе же малоумцы, Ростов. Князи Лобановы и Пріимковы... И «послали его на Бѣлоозеро въ тюрму, а людей его Царь велѣлъ распустить».

(394) См. въ *Никон. Лѣт.* годъ 1553, стр. 204, и Щербатовскій Лѣтописецъ въ томъ же году *(Исторія Рос.* К. Щербатова, V, 466). О поставленіи Рязан. Еп. Кассіана нѣтъ въ лѣтописяхъ. Въ нѣкоторыхъ Каталогахъ показано, что онъ отлученъ въ 1554 году.—Въ одномъ краткомъ лѣтописцѣ, принадлежащемъ Графу Ѳ. А. Толстому, нашелъ я слѣдующее мѣсто: «Въ лѣто 7062 бысть Соборъ на Москвѣ на Матѳеа Башкина ере«тика о Епископѣ Кассіанѣ Рязанскомъ и Муромскомъ. Сей убо Епис«копъ начатъ поборати по еретицѣхъ, паче же по своемъ старцѣ по «Исацѣ Бѣлобаевѣ, приведену ему бывшу изъ пустыни Соловецкія, нѣчто «и тому развращающу отъ церковныхъ законъ (по немнозѣ же времени «и живота лишися). Кассіанъ же начатъ хулити книгу Іосифа Волоцкаго «на ереси Новгород. еретиковъ, еже счини хитрѣ и мудрѣ отъ Божеств. «Писанія, принесеннѣй ей бывши на Соборъ тогда на обличеніе ерети«комъ. Благовѣрный же Царь и Митроп. Макарій и весь Соборъ зѣло «похвалиша ю. Богъ же, не терпя хулы на Преподобнаго, посылаетъ «Кассіану жезлъ наказанія: отъятся ему рука, тако же и нога, и немо«гій языкомъ глаголати; и бысть разслабленъ, и остави Епископію, и «пребысть въ монастырѣ; но не остася своего нрава, но ино развраще«ніе начатъ глаголати, и Христа Бога не Вседержителемъ нарицати: «болѣ, рече, согрѣшаемъ Богу, еже Христа Вседержителемъ нарицаемъ. «Нѣкогда же иде помолитися къ Димитрію Прилуцкому, паче же руга«тися и сваритися тамо на Епископа, гордостію нѣкако глаголя: чесо «ради не встрѣчаеши мене? азъ тебе старѣе... и отъиде бездѣльно, и тамо «злѣ разврати животъ свой, обратившися главѣ его назадъ, и тако злѣ «умре». — Вѣроятно, что о сей же ереси упоминаетъ К. Курбскій въ житіи благочестиваго Инока Ѳеодорита, сказывая, что многіе невинные по страдали тогда отъ клеветы: на примѣръ, бывшій Троицкій Игуменъ Артемій и Монахъ Савва Шахъ, обнесенные злымъ навѣтникомъ, Старцемъ Нектаріемъ; также и самъ блаженный Ѳеодоритъ Соловецкій, призванный быть свидѣтелемъ вмѣстѣ съ Бѣлобаевымъ: ихъ подозрѣвали въ согласіи съ еретиками. Курбскій пишетъ, что Царь, Митрополитъ и *пьяные* Епископы не исполнили своего долга: не просвѣтили раскольниковъ, а только наказали заточеніемъ. Лѣтописецъ напротивъ того хвалитъ ревность, благоразуміе, умѣренность Собора.

(395) Весною въ 1553 г. — «И Данило стоялъ по Камѣ и по Волгѣ «и побивалъ на перевозѣхъ Казанскихъ и Ногайскихъ людей, и живыхъ «въ Казань прислалъ 240». К. Микулинскій съ товарищами выступилъ изъ Нижняго 6 Дек. *Въ Архив. Лѣт.*: «Февр. пріѣхалъ отъ Воеводъ

«Назарей Глѣбовъ, что съ ними ходили Воеводы изъ Свіяжска города... «и пришли изъ Казани Арскою дорогою на высокую гору въ засѣки, и «послали воевати Головы по Чувашской дорогѣ и Ногайской, и по Камѣ «и по Мешѣ, и во многія мѣста; и сами идучи на Арской и къ Нурмѣ «и на Уржумъ.... А война ихъ была по Каму, а отъ Волги за Ошитъ и «за Уржумъ и на Илетъ отъ Казани вверхъ полтриста верстъ, а отъ «Волги къ Вяткѣ поперегъ 200 верстъ... а не была война вверхъ по «Волгѣ по Кокшагамъ и по Руткамъ; и пришли къ Воеводамъ Усеинъ «Сеитъ да Таокмышъ Шихзада, и за всю Арскую сторону и Побереж- «ную добили челомъ», и проч. Микулинскій возвратился къ Государю въ исходѣ Марта. См. также Курбскаго.

(396) «Авг. (1554) писали Воеводы изъ Казани, К. М. В. Глинской «съ товарищи, что посылали на Луговыхъ измѣнниковъ Князей Казан- «скихъ, Кебеняка да Кулая Мурзу, и всѣхъ Арскихъ и Побережныхъ «людей съ Нагорною, а съ ними Н. Кулѣшова, и Казанцы солгали, не «пошли, и сложася съ измѣнники, да тѣхъ Арскихъ людей черныхъ, ко- «торые Государю прямы были, побили, и къ городу Казани приходити «почали на сѣнокосъ... Апр. 13 (1555) прислалъ К. И. Ѳ. Мстиславской «Дмитрея Плещеева, что Воеводы пришли въ волость Вотлу, а Ив. «Петровича отпущали въ Етлугу и въ Рутки... и приходили пѣшая Че- «ремиса на лѣсу на сторожевой полкъ К. Вас. Токмакова, и онъ побилъ «ихъ; а отъ большихъ Воеводъ война была въ волостяхъ въ Шумортѣ, «да въ Хозяковѣ, да во Шли, да въ Мазарѣхъ въ обоихъ, да въ дву «волостехъ во Оршахъ, да въ Битшѣ, да въ Кушкули, въ Сорокѣ Кун- «шахъ, да въ Василуковѣ Белякѣ, да Мамичь-Бердѣевой волости, да «Килѣеву волость, да Кикину, да въ Кухтуялкокшахъ, да волость Сы- «залъ, да въ Маши, да Монамъ, да Кемерчи, да Удылазы... да были въ «войнѣ двѣ недѣли, да вышли на Волгу, и къ Казани ходили и назадъ «шли Волгою же къ Государю... Марта 1 писалъ К. М. Глинской, что «Луговые приходили на Арскую сторону, и Арскіе отъ нихъ отбилися, «остроги подѣлавъ, а съ ними были Стрѣльцы Царя... а Луговые воевали «села Татарскіе... Прислалъ изъ Свіяжскаго К. Мих. Воротынской, по- «сылалъ Горнихъ на Луговую сторону 700 человѣкъ на ртахъ (лыжахъ), «и побили людей и животину... М. Окт. прислалъ К. Глинской Данила «Адашева, что посылали на измѣнниковъ, на Кебѣулуна съ товарищи, «Князей Казанскихъ Еналея Чигасова, да Еналея Моматова, да Соц- «ково Стрѣлецково Оѳоньку Бортенева, да И. Мохнева съ Жильцы и съ «новокрещены... и побили, и привели Кебенека Князя, Курманалея К., «Кулая Мурзу, да Ниначебака Мурзу, и многихъ... и велѣли ихъ всѣхъ «побить. И Арскіе и Побережные переимали многихъ Татаръ и рѣзали; «и побили ихъ тою осенью 1560 именныхъ людей, Князей, Мурзъ, да «Сотныхъ Князей, да лучшихъ Казаковъ. И Государь послалъ съ золо- «тыми къ Воеводамъ и тѣмъ Татарамъ, которые прямо служатъ... А «Луговые Сотники, Мамичь Бердей съ товарищи, въ городъ не пошли, «и на Волгѣ приходятъ на суды... И Государь послалъ рать К. И. Мсти- «славскаго, да Боярина Данила Романовича, да Мих. Яков. Марозова, «да К. Вас. Сицкаго, да И. В. Меньшаго Шереметева», и проч.... «Марта 1 (1556) писалъ изъ Казани Бояринъ К. Петръ Ив. Шуйской, «что Арскіе и Побережные измѣнили и Стрѣльцовъ побили... а Мамичь «Бердей взялъ къ себѣ Царевича изъ Нагай, а съ нимъ человѣкъ со «сто Нагай... Тогожь мѣсяца Горніе люди, Алтышъ Сотникъ съ това- «рищи, привезли къ Государю Мамичь Бердея, что приходилъ ихъ вое- «вати, а съ нимъ 2000 человѣкъ, и къ острогу ихъ приступалъ... и они «съ нимъ сговорили, что имъ также измѣнити, да взяли его пити къ

«себѣ, а съ нимъ человѣкъ 200, да, всѣхъ побили... М. Апр. писалъ На-«мѣстникъ К. П. Шуйскій: отпущалъ онъ Боярина Петра Вас. Морозова «да съ нимъ Дѣтей Бояр. и Казаковъ, и Стрѣльцовъ, и новокрещеновъ, «и Татаръ на Побережныхъ людей и на Чалымской городокъ, и Петръ «городъ сжегъ и побилъ многихъ... И мѣсяца Мая ходилъ Петръ же на «Арское и на Мешѣ встрѣтилъ Петра Девлякъ Мурза съ Арскими «людьми... и Девляка побили и жива поймали... и Арскіе мѣста повое-«вали... и съ Петромъ ходилъ безъ мѣстъ Воевода Θед. Ив. Бутурлинъ... «Мѣсяца Іюня Петръ же ходилъ изъ Казани, да съ нимъ Θед. Игн. «Салтыковъ, да Дѣти Бояр. изъ Казани и Свіяжскаго, обои и перемир-«ные и старые, и годовальщики и Татарове, и новокрещеные, и Казаки, «и Стрѣльцы за Арское, за Ошитъ и за Уржумъ, и не доходили до «Вятки за 50 верстъ, и полонъ имали, женки и робята, а мужиковъ «всѣхъ побивали. А. Боярин К. Петръ Иванов. отпущалъ языковъ до-«бывати, и воевали Арскую сторону и Побережную до конца въ нужѣ «чинили, и достальные всѣ пришли въ Казань и били челомъ за свои «вины... Апр. (1557) писалъ изъ Казани К. П. И. Шуйской: велѣлъ «Арскимъ и Побережнымъ Татаромъ поставити на Камѣ въ Лаптовѣ «городъ, и въ немъ устроилъ новокрещеныхъ да Стрѣльцовъ, а у нихъ «Головъ Дѣтей Бояр. для Нагайскихъ людей приходу; а новокрещенымъ «велѣлъ тутъ пашню пахати, и у Казани и по пустымъ селамъ, и Ру-«скихъ людемъ. Тогожь мѣсяца писалъ изъ Свіяжскаго Ив. Пет. Θедо-«рова, что приходили на Горную Луговые люди, Ахметекъ богатырь, и «Иванъ посылалъ на нихъ Дѣтей Бояр. съ К. Іосифомъ Ковровымъ, и «Горнихъ, и Стрѣльцовъ, и своихъ людей, и побили, и Ахметека жива «взяли. Изъ Чебоксаръ писали, что приходили Луговые на Арскіе мѣста «и на Горнюю, и вездѣ ихъ побили, и изъ Казани, и изъ Свіаги, и изъ «Чебоксаръ посылаютъ ежедень на Луговую воевати... Мѣсяца Мая «писалъ Ив. Петровичъ, что Луговые прислали бити челомъ о своихъ «винахъ... и Государь послалъ Сетряпчего своего, Сем. Степ. Ярцова... «и всѣ правду дали... А изъ Казани писалъ К. П. Ив., что Енебякъ съ «товарищи добили челомъ, а Башкирцы и ясакъ поплатили. А изъ Че-«боксаръ писалъ К. Петръ Сем., что Мамичь-Бердеевы дѣти, Ика Сотц-«кой, и всѣ достальные били челомъ и правду дали... И С. Ярцовъ къ «Государю пріѣхалъ, и сказывалъ, что всею землею люди правду дали... «и къ Государю пріѣхали ото всей земли Сотные Князи. Казимиръ да «Какадаянъ Тимиръ съ товарищи», и проч.

(397) Еще Іоаннъ III посылалъ *золотые* храбрымъ воинамъ: см. Т. VI въ описаніи 1469 года. Сіи медали были иногда золотыя иностранныя деньги, иногда же нарочно для того битыя въ Москвѣ, и назывались Московками. Я видѣлъ ихъ нѣсколько, и разной величины, въ Кабинетѣ Г. А. И. Мусина-Пушкина. Воеводамъ давались большія, съ изображеніемъ лица Государева.

(398) См. Курбскаго.

(399) Въ *Никон. Лѣт.* 231: «А сперва Митрополитъ и всѣ Владыки «и монастыри пособствуютъ Казанскому Владыкѣ деньгами и хлѣбомъ». Гурій, избранный *по жребію* Февр. 3, и поставленный въ присутствіи всего Двора, Литовскихъ и Волотскихъ Пословъ, отправился въ Казань 26 Мая съ образами, съ Архимандритами и Игуменами. Царь и Митрополитъ проводили его за Флоровскія ворота, Бояре и Духовенство до Симонова, а Епископъ Крутицкій до судовъ.

(400) *Никон. Лѣт.* 286.

(401) Т. I, стр. 44.

(402) Т. IV, стр. 62.

(403) См. выше, въ описаніи 1552 года.

(404) *Никон. Лѣт.* 209.

(405) Тамъ же: «Владиміръ, раздѣляя области на части дѣтемъ «своимъ, ту Асторохань (тогда именовалася Тмуторокань) далъ сыну «своему Мстиславу».

(406) См. тамъ же и Дѣла Ногайскія, No 4, л. 86. Въ Окт. 1553 пріѣхали Ногайскіе Послы въ Москву, гдѣ Алексѣй Адашевъ уговорился съ ними, чтобы Исмаилъ дѣйствовалъ противъ Астрахани въ одно время съ нашимъ войскомъ, и свергнулъ брата своего, Юсуфа, который держалъ Іоанновыхъ гонцевъ въ оковахъ.—Дербышъ находился въ Россіи еще съ Окт. 1551 и владѣлъ Звенигородомъ.

(407) См. Курбскаго и *Никон. Лѣт.* 210.

(408) «Угонилъ Атаманъ Ѳедка Павловъ ушкулъ съ дѣвками Ца«ревыми, да и набаты Царевы... И Воеводы пошли въ Чаганъ да въ «Казань (нынѣ Бузанской протокъ) на море, а въ Балды (нынѣ Бал«динской протокъ) послалъ Головы, да въ Иванчюкъ, и языки сказывали, «что Царь пошелъ въ Мочакъ... и пришли на Бѣло озеро... и сказали, «что Царю бѣжати въ Тюмень... и Воеводы выгребли на море... и Го«ловы имали Богатыя Князя, и сказывалъ, что Царицы идутъ въ Баз«цыжь Мочакъ, и пришли туда Атаманъ Ѳедка съ товарищи, и Царицъ «поймали, большую Тефкель Келмагметову Мурзину дочь, другую Крым«шавкалову Цареву дочь Кандазу, да Цареву Емгурчееву дочь Ерту«гану, да Цареву жь Емгурчееву меншицу Ельякши Биримину, и взята «родила сына Ярышты, да Царевичеву жену Анболатову Мергивану, да «Царевичеву дочъ Байбиче Царевну; а людей многихъ побили; а Князи «и Мурзы и всѣ люди Астрах. пошли Узкимъ Мочакомъ къ Карабу«лаку, и тѣхъ Воеводы дошли Іюля въ 7, и побили... и Астраханскіе люди «пошли на поле, конные и пѣшіе, и Воеводы дошли ихъ у Бѣлого озера, «и тутъ многихъ побили, и полону Руского много отполонили; и Астрах. «люди учили бить челомъ: пріѣхалъ Кара Иклешъ Князь, и учалъ бити «челомъ... и Ишимъ К., и Алей и иные... и поѣхали въ судѣхъ съ Вос«водами... и Енгуватъ Азей пришолъ, а съ нимъ Молны и Азеи, и «правду учинили... И стояли Воеводы въ Асторохани 4 недѣли и пошли «Іюля 29». См. *Никон. Лѣт.* 217—223, и *Архив. Лѣт.* л. 231 и слѣд. *Тюмень*, о коемъ здѣсь упоминается, не есть Сибирскій: такъ назывался городъ около Терека во стѣ-осьмидесяти верстахъ о Дербента (см. *Большой Чертежъ* стр. 242).

(409) «К. Юрій Шемякинъ прислалъ *съ сегунчемъ* (съ вѣстію) К. Вас. «Барбашина; а Государь былъ въ своемъ селѣ Коломенскомъ, празд«никъ творяще рожденію своему: тамо бо по вся лѣто праздноваше», и проч.—Дербышъ прислалъ тогда двухъ Князей съ изъявленіемъ благодарности Государю.

(410) Царицы пріѣхали въ Москву 18 Окт. Ихъ встрѣчали за посадомъ Казначеи, и кушанье присылали имъ изъ дворца.

(411) См. Дѣла Ногайскія No 4, л. 253.

(412) 13 Апр. 1555 Дербышъ извѣстилъ Государя о приходѣ изгнанника Ямгурчея къ Астрахани, а въ Маѣ уже началъ сноситься съ Ханомъ Крымскимъ. Тургеневъ долженъ былъ выѣхать оттуда, но встрѣтивъ на Волгѣ Козаковъ и Стрѣльцовъ съ Головою Григорьемъ Кавтыревымъ, возвратился къ Дербышу. «Мѣсяца Авг. прислалъ изъ Асторохани Г. «Кавтыревъ, а сказываетъ: Дербышъ и всѣ люди изъ города выбѣжали, «по тому, солгали имъ, что Царь и В. К. велѣлъ ихъ побити; а Крым«ской къ нимъ прислалъ трехъ Царевичей съ пушками. И Григорій съ «Дербышемъ сослался... и Дербышъ и вся земля пришла въ Асторо-

«кань... Мая 20 отпустилъ Государь въ Астороканъ Посла Л. Мансурова «съ своимъ жалованьемъ, да отпустилъ къ Дербышу Царицы, да пословъ «его... Пришли (въ Нояб. 1555) Г. Кавтыревъ, да Посолъ Тургеневъ, да «Дербышевъ, а сказывали, что Дербышъ не прямитъ, а отъ Измаила «выбитыхъ Мурзъ перевезъ къ себѣ и укрѣпился съ ними, что ему съ «Юсуфовыми дѣтьми стояти за одинъ... Отпустилъ Государь (въ Мартѣ «1556) въ Астороханъ Черемисинова... да Вятчаны въ судѣхъ... Писали «изъ Астороханы Головы (въ Сент.), Черемисиновъ съ товарищи, что они «пришли, а городъ пустъ, и утвердивъ его пошли за Дербышемъ къ «морю, и нашли суды всѣ Астороханскіе, и посѣкли, и пожгли... и сошли «Царя отъ берега верстъ съ 20, ночью, и побили. И на утро собрався «Дербышъ съ Мурзами Ногайск. и Крым., и билися съ ними идучи до «Волги весь день, и отошли Головы здорово. А преже ихъ приходилъ «на Царя Ляпунъ Атаманъ (Донской), и поймалъ многіе Улусы: потому «Астороханцы выбѣжали изъ города. Черемисиновъ съ Царемъ ссылается, «и правду Дербышъ и вся земля дали... и Андр. Тишкова вымѣняли на «жонки, дали 15 жонокъ Асторох. полону... и укрѣпилися во градѣ, и по «Волгѣ Казаковъ и Стрѣльцовъ разставили, и отняли волю у Нагай и «рыбныя ловли и перевозы у Астороханцевъ. Того жь мѣсяца 23 пи- «салъ Черемисиновъ, что Дербышъ въ городъ къ нимъ не поѣхалъ, измѣ- «нилъ, а отводятъ его отъ Государя Атаманъ Дуванъ, Крым. Воевода, «которой къ нему съ весны присланъ и съ пушками, и Юсуфовы дѣти... «Мѣс. Дек. писалъ Ив. Черемисиновъ и М. Кулупаевъ, что Юнузъ «Мурза, да Адалей, Юсуфовы дѣти, Исмаилю Князю добили челомъ... и «пришли на Дербыша, да его прогнали, а пушки поймали и прислали «въ городъ къ Ивану, и Дербышъ побѣжалъ въ Азовъ, а оттолѣ къ «Меки; а черные люди Астороханцы приходятъ и бьютъ челомъ Госу- «дарю... а иныхъ многихъ розвели Нагаи... Писали изъ Астороханы (въ «Маѣ 1557), что кочевали и зимовали Ногаи подъ Астороханью и тор- «говали во всю зиму полюбовно; а изо многихъ земель присылали, изъ «Шевкалъ, изъ Шамахеи, изъ Дербени, изъ Юргенча, о братствѣ и любви, «и на веснѣ хотятъ со многими торги быти въ Астороханъ... а люди «Астороханскіе, Чалымъ Уланъ въ головахъ, и Моллы, и Ходжіи, и «Шихи, и Шихзады, и Князи и Мурзы, и Казаки, и вся чернь правду «дали Государю; и Иванъ и Михайло раздавали имъ острови и пашни «по старинѣ, и ясаки платить по старинѣ, какъ прежнимъ Царемъ пла- «тили; а Князи отъ собя прислали, чтобы ихъ Государь въ Крымъ и въ «Нагаи не выдалъ и въ холопствѣ у себя учинилъ». См. *Никон. Лѣт.* 224—287.

(413) На примѣръ, въ грамотѣ Царя къ Іоанну, Королю Шведскому (Дѣла Шведск. No 3, л. 6 на об.): «Царствъ нашихъ Россійскаго 26, Ка- «занского 20, Астороханскаго 18».

(414) См. Т. V, стр. 305.

(415) «Ив. Черем. писалъ (въ Іюлѣ 1557), что пришли гости изъ «Шамахеи, Дербени, Шевкалъ (въ Дагестанѣ), Тюмени, Юргенча (Хивы), «Сарайчика, со всякими товары... Да пришли изъ Астороханы жь послы «отъ Крымшевкала и отъ всей земли Шавкалскіе, да отъ Тюменскаго «Князя съ поминки бити челомъ, чтобъ Государь велѣлъ имъ быти въ «своемъ имени и въ холопствѣ у себя учинилъ... и что ся Государю у «нихъ полюбитъ, ино то все присылать станутъ ежегодъ... Пришли въ «Москву послы (въ Окт. 1558) изъ Юргенча отъ Царя Хадчима, посолъ «Тенишъ Азей съ товарищи, съ поминки и съ великимъ челобитьемъ о «любви, чтобъ Государь велѣлъ дорогу гостемъ дати и его бы берегъ... «Пришли послы изъ Бухаръ изъ Шамархаи отъ Царя Бухарскова и

Шамархапского (Самаркандскаго), Азамай Азей да Шихъ, съ любов-«нымъ челобитьемъ: просятъ дороги гостемъ. Пришли послы изъ Тюмени «отъ К. Тюменскаго, чтобы Государь держалъ его въ своемъ имени— «и отъ Шавкала, чтобы Государь оборонилъ ихъ отъ своихъ холопей, «отъ Черкасскихъ Князей... Писалъ изъ Астрахани Ив. Выродковъ (въ «Дек. 1559), что Тюменской Мурза Мамай, Агишевъ сынъ, пріѣхалъ «бити челомъ, чтобы Государь далъ ему рать на дядю его, Тюменскова «Князя, и учинилъ бы его на Тюмени; а онъ холопъ Государевъ... Да «изъ *Щелкалъ* (Шавкалъ) ко Государю приказываютъ, чтобы прислалъ «рать на Крымщелкалъ, а имъ далъ иного, а они всею землею холопи «Государевы». См. *Никон. Лѣт.* 289, и *Архив. Лѣт.* л. 327 на об. и 344.

(416) «Пріѣхали къ Государю (въ Нояб. 1552) Черкаскіе Князи «Маушукъ да К. *Иванъ* Ензбозлуковъ, да Тапашукъ, чтобы Государь «вступился въ нихъ, а ихъ съ землями взялъ къ себѣ въ холопи, и отъ «Крымского оборонилъ... Пріѣхали изъ Черкасъ Князи (въ Авг. 1555) «Сибокъ да братъ его Арцынгукъ, *Жжанскіе* (Жаженскіе) Черкаскіе Го-«судари, да Тутарыкъ К. Езбулзеевъ, да съ Сибокомъ сынъ его Куда-«декъ, а людей съ нимъ 150, да Государевъ Посолъ пришелъ, Андрей «Щепетовъ, и били челомъ, чтобы Государь далъ имъ помочь на Тур-«ского городы и Азовъ и на Крымского, а они холопи его; а Андрей «сказалъ, что дали правду всею землею... И Сибокъ билъ челомъ, чтобы «крестити сына его... а Тутарикъ К. о себѣ билъ челомъ... и въ креще-«ніи Тутарику имя К. Иванъ... Пріѣхали (въ Іюнѣ 1557) Князи Чер-«каскіе служить Государю, Маашукъ К., да Себокъ... Да Татаръ Мурза: «служилъ у Крымского, ему шуринъ... Мѣсяца Іюля прислалъ И. Чере-«мисиновъ Ваську Вражскаго съ Черкаскимъ Мурзою съ Калычомъ, отъ «Кабартынскихъ Князей и Черкаскихъ, отъ Темерюка, да отъ Тазрюта К., «чтобы Государь велѣлъ имъ собѣ служити, а на Шавкалъ бы помочь «учинить Астороханскимъ Воеводамъ... Иверской Князь и вся земля «Иверская Государю съ нимъ же бьютъ челомъ... Пріѣхали (въ Окт. 1558) «изъ Черкасъ изъ Кабарды большого Князя дѣти Темрюковы, Булге-«рукъ, да Салтанукъ Мурза», и проч. См. *Архив. Лѣт.* л. 327, 344 и *Никон.* 197, 246, 288, 289.

(417) В XIII вѣкѣ Рубруквисъ находилъ тамъ многихъ Христіанъ между Аланами. Въ 1552 г. пріѣзжалъ въ Москву К. Черкасскій *Иванъ*, вѣроятно Христіанинъ (см. выше, примѣч. 416).

(418) См. Дѣла Ногайск. No 4, л. 313 и слѣд. Въ Февр. 1555 Исмаилъ прислалъ въ Москву своихъ пословъ и Россійскихъ, бывшихъ въ неволѣ у Юсуфа, съ извѣстіемъ, что сей мятежный Князь имъ убитъ (см. *Никон. Лѣт.* 230).

(419) Дѣла Ног. No 4, л. 326 и 356.

(420) См. Абульгази и Карпина, также сей *Исторіи* Т. IV.

(421) Въ грамотѣ къ Англ. Кор. Эдуарду VI: Commander of all Siberia (см. Hakluyt's Navigations, II, 255).

(422) См. *Никон. Лѣт.* г. 1555, стр. 228.

(423) *Архив. Лѣт.* г. 1556, л. 278 и 328.

(424) Hakluyt's Navigations II, 232—236. Имена Англійскія: Hugh Willoughby, Chancellor, Chancelor, Chancelour.

Въ *Двинск. Лѣтописцѣ*, стр. 126: «Въ лѣто 7063 по зимѣ пріиде «вѣсть къ Царю отъ заморскія Корелы: нашли-де мы на Мурманскомъ «морѣ два корабля, стоятъ на якоряхъ въ становищахъ, а люди на нихъ «всѣ мертвы, а товаровъ на нихъ много... И Государь указалъ Намѣст-«нику, К. Сем. Ив. Микулинскому, съ Двины послати въ лодьяхъ къ «тѣмъ кораблямъ, и переписавъ товаръ, велѣлъ привезти на Холмогоры.

«К. же Сем. послалъ выборнаго Голову Фофана Макарова, да Мих. Ко«сицына, да Анфиловья Посельскаго, да Емельяна Епихова; они же въ «кораблѣхъ товаръ переписавъ взяли, и пушки и пищали и снасть кора«бельную привезли на Холмогоры. Князь же Сем. весь бытъ запечаталъ «до Государева указу».

(425) Сіи люди были рыбаки: они хотѣли тотчасъ уплыть въ лодкѣ, по Ченселеръ догналъ ихъ (см. Hakl., стр. 246).

Въ *Двинск. Лѣт.* стр. 125: «Авг. въ 24 (1553) пришелъ корабль съ «моря на устье Двины, и обослався, пріѣхали на Колмогоры въ малыхъ «судѣхъ отъ Англинскаго Короля Эдварта Посолъ Рыцертъ, а съ нимъ «гости, а сказался, что идетъ къ Вел. Государю... и Приказщики Колмо«горскіе, выборные Головы Филипъ Родіоновъ, Фофанъ Макаровъ и зем«скіе судьи, о приходѣ того Посла писали къ Царю, и велѣли корабль «на зимовье ввести въ Унскую губу, лѣта 7062 Окт. Посолъ же и гости «отпущены къ Москвѣ съ Колмогоръ Ноября 23».

(426) Hakl. Navig. стр. 231, 249.

(427) Тамъ же, стр. 230. Сіе письмо издано на Англійскомъ и Латинскомъ языкѣ.

(428) Англичане пишутъ, что слуги во время обѣда три раза перемѣняли одежду, и что сей обѣдъ продолжался до ночи (зимою); см. тамъ же, стр. 250.

(429) Тамъ же, стр. 255. Письмо Государево было писано по-Русски съ Голландскимъ (Dutch: не съ Нѣмецкимъ ли?) переводомъ, въ Февралѣ 1554. Въ *Двинск. Лѣт.* 126: «Марта въ 15 Царь отпустилъ Посла «и гостей съ Москвы; они же, пріѣхавъ, жили у корабля до весны и «отошли въ свою землю».

(430) George Killingworth, Graie, по старинному правописанію. Ниже упомянется о Капитанѣ Burrough. Въ нашихъ лѣтописяхъ: «Мѣ«сяца Окт. (1555) пришли отъ Карлосова сына Агл. Филиппа Короля «и его Королевы Маріи Посланники Рыцертъ (Ричардъ Ченселеръ) да «Юрьи (George Killingworth) съ грамотами, одна по-Фряски (Ита«ліански), другая по-Польски, а третья по-Гречески, а во всѣхъ писано «одно дѣло... съ великою любовною похвалою, нарицая Государя Царемъ «благочестивымъ» (Emperor of all Russia). Въ *Двинск. Лѣт.*: «Іюля 23 «пришелъ корабль изъ Агл. земли, а на немъ Посолъ съ гостьми, и на «Холмогорахъ суды наймовали, и товаръ взявъ къ Вологдѣ, пошли. «Пришли Агл. 4 корабля, а Вологодскіе суды съ Рускими товары хо«дили къ кораблямъ на Корельское устье».

(431) Hakl. Navig, стр. 265.

(432) Тамъ же, стр. 263: The 11 day of Sept. we came to Vologda, and there we laide all our wares up, and sold very little; but one marchant would have given us 12 roBles for a broad cloth... and 4 altines for a pound of sugar. Далѣе сказано, что рубль есть гинея, алтынъ шиллингъ.

(433) *Никон. Лѣт.* 264. Они поѣхали изъ Москвы въ Іюнѣ, а отплыли съ Двины 23 Іюля. Государь велѣлъ отдать Англичанамъ все найденное на кораблѣхъ несчастнаго Виллоби. Съ Непѣею поѣхали въ Лондонъ изъ гостей Фофанъ Макаровъ и Михайло Григорьевъ. Здѣсь Двинскій Лѣтописецъ называетъ Англію *Нѣмецкою* землею.

(434) Hakluyt II, 287 и 288: The Lord Bishop of Elie and Sir William Peter, chief Secretary to their Highnesse, who after divers secret talkes, reported to their Highnèsse their proceedings, the gravitie, wisedome and stately behaviour of the said Ambaassdour, in such sort as was much to their Majesties contentations.

(435) Въ *Архив. Лът.* г. 1557, Сент.: «Да Король прислалъ доспѣхъ «свой полной, да скорлаты и отласы... и Царя и В. К. гостемъ путь «чистъ учинили и дворъ имъ въ большомъ своемъ городѣ въ *Лунскомъ* «(Лондонѣ) дали и безо всякихъ пошлинъ торговати велѣли; да отпус- «тили съ Непѣею мастеровъ многихъ, Дохтуровъ, и злату и серебру «искателей и дѣятелей, и иныхъ». Гутъ Шотландія названа *Шетцкимъ* Королевствомъ.—Непѣя подалъ Маріи и Филиппу списокъ Іоанновымъ дарамъ, которые были расхищены Шотландцами: 1) 6 паръ богатыхъ соболей; 2) 20 цѣлыхъ соболей съ зубами, ушами и когтями; 3) четыре живыхъ съ цѣпями и ошейниками; 4) шесть большихъ шкуръ (не мѣховъ ли?), которые носилъ самъ Царь за ихъ рѣдкость; 5) бѣлой кречетъ съ серебрянымъ барабаномъ и вызолоченною сѣткою. Марія и Филиппъ послали къ Іоанну: 1) два куска парчи; 2) половинку алаго сукна, фіолетоваго, голубаго; 3) два панцыря и шлемъ, покрытый алымъ бархатомъ и съ вызолоченными гвоздями; 4) льва и львицу.—Съ Непѣею было въ Лондонѣ девять Россіянъ, названныхъ отчасти странными именами въ Гаклуйтѣ (II, 287—290).

(436) As a testimonie and witness of their good hearts, zeale and tendernesse towards him and his countrey.

(437) Hakl. II, 324. Въ *Двинск. Лът.* 127: «Пришли (въ 1555 г.) «Голанскія и Брабанскія земли корабли, а на нихъ торговые иноземцы, «и съ Рускими людьми торговали на Корельскомъ устьѣ по 95 годъ».

(438) Въ 1553 г. Ханъ присылалъ гонца, обѣщаясь доставить шертную грамоту, и требуя, чтобъ Іоаннъ отпустилъ къ нему назадъ пословъ его, задержанныхъ въ Москвѣ. Іюня 29 Царь отпустилъ ихъ и послалъ къ Хану Дворянина Өед. Дм. Загряжскаго. Іюля 6 услышали, что Крымцы идутъ на Россію: Государь съ Царемъ Симеономъ, Шигъ-Алеемъ, съ Князьями Черкесскими и съ Царевичемъ Кайбулою выѣхалъ въ Коломну,ославъ К. Владиміра Андр. съ К. Микулинскимъ въ Серпуховъ, а Царя Дербыша съ К. Мстиславскимъ въ Калугу. Воевода Мцепскій, К. Петръ Горенскій, побивъ отрядъ Крымцевъ, узналъ отъ плѣнниковъ, что Девлетъ-Гирей ходилъ на Черкесовъ, а въ Россію уже не будетъ. 13 Окт. пріѣхалъ въ Москву Ханскій Посолъ Шагмансырь Уланъ съ Шертною грамотою. Въ Апр. 1554 Ханъ черезъ гонца требовалъ даровъ. Іоаннъ предлагалъ ему размѣняться Послами, и въ Мартѣ 1555 увѣдомилъ его о завоеваніи Астрахани. Въ Маѣ Девлетъ-Гирей писалъ къ Царю, что отпуститъ Загряжскаго вмѣстѣ съ новымъ посломъ своимъ, но обманулъ (см. *Никон. Лът.* 202—240).

(439) См. Курбскаго.

(440) Іоаннъ въ 1556 г. писалъ къ Исламу, Ногайскому К.: «нынѣ «намъ дорога Крымская вѣдома, и Богъ дастъ, хотимъ съ Крымскимъ «свое дѣло дѣлати; того для есмя и съ Литовскимъ помирилися». Онъ велѣлъ сказать Исмаилу, что Россія можетъ послать до *четырехъ сотъ тысячъ* воиновъ на Хана.

(441) См. выше.

(142) Въ Мартѣ 1558 г. пріѣзжалъ въ Москву отъ Султана купецъ Мустафа Челибей съ богатыми дарами, бархатами, атласами, коврами шелковыми, для Царя и дѣтей его (см. *Никон. Лът.* 300).

(443) «И пошли изъ Бѣлева на Троицынъ день Муравскою дорогою, «и пришли вверхъ Мжаи и Коломока, и ту прибѣжалъ къ нимъ сторожъ «отъ Святыхъ горъ... и воротилися и пошли подъ сакму (на слѣдъ)... И «Царь того же дни отпустилъ Воеводъ, а самъ пошелъ на третій... и «на Столцѣ пришла вѣсть къ нему отъ Ив. Шереметева, что, идучи за «Ханомъ, посылалъ на его кошъ Головы... и кошъ взяли... и Воеводы

«пошли за Царемъ его сакмою и встрѣтилися со Царемъ... и посылали «назадъ по Головы и по Дѣти Боярскіе, чтобы къ нимъ спѣшили, и «прискакали не многіе... и Царь Крымскій (на другой день) съ своимъ «полкомъ пришелъ, да Воеводъ разгромилъ, а самъ къ Тулѣ идетъ... И «Царь и В. К. пришелъ на Тулу въ Суботу на солнечномъ всходѣ, и «тутъ пріѣхали Бояринъ Ив. Вас. Шереметевъ, да Окольничей Левъ «Андр. Салтыковъ... Дмит. Плещеевъ и Бахтеяръ Зузинъ пріѣхали того «же дни... На томъ бою убили—и взяли Дѣтей Боярскихъ 320, а Стрѣль-«цовъ 34», и проч. См. *Никон. Лѣт.* 242.

(444) См. Курбск. Онъ жалуется на излишнюю довѣренность Іоаннову къ Дьякамъ, говоря, что сіи люди никогда прежде не бывали въ такой чести.

(445) См. тамъ же.

(446) Черезъ 5 недѣль: см. *Никон. Лѣт.* 244.

(447) См. Далина Gesch. des R. Schw. III, 344, 351, 360. Марія отвѣчала, что она не запретитъ своимъ подданнымъ выгодной для нихъ торговли, но возметъ мѣры, чтобы они не доставляли воинскихъ снарядовъ Россіянамъ.

(448) См. сей *Исторіи* Т. IV, г. 1349—1350.

(449) Въ *Никон. Лѣт.* 247: «и Нѣмцы (Шведы) почали села жечь «(въ 1555 г.) и Дѣтей Боярскихъ убиваютъ, и гостей у себя задержали, «и Сына Бояр. на колъ горломъ посадили... И К. Дм. Палецкой, обо-«слався съ Царемъ, послалъ свое взяти Ив. Бибикова... и Нѣмцы его «побили». Далинъ пишетъ, что у Бибикова было 30,000 воиновъ; что онъ, видя малочисленность непріятеля, въ насмѣшку пилъ здоровье ихъ Полководца, Іонса Мансона. Сей же Историкъ пишетъ, что Россіяне 2 Генв. 1555 свирѣпствовали въ окрестностяхъ Выборга и потонули въ Рафландскомъ озерѣ; что самъ К. Палецкій ходилъ въ Финляндію, и проч.

(450) См. Дѣла Шведск. No 1, л. 1—56.

(451) Кузминъ говорилъ о *Мурманской* (Норвежской) землѣ и *Варгавѣ*: Шведы не понимали его, какъ пишетъ Далинъ, не зная сихъ названій.

(452) См. Далина, стр. 354, и Дѣла Швед. No 1, л. 47. Въ *Никон. Лѣт.*: «Пришелъ (въ Сент.) Яковъ Бага отъ Выбора на конехъ и пѣшіе, «и въ бусѣхъ съ моря Невою съ нарядомъ... Взяли у нихъ бусу, а на «ней 150 человѣкъ да 4 пушки... а Семенъ Шереметевъ (Новогород. «Дворецкій) приходилъ на тѣхъ, которые воевали за Невою... И какъ «пошли Нѣмцы отъ Орѣшка, К. Андр. Ногтевъ, да Петръ Петровъ (за-«щитники Орѣшка) и С. Шереметевъ были на три полки, а люди не «сошлись, и Нѣмцы учали стрѣляти, и передовой полкъ дрогнулъ, а не «убили тутъ Нѣмцы никово: мертвыхъ отъ стрѣлъ и отъ пищалей на обѣ «стороны было человѣкъ по пяти и по шти». А Далинъ пишетъ, что Шведы побили множество Россіянъ.

(453) «Февр. 7 пріѣхалъ отъ Воеводъ Шемяка К. Дмит. Гагаринъ, «а отъ Царевича Уразлы Мурза... Какъ Воеводы пришли за рубежъ въ «Смолино и въ Лебежье, и послали къ городу къ Киновепи, (Кинодепи, «Кивену)... и пришли (Шведы близъ Выборга) на Яртоульской полкъ, «К. Микиту Пріимкова Ростовскаго, да Ѳед. Пушкина, и Ѳедора съ коня «сбили и ранили, и К. Микиту... и напустили передовымъ полкомъ Сем. «да Никита Шереметевы и побили Нѣмцевъ и гонили по гору; а тутъ «пріѣздъ тѣсенъ, и ранили Ник. Шереметева; и поспѣшилъ къ нимъ Ца-«ревичъ Кайбула... а правой руки Воевода Ив. Шереметевъ меньшой «обшолъ около... а К. Андр. Ногтевъ не былъ на бою: ногу испортилъ «еще на рубежѣ... и велѣли К. Григ. Путятину по Выбору изъ наряда «ибти... и изъ города вылазити не дали... и послали въ Лаверцкой по-

«гостъ верстъ за сто за Выборъ, и стрѣтился Нѣмцы изъ Стекольна «отъ Короля, и тѣхъ побили... и къ городку Дощаному (Дощану) посы-«лали», и проч. См. *Архив. Лит.* л. 61, и *Никон.* 254. Далинъ пишетъ, что Русскіе бѣжали отъ Выборга, испуганные возами сѣна, которое Шведы везли въ крѣпость!

(454) Дѣла Пог. No 4, л. 315.

(455) Дѣла Швед. No 1, л. 5 и слѣд.

(456) Тамъ же, л. 18 и 34: «Къ рукѣ ево и ѣсти не звалъ того для, «что пріѣхалъ въ первые послѣ войны, и еще не вѣдомо, что въ грамо-«тахъ писано.. И того дни» (уже по прочтеніи грамотъ) «гонецъ Кнутъ «у Царя и В. К. ѣлъ».

(457) Тамъ же, л. 49: «Самому будетъ тебѣ не вѣдомо, и ты купцовъ «своихъ вспроси увѣдай: Ноугородцкіе пригородки Псковъ и Устюгъ и «Двинскую землю чаю знаютъ, сколькимъ многимъ одинъ изъ тѣхъ больши «Стекольны?»

(458) Тамъ же, л. 60: «кубокъ золоченъ, съ покрышкою поставной, «а на верху въ покрышкѣ часы».

(459) Тамъ же, л. 97: «К. Ѳедоръ былъ Данровичъ, и то Ибреима «Царя Казанскаго внукъ; а К. Михайло Кисло и К. Борисъ Горбатой, «и то Суздальскіе Князи отъ корени Государей Русихъ — К. Юрьи «Мих. Булгаковъ, и то Королю Литовскому братъ въ четвертомъ ко-«лѣнѣ — а нынѣ К. Мих. Вас. Глинской, и то было не давно, К. Мих. «Львовича Глинского въ Нѣметцкихъ земляхъ знали многіе; а Олексѣй «Данил. Плещеевъ, и то извѣчные Государскіе Бояре родовъ за тритцать «и болѣе... А про Государя вашего въ розсудъ вамъ скажемъ, а не въ «укоръ, которого онъ роду, и какъ животиною торговалъ и въ Свейскую «землю пришелъ: то не давно ся дѣлало, и всѣмъ вѣдомо». Густавъ, въ 1519 г. ушедши изъ Даніи, ѣхалъ съ Саксонскими промышленниками, которые торговали волами: см. Далина III, 8.

(460) Въ *Никон. Лит.* 281: «Государь велѣлъ Ноугородцкимъ На-«мѣстникомъ перемирье утвердити... и отпустилъОсловъ съ Москвы въ «Новгородъ Марта, и Намѣстники Ноугород. Свизского Короля къ цѣло-«ванію привели, и грамоты утвердили печатьми; а отъ себя къ Королю «послали Ив. Шарапова Замыцкаго».

(461) Дѣла *Швед.* л. 59.

(462) Далинъ 362.

(463) Тамъ же.

(464) Дѣла Польск. No 4, 644—661, Окт. 1556.

(465) Въ Дек. 1552 пріѣзжалъ въ Москву гонецъ съ письмами отъ Литовскихъ Вельможъ къ нашимъ Боярамъ и Митрополиту, чтобы они уговорили Царя быть другомъ Литвѣ. Митроп. отвѣчалъ словесно, что государственныя дѣла до него не касаются; а Бояре писали къ нимъ, что сношенія между Литвою и Россіею пресѣклись отъ несогласія Авгу-стова именовать Іоанна Царемъ; что мы никогда не шлемъОсловъ въ чужія земли для переговоровъ о мирѣ, но что другіе Государи обыкно-венно присылаютъ къ намъ для того своихъ. Въ Іюнѣ 1553 г. явился въ Москвѣ Августовъ Посланникъ, Андрей Станиславъ, съ извѣстіемъ, что за нимъ будутъ Большіе Послы. Станиславъ не обѣдалъ во дворцѣ; у него не взяли и даровъ: ибо онъ въ разговорахъ не хотѣлъ называть Іоанна Царемъ. 22 Авг. пріѣхали въ Москву Воевода Полоцкій С. До-война и Маршалокъ Воловичъ. Споръ о титулѣ опять воспрепятствовалъ миру, и Государь, отпуская ихъ, сказалъ: «Намъ ся видитъ, что пришли «есте не дѣла для, но для раздору». Они уѣхали. Іоаннъ, безпокоясь тогда о слѣдствіяхъ Казанскаго мятежа, согласно съ общимъ мнѣніемъ

Думы велѣлъ имъ воротиться и заключилъ перемиріе съ Литвою на 2 года. Бояринъ Вас. Мих. Юрьевъ ѣздилъ къ Августу съ договорными грамотами. Король хотѣлъ дать присягу только на своей; но Юрьевъ заставилъ его сложить обѣ вмѣстѣ, то есть, Литовскую съ нашею, и произнести клятву въ вѣрномъ исполненіи договора. Переписка о титулѣ продолжалась до Марта 1556 года, когда Витебскій Воевода, К. Степ. Андр. Збаражскій, и Маршалокъ Шимковичь заключили въ Москвѣ новое перемиріе на шесть лѣтъ. Они спросили у Бояръ: если Государи ваши издавна именовались Царями, то для чего же отецъ и дѣдъ Іоанновъ не «требовали отъ насъ сего титула?» *Для того* (сказали Бояре), *что они не вѣнчались на Царство. Государи Польскіе также назывались единственно Великими Князьями до Ягайла; но послѣ его Королевскаго вѣнчанія приняли титулъ Королей.*—Бояринъ Ив. Мих. Воронцовъ отвезъ къ Августу договорную Грамоту. См. Дѣла Польск. No 4, 215—661.

(466) Въ Окт. 1555 пріѣхали изъ Крыма въ Москву гонецъ Ханскій и нашъ отъ Загряжскаго, Татаринъ Баймеря, который сказалъ Государю, что Девлетъ-Гирей въ бигвѣ съ Шереметевымъ лишился знатнѣйшихъ Князей и Мурзъ: см. *Ник. Лѣт.* 250.

(467) Въ Мартѣ 1556 Атаманъ Мих. Грошевъ ходилъ изъ Рыльска въ степи и схватилъ многихъ Крымцевъ, объявившихъ ему о намѣреніи Хана итти на Россію. Тогда Дьякъ Ржевскій былъ высланъ изъ Путивля на рѣку Пселъ, построилъ суда и съ Козаками отправился къ Днѣпров. порогамъ; а другіе Козаки стояли на берегахъ Дона (см. *Никон. Лѣт.* 262, 264).

(468) «Царь и В. К., пріѣхавъ отъ Троицы, пошелъ въ Серпуховъ «предъ заговѣньемъ Петровымъ, а съ нимъ К. Владиміръ Андреевичь, «Царь Семеонъ, да Бояре; а велѣлъ у собя быти въ Серпуховѣ Царе«вичу Кайбулѣ, а съ нимъ всѣ Князи и Мурзы Городецкіе, а стояти «въ Торусѣ, да передовому полку, да правой рукѣ, а большому усть «Поротвы, а лѣвой на Сенкинѣ перевозѣ, а сторожевому усть Лопасны... «и послалъ Окольничаго Ник. Вас. Шереметева заняти мѣста за Шаво«роною... И сказали Хану, что Царь и В. К. ждетъ его... и пошелъ «былъ на Черкасы, и на Міюсъ прислали за нимъ изъ Крыму, что «видѣли многихъ Русскихъ на Днѣпрѣ къ Исламъ-Кирменю... и воро«тился, и многіе люди у него померли повѣтріемъ». См. *Архив. Лѣт.* и *Никон.* 266.

(469) «Ходили подъ Исламъ-Кирмень и Восланъ-Кирмень: люди убе«реглись, а животину отгонили... и у Очакова острогъ взяли... и за ними «ходили Санчаки Очаковской и Тягинской, и Дьякъ на нихъ учинилъ въ «тростнику у Днѣпра подсаду и побилъ изъ пищалей.. и подъ Исламъ «Кирмень пришелъ Калга, а съ нимъ весь Крымъ... и бился съ нимъ «изъ пищалей 6 дней, да отогналъ ночью стада конные, да на островъ «къ себѣ перевезъ, и по Заднѣпрью по Литовской сторонѣ вверхъ по«шелъ и расшелся съ Царевичемъ Дьякъ, далъ Богъ, здорово». См. *Архив. Лѣт.* и *Никон.* 266 и 267.

(470) Въ Сент. 1557 К. Вишневецкій прислалъ въ Москву Атамана Есковича съ предложеніемъ своихъ услугъ Царю и съ извѣстіемъ, что онъ укрѣпился близъ Крымскихъ кочевищъ (см. *Никон. Лѣт.* 272, 274, 276, 284).

(471) См. тамъ же, стр. 276. Вишневецкій взялъ Исламъ-Кирмень, а Черкесы Темрюкъ и Таманъ въ Окт. 1556. Ханъ нападалъ на перваго весною въ 1557 году.

(472) Курбскій. Слѣдующее взято изъ него же. Въ лѣтописяхъ сказано, что Ханъ въ 1577 г. захватилъ девять Улусовъ Ногайскихъ, и что они ушли отъ него опять къ Исмаилу (см. *Ник. Лѣт.* 292).

(473) Въ *Никон. Лѣт.* 276: «Пришелъ (въ Дек. 1556) изъ Нагай «Ц. Тахтамышь... а былъ много лѣтъ въ Крымѣ... и выбѣжалъ къ Исмаилю «К., и Исмаилъ отпустилъ его служити Царю».

(474) Вишневецкій въ Окт. 1557 писалъ къ Государю о своемъ вступленіи въ Каневъ, а въ Нояб. пріѣхалъ въ Москву (см. *Никон. Лѣт.* 293).

(475) Въ *Никон. Лѣт.* 296: «Изъ Крыма посолъ Өед. Загряжской» (въ Генв. 1558) «пришелъ, а сказывалъ, что Царь правду учинилъ, и «сына своего на Короля Литовскаго отпустилъ», и проч.—Государь отпустилъ тогда стараго Ханскаго посла, а новаго у себя задержалъ.

(476) См. Дѣла Польск. No 4, 661—692. Въ *Архив. Лѣт.* 297 на об.: «Воевалъ Царевичь Крымской (въ 1558 г.) Литовскую землю, Во«лынь, Подляшье, Подолье, а былъ въ землѣ 4 недѣли, и взялъ полону «больши 40 тысячь; а встрѣчи ему и посылки за нимъ не было». Курбскій такъ говоритъ о Королѣ и Панахъ: «Его Королевское Величество «не къ тому» (не къ защитѣ земли) «обращалося умомъ, но паче въ «различныя плясанія и въ преиспещренныя машкары; такожъ и Властели «земли тоя драгоцѣнными колачи гортань и чрево натыкающе, и яко бы «во утлыя дельвы дражайшія различныя вина безмѣрно ліюще и съ Пече«нѣги купно высоко скачуще и воздухъ біюще, и прегордѣ другъ друга пьяніи восхваляюще... Егда же возлягутъ на одрѣхъ своихъ между «толстыми перинами, тогда едва ко полудню проспавшись со связан«ными головами едва живы съ похмѣлья».

(477) Въ *Никон. Лѣт.* 295: «Отпущенъ въ Черкасы» (Мурза Кабардинскій Канклычь) «на Казань да на Астрохань судномъ, изъ Черкасъ «имъ итти ратью мимо Азова... А велѣлъ ему (Вишневецкому) Государь «суды подѣлати и съ запасы итти на Днѣпръ» (въ Генв. 1558). См. Курбскаго.

(478) См. Дѣла Польск. No 4, стр. 661—718. Къ Королю посланъ былъ Романъ Вас. Олферьевъ, а отъ него съ благодарностію пріѣзжалъ Виленскій Конюшій Волчковъ. Августъ освободилъ тогда К. Мих. Юр. Оболенскаго, К. Ив. Өед. Шелешпальскаго и трехъ иныхъ плѣнниковъ.

(479) См. между моими Кенигсберг. бумагами, No 638, письмо Филиппа Фонъ-деръ-Брюггена, Ливонскаго Посла, къ Римскому Императору въ 1551 году, гдѣ сказано: des Moscobiters Gewalt und Macht ist sehr gros und dermassen erschrecklich, das auch alle angrentzende Konige und Grosfürsten Christlichs Namens ihre Häupter gegen ime nidderslagen und den Frieden diemutig von ime bitten müssen. Und der Moscobiter hat fur und fur mit ganzem Ernst und Vleis darnach getracht, wie er Leifflandt gemeiner Christenheit und dem heiligen Reich Teutscher Nation abzihen und unter seinen grausamen Gewalt und Unglauben bringen mochte, der Hoffnung, wo er Liefflandt erobert und dardurch der Ostsehe mechtig wurde, die andern nagelegenen ansrossenden Lande, als Littawen, Polen, Preussen und Schweden, desto schleiniger auch unter sein Gehorsam zu bringen... Der itzige Moscobiter ist ein junger Man und deswegen zum Kriege und Pluetevergiessen desto hitziger... Und hangt dieser Beschwerung weiter an das unter dem Schein der Handtwercks-Leute, Kriegs-und Dienstvolcks, allerley verdampte Secten und Rotten, alls Sacramentirer, Widdertheufer und dergleichen, die nirgent sicher zu hausen wissen, sich dahin in grosser Antzal wurden begeben, daselbst der Moscobiter wüste Religion gar verwuesten und gemeiner Christenheit pluetige Tragedien, wie derselben Art und Gebrauch ist, anrichten.

(480) *Никон. Лѣт.* 215, Арнтъ Lieh. Chr. 217, и между моими Кенигсберг. бумагами No 698 донесеніе Ливон. Пословъ Магистру. Сіи Послы были отъ Магистра и Архіеп. Рижскаго, І. Фонъ-Боккорстъ, Отто Гротгузенъ, Бенедиктъ Ферстенау и переводчикъ Мельхіоръ Гротгузенъ, а отъ Епископа Дерптскаго Вольмеръ Врангельнъ, Дитрихъ Каверн и Блазіусъ Бекке.

(481) Арнтъ 194.

(482) См. Кельха Lieh. Hist. 189 и Кенигсберг. бумаги No 697. Въ *Архив. Лѣт.* г. 1556, л. 277: «Окт. 2 пріѣхалъ къ Государю изъ Нѣмецъ «гонецъ Гриша Фляминъ бити челомъ о салѣ и о воску, чтобъ имъ пан«сыри пропущати; а Государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ сало и воскъ «пропущати; и Государь велѣлъ Посломъ ихъ быти».

(483) Сей умникъ назывался Георгъ Гольцшуэръ: см. Арнта 229, Кельха 215, и Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1554.

(484) По сказанію Арнта: «Береги и корми сего теленка, чтобъ онъ «выросъ и разжирѣлъ».

(485) Такимъ образомъ: «и всеа Сибирскіе земли и сѣверныя страны «повелителя, и Государя Ливонскіе земли и иныхъ». Сей титулъ уже находится въ письмѣ Іоанна къ Эдуарду VI отъ Февр. 1554: «Lord and Great Duke of Novogrud, of Gernigo, Resan, Polotskoy, Rostove, Jaruslaveley, Bealozera, Lieftand, Ondoria (см. Hakluyt II, 255).

(486) Въ *Никон. Лѣт.* 282: «Прислалъ Маистръ Валентина, да Мельхера, да писаря Ганса», и проч.

(487) См. тамъ же, стр. 283 и 288. Шастуновъ съ товарищами поѣхалъ въ Апр., а въ Іюлѣ городъ былъ уже готовъ: «ставилъ его Петръ «Петровъ, да Иванъ Выродковъ».

(488) См. Кельха, стр. 190, 200.

(489) См. Арнта 194, 195.

(490) Въ *Никон. Лѣт.* г. 1556, стр. 259, и *Архив. Лѣт.* л. 267: «По се «время Бояре и Князи и Дѣти Боярскіе сидѣли по кормленіямъ для рас«правы людемъ и себѣ для покою... и какъ съѣдутъ съ кормленій, и мужики «многими иски отыскиваютъ, и много въ томъ кровопролитія и оскверненія душамъ содѣяша... и многіе Намѣстники и Волостели и стараго «своего стяжанія избыша, животовъ и вотчинъ... И повелѣ Государь во «градѣхъ и волостехъ росчинити Старосты и Сотцкіе, и Пятидесятцкіе «и Десятцкіе, и страшнымъ и грознымъ запрещеніемъ заповѣдь положити, чтобъ имъ разсуждати промежъ разбой и татьбы и всякіе дѣла, «отнюдь бы никоторая вражда не именовалась, также ни мзда, ни лжи«вое послушество; а кого лиха найдутъ, таковыхъ велѣлъ казнемъ пре«давати; а на грады и на волости положити оброки по ихъ промысламъ «и по землямъ» (см. ниже, примѣч. 587, г. 1557)... «Бояръ же и всѣхъ «воиновъ устроилъ кормленіемъ праведнымъ, уроки, ему же достоитъ по «отечеству и по дородству, а городовыхъ въ четвертой годъ, а иныхъ «въ третій годъ денежнымъ жалованьемъ. Потомъ же и сія разсмотри, «которые Вельможи и всякіе воини многими землями завладали и служ«бою оскудѣша, не противъ Государева жалованья и своихъ вотчинъ «служба ихъ, Государь же имъ ровненіе творяше въ помѣстьяхъ земле«мѣріемъ... а съ вотчинъ и съ помѣстья уложенную службу учини же, «со ста четвертей угожіе земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсѣ въ полномъ, а въ дальній походъ отъ дву конь; и кто послужитъ, и Государь «ихъ жалуетъ своимъ жалованьемъ, и на уложеные люди денежное: а «кто землю держитъ, а службы съ нее не служитъ, и на тѣхъ на самихъ «имати деньги за люди; а кто даетъ въ службу люди лишніе передъ «землею итѣмъ большое жалованье самимъ, а людемъ предъ уложен-

«ными въ полтретья давати деньгами» (слѣдственно въ два раза съ половиною).

Еще до Казанскаго похода, въ Окт. 1550 года, Царь издалъ слѣдующій указъ о раздачѣ земель сановникамъ и Дѣтямъ Боярскимъ:

«Приговорилъ Государь съ Бояры учинити въ Московскомъ уѣздѣ... «отъ Москвы верстъ за 60 и за 70 помѣщиковъ, Дѣтей Боярскихъ, луч- «шихъ слугъ, тысячу человѣкъ; а которымъ Бояромъ и Окольничимъ «быти готовымъ къ посылкѣ, а помѣстья и вотчинъ въ Москов. уѣздѣ у «нихъ не будетъ, и имъ дати помѣстье въ Москов. уѣздѣ по двѣсти чет- «вертей, а дѣтямъ Боярскимъ въ первой статьѣ по 200 жъ четвертей, «а въ другой статьѣ Дѣтемъ Боярскимъ по сту по пятидесяти четвер- «тей, а въ третьей по сту; а сѣна жъ имъ давати по столькужъ копенъ, «на сколько кому дано четвертныя пашни, опричь крестьянскаго сѣна; «а крестьяномъ дати на выть по 30 копенъ; а который изъ того чину «вымретъ, а сынъ его не пригодится къ той службѣ, и въ то мѣсто при- «брати иного; а за которыми Бояры и за Дѣтьми Боярскими вотчины «въ Москов. уѣздѣ или въ иномъ городѣ близко Москвы верстъ за 50 «или за 60, и тѣмъ помѣстья не давати». Слѣдуетъ списокъ Бояръ, сановниковъ и Дѣтей Боярскихъ, коимъ даны тогда земли. См. въ *Указатель Рос. Законовъ* Т. I, стр. 106—117.

(491) Въ *Никон. Лѣт.* 265: «И по сему множество воинства учи- «нишася».

(492) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1581: «А у В. К. и Царя было въ «собраніи тогда 300 тысячь въ Старицѣ».

(493) Уже при отцѣ его, В. К. Василіи, брали съ городовъ *Пищальниковъ*, которые были то же, что Стрѣльцы: См. Т. VII, прим. 78. Въ *Двинск. Лѣт.* сказано, что въ 1656 г. взято было на Двинѣ 500 уѣздныхъ людей въ городовые Стрѣльцы, а въ 1658 съ двухъ дворовъ крестьянскихъ по человѣку въ Московскіе Стрѣльцы.

(494) Въ *Никон. Лѣт.* 260: «и потѣхи никоторые во умъ его Цар- «ской не внидетъ, токмо Законъ Христовъ и ратные дѣла». Въ Гаклуйтѣ II, стр. 320: Hee settets all his delight upon two things, first to serve God, and the second, howe to subdue and conquere his enemies.

(495) Кельхъ, Арнтъ и проч.

(496) См. Арнта 226.

(497) Въ большомъ полку Шигъ-Алей, да Бояре К. Мих. Вас. Глин- «ской, да Дан. Романовичь, да Черкаскіе Князи Сибокъ съ братьею; а «въ передов. Царевичь Тахтамышъ, да Бояре Ив. Вас. Шереметевъ «большой, да Алексѣй Дан. Басмановъ, да Черкаскіе Князи Иванъ Маа- «шикъ съ братьею, да Дан. Адашевъ, а съ нимъ Казанскіе люди и съ «Свіяги, и изъ Чебоксаръ, и Черемиса, и новокрещеные; а въ правой «рукѣ Царевичь Кайбула... и Городецкіе люди, Сеитъ и Князи и Мур- «зы», и проч.

(498) Въ *Никон. Лѣт.* 294: «М. Дек. пришли отъ Маистра Клаусъ «да Томасъ, да Мелькеръ, а отъ Бискупа Юрьев. Елертъ да Христо- «форъ, да Власъ Бека» (Арнтъ и Кельхъ именуютъ только Элерда, Крузе «и Клауса Франке)... «и добили челомъ, что дати полпятдесятъ тысячъ «ефимковъ, а Московская 18 тысячъ рублевъ».

(499) См. Кельха, стр. 223. Впрочемъ съ Послами обходились весьма учтиво. Тогда родился у Царя сынъ Ѳеодоръ; имъ дозволили быть свидѣтелями его крещенія, а не *пріемниками*, какъ сказано въ *Подробной Лѣтописи*, которой сочинитель бралъ свои извѣстія изъ Бреденбаха или Гваньини, и въ которой есть нелѣпости; на примѣръ, сказано, что Іоанновымъ войскомъ въ Ливоніи предводительствовалъ *Сисе-*

галердія (Шигъ-Алей), *славный морскій разбойникъ* (стр. 10: см. Арнта 229 въ примѣчаніи).

(500) См. тамъ же.

(501) По нашимъ лѣтописямъ: «Новова городка, Керекепи, Алыста, «Курслова, Бабя городка». Я называю всѣ мѣста по Арнту (Tabelle der Städte, стр. 338).

(502) Въ *Никон. Лът.* 297: «Пришли на Ертоулъ... Послалъ Бояринъ «Ив. Вас. Шереметевъ Дѣтей Боярскихъ, да К. Вас. Сем. Серебреной, «да Ив. Меньшой Шереметевъ... и многіе Черкасы... и побивали Нѣмецъ по самой городъ, а къ Воеводамъ привели 54 человѣка».

(503) Одинъ городокъ названъ въ Лѣтописи: *Аскилусъ*. Это не Ускиль: ибо Русскіе не подходили такъ близко къ Ригѣ: развѣ Atzell? Они всего на все потеряли тогда 33 человѣка.

(504) См. Арнта 230. Въ *Архив. Псков. Лът.*: «А иное сторон- «щики воевали по всему рубежу, охочіе... а зима была гола, безъ «снѣгу, и ходъ конемъ былъ нужно грудовато; а ходили полчетыре «недѣли».

(505) Въ Архив. *Псков. Лът.*: «И тотъ К. Михайло, съ людьми «своими ѣдучи, дорогою сильно грабилъ своихъ, и на рубежи люди его «деревни Псковскіе земли грабили и животъ сѣкли, да и дворы жгли. «И Царь и В. К. про то на него опалился, и велѣлъ обыскати, кого «грабили дорогою и на немъ доправити».

(506) См. Кельха 223, и Арнта 230. Современникъ благоразумный, Нейштетъ, хвалитъ Шигъ-Алея.

(507) Сіе перемиріе было означено въ *опасной грамоть*, данной Государемъ для свободнаго проѣзда Магистровыхъ Пословъ въ Москву. См. въ моихъ Кенигсберг. бумагахъ донесеніе Ливон. Пословъ No 699.

(508) См. Курбскаго.

(509) Въ *Никон. Лът.* 300—305: «Писали съ Иваня-города Воеводы... «что Нѣмцы стрѣляютъ изъ наряду, а они не смѣютъ безъ Царева вѣ- «дома... и К. Григорей Темкинъ съ товарищи воевали городъ Влехъ, «Резицу, Лужу и Чясвяни четыре дни... и прислали 26 Нѣмчиновъ въ «доспѣсѣхъ... И Государь послалъ на Ивань-городъ Дьяка Шестака Воронина, а велѣлъ изо всего наряду стрѣляти въ Ругодивъ... а по «инымъ по всѣмъ украйнамъ воевати не велѣлъ.. и въ Великую Суб- «боту выѣхали Ругодовскіе Посадники и били челомъ.. а за Князца «(Фохта) не стоятъ: воровалъ о своей головѣ... и послали къ Государю, «а въ Иванѣ-городѣ посадили въ закладѣ у Воеводъ полатниковъ своихъ «лучшихъ, Ивана Бѣлого, да Аширя Чермново... и Царь послалъ на «Ивань-городъ Боярина Алексѣя Дан. Басманова, да Воеводу Дан. Ѳед. «Адашева... И Маія въ 1 Якимъ и Захаръ» (Нарвскіе Депутаты) «въ «Москву пріѣхали», и проч.

(510) Тамъ же, стр. 305: «Пришли съ Ругодива Ратманъ Ромашко «самъ-пятъ, о томъ-де мы не посыловали, что намъ отъ Маистра «отстать... и Данило ихъ не отпустилъ».

(511) Тамъ же: «Воеводы отпустили» (Головъ Стрѣлецкихъ) «за «рѣку, чтобы сторожей стоптати не дати и отвести къ себѣ за рѣку.. «и учали возитца ниже Ругодива 5 верстъ; а Нѣмцы весь нарядъ въ «Ругодивъ отпустили, а сами пришли къ перевозу, а всего осталося на «ихъ сторонѣ человѣкъ со сто, а Нѣмцевъ съ тысячю, и конныхъ и пѣ- «шихъ.. и побили ихъ, и гоняли подъ самой Ругодивъ, а взяли у нихъ «33 человѣка... и языки сказывали, что Ругодивцы Царю измѣнили, «Якима да Захара (къ нему) отпустили, а къ Маистру послали, чтобъ «ихъ не выдалъ... и прислалъ Князца, а съ нимъ съ пищальми 700

«человѣкъ, да съ нарядомъ люди; и Ругодивцы промежъ собою крестъ «цѣловали, что имъ Царю не здатца.

(512) Курбскій: «овіи же врата вымающе отъ домовъ своихъ, и «поплыша». Въ *Никон. Лѣт.* 306: «Воеводы къ нимъ послали, на чемъ «били челомъ, чтобъ на томъ словѣ и стояли, и Нѣмцы отказали». См «Арнта 232.

(513) См. Курбск. Въ *Никон. Лѣт.* 307: «Увидѣли на великомъ «пламени образъ Пречистыя лежитъ лицомъ на огонь, и ничѣмъ неврежденъ; а въ другомъ мѣстѣ нашли Николинъ образъ... и огонь почалъ «тишать». Съ сими иконами Архіеп. Новогородскій 4 Авг. прислалъ въ «Москву Юрьев. Архимандрита и Софійскаго Протопопа; Царь и Митрополитъ встрѣтили ихъ у Пятницы Ржевской и отнесли въ Успенскій Соборъ, гдѣ пѣли молебенъ. См. *Архив. Лѣт.* 315.

(514) Въ *Архив. Лѣт.*: «Пришли въ (Маѣ) отъ Маистра Послы, «Ѳедоръ Ферштибетрехъ, братъ Маистровъ, да Клаусъ, да Симонъ (Гросманъ), да Мелхеръ, а Бискуповы Архимандритъ Юрьевской Велва» (Вольфгангъ Цаберъ) «да Ганусъ Иванъ, да Власъ Бека; и Клаусъ «и Архимандр. на дорогѣ померли». См. и *Никон. Лѣт.* 309. Ливонскіе Историки несправедливо пишутъ, что сіи Послы привозили съ собою деньги, и что Царь уже не хотѣлъ взять оныхъ. См. слѣдующее примѣчаніе.

(515) См. между моими Кенигсберг. бумагами отвѣтъ Царя Посламъ Ливонскимъ, и донесеніе ихъ No 698 и 699, гдѣ сказано: Dass wir sie nun sollen begnadigen, unsern Zorn von ihnen abwenden und den Derptischen Zins nicht von ihnen nehmen, derhalben, dass das Stifft Derpt gar ist verheret und vertorben, und in vielen Jahren bey Menschengedencken nicht kan erholet werden, und unser Kriegsvolck haben in dem Kriege mehr genommen, als der Zins gewessen ist. Далѣе Царь изъявляетъ свое неудовольствіе, что Магистръ и Епископъ Дерптскій не хотѣли прислать къ нему такихъ знатныхъ чиновниковъ, какихъ прислалъ въ Москву Король Шведскій. Hierauf durch die Gesanten semptlichen eingeworfen, dass mein gnediger Herr Meister seinen eigenen Blutsfreundt (брата) und der Bischoff seinen eldisten Prelaten, so in Got verstorben. neben inen andern abgefertigt. Далѣе говорятъ Адашевъ и Дьякъ Михайловъ: So die Hern (Магистръ и Епископъ) des Grosfursten Zorn stillen und seine Macht von den Landen zu Lifflandt abwenden wolten, solthen sie thun, als die Keisers zu Cassan und Asterkan, einer von Kriesten (Христіанинъ) und auch der Keiser Segalei (Шигъ-Алея) selbst, mechtige Hern, gethan hetten, und vor dem Grosfursten komen mit dem Zins aus dem ganzen Lande zu Lifflandt, ihrer Key. Grosmajest. das Haupt schlagen (челомъ ударить) und ferner thun, was ihre Key. Grosm. von ihnen wurde begeren.

(516) См. Арнта 233.

(517) Въ *Архив. Лѣт.* л. 309—311: «нарядъ изъ судовъ выняли» (у *Сыренска* или Пейпуса)... черные люди изо всего Сыренскаго уѣзда, «Латыши и *Бать* и Чюхи правду дали... Прислали къ Государю изъ «Ругодива Бояринъ и Намѣстникъ Олексѣй Дан. Басмановъ да Воевода «И. А. Бутурлинъ, что *Адежского* города люди добили челомъ». По Латышски Адежемъ назывался городокъ Neuermühlen; но онъ былъ въ 11 верстахъ отъ Риги (см. Арнта 344): здѣсь говорится о другомъ мѣстѣ, къ сторонѣ Везенберга.

(518) *Архив. Лѣт.* л. 311 на об. Тутъ былъ и Данило Адашевъ.

(519) См. тамъ же, л. 312—Арнта 234. и Курбскаго.

(520) См. Кельха, стр. 238.

(521) См. Курбскаго и Арнта 223.

(522) Въ *Архив. Лът.* 312—314: «Прибѣжали къ Воеводамъ два «Латыша, а сказали, что Маистеръ и Бискупъ отъ Керепети побѣжали, «и Воеводы отпустили Воеводу же А. И. Шеина, да Дан. Ѳ. Адашева «къ Керепети... и пошли за ними же.. и Андрей и Данило Керепеть «взяли, и тое же ночи пошли за Маистромъ.. и Маистеръ пошелъ на- «лѣво, а Бискупъ къ Юрьеву, и Воеводы Бискупа сошли на утрѣ за «полтретьяцать верстъ отъ Юрьева... и гоняли по самой посадъ... а «взяли 27 Нѣмчиновъ, Посадниковъ Юрьевскихъ и Бискупа лучшихъ «людей, и телеги съ доспѣхи и съ зельемъ... и пошли назадъ къ Каре- «пети... и сошлися съ Большими Воеводами... и дошли Маистра... и «Нѣмцы побѣжали, и Ертоулы за ними гоняли верстъ 15..., а люди отъ «Маистра разъѣхались», и проч. См. Арнта 234.

(523) См. Арнта и Кельха. Кетлеръ принялъ тогда единственно имя Коадъютора или Помощника Магистерскаго, а Магистромъ былъ названъ въ слѣдующемъ году.

(524) См. Арнта 237.

(525) Въ *Архив. Лът.* 314: «Тогожь мѣсяца (Іюля) прислалъ Маистръ «Ливонской Едиртъ (Готгардъ) человѣка своего, Индрика, съ тѣмъ, что «стараго Маистра Виглима (Вильгельма) скинули, а его Маистромъ учи- «нили, и Государь бы его пожаловалъ, рать свою унялъ», и проч.

(526) См. *Архив. Лът.* 313, и Арнта 235. Въ Архив. *Псков. Лът.*: «Костеръ на Омовжѣ (Эмбахѣ) взяли Козаки».

(527) См. Курбскаго.

(528) См. Арнта 236.

(529) См. Арнта 237.

(530) См. тамъ же.

(531) У Арнта: Ein Woywode mit der Friedensfahne ritte voraus.

(532) Сверхъ того нѣсколько бочекъ вина, пива, рыбы, овса.

(533) Съ извѣстіемъ о взятіи Дерпта пріѣхалъ въ Москву сынъ К. Василья Серебрянаго, Борисъ. Въ *Архив. Лът.* 314: «Изъ наряду 6 дней «по городу били и стѣну розбили, и въ городѣ многихъ людей изъ наряду «побили, и вылазки многіе были, и на вылазкѣ Нѣмцевъ вездѣ побивали... «и Бискупа въ монастырь жити въ *Муково* (Фалькенау) отпустили... и «животъ Бискуповъ, и конхъ людей остался, поймали на Государя». Очевидецъ, Дерптскій знатный Баронъ Крузе, пишетъ, что добыча Россіянъ была не весьма важна по великодушію Шуйскаго (см. Арнта 237). Несогласіе между жителями Дерптскими Латинской и Лютеранской Вѣры способствовало намъ, какъ увѣряютъ, овладѣть симъ городомъ.— Курбскій сказываетъ, что Царь далъ Епископу большое помѣстье въ Россіи.

(534) Между моими Кенигсберг. бумагами находятся отношенія Бояръ къ Магистру, къ Правительству Ревеля, Маріенгаузена и другихъ городовъ, съ требованіемъ, чтобы они изъявили покорность Царю.

(535) См. Кельха 234.

(536) Въ *Архив. Лът.* 315—316: «Пошли изъ Сыренска къ *Ракоборгу* «(Везенбергу), и сказали заставу Нѣмецкую изъ Лаюса, и они побили... «и у Пайдуса (Падиса) посадъ пожгли... Посылали воевать Кескихъ (Вен- «денскихъ) мѣстъ, и приходили на нихъ Нѣмцы, Индрикъ да Кашпаръ, «со многими людьми, и К. Никита (Кропоткинъ) ихъ (начальниковъ) «поималъ и къ Воеводамъ привелъ... Да посылали къ Говью (Ацелю), «да къ Голубину (Шваненбургу)... и всѣхъ городовъ Нѣмецкихъ взяли «въ 66 году (1558) двадцать съ волостьми, и во всѣхъ городѣхъ церкви «Хрестьянскіе воздвигнули... Идучи (Воеводы) изъ Юрьева по Государеву

«наказу, посылали къ Голбину, а стояли тутъ Архіепископлевы люди въ «заставѣ. и Борисъ Колычовъ со всѣми людьми укрылся, а къ городу «послалъ Богдана Ржаникова съ немногими, и Нѣмцы учали Богдана «гонити и мчали полкомъ до Бориса, и онъ напустилъ и побилъ, а взяли «34 лучшихъ Нѣмецъ... Отпущали подъ Говью... и взяли», и проч.

(537) По извѣстію Нейштета, современника: см. Гадебуша Livl. Jahrb. г. 1558, стр. 545.

(538) Кавелехтъ называется въ нашихъ лѣтописяхъ Киневель и Итивпевель, а Верполь Полчевъ: см. *Архив. Лът.* л. 326.

(539) См. *Архив. Псков. Лът.* г. 7067.

(540) Въ *Архив. Лът.* л. 326—328: «Государь велѣлъ ити къ Рын«голу (Рингену) изъ Ракобора К. М. Рѣпнину... изо Пскова Черкаск. «Княземъ... а съ Вышегорода Ѳ. Шереметеву, а съ Красново Ѳ. Третья«кову, а изъ Юрьева К. Щепину... а съ Москвы послалъ Воеводу Бо«риса Колычова... и приходятъ на кормовщиковъ и побиваютъ, а языки «сказываютъ, что Маистръ приступаетъ къ Рынголу ежедень... и Воеводы «къ нему приходятъ къ станомъ, и онъ бьетъ изъ пушекъ... а на встрѣчю «нейдетъ... а сказываютъ, что Юрьевскіе Ратманы и Посадники съ Маи«стромъ ссылаютца, а велятъ ему быть къ Юрьеву, а въ Юрьевѣ люди не «многіе... «Послалъ Маистръ кормовъ для и заставу послалъ брата своего, «Яганъ Кетлеръ, и Воеводы заставу побили и брата Маистрова взяли, да «Оружничево, да Окольничево, да Конюшево и многихъ Князьковъ и Мызни«ковъ, всего 106 человѣкъ; а во всѣхъ посылкахъ 260 человѣкъ, а убили «тысячи съ три», и проч. См. еще Курбскаго и Архив. *Псков. Лът.*, гдѣ сказано, что Магистръ потерялъ на приступахъ до двухъ тысячь воиновъ.

(541) Въ Архив. *Псков. Лът.* сказано, что Россіянъ было 2000. Тутъ Нѣмцы взяли въ плѣнъ одного раненнаго чиновника Московскаго, который сказалъ Фелькерзаму по-Латини. Rogo Dominationem tuam, intercedat pro me apud Dominum suum, Magnum Livoniae Magistrum, ut me in civitatem ab medicos mittat, quia graviter et letaliter sum vulneratus (т. е.: «молю тебя быть моимъ ходатаемъ предъ В. Магистромъ, «чтобы онъ послалъ меня въ городъ къ Медикамъ: ибо я тяжело раненъ»); но сей чиновникъ тогдаже умеръ (см. Арнта 243).

(542) Арнтъ пишетъ, что Кетлеръ велѣлъ изрубить 400 Россіянъ въ замкѣ; а по сказанію Курбскаго, онъ уморилъ ихъ голодомъ и холодомъ.

(543) См. Архив. *Псков. Лът.*

(544) 130,000 по сказанію Ливонскихъ Историковъ, которые число нашихъ всегда умножаютъ, а своихъ уменьшаютъ: см. *Архив. Лът.* л. 329.

(545) Въ *Архив. Лът.* л. 335: «Шли къ Алысту (Маріенбургу) и Голбину «и къ Чесвину (Зесвегену), и отъ Чесвина пришли Нѣмцы... и Воеводь «ихъ Гедерда и Гануса побили, а третьево Яна Тува взяли, Печатника «Арцыбискупова, и лучшихъ 34 человѣка; да оттуды пошли къ Ровному, «да мимо Кесь... А городковъ взяли Пиклинъ, Рекотъ, Пиболда, Зербинъ, «Скуянъ, Ерль, Радогожъ, Нитоуръ, Сундежъ, Малополсь, Новой городъ, «и покинули Нѣмцы 11 городовъ», и проч. См. Арнта 245, и Архив. *Псков. Лът.*

(546) Въ *Архив. Лът.* л. 332 на об.: «Ходили Казаки своею охотою «за Воеводами 500 человѣкъ... и пришли къ Смелтину и на посадѣ Нѣ«мецъ побили... и городъ взяли, а живыхъ Нѣмецъ 20, да 200 Латышей».

(547) См. выше, стр. 265.

(548) См. Дѣла Польск. № 5, стр. 1—113. Отъ Короля пріѣзжали въ Москву Воевода Подляшскій Тишковичь и Андрей Хоружевъ, въ Мартѣ и въ Ноябрѣ 1559. Іоаннъ въ Іюнѣ посылалъ къ Августу Дворянина

Пивова требовать удовлетворенія въ обидахъ, сдѣланныхъ нашимъ купцамъ въ Литвѣ, и подписался *Государемъ Ливонскіе земли града Юрьева.*— Адашевъ, именемъ Царя говоря съ Тишковичемъ, сказалъ ему: «Што «прибыли въ перемирье? На всякой годъ Король въ Крымъ посылаетъ «дань и дары и накупаетъ на православіе; и Крымцы дары емлютъ, а «Державу Королевскую ежелѣтъ воюютъ... и тѣхъ кровей Крестьянскихъ «отъ чьихъ рукъ Богъ взыщетъ?... А Государь нашъ какъ возрасту своего «дошелъ и сѣлъ на свой конь, какъ всѣмъ Бусурманскимъ Государемъ «противенъ сталъ,» и проч. См. *Архив. Лът.* л. 334.

(549) Дѣла Швед. No 1, л. 189 на об.: «Хотимъ послати къ Ливон«памъ и повелимъ у нихъ выслушати, хотятъ ли они нынѣча въ ноги «пасти и учинити, какъ имъ достойно есть». Въ Апр. 1559 пріѣзжалъ отъ Густава въ Москву гонецъ Матвѣй, въ Окт. Посланникъ Матсонъ, а въ Іюлѣ 1560 Посланникъ Ларсонъ (см. тамъ же, л. 151—202).

(550) См. сей *Исторіи* Т. III, г. 1223.

(551) См. Арнта 242 и слѣд.

(552) См. Дѣла Датскія, No 1. Послы пріѣхали въ Москву 19 Марта 1559: Клаусъ Урне или Vhroe, Войдиславъ Вобиссеръ, Петръ Бильде и Іеронимъ Теннервъ (Thennerw или Ternetz), Секретарь и Докторъ Правъ.

(553) См. тамъ же. Въ сей грамотѣ сказано: «Мы для Фредерика «Короля васъ пожаловали: дали вамъ *тихое пристояніе* на 6 мѣсяцъ «отъ Маіа 1».

(554) См. выше. Въ *Архив. Лът.* 307: «Прислалъ К. Дм. Ив. Вишнепецкой (въ Маѣ 1558), что приходилъ къ Перекопи... а стоялъ и но«чевалъ за 10 верстъ, и пошелъ къ Днѣпру на Тованской перевозъ ниже «Исламъ-Кирмени полтритцать верстъ и стоялъ 3 дни... Царь Крымскій «со всѣми людьми былъ въ осадѣ, и пришелъ на Хортицкій островъ «далъ Богъ здорово; тутъ дождался Дьяка Ржевскаго съ суды и встрѣ«тилъ Дьяка выше пороговъ, и съ коши и съ запасы оставилъ выше «пороговъ на Монастырскомъ острову, а дѣтей Боярскихъ, которые по«томились, отпустилъ къ Государю, а у себя оставилъ не многихъ... и «пошелъ лѣтовати въ Исламъ-Кирмень и приходити на Улусы за Пе«рекопь и подъ Козелецъ... и Государь послалъ къ нему и къ Дьяку съ «золотыми», и проч.

(555) Въ *Архив. Лът.* 315: «Писали изъ Свіязсково города, прихо«дили Крымцы (въ Іюлѣ 1558)... и Горніе люди, Кочакъ К. съ товарищи, «побили ихъ; а Крымцовъ было 300 человѣкъ... Приходили Крымцы на «рыболовы на Волгѣ, и Ив. Клушинъ съ Вятчаны побили ихъ; а было «ихъ 100 человѣкъ, а ушло шесть».

(556) Курбскій пишетъ, что сія вѣсть дана была Хану изъ Москвы отъ Татаръ.

(557) Въ *Архив. Лът.* 227: «Отъ Исмаила К. дѣти отступили и съ «Улусы, и многіе Мурзы, и пошли въ Крымъ служити».

(558) Въ *Архив. Лът.* 330—332: «Пришли (Крымцы) на Мечю, за «два днища до Украйны, и тутъ поймали рыболововъ 5 человѣкъ, и ры«боловы сказали... и шелъ за нимъ» (Воротынскій за Царевичемъ) «до «Аскала (Оскола) и къ Донцу... а на сакмѣ его много тысячь мертвыхъ «лошадей и верблюдовъ», и проч.

(559) *Архив. Лът.* 332 и 336 на об. Вишневецкій и Данило Адашевъ поѣхали изъ Москвы въ Фев. 1559. Первый въ Апрѣлѣ прислалъ къ Государю 14 языковъ Крымскихъ, извѣстивъ его, что онъ разбилъ на Идарѣ близъ Азова 250 Татаръ, шедшихъ къ Казани, и что Михайло Черкашенинъ истребилъ еще другой отрядъ Ханскій.

(560) См. Курбскаго.

(561) Въ *Архив. Лът.* 337 на об.: «и какъ пришли подъ Очаковъ, «и тутъ взяли корабль, и Турчанъ и Татаръ побили, а иныхъ поймали «съ вожи, и пришли на Чюлу островъ на море, и тутъ на протокахъ «взяли другой корабль... и пришли на Крымскіе Улусы, на Ярлашъ «островъ, и тутъ многіе верблюжьи стада поймали... и пришли на сидя- «чихъ людей, на Кременчикъ, да на Коршалы, да на Когольникъ, отъ «Перекопи за 15 верстъ, и послали передъ собою К. Θед. Хворостина... «и повоевали, и отошли на Озибекъ островъ», и проч. Тамъ же л. 348 на об.: «Коли Данило съ моря приходилъ на Улусы, тогда у нихъ страхъ «былъ великой отъ Царева и В. К. приходу... и всею землею ко Царю «(Хану) приходили, чтобы ся со Царемъ и В. К. помирилъ, а отъ Днѣпра «Улусомъ нужа великая». Выше, л. 338 на об.: «пошли вверхъ Днѣп- «ромъ... и далъ Богъ и перевозы и пороги прошли... и тутъ прибѣжалъ «къ Данилу отъ Царя (Хана) Θ. Ершовской, а служилъ въ Крыму, а «сказалъ, что Царь ходилъ за Даниломъ Св. недѣлю... и возъярився хо- «четъ нынѣ на Монастырской островъ приходити... и Данило послалъ «про Царя провѣдати Нечая, и наѣхалъ Царевы станы за 15 верстъ, «а Царь на спѣхъ пошелъ прочь».—Вѣсть о томъ получена Государемъ въ Іюлѣ.

(562) Тамъ же: «Руская сабля въ нечестивыхъ тѣхъ жилищехъ кро- «вію очервлена не бывала и по се время, ниже трубѣ прежъ сего гла- «сяши, православно воинство созывающе».

(563) Съ Марта 1559 Царь началъ было готовиться къ большому походу на Крымъ со всѣми знатнѣйшими Воеводами, оставляя Главою Москвы брата, К. Юрія (см. Розряд. Кн., г. 1559).

(564) Въ *Архив. Лът.* 339—346: «Царь Крымскій Нагайскихъ Мурзъ «побилъ въ Крыму, а Юсуфовы дѣти убѣжали въ Нагаи... Прислалъ съ «Дону Постельничей Игнатей Вешняковъ, что шли въ Крымъ Наг. Мурзы, «Арасланови братья... и Игнатей исшелъ ихъ на устьѣ Днѣпра и пой- «малъ... Писалъ (въ Дек. 1559) Ив. Выродковъ изъ Астрахани, что Ис- «маилъ отпустилъ сына своего на Крымъ, и Иванъ съ нимъ отпустилъ «дву Мурзъ Нагайскихъ, а съ ними Астраханскихъ людей... Того же «мѣс. пришли съ Днѣпра Атаманы Черкаскіе, Гаврило Слѣпетцкой, да «Сем. Высоцкой, а оставливалъ ихъ на полѣ Дан. Адашевъ, и привели «Мурзъ Нагайскихъ Кипчашского Улусу... а сказываютъ, приходили «Атаманы послѣ Данила въ осень многажды на Крым. Улусы и на тотъ «Кипчатцкой Улусъ, и взяли женъ и дѣтей, и Мурзы къ нимъ пріѣхали «сами на Государево имя, и увѣряся съ ними, тѣ Атаманы и Казаки «Черкаскіе пришли всѣ на Крым. Улусы... и бой былъ имъ съ Крымцы «великой, и побили... и поймали многіе Улусы, и 7 Мурзъ убили... а «Царю Крымскому рознь великая съ Нагаи, и *голодъ въ Крымѣ великой*». Слѣдующія извѣстія выписываю изъ Синодальнаго Лѣтописца No 270, въ листъ, и съ такими же раскрашенными изображеніями, какъ въ Царственной Книгѣ; онъ идетъ далѣе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ лѣтописцевъ времени Іоаннова: я буду называть его *Продолженіемъ Царственной Книги*. л. 478: «Прислалъ изъ Астороханы Иванъ Выродковъ (въ Мартѣ «1560), что ходили Мырзы къ Крыму воевати и воевали добрѣ Царевы «стада, и Ширинскихъ Князей всѣхъ Улусы повоевали... и Исманлъ къ «Государю прислалъ бити челомъ, чтобы ему на Крымъ изъ Астороханы «помочь была... и Государь отпустилъ Пословъ своихъ къ Исмаилю, и «приказалъ, что на Донъ Козаковъ пошлетъ, а онъ бы промышлялъ надъ «Крымомъ... Прислали Мырзы (въ Апр.) съ Дону, чтобы Государь ве- «лѣлъ имъ кочевати промежъ Дону и Волги, и на Крымъ бы имъ помочь «учинилъ; а Исмаилю они добили челомъ, а ходили, сказываютъ, послѣ

«Исмаилева сына... и пришли къ Перекопи, и въ тѣхъ мѣстѣхъ Улусовъ «не было: были за Перекопью, а иные, Крымскіе и Нагайскіе, забиты «за Днѣпръ на Литовскую сторону; и ходили за Днѣпръ, и нашли Улусы «Нагайскіе и пристали всѣ ко Тортаръ-Мурзѣ съ товарищи, и Крымскіе «Улусы повоевали, и подъ Бѣлгородъ и подъ Очаковъ и по рѣкамъ, по «Бугу и по Ингуломъ... и шли назадъ мимо Перекопь, и вылазка не «была: сидѣли отъ нихъ Крымцы въ осадѣ во всю зиму, и Казаки Го«сударевы съ Дону съ пищалями были съ ними же, и пришли на Донъ. «Отпустилъ Царь (въ Маѣ) на Донъ Чягри-Бердѣя Мырзу, Кепчака «Нагайскаго, а съ нимъ Данила Чюлкова, а съ нимъ Козаковъ многихъ, «а велѣлъ имъ быти съ Мырзами за-одинъ... и ослободилъ имъ во всѣ «свои городы ѣздити торговати».

Не смотря на то, Крымцы еще дѣлали набѣги на Россію. Въ *Архив. Лът.* 337: «Приходили къ Происку» (лѣтомъ въ 1559 г.) «Крымскіе «люди, и Василій Бутурлинъ ихъ побилъ, взялъ языковъ 16 и прислалъ «къ Государю». Въ Розрядн. Книг.: «Были на Коломнѣ (въ 1559 г.) «Воеводы Ив. Петр. Ѳедоровъ, да Вас. Андр. Бутурлинъ, да К. Вас. «Мих. Троекуровъ; и приходили Царевичи, и Воеводы послали Головъ... «и Царевичей побили, и многіе языки поймали, и за послугу къ нимъ «былъ присланъ съ золотыми К. Петръ Холмской». Въ другихъ Розря«дахъ именованъ, вмѣсто Холмскаго, Левъ Андр. Салтыковъ. — Другой набѣгъ былъ на Тульскія мѣста. Въ *Архив. Лът.* 342 на об.: «Пріѣхали «(въ Ноябрѣ 1559) къ Государю въ Можаескъ два Татарина Крымскіе, «а сказывали, что пришолъ изъ Крыму Диви Мурза Нагайской, да съ «нимъ Мурзы Ширинскіе, на Украйну войною, а съ ними 3000 чело«вѣкъ. Того же мѣсяца писалъ съ Тулы Воевода, К. Ѳед. Ив. Татевъ, «что приходилъ Диви Мурза и воевали Ростовскую волость безвѣсно, и «К. Ѳедоръ на нихъ приходилъ и языки поймалъ, а за ними не ходилъ, «что люди къ нему вскорѣ не собралися».

(565) См. *Архив. Лът.* л. 348. Гонецъ отъ Хана пріѣзжалъ въ Генв. 1560.

(566) Въ *Архив. Лът.* 340 и 349: «Пріѣхалъ съ Дону» (въ Сент. 1559) «К. Дм. Ив. Вишневецкой, а съ нимъ Чюракъ Мурза Черкаской, «и билъ челомъ ото всѣхъ Черкасъ, чтобъ ихъ Государь пожаловалъ, «далъ бы имъ Воеводу своего въ Черкасы, и велѣлъ бы ихъ крестити «всѣхъ... Отпустилъ Царь (въ Февр. 1560) въ Черкасы Воеводу своего, «К. Д. Вишневецкаго, а съ нимъ Князей Черкаскихъ, К. Ивана Баа«шика, да К. Василья Сибока съ братьею, и Поповъ Хрестьянскихъ, а «велѣлъ ихъ крестити по ихъ обѣщанью и по челобитью... По челобитью «Кабардинскихъ Князей и по неправдамъ Шавкаловыхъ отпустилъ (Царь) «Воеводу Ив. Семен. Черемисинова съ товарищи на Шевкалъ и на Тю«мень, и съ Иваномъ отпустилъ Попы Хрестьянскіе крестити Кабар«динскихъ Черкасъ».

Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ въ 1582 г., называетъ Черкесъ Христіанами Греческой Вѣры (Moscovia Antonii Possevini, стр. 9).

(567) См. выше, прим. 479.

(568) См. Дѣла Польск. No 5, 113—141.

(569) Арнтъ 248 и Гадебушъ 552, г. 1559.

(570) См. Т. VII, стр. 70.

(571) Арнтъ 248.

(572) Въ *Архив. Лът.* 341—343: «Писалъ изъ Юрьева Воевода К. «Андрей Ивановичь Ростовской, что Маистръ пришолъ (въ Окт.) въ «Юрьевской уѣздъ Сангатцкую мызу, и Царь послалъ Боярина А. Д. «Басманова во Псковъ къ Боярину К. Юрью Ив. Темкину, а велѣлъ

«отпустити изо Пскова Воеводъ Зах. Плещеева, а съ Краснова и съ «Вышегорода Замятню Сабурова, да Ал. Скрябина, и велѣлъ имъ при-«ходити на загонщиковъ и провѣдывати до-полна, коимъ обычаемъ «Маистръ измѣнилъ... Прислали (въ Ноябрѣ) къ Государю въ Можаескъ «Воеводы Зах. Плещеевъ съ товарищи, что они не въ одномъ мѣстѣ «побивали Нѣмецк. людей, а языки сказываютъ, что пришолъ Трегради-«кой Князецъ Мошкалко, а съ нимъ люди Заморскіе, и Маистра и Ар-«цыбискупа дожидатца имъ въ тѣхъ мызахъ... А ити Маистру къ Юрь-«еву и стояти вся зима, и не взявъ Юрьева прочь нейти... и Маистръ «сталъ воевать по ссылкѣ Юрьевскихъ людей... Государь велѣлъ ити К. «Ю. Темкину и А. Басманову изо Пскова къ Юрьеву... и Стрѣльцовъ «многихъ послалъ въ Юрьевъ... Писалъ Зах. Плещеевъ, что приходили «на нихъ Нѣмцы, Трегрaдцкой Князецъ, да ихъ стоптали, и Воеводу «А. Скрябина убили, да Дѣтей Боярскихъ 20 человѣкъ, да 30 Боярскихъ «людей». Въ Архив. *Псков. Лът.*: «Маистръ приходилъ на нашихъ «дважды искрадомъ, побивалъ людей, а иные, пометавъ кони и всякой «запасъ, на лѣсъ убѣгли». Тогда Государь выслалъ изъ Москвы Боль-шихъ Воеводъ противъ Магистра. Далѣе въ *Архив. Лът.*: «Писали Вое-«воды, К. Ю. Темкинъ, да А. Басмановъ, что они пришли въ Изборескъ, «въ Юрьевской уѣздъ, а Захарья съ товарищи не успѣлъ съ ними сой-«тися, и пришолъ Маистръ и Арцыбискупъ со многими людми и убили «70 Сыновъ Боярскихъ, да 1000 Боярскихъ людей, а конъ взяли. Стояли «Воеводы оплошно; подъѣзчиковъ и сторожей у нихъ не было; сошли «ихъ Нѣмцы всѣхъ на стапѣхъ». Сраженіе было при Руинѣ, а Маги-стровъ станъ въ Нюгенѣ.

(573) См. Арнта. Въ *Архив. Лът.*: «Писалъ (въ Дек.) К. Андр. Ив. «Ростовской, что Маистръ отъ Юрьева пошолъ... Изъ города вылазили «Дѣти Боярскіе конные и Стрѣльцы, и убили у Маистра человѣкъ со «сто, а Стрѣльцовъ убили съ 30, да двухъ Сотниковъ, а Дѣти и люди Бояр-«скіе не многіе ранены». Въ Архив. *Псков. Лът.* сія вылазка названа не весьма удачною.

(574) См. Руссова и Гадебуша 554, г. 1559. Въ *Архив. Лът.*: «К. «Андрей изъ Юрьева посылалъ А. Чюлкова съ товарищи за Маистромъ. «и они Нѣм. людей побили на Омовжѣ... да послѣ посылалъ Головъ, К. «Д. Кропоткина да Г. Кавтырева, и они дошли послѣднихъ людей Ма-«истровыхъ, да побили, а живыхъ взяли 37... Еще посылалъ Головъ К. «Глѣба Оболенскаго да Тим. Тетерина, и они дошли послѣднихъ людей... «взяли 24 человѣка, и тѣ всѣ сказывали, что Маистеръ пошолъ къ Лаюсу: «и К. Андрей послалъ Голову Анд. Кошкарова въ Лаюсъ, а съ нимъ «его Стрѣльцы 100. А въ Лаюсѣ были Головы К. Ан. Бабичевъ, да «А. Соловцовъ, и съ ними 100 Сыновъ Боярскихъ, да 200 Стрѣльцовъ». Кошкаровъ принялъ тамъ главное начальство. Далѣе: «М. Генв. пріѣхалъ «ко Царю А. Кошкаровъ... Приходилъ Маистеръ съ великимъ снаря-«домъ... и розбилъ городу 15 саженъ... и приступалъ по два дни тѣмъ «мѣстомъ розбитымъ и къ инымъ... Побили у Маистра многихъ людей и «поймали въ городъ, и доспѣхи, и всякое ратное орудіе многое, и изъ «города изъ наряду розбили у Маистра 2 пушки... И Андрея Государь «за его прямую службу пожаловалъ великимъ жалованьемъ». Кетлеръ оставилъ тяжелыя пушки въ Феллинѣ. См. Арнта.

(575) Дѣла Польск. No 5, стр. 113—141. Володковичъ пріѣхалъ въ Москву 22 Генв. 1560. Бояре показали ему Ливонскую договорную гра-моту о дани: онъ съ удивленіемъ сказалъ, что это ни ему, ни Панамъ Королевскимъ не было извѣстно.

(576) См. тамъ же. стр. 141—183. Съ отвѣтомъ Государевымъ посылали къ Королю Никиту Сущова. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 11 Іюля, а 15 пріѣхалъ отъ Августа Дворянинъ Станиславовичъ съ грамотою отъ 15 Іюня, въ коей онъ жалуется на взятіе въ плѣнъ стараго Магистра Фирстенберга; но Россіяне взяли Феллинъ и Фирстенберга уже въ концѣ Августа.

(577) Въ *Продолж. Царствен. Кн.* (см. выше примѣч. 564): «Того «же мѣс. (Февр.) пріѣхалъ гонецъ отъ Цысоря Римского, и наивышшаго «Короля Фердунандуса, Ериномъ, съ грамотою... И Царь и В. К. гонца «Цысарева отпустилъ почтивъ, а къ Цысарю съ нимъ грамоты послалъ, «объявляя свое Государьство, что ему Богъ далъ, и похочетъ Цысарь «быти въ любви и въ братствѣ... и онъ бы прислалъ своихъ Великихъ «Пословъ отъ Совѣтниковъ своихъ, и тогды о всѣхъ дѣлѣхъ договоръ «учинятъ». Грамота Фердинандова, отъ 19 Окт. 1558, находится въ Ватиканскихъ выпискахъ Аббата Альбертранди. Объяснивъ связь Ордена съ Имперіею и необходимость вступиться за Ливонію, разоряемую нашимъ войскомъ, Фердинандъ убѣждаетъ Іоанна (Serenitatem Vestram benevole hortamur et requirimus) прекратить непріятельскія дѣйствія, возвратить завоеванныя имъ мѣста (et quidquid locorum, terrarum, et subditorum illis ademit, integre restituat), кончить ссору дружелюбнымъ разборомъ, и проч.

(578) Въ *Продолж. Цар. Кн.* л. 472: «Посылалъ изъ Юрьева Боя«ринъ К. Ан. Ив. Кафтыревъ (Ростовскій) Вас. Розладина и иныхъ «Головъ къ Тарвасу (въ Генв. или Февр.), а тамъ былъ старой Маистръ «Велимъ... и воевалъ (Розладинъ) 3 дни... Посылалъ К. Анд же К. Глѣба «Оболенского Вильянскихъ мѣстъ воевати, и К. Глѣбъ воевалъ за 10 «верстъ отъ Вильяна; а какъ пошелъ прочь, и Нѣмцы его угонили и «билися... и у Нѣмецъ многыхъ убили». Главные Воеводы прислали къ Государю въ Февр. Князей Барбашина и Шевырева съ вѣстію о завоеваніи Маріенбурга. Іоаннъ послалъ къ нимъ медали съ К. Палецкимъ. См. тамъ же, л. 473—476, и Курбскаго.

(579) См. выше, и Арнта 250.

(580) См. Архив. *Псков. Лът.*

(581) См. Курбскаго.

(582) См. Арнта 253 и Курбскаго.

(583) См. Курбск. Онъ пишетъ, что къ нему присоединилось тогда 2000 охотниковъ.

(584) Въ *Архив. Лът.*: «Февр. 26 (въ 1555 г.) родися Царю и В. К. «дщерь, Царевна Евдокія... Крестилъ ее у Чюда Архистр. Михаила, а «принялъ отъ купѣли Макарій Митрополитъ. — Маіа 11 (1557) родися «сынъ Царю, Ѳеодоръ, на четвертомъ часу дни и крещенъ въ обители «Чюда, у Чюдотворца Алексія: а принялъ его отъ купѣли Митроп. Ма«карій.—Преставися (въ Іюнѣ 1558) дщи Царя Евдокія, и того же дни «ее схоронили въ монастырѣ у Вознесенья».

(585) Анастасія занемогла въ первый разъ въ Ноябрѣ 1559, когда Іоаннъ былъ съ нею въ Можайскѣ. Въ *Продолж. Цар. Кн.* л. 454 на об.: «Государь хотѣлъ ѣхати вскорѣ къ Москвѣ, да не возможно было ни «верхомъ, ни въ санехъ: безпута была кромѣ обычая на много время; «а се грѣхъ ради нашихъ Царица недомогла».

(586) Тамъ же, л. 486: «17 Іюля на семомъ часу дни загорѣлося на «Арбатѣ у Ризъ Положенія Князя Ѳедоровской дворъ *Пожарского*»— (здѣсь, кажется, въ первый разъ упоминается о Князьяхъ *Пожарскихъ*)— «и погорѣ много множество храмовъ и дворовъ отъ Успленского врага «подлѣ полое мѣсто до дровенего двора и берегъ весь до Климентія Св.

«въ Черторьѣ и по Семчинское сельцо по Пречистую на Могилицахъ, и «Арбатъ весь и за Арбатъ по Новинской монастырь; а Царица и В. К. «Анастасія въ то время бысть больна, и Царь и В. К. Великую Княг. «отпровадилъ во свое село Коломенское съ великою нужею, зане же «болѣзнь ее бысть велика зѣло: и пріѣхалъ на пожаръ, и великъ подвигъ «учинилъ со К. Владимір. Андреев. и съ Бояры о унятіи пожара... а у «Леонтіа Св. на Успленскомъ врагу ставъ встрѣчю огню... и тако въ «той ночи досталь посаду сохранена бысть. Іюля въ 19 на 5 часу дни «загорѣлося на Большомъ посадѣ въ Ромодановской слободѣ, и погорѣ «дворовъ съ 20. Того же дни на осьмомъ часу загорѣся за Неглинною «по Дмитровской улицѣ... и погорѣ много множество, и едва Царь съ «дворомъ своимъ угасише огнь...»

«Авг. въ 7, въ пятый часъ дни, преставися Царица и В. Княгиня «Анастасія... Та бысть *первая* Царица Руская *Московского Государь-ства*», и проч.

(587) Тамъ же, л. 490: «Всѣ нищіи и убозіи со всего града пріидоша на погребеніе не для милостыни», и проч.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЫПИСКА ИЗЪ ЛѢТОПИСЕЙ СЕГО ВРЕМЕНИ:

Въ 1553 г. основанъ городъ въ Мещерѣ, въ Шацкихъ воротахъ, на рѣкѣ Шатѣ, К. Дм. Сем. Шестуновымъ. — Въ 1554, 11 Марта, поставленъ на Крутицу Владыка, Новоспасскій Архим. Нифонтъ, а на Рязань Гурій, Игуменъ Троицкій. На полѣ, противъ Тулы, сдѣланъ городъ Дедиловъ К. Дм. Жижемскимъ. 23 Мая Новогородцы присягали Царю. Іюня 22 въ Новѣг. заложили церковь надъ гробомъ блаженнаго Николы Кочанова. Въ Сент. ѣздилъ Царь къ Троицѣ. «Повелѣ Государь воздвигнути «церковь Покровъ съ придѣлы надо рвомъ у града близъ Фроловскихъ «воротъ; а прежъ сего на тѣхъ мѣстѣхъ бывали церкви; и Сент. 30, въ «Недѣлю, Макарій Митр. Вечерню пѣлъ въ новопоставленномъ храмѣ «(и бѣ ту Государь и братъ его, К. Юрій Вас.), и Окт. 1 свяща ту цер«ковь... Окт. 7 священа церковь Николы Гостунского Макар. Митропо«литомъ. Окт. 8 выѣхалъ Государь въ село свое Черкизово, и въ Клин«скіе лѣса, и на Волокъ, и въ Можаескъ, и въ Княже Володимірово «село Городенъ, и К. Владиміръ Андр. его встрѣтилъ, и Государь жало«валъ его, хлѣба ѣлъ и пироваль; а оттолѣ въ свое село Денисьево и «въ Крылатцкое, и тамъ велѣлъ церковь свящати. Окт. 20 съ 1 часу «ночи до 5 было (въ Новѣг.) на небеси знамя: огнь ходилъ аки молонья, «и жгло небо; а ходило полосами, и бѣлыми и красными, и расходилось «и сшибалось вмѣстѣ аки люди. Женилъ Государь (въ Ноябрѣ) К. Ив. «Дм. Бѣльского: далъ за него сестричну свою, Царевичеву Петрову «внуку, дщерь К. Вас. Васильев. Шуйского; а выдавалъ ее съ своего «Двора. Пріидоша (въ Дек.) Старцы отъ горы Аѳонскія изъ Хиландаря «монастыря Сербского, и били челомъ, чтобы ихъ Государь взялъ во «Царьское свое имя: а мы выкупаемъ Вѣру Крестьянскую у Салтановъ, «а соль не имѣомъ, но сами дѣлаемъ виногради и землю копаемъ; и «Государь ихъ взялъ во свое имя, и строеніе церковное посылаетъ. «Генв. 1 (1555) давали Дьяки по монастыремъ (въ Новѣг.) Татаръ, ко«торые сидѣли въ тюрмѣхъ и захотѣли креститись; а которые не захо«тѣли, ино ихъ мстали въ воду... Того жъ мѣсяца пришли Послы отъ «Волошского Воеводы Александра, Степанъ Перкалабъ Романовской, «да Микула Перколабъ Сорокичь, бити челомъ, чтобъ Государь помогъ, «чѣмъ окупитися отъ Турского, и Государь Пословъ отпустилъ по прежнимъ обычаемъ... По всѣмъ монастыремъ Новгородскимъ збирали деньги

«на Владыку Казанского, да и книги пѣвчи. Да бысть сѣмя огуречное «дорого, гривенка 20 алтынъ, а блюдечко по гривнѣ Новгородская; и «мосты мостили по всѣмъ дорогамъ Великого Князя; да опальныхъ лю«дей и Псковичь свели въ Казань 10 семей; да и бумага дорога была, «листъ полденги пищей... Сгорѣло (въ Новѣг.) 15 улицъ, а дворовъ 1500... «Старци Святогорского монастыря ѣздили по всѣмъ монастыремъ, про«шали милостыни, а съ ними Сынъ Боярской Московской; а Царь и «В. К. прислалъ по монастыремъ милостыню и кормъ. — Марта 17 по«ставленъ въ Смоленскъ Владыка, Кириловской Игуменъ Симеонъ, а «Гурей оставилъ Епископство за немощью и сниде въ монастырь... Апр. 28 «женилъ Царь и В. К. брата своего, К. Владим. Андреев., взялъ за «него дщерь Княжъ Романову Одоевского, Евдокію... Пришли Священ«ники съ Вятки бити челомъ Государю, что на Вяткѣ образъ Николы «Великорѣцкаго чюдеса творитъ, да отъ многа лѣтъ не подѣлываны, и «Государь велѣлъ имъ съ образомъ въ судѣхъ быти, и шолъ образъ Вят«кою и Камою, да Волгою и Окою, а съ Коломны Москвою, и прине«сенъ бысть Іюня 29, и Государь велѣлъ брату своему, К. Юрью Вас., «встрѣтити у Николы на Угрѣшѣ у судна на рѣкѣ Москвѣ, а на Сима«навѣ встрѣтилъ самъ Царь, а Владыки у Яузкого мосту, а Митропо«литъ у Фроловскихъ воротъ, и поставиша въ Соборной церкви, и много «исцѣленія быша по вся дни. И обновляя образъ самъ Мытрополитъ «(бѣ бо иконному писанью наученъ), а съ нимъ Андрей Протопопъ Бла«говѣщенской... и много образовъ съ него пишуще мѣрою и подобіемъ; «и Государь велѣлъ заложить церьковь каменну Покровъ о девяти вер«хахъ, которой былъ преже древянъ, о Казанскомъ взятьѣ у Фролов«скихъ воротъ надо рвомъ придѣлъ той же церкви Живонач. Троицы «Николу Чудотворца Вятцкаво; а прежъ того за два года заложена едина «Троица, и Государь велѣлъ прибавить къ той же церкви Покровъ Бо«гоматери и придѣлы, и поставити церковь древяну Св. Николы Вятц«ково, и съ его образа такой же написати въ новый храмъ Покрова, и «свяща ю Митрополитъ Іюля въ 29; и чюдотворнымъ образомъ исцѣле«нія многа быша. — М. Марта (1556) явилася звѣзда копѣйнымъ обра«зомъ съ теплаго вѣтра межъ Полудни и Запада, и днію и ночію хож«даше къ Востоку, и не много поступаше къ Сѣверу весь Мартъ. Тогоже «лѣта Госпожина дни заговѣнья бысть знаменіе (во Псковѣ) того мѣста, «гдѣ звѣзда была на небеси, явися яко змій образомъ безъ главы стояше, «станъ не далече отъ земли на небеси, и зрящимъ людемъ, ино яко хо«ботъ хвостъ збираше, и бысть яко бочка, и спаде на землю огнемъ, и «бысть яко дымъ по земли, и подня ю, а стояше съ часъ. Авг. 3 от«пущенъ изъ Москвы образъ Николы на Вятку, украшенъ златомъ и «жемчюгомъ; и Царь и Царица проводили до Пречистые до Ямъ, и «тутъ обѣдню слушали; а К. Юрьи Васильев. провожалъ образъ до Ро«стокина, и отпущенъ образъ на Устюгъ. Васильгородъ переставленъ на «гору. Позлащенъ верхъ у Троицы Сергія. Сент. 1 выѣхалъ Царь съ «Царицею и съ сыномъ, и братъ его К. Юрьи Вас. ко Троицѣ, и от«туду въ Переславль къ Никитѣ Чюдотворцу, и повелѣ Игумену общину «содѣлати; и велій монастырь соградиша, и пріѣхали къ Москвѣ 29. «Пришелъ отъ Патріарха Діонисія изъ Царяграда Митрополитъ Іоасафъ «Кизитцкой, а привезъ къ Государю мощи Георгія Мученика, да Пан«телеймона, да Варнавы Апостола, и Патріархъ билъ челомъ для нужи «о милостынѣ, и уложилъ соборнѣ молити Бога о Царѣ. 1 Ноября свя«щена церковь Ивана Лѣствичника, да придѣлъ Евдокіи у Чюда Ми«хаила Арханг. на заднихъ воротѣхъ строенья Царьского; а былъ тутъ «самъ Царь и Царица. 1 Дек. поставленъ городъ въ Галичѣ Ив. Выход-

«ковымъ. — Отпущенъ (въ Генв. 1557) Митропол. Греческой, а съ нимъ «Государь послалъ къ Патріарху соболей на 2000 золотыхъ, а въ Хи«ландарь монастырь многую милостыню, да катопетазму шиту, на ней «образъ І. Х. и Богоматери, также утварь съ жемчюгомъ и яхонты; и «пѣлъ тогда Государь молебенъ въ Пречистой, и Митрополитъ Греческой «облачался по-Гречески и Священики Сербскіе; и Митроп. Макарій «обѣдню служилъ съ Руск. Соборы; и къ Митрополиту послалъ Царь «съ грамотою Ивашка Волохова, а въ Св. Гору бывшаго Архиманд. «Евфимьева монастыря, Ѳеодорита. Почаша писцы (см. Архив. *Псков. «Лѣт.*) писати городъ Псковъ и пригороды, и земли мѣрити, и оброки «велики на оброчныя воды и пожни и на мельницы наложиша. Бысть «гладъ по всей землѣ, а больше въ Заволожьѣ; во время жатвы дожди «были великіе, а за Волгою морозъ хлѣбъ побилъ, и люди помроша; а «зима студена, и снѣги паче мѣры. Окт. 28 Игуменъ Спаской Маркелъ «Хутынскаго монастыря, оставя Игуменство, жилъ въ Антоновѣ мона«стырѣ, да сотворилъ житіе Никитѣ, Епископу Новгородскому, и Ка«нунъ, да поѣхалъ къ Москвѣ. — Пришли за милостынею (въ 1558 г.) «отъ Патріарха Іоакима изъ Александреи старцы съ грамотою, а пи«салъ Патріархъ похваляя Государя»... Слѣдуетъ многорѣчивое письмо и отвѣтъ Царя. «Апр. въ 30 обрѣтоша мощи Епископа Св. Никиты «цѣлы... и послаша къ Москвѣ. — Іюня въ 24 поѣхалъ къ Москвѣ (изъ «Новагорода) Архидіаконъ Генадей, а ѣхати ему ко Царюграду и въ «Іерусалимъ, и во Св. Гору и во Египетъ по монастыремъ съ милосты«нею Царскою, и обычаи во странахъ тѣхъ писати ему. Іюля 26 Архим. «Юрьевской повезъ въ Москву шапку Іоанна Златоустаго Лисья мона«стыря, да ризы Никиты Чудотворца, Еписк. Новог. Въ Февр. (1559) «родися сынъ у К. Юрья Васильев. Московского, Углецково и Калуж«сково, К. Василей Юрьев.; а крестили у Чюда Архистр. Михаила; а «принялъ отъ купѣли Митроп.; а на крещеньи былъ Государь и К. Влад. «Андреевичь. Въ Сент. потолъ Государь въ монастырь къ Троицѣ и по «селомъ. Окт. 1 священы предѣлы въ новомъ городѣ у Фролов. воротъ. «что ставлены о Казан. взятіи и Астраханскомъ, Живон. Троица, да «Входъ во Іерусалимъ, да Никола Великорѣцкой, Кипреянъ и Устина. «Варламъ Хутынскій, Александръ Свирскій, Григорей Еписк. Армен«скій. — Александръ, Иванъ и Павелъ, новые Патріархи Царсградцкіе: «а были тутъ Царь, Царица и Царевичи... а большая церковь средняя, «Покровъ, тогда не совершена. Ходилъ (въ Окт.) Государь въ Можаескъ «къ Николѣ молитися и со Царицею и со Царевичи, и въ иные мона«стыри и въ села *прохладитися*. — Февр. 20 (1560) преставился К. Ва«силей Юрьевичь, Княжъ Юрьевъ сынъ Васильевича, году безъ дву не«дѣль, и о семъ Государю скорбь бысть не мала. Тое же ночи родилася «К. Володимеру Андреев. дщерь Евдокія отъ его Княг. Евдокіи, и Царь, «а съ нимъ сынъ его, Царевичь Иванъ, да Царь Александръ Казанской «и многіе Бояре на завтрее того у К. Володимера Андр. на его радость «были и овощи кушали».

Конецъ Примѣчаній VIII Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ VIII.

ГЛАВА I.

Великій Князь и Царь Іоаннъ IV Васильевичъ II.

Г. 1533—1538.

стр.

Безпокойство Россіянъ о малолѣтствѣ Іоанна. Составъ Государственной Думы. Главные Вельможи, Глинскій и Телепневъ. Присяга Іоанну. Заключеніе Князя Юрія Іоанновича. Общій страхъ. Измѣна К. Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго. Заключеніе и смерть Мих. Глинскаго. Смерть Князя Юрія. Бѣгство, умыселъ и заключеніе К. Андрея Іоанновича. Казнь Бояръ и Дѣтей Боярскихъ. Смерть К. Андрея. Дѣла внѣшнія. Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею. Молдавія. Посланникъ Гурецкій. Астрахань. Дѣла Ногайскія. Посольство къ Карлу V. Присяга Казанцевъ. Гордый отвѣтъ Сигизмундовъ. Нападеніе Крымцевъ. Война съ Литвою. Исламъ господствуетъ въ Таврідѣ. Строеніе крѣпостей въ Литвѣ. Набѣгъ Крымцевъ. Литовцы берутъ Гомель и Стародубъ. Мятежъ Казани. Шигъ-Алей въ милости. Война съ Казанью. Побѣда надъ Литвою. Крѣпости на Литовской границѣ. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Ислама. Угрозы Саипъ-Гирея. Строеніе Китая-Города и новыхъ крѣпостей. Перемѣна въ цѣнѣ монеты. Общая нелюбовь къ Еленѣ. Кончина Правительницы . 3

ГЛАВА II.

Продолженіе Государствованія Іоанна IV.

Г. 1538—1547.

Паденіе и смерть К. Телепнева Господство К. Василія Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго. Смута Боярская. К. Иванъ Бѣльскій снова заключенъ. Смерть К. Василія Шуйскаго. Господство его брата. Сверженіе Митрополита: избраніе Іоасафа. Характеръ К. Ивана Шуйскаго

СТР.

и грабежи внутри Государства. Набѣги внѣшнихъ непріятелей. Посольства въ Царьградъ, въ Стокгольмъ. Договоръ съ Ганзою. Союзъ съ Астраханью. Посольства Ногайскія. Заговоръ противъ Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и власть его. Прощеніе К. Владиміра Андреевича и его матери. Облегчаютъ судьбу К. Димитрія Углицкаго. Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго. Впаденіе Царя Казанскаго. Нашествіе Хана Крымскаго. Великодушіе народа и войска. Бѣгство непріятеля. Смута Бояръ: паденіе К. Ивана Бѣльскаго. Ссылка Митрополита. Новое господство К. Ивана Шуйскаго. Посвященіе Макарія. Перемиріе съ Литвою. Набѣги Крымцевъ, Ногаевъ. Дѣла Казанскія. Сношенія съ Астраханью, съ Молдавіею. Перемѣна въ Правленіи. Наглость Шуйскихъ. Худое воспитаніе Іоанна. Заговоръ противъ главныхъ Вельможъ. Паденіе Шуйскихъ. Власть Глинскихъ. Жестокость Правленія. Доброе согласіе съ Литвою. Рать на Казань. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани и бѣжитъ оттуда. Походъ къ устью Свіяги. Путешествія Великаго Князя и неудовольствія народа 29

ГЛАВА III.

Продолженіе Государствованія Іоанна IV.

Г. 1546—1552.

Царское вѣнчаніе Іоанна. Бракъ Государевъ. Добродѣтели Анастасіи. Пороки Іоанновы и худое Правленіе. Пожары въ Москвѣ. Бунтъ черни. Чудное исправленіе Іоанна. Сильвестръ и Адашевъ. Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Перемѣна Двора и властей. Кротость Правленія. Судебникъ. Обузданіе Мѣстничества. Стоглавъ. Уставныя грамоты. Избраніе Присяжныхъ. Учрежденія Церковныя. Намѣреніе просвѣтить Россію. Воинскія дѣянія. Походъ на Казань. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Царя Казанскаго. Походъ на Казань. Избраніе мѣста для новой крѣпости. Впаденіе Ногаевъ. Основаніе Свіяжска. Покореніе Горной Стороны. Ужасъ Казанцевъ. Мирныя условія съ ними. Сююнбека. Новое воцареніе Шигъ-Алея. Освобожденіе плѣнниковъ. Невѣрность Казанцевъ и жестокость ихъ Царя. Переговоры съ Алеемъ. Царь оставляетъ Казань. Послѣдняя измѣна Казанцевъ . . . 55

ГЛАВА IV.

Продолженіе Государствованія Іоаннова.

Г. 1552.

Приготовленія къ походу Казанскому. Отношенія Россіи къ Западнымъ Державамъ. Освобожденіе старца К. Булгакова. Строеніе новыхъ крѣпостей. Начало Донскихъ Козаковъ. По-

стр.

вый Ханъ въ Таврид. Дѣла Астраханскія. Болѣзнь въ Свіяжскѣ. Едигеръ Царь въ Казани. Посланіе Митрополита къ Свіяжскому войску. Совѣтъ о Казани. Выѣздъ Государевъ. Нашествіе Хана Крымскаго. Приступъ къ Тулѣ. Бѣгство Хана. Наши трофеи. Ропотъ въ войскѣ. Походъ. Осада. Первая битва. Буря. Ставятъ туры. Сильная вылазка. Дѣйствіе бойницъ. Наѣздникъ Князь Япанча. Утомленіе войска. Раздѣленіе полковъ. Истребленіе Япанчина войска. Ожесточеніе Казанцевъ. Взорваніе тайника. Уныніе Казанцевъ. Дѣятельность Іоаннова. Взятіе острога и города Арскаго. Нападеніе Луговой Черемисы. Мнимыя чародѣйства. Построеніе высокой башни. Предложенія Казанцамъ. Кровопролитное дѣло. Взорваніе тарасъ. Занятіе Арской башни. Послѣднее предложеніе Казанцамъ. Устроеніе войска для приступа. Взорваніе подкоповъ и приступъ. Геройство съ обѣихъ сторонъ. Корыстолюбіе многихъ воиновъ. Великодушіе Іоанна и Бояръ. Доблесть К. Курбскаго. Взятіе Казани. Водруженіе креста у воротъ Царскихъ. Въѣздъ Государевъ въ Казань. Освобожденіе Россійскихъ плѣнниковъ. Рѣчь Іоанна къ войску. Пиръ въ станѣ. Подданство Арской области и Луговой Черемисы. Торжественное вступленіе въ Казань. Зрѣлище Казани. Учрежденіе Правительства. Совѣтъ Вельможъ. Возвратный путь Государя въ Москву. Рожденіе Царевича. Встрѣча Іоанну. Рѣчь Государева къ Духовенству. Отвѣтъ Митрополитовъ. Пиръ во дворцѣ и дары Іоанновы 85

ГЛАВА V.

Продолженіе Государствованія Іоаннова.

Г. 1552—1560.

Крещеніе Царевича Димитрія и двухъ Царей Казанскихъ. Язва. Мятежи въ землѣ Казанской. Болѣзнь Царя. Путешествіе Іоанново въ Кириловъ монастырь. Смерть Царевича. Важная бесѣда Іоаннова съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ. Рожденіе Царевича Іоанна. Бѣгство Князя Ростовскаго. Ересь. Усмиреніе мятежей въ Казанской землѣ. Учрежденіе Епархіи Казанской. Покореніе Царства Астраханскаго. Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское. Подданство Черкесовъ. Дружба съ Ногаями. Дань Сибирская. Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію. Посолъ въ Англію. Дѣла Крымскія. Письмо Солиманово. Впаденіе Крымцевъ. Война Шведская. Сношенія съ Литвою. Нападеніе Дьяка Ржевскаго на Исламъ-Кирмень. Князь Вишневецкій вступаетъ въ службу къ Царю и беретъ Хортицу. Завоеваніе Темрюка и Тамана. Моръ въ Ногайскихъ и Крымскихъ Улусахъ. Усердіе Вишневецкаго. Предложеніе союза Литвѣ. Дѣла Ливонскія. Важный замыселъ, приписываемый Іоанну. Состояніе Ливоніи. Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска. Начало войны Ливонской. Взятіе Нарвы. Завоеваніе Нейшлоса, Адежа, Нейгауза. Великодушіе Дерпт-

стр.

скаго Бургомистра. Бѣгство Магистра. Новый Глава Ордена. Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ. Кетлеръ беретъ Рингенъ. Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію. За Ливонію ходатайствуютъ Короли Польскій, Шведскій, Датскій. Іоаннъ даетъ перемиріе Ливоніи. Нашествіе Крымцевъ. Впаденіе Россіянъ въ Тавриду. Союзъ Ливоніи съ Августомъ. Магистръ нарушаетъ перемиріе. Славная защита Лаиса. Угрозы Августовы. Гонецъ отъ Императора. Новое разореніе Ливоніи. Взятіе Маріенбурга. Побѣды К. Курбскаго. Кончина Царицы Анастасіи 125

40,-

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA
098290

Biblioteka WSP Kielce
0258795